

Виктор Герасимов

«...МЫ БЫЛИ ПЕРСТОМ БОЖЬИМ»

Документальная повесть

«...МЫ БЫЛИ ПЕРСТОМ БОЖЬИМ»

Виктор Герасимов

Вся правда о ликвидации киевской милицейской банды,
названной прессой «банда Оборотней»

Виктор Герасимов

«...МЫ БЫЛИ ПЕРСТОМ БОЖЬИМ»

Вся правда о ликвидации киевской милицейской банды, названной журналистами «банда Обратней»

Документальная повесть

Киев-2012

Светлой памяти моей мамы,
Герасимовой Лидии Петровны,
посвящаю.

«Ни Гай Кесарь Калигула, ни Мессалина уже не заинтересовали Маргариту, как не заинтересовали ни один из королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравительниц, висельников и сводниц, тюремщиков и шулеров, палачей, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растлителей».

М.А.Булгаков. «Мастер и Маргарита»

УДК 821.161.1(477)-31-94

ББК 84(4Укр=Рос)6-44

Г37

Документальная повесть об обстоятельствах ликвидации милицейской банды, названной журналистами «банда Оборотней».

Герасимов В.П.

Г37 «...Мы были перстом Божьим» — К.: «Золоті Ворота», 2012. - 752 с.

© Герасимов В.П., 2012

© ЧП «Золотые Ворота», 2012

ISBN 978-966-2246-09-4

Предисловие

Идея написать документальную повесть об обстоятельствах ликвидации милицейской банды, больше десяти лет безнаказанно забиравшей жизни киевлян и окрещенной газетчиками «банда Оборотней», у меня зрела несколько лет.

Возникла она именно в тот момент, когда наделавшие много шума репортерские публикации в прессе о загубленных бандитами с милицейскими удостоверениями тринадцати человеческих жизней понемногу сошли на нет. А их место заняли опусы из странного коктейля домыслов, которые не имели под собой никаких оснований,

«Сенсаций», что граничили с откровенным, ничем и никак не объясняемым идиотизмом в букете с примитивными спекуляциями, которые фальшивой судорогой будоражили воспаленное воображение такого ранимого и беззащитного обывателя.

Я отдаю себе отчет в том, что моя повесть будет воспринята, мягко говоря, неоднозначно.

Ну хотя бы потому, что выходит она уже после того, как всю страну ошарашила реальность существования банды серийных убийц-милиционеров, и не где-нибудь, «...так не в нашем районе»¹, а в столице, в Киеве.

Сам этот факт,

По образу привокзальной шлюхи давно и сколько надо раз был «отпользован» всеми, кто имел в этом ну хоть какую-нибудь нужду.

Сидящие в следственном изоляторе бандиты помимо своего желания поднимали проворному пользователю вечно такой неустойчивый и всегда падающий электоральный рейтинг,

Беспроигрышно формировали небесполезный, в особенности в смутное время повсеместного сколачивания первичного капитала образ сурово смотрящего с телеэкрана бескомпромиссного борца.

А еще,

На чей-то совсем невзрачный и очень худой конец,

Были именно тем служебным поводом,

Что позволил никоим образом не причастным к изобличению банды, но при этом всегда остро нуждающимся в ре-

¹ Из к/ф «Кавказская пленница», реж. Л. Гайдай.

гулярном пополнении на всех сторонах своего милицейского мундирчика не только «крестиков и ноликов», но и очередных, «рождественских» погон,

Себя в этом завораживающем процессе никак не сдерживать.

Вот именно их,

Всех, упомянутых мною выше,

Ожидающих от меня традиционной оды о нелегкой службе героев-правоохранителей,

О бессонных ночах в засадах, погонях и периодических непродолжительных перестрелках,

Без всякого сомнения,

После выхода в свет этой повести как своих «преданных фанатов» я потерял безвозвратно.

И меня совсем не удивит, что в связи с устоявшимися традициями территории, на которой мы проживаем, они меня вдруг возьмут да и объявят. А желающих «громко объявить» всегда найдется некоторое количество –

Тем более что «их есть» у меня –

Ну, как минимум,

Злым, тупым и беззубым «серым волком».

Ну и на здоровье.

Главное, чтобы эти господа, которым по их естеству не дано знать, что такое геморрой, натягивая утром брюки, хотя бы иногда вспоминали, для чего придумана ширинка.

На резонный же вопрос остальных моих читателей:

«А почему этот «легалый», вместо того, чтобы заниматься своей прямой обязанностью – раскрытием преступлений, разоблачением и поимкой преступников и, наконец, наполнением исправительных учреждений – взялся за заповедную печатную продукцию?»

И почему,

Забыв о профессиональной солидарности, он пишет не о подвиге правоохранителей с присущем в таких случаях акценте на «нашем чувстве долга»¹, а о душегубах в милицейских погонах? О бездарности и бесхребетности правоохранительной системы? Об исковерканных человеческих судьбах и неприкажанных, безвинно загубленных душах?»

В чем причина?

В самом-самом своем начале своей повести я отвечу искренне.

¹ Из песни к х/ф «Следствие ведут ЗнаТоКи».

Причем, без позерства и кокетства.

Теперь я точно знаю,

Что когда-нибудь у всех без исключения возникает непреодолимое желание говорить правду, и только правду.

Хотя, чего греха таить, проявляться оно начинает обычно в компании умеющего слушать, но обязательно малознакомого собутыльника.

Причем, как правило, где-нибудь в незнакомом городе, куда обычно мужчину в сорок лет заносит дальняя и продолжительная командировка.

Да еще в самый момент начала провала куда-то в nirвану все еще оставивших тебя и твоего уходящего в себя, а от этого со стороны производящего впечатление особенно заинтересованного рассказом шапочно знакомого собеседника, его внутренних, жизненных сил.

В нашем же с вами случае ни выпивать вместе, ни ехать никуда долго не нужно.

Правда, и только правда.

Правда из первых рук.

В конечном итоге, что может быть увлекательнее?

В особенности, после того как уже давно остыл горячий воздух в когда-то для пущей важности надутых огромных шарообразных красных щеках политиков, самозванцев и разношерстных начальников разных рангов.

Теперь — о моих действующих лицах.

Так случилось, что почти вся моя работа в милиции, что на сухом языке милицейской аттестации звучит как «прохождение службы в оперативных подразделениях», была связана с ликвидацией банды душегубов, большинство которых, как и я, носили милицейскую форму.

И даже по прошествии времени находящиеся на слуху фамилии «коллег-людоедов» все еще не преданы забвению. И прятать их за псевдонимами нет никакого смысла.

Да и повесть тогда утратит часть своей документальности.

Другое дело — все остальные, второстепенные мои герои.

Положительные, отрицательные — всякие,

Что были совсем близко к ликвидации милицейской банды или те, кто лично избавил от нее Киев,

Не делавшие ничего для этого и вообще не желающие выполнять свою работу. Хорошо или плохо имитировавшие какое-то там свое личное во всем произошедшем участие или по привычке все и всех предававшие.

А еще те, кто уныло тянул свою милицейскую ляжку.

Вот тут я воспользуюсь своим правом автора и пушу в повесть только тех, без кого не произошли бы все эти события.

Без кого она утратит всякий читательский смысл.

Остальных же ее реальных персонажей, настоящие имена которых я давно, с той самой, известной каждому брезгливостью забросил в дальний угол своей памяти,

Даже для еще большего, дополнительного эффекта документальности оттуда извлекать не хочу.

Без каких-либо колебаний,

Я выброшу их из изложения произошедших событий. Оставив в своей повести только их взрачные, а в основном, как правило, невзрачные фигуры.

И лишь опишу их дела и поступки,

Разбираться в причинах которых у меня нет не только никакого желания —

Мне нет до них никакого дела.

В конце концов, кого может заинтересовать, что именно употребила в пищу эта вечно с самого раннего утра твякающая собачка вашей соседки, когда вы избавляетесь от ее фекалий, прилипших к подошве своего еще секунду назад начищенного до блеска ботинка?

Невзирая на стойкий запах, что далек от аромата ландышей,

И не обращая никакого внимания на ощущение возникшей досады и брезгливости.

Остается только тщательно очистить обувь, чтобы продолжить вот так, «по-особому» начавшийся день.

Есть у меня и еще одна,

Пожалуй, самая для меня важная, и, если хотите, во много раз важнее, чем вся моя вместе взятая правда, причина сесть за письменный стол.

И прежде всего о ней — моя документальная повесть.

А теперь,

По канонам детективного жанра,

На четвертой странице моей повести должен обязательно неожиданно возникнуть криминальный труп.

Причем, желательно с пулевым отверстием в области головы.

С ножом в спине.

Или, как в случае с почерком милицейской банды, с веревкой на шее.

Отдавая все бонусы корифеям детективного жанра, в основной своей бодрой массе ни дня не работавших в силовых

структурах и раскрывающих свой гений в тиши уютных кабинетов, позволю себе отойти от догмы.

Тем более, сейчас,

Когда я твердо и искренне убежден, что еще задолго до той минуты, когда разоблаченные бандиты от милиции выслушали последнюю фразу из своего приговора,

Задолго до начала самой ликвидации банды,

Этих многих месяцев оперативной разработки, следствия и суда над ее участниками,

Произошли события, которые в конечном итоге и привели бандитов к заслуженному наказанию.

С них,

С этих событий,

Я и хочу начать свой рассказ.

Разумеется, оставив вам, мой читатель, право сделать тот самый,

Окончательный,

Не подлежащий больше никакому обсуждению, сомнению и обжалованию,

Самый, самый, самый,

Правильный и бесспорный,

Исключительно свой вывод.

ЧАСТЬ 1

TEMPORA¹ ВРЕМЕНА

¹ «Времена». — лат.

Глава 1

*Если хочешь быть красивым,
Поступи в гусары.*

Козьма Прутков

29 апреля 2008 года.

Этот ничем не выделяющийся для большинства людей, населяющих территорию в центре Европы с названием Украина, день стал последним моим днем службы в ее, украинской, милиции.

Последним днем в моей теперь уже прошлой, другой жизни,

Что прошла, словно детство, в один день, повторяя ее отметки карандашом со старого кухонного дверного наличника.

Как-то в один миг пропали бесконечные утренние совещания, полночные бдения, перестал звонить телефон.

Все закончилось.

Взамен пришло звенящее пустотой незнакомое состояние под неизвестным ранее названием «свободное время». Когда при отсутствии умения как такового им распорядиться остается возможность разве что сесть и вспомнить, как все начиналось.

27 апреля 1987 года.

Тогда, двадцать один год назад, по странному стечению обстоятельств тоже был апрель.

В моей памяти безвозвратно стерлось, светило ли тогда солнце, шел ли дождь.

Но чего я никогда не забуду,

Сейчас я точно знаю, что уже не забуду никогда,

Так это чувства распирающей меня гордости от милицейского удостоверения в кармане и кокарды на фуражке с гербом тогда еще хотя и несколько подгулявшей, но все еще великой страны.

Две даты. Два апреля. Две страны.

Если хотите, две жизни.

В моей повести мне снова предстоит прожить их «от» и «до».

Хотя сейчас в качестве моего — нет, не утешительного приза, а исключительно бонуса — нам, мой читатель, предстоит прожить их вместе.

Причем, вначале мне снова предстоит стать двадцатилетним сопляком, что, в принципе, всегда трогательно. Чтобы затем в конце концов очнуться и снова оказаться взрослым сорокалетним дядькой.

Хотя все это должно произойти с одной существенной оговоркой.

Сопляк будет милицейским сержантом. А вот теперешний дядька — с пенсионным удостоверением органов внутренних дел, в котором отдельной строкой какой-то отпетый циник напротив срока действия поставил слово «пожизненно».

На мой взгляд, одна такая вот перспектива может кого угодно причислить к, искренне верю, немногочисленной, но, должно быть, очень сплоченной группе отпетых садомазохистов.

Снова от весны и до весны.

Прыжок в часть моей биографии,

Где напрочь отсутствуют воспоминания о смуглых, приятно со всех сторон выглядящих красотках в бикини,

Которые похотливо смотрят глазами цвета антрацита из-под тени высоких пальм за черту горизонта синего теплого моря,

С ярко-желтой, светящейся золотом линией гладкого песочного островного пляжа.

Когда по полю нашей великой страны едет трактор, за рулем которого сидит закончивший восьмилетку в просторной и светлой сельской школе молодой, неказистый и непременно простой парень, тихо напевая песню о том, как «прорвутся... опера»,

Когда в шахте где-нибудь на Донбассе «дает стране угля» его такой же обязательно простой сверстник, которому вдруг произвольно, на почве утренней сухости во рту, помноженной на тяжелую физическую работу, на какой-то миг привидится на своей голове вместо стильной шахтерской каски еще более «яркая» милицейская фуражка,

Или когда «ботаник», весь день утопающий в романтических грезах, с вожделением смотрит на красивые колени самой симпатичной девочки в классе, списывающей у него домашнее задание,

А потом, тайком от родителей, вместо учебника по геометрии ночью взахлеб читает детективы, мечтая о подвигах во время защиты законности и правопорядка,

Каждый из них,
А если совсем не повезет, то, возможно, и они все разом,
Невыразительной тенью худощавого, все еще прыщавого,
но уже бравого, самовлюбленного и дерзкого юноши могут
разбудить вас ранним утром настойчивым стуком в дверь ва-
шей квартиры.

И тогда,

Еще не до конца очнувшись от сладкого сна в своей удоб-
ной постели, вы, без сомнения, моментально придете в себя.

То ли по причине еще более нелепой фотографии, ошеломившей вас презрительно строгим взглядом с еще пахнущего краской нового милицейского удостоверения,

А то ли от звенящего в вашей голове голоса, повторяющего раз за разом о том, что вас посетил оперуполномоченный.

И пока непрошенный гость будет задавать вам, по его мнению, каверзные вопросы, касающиеся исключительно «сути дела», а вы при этом будете лихорадочно вспоминать имена и отчества прокурор^{ов} и влиятельных знакомых,

Все это время вас не покинет чувство, что вы стали участником нового милицейского реалити-шоу.

Впоследствии уже в вашем «шоу» появятся поделники, следователь, адвокат, судья. А если совсем не заладится — то и лагерь без приставки «пионерский».

И как тут не поверить в народную мудрость о незваном госте, что хуже татарина?

Да еще и явившимся со своей такой нерадостной и совсем неутешительной перспективой.

Хотя, справедливости ради, в этой вашей истории может случиться и достаточно счастливый, хотя и затратный, конец.

Правда, для этого визитер по установившейся традиции последних десяти лет должен оказаться просто милым молодым человеком с какими-то там оперативными полномочиями.

А вот почему ваш гипотетический гость, а с ним еще двести тысяч парней в Украине поменяли головокружительную, фантастическую карьеру в сельском хозяйстве, поэзию шахтерского отбойного молотка или заманчивую перспективу перейти с одноклассницей от мыслей к делу на относительно почетную службу в органах внутренних дел?

У меня, мой читатель, теперь ответ, конечно же, есть.

Как, впрочем, и твердое понимание того, что какой-нибудь врач-психиатр будет в этом случае намного убедительнее меня.

Причем, хороший и давно практикующий врач-психиатр.

Но пушки крупного калибра пока молчат.

И я могу себе позволить откровенно рассказать, почему я, парень с рабочей окраины города Луганска, очутился в правоохранительных органах.

А еще отдал двадцать лучших лет своей жизни этому, без преувеличения, увлекательнейшему занятию.

Увы, но сыщиком я хотел быть всегда.

Для меня, в принципе, никогда не существовало другой профессии.

Наверное, потому, что первая моя осознанно прочитанная книжка из домашней библиотеки мамы, по профессии гражданского юриста, была случайно попавшимся мне в руки, неизвестно как там оказавшимся учебником по методике борьбы с бандитизмом, выпущенным в 1963 году.

А еще нельзя сбрасывать со счетов популярный тогда телесериал «Следствие ведут ЗнаТоКи»¹,

В котором умный, интеллигентный, глубоко порядочный следователь Знаменский в паре с изобретательным майором Томиным мужественно стоят на страже покоя граждан, проживающих на одной шестой части суши.

А если по теперешним меркам совершенно нереальных Томина и Знаменского еще и «разбавить» отчаянным и дерзким полицейским комиссаром с лицом Жана-Поля Бельмондо, который вначале бьет по физиономии, затем стреляет и только потом показывает с киноэкрана полицейский значок,

То такая вот гремучая смесь, водопадом упавшая на мою тогда еще неокрепшую психику, которая, между прочим, к тому же еще и не сопротивлялась,

Других шансов получить завидную профессию — ну, например, старшего мастера на огромном Луганском тепловозостроительном заводе — судьба мне, увы, не оставила.

А если серьезно, то даже в те далекие времена, когда у каждого было свое место в жизни, перспективы безотцовщины с рабочей окраины можно было пересчитать по пальцам только одной руки.

Служба в милиции хотя откровенно не вызывала особой радости у моей мамы, была, пожалуй, самым безобидным «номером один».

¹ Цикл детективных телефильмов, один из самых популярных советских сериалов. Главные герои — три работника московской милиции: следователь Знаменский, инспектор уголовного розыска Томина и эксперт-криминалист Кибрит. Название тройки «ЗнаТоКи» — комбинация из первых букв фамилий главных героев. Основная часть состоит из 22 фильмов («дел»), вышедших с 1971 по 1989 годы.

Глава 2

Жили-были два ката...
Первая строчка пословицы
нецензурного содержания

Сложно спорить с тем, что наша жизнь состоит из череды встреч с разными людьми.

Кто-то из них сразу попадает в разряд проходящих.

Но есть еще и другие,

Из которых вначале составляется, а потом и вовсе состоит твоя биография.

И даже по прошествии многих и многих лет ты продолжаешь помнить их имена, что подписаны под размытыми временем и уже уходящими из памяти лицами.

И только благодаря им можно без ошибок разложить жизнь на даты, события, периоды.

Вначале возникают образы настоящих друзей, обязательно родом из детства. Затем нас начинает кружить быстротечная и шальная юность с чередой отношений с девушками и женщинами.

Знакомые, дальние, близкие.

Встречи, расставания и, разумеется, потери.

Все происходящее с нами мы опрометчиво называем судьбой.

И только потом, когда карусель событий вокруг нас начинает кружиться все медленнее,

А безвозвратный уход времени, еще нам оставшегося, все увереннее и настойчивее станет напоминать о себе то количеством седины, то сыплющимся между пальцев песком пролетающих дней и месяцев, приходит понимание, что судьбы нет.

Ее не существует в принципе.

Это всего лишь придуманное слово из лексикона воинствующих атеистов. Которые в борьбе со своим бессознательным страхом перед непонятым и от этого еще более страшным будущим со своего воинственного перепугу,

Желали, прежде всего, себя,

Ну, и всех нас заодно,

Так, за компанию,

Заставить не думать о непонятном и от этого еще более ненавистном им царствии небесном,

А еще регулярно плевать в свою бессмертную и оттого всегда мятущуюся душу.

И хотя понимание неравнозначной подмены приходит либо достаточно поздно, а иногда не приходит вообще,

Даже сейчас я все же хочу верить, что всех прошедших через мою милицейскую карьеру персонажей прислал мне именно Спаситель.

Всех этих коллег. Моих и, что очень даже хорошо, чужих начальников. Хамящих и кающихся преступников. Бегущих и лежащих физиономией вниз на асфальте.

Я совсем не хочу жаловаться.

Хотя, положа руку на сердце, встречи с некоторыми из вышеперечисленных категорий – это я о коллегах и начальниках – если бы мне было позволено, охотно поменял бы на еще большую череду бегущих и хамящих.

Тем более что именно в этой суматохе и хаосе таких одинаковых и разных лиц,

Мне были подарены встречи с по-настоящему достойными людьми, профессиональными и человеческими качествами которых можно просто восхищаться.

До сих пор для меня остается загадкой:

Ну как,

В бесконечной очереди сменяющихся начальников-колхозников, начальников-ботаников или начальников-шахтеров, а еще и совсем недавно вынырнувших начальников-преступников,

Мои товарищи не только не растеряли свои мужские качества, а еще и стали чем-то наподобие атлантов. Которые до сих пор, несмотря ни на что, держат милицейское небо.

Хотя теперешнему небу без их плеч и рук уже давно было бы менее хлопотно.

Первое и, наверное, самое главное мое знакомство с таким вот представителем из милицейского-античного прошлого, теперь уже окончательно отторгнутого правоохранительной системой по причине органической несовместимости, произошло в июле 1993 года.

До сих пор я почему-то хорошо помню этот день.

День знакомства с сыщиком из Уголовного розыска Иваном Митрофановичем Косенко, который изменил не только всю мою дальнейшую службу, но и жизнь.

После службы в армии я уже успел поработать сержантом милиции в городе Луганске. Закончить с отличием среднюю милицейскую школу в Калининграде, недолго «побегать» опером Луганского уголовного розыска и уже оканчивал Академию внутренних дел в Киеве.

Тем летом 1993-го я был направлен на стажировку в УВД столицы по всем известному адресу Владимирская, 15, где оказался в отделе по борьбе с преступлениями, совершенными в отношении иностранцев.

Именно там моя милицейская карьера меня и свела, да не просто свела, а даже назначила мне в качестве наставника Косенко Ивана Митрофановича.

Так я попал в компанию тогда уже 45-летнего почти седого опера, которого долгая работа в Уголовном розыске моментально выдавала по стилю разговора и манере одеваться.

В те теперь уже далекие времена, жалко прихрамывая, уходил в небытие Советский Союз,

Оставляя вместо себя непонятное и необъяснимое для нас всех, его бывших обитателей, подобие общественного строя,

Что был характерен для трудно произносимого для определенной категории граждан слова «беззаконие».

Тогда они называли его — «беспредел».

Теперь это слово из лагерного лексикона с поразительным постоянством то ли от отсутствия должного образования, то ли как память из своей, как правило, неоднозначной биографии выкрикивают политики разного толка.

А тогда так называлась вся наша повседневная жизнь,

Которой жил каждый из шедших по улице, ехавших в метро, сидевших в больших и маленьких кабинетах, дышавших воздухом, что остался от когда-то великого государства в одну шестую суши, вмещавшего в себя двести миллионов человек.

Сейчас уже сложно представить группировки так называемых «авторитетов» из трех сотен «бойцов».

Так вот.

Задержание, а если поддержать дух того смутного времени, то «прием» оперативными работниками молодых людей из разных преступных группировок, гордо звавших себя «бригадными» (это еще одно слово из начала девяностых),

Граждан незаконной страны, которые определили цель и образ своей жизни как строгое соответствие «задушевной» уличной песне «Мурка»,

Обязательно одетых по их тогдашней «изысканной моде» в кожаные куртки, красные пиджаки, спортивные костюмы,

Как правило, оканчивалось цифрой «50».

В то же время,

Пока эти добры молодцы отбывали срока, принципиально и, разумеется, люто ненавидя «мусоров» и «мурча по понятиям» про «реальную житуху»,

Их «авторитетные лидеры», что на фене подпадают под определение не иначе как «фраера с замазками бакланов», в это время под общий шумок, наперегонки с еще одной прослойкой бывших советских граждан из числа бывших партийных и комсомольских номенклатурщиков и их повзрослевших «золотых чад»,

Сколачивали свой первичный капитал.

Вот они-то и определили правоохранительной системе новое тогда для нее место, что со временем стало таким привычным и почти родным.

Место постороннего наблюдателя.

Придав ей соответствующий в таких случаях жалкий затрапезный вид.

А еще – так, для смеха, чтобы «менты» не заскучали – оставили их один на один мучиться извечными вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?»,

Сломав напоследок основной милицейский стержень – преступность поколений.

При всем моем отрицательном к коммунистам отношении они хорошо понимали, что служба в органах внутренних дел – это, прежде всего, получение отдельным человеком частички власти.

Власти, которую они любили больше марксизма-ленинизма и не раздавали кому ни попадя.

Жестко контролируя милицейскую систему, они отдавали себе отчет, что с одними только тупыми исполнителями карательную функцию милиции не выполнить,

И что все-таки хотя бы части по-настоящему талантливых ее работников необходимо дать возможность делать карьеру.

Именно тогда Киев, как, впрочем, и вся необъятная страна, получали легендарных сыщиков, легендарных начальников Уголовного розыска, которые не трепали языком, а работали сутками, раскрывая преступления независимо от их тяжести.

Но в начале 90-х все изменилось, и произошло то, что правоохранительная система отхаркивает до сих пор:

Из нее ушли работники, которые в 2000-х должны были вырасти в легендарных сыщиков и оперуполномоченных.

Ушли, потому что вся романтика розыскных будней перечеркивалась заработной платой в пять долларов в месяц, которая могла удовлетворить разве что психически ненормальных.

Ушли, потому что исчезли все стимулы и хоть какие-нибудь перспективы.

Ушли, потому что в тот момент у тех, кто дружил с мозгами, открывались по-настоящему широкие горизонты и возможность материально улучшить свою жизнь.

Результаты этого ухода мы получили, как говорится, по полной.

Получили с волнами преступности, которые милиция не может, да уже и не хочет обуздать,

Получили с говорящими в телевизоре головами милицеских генералов с таким низким уровнем интеллекта и профессионализмом, что те же коммунисты не пустили бы их даже затачивать карандаши,

Получили с банальным кадровым голодом,

Когда все те же в прошлом трактористы — трактористы по своей сути,

Когда-то пересевшие из-за рычагов в большие милицеские кабинеты,

С только им известным упоением, присущим исключительно хлебопашцам, начали без усталости перепахивать «зеленые капустные поля».

Биография Косенко была такой же, как и у подавляющей части милиционеров, работавших в Киеве.

Детство в провинции. Армия. Работа в патрульно-постовой службе. Школа милиции. Райотдел. По странному стечению обстоятельств — первая оперативная должность в Печерском районе Киева. И в конце — место старшего опера в Киевском главке.

С коллегами по цеху со словно под кальку выписанным карьерным ростом у Ивана Митрофановича было только одно, но разительное расхождение:

Его отношение к оперской работе.

В отличие от не знающих, не желающих и откровенно боящихся происходившего на улице, отбывающих рабочее время за игрой в домино сослуживцев, он был всегда при деле.

А еще Косенко не последовал примеру коллег и жестко оградил себя от второй, существенно большей, чем милицеская, заработной платы. Принципиально ни с представителями бизнеса, ни с «бригадными», ни с проститутками в гостинице «Русь» близко не дружил.

Иван Митрофанович любил Уголовный розыск, и розыск отвечал ему взаимностью.

Наработанные оперативные контакты позволяли ему не только отслеживать обстановку в криминальных кругах столицы, но и на нее влиять.

Одна только «посадка» теперь уже покойного Черепа, в быту звавшегося Игорем Ткаченко, которая в начале девяностых наделала много шума, была той веской подтверждающей причиной, что Косенко не просто так числится сыщиком.

А еще Иван Митрофанович по причине наличия у него мужских качеств никогда ничего не просил у вышестоящих, а те в отместку ему ничего сами предлагать не собирались.

Да и когда «небожителям» был интересен потерявший на работе здоровье опер, живущий в однокомнатной квартире с женой и двумя детьми?..

Через много лет Иван Митрофанович, уже пенсионер МВД, констатируя факт своего, прямо сказать, не очень хорошего самочувствия, вдруг сказал мне, что, если бы не здоровье, то он бы и сейчас бегал по задержаниям и обыскам.

И вот, пожалуй, именно тогда я уже ни на секунду не сомневался в том, что мне будет с упрямой периодичностью сниться и о чем стану думать, когда мне перевалит за пятьдесят.

Но пока вернемся к лету девяносто третьего.

Именно тогда для меня, еще очень молодого человека, этот седой опер стал, по существу, первым настоящим наставником, который растолковал доходчиво не только практические приемы сыска, но и тогдашние реальности столичной милицеской работы.

Но кто слушает советы старших, желающих тебе добра, когда тебе двадцать шесть?

Даже если этот товарищ во время одного из задержаний стреляет по колесам увозящего тебя автомобиля с ракетирами, куда ты, «всадник без головы», вскакиваешь без табельного оружия и при этом мужественно размахиваешь удостоверением милицеского стажера.

Ведь ты уже, ексель-моксель, целый старший милицейский лейтенант!

Особенно после того, как, проучившись и прожив три года в Киеве, ты начинаешь понимать, что влюбился в этот город. С его склонами и парками, с его особым ритмом и вдребезги разбившей сердце головокружительной поздней осенью.

Мое решение стать столичным опером ожидавшая меня дома мама приняла сдержанно. Хотя кто-кто, а она в миллион раз лучше меня, отчаянного, понимала, что оставаться жить в Киеве без родственников и хоть каких-нибудь знакомых было откровенной авантюрой.

Но какую столицу мира этим удивишь?

Глава 3

Облака, белогривые лошадки...

Из песни к м/ф

«Трям! Здравствуйте!».

Муз. В. Шаинского, сл. С. Козлова

Три моих отдаленно приближенных к студенческим годам учебы в Академии внутренних дел закончились в начале осени 1993 года.

И вот тогда моя милицейская карьера сделала свой первый поворот, что стоит в очереди тогда еще непонятных для меня событий.

Но обо всем по порядку.

Проявив должную изобретательность в непродолжительном, но все-таки далеком от понятия «скоропостижное» прощание с отделом кадров Луганского УВД, с сентября 1993 года я продолжил службу в Уголовном розыске Печерского района Киева.

Первый день в оперативном подразделении по ощущениям можно было сравнить разве что с первым днем в армии.

Только вместо панического страха перед двухгодичной неизвестностью ты восторженно пожираешь взглядом новых коллег, придавая при этом своему лицу хмурое и многозначительное выражение.

И только одна мысль тебя гложет и волнует — только одна.

Что ты — просто никто в этом особом кругу «легенд сыска», которые, кстати, старше тебя всего на несколько лет.

А они, «легенды», в это время чинно курят.

И в разговоре между собой апеллируют фамилиями и адресами, предаваясь воспоминаниям из своего совсем недавнего оперского прошлого.

Тебе же только пока и позволено, что сидеть на краешке стула, утопая и задыхаясь в клубах выпускаемого ими сигаретного дыма.

И про себя неслышно переживать,
Причем, переживать искренне,
Что вот так, как они, ты никогда не сможешь.

А еще – немного нервничать оттого, что, возможно, вся преступность исчезнет прямо завтра, и с тобой ничего такого, услышанного только что, уже никогда не произойдет.

И ты так и останешься без своего оперского подвига.

Мое новое подразделение встретило меня по-милицейски ровно и как-то очень уж безразлично.

А происходящие в нем процессы ничуть не отличались от процессов, захлестнувших страну.

Без всякого преувеличения, голодные и плохо одетые мои сослуживцы с интересом, а еще с хорошо спрятанной неуверенностью в себе наблюдали, как за невымытыми окнами их серых, давно не знавших ремонта кабинетов появляется все больше и больше дорогих автомобилей. И ресторанов, что принадлежали уже не знавшим, чего еще хотеть после черно-белого развитого социализма, новым хозяевам новой жизни.

Сам же Уголовный розыск Печерского района столицы представлял собой не менее непривычное для меня, когда-то идейного рядового комсомольца, удивительное зрелище.

Именно, удивительное.

Из тридцати оперов с положенных по штату милицейским образованием числилось только трое. Образовавшаяся брешь была заполнена достаточно оригинально смекалкой и изобретательностью кадрового аппарата.

«Бойцами розыскной стези» стали уволенные из армии по сокращению офицеры.

А еще, что самое невероятное, – прапорщики.

Само собой, все они об оперативной работе имели такое же отдаленное представление, как и о милицейской службе в целом.

Но меня все эти разговоры об армейских буднях не занимали в принципе.

Я со щенячьим восторгом запрягся в работу, проводя в райотделе сутки напролет.

А еще периодически звонил Косенко, делясь новыми впечатлениями.

Разумеется, я был готов к такой жизни, и даже хотел про-вести ее именно так.

И только так.

Хотя, уже через непродолжительный период времени меня начали посещать тревожные сомнения в правильности происходящего вокруг.

А затем,

Неожиданно для меня самого,

На место сомнениям пришли иные и, увы, обоснованные тревоги.

В самом начале, к моему удивлению, раз за разом переходящему то в шок, то в сожаление, я открыл для себя неутешительную истину:

Все, что мы делаем, — я и мои коллеги,

Все эти выезды, задержания, аресты,

Та самая рутинная работа Уголовного розыска районного отдела направлена на борьбу исключительно с... дураками, женщинами и детьми.

Хотя мой настоящий шок от происходящего наступил позже.

После того, как ко мне пришло понимание: когда мы, опера, «работали» рутинную оперскую работу, все без исключения мудрые начальники думали совсем не о том, чтобы, а исключительно о том, как.

И пока мы делали, а они в это время думали и «правильно решали», стриженные под ноль мальчонки в красных пиджаках со своими «бригадирами», проезжая мимо нас, суетящихся, на дорогах автомобилях с презрительным выражением лиц недвусмысленно и весело показывали указательный палец.

Имитация борьбы с преступностью всех участников процесса тогда так уже закружила и затанцевала,

Что призывные жесты комфортно планирующих мимо предполагаемых оппонентов озабоченными владельцами милицейских удостоверений не просто игнорировались.

Скромно потупив головы и отведя в сторону глаза, их обладатели делали вид, что никого вокруг нет.

Хотя, справедливости ради, был и противовес крайне обнаглевшим «браткам», обложившим данью весь город, предварительно разделив его на зоны влияния.

Да, он был.

И назывался Управлением по борьбе с организованной преступностью.

Для нас, райотделовских, это были небожители.

Когда опера из УБОП, хотя с нерегулярной периодичностью, но все-таки с обязательным для них героическим видом переступали порог Печерского отдела Уголовного розыска,

нам, его обитателем, только и оставалось, что жадно ловить обрывки разговоров.

И трепетать от их осведомленности о криминогенной обстановке в городе. Чтобы затем, такими вот замороженными, выпитывать произносимые так, между делом, клички бандитских авторитетов, о существовании которых мы знали разве что из прессы.

«Отвязанный» же внешний вид старших коллег,

А их основная, бодрая масса ничем не отличалась от «братков» — та же «молодежная» внешность и, конечно же, «молодежная спортивная мода»,

У нас, «обездоленных Уголовным розыском сирот», придавленных валом заявлений от граждан, вызывали откровенное чувство зависти.

А затем, уже после двух месяцев работы в должности пещерского опера, моя кипучая натура в первый раз свела меня с коллегами из Управления по борьбе с организованной преступностью.

Хотя эта встреча, если ее можно так назвать, вышла несколько неуклюжей.

Той осенью 1993 года, что проходила в обстановке всеобщего недоверия к действиям правоохранителей, мне удалось уговорить одного из представителей среднего бизнеса написать заявление о вымогательстве.

В то смутное время «братки» особой изобретательностью свое воображение не обременяли.

Для получения заветных «зеленых» в ход шли банальный мордобой, пытка утюгом и дающее «особый эффект» времяпрепровождение в темном и холодном подвале с железной цепью на шее где-нибудь в пригороде.

Все эти «удовольствия» ощутил на себе доведенный до состояния панического страха мой потенциальный потерпевший.

Через узкие щели заплывших от гематом глаз он смотрел на меня с тем недоверием, с которым обычно смотрит на мир много раз битая собака.

Раз за разом прокручивая в своей голове недавние пережитые события и от этого не в силах усидеть на месте, он даже пытался несколько раз вскочить с кресла.

Но глубокая ножевая рана правой ноги, как дополнительная долгая память от встречи с вымогателями, что предусмотрено было ему «подарена» для большей сговорчивости, не давала ему это сделать.

В конце концов, отказавшись от неудачных попыток дойти до кофеварки в кухне, то ли от безысходности, а может быть, внезапно заразившись моим молодецким оптимизмом, он все-таки заявление подписал.

Окрыленный такой оперской удачей, с трепетом молодого любовника перед долгожданным свиданием я уверенно перешагнул порог столичного УБОПа, подразделение которого тогда еще ютилось в здании Киевского УВД на улице Владимирской, 15.

Особую гордость мне давал еще и тот факт, что лидером у «бригады» вымогателей был не кто иной, как дважды олимпийский чемпион по фамилии Колчинский, тогда имевший значительный вес в рэкетирских кругах.

И вот тут все моей «души прекрасные порывы» перестали быть таковыми, а затем и вовсе улетучились – в первый же миг на тогдашней для меня земле обетованной.

К моему удивлению, двое старших коллег из Управления по борьбе с организованной преступностью вместо служебного энтузиазма, в существовании которого после моей «десятичковой подачи» я просто был уверен, встретили меня недобрыми взглядами.

И пока я мялся в замешательстве на пороге их кабинета от такого вот откровенно прохладного гостеприимства, один из них с явным безразличием изучал мое тогда еще очень «стройное» лицо, что прилагалось к такому же вызывающему у прекрасной половины человечества исключительно жалость телосложению.

Второй во время этого действия вертел в руках отобранное мною заявление, которое ему явно, как, впрочем, и сам мой приход, тоже особой радости не доставляло.

Нехотя изучавший заявление был мужчиной внушительных размеров, расширяющийся во все стороны. Его шею украшала модная тогда во всех без исключения слоях общества внушительная золотая цепь.

Второй был обладателем редкого в милиции библейского профиля и носил костюм, чем выгодно отличался от своего горообразного соседа по кабинету.

Он-то и задал вопрос, который моментально и до конца остудил мой щенячий энтузиазм:

«Ты зачем принял заявление?»

Если быть до конца честным, то в те времена действительно существовала практика, когда заявление о вымогательстве от

потерпевшего, при условии отсутствия анкетных данных преступников, принималось только после их задержания.

Но в документах было трудно не увидеть выведенные мною почти каллиграфическим почерком анкетные данные вымогателей.

Да и телесные повреждения потерпевшего были не только налицо на лице, но и хорошо просматривались на всем теле.

После первого и единственного вопроса, попавшего не в бровь, а, как всегда, в глаз, мне только и осталось, что удалиться. А уже через полчаса я по стойке смирно стоял в кабинете своего непосредственного начальника Уголовного розыска.

Вертя у меня перед носом недавний предмет моей профессиональной гордости, не жалея нецензурных выражений, которые он употреблял не только для связки слов, он озвучил мне свои рекомендации, касающиеся правильности заявления, прохождения по инстанциям и принятия по нему законного решения.

А еще из тех отдельных, изредка употребляемых моим начальником настоящих литературных слов я понял, что исполнение он поручает мне лично.

Таким несколько своеобразным образом два неписанных правила уголовного розыска: «сам принял заявление, сам и расследуй» и «всякая инициатива наказуема» я впервые почувствовал непосредственно на себе.

На себе, тогда еще таком инициативном и энергичном.

Сейчас я бы поздравил себя «с почином».

А в тот момент мой оперской задор, подражая первому снегу, превратился в капли испарины на спине.

Ведь после незначительного времени пребывания в должности, когда я еще не знал толком названий и расположения улиц на обслуживаемой территории, мои шансы «усадить» рэкетиров были призрачны. Мне оставалась только моя «оперативная смекалка». Которой только и хватило, чтобы перезвонить бывшему наставнику.

А дальше Главным следственным управлением столичного УВД было возбуждено уголовное дело.

Затем, примерно через полгода активных следственных действий, был суд, на котором Колчинский с подельниками получили приличные сроки заключения.

После этого его «бригада» прекратила свое существование.

И хотя через несколько лет Родина учла прошлые заслуги «заблудшего» чемпиона и он был амнистирован, воспоминания народа о таком киевском авторитете были утрачены навсегда.

Вот таким вот оказался мой «первый блин» в первых взаимоотношениях с Управлением по борьбе с организованной преступностью.

Токмо в лице тогда еще оперов столичного УБОП Тараса Залесского и Сергея Корнича.

Первый со временем оставил «посильные следы» в истории страны прекращенным в отношении него уголовным делом по долго и упорно бывшему у всех на слуху банку «Украина».

Разумеется, по болезни.

Там он после ухода из милиции продолжил свой трудовой путь.

А еще затем, как утверждает пресса, запомнился своими виртуозными навыками во владении поварешкой летом 2004 года во время уже почти былинного ужина на даче в Осокорках своего одиозного кума Владимира Сацюка, по совместительству заместителя председателя СБУ, с тогда еще оппозиционным кандидатом в Президенты Виктором Ющенко.

Второй в период с 2005 по 2006 годы был начальником ГУБОП Украины. И судьба меня с ним сводила бессчетное количество раз.

Глава 4

*По Арбату и Тверской ходят девочки толпой,
Только бедные не знают, что я лапочка такой.*
Из песни к х/ф «Ландыш серебристый».
Муз. и сл. С. Терехова

Знаю, знаю, что уже пора.

Но прежде чем перейти к повествованию о моем первом соприкосновении с милицейской бандой, я не могу не остановиться на, пожалуй, шокирующем, отрезвляющем и, наверное, самом сложном эпизоде в моей оперской жизни.

Именно тогда я начал избавляться от первых и далеко не последних иллюзий о правоохранительной системе.

А началось все с того, что весной 1995 года меня перевели в отдел борьбы с преступлениями против личности (в народе — «убойный отдел») все того же Печерского района, где я был неожиданно для себя назначен исполняющим обязанности начальника.

Для неискушенных — в таком же отделе, но понарошку, уже больше десяти лет в телевизоре служат Ларин, Дукалис и прочие «мыльные» милицейские опера.

Это была моя первая начальственная должность, которая, как всякая власть, а в органах особенно, начинает подтрепывать, а иногда и навсегда тяжело ранит психику.

Не зная и совсем не понимая тогда главной милицейской, наверное, давно ставшей прописной, истины,

Что печоринская¹ хандра — это совсем не то, чего хочет от тебя правоохранительная система,

А благородная бледность, происходящая от твоего внутреннего самокопания, ее не интересует в принципе,

Что системе ни к чему ни книжная романтика, ни, тем более, непонятные для нее душевные несварения в мятущейся, ранимой психике.

Системе это не нужно, да и вообще, незачем.

¹ Печорин — главный герой романа М. Лермонтова «Герой нашего времени».

Ей нужны исключительно ее палочные¹ показатели.

И именно за участие в предложенной ею палочной гонке системе есть что предложить тебе вначале.

И, разумеется, — что оставить на потом.

А пока,

В этом твоём с ней самом начале она поглощает все твоё до последней секунды время.

Старательно, год за годом забирает твою жизнь и здоровье, предлагая взамен вначале иллюзорную шкалу так называемых милицейских поощрений,

А затем,

В конечном итоге за ненужностью от тебя избавляется.

Ты же все это время сначала в подсознании, а потом и в реальности начинаешь понимать, что смысл того, в чём ты участвуешь, не совсем, а если откровенно, совсем не борьба с преступностью.

Хотя внешне все выглядит даже очень пристойно.

Форменная одежда, бессонные ночи, табельное оружие.

А ещё — совещания, совещания, совещания.

Только вот в одно прекрасное утро на очередном совещании, где привычно подводятся итоги прошедшей работы за год, полугодие или квартал, к тебе приходит внезапное прозрение.

Аллилуйя!

Оказывается, подлинный, настоящий смысл этого непрерывного бега не в том, сколько ты сделал. Я имею в виду, раскрыл преступлений, исполнил материалов, завел оперативных дел.

А в том,

Что все это в своей совокупности катастрофически плохо по сравнению с тем же кварталом прошлого года.

Существует, правда, ещё реальное положение дел в районе, городе, стране.

Только вот оно-то как раз в расчёт и не берётся.

Это никого не интересует.

И совсем приводит в состояние протрации понимание того, что подлинное состояние вещей ни для кого из участников палочной гонки секретом не является.

Все они уже давно не служат, а только играют в милицию.

И именно тогда ты начинаешь говорить со всеми коллегами, для тебя давно утратившими ауру живой легенды, на «ты».

И вот именно тогда твоё внезапное прозрение, помножен-

¹ Палочная система (милицейский термин) — учёт по количеству раскрытых преступлений.

ное на состояние игрушечного хора́вда вокруг тебя, создает иллюзию, что ты единственный, главный.

А еще —

Что именно ты в этой песочнице и в этой игре нужен всем и каждому.

Вот так теряется, а затем и вовсе уходит твое состояние реальности происходящего вокруг.

Первая, самая, пожалуй, странная и необъяснимая ступень взросления и формирования личности в карьере сыщика —

Когда ты начинаешь себя считать незаменимым, а потому великим.

Со стороны же в этом состоянии молодой опер особенно смешон.

От несочетаемой в нормальной жизни юношеской худобы и прущей во все стороны молодецкой бравады, за которой хотя и есть азы опыта, но напрочь отсутствует житейская и профессиональная мудрость.

А затем, как ей и положено, необратимо приходит расплата.

Когда твою буйную головушку остужает начальник, внутренняя безопасность или прокуратура,

Это как кому «повезет»,

Давая понять, что ты всего-навсего маленькая шестеренка во всей системе.

Но хуже всего, когда к тебе приходит понимание того, что если ты вдруг сломаешься, на твое место движением, доведенным до автоматизма, обязательно вставят другую шестеренку.

И тогда о тебе никто уже не вспомнит — оставив с мыслями о собственной незаменимости и личном величии один на один.

И если у тебя хватит сил все это пережить, то это и будет твоим сигналом прихода времени полного безразличия.

Это когда тебе становится все равно, что говорит очередной начальник на плановом или внеплановом совещании,

О чем рассказывает пришедший потерпевший,

Или о каком преступлении пишет очередной гражданин в заявлении, лежащем на твоем рабочем столе.

А еще тебе становится даже немного весело, когда ты вспоминаешь себя того, уже давнего. Который жить не мог без своей работы, думая о ней даже в отпуске.

К тому времени остается только досада за себя тогдашнего, себя смешного.

Она-то и наваливается плановой периодической алкоголь-

ной зависимостью, возвращая тебя к себе невозвратно далекому, сравнивая с собой теперешним.

Но это еще далеко не все, не финиш.

Игра, в которую одновременно играют почти триста тысяч человек и в которой вместо фишек расчет идет человеческими жизнями,

Причем, жизнями не только в нее играющих,

Конечно же, может,

Да, действительно может простить отсутствие азарта.

Но она не прощает отсутствия эмоций.

И тогда за всем уже пройденным и пережитым на смену безразличию приходит презрение.

Презрение к правоохранительной системе в целом и к своим коллегам, которые эту систему представляют, в частности.

Эта энергия презрения бродит по коридорам милицейских управлений разного калибра.

Оно, презрение, давным-давно стойко впиталось в стены здания Министерства внутренних дел. Где тихо ненавидящие все и всех, разучившиеся не только принимать решения, а и просто думать, работать,

А в некоторых особо сложных случаях — даже нормально жить,

Все без исключения представители милицейского аппарата,

Возведя презрение в свой ежедневный ритуал, считают и пересчитывают дни милицейской выслуги.

Хотя, если быть откровенным до конца, то все вышеперечисленное, несмотря на строгие медицинские заслоны, никоим образом не касается периодически прорывающихся в милицию обширных групп тупиц и дегенератов.

С ними-то как раз никогда ничего такого не происходит.

Кроме разве что регулярного похмелья, плавно переходящего в пенсию.

А что, в принципе, с ними еще такого должно произойти с того самого момента, когда они впервые узнали вкус сала в таком далеком и по этой причине таком родном селе?

Сейчас мне, так и не познавшему вкуса свежины, но зато прошедшему все без исключения ступени милицейского возмужания и ими переболевшего, только и осталось, что «пальцы в рот, да веселый свист»¹.

¹ Из стихотворения «Мне осталась одна забава... С. Есенин.

А еще — увековечить в повести «прогресс» своих сослуживцев, которые на моих глазах либо росли и вырастали из одного карьерного, а вместе с ним и душевного состояния в другое, либо иногда, что еще более грустно и одновременно смешно, застревали в какой-то одной точке, так и не прогнувшись перед неумолимо бегущим временем.

Получив в двадцать лет на руки удостоверение опера, ты не задумываешься о том, что когда-нибудь тебе обязательно будет тридцать.

А еще — не думаешь о том, что каждая твоя очередная «погонная звездочка» станет меркой прожитых в милиции лет.

Новой ступенькой твоего взросления.

Отметиной от милиции.

А теперь все по порядку.

В то уже сравнительно далекое время каждое утро я просыпался в прекрасном настроении.

Тогда меня скоропостижно накрыло именно то первое в карьере опера чувство, когда считаешь себя нужным и глубоко профессиональным.

Для этого у меня тогда, разумеется, было множество, на мой взгляд, весомых причин.

До «высокого» назначения, работая зональным опером,

Для неискушенных, зона — это обслуживаемая сыщиком территория,

В 1994 году я отказал около трехсот заявлений граждан о совершенных преступлениях.

Тот факт, что обслуживаемая мной зона включала Верховный Совет, Кабинет Министров и в придачу половину Крещатика, тогда меня нисколько не смущал, а даже наоборот, наполнял особой гордостью.

А то обстоятельство, что ни один из моих «отказов» прокуратура не опротестовала, делала меня в своих глазах всемогущим.

И хотя я по глупости и самонадеянности искусственным путем существенно снизил процент преступности в Печерском районе Киева, зато заслуженно заработал уважение оперского коллектива.

А еще из Москвы, где был в командировке, привез восхитительные, широкие подтяжки, которые удивительно гармонировали с моей светлой рубашкой и единственным галстуком. Тогда это обстоятельство было для меня серьезным поводом,

чтобы считать себя хотя и очень ранним, но комиссаром Каттани, или, как минимум, будущим комиссаром Мегрэ.

Завершало же всю «красоту происходящего» мое очередное, совсем недавно полученное звание капитана милиции.

А если теперь остановиться на перечислении остальных, таких «веских» причин, то и так все симптомы болезни «великого» уже были в наличии.

Тогда, в конце лета 1995-го, я выехал с отделом на очередной труп в район Батыевой горы, который на тот момент был одним из самых криминогенных мест Печерского района.

Почему именно на тот момент?

Сейчас на месте захудалых батыевских избушек стоят прекрасные коттеджи, в которых проживают состоятельные господа. Тогда же это была помойка, заселенная беспрерывно пьющими гражданами неопределенного возраста, отношения между которыми выяснялись, как правило, мордобоем и поножовщиной.

Местом преступления был двор одной из избушек, на пороге которой лежал труп особо опасного рецидивиста.

Рядом с покойным находилась его безутешная сожительница, по виду сильно пьющая тетка лет пятидесяти, которая прямо заявила, что к ее ненаглядному пришли выяснять отношения трое ранее ей неизвестных.

Затем, разумеется, была драка.

Но кто и как ударил ее оттатуированного с ног до головы церквами и куполами и выглядевшего соответственно длительному тюремному стажу «любимого», она из-за своего слабого зрения, конечно же, разглядеть не могла.

Отразив, по моей настоятельной просьбе, весь свой рассказ в объяснении, она в конце собственноручно выписала слова: «не видела, не слышала, не знаю» на удивление красивым подчерком.

В перспективе отдела замаячил очередной «висяк».

Нужно было искать свидетелей.

И я с операми бодро отправился собирать слухи и сплетни по ближним и дальним соседям.

Уже через десять минут добрые люди нашептали нам о конфликтной ситуации между скоропостижно овдовевшей и ее знакомыми с соседней улицы.

Камнем преткновения стал некачественный кофе, который сожительница уже покойного продала им, украв его в столовой, где работала посудомойкой.

Употребление именно этого «благородного напитка» и вызвало у соседского семейства вначале расстройство желудка, а затем и непреодолимое желание, по сложившейся в тех местах традиции, по-соседски выяснить отношения.

Тогда это была единственная версия случившегося.

И нужно было с чего-то начинать.

Во-первых, я задержал и доставил в отдел страдающую диареей бережливую семью, состоящую из отца, матери и сына, и навалился со своими еще более молодыми подчиненными на раскрытие этого «реального глухаря».

Вместе с подозреваемыми я захватил попавшиеся мне на глаза кроссовки главы семейства, до этого мирно сохнувшие на веревке во дворе.

На резонный вопрос подчиненных — «зачем, если в протоколе осмотра места происшествия следователем следов обуви зафиксировано не было?», я многозначительно отвечал, что у меня «оперская интуиция».

Но ни моя многозначительность, ни мокрые кроссовки тогда так и не понадобились.

Примерно через два часа душевных бесед в разных кабинетах задержанные рассказали под протокол полную картину очередной «Батыевской оды»¹.

«Атлет-рецидивист», по своему, по-блатному, вступился за честь сожительницы.

С черенком от лопаты он вышел на пришедшую для выяснения отношений делегацию с расстроенными желудками, состоящую из еще вчера таких добрых и близких соседей: отца, матери со стройной, почти мужской фигурой, и несовершеннолетнего сына, для подкрепления.

Затем «мужчины» обменялись ударами.

Один бил черенком, другой в ответ — ногой.

После чего навсегда переставшие быть родными, теперь уже непрощенные гости всем составом отправились домой — продолжать бороться с диареей.

А благородный рецидивист с разорванной селезенкой — через час в морг.

¹ Ода — поэтическое, а также музыкально-поэтическое произведение, отличающееся торжественностью и возвышенностью, посвященное какому-нибудь событию или герою.

Более того, из обстоятельств следовало, что вспыльчивый «худощавый атлет» бил лопатным черенком первый.

Утром собранные материалы были мною переданы через канцелярию в прокуратуру Печерского района, которая, кстати, находилась в здании районного управления этажом выше Уголовного розыска.

И я уже начал об этом случае забывать.

Но тут произошло то, что теперь я, уже мудрый и почти седой, списываю на болезнь своего «великого розыскного периода».

Когда ко мне в кабинет вошел помощник прокурора по надзору за милицией по фамилии Гриморьев*¹, молодого вида, лет примерно тридцати, начинающий полнеть от частого употребления горячительных напитков и, как результат, постоянно страдающий от нелегких, а иногда омерзительных расцветов, я был в образе и учил жизни своих подчиненных.

К моему удивлению, Гриморьев* вернул собранный отделом материал, сообщив при этом, что прокурор района дал мне личное указание написать отказ в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на статью о необходимой обороне.

Я даже не заподозрил банальную подставу.

А дальше произошло то, что обычно происходит, когда болезнь «великого» накрывает своей головокружительной волной.

Я, «профессионал», без колебаний и сомнений, на основании справки из морга о причине смерти потерпевшего взял и подменил прокуратуру, лишив ее законного права подследственности, и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Затем, отобрав у дружного семейства паспорта, на всякий случай, и вернув так и не ставшие подтверждением апогея моего «легавого нюха» кроссовки, продолжал наслаждаться своей «болезнью».

В состоянии ее прогресса я даже не обратил никакого внимания не только на статью уголовно-процессуального кодекса, но и на откровенно бросающуюся в глаза «дружбу» с моими начальниками жены проходившего по материалам «отца-защитника», которая знала всех их, вместе с прокурорскими, по именам.

¹ Здесь и далее по тексту помеченные «звездочкой» фамилии реальных персонажей изменены.

А еще — на молчаливое накладывание виз на написанный мною «отказняк», происходившее без расспросов и замечаний прямых, или, как принято говорить, непосредственных начальников розыска и районного управления.

И хотя моя болезнь через время и завершилась «чудесным выздоровлением», сопровождающимся запоздалыми сомнениями и такими же никому не нужными раскаяниями, заведшими меня в мои же, такие нелегкие думы о победившем тогда оттенке, «в зеленом».

Но что было сделано, то, увы, было сделано.

По прошествии почти пяти лет, подтверждая народную мудрость о шиле в мешке, у «зеленого цвета» даже нашлось имя.

В 2001 году, работая опером и посещая изолятор временно-го содержания на Подоле, я встретил работающего там своего бывшего коллегу по Печерскому розыску Юрия Годомского.

Он-то мне и поведал историю о том, что его тогда уже бывший приятель — теперь начальник одного из столичных райотделов, занимавший в 1996 году должность начальника одного из отделов Печерского уголовного розыска и по совместительству близко «друживший» с женой «отца-защитника». В тот самый момент, когда я корпел над «страстями о растворимом кофе», он в своих фантазиях уже выбирал страну-изготовителя очередного личного автомобиля.

Хотя, если быть до конца честным, то новый автомобиль проследовал мимо «соискателя» и сделал окончательную остановку в Печерской прокуратуре.

Но шило из мешка напомнило о себе значительно позже. А тогда, тихо, почти по-семейному,

Таким вот, теперь хорошо знакомым мне, милицейским ми-моходом,

Отгомонил и отшумел негромкий милицейско-прокурор-ский праздник алчных скотов с приглашенным на него не ве-дающим, что творившим, «сыщиком».

Это был особый праздник чествования великовозрастного самонадеянного придурка. Хотя тем летом 1995 года я даже не мог предположить, что все произошедшее тогда — всего-на-всего приписка.

А сказка, как ей и положено, ждала меня впереди.

Глава 5

И...Здравствуйте.

Реплика товарища Саахова
из к/ф «Кавказская пленница»,
реж. Л. Гайдай

Желание что-то менять в собственной жизни, да еще чтобы эти изменения были обязательно к лучшему, заставляет каждого из нас, забыв об удобной и такой родной во всех отношениях лени, подниматься с дивана, принимать решения и действовать, действовать, действовать.

Именно оно,

Это желание,

Пока еще его место не заняло бродящее где-то рядом безразличие,

Регулярно заталкивает в большую от реальности голову мысль о том, что дальше непременно будет лучше.

Что только нужно сделать шаг вперед — и тогда,

Обязательно и непременно все будет очень хорошо.

К концу 1996-го состояние качки и укачивания от работы в райотделе в конечном итоге мне осточертело.

В конце концов каждому сыщику, если он, конечно, хочет быть таковым, хотя бы в самом начале, когда еще земля летит из-под ног, а печень совершенно здорова,

Хочется,

Ну, очень хочется интересных дел и умных, изощренных противников.

Хотя годы, проведенные в шкуре опера, теперь уже не оставили мне особого оптимизма на право делать такие заявления от имени всех без исключения оперативных работников.

Но тогда я находился в состоянии бодрого старта.

И, помимо примитивного желания сносно питаться, желание работать било у меня через край.

И в очередной раз, выслушивая мои соображения об объекте «дурдом» — а именно так, кстати, назывался райотдел в сериале «Менты» — Иван Митрофанович вдруг вспомнил, что в конце 80-х, когда он работал в Печерском райотделе по линии иностранцев, с ним трудился некто Игорь Гончаров. Этот, по его мнению, неплохой парень уже пять лет работал в Киевском УБОП.

«Школу на земле» к тому времени, по мнению Косенко, я уже прошел. И он предложил мне свое участие в моем дальнейшем трудоустройстве.

Именно так, с какой-то безразличной формулировкой «между прочим»,

Взял да и наступил самый тяжелый, самый неоднозначный и самый яркий период в моей милицейской службе.

Двадцать первый отдел УБОП ГУ МВД Украины в Киеве располагался на втором этаже городского отдела милиции Радянского района, по улице Старовокзальной, 12.

Само его расположение было символичным.

Четырехэтажное здание старой постройки находилось между железнодорожным вокзалом и универмагом «Украина».

Между грязью, вонью, измученными провинциалами, медленно бредущими в направлении метро, и блестящими витринами, в которых отражались хозяева тогдашней жизни, что с напускным безразличием дефилировали между дорожными шмотками,

Для всех без исключения «измученных райотделом» молодых оперов УБОП был объектом неприкрытого вожделения.

Авторитет службы,

Сравнительно человеческие условия для работы,

Да и чего греха таить — достаточно веский материальный стимул,

Стали тогда именно тем, что заставляло каждого из нас тянуться в тогда еще легендарную службу.

Я не был исключением.

Знакомство с заместителем начальника отдела УБОП Радянского района Киева, подполковником милиции Гончаровым Игорем Игоревичем на меня произвело двойственное впечатление.

В состоянии волнительного трепета от близости расстояния в один только шаг от новой и такой желанной убоповской жизни я вошел в кабинет своего предполагаемого начальника и по совместительству авторитетного коллеги.

Но каково было мое замешательство, если забыть о легком первом шоке, когда я отворил дверь и переступил порог обшарпанного кабинета а-ля Уголовный розыск,

А в нем,

Вместо пижонистого гладкого начальника, образ которого я многократно созерцал в райотделе и который, проводя соответствующие параллели с фигурами «старших коллег», рисовало воображение,

Меня встретил оставляющий впечатление плохо вымытого, вызывающе броско, но небрежно одетый, уже немолодой, какой-то невзрачный и нескладный, небольшого роста, его хозяин.

Голос его был какой-то не по-мужски мягкий, манеры наигранно интеллигентные, а стиль общения явно не оперской.

«Какой-то он сладкий, хоть бы не оказался голубым», — подумал я.

Ах, знать бы мне тогда, с кем мне на самом деле довелось познакомиться в этом обшарпанном кабинете, сидя за поцарапанным и покосившимся от времени рабочим столом, и кто пристально меня рассматривает своим «добрым взглядом»...

Первая наша беседа с Гончаровым была непродолжительной.

Задав мне несколько общих вопросов, он обещал помочь в переводе. После чего мы простились.

К моему удивлению, свое обещание он сдержал.

Мой долгожданный перевод произошел в октябре 1995 года.

Проявив до этого никогда не демонстрируемую им прыть, мой розыскной коллега по совместительству друг жены оставшегося в живых участника «кофейных страстей» на Батыевой горе сделал тогда для меня в принципе невозможное.

Оставшись между бывшими военными, а ныне операми Уголовного розыска с таким полезным в сложившейся ситуации для карьерного роста дипломом об окончании средней специальной школы милиции,

В гордом «среднем» и, разумеется, «специальном» одиночестве,

Он «добыл» мне подпись начальника о переводе на моем рапорте.

Именно так, легко и непринужденно простившись с Печерским райотделом, гордо и стремительно, а теперь, по проществу времени, мне кажется, даже почти не касаясь земли,

Я «влетел», сломя голову,

В столь давно желанное мною элитное оперативное подразделение.

Глава 6

«Желание быть испанцем».
Козьма Прутков

Немногочисленные коллеги по новой работе приняли меня со спокойствием, граничившим с безразличием.

Да и кого мог в принципе заинтересовать нескладный рай-отделовский опер?

Отдел делился на «гончаровских» и всех остальных.

Водителем Гончарова и по совместительству приятелем был капитан Леонид Михайленко. На вид лет сорока пяти, худошавый, смуглый, цыганского вида, регулярно впадающий в неприкрытую панику от любого скрипа дверей, он в отделе был гордым обладателем минимума профессионализма и такого же минимума интеллекта.

Долгое время проработав младшим инспектором Уголовного розыска, Михайленко был самым старшим по возрасту в отделе, хотя это совсем не прибавляло ему авторитета.

Что явно бросалось в глаза, так это его юридическая безграмотность, скупо произраставшая на граните отсутствия элементарных знаний правописания.

Довершала портрет Михайленко его неприкрытая, собачья преданность Гончарову.

Следующим в списке был капитан Николай Амдеенко*.

Угловатого вида, с мужицкой хитринкой тридцатилетний провинциал, он начинал службу в отделе охраны инспектором и как оперативный работник ничего из себя не представлял.

С Михайленко его роднила все та же шенячья преданность.

Еще в отделе был младший инспектор Слава Никоненко.

Ничего в силу своего возраста и отсутствия какой-либо милицмейской подготовки не знающий и не умеющий, пришедший в милицию после армии двадцатилетний парень,

Он появился в отделе примерно в то же время, что и я. Все по той же протекции Гончарова, к которому он испытывал чувства, аналогичные чувствам новых коллег.

Завершал картину Олег Потенко*.

С хорошей райотделовской школой, полнеющий тридцатилетний майор, он всем видом показывал, что устал от работы в органах.

Его направлением была экономика, что в УБОП уже тогда причислялось к беловоротничковой элите.

И Потенко*, соблюдая дистанцию, держался от всех особняком.

В отделе его мало что волновало в принципе.

Начальник отдела полковник Шевчук, которого я никогда так и не увидел, находился на больничном, вызванным конфликтом с личным составом.

Обычно начальников в органах тайно не любят. Хотя именно подчиненные из-за нелюбви к своим руководителям и прячутся по госпиталям.

Здесь же я стал свидетелем редкого исключения.

Первое, что мне бросилось в глаза на моей новой и такой желанной работе, ее разительное от Уголовного розыска отличие —

Отдел ничем не занимался.

Ничем в принципе.

Нет, конечно же, все мы сходились на работу.

Но после Печерского райотдела, где начальник отдела кадров с фамилией Добрый-Вечер встречал всех нас до девяти утра на входе с секундомером, наша сходка длилась после магического начала рабочего дня еще в течение следующего часа.

Заканчивали же мы работу еще лучше, чем начинали.

Это происходило хотя и неспешно, но зато когда кому нравится.

И вот при всем при этом сама борьба с организованной преступностью никого не интересовала.

И, как я понял, уже давно.

А еще все происходящее вокруг меня сопровождалось скромными застольями по поводу всяческих праздников, которые периодически приходили и уходили и которые организовывал либо Потенко*, либо «добровольные» спонсоры, работающие на вокзале в сфере торговли.

Вся эта «пахота» была наполнена безропотным преклонением перед Гончаровым.

Он был не просто исполняющим обязанности начальника.

Он был, словно Сталин, отцом и учителем.

И если свалившаяся на меня реальность после состояния цейтнота в уголовном розыске первое время приводила в умиление, то преклонение перед Гончаровым откровенно удивило.

Ведь убедиться в его оперативном гении я пока не мог. Были и странные моменты, которые меня приводили в замешательство.

Например, нежелание работников теперь уже моего отдела разговаривать в кабинетах.

Личные беседы проходили только шепотом и только в коридоре.

А еще — оперативные псевдонимы каждого из работников, в том числе, Гончарова.

Его вся округа знала как Николая Петровича.

Была еще и какая-то нервозность, висевшая в воздухе.

Романтику псевдонимов мои свежие коллеги объяснили тревогой за себя и своих близких.

А вот все мои попытки поговорить о происходящем в отделе наталкивались на необъяснимое для меня раздражение с какой-то необъяснимой настороженностью.

Все происходящее тогда я списал на специфику подразделения.

Тем более, что в этом я тогда ничего не смыслил.

И расспросы свои прекратил.

А еще в отделе происходили непонятные мне события.

Как, например, странный звонок в моем исполнении в прокуратуру.

Где-то в ноябре того же, 1995 года, Михайленко «зайчиком» заскочил в мой, а если быть точным, наш с ним кабинет.

В возбужденном состоянии, ничего не объясняя, начал просить меня, чтобы я перезвонил в прокуратуру Киевской области и спросил, зачем его и Гончарова туда вызывают.

Я, разумеется, перезвонил.

На другом конце провода абонент смутился и сказал, что позвонит потом.

Теперь, когда все уже давно стоит на своих местах, постоянная паника Михайленко мне вполне понятна и объяснима.

Но тогда все сослуживцы оставались для меня бесспорными авторитетами.

Да и мог ли я поставить под сомнение их опыт работы, звания, возраст?

Или придать происходившему вокруг меня особое значение?

Гончаров же всеобщее ничегонеделание объяснял проверками отдела внутренней милицейской безопасности и СБУ, вызванной враждой отдела с начальником Шевчуком.

Тогда мне этих его объяснений было вполне достаточно.

Глава 7

Любовь травами не лечится.
Овидий (43 г. до н.э.)

Само же Киевское управление по борьбе с организованной преступностью в те времена кипело и бурлило.

Кого-то из «бандитов» и их лидеров задерживали, кого-то отпускали, кого-то арестовывали и даже судили.

Вначале неуклюжее противостояние обнаглевших «братков» все больше и больше приобретало осмысленный, жесткий и уже профессиональный характер.

Жизнь продолжалась.

По длинным коридорам здания на улице Горького, 114 ходили хмурые опера с проседью.

На совещаниях начальники призывали нас немедленно на-пряться, взяться и победить всю преступность.

Причем, всю без исключения.

А в это время двадцать первый убоповский отдел жил своей, для меня, даже несмотря на несколько месяцев в нем пребывания, все еще непонятной жизнью.

Вся без исключения работа отдела сводилась к регулярным походам на площадь, к универмагу «Украина», где стайками толпились валютчики,

А еще свое мастерство оттачивали валютные мошенники, кидалы, действующие группами.

Обычно Гончаров отводил «старшего» какой-нибудь группы кидал в сторону, и они о чем-то разговаривали.

Все эти разговоры, как правило, приводили к обратным действиям мошенников.

К так называемым «возвратам».

С которых Гончаров, естественно, получал процент.

Меня к этому «таинству» он старательно не допускал.

Хотя, при всей моей откровенной тогдашней нищете — без всякой бравады — я точно знаю, что такой способ «обогащения» меня бы не прельстил никогда. Это мне претит.

А затем настал ноябрь 1995-го.

Тогда, в один из его холодных дней, Гончаров и Михайленко не появились на работе.

Вместо них в отдел пришла одна из валютчиц, что в принципе было довольно редким событием, ведь Гончаров отдавал предпочтение разговорам на воздухе в любую погоду.

Тщетно прождав «Николая Петровича» около часа, она с пониманием выслушала от меня стандартный ответ, что Гончаров «на выезде».

Когда же ее терпение закончилось, она рассказала, что ее подруга по прозвищу Валя-красавица, в быту Ларионова Валентина, этим утром внезапно исчезла. Причем, исчезла она вместе с тридцатью тысячами долларов, приготовленными на обмен.

Уже изрядно соскучившись по работе, я с нескрываемым удовольствием ей рассказал, куда и как правильно написать заявление о пропаже человека.

Но тогда я и подумать не мог, что убийцы Ларионовой ходят вместе со мной на работу в один отдел.

Только в 2002 году, в процессе проведения оперативных мероприятий по документированию милицейской банды, встало на свое место знакомство пропавшей без вести Вали-красавицы с Гончаровым и Михайленко.

Их отсутствие в день ее похищения.

Трясущиеся руки Михайленко, который в тот день около полудня, на несколько часов раньше Гончарова, появился в отделе.

Оперативная информация о том, что Ларионова сама села в неустановленную машину.

Постоянный треп между бандитами об этом эпизоде.

И, наконец, бандитская бравада в тексте требования выкупа у жены Селиверстова — другого похищенного и убитого бандой валютчика, тоже имевшего рабочее место у универсама «Украина», — разбавленная словами, что он «уехал за Валей».

Увы, но Валентине Ларионовой повезло меньше остальных.

Ее похищение и убийство не раскрыты до сих пор.

Неприкаянная душа ее все еще бродит у по-скотски зарытого тела где-то в Броварском лесу.

А еще, возможно, иногда в качестве напоминания является в снах своим убийцам.

Происходили в отделе и другие происшествия, которые впоследствии стали для меня ответами на первоначальные сомнения во время разработки банды.

В один из понедельников декабря того же 1995 года, придя на работу, я стал свидетелем нескрываемой паники.

Тихое болото бурлило и пенилось.

Мои совсем свежие коллеги опять нервно шептались в коридоре о том, что отделом вновь занялась внутренняя безопасность.

Суть же их нервозности была в следующем.

По команде Гончарова и под его непосредственным руководством отдел провел обыск в гараже у одного из якобы подозреваемых. А затем вымогал у него деньги за обнаруженные, то есть подброшенные ими же наркотики.

К досаде соискателей, мнимый преступник написал заявление в милицию.

О том, что обыск был незаконным, говорил испуг на всех без исключения лицах, в нем участвовавших.

А впечатлительный Михайленко и вовсе откровенно впал в истерику, всем своим видом показывая, что они попались.

Я был единственным, кого Гончаров на этот обыск не взял.

Теперь понимаю, почему.

Он пока ко мне присматривался.

Паника прекратилась так же внезапно, как и началась.

Внезапно нашелся следователь, который предъявил внутренней безопасности постановление о производстве обыска без санкции прокурора.

Тогда законом это было разрешено.

Кто был этот «герой», я тогда еще не знал.

Только Гончаров во всех этих перипетиях вел себя спокойно.

Он даже выбирал время для наших задушевных разговоров.

Явно презирая правоохранительную систему, что тогда меня уже начало настораживать, Гончаров делился со мной рассказами о крупных суммах денег, которые он «заработал» во время службы в УБОП.

Он с гордостью, рассчитанной исключительно на меня бездомного, с присущим только ему тембром голоса говорил о том, что может хоть сейчас уйти на пенсию. И все только для того, чтобы выписывать себе любимому отдельную ведомость и выдавать себе по пятьсот долларов каждый месяц, что, к слову, тогда было огромной суммой.

Апогеем его откровений был монолог о ненавистных ему «жирных котах». Так он называл всех без исключения успешных представителей бизнеса.

Заканчивал же обычно свой монолог мигом самоупоения — рассказом об обладании множества квартир в Киеве.

Сейчас, сравнительно хорошо изучив Гончарова, цель этих рассказов мне ясна и понятна.

Вызвать у меня зависть и желание немедленно все это получить.

Причем, не обращая никакого внимания на средства.

Тогда же я просто не понимал, что происходит.

И только и делал, что, широко открыв глаза и рот, жадно слушал своего опытного и авторитетного коллегу.

А еще искренне и тепло думал о нашей начинающей крепнуть профессиональной, преданной оперской дружбе.

В дополнение к первым впечатлениям о новом месте работы стало мое невольное присутствие при дележе Гончаровым и Михайленко десяти долларов, полученных с кидал за «крышу».

Лицеизревая купюру, остановиться и выгнать меня из кабинета они тогда физически не смогли.

Искрящийся блеск в глазах, тряска в руках, неподдельный восторг от «ожидаемого блаженства».

Причем, все эти чувства переполнили их одновременно.

У оперов на моей памяти никогда не было больших зарплат.

В 1995 году они вообще были нищенскими.

Но увиденное тогда случайно, больше за всю мою дальнейшую службу в милиции я не наблюдал никогда.

Хотя все же это было мое далеко не последнее новое «профессиональное» впечатление.

Той осенью разговоры о себе любимом Гончаров разбавлял рассказами о предателе интересов УБОП, начальнике нашего отдела Шевчуке. Который якобы продал одному из киевских преступных авторитетов со звенящей тогда на слуху кличкой Кисель заведенное в отношении его преступной группировки оперативное дело.

Он же, по все тому же авторитетному мнению Гончарова, и был главным «крышевателем кидал» у универмага «Украина».

Вот тогда-то все эти его откровения меня окончательно повергли в сомнения и начали подтачивать веру в Гончарова как в сыщика.

Происходящее возле универсама «Украина» было сложно завуалировать.

Ведь это с позволения сказать действие происходило, опять же, на моих глазах.

Но чего было у Гончарова не отнять, так это знания закона распространения трепа в милицеской среде.

Уподобившись базарным бабам, коллеги, в основной своей массе даже не по злобе, а так, чтобы просто поговорить, пересказывают всякий бред, что от правды обычно далек, как Антарктида.

Причем, делают они это с высокохудожественным выражением лица. Да еще и с присказкой: «А нам, органам, уважаемый сослуживец, все о вас известно».

Затем, по все тому же закону, треп всегда, и исключительно вовремя, доходит до начальствующих ушей.

И самое главное, Гончаров без йоты сомнения был уверен, Он знал точно,

Какие, после его наушного прослушивания, начальники делают выводы.

Уже потом, по прошествии совсем непродолжительного времени, Гончаров проговорился, что очень хочет занять должность начальника отдела.

А тут этот упертый Шевчук.

Тогда же понимание того, что Гончаров никогда ничего не делает просто так, даже и не думало посетить мою голову.

И когда в одной из наших «доверительных бесед» Гончаров предложил мне уйти из милиции в безопасность, в одну из фирм его близких знакомых, это предложение только и того, что не вызвало у меня особой радости.

Хотя, если откровенно, то и тревоги тоже.

Ах, знать бы мне тогда, какой сюрприз готовит этот упырь!

И догадаться о том месте, которое он для меня в планах, в своей больной голове, уже «зарезервировал».

Отдельно нужно остановиться на лицах, посещавших Гончарова.

Когда-то в правоохранительной системе успешно использовалась категория внештатных сотрудников.

Так вот, по единственному внештатному сотруднику Гончарова, как, впрочем, и всего отдела, явно плакал психдиспансер.

Это был молодой человек с капающей изо рта слюной, явными признаками начальной шизофрении и все той же собачьей преданностью.

Сейчас мне нетрудно догадаться, зачем Гончарову понадобился недееспособный и, естественно, неподсудный.

Но тогда яркий образ такого вот внештатного сотрудника уже в дежурный раз должен был повергнуть меня в шок.

Должен был.

Но кто думает плохо о вытащивших нас на престижную работу благодетелях?

Еще в отделе появлялся тогда называвший себя журналистом некто Олег Ельцов.

Их нежная дружба с Гончаровым, протекавшая тогда в непосредственной близости от меня, затем на моих глазах «была проверена годами» и давно не требует объяснений.

А тогда высокого роста угловатый тип с неприятным выражением лица, по стилю одежды подражавший Гончарову, совсем «не озонировал» и без того спертый воздух.

Были еще периодические появления в отделе, как мне тогда объяснили коллеги, их бывшего работника, некоего Сергея Кисилевича.

Тридцатилетний, угловатый, медведеподобный, с вечно красным лицом, явно не испорченным интеллектом, он приходил в гости исключительно к Гончарову.

Его уволили со службы по собственному желанию в связи с тем, что закрепленный за ним автомобиль отдела ВАЗ-2110 был угнан, да не откуда-нибудь, а от милицейского общежития.

Затем «профессионалами» из отдела, во главе, разумеется, с Гончаровым автомобиль был обнаружен.

Но, увы, сгоревшим где-то на пустыре.

По прошествии семи лет после этого, прямо скажу, сомнительного угона все мои попытки установить, чью смерть скрывает пожар и где спрятан труп, оказались безрезультатными.

Еще одна безвинно погубленная душа так и не нашла своего последнего пристанища.

А еще на горизонте моего нового рабочего места периодически появлялся следователь следственного управления Киевского главка, который привел в состояние законности «тревожный» обыск, о котором я писал выше.

Им оказался тогда еще майор Василий Гайдай.

Тридцатипятилетний, высокий, широкоплечий, холеный, даже, если хотите, породистый. И по этой веской причине до беспамятства в себя влюбленный.

Хотя, вся эта блестящая оболочка слетала с него в тот миг, когда он произносил свое первое слово.

Оно-то моментально выдавало его босоногое детство в поселке городского типа где-то в Житомирской области.

Ну, а я,

Все еще совершенно свежий борец с организованной преступностью,

Наблюдая за происходящим, даже не пытался понять, что вокруг меня в действительности происходит.

Каждый свой новый рабочий день я только и делал, что томился в ожидании, что вот-вот отдел займется оперской работой с засадами и задержаниями.

А за давно не мытым окном моего тогдашнего служебного кабинета уходил в историю 1995 год.

Который стал тем периодом моей жизни,

Той первой точкой соприкосновения

С тогда еще упивавшимися своей безнаказанностью бандитами.

Глава 8

*Что ж, друг друга выручали мы не раз,
И не раз спасало нас в тяжелый час
Сердце, сердце друга...*

Из песни к к/ф «Следствие ведут
ЗнаТоКи»

А потом наступил новый, 1996 год.

Он подвел жирную черту под моей такой вот странной работой в двадцать первом отделе Киевского УБОП.

Где-то в феврале Гончаров предложил мне подписать рапорт от имени всех оперов отдела, суть которого заключалась в том, что мы не хотим видеть полковника Шевчука в своих руководителях.

Что двигало тогда всегда знавшего, что он делает, Гончарова?

Почему он решил пойти ва-банк с такой прогнозируемой и хорошо ему знакомой милицейской системой?

Куда подевалось его звериное чутье?

Мне непонятно до сих пор.

А тогда его слабо завуалированная интрижка с целью занять должность начальника отдела хотя и была мне откровенно неприятна, но стадное чувство, за которое мне стыдно даже по прошествии стольких лет, безраздельно взяло верх.

Вот этот рожденный им «совместный» рапорт и поставил крест на его, «гончаровском», 21-м отделе.

Начальник Киевского УБОП по фамилии Лясковский после такой инициативы подчиненных решил его попросту разогнать.

Предложение покинуть столичное управление не коснулось только меня.

Кадры УБОП учли мое недолгое пребывание на новой должности.

Финал «нежелания низов жить по-старому» был следующим: Николай Амдеенко* перебрался в налоговую милицию, Олег Потенко* — в ОБЭП Киева.

Славу Никоненко уволили.

А Михайленко и Гончаров продолжили службу в Боярском отделе УБОП Киевской области.

Я же по волевому решению руководителей перешел в отдел полковника Харченко, обслуживающий тогда еще Ленинградский район столицы.

А еще начало 1996 года разделило мою профессиональную карьеру на «до» и «после».

В части «до» осталась вера в то, что рядом с тобой работают побратимы.

Которые, простите за высокопарные слова, тебя поддержат, и если не дай бог, ты — нет, не предал, сглупил — помогут.

В части «после» осталась реальность, в которой есть простая аксиома:

Увы, но правоохранительная система любит исключительно дураков, которые во все это верят.

Причем, как я тогда, искренне, во все то мое, что осталось «до».

Верят по-разному.

Тихо, про себя, или с пеной у рта.

Не понимая того, что, в сущности, любви правоохранительной системы достойны только герои,

Которые должны в милиции присутствовать только как легенда, как миф.

Они нужны ей, как воздух.

То есть, нужны в принципе.

Вообще.

Ведь без них, без героев, ее существование с парадами, аксельбантами, бодрыми рапортами становится абсурдом.

Но нужны они ей с маленькой оговоркой.

Только в виде лица с плаката.

На частности, на конкретику она, правоохранительная система, размениваться не научена.

Потому что не умеет.

Не хочет.

Своим же рядовым она не оставляет никаких шансов.

Ведь даже на свадьбе, если солдата усадят за стол рядом с генералом-героем, то это ничего не значит.

Потому что финал этих посиделок известен заранее.

«Уставшего» генерала с почестями отправят домой.

А солдата за случившуюся с ним неоднозначность даже если не отправят на гауптвахту, то уж точно забудут спящим под столом.

Что произошло?

Даже сейчас я могу педантично и скрупулезно пересказать все подробности того мартовского утра 1996 года.

Моя тяга переговорить с опытным, внимательным и чутким старшим товарищем Игорем Гончаровым привела меня в тот холодный день начала весны на свое прежнее место работы, в 21-й отдел, на Старовокзальную, 12,

Куда Гончаров, ожидающий приказа о переводе в УБОП Киевской области, все еще продолжал похаживать, не в силах проститься с «полем чудес» у универсама «Украина».

А затем события того дня нарастали, как снежный ком.

Почти сразу же после теплой встречи с теперь уже бывшим начальником в мой уже тогда бывший кабинет, где стояли еще не успевшие перекочевать на новую работу стол и сейф,

С собачьим блеском в глазах вбежала группа людей, по внешнему виду похожих на моих милицейских коллег.

Тыча мне в лицо удостоверения сотрудников внутренней безопасности, один из них объявил, что все они пришли проверить лично у меня режим секретности.

Для неискушенных в ментовских играх читателей могу объяснить, что режим секретности — это один из формально придуманных проверяющими разных цветов и калибров повод, для того чтобы порыться у опера в сейфе и на его рабочем столе.

Было ли вознаграждено огромное желание пришедших найти доказательства моей деятельности, несовместимой с высоким званием работника милиции?

Разумеется, нет.

Да и что можно было найти в сейфе у парня, только начавшего свою карьеру в Киеве, не имевшего, по сути, ни знакомых, ни друзей, ни родственников?

Да еще и отпахавшего, в прямом смысле слова, три года в отделе Уголовного розыска?

Но тогда уверенные действия проверяющих по досмотру моего стола и сейфа даже мне, тогда еще неискущенному, показались по меньшей мере анекдотичными.

Каждый из моих, скажу прямо, немногочисленных документов и бумаг с записями был внимательно не только изучен, но и просмотрен на свет.

Желание обнаружить ну хоть что-нибудь заставило их своими сильными руками передвинуть доставшийся мне по следствию железный тяжелый и большой сейф.

Не остался без внимания и старый шифоньер с форменной одеждой.

Но все это действие, вся страсть и неподдельное желание бодрых борцов за чистоту рядов, увы, оказались тщетными.

И за их служебным рвением пришло служебное разочарование.

В конце проверки режима секретности два майора и еще двое из той же массовой были откровенно грустны.

По понятной причине я тоже смотрел на происходящее без особого оптимизма.

Нетрудно догадаться, что тогда мне пришлось пережить в компании с грустившими вокруг меня незваными гостями, когда впервые оперские рассказы о проверках я прочувствовал лично на себе.

Что было дальше?

А дальше два бойца за чистоту милицейских рядов с фамилиями Викрук* и Стекашко*, ставшие даже впоследствии полковниками (как хочется надеяться, за какой-нибудь подвиг, о котором мы когда-нибудь услышим), потащили меня к себе в отдел внутренней безопасности, на Владимирскую, 15.

Затем двое суток под запись, вопрос-ответ, они по очереди пытались выяснить у меня два обстоятельства.

Почему я вынес постановление по факту смерти особо опасного рецидивиста в истории с трудноусвояемым краденым кофе во время службы в уголовном розыске Печерского района столицы?

А еще — знаю ли я кого-нибудь с фамилией Каниленко*, по их информации, входящего в группировку киевского преступного авторитета по кличке Кисель?

И если свет на обстоятельства первого вопроса я уже пролил, то вторая «тайна» ждет вас впереди.

Весной тогда уже прошлого 1995 года мой бывший наставник Иван Косенко приехал ко мне в Печерский розыск с личной просьбой своего начальника отдела Сергея Приходько.

Когда-то, в 1993 году, Приходько был прямым руководителем моей стажировки.

И сам факт его просьбы мне откровенно льстил.

Он просил меня в отделе Печерского дознания уточнить реальные перспективы уголовного преследования одного из подозреваемых по фамилии Каниленко*, проходившего по фактовому делу об угоне автомобиля «БМВ» последней марки.

Из обстоятельств дела следовало, что интересующий Приходько фигурант присутствовал при продаже угнанного автомобиля, хотя денег лично не брал.

Зачем это было Приходько?

Каждый опер собирает свой агентурный аппарат по частям.

Появление руководителя его уровня в отделе дознания, не занимающегося работой с агентурой и имеющего о работе с негласным аппаратом смутное представление, могло вызвать, как минимум, кривотолки.

У меня же никакого особого удивления суть просьбы не вызвала.

И я с готовностью отправился в отдел Печерского дознания.

Дело об угоне находилось в производстве у высокого, нескладного, с явно провинциальным лицом, тридцатилетнего дознавателя по фамилии Брянкин*.

Я выслушал его невнятный ответ о занятости, и меня снова закружил розыскной круговорот.

Выполнение просьбы Приходько затерялось в повседневных делах, и я о ней забыл.

Как, впрочем, как мне тогда показалось, забыл и он сам.

И когда по прошествии нескольких месяцев Косенко, которого, как я понял, вся суматоха вокруг этого дела интересовала ровно столько, сколько и меня, вновь услышал напоминание от своего начальника и снова мне позвонил,

Я, хотя немного удивился, все же снова отправился в дознание.

К моему глубокому изумлению, дознаватель Брянкин* на этот раз разговаривал со мной больше, чем обычно.

Далеко от меня не отходил.

И очень долго и как-то виновато объяснял, что интересующее меня дело забрали в прокуратуру на проверку.

Перед тем, как мы разошлись по рабочим местам, он пообещал, что после проверки обязательно посвятит меня во все подробности.

После чего Брянкин* отправился «снова дознавать» в свой кабинет, а я через несколько дней — в долгожданный отпуск.

Где снова, уже во второй раз, благополучно забыл о каком-то там, как мне тогда показалось, рядовом угоне.

Уже потом, огромное количество раз погружаясь в воспоминания о двух сутках, проведенных во внутренней безопасности в компании со старательным Викруком* и хитрым Стекашко*,

Раз за разом вспоминая их кипучие попытки получить от меня хоть какие-нибудь признания,

Меня терзал только один вопрос:

Почему из правоохранительной системы, на тот момент уже давно плотно погрязшей в коррупции, «блюстители непорочности» выбрали именно меня?

Не имевшего ни желания, ни представления, а самое главное — реальной возможности в том самом коррупционном процессе поучаствовать.

Не получив сколько-нибудь желаемого результата, «коллеги» из внутренней безопасности совсем сникли и озлобились.

Собранные «железные» факты на поверку оказались банальным фуфелем.

Во-первых,

Потому что в первом моем «преступлении» разговор с Григорьевым*,

Передававшим мне указание районного прокурора вынести постановление об отказе по факту смерти при необходимой обороне,

А заодно и передача им мне обратно собранного отделением по тяжким материала,

Происходил в присутствии моих двух подчиненных.

Которые, кстати, впоследствии этот факт подтвердили письменно.

А во-вторых,

Я тогда уже не сомневался, что Стекашко* и Викрук* располагают аудиозаписью моего с Брянкиным* последнего откровенно бессодержательного разговора о перспективах дела об угоне.

И в чем я был точно уверен, так это в том, что свой «источник» они не выдадут.

Хотя причина, по которой мой «приятель Брянкин*» сделал эту запись и передал ее в безопасность, тогда мне была неизвестна.

Я без каких-либо колебаний использовал возможность сослаться на амнезию.

Ведь ретивость «коллег» из безопасности могла серьезно усложнить карьеру и точно вытрепать нервы Косенко и Приходько.

Когда «железобетон» окончательно спекся, то профессионал пытается разобраться в причине, ища ее, прежде всего в самом себе.

Но борцам за чистоту рядов Стекашко* и Викруку* желание установить истину жить не мешало.

А ведь, проявив хоть немного, самую малость этого самого желания, они могли бы не только расширить свой кругозор,

Но и узнать много интересного.

Например, то, что сожительница особо опасного «атлета-рецидивиста» была банальной «заочницей» и полюбила его не просто по переписке, а еще и по рекомендации своего сына, отбывающего с тогда еще не любимым наказанием в одном отряде в местах лишения свободы,

И что слезные письма во все инстанции «безутешной вдовы» с красочными рассказами о том, что печерские опера ей угрожали смертью, были организованы в отместку «мусорам, волкам позорным» не «безутешной вдовой», а освободившимся из мест лишения свободы, плохо ею воспитанным отпрыском.

Желания же докопаться до мотива теперь уже «безутешного пасынка», мстившего операм Печерского розыска, отправившим его на исправление на целых пять лет за кражу из магазина, у «сантехников правоохранительной системы» тоже, как всегда, не оказалось.

Сейчас, в память о тех незабываемых днях, проведенных в компании с Викруком* и Стекашко*, у меня осталось составленное ими заключение.

В нем я до сих пор с удивлением для себя читаю историю о некоем, кстати, совершенно незнакомом мне Каниленко*, который сначала хотел передать взятку в Печерский РОВД в сумме аж десяти тысяч всеми любимых долларов,

А потом вдруг оказался объявленным в розыск по Киевской области Кагарлыкским РО ГУ МВД Украины.

Хотя, нужно отдать должное умению автора:

При поверхностном ознакомлении с его чтивом даже я начинаю себя, «грязного, неискреннего, безграмотного мента», тихо ненавидеть.

Вот только с деталями у мастера художественного слова есть большие проблемы.

Это, как минимум, не укладывающаяся в события заявленная им сумма взятки.

Вспомните, ну, или уточните у аксакалов стоимость однокомнатной квартиры на тот момент в Киеве.

А теперь сопоставьте ее с, увы, только предполагаемым и не доказанным соучастием Каниленко* в угоне того «БМВ».

Ведь дело об угоне так и осталось фактом.

И оснований объявления его в розыск Печерское дознание так и не нашло.

А дальше, по логике автора, за никем не доказанное соучастие в преступлении в Киеве Каниленко* вдруг оказывается в розыске аж в Киевской области.

Кстати, о настоящей причине объявления его в розыск Викрум* скромно умолчал.

Ну не писать же, что основанием послужило такое «тяжкое преступление», как уклонение от уплаты алиментов!

Вот что мне тогда еще не было известно, так это то, что во всей этой истории с диктофоном у дознавателя Брянкина*, передавшего аудиокассету с нашим разговором во внутреннюю безопасность, я обязан своему «коллеге» из уголовного розыска по фамилии Мазун*.

Вот это был по-настоящему яркий экземпляр Печерского уголовного розыска.

Регулярно напивающийся до галлюцинаций, уроженец солнечной Молдавии, в пьяном угаре, представлял себя то милицейским полковником и начальником милиции всего Киева, то наяву видел себя руководителем убойного отдела Печерского розыска.

Мечты его разбились в одночасье, когда исполняющим обязанности начальника отдела назначили не его, меня.

Чтобы залить горе, вместе с приятелем, ведущим дела об угоне, которым, как нетрудно теперь догадаться, оказался Брянкин*,

В тот самый момент, когда после продолжительного возлижания до умопомрачения хочется быстрой езды,

Они поехали «кататься».

«Быстрой тройкой» был выбран именно тот, угнанный и случайно опознанный потерпевшим автомобиль «БМВ», находящийся на хранении как вещественное доказательство по делу у Брянкина*.

Но «птица-тройка» летала недолго.

Вырвавшись из мандражирующих рук, она споткнулась о стоящий за городом придорожный фонарный столб, вдребезги разбив свой дорогостоящий капот.

И вот здесь, в задурманенных алкоголем, но еще не пропитых окончательно по причине все еще сравнительно молодого возраста головах любителей быстрой езды и возник оригинальный план.

Чтобы не вылететь из органов, они заявили о покушении на свою жизнь.

Мотив покушения не отличался оригинальностью.

Ведь кто-кто, а эта «двойка отважных лейтенантов», всегда «самоотверженно выполняющих свой служебный долг» и по этой причине «неподкупных», стала просто комом в горле «распоясавшейся мафии».

«Злодеями», тщательно готовившими покушение, были назначены ничего не подозревающие подозреваемые по делу об угоне «БМВ».

Мое же чудесное появление с расспросами об обстоятельствах дела оказалось для тщательно и глубоко замаскированных от всех «самоотверженных борцов» как нельзя кстати.

Увы, но теперь не только я, но и Иван Косенко вместе с Сергеем Приходько, цель которых во время второй беседы с Брянкиным* я не скрывал, с легкой руки «чудом спасшихся» стали «соучастниками покушения».

Помнят ли теперь Брянкин* и Мазун* свой «второй день рождения»?

У меня есть большие в том сомнения.

Тем более что у Мазуна* есть еще и «день рождения под номером три», о котором я напишу ниже.

Во всем произошедшем для меня остается одна загадка.

Как могли опытейшие, без иронии, седые руководители в здравом уме поверить в «быль» о «мстительных, кровожадных угонщиках»?

Всю эту историю потом можно было превратить в «ментовскую байку», рассказывая ее во время застолья пышным и не очень, тут дело вкуса, красоткам, производя на них неизгладимое впечатление.

Но для этого для затравки нужна, как минимум, установленная истина.

В чем я сейчас уверен точно, так это в том, что у ветеранов МВД, полковников милиции Стекашко* и Викрука* такая застольная «ментовская байка» в обиходе отсутствует.

Что было дальше?

А дальше, естественно, я «побег» к своему другу, сыщику с большой буквы Игорю Гончарову за регулярно предлагаемой им, если что, помощью.

Ведь чего было не отнять у Гончарова, так это умения слушать, а еще сопереживать.

И он меня не разочаровал, с готовностью вникнув в проблему.

А затем, после суточной паузы, доходчиво мне объяснил, что «можно решить», чтобы материалы проверки от Стекашко* и Викрука* забрал на исполнение их начальник, по совместительству «его» человек во внутренней безопасности, который их благополучно спишет без последствий для меня.

Все это удовольствие будет стоить мне всего-навсего две тысячи долларов.

Что на тот момент было две тысячи долларов для страны, в которой мы жили?

Чем они были для меня, снимающего квартиру с ремонтом «а-ля притон», мебелированной в стиле 50-х, на киевской окраине?

Так вот, две тысячи долларов – это была стоимость хотя и меньшей, но все же части однокомнатной квартиры в Киеве.

А еще две тысячи долларов в тот момент, когда мои личные финансовые сбережения составляли всего триста, были фантастической суммой, которую к тому же я никогда не держал в руках.

Разочарование отсутствием у меня желаемой суммы Гончаров моментально перекрыл, как я теперь понимаю, заготовленным заранее встречным предложением.

Его «состоятельный товариш» был готов хоть сейчас, но под расписку, занять мне недостающую сумму.

Но мой ответ, что со своей оперской зарплатой я буду отдавать долг следующих три года и что при этом мне придется постыдиться, его, как я теперь понимаю, окончательно даже не разочаровал, а разозлил.

Ведь было отчего выйти из себя.

Туман из популярной песни все тех же пятидесятых, увы, не стал сиреневым.

И даже полночная звезда, к глубокому сожалению Гончарова, не превратилась в коньячную.

Другой бы бросил, остановился, но только не он.

Ну а то, что Гончаров умел доводить начатое до конца, а если не получалось, мстить, затем установило еще и следствие.

Оставшиеся откровенно неудовлетворенными, старательные коллеги из внутренней безопасности, проигнорировав все без исключения доводы, которые были в мою пользу,

Отлично понимая, что, как бы они ни старались, а из органов им меня не уволить,

При откровенном безразличии и равнодушии моих убоповских начальников,

В качестве понятного только им сучьего бонуса,

В отместку не только выпихнули меня из УБОП, но и сделали все возможное, чтобы я не смог вернуться даже в Уголовный розыск.

Причем для этого, превзойдя самих себя, в своем заключении, а затем еще и в приказе по Киевскому УВД они даже придумали мне наказание, отсутствующее в дисциплинарном милицейском уставе.

После чего, все же вспомнив о законе, отправили свои «труды» в Печерскую прокуратуру для принятия окончательного решения.

Эти три документа, один из которых является процессуальным, отражали тот настоящий дух правоохранительной системы, что с годами становился все более спертым.

И до сих пор, на мой взгляд, они представляют собой прелюбопытнейшее чтиво.

А еще на досуге в них можно поискать двадцать отличий от реальных событий¹.

Но это сейчас,

А тогда,

Я, без роду, без племени, читал «выводы», что ставили жирную точку на моей дальнейшей оперативной милицейской карьере, и только и мог, что задавать себе один и тот же вопрос:

Каким должен быть настоящий, главный мотив этих ублюдков, чтобы меня, тогда искренне верящего в милицию, отправить, как барана, под нож?

Ответа на этот вопрос, конечно же, не было.

Хотя уже тогда для меня, еще неискушенного, не являлось большим секретом, что доклад начальству о «блестяще проведенной операции об очищении милицейских рядов» был далек от их настоящей цели.

И мне тогда, еще вчера считавшего своим долгом честно служить, а там как получится, только и осталось, что это неизвестное мне ранее состояние маленького человека в большом городе, временами приходящее дрожью от собственной никому ненужности. С прилагающимся к этому времени подумать, кому я перешел дорогу.

Я перебирал в голове все свои задержания и оперские дела, всех своих задержанных и арестованных — и не находил ответа.

Он, ответ, пришел через долгих четыре года.

Но до него, до ответа, должно было утечь очень, очень много днепровской воды.

¹ См. приложение, стр. 683-689.

Глава 9

*Ныне же так говорит Господь, сотворивший тебя...
Не бойся, ибо Я искупил тебя,
Назвал тебя по имени твоему;
Ты — Мой. Будешь ли переходить через воды,
Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя;
Пойдешь ли чрез огонь, не обожжешься,
И пламя не опалит тебя.*

Ветхий Завет (Ис. 43:1, 2)

О недавнем прошлом, которому точнее всего подходит прошедшее из истории название «смутное» — это когда от государства, в котором ты живешь, только и остается, что флаг и гимн, а основная масса посещающих храм прекращают быть православными и богобоязненными прямо за его порогом,

Обычно остается только ему понятное, особое, напоминание.

Пережитые времена еще долго стучатся в сознание сном из прошлого, фотографией со стены, шрамом на теле или счетом в иностранном банке.

У меня такое напоминание в наличии тоже есть.

Прожитая мною моя личная смута не желтеет на стене от времени и не становится с каждым годом все менее заметной на теле. Конвертированная в деньги зеленого цвета, она не исчезает в карманах официантов и торговцев.

Моим напоминанием о тогда пережитом стала где-то услышанная мимоходом, облеченная в сальную обертку фраза.

Совершенно поначалу неожиданно, она стала именно той соломинкой, что вынесла и спасла.

Сейчас это моя истина, что дает спокойствие и уверенность.

А еще — способность философски воспринимать и оценивать происходящее вокруг.

Теперь я точно знаю, что Господь посылает нам только те испытания, которые мы можем преодолеть.

А тогда, в начале 1996 года, когда Бог в страну только возвращался осознанием того, что портрет на зеленой купюре — это точно не Он, смысл этих слов мне показался странным, а еще совершенно непонятным.

Их понимание пришло по прошествии разных событий, принесенных в мою жизнь неумолимым временем.

Причем, только через несколько лет как-то неожиданно для меня самого пришло объяснение того, что со мной тогда произошло.

Спаситель всего-навсего решил закалить мой характер. Он так решил — ему это было нужно.

А в девяносто шестом я в один миг остался не только без работы в УБОП, но и без работы вообще.

Мечась по отделах Киевского главка и пытаюсь устроиться хоть куда-нибудь, я с периодичностью объявлений остановок в поездах метро наталкивался на стену.

Стекашко* и Викрук* сделали все возможное и даже немного больше, чтобы, изучив их «творение», работники всех без исключения милицейских кадровых аппаратов шарахались от меня, как черт от ладана.

И тогда я снова перезвонил Косенко.

Иван Митрофанович после секундного раздумья вспомнил о своем бывшем коллеге и по совместительству приятеле.

По анекдотичному стечению обстоятельств им оказался начальник службы внутренних расследований — это альтернатива службы внутренней безопасности, но во вневедомственной охране центрального аппарата МВД.

Рыжук Иван Иванович, к моему искреннему удивлению, видевший меня в первый раз, прочитал опус озлобленных потерянной выгодой коллег с резолюцией «волчий билет» и только улыбнулся.

А затем спокойно, без каких-либо расспросов предложил мне должность инспектора в Киевском управлении и переход со временем в его вышестоящее подразделение.

Иван Иванович начинал свою милицейскую карьеру в следствии.

Помогающая не только безошибочно отличать бредни от истины, но и давать им, прежде всего, юридическую оценку, проеденная им милицейская следственная школа и стала тогда для меня вовремя брошенным спасательным кругом.

Так моя карьера сделала головокружительный поворот.

И, к моему собственному удивлению, из опера я превратился в работника службы внутренних расследований и получил по меньшей мере неожиданную для меня возможность называть Стекашко* и Викрука* коллегами.

Можно только представить состояние их «безудержной радости». А еще «громкого веселья» мне еще тогда не известных, но уже, увы, заинтересованных лиц от свалившегося на них известия о таком вот моем трудоустройстве.

Уже много лет прошло, но каждый раз двадцатого декабря, в День украинской милиции, я приезжаю к Ивану Ивановичу, чтобы именно с ним отметить этот праздник.

И каждый раз, распивая с ним горячительные напитки, я говорю Ивану Ивановичу один и тот же тост.

Что он, именно он — номер один в оперативной группе по разработке и ликвидации банды душегубов в милицейской форме.

Глава 10

*Если на клетке слона прочтешь
Надпись «буйвол», не верь глазам своим.*
Козьма Прутков

Почти на целых четыре года, вплоть до осени 2000-го, Гончаров пропал из моей жизни.

У меня даже сложилось впечатление, что он утратил ко мне всякий интерес.

Наши с ним встречи почти прекратились.

Но когда он звонил мне по телефону, по первому зову я бежал к нему, «как зайчик».

Ведь все это время он для меня не только оставался незаменимым, непререкаемым авторитетом — он был для меня той единственной ниточкой, что хоть как-то связывала с УБОП вообще и с оперативной работой в частности.

О чем мы с ним говорили? Вернее, что он говорил мне?

С открытым ртом я жадно проглатывал его рассказы о жизни бандитских группировок.

Причем, упорно не хотел замечать, что они становились с годами все менее продолжительными и выглядели все больше как затравка.

А затем Гончаров переключался на себя любимого.

Всегда неожиданно переходя на высокий тембр голоса, задыхаясь от охватывающего его трепета, вначале он говорил о деньгах вообще.

И хотя его внешний вид за все годы нашего знакомства так и не изменился, составляя конкуренцию облику бродящих рядом бомжей,

Он, проговаривая, судя по выражению лица, не просто любимую, а заветную денежную тему и доходя до ставшего в его разговорах привычного места, внезапно замолкал, делая непродолжительную паузу.

А затем наступало время его любимого акцента на снова возросшем личном благосостоянии.

Причем, это было неписаное правило каждого нашего «свидания».

Затем Гончаров говорил о своей карьере,

Что все еще не закончилась в 98-м году в УБОП Киевской области, откуда он скоропостижно и тогда необъяснимо для меня ушел на пенсию, а до сих пор успешно продолжается в СБУ,

Упуская всем известную милицейскую истину, что поменять службу с МВД на СБУ, да еще с должности старшего опера, тогда, в конце девяностых, практически было невозможно.

Но это была все еще не самая главная часть нашей беседы.

Переходя грань скрытности и откровенно меня шокируя, Гончаров доверительно, а иногда, мне казалось, с гордостью делился своим знакомством с преступной группой, которой все «по плечу». Он переходил на шепот, чтобы произнести ту, еще одну заветную фразу о том, что ее участники за все те же его любимые зеленые деньги могут совершить любое преступление.

Убийство под заказ в перечне возможностей «людей» стояло под номером один.

Верил ли я ему?

Если честно, нет.

Я давно перестал обращать внимание на затрапезный внешний вид собеседника, слушал его блуждающий на грани между бормотанием и писком, обязательно сладкий голос и думал о том, что, конечно же, за свою тогда еще непродолжительную милицейскую карьеру мне попадались всякие сослуживцы.

Были среди них и экземпляры с манией величия.

Гончаров же, при всех, как мне тогда казалось, «странностях» никогда не был представителем милицейской прослойки, которые по складу душевного устройства подпадали под формулировку «дурак набитый».

И поэтому, каждый раз становясь свидетелем происходящего, я старался понять, но тогда, увы, пока понять не мог, какова же все-таки цель разыгрываемого Гончаровым исключительно для меня действия, что иногда все больше и больше начинало походить на представление.

Именно на непродолжительное, но по всем своим признакам — представление.

Но тогда у меня ответа не было, да и быть не могло.

Мой внутренний предохранитель, стоявший на отметке с названием «оперское братство», застыл на месте и двигаться куда-либо не собирался.

И мне ничего не оставалось, как, с каждым разом все подробнее изучая, к слову, совсем недурственную театральную постановку в его исполнении, списать это на усталость и возрастные изменения в его психике.

Но Гончаров не был бы собой, если бы приходил на встречи со мной просто поговорить.

Свои монологи он всегда заканчивал предложением.

Причем, одним и тем же.

Его «тема» была для того времени стандартной, милицейской, почти безобидной шалостью.

«Темой» он называл мое участие вместе с его призрачными до сих пор для меня «людьми» в получении долгов с должников.

Мне отводилась роль предьявителя милицейского удостоверения.

А еще я должен был вместе с ними усаживать указанного им должника в нашу машину.

Дальше Гончаров говорил о поездке за город, где он сотоварищи брался исключительно силой задушевного разговора убедить должника рассчитаться.

Разумеется, оценка моих «трудов» была в долларовом эквиваленте.

И хотя уже тогда после каждого такого предложения моя «железная вера» в оперской и человеческий гений Гончарова, если откровенно, начинала сильно давать крен, то авторитет Гончарова все еще оставался для меня незыблемым.

Мне тогда казалось, что такие, как он, профи, рядом со мной, да и в самой правоохранительной системе больше уже почти «не живут».

Что меня тогда сдерживало?

Наверное, сам способ «срубить денег по-легкому».

От таких предложений, а их всегда, в том числе и сейчас, у правоохранителей более чем предостаточно, меня откровенно подташнивало.

А еще, чем больше я складывал в своей голове события, произошедшие со мной весной 1996 года, тем на большее число вопросов искал и не находил ответы.

Почему, например, после приказа о моем «заслуженном наказании» сразу же за моими регулярными откровениями с Гончаровым о планах перехода в ту или иную службу почти моментально в кадры следовал телефонный звонок моих оппонентов, и переход моментально расстраивался?

Почему никто даже не слушал моих объяснений при проведении служебного разбирательства?

Почему, в конце концов, предложение Гончарова ценой в две тысячи долларов по избавлению меня от всех проблем с внутренней безопасностью, положила руку на сердце, по прошествии времени все больше и больше выглядело как банальная «ментовская качеля» с представителем бизнеса?

Да и когда меня с остервенением «мочили» борцы за чистоту рядов, не имея на это особых оснований, где-то на подсознании я чувствовал во всем происходящем исключительно чью-то личную заинтересованность.

Все эти «почему», помноженные на инстинкт самосохранения и нежелание втюхаться в дерьмо, и заставляли меня уклоняться от всех без исключения предложений моего авторитетного приятеля.

Отговорку я придумал, на мой взгляд, достаточно убедительную.

Ссылаясь на свой внушительный рост, я говорил Гончарову о том, что с моими приметам я окажусь во внутренней безопасности или прокуратуре ровно на следующий день после обращения предполагаемого должника с заявлением в правоохранительные органы.

По прошествии времени понимание того, как близко я стоял от грани, за которой мог стать участником банды, пришло позже, повергнув меня в шок.

Теперь уже нет никакого секрета, кем были должники Гончарова и каковы были их шансы обратиться в прокуратуру.

А вот моя отговорка, как мне кажется, заставила самого Гончарова вспомнить о самосохранении.

И помалкивать.

Хотя, в свою очередь, его инстинкт самосохранения все же иногда давал сбой.

Как-то Гончаров показал мне видеосъемку, на которой были сняты антикварные вещи.

На мой внезапный вопрос в лоб: «Где хозяин вещей?» он безразлично ответил, что тот уехал туда, откуда не возвращаются.

Тогда я пропустил эти слова мимо ушей.

Вспомнив о них только через четыре года.

Но тогда, в девяносто восьмом, можно ли было в действительности поверить Гончарову?

Во все его рассказы о том, что он может все?

А можно ли поверить бомжу с вокзала, когда он вам рассказывает о собственной даче на Майорке, подкрепляя занимательный рассказ исходящим от него резким запахом и улыбкой из гнилых зубов?

Очень многие из моих коллег после разоблачения и ликвидации милицейской банды еще долго не могли прийти в себя от произошедшего.

Гончаровский поношенный до дыр на груди свитер еще долго был его веским и беспрюирышным аргументом.

Ответ на вопрос, зачем ему нужен был я, пришел вместе с ответом, кем он был на самом деле.

Но тогда какая-то неведомая сила заставляла меня раз за разом не отказываться от наших встреч.

А идти, смотреть и слушать.

Глава 11

Все пройдет — пройдет и это...
Царь Соломон

К наступлению миллениума готовились все.

Кто-то ждал сбоя в компьютерной системе, кто-то конца света, а кто-то — еще одного доброго, любимого праздника.

Для меня 2000 год стал стартом наиболее сложного, но все же интересного этапа в жизни.

Моя тогдашняя работа в городском управлении вневедомственной охраны, где я за три года сделал сносную карьеру, став начальником отдела физической защиты «Титан», была грустна и однообразна.

Еще пару лет такой сравнительно спокойной жизни — и, возможно, от моих юношеских оперских амбиций не осталось бы и следа.

И, помня о них, я все еще упирался.

Развлекал себя тем, что в течение всего этого «охранного времени» упрямо опротестовывал то свое злополучное наказание.

Но кто в милиции верит в чудо?

Конечно же, все мои попытки изначально были обречены.

Я наталкивался на стену нежелания вышестоящих ответственных коллег не то что проявить слабое, мимолетное желание разобраться с тогда произошедшим —

Боже сохрани!

За ними даже не было замечено слабого желания проимитировать неудачную попытку наморщить узкий лоб.

Было ли это для меня большим открытием?

К тому времени уже, конечно, нет.

Я усвоил на собственном опыте, что правоохранительная система не приемлет ни сомнений, ни, тем более, критики ее решений.

Если ты позволил ей, системе, принять решение, то пенять нужно только на себя.

Ведь загнанный — а загоняет система обычно только правых — виноват уже тем, что позволил себя загнать.

Но у меня было предостаточно времени.

И тогда, после первой неудачи, моя цель в корне изменилась.

Понимая бессмысленность борьбы как таковой, я отказался от титула правдоискателя и придумал для Стекашко* и Викрука* наказание — нет, лучше назову это кармой, от себя лично.

Из непробиваемого циника все та же правоохранительная система в один миг превратилась в мою машину возмездия.

Зная, что каждый мой рапорт заставит «великолепную пару» раз за разом предоставлять какие-то справки или лично что-то объяснять,

А еще — что вышестоящим ответственным товарищам придется снова и снова, перечитывая эту чушь, убеждаться в непрофессионализме тех, кто ее писал, делая неутешительный для них вывод в их личной заинтересованности,

Не мудрствуя лукаво, все больше и больше изгаляясь в тексте, я начал забрасывать своими рапортами вышестоящие контрольные инстанции.

Понимание происходящего меня несколько лет веселило до истерики, пока само время со всеми участниками произошедшей со мной истории распорядилось со свойственной только ему бескомпромиссностью.

Дознаватель Брянкин*, записавший наш с ним разговор на диктофон, за низкий профессионализм был понижен в должности и переведен куда-то подальше из Печерского райотдела, и его следы мною были потеряны.

Его приятель и по совместительству мой коллега из Уголовного розыска Мазун*, автор идеи о покушении на собственную жизнь и виновник разбитой по пьянке дорогой иномарки, из органов внутренних дел был уволен за дискредитацию.

До своего изгнания он сумел сменить четыре места работы, откуда его каждый раз настойчиво просили уйти.

Ну, а прославился он напоследок новым, уже вторым заявлением о покушении на свою драгоценную жизнь.

Причем, распоясавшиеся бандиты, на след которых ему таки удалось лично выйти в перерыве между пьянками, прогулами

и запоями, вначале ему долго угрожали по телефону. А затем даже дважды стреляли из пистолета с глушителем дрогнувшей в последний момент от ненависти и бессилия к «бескомпромиссному профессионалу» грязной преступной рукой.

Правда, это «покушение» не дало ему такой желаемой славы и милицейских дивидендов. После начатой проверки он заявил, что покушения, как, впрочем, и коварных бандитов, увы, не было.

А еще Мазуну* удалось проскользнуть мимо скамьи подсудимых, когда он перед обыском все-таки успел выбросить в свое окно похищенные им носильные вещи из соседской квартиры.

Работник внутренней безопасности, полковник милиции с фамилией Викрук* был выдворен на пенсию с позором.

Его сын оказался серийным квартирным вором.

Перестала быть секретом фамилия третьего, мне еще тогда неизвестного и всемогущего начальника из внутренней безопасности, который тогда, в 1996 году, был способен за две тысячи долларов решить все мои вопросы.

Уже на пенсии, во время его очередного запоя, когда он метался в состоянии белой горячки, его ударил ножом собственный сын.

А вот еще один милицейский полковник, с фамилией Стефашко*, удержался в милиции дольше всех.

И только после бегства в Россию незабвенного бывшего экс-министра внутренних дел Локоня*, в 2004 году, получив «респект и уважуху», ушел на почетный отдых.

Косенко Иван Митрофанович в 2000 году вышел в отставку, закончив розыскную карьеру в звании капитана.

А его бывший начальник Сергей Приходько перед выходом все на ту же пенсию даже успел поруководить Старокиевским районным управлением в Киеве.

Что случилось с остальными участниками тех событий, мне доподлинно неизвестно.

Глава 12

*Из-за того, что кирпич пролетел
мимо головы гражданина М.,
Хулиганство считать неудачным.
Из милицейского протокола*

Появление тех или иных персонажей, которые оживляют события, обусловлены жанром.

Они не просто обязательны, они неизбежны.

Вот так, после новогодних праздников, совершенно неожиданно и, разумеется, негаданно, на моем горизонте появился бывший коллега по Печерскому розыску по фамилии Бенник*.

И хотя мы даже не были приятелями, да и он себя в Печерском розыске никак не проявил, к тому времени уже успел сделать три вещи: сбежать из района в управление Уголовного розыска Киевского главка, несколько лет отходить туда на работу и, пожалуй, самое главное — проявить личную преданность и побыть водителем с оперским удостоверением у влиятельного милицейского, на тот момент изгнанного из органов, руководителя.

По давно установившимся милицейским правилам, появление того или иного бывшего и пропавшего на много лет коллеги — это не просто так.

Возникновение Бенника* тоже редким исключением не стало.

Он передал мне предложение от своего бывшего шефа, и я не смог от него отказаться.

Уже подходили к концу целых три года позиционной войны с «коллегами» из внутренней безопасности.

Тихо ненавидя меня неугомонного и при этом имея право на визирование всех переводов в оперативные подразделения, они каждый раз пресекали все мои попытки снова стать сыщиком.

Но в 2000 году на службе в милиции восстановился один из легендарных работников столичного розыска, подполковник Владимир Николаевич Щупаковский.

Он-то и был когда-то шефом Бенника*

Владимир Щупаковский был именно той знаковой фигурой, что в момент разгула рэкета в столице за сравнительно короткий период, с 1997 по 1999 годы, свела волну вымогательства практически на нет.

А все началось с того, что в конце 90-х была усилена ответственность за вымогательства.

И УБОП с Уголовным розыском наперегонки занялись наполнением исправительных учреждений дубиноголовыми придурками, которые, играя мышцами, все еще изо всех сил старались улучшить материальное положение своих «авторитетных» бригадиров.

Но эра первичного накопления капитала уже закончилась.

И власть просто была вынуждена вспомнить, что она как бы еще является законодательной. Прекратить делать вид, что в стране ничего не происходит, и, наконец, выполнить требование уже появившегося класса имущих, к тому времени ставших уже фантастически богатыми, и прекратить рэкетирское беззаконие.

Да и сами уголовные авторитеты, разумеется, те, кто поумней, тоже начали подумывать о покое и легализации. Ведь средства, что они добыли «непосильным трудом», были очень весомым аргументом, для того чтобы уgomониться.

Тем более что, оставив безопасный секс для охранников, водителей и тренеров по фитнесу, их благоверные со всей ответственностью подошли к демографической проблеме и начали давать стране совершенно новых, других людей.

Для них, не умеющих и не желающих притворяться, как их родители в телевизоре, и получивших впоследствии липкое прозвище «мажоры», нужно было строить другой, удобный общественный уклад в стране.

Вот так желания так называемой элиты и остепенившейся братвы совпали.

И те, и другие захотели очистить город от отморозков, котопре всех уже начали откровенно раздражать.

Богатым они не давали спокойно распоряжаться своим богатством.

У «бригадиров» ситуация была еще хуже.

Выросшее за десять лет целое поколение, ничего не умеющее и не желающее делать, кроме, разве что, «мурлыкать» и размахивать пистолетом,

Бесцеремонно начало толкать их в авторитетные спины, требуя от «донов» свою долю от добытых ими же материальных благ. Ситуация в стране требовала принятия срочного решения.

И 1997 году судьба рэкетиров, как и уголовной прослойки, была предreshена.

Нужно отдать должное правоохранительному комбайну:

На удивление, по старинке он работал слаженно и настойчиво.

Хотя мимоходом и зацепил уже ставшего знаменитым Щупаковского.

И ему даже пришлось уйти из милиции.

Но он вернулся.

Нужно быть неисправимым оптимистом, при этом слепым на оба глаза, чтобы идеализировать правоохранительную систему конца девяностых. Но увиденное Щупаковским в 2000-м как минимум заставило его вздрогнуть.

Управление уголовного розыска столицы не переставало расхлебывать все прелести постоянной чехарды с руководителями, помноженной на текучку кадров.

К началу нового тысячелетия очереди заявителей в вымогательстве уже стали историей. И от избалованных заявителями сыщиков отдела борьбы с организованной преступностью Киевского уголовного розыска вместо «беги и хватай» потребовались уже другие качества.

Прежде всего необходимо было вспомнить, что они сыщики, опера, а не «крутые Уокеры»¹. А еще им нужно было вернуться к кропотливой оперативной работе.

Но упорный труд в милиции, увы, всегда тошен.

Хотя внешне все было достаточно пристойно.

Совещание в девять утра, в 19.00 – доклад о проделанной работе. Процент раскрываемости, что был с каждым месяцем все скромней. Да и от бывшего авторитета службы не осталось и следа – сошел на нет вслед за рэкетирским движением.

Именно поэтому Опанасенко Петр Никитович, на тот момент начальник УВД Киева, и пригласил Владимира Щупаковского.

Тот, в свою очередь, по рекомендации Бенника*, как «свежую кровь», – меня.

По замыслу Щупаковского, я с еще несколькими переведенными в главк операми под его командой и должны были «раскачать контору».

Как все закончилось в тот раз?

Так, как, в принципе, в милиции все и заканчивается.

¹ Главный герой т/с «Уокер, техасский рейнджер».

Я не открою большую тайну, если остановлюсь на кадровой политике в ОВД молодого украинского государства.

Она, опять-таки, прошла свое становление на глазах вашего покорного слуги, заставшего еще кадровую политику в МВД коммунистического режима.

Коммунисты всегда были по-ленински прямыми и лаконичными.

Не обращая внимания на тезис своего вождя о всемогущей, управляющей государством кухарке, они создали номенклатуру, которая и была их кладезем кадров.

Разумеется, их расстановка происходила под жестким контролем партийных органов, которые не позволяли представителям силовых структур «заплывать за буйки».

Был ли оправдан такой подход к правоохранительной системе?

Строй «победившего социализма» требовал от государственной машины работы без сбоев как целостного механизма. И именно для этой цели и нужны были кадры, причем, не просто способные.

Они были обязаны решать все.

На момент начала моей работы в милиции оперативные милицейские должности номенклатурщиков не интересовали в принципе.

Те романтикой хождения по притонам, задержаний, раскрытий преступлений или задушевных бесед с преступниками не заморачивались.

Им было достаточно больших, чистых и, по возможности, часто проветриваемых кабинетов.

Прокурорные же кабинеты Уголовного розыска были отданы талантливым, хотящим и умеющим работать операм и начальникам.

В благодарность за их труд страна, хотя и только раз в году, не на Новый год, а именно в их день,

День милиции,

Давала в Кремлевском дворце съездов самый лучший, самый грандиозный концерт. Где с трепетом и неподдельным уважением произносила их ставшие еще при жизни легендой имена и фамилии.

Но прошлая власть ушла безвозвратно.

Молодое украинское государство требовало новых кадров и кадровых подходов.

Его кадры начали коваться прямо на моих глазах.

Причем, способ перековки был выбран на удивление мало-бюджетный.

Достаточно одним, желательно, независимым утром взять да и проснуться в таком же независимом расположении духа.

Но все это еще полдела.

Затем нужно обязательно «ежесекундно, ежеминутно и ежедневно»¹ о своем чудесном, национальном по содержанию пробуждении громко и без усталости декларировать.

Вот, пожалуй, и все.

Отмена же такой старой и такой удобной привычки, как расстановка своими проверенными кандидатурами еще вчера бывших, ставших уже тогда господами ответственных товарищей,

Которые из партийного монолита разбились на группы и кланы, уже успешно и безболезненно поменяв партийные кабинеты на офисы, производственные коллективы – на команды,

С вышедшими из темных переулков и оставившими там свои пистолеты и кастеты «деловыми партнерами»,

Даже не обсуждалась.

Ведь что может быть гениальнее!

Не вздыхать украдкой о старых и добрых временах, а, несмотря ни на что, продолжать в них жить.

Особенно, когда приоритеты дают крен.

И часть населения, неправильно понимающая текущий момент, ошибочно подменяет партийную и государственную дисциплину каким-то там законом, что один для всех.

Да и пришло ли тогда, в девяностых, оно вообще, это новое время?

А тогда очень быстро выяснилось, что появление в списках руководителей Уголовного розыска столицы такой фигуры, как Владимир Щупаковский, не было согласовано во всех кабинетах, везде, где нужно.

И вот тогда вдруг, откуда ни возьмись, всплыло обстоятельство, что он за время временного отсутствия в органах стал учредителем нескольких коммерческих структур.

Можно было, конечно, дать ему время стать на путь исправления. Но если не пошло вначале, уже не случится никогда.

И система, а, точнее сказать, ее винтики, та особая каста работников, которым почему-то всегда хорошо, когда тебе плохо,

¹ «Частная собственность ежесекундно, ежеминутно и ежедневно порождает капитализм». В.И.Ленин.

возможности получить порцию кайфа от своей значимости не упустила.

За деятельность, несовместимую с работой ОВД, Щупаковский был уволен со скоростью, которую может развить только что выпущенная пуля, подтвердив своим личным примером бесспорный тезис о том, что на милиции желающих жениться по расчету много. Вот только она, милиция, всегда завидная, но вечно почему-то такая нелюбимая, невестой никогда не станет.

Она, увы, всегда только злая тетка.

Глава 13

*Земля наша велика и обильна, а народа в ней нет.
Да пойдите княжить и володети нами.*

Нестор Летописец. «Повесть временных лет»
(637 г.н.э.)

Мое возвращение к оперативной работе получило все шансы закончиться, так и не начавшись.

Но планы Спасителя серьезно отличались как от милицеевских, так и от таких предсказуемых «стечений обстоятельств».

И я получил неожиданную возможность вернуться в Киевский УБОП.

Школа Печерского уголовного розыска, а если быть точнее, печерское братство, что складывается, когда всем плевать, что тяжело — ведь тогда мы молоды и полны сил — напомнила мне о себе самым неожиданным образом.

Один из бывших моих приятелей-оперов, который успел сделать в Управлении по борьбе с организованной преступностью сносную карьеру, попросту меня туда пригласил.

Сбылась мечта идиота.

И шансы повторить судьбу «молодого коногона с разбитой головой»¹ на оперативном поприще снова у меня резко возросли.

В июле 2000 года, по прошествии почти трех лет, я вновь стал убоповским опером.

Хотя это был уже совсем другой УБОП.

Его, увы, не миновала все та же чаша, из которой уже давно досыта напивалось Управление уголовного розыска.

Небольшое количество ветеранов, дошедших до состояния безразличия, все еще вояжировали по межрайонным отделам.

И только ими, и никем более,

¹ Из песни к к/ф «Большая жизнь».

Прямая обязанность оперативного состава вербовать агентуру, получать информацию, ее проверять, а затем реализовывать, и обязательно с арестами фигурантов,

Если и выполнялась, то уже как-то неуклюже и совсем нехотя.

А еще так совпало, что на момент прихода я стал свидетелем первого в моей жизни, но, к сожалению не последнего приезда «варягов» с целью «трішки покерувати»¹,

Которые в те уже далекие времена приехали из такого же далекого Днепропетровска.

Почему из Днепропетровска?

Именно так назывался город, который взрастил, воспитал и, наконец, осчастливил Украину Президентом под порядковым номером два.

Но впереди были парламентские выборы.

Да и президентские тоже — не за такой уж глубокой речкой.

Поэтому известный своими успехами в труде и когда-то в обороне город Днепропетровск разродился еще и группой товарищей, приехавших свой второй номер посылно поддержать.

У МВД особняком от общегосударственных процессов простоять не получилось.

Ровно месяц продержались старые, и по этой причине плохие их предшественники на своих начальствующих должностях.

После чего они все без исключения, благодаря всем известному движению нового колена, ушли в небытие.

Справедливости ради надо отметить, что «варяги» были разбавлены коллегами из Харькова.

Главным их «растворителем» был метивший в министры тогда уже генерал Юрий Смирнов.

По прошествии лет, когда страсти по поводу появления первых «варягов» давно улеглись, я могу смело сделать вывод, что в своей массе с точки зрения профессионализма и человеческих качеств они были не самым худшим вариантом.

Сейчас мне есть с кем сравнивать.

Ведь за тепер уже ассимилировавшими в столице первыми милицейскими инопланетянами пришли «варяги» из Донецка.

А тогда, летом 2000-го, я был счастлив только от мысли, что вернулся.

¹ «Немного поруководить». — укр.

Волны тревоги от наступивших перемен, что тогда снова и снова накрывали столичный УБОП, меня мало волновали.

Я снова был при деле.

Случаи же переездов в столицу целых областных УВД для заполнения всех без исключения руководящих должностей в практике независимой Украины пока еще отсутствовали.

После почти трехгодичной вынужденной паузы я, наверное, был единственным из всего управления, кого происходящее в нем пока не волновало вообще.

Не волновало в принципе.

Глава 14

*Усвоить психологию импровизирующего актера —
Значит, найти себя как художника.*

А.П.Чехов

А еще то лето 2000 года не только подвело черту под моей борьбой с внутренней безопасностью — оно наконец-то сложило в моей голове полный пасьянс трехлетней головоломки.

И, как ни странно, окончательно расставила все по своим местам очередная встреча с Гончаровым.

Если быть до конца точным, то вырвавшаяся у него случайная фраза.

Гончаров назначил мне встречу у станции метро «Золотые ворота».

Для неискушенных — это одно из любимых мест для встреч работников СБУ с агентурой.

Тогда он показался мне еще более измученным, загнанным и даже в этот раз каким-то совсем жалким.

Картину дополняли замызганные брюки и сидящий на нем клоунским мешком пиджак.

Теперь уже с явным безразличием в который раз я выслушал, что он не кто иной, как штатный работник СБУ. Я до сих пор не могу понять, как оперативный работник с его опытом не смог прочесть в моих глазах не просто недоверие к его словам, а тогда уже ничем не прикрытую, явную иронию.

Затем настала очередь «долларового» продолжения.

И после того как желание рассказчика выговориться, сверстанное в его любимую сказку и доведенное, как мне показалось, до автоматизма, закончилось, настала моя очередь говорить.

Услышав от меня, что я снова работаю в УБОП, Гончаров то ли от усталости, то ли от отсутствия на тот момент внутреннего тормоза,

А может, из-за посторонних мыслей, что тогда вояжировали в его голове и о чем красноречиво говорила его внешность, как мне тогда показалось, непроизвольно произнес:

«Значит, ты все-таки прорвался!».

Авторы, драматурги и в особенности сценаристы любят душещипательные истории о продолжительной амнезии и внезапном чудесном просветлении.

Вот именно фраза Гончарова, которой он тогда не придал никакого значения, и стала той последней каплей и одновременно объяснением мне, что же в действительности произошло со мной тогда, на исходе зимы девяносто шестого года.

Но прежде всего она чудесным образом избавила меня от амнезии.

Болезнь отступила, оставив меня с таким очевидным ответом.

Увы, но все произошедшие со мною в 1996-м события, которые все это время только иногда, издали напоминали мне контуры «качелей», в конце концов в эти «ментовские качели» благополучно превратились.

Именно такие «качели» обычно «качали» бандиты, играя в «добрых» и «злых».

Следователи — в «справедливых» и «беспринципных».

И оперативные работники, которые организовывали «наезды и съезды» милицейских подразделений.

Целью всего этого действия, как правило, были деньги. С которыми, кстати, «испытываемый» расставался добровольно.

Но разве «деньги» — это было про меня?

И тогда уже волей-неволей мне пришлось вспомнить предложение Гончарова о «помощи деньгами под расписку» какого-то там его друга.

Внезапно закончившаяся болезнь дала мне недвусмысленный ответ, во что в перспективе вылилась бы мне эта «помощь».

Но тогда я еще не мог даже предположить, зачем Гончарову нужен был я.

Зачем ему моя от него зависимость?

Хотя в том, что кукловодом был именно он, я уже не сомневался.

Бредя в состоянии прострации по Андреевскому спуску, с каждым камнем на его брусчатке, с каждым пройденным метром я чувствовал, что ко мне медленно возвращается неутешительная реальность.

«Приятельские отношения» с Гончаровым обошлись мне тремя годами и без того далеко не самой легкой моей жизни.

Свое место заняли «коллеги» из внутренней безопасности со своей предвзятой проверкой,

Его, Гончарова, жажда власти любым путем,

И его же всепоглощающая любовь к денежным знакам.

Все встало на свои места.

Кроме, пожалуй, понимания самого главного.

Кто он в действительности?

Этот жалкого вида замызганный карлик, которому я уже столько лет жму руку при встрече?

Я перечислял свои доводы Косенко, проговаривая отложившиеся в голове события и факты. И в конце концов сил сдерживать переполняющую досаду не стало.

Мне только и осталось, что громко рассмеяться,

Освободив себя от растущего чувства неловкости за мальчика, у которого когда-то были иллюзии, а еще какие-то там, только ему понятные идеалы.

Глава 15

Сказка – это выход из трагедии.
М. Пришвин

Той осенью 2000 года Киевский УБОП возглавил представитель днепропетровской милиции генерал Актион*.

Это был небольшого роста, пятидесятилетний и, судя по внешности, не совсем дальний, хотя и не прямой родственник господ Березовского и Рабиновича.

Моя же карьера тогда сделала скачок вверх благодаря стараниям пригласившего меня в УБОП бывшего коллеги.

Он-то и отрекомендовал меня генералу как потенциального начальника пятого межрайонного отдела.

По иронии судьбы, в обслуживаемую территорию пятого отдела Киевского УБОП попал Печерский район Киева.

Я дословно помню разговор с Актионом* перед назначением.

На его вопрос, почему меня ему рекомендуют,

Он не уточнил, кто,

Я самоуверенно ответил, что мне 34 года и у меня приличный опыт.

А затем самонадеянно прибавил: «А кому еще, если не мне?»

Этих аргументов оказалось достаточно.

И я стал начальником.

Что представлял собой пятый межрайонный отдел на тот момент?

В девяноста процентах случаев оперативный стаж подчиненных мне оперов не составлял даже пары лет.

На поле молодом, но далеко не раннем айсбергами выглядели два опытных сыщика. Хотя свой на общем фоне бесценный опыт применять в работе они никакого желания не проявляли.

А еще будет несправедливо не отметить то, что за спиной каждого из вверенных мне Родиной оперов маячил родственник, который за возложенную на него функцию в определенных кругах обычно имеет такой скромный псевдоним, как «крыша».

Причем, в звании не меньше, чем влиятельный милицкий полковник.

Вот именно поэтому реальность моего руководства была такова, что вопрос о введении в отношении подчиненных репрессивных мер с целью улучшения качества работы или их увольнения за профессиональную непригодность был не просто невозможен, а попросту неуместен.

Способен ли был отдел выполнять хотя бы какие-нибудь задачи по борьбе с организованной преступностью?

Какие-нибудь — наверное, да.

Хотя меня не покидало чувство, что я не начальник оперативного подразделения, а пионервожатый в отряде «Солнечный зайчик».

Совершая потуги в повышении процента раскрываемости и по праву начальника я ходил на доклад непосредственно к генералу.

Обычно по окончании моего рассказа о светлых перспективах и постной реальности Акцион* задавал один и тот же вопрос:

«Ну когда ты что-нибудь выдашь, резонансное и громкое, с шумом на весь город?»

И ему долго ждать не пришлось.

Сейчас, когда прошло больше десяти лет, я понимаю, насколько мое резонансное дело было авантюрным. А еще то, что, в принципе, изначально его перспективы не только были патовыми, но и катастрофически проблемными лично для меня.

Но, увы, ни моя существенная пауза в оперативной работе, ни громкое название компании, в отношении которой я проводил оперативные мероприятия, а затем следственные действия, ни мой инстинкт самосохранения в этот раз не сработали.

Но обо всем поподробнее.

Тем более что именно с момента откровенного торможения оперативно-следственных действий в отношении группы компаний «Фрейликс»*¹ начинается отсчет начала конца милицеской банды Гончарова.

Само же начало оперативных мероприятий, а затем развитие вокруг них последующих событий тогда было мне еще не до конца понятно.

¹ Здесь и далее название, помеченное «звездочкой», изменено.

И, самое главное, мучил вопрос: «Что же это в реальности за территория, на которой я служу в милиции, что вышла из-под золотых перьев трех проворных мужичков где-то в Беловежской пуще¹ в 1991 году?»

Схема хищения, которую использовали владельцы группы компаний «Фрейликс»*, была простой и сравнительно изящной, что, впрочем, нисколько не мешало ей подпадать под квалификацию нескольких тяжких статей Уголовного кодекса.

Холодильники, телевизоры видеокамеры, все то, что называют оргтехникой, пересекало границу Украины как собственность фиктивной фирмы, зарегистрированной в приграничной области, по заниженным инвойсам.

Для неискушенных могу объяснить, что инвойс — это, по существу, пропуск товара через границу, в котором указана стоимость той или иной техники, за которую она приобретена и с которой, естественно, государству платится налог.

Так вот, осенью 2000 года стоимость видеокамеры в киевских магазинах составляла от шестисот долларов США.

Можно только посочувствовать американским патриотам, когда на них обрушится печальное известие о том, что их национальная гордость, вечно зеленая расчетная единица владельцами «Фрейликса»* была превращена в монгольский тугрик. В инвойсах принадлежащих им фиктивных коммерческих структур цена все той же видеокамеры составляла сто гривен.

Остальная оргтехника тоже дороговизной при пересечении границы не поражала.

Далее приграничная фиктивная фирма передавала товар по цепочке еще двум киевским фиктивным фирмам, после чего он благополучно попадал на склады теперь уже дочерней фирмы группы компаний.

В свою очередь, дочерняя фирма реализовывала оргтехнику через сеть магазинов, в том числе, группы компаний. А затем вырученные деньги запускались в новый круг.

Контрабанда, укрытие доходов, хищение, все в особо крупных размерах, фиктивное предпринимательство — вот далеко не полный букет, который дала руководимая мною проверка.

¹ «Беловежское соглашение» — термин, используемый в СМИ для обозначения документа, называющегося «Соглашение о создании Содружества независимых государств».

Пять дней и шесть ночей — именно столько «продержались» столичные прокуратура и УБОП под натиском недвусмысленных предложений представителей концерна снять арест со складов. Содержимое которых, кстати, стоило, по рыночным расценкам, около тридцати миллионов долларов.

А затем был поворот на сто восемьдесят градусов, как у татар, которым все равно куда бежать, лишь бы вспотеть, — и бег начался уже в мою сторону.

При таком вот повороте вместе с безразличным татаринком потеть пришлось уже мне.

И тогда повод для волнения призраком отца Гамлета¹ уже отчетливо начал маячить у меня перед глазами, причем, не только в предраассветный час.

И если все это время, пять дней и шесть ночей, генерал Актион* меня аккуратно спрашивал о том, кто стоит за компанией,

То в ночь с шестого на седьмое ноября 2000 года бетонная стена с названием УБОП, которая по замыслу отцов-законотворцев должна была «держаться»,

Взяла и рухнула. Уже в который раз, накрыв при этом толстым слоем фекальных масс население страны численностью тогда еще сорок восемь миллионов.

О масштабах произошедшей вселенской катастрофы говорило время нашего с генералом разговора.

Было два часа ночи.

Вначале Актион* сообщил мне, что в прокуратуре есть заявление о том, что я сегодня днем цинично избил какого-то складского дедушку-сторожа из дочерней фирмы группы компаний «Фрейликс»*.

Эта новость меня заставила задуматься.

Ведь я никогда не слыл человеком с крутым нравом.

Да и на складах концерна был только один раз, первого ноября.

А затем последовал генеральский монолог.

Продолжительный и гневный.

Во время которого он в который уж раз после нашего знакомства, не давая мне никаких прямых и конкретных указаний, продемонстрировал умение владеть великим русским языком.

¹ Король Гамлет — персонаж трагедии В. Шекспира «Гамлет, принц датский». В пьесе является призраком убитого короля Дании Гамлета, отца принца Гамлета.

Из монолога недвусмысленно выходило, что все оперативно-следственные действия с красного дня календаря благополучно закончились.

Мне можно было с чувством глубокого удовлетворения идти на праздничный парад.

Хотя в светлое утро праздника из прошлого уже вмешалось прекрасное настоящее.

За окном генеральского кабинета была уже другая страна,

Реальностью которой стало мычание или скрытое противостояние всех без исключения заместителей генерала, моих непосредственных руководителей. Один из которых даже заявил мне открыто, что сейчас в стране честно вести бизнес невозможно, и что он владельцев «Фрейликса»* «по-человечески» понимает.

Из откровений одного из заместителей прокурора на тот момент Радянского района следовало, что исчезнувшие директора фиктивных киевских фирм, не имеющие не малейшего представления не только о том, что они ими являются,

Но и о тех объемах продукции, которые документально проходили через их фиктивные предприятия, —

Это всего-навсего работники концерна, которых он, концерн, спрятал от меня лично.

Наружное наблюдение за мной одного из подразделений СБУ, с обязательным в таких случаях прослушиванием моего мобильного и рабочего телефонов,

А еще такой неожиданный, до сих пор непонятный для меня ход, как выделение оперативных работников службы в качестве грузчиков концерна для фиксации на видео специальными техническими средствами проведения милицейской ревизии на складах концерна,

Потом, кстати, эту видеосъемку даже показали Актиону*,

Полное отсутствие финансовой документации и работников концерна в центральном офисе на своих рабочих местах при «внезапном проведении обыска», о котором я докладывал только руководителям УБОП на совещании, и последующее похлопывание операми-экономистами меня по плечу со словами сочувствия,

Дали мне понять, что я опять «круто попал».

Следователь прокуратуры Старокиевского района Иванов И.И., в производстве которого находилось уголовное дело в отношении должностных лиц группы компаний «Фрейликс»*, только пожимал плечами.

Я же лихорадочно подчитывал в уме свою милицейскую выслугу, которая все еще не складывалась в вероятную скоропостижную пенсию.

И тут в который раз в мою милицейскую действительность вмешался Спаситель.

Что он сделал в первую очередь?

В очередной раз спас меня и сохранил.

А затем очень своеобразным способом, а в оригинальности ему равных нет, кардинально изменил мою дальнейшую милицейскую карьеру.

А теперь обо всем подробно.

После начала оперативных и следственных мероприятий в отношении «Фрейликса»* вокруг моего отдела начала топтаться большая группа так называемых разведчиков от барыг.

Они под видом оперативной заинтересованности старались выяснить, что день грядущий их хозяевам готовит.

В один из незабываемых вышеописанных дней меня снова пригласили к телефону.

Выслушав о регалиях звонившего и, если откровенно, сообщив лишь, что мне звонит какой-то полковник, требующий, чтобы я ему что-то доложил,

Я, не поняв толком, что ему нужно, в корректной форме предложил собеседнику с той стороны телефонной линии «отправиться в сторону моря».

Ведь почти за неделю, как мне тогда казалось, таких же аналогичных звонков свою корректность я довел до автоматизма.

Тогда я не мог даже представить, что полковник, звонивший мне и требовавший доклада о работе отдела, — это вновь назначенный заместитель начальника Киевского УБОП Сергей Владимирович Хамула.

Затем еще несколько лет он с сарказмом напоминал мне тот наш первый разговор, приводя меня в состояние замешательства.

Что было дальше?

Дальше был шквал жалоб на действия моего отдела и меня лично за подписью несчастных, всегда невинных жертв милицейского произвола, по совместительству владельцев и директоров «Фрейликса»*

Стиль их написания перекликался то с неглубокими знаниями их недоделанных юристов, то со своеобразным пониманием «текущего вопроса» бывших работников силовых структур.

Апогеем «отката» в мою сторону было возбуждение уголовного дела по ряду должностных преступлений в отношении личного состава пятого межрайонного отдела УБОП.

Разумеется, со мной лично.

Вот так в итоге защита экономических интересов государства была приравнена к должностному преступлению.

И хотя я тщательно и талантливо прятался в отпуске, а затем свел к нулю все попытки «жаждущих сладкой убоповской крови» вынесенным прокуратурой постановлением об отказе в возбуждении вышеуказанного уголовного дела,

Увы,

Из-за выхода из тени по возникшей нужде просто-таки огромного количества хорошо оплачиваемых «Фрейликсом»* милицеских руководителей разных уровней над перспективой моей дальнейшей работы в УБОП возник большой вопрос.

Но напряжение разрядилось само собой.

На календаре была осень 2000 года.

Страну потряс скандал с исчезновением журналиста Георгия Гонгадзе.

Президент Кучма изменил часть силовых руководителей высшего ранга, оставив моих оппонентов без привычной «поддержки».

И тогда барыги, кричавшие на каждом углу о своем всеисилии, а заодно и о моем увольнении по желанию из органов, перестали быть всемогущими и в один миг вспомнили о не присущей им и давно забытой скромности.

Хозяева концерна тихо и безропотно восприняли прекращение в отношении меня и моего отдела уголовного дела, что еще недавно было предметом их личной гордости.

Да и вообще, всем моим «доброжелателям», всех рангов,

Всем, всем, всем,

Стало просто не до меня.

17 сентября 2000 года был первым днем, начиная с которого в стране долгие годы будут по любому поводу полоскать фамилию Гонгадзе.

Хотя именно тогда она, страна, стала другой.

А затем, сразу же после обнаружения 2 ноября 2000 года «тарашанского тела» властям после длительного отрицания возможности самого факта убийства журналиста пришлось допустить и такую возможность.

Именно тогда со мной внезапно связался Гончаров и попросил о встрече.

Отношение к этому господину к тому времени у меня уже было соответствующее.

Тогда я был уверен, что каждая встреча нужна ему только для того, чтобы получить заряд самолюбования. А еще через «овцу», роль которой с 1996 года я играл перед ним все лучше и убедительнее, забросить в столичное Управление по борьбе с организованной преступностью нужную ему информацию.

Необходимости в наших «свиданиях» к тому времени по известной причине у меня уже давно не возникало.

Зачем я опять согласился?

Если откровенно, то не мог отказать себе в удовольствии посмотреть на происходящее уже другими глазами.

Если хотите, с лучшего места.

Теперь уже с места в партере.

Мы встретились на Крещатике у Главпочтамта.

Гончаров оставался верен себе. Его внешний вид лишний раз это подчеркивал.

А вот взгляд и выражение лица просто кричали о том, что он от собственной значимости просто утопает в лучах своей славы.

Он с опаской зыркал по сторонам, чтобы затем вновь утонуть в отражении своего нерукотворного пьедестала, который он себе воздвиг и на который себя вознес, в том числе, как ему казалось, и в моих глазах.

Я молчал в предвкушении очередной порции его привычного монолога.

Но, к моему удивлению, разговор был совсем на другую тему. Внезапно перейдя на шепот, Гончаров доверительно сообщил, что у исчезнувшего журналиста Гонгадзе есть близкая связь¹, тоже журналист, по фамилии Ельцов. И он не только знает лиц, похитивших его коллегу и приятеля, но и сам лично причастен к его исчезновению.

Затем Гончаров добавил, что сейчас работает в команде Марчука.

Он так и сказал — «команда Марчука».

И наигранно небрежно, с напускным безразличием, продиктовал мне номер своего мобильного телефона.

Не хочу приуменьшать умственные способности Гончарова — ведь для меня, «овцы», он сказал ровно столько, сколько для «овцы» было нужно,

¹ Оперативный термин, означающий «контакт», «знакомый».

Тем более что у него в Управлении по борьбе с организованной преступностью, как затем выяснилось во время следствия, «овец» была целая отара.

И, разумеется, каждая получила от него по информационной «морковке».

Только вот свою «морковку» я уже есть не собирался.

В отличие от моих соплеменников, безумно любящих «красное и сладкое», за много лет я изучил повадки особы, мнившей себя «пастухом».

И если фраза о «команде Марчука» и номер мобильного телефона, который в двухтысячном году еще не перестал быть средством роскоши, были ничем иным, как очередным камнем под «памятник себе», то забросу в столичное управление информации о причастности Ельцова было, как минимум, два объяснения.

Хотя тогда, в начале ноября 2000 года, и на старуху нашлась проруха.

Гончаров запомнил о том, что я знаю об их с Ельцовым нежной дружбе.

А теперь о причинах, заставивших Гончарова бескорыстно «помочь следствию».

Первая, на мой взгляд, вполне логична.

Скоропостижный, без видимых причин выезд из страны Ельцова в день похищения Гонгадзе.

Ведь он был для Георгия не только коллегой, предполагаемым автором разоблачений на сайте «Украина криминальная», но и близкой связью. И его скоропостижный отъезд при отсутствии на первом этапе следствия достаточных данных о произошедшем,

В оценке даже самого безголового опера или следователя есть не что иное, как если уж не создание себе алиби,

То точно повод для внимательной проверки.

Ельцов тогда, без сомнения, становился одним из главных подозреваемых.

Гончаров, в свою очередь, также хорошо понимал, что скрупулезная, без «горячечного бреда», оперативная и следственная проверка и даже самая квалифицированная проверка на причастность, но «в припрыжке» — это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Какой может дать результат следственная проверка, да еще и бегом, такой вот его «достоверной информации»?

А в том, что Гончаров «слил» ее во все имеющиеся у него «дыры», нет никакого сомнения.

Она, эта проверка, без всякого сомнения, принесет подготовленному и имеющему солидный опыт общения с правоохранительными органами «испытуемому» только временное неудобство.

Вы спросите меня, почему?

Много раз на моей памяти один из опытнейших полковников уголовного розыска по фамилии Кравченко любил произносить одну и ту же поговорку: «В милиции две проблемы — организация и менструация».

Вопрос о менструации я опушу.

Хотя сам достаточное количество раз участвовал в «менструальном» милицеском процессе.

Это когда — «беги не знаю куда, ищи не знаю что».

А вот на проблеме организации я готов остановиться поподробнее.

Обычно раскрытие каждого преступления происходит по одной, давно превратившейся в сценарий, многолетней схеме.

Сначала на место преступления приезжает огромное количество начальников, цель которых — просто потолкаться, или, говоря теперешним модным языком, засветиться.

Затем первые три дня отрабатывается наиболее перспективная версия, которая лежит на поверхности (все другие версии из-за их ненужности просто не рассматриваются), и на это бросаются все силы.

Ну, а когда раскрытие «не пошло»,

Ровно через неделю начальник отдела по раскрытию тяжких преступлений Уголовного розыска какого-нибудь района,

Оставшись с тремя-четырьмя операми один на один с уже почти «глухарем»,

Пишет бодрые справки о том, что и как он сделал и, главное, что еще собирается делать для того, чтобы «глухарь» перестал быть таковым.

С этими справками он и ездит на доклады и милицеские слушания к давно зевающим и скучающим высоким руководителям милиции или прокуратуры.

Вот так и заканчивается проверка в «прыжке».

Но есть еще и вторая версия, которая тоже имеет право на существование.

Во главу угла можно поставить все ту же процедуру милицеских действий по проверке подозреваемого.

В нашем случае, Олега Ельцова.

Тем более что оснований для его следственной проверки было более чем достаточно.

Только вот мотив действий у Гончарова мог быть совсем иной.

Также связав Гонгадзе и своего приятеля воедино,

Прибавив к этому все тот же крик с воем вокруг его похищения, Гончаров не мог не понимать того, какие силы, в том числе, извне, включились в процесс педалирования происходящего.

Тогда, в конце 2000 года, начиналась новая глава в истории страны.

И Гончаров, как, впрочем, и все втянутые в этот процесс участники,

А еще те, кто мог и кто хотел анализировать и думать, могли догадаться, что может так случиться, что тогдашняя власть — ненадолго.

Тем более, прецедент для этого — исчезновение журналиста, помноженное на пленки прослушивания кабинета Президента — был создан фантастически высокопрофессионально.

Просматривались школа, опыт и, в конце концов, размах и воображение.

И тогда возникшим шансом для Гончарова попасть в волну, что при положительном развитии событий сулила ему приход в вертикаль высшей милицейской власти, был прямой участник происходящего — Ельцов.

В конце концов, с какого перепугу он с лета 2000 года вместе с пропавшим Георгием Гонгадзе стал «карающим мечом журналистики»?

Над своим имиджем честного борца Гончаров работал всю свою жизнь.

А тут какая возможность его реализовать!

И Гончаров вцепился в него мертвой хваткой,

Безошибочно понимая, что после начала следственной проверки Ельцов, поднаторевший за много лет в криминальной хронике, все-таки за консультацией и помощью опять придет именно к нему.

И именно он, Гончаров, станет тогда не только главным незаменимым помощником, но и прямым участником происходящего в стране.

Как теперь доподлинно известно, Ельцова поматросили и бросили.

Талантливо исполненный им для следователей Генеральной прокуратуры танец «яблочко» с элементами только ему присущей акробатики, с прихлопом и притопом Гончарова, позволил ему даже «перетанцевать» в состоянии вероятной следующей жертвы похищения.

Просчитывал ли такое развитие событий Гончаров?

Вне всякого сомнения.

Ведь оперативный опыт – есть опыт.

Глава 16

*Только закрыв за собой дверь,
Можно открыть окно в будущее.*
Франсуаза Саган

На первых порах провинциальный менталитет и местечковое строение мозжечка стало для новых руководителей киевской милиции огромной проблемой.

В Днепропетровске, Харькове и Луганске все было ясно.

На своем месте были начальник милиции, судья, прокурор, представитель администрации, ну и, конечно, вездесущие кумовья и сваты.

Столица же, помимо огромного количества неизвестно откуда вновь возникших родственников,

Вмещала в себя дополнительно непонятные для только что приехавших «из прекрасного далека» уже не очень молодых специалистов новые властные структуры.

Генеральная прокуратура, Администрация Президента, Верховный Суд и многие, многие еще более непонятные названия, что еще вчера были хотя и реальными, но очень, очень далекими,

А еще их навскидку не объяснимые функции просто будоражили давно устоявшееся в южноукраинских степях воображение.

«Варягам» же, вместе с ознакомлением и изучением карты города и его административных особенностей, нужно было еще и работать.

И первое время, говоря откровенно, они это делали.

Они просто на ней, на работе, «горели».

А что было делать в убогой милицейской гостинице, да еще когда семья осталась дома?

Но когда задор начал заканчиваться, терпение стало уходить, а до прихода сути было еще очень далеко, нужда их погнала за помощью и поддержкой к среднему звену управления, в котором уже некоторое время обосновался и я.

Как в дешевом любовном романе, когда главные герои медленно приближаются к своему счастью, наша с ними встреча была неотвратимой.

И именно тогда я буквально столкнулся с незаурядным человеком, приехавшим покорять Киев из моего родного города Луганска.

Таинство нашего заочного, а если быть точным, телефонного знакомства я раскрыл ранее.

А тогда полковник милиции Хамула Сергей Владимирович уже пять месяцев знакомился со столицей в роли заместителя начальника столичного УБОП, по совместительству будучи начальником легендарного седьмого так называемого «бандитского» отдела.

С головой нырнув в работу, Хамула устроил вальжным операм из отдела что-то среднее между отделом уголовного розыска и дисциплинарным батальоном.

Но чего он мог от них добиться?

От оперов, великодушно позволивших себе принять в качестве неизбежности удобное положение тела в рабочем кресле, когда в течение последних десяти лет в отдел стояли очереди из потерпевших от вымогателей;

От оперов, которые за свою карьеру, помимо огромного количества бандитской пехоты, по нескольку раз задерживали каждого киевского преступного авторитета;

От сыщиков, на чьих глазах эти авторитеты из простых боссов, наперсточников, мошенников становились настоящими лидерами влиятельных крупных преступных группировок, которые давно уже дружили не только с милицейскими руководителями разных рангов, но и с политиками разных мастей;

Чего еще Хамула, чужак, мог добиться от своих новых подчиненных, привыкших к заслуженной славе оперов седьмого, «бандитского» отдела?

Хотя нужно отдать ему должное,

Хамула упрямо бодался, пытаясь заставить отдел работать.

Его подчиненные отвечали ему тем же.

Они упрямо не напрягались.

Все еще по старой памяти опера ожидали очереди из потерпевших, которых из-за изменения экономической ситуации в стране быть в принципе не должно.

В общем, если коротко, то каждый занимался своим привычным любимым делом.

А еще именно в этот очередной но, увы, не последний переходный момент в моей жизни на горизонте появился еще один мой коллега, который впоследствии, как и Хамула, серьезно повлиял на ход наступавших на меня жизненных перипетий.

Отстраненный генералом Актионом*, но до конца им не признанный из УБОП после исполнения его желания о «громком деле», на мое место начальника был прислан подполковник Сырт*

Он-то и привел с собой со своего прежнего места работы опера по фамилии Прикладовский.

По сложившейся в органах традиции каждый мало-мальски начальник заводит себе водителя-денщика из оперов, по со-вместительству.

Это всегда удобно.

Да и чего греха таить, приятно иметь под рукой человекка, который трудится исключительно по твоим личным, отдельным поручениям. Выполняет твои личные, «особые задания», которые, как правило, ну как назло почему-то не совпадают с возложенными на тебя служебными обязанностями.

Бывший начальник второго межрайонного отдела столичного УБОП Сырт* не был оригинальным в этом вопросе.

Он такого вот бойца в своем подчинении имел.

Имел, в хорошем смысле слова.

Капитан милиции Игорь Прикладовский, инженер по образованию, в свое время ловко избежавший службы в армии, что в те теперь уже далекие времена было как минимум неприлично, «вынырнул» в органах невесть откуда.

В тридцать лет, в отличие от меня, адекватно оценив бурлящую вокруг страну и положение дел в милиции, он стал опером в ОБЭП¹ тогда еще Зализнычного района столицы.

Затем, в голодное для страны время «промучившись» несколько лет над проверками продовольственных складов, Игорь, безошибочно почуяв своим библейским носом лучшие перспективы, перешел в столичный УБОП.

Там-то он, без какого-либо особого противления сторон, и оказался у начальника отдела Сырта* в почетном звании «чего изволите».

Ко всему вышесказанному тогда, в конце миллениума, я в первый, но, увы, не в последний раз воочию увидел работника

¹ Отдел по борьбе с экономической преступностью.

милиции с удостоверением сыщика, который искренне, самоотверженно, с огоньком в глазах делал все, чтобы ничего не делать.

Но судьба-злодейка сыграла с моим «дежурным начальником» злую шутку.

Сильные морозы зимы 2000 года начали превращать в лед рассадку из «зеленой капусты» с головокружительным запахом лаванды, подморозив «тихое счастье» группы случайных людей, в свое удовольствие управлявших доставшейся им по случаю территорией с электоратом в сорок восемь миллионов человек.

Покрылась тонким, но уже льдом их ностальгия о том золотом времени, когда были совсем не важны такие мелочи, как, например, то, что белые носки под черную обувь надевать неприлично.

Прошлого вообще не было.

А отсутствие хороших манер – это совсем не препятствие для карьеры крупного государственного деятеля.

А еще так, мимоходом, было возможно совсем задешево стать собственником огромного количества тогда еще ничьих заводов, газет и пароходов.

Именно она, та ностальгия, тоской по тем временам теперь кричит с огромного количества дорого оформленных книжных обложек, множеством смотрящих в никуда с темных полок таких добрых и честных глаз.

А вот тогда, в конце двухтысячного, эти же, еще не совсем готовые быть совершенными глаза с удивлением увидели, что никогда не дающий сбоя при нужном голосовании электорат, к огромному их изумлению, состоит из каких-то там отдельных людей.

Но это было полбеды.

Настоящая беда пришла тогда, когда часть все тех же, невесть когда переставших быть электоратом граждан, до этого времени тихо помалкивавших «в тряпочку», когда их открыто обворовывали и ими бездарно управляли, взимая плату за независимость в виде инфляции в тысячу процентов в год,

А еще год за годом, по старой коммунистической традиции, тренировали нищетой и голодом,

Не просто себя обнаружили,

А обнаружили себя с гражданской позицией.

И самое невероятное, непостижимое и необъяснимое – что причиной всего происходящего стал какой-то там журналист.

Да еще с грузинской фамилией.

В ноябре 2000 года на Крещатике проводилась акция «Украина без Кучмы».

Протестующие построили первый на постсоветском пространстве палаточный городок и заявили, что они разойдутся в день отставки Президента.

Пятая межрайонка, по территориальному принципу от УБОП Киева, была ответственна за оперативное сопровождение этой политической акции.

В чем была ответственность?

Дрожа на морозе — а конец осени тогда выдался холодным — и совершая дефиле по Крещатику, весь отдел без исключения вместе со свежим руководителем, встречая поминутно то там, то тут своих коллег из других оперативных подразделений, «оценивал оперативную обстановку» в палаточном городке.

Оценка сводилось к подсчету количества палаток и сбору хоть каких-нибудь листовок, которые в тот момент находились в состоянии избытка.

Затем информация об «обстановке», а еще наши «трофеи» передавались вышестоящему руководству.

В один такой холодный субботний день, когда старые «трофеи» уже кончились, а новые никому пока не были нужны, во второй половине дня новый начальник моего отдела Сырт* отпустил по домам личный состав и уже собирался уходить.

И именно тогда, внезапно — у генералов и проверяющих есть такая раздражающая всех подчиненных привычка — в помещение отдела вошел генерал Актион* с крупным чиновником из МВД.

Пришедшие с морозца руководители, как это и заведено у приходящих некстати, застали собиравшегося уходить Сырта* не только с нездоровым румянцем, но и с недвусмысленным запахом.

Но это снова была еще не беда.

Беда случилась, когда начальник отдела Сырт* не предложил генералу и его спутнику даже чаю.

В тот самый миг его судьба как руководителя была решена.

Уже в среду он готовился к переходу в министерский УБОП, на улицу Багговутовскую, оставив Игоря Прикладовского без привычного «удовольствия» в перемещении своего филейного места.

Наблюдая со стороны за жизненными перипетиями моих коллег, я, к тому времени хорошо «наученный» службой в ор-

ганах, ни на секунду не забывал о том, что сам нахожусь в еще более скверном положении.

И хотя в законном порядке от своих оппонентов из «Фрейликса»* я «отбился», было бы глупо забыть о «бескорыстно дружащих с хорошими людьми» своих руководящих коллегах, ни на минуту не прекращавших неровно дышать в мою сторону.

Сейчас мне сложно понять, что двигало генералом Актионом*: то ли опыт «мудрого руководителя», ничего не делающего лично, то ли действительно редкое в милиции чувство порядочности.

А скорее всего, это была природная хитрость, помноженная на долгие годы работы в милицейском аппарате. Но он лично не приложил никаких видимых усилий к снятию меня с должности.

Образцом прилежания «в моем вопросе» был тогда только что прибывший из Главного управления по борьбе с организованной преступностью на должность первого заместителя начальника УБОП Киева, незабвенный благодаря делу Корчинского, на тот момент уже полковник Корнич.

С первого дня его появления в теперь уже городском управлении он с должным изяществом,

Если попытки «вставлять» меня при каждом удобном и неудобном случае можно назвать таким вот словом,

Применял свой, полученный в центральном аппарате, воистину бесценный опыт.

Хотя, в своем слабо завуалированном стремлении он не был одинок.

С редким усердием, периодически переходящим в служебное рвение,

Его недвусмысленные усилия в отношении моей тогда уже более чем скромной персоны поддерживал «всегда готовый», согласно занимаемой должности, тогдашний начальник убоповских кадров. Который, по упорным слухам, близко и регулярно «дружил» со старшими коллегами из СБУ.

В общем и целом шкала моих и без того нулевых шансов остаться в должности быстро поползла к минусовой отметке.

Бить же копытом и лезть из кожи мне, никогда этого не делавшего, да и к тому же не умевшего, просто претило.

Я трезво понимал, что объявление меня неспособным, некомпетентным и позорящим честь,

А в органах это большой проблемы не составляет,

И если «кому-то нужно», под эту формулировку «мастера» подвели бы даже Кондратьева из «Рожденной революцией»¹, Долго себя ждать не заставит.

И «уход» меня был вопросом непродолжительного времени.

Мой новый коллега Игорь Прикладовский тоже ходил покинутым и от этого неприкаянным.

И нам ничего не оставалось, как стать приятелями.

Тем более, нас накрыла одна волна, одно внутреннее состояние, которое можно назвать «говно в проруби».

Мне нужно было принимать решение.

Необходимо было выбирать между ожиданием неминуемого ухода из УБОП с «первой звездой» при первом удобном случае, например, подведением так называемых «итогов», и единственным шансом остаться.

И тогда я поехал к Хамуле с просьбой о переводе меня и моего нового приятеля Прикладовского в его «бандитский отдел». Наши с Прикладовским рапорта Сергей Владимирович подписал на капоте своего служебного автомобиля у изолятора временного задержания на Подоле.

Именно там мне его удалось застать.

Между увольнением и «дисциплинарным батальоном» я выбрал «дисбат».

У Игоря тогда и вовсе не было особого выбора, и ему только и оставалось, что быть верным самому себе.

¹ «Рожденная революцией. Комиссар милиции рассказывает» — телевизионный детективный приключенческий сериал (10 серий) о создании и истории советской милиции, снятый в 1974-1977 годах режиссером Г. Коханом по роману А. Нагорного и Г. Рябова «Повесть об уголовном розыске». Сериал рассказывает о первых днях и последующей деятельности советских правоохранительных органов от лица главного героя — сотрудника петроградской милиции Николая Кондратьева в период с 1920-х по 1970-е.

Глава 17

*Наука изошряет ум;
Ученье вошрит память.*
Козьма Прутков

Наше с Игорем Прикладовским появление в костюмах и галстуках в конце февраля 2001 года на утреннем совещании седьмого, «бандитского» отдела Киевского УБОП на Московской площади в самом своем начале наделало много шума.

Все без исключения, не достигшие в своей основной массе даже 30-летнего возраста, вместе с заместителем начальника отдела майором Виктором Коломийцем, который имел точное, как это всегда бывает, прозвище Маленький Мук,

Мои новые коллеги смотрели на нас, вновь назначенных, с интересом прохожих, глядящих на самоубийц.

Хотя весь этот интерес, подобно случайной связи, продлился недолго.

А затем оперские будни с бессонными ночами, гонками по городу, задержаниями и прилагающимся ко всему этому оперским трепом не заставили себя долго ждать.

Мне тогда очень пригодился опыт работы в Уголовном розыске.

А вот мой новый напарник Игорь Прикладовский, познавший до этого только «прелести» ОБЭП, ругая про себя злую судьбинушку, со скрипом только начинал постигать тонкости оперативного «рок-н-ролла».

И не то чтобы они его очень удивили – скорее, напрягли так, что он просто был вынужден узнать для себя много нового.

А еще вместе с воспоминаниями о тогда еще недалекой юности ко мне пришло равновесие и душевное спокойствие.

Мое соседство с Хамулой раз и навсегда отбило желание моих «оппонентов», стоящих на страже «обездоленных бизнесменов», совершать поползновения на мою скромную персону.

Сделав в той моей милицейской жизни сравнительно мягкий поворот, Спаситель только и того, что свел нас с Сергеем Владимировичем в одно время и в одном месте.

Но никто из нас тогда и предположить не мог, зачем ему это было нужно.

И настал март 2001 года.

Вот именно с того, все дальше и дальше уходящего от меня во времени месяца, начинается другой, новый отсчет в моей оперской биографии.

А тогда последняя суббота марта приказом по Управлению по борьбе с организованной преступностью города Киева была объявлена парково-хозяйственным днем.

Если все без исключения назначенные по инициативе руководства общие мероприятия в органах пользуются стойкой нелюбовью личного состава, то уборка кабинетов, которая, как правило, назначается на выходной день, вызывает ненависть.

Уже по-настоящему весенний, к тому же еще и солнечный выходной день встретил люто матерящихся оперов «бандитского» отдела вместе с вашим покорным слугой за непривычным занятием.

И если избавление кабинетов от собравшейся за зиму пустой посуды было занятием сравнительно знакомым, то влажная уборка ну очень раздражала.

Вот именно тогда и произошло то событие, подробно описать которое я считаю просто необходимым.

Но начну я с еще одной оперской нелюбви.

Увы, подавляющая часть моих коллег к ненависти к собраниям и уборке добавляют еще одну ненависть.

Это стойкое нежелание писать документы.

Готовые сутками не спать, сидеть в засаде в снег и холод, рисковать жизнью при задержаниях,

Они только при мысли о грядущей перспективе написать тот или иной документ молниеносно впадают в ступор.

Хотя инженер по образованию Сергей Хамула выгодно отличался от общей массы сослуживцев.

У него была только ему тогда присущая, редкая в органах привычка рисовать огромные схемы для собственного, только ему и понятного, удобства.

А затем анализировать по ним перспективы по раскрытию тех или иных нераскрытых преступлений.

В разных цветов и размеров прямоугольнички он заносил данные потерпевших, подозреваемых, факты, адреса, номера телефонов, приклеивал фотографии.

Такое хобби Хамулы нередко высмеивалось у него за спиной «аксакалами» по линии борьбы с организованной преступностью.

Но в этот раз...

Отправившись в соседний кабинет за чашкой кофе, я почти нос к носу столкнулся с опером «бандитского» отдела Сашей Полубейником.

До мозга костей порядочный, открытый тридцатилетний парень, попавший в органы по стечению обстоятельств и тянувший лямку исключительно до получения диплома о заочном юридическом образовании, он неспешно прошагал мимо.

Для удобства протирания пыли он вынес из своего кабинета вместе с внушительным количеством разных полезных в оперском быту вещей свернутый в рулон огромный лист ватмана.

Вряд ли в тот момент Саша Полубейник в несвойственном для себя состоянии уборщика,

Сергей Владимирович Хамула, педантичность которого рождала эту схему,

И я, со своим желанием выпить чашку кофе, чтобы окончательно проснуться,

Все мы вместе,

Могли тогда представить,

Что попавшийся мне на глаза сверток с наклеенной на него фотографией впоследствии всколыхнет всю страну, расчертив историю ее правоохранительной системы на «до» и «после».

А еще — что начало влажной уборки кабинетов «бандитского» отдела на Московской площади столицы станет началом давно требующей влажной уборки милиции в целом.

Тогда же, мельком взглянув на сверток, который Полубейник безразлично прижимал рукой, мне бросилась в глаза наклеенная снаружи фотография милиционера в форменной одежде майора.

На ней, к своему огромному удивлению, я узнал знакомого мне по девяти месяцам работы с Гончаровым следователя Гайдая Василия Петровича.

Если откровенно, то в УБОП не принято спрашивать оперов, кто чем занимался или занимается.

Это такое правило, если ты не хочешь, чтобы твои вопросы были неправильно истолкованы.

Любопытный же новичок неоднозначен вдвойне.

Еще долгое время я не мог себе объяснить, почему тогда напроць забыл о существовании профессиональной этики.

Ответом и одновременно пониманием произошедшего в тот субботник моего профессионального любопытства стал закат в Броварском лесу на исходе душного дня летом 2002 года.

Но для этого мне нужно было еще пройти долгий временной путь.

А тогда без лишнего апломба Полубейник рассказал мне о том, что на фотографии — не кто иной, как недавно назначенный на должность заместителя начальника следствия столичного главка Гайдай, получивший в январе 2001 года звание подполковника.

В поле зрения «бандитского отдела» он попал как подозреваемый в соучастии в похищении бизнесмена по фамилии Гельфонд в ночь на первое сентября 2000 года.

За освобождение потерпевшего неустановленные преступники требовали смешной выкуп в сумме пятнадцати тысяч долларов.

Их пытались вычислить и задержать.

Все до одной попытки оказались безрезультатными.

Преступники всегда были на несколько шагов впереди.

Потерпевший же так домой и не вернулся.

Установив личность Гайдая по телефонным переговорам похитителей, его допросили и даже совершили у него дома обыск.

Но все это было сделано, со слов Полубейника, участвовавшего в его проведении, неуклюже.

Да и сам факт обыска, по его мнению, не был для Гайдая шокирующей неожиданностью.

Тогда же, как вероятные соучастники похищения, были установлены еще двое подозреваемых.

Это были некие Свердлов и Вознюк, проживавшие в городе Бровары Киевской области.

Но они благополучно скрылись.

Хотя из-за отсутствия прямых улик их уже давно никто не разыскивал.

К чести «бандитского отдела», по делу был установлен и даже арестован еще один житель Броваров, некто Радченко.

Свою причастность к совершению похищения Гельфонда он полностью отрицал, хотя ему было доказано озвучивание

им по телефону требования о передаче выкупа за освобождение потерпевшего.

На тот момент Радченко находился в СИЗО и ждал суда.

По окончании всех потуг дело закинули в долгий ящик с перспективой забвения.

Крайний был определен.

Судьба потерпевшего стала проблемой прокуратуры, в производстве которой находилось уголовное дело.

Сроки же оперативного дела под названием «Комбинаторы», на основании которого разрабатывались подозреваемые, уже истекли.

Ко всему этому, оперативное дело досталось Полубейнику «по наследству» от опера по фамилии Маатов*, который уже полгода «искал» себя на пенсии.

Так что Саше только и оставалось, что приготовить дело к прекращению и передаче в архив.

Ну, а сверток ватмана в его руках с фамилиями и фотографиями установленных подозреваемых и фактов жизни какого-то там Михаила Гельфонда был уже практически макулатурой с перспективой скатерти для служебного застолья.

Закончил свой рассказ Полубейник деталями проведения обыска у Гайдая.

После известных событий «любимые» мною коллеги из внутренней безопасности, в том числе, мой «хороший знакомый» с фамилией Стекашко*, во время его проведения откровенно «стеснялись».

Сам Гайдай был самонадеян и циничен до неприличия.

Выслушав Сашу Полубейника и еще раз рассмотрев фотографию Гайдая, я поймал себя на мысли, что уже ни на секунду не сомневаюсь в том, что я лично знаком с похитителями и, вне всякого сомнения, убийцами Гельфонда.

А они, в свою очередь, не только знакомы с тонкостями оперативной работы и имеют информатора в органах, но и сами являются работниками милиции.

Теперь я понял смысл «задушевных» рассказов Гончарова. А еще совсем ясно для меня, по-новому зазвучали его обрывистые фразы и намеки. Его рассказы о своих недюжинных «возможностях» прямо на моих глазах, в схемах и фотографиях, начали приобретать материальную форму.

Мне оставалось только переосмыслить откровения Гончарова, бывшие для меня еще минуту назад не больше чем несуразным трепом.

Глава 18

За окошком снегири греют куст рябиновый...
Из песни «Снегири» С. Трофимова

А дальше было наше «совещание» с Хамулой в «Макдоналдсе» на Московской площади, о котором Сергей Владимирович неоднократно рассказывал в своих газетных интервью.

Количество персон, участвовавших в нем, было, по понятным причинам, ограничено.

Именно там за чашкой кофе я и поделился с ним своими мыслями о похищении Михаила Гельфонда. И прежде всего о том, что так чисто могла сработать только «ментовская команда».

Затем настала очередь озвучить фамилию тогда еще вероятного лидера этой группы, что углами торчала из моей милицетской биографии.

Поверил ли мне Хамула на тот момент?

Я не уверен.

Слишком шокирующими тогда были мои предположения.

И, прежде всего, для меня самого.

Потом мы обсудили перспективу заведения нового оперативного дела.

И, самое главное, договорились о том, что мне нужно восстановить утраченную постоянную связь с Гончаровым.

Теперь наши с ним «свидания» я должен был записывать на диктофон.

Придумывая в «Макдоналдсе» предлог для встречи с Гончаровым, мы с Хамулой долго не мудрствовали.

С сапожником нужно говорить об обуви, с врачом о болезнях, ну, а с предполагаемым убийцей — разумеется, о новой жертве.

Гончаров назначил мне встречу в уже привычном месте, у «Золотых ворот».

Процент вероятности того, что он не проглотит наживку, нами даже не обсуждалась.

Хамула хотел подтверждения моей версии.

Да и я, откровенно, желал того же самого.

Хотя и отдавал себе отчет в том, что Хамула перепроверяется, и это меня, по меньшей мере, раздражало.

«Неужели мой рассказ о последних четырех годах жизни — не доказательство моей правоты?»

Думал я с досадой.

Но Сергей Владимирович хотел прежде всего реальных доказательств.

Мою инициативу о похищении бизнесмена Гончаров воспринял с огоньком.

Еще бы!

Он долго и терпеливо ждал дня, когда я стану бандитом. Приближая его, словно День победы.

И вот теперь, наконец, у него появилась возможность за себя любимого порадоваться.

Но глаза его отгорели как-то очень быстро.

А затем он со знанием дела, с обыденной, немного наигранной интонацией надиктовал мне на диктофон инструкцию: что именно я должен был выяснить и установить, чтобы к подготовке к совершению похищения подключился он с его «людьми».

Гончаров всегда называл участников своей банды именно так.

Я же в это время решал, в какую часть света уже послезавтра во внезапную длительную командировку отправить несуществующую потенциальную жертву.

И остановился на России.

Запись с портативного магнитофона тогда стала для Хамулы тем самым веским аргументом.

В новую оперативную группу по раскрытию похищения и теперь уже, без сомнения, убийства Гельфонда вместе с Сашей Полубейником по моей инициативе вошел так и не пришедший пока в себя от режима работы «бандитского отдела» Игорь Прикладовский.

А затем, когда я изучил все обстоятельства похищения «свежим глазом», у меня появилась та самая, пока еще слабая уверенность в том, что, помимо уже установленных и скрывшихся бандитов, к похищению Гельфонда причастны именно наши «милицейские коллеги».

Хотя тогда ни я, ни Хамула еще даже и представить не могли, какое количество участников в действительности может входить в «милицейскую группу».

Единственное, в чем я был тогда уверен, — что главарь милицейской банды именно Гончаров.

Я озвучил Хамуле мои первоначальные выводы, касающиеся самого похищения Гельфонда. А дальше нужно было изучить детали.

Раз за разом я прокручивал в своей голове беседы с Гончаровым, вспоминая то одни, то другие подробности.

Теперь его слова о своих «возможностях», разговоры о том, что за деньги он может сделать все равно для кого милицейское удостоверение,

Его информированность о работе службы наружного наблюдения,

Обширные связи в милицейской среде —

Все это стало для меня объективной реальностью.

Понимание же Гончаровым милицейских учетов, при доступе к которым любой мало-мальски здравомыслящий опер сразу же мог сообразить не только цель, но и определить лиц, в отношении которых конкретно ведутся оперативно-розыскные мероприятия, заставляло думать, прежде всего, о конспирации.

И тогда я предложил Хамуле в нарушение всех требований оперативных приказов завести новое оперативное дело не в отношении подозреваемых «коллег», которых навскидку набралось аж трое, а в отношении «громоотводов».

Кандидатами нами были выбраны не имевшие к милиции никакого отношения, но «засветившиеся» в эпизоде похищения Гельфонда броварские¹ «братки», подвиги которых были ярко и многократно отражены в оперативной базе данных.

С одной стороны, это давало возможность целевой разработки фигурантов. А с другой, при утечке, которая теоретически могла произойти в любой момент и превратить всю нашу работу в ноль, освобождало поле для маневра.

Мои же «приятельские» отношения с предполагаемым главарем, для которого после нашей последней встречи я, наконец, стал «окончательно своим», помимо всех предполагаемых плюсов, стали удобной возможностью для его дезинформации.

¹ Город Бровары находится в Киевской области.

5 апреля 2001 года.

Это — дата, когда заработал таймер, начавший реальный отсчет начала конца банды Гончарова.

Именно в этот день мною было заведено оперативно-розыскное дело с недвусмысленным названием «Снегири».

Затем устами одного из милицейских генералов в интервью о подробностях ликвидации банды оно, название, даже было озвучено для широкого круга.

А пока «снегирям» только предстояло слететься в клетку «бандитского отдела» на Московской площади.

Глава 19

Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом.
Козьма Прутков

Отношения подчиненного и начальника в правоохранительных органах,

Общая атмосфера взаимоуважения, неподдельное чувство команды, терпимости или откровенной вражды зависит, главным образом, от того, какими человеческими качествами обладает основная масса оперативных работников того или иного милицейского подразделения.

За все последующее время нашей с Хамулой совместной работы у меня с ним было достаточно рабочих моментов, которые могли нас рассорить или разогнать по углам навсегда.

До сих пор для меня остается загадкой, почему непростой характер Сергея Владимировича, с одной стороны, и мое природное упрямство, с другой, не дали предполагаемый минус, а в конечном итоге превратились в плюс.

Удивительный талант Хамулы портить отношения с окружающими уже тогда был притчей. Но больше всего меня приводили в замешательство его необъяснимые для меня поступки.

Странный звонок раздался после того, как Хамула посвятил своего заместителя по фамилии Коломиец в цели и задачи созданной оперативной группы.

Ведь основным условием успешной работы была секретность.

Вопрос личного доверия — вечный вопрос всех силовых структур.

Зачем Хамуле нужно было посвящать в суть и рабочие версии предполагаемой разработки сотрудника, долгое время проработавшего в седьмом отделе УБОП, который участвовал в оперативных мероприятиях по освобождению всех без исключения заложников за последние пять лет, в том числе и Гельфонда,

И знавшего Гончарова лично?

У меня до сих пор нет этому объяснения.

Апрель 2001 года был только началом оперативной разработки.

Началом пути длиной в год.

Еще только предстояло дать оценку каждому оперу и начальнику, которые были с нами рядом.

А то, что похитители хорошо информированы, в том числе получают информацию из «бандитского отдела», что делает их вдвойне опасными, можно было предполагать с большой долей уверенности.

Информатором же Гончарова мог быть кто угодно.

Когда Коломиец в рабочем кабинете Хамулы уверенно сказал, что версия причастности Гончарова к похищению и убийству Гельфонда невероятна, холодок пробежал у меня по спине.

Причины откровения Хамулы с Коломийцем меня тогда уже не просто перестали волновать — они утратили для меня хоть какой-нибудь интерес.

Неутешительные выводы о том, что «протекло», как ни странно, не успев даже «вскипеть», били меня по затылку.

Ведь похищение Гельфонда милицейской бандой было пока только версией.

При самом оптимистичном для меня стечении обстоятельств Гончаров просто пропадет с горизонта, лихорадочно думал я.

И все закончится, так и не начавшись.

О своем первом «волнении», связанном с произвольным хладовыделением, я уже не вспоминал.

В моей голове теперь уже крутилось только два слова: «редкий идиот».

Ведь можно было бы уже научиться быть более осмотрительным.

Хотя бы потому, что осмотрительные, когда им нет еще тридцати пяти, на кладбище попадают значительно реже всех остальных.

В этой игре в русскую рулетку Спаситель вновь уберег меня — тогда случилась осечка.

Мои опасения в отношении Коломийца впоследствии не подтвердились.

А при другом стечении обстоятельств у вас в руках была бы книжка другого автора.

Тот, кто хоть немного знаком с правоохранительной системой, мне не поверил бы, если бы я утверждал, что в течение года Хамула, я, Прикладовский и немного Саша Полубейник корпели по ночам и только и делали, что документировали банду Гончарова.

Увы, но мы работали не в той конторе.

Наша оперская жизнь с выездами и задержаниями продолжалась.

Хотя в перерывах все мы действительно плодотворно потрудились.

Но в начале моего изложения на тему «как я провел 2001 год» будет несколько нескромно с моей стороны, если не опишу обстоятельства, при которых мои коллеги осенью двухтысячного вышли на участника банды, подполковника милиции Гайдая.

В «бандитском отделе» всегда работало достаточно много талантливых и информированных оперов.

Но в правоохранительной системе, увы, всегда присутствует свое «но».

Никого из нас давно не удивлял тот факт, что какая-то часть моих сослуживцев свою информированность, талант и милицейскую власть,

Как бы в противовес нищенской зарплате,

С разной периодичностью — это как кому повезет —

Переводили либо в сомнительную дружбу с оппонентами, либо на коммерческую основу.

Такое положение дел, конечно же, вызывало возмущение у Хамулы не только как у руководителя, но и как у «легалого по духу», что, в свою очередь, не могло не приводить к конфликтным ситуациям.

Одним из камней преткновения для Хамулы был опер по фамилии Петришак.

Начало их профессионального конфликта, который, как всякий мужской, перерос в личный, я не застал по причине позднего перевода. А вот его продолжение проходило у меня на глазах.

Хамула с периодичностью морского прибора пытался «выдавить» Петришака из отдела. Но тот, раз за разом используя родственные связи, упорно держался.

Так вот, когда Сергей Владимирович в составе сборной вяржской команды еще только тщательно «смазывал лыжи», готовясь к походу на Киев,

А я только думал, как «встретить и полюбить» господ из «Фрейликса»*,

Именно Игорь Петришак сразу после похищения Гельфонда, благодаря своим оперативным возможностям в городе Бровары, получил в качестве оперативной информации номер мобильного телефона некоего Свердлова.

А затем, при анализе распечатки его телефонных переговоров, и была выдвинута версия о причастности к похищению Гельфонда не только самого Свердлова и его приятеля Вознюка, но и Гайдая.

Хотя, опять же, ради справедливости нужно отметить тот факт, что дальше версии о причастности процесс не пошел.

Настоящую причину связи между абонентами телефона Свердлова осенью 2000 года установить то ли не хотели, то ли просто не могли.

По необъяснимой до сих пор причине бывший начальник «бандитского отдела» с все тем же заместителем Коломийцем позволил Свердлову и Вознюку из-под наружного наблюдения благополучно скрыться в направлении границы с Россией.

Слабым, но все-таки объяснением произошедшего для меня был рассказ Полубейника о странном, на убоповский взгляд, отношении к происходящему родственников потерпевшего Гельфонда.

Возможно, долгое проживание в Германии,

Может, личность самого потерпевшего, потратившего свою сравнительно недолгую жизнь на доказывание окружающим своей значимости и благосостояния,

Сама его жизнь на две страны и, как следствие, на две семьи —

Все это вызывало у ставших уже немецкими его мамы и жены запоздалую реакцию на происходящее и необъяснимую для славянского склада ума, очень уж прохладную семейную любовь.

В итоге,

На момент начала реанимации дела о похищении Михаила Гельфонда я получил «в наследство» Радченко, находящегося «в отказе» и сидевшего в СИЗО и без каких-либо законных оснований объявить в розыск не живущих дома Свердлова и Вознюка.

И, возможно, причастного к похищению недавно получившего очередное звание подполковника милиции Василия Гайдая, который тогда зарабатывал себе милицейскую выслугу в Киевском главке на должности заместителя начальника следствия.

Глава 20

Корабли постоят, и ложатся на курс...
Из песни В. Высоцкого

В моей старой записной книжке есть страница,
Где среди телефонных номеров и позывных ушедших в историю пейджеров моих дальних и близких знакомых записан номер мобильного телефона,

Продиктованный мне в начале ноября 2000 года Гончаровым у столичного Главпочтамта.

И первое, что я сделал после того, как принял «в наследство» прекращенное Сашей Полубейником за истечением срока, теперь уже ставшее старым оперативное дело «Комбинаторы», так это попытался найти в неуклюжем, но все-таки мониторинге переговоров Свердлова номер своего главного подозреваемого.

Номер нашелся моментально.

Продиктованные мне Гончаровым цифры не только присутствовали в распечатке.

Это был основной связной номер в момент похищения Гельфонда.

Осталось только переделать схему переговоров бандитов во время похищения и до него, переместив главный акцент со Свердлова.

После чего все началось сначала.

Я складывал мониторинг переговоров, устанавливал абонентов, с Прикладовским ездил с запросами по телефонным компаниям.

К моему счастью, мобильная телефонизация страны тогда еще не достигла теперешнего уровня, и мониторинг дал достаточно много квартирных телефонов.

Я изучал ранее установленные обстоятельства совершенного преступления. А затем новая теперь уже схема подозреваемых в похищении Гельфонда в авторстве Хамулы обростала все новыми и новыми фотографиями и адресами.

Патологическая жадность Гончарова сыграла с ним злую шутку.

Номер телефона, которым он пользовался, не был обезличенным.

Он не только был зарегистрирован на адвокатскую контору — у него был личный пользователь.

Им оказался, разумеется, бывший работник органов внутренних дел, некто Торшин.

И хотя, положив руку на сердце, все мероприятия по окончательной проверке владельца телефона были отложены, чтобы лишний раз не «волновать» оппонентов, без сомнения, это был уже, по меньшей мере, новый подозреваемый.

А тем временем в мае 2001 года в Московском районном суде Киева начался суд над Радченко.

Что конкретно вменялось этому «работнику ножа и топора» из города Бровары?

С тем условием, что Радченко никаких показаний не давал в принципе, успешно разыгрывая на протяжении почти десяти месяцев «невинную жертву милицейского произвола»,

Ему вменяли только то, что смогли доказать.

Из заключения фоноскопической экспертизы, именно он по мобильному телефону, который, кстати, принадлежал Свердлову, предъявлял требования тогда еще не установленных похитителей о передаче выкупа за освобождение Гельфонда.

После нескольких месяцев «уговоров», чтобы Радченко покаялся и сообщил все известные ему обстоятельства нераскрытого преступления, его оставили в покое.

Пропусту бросили.

Радченко уже никого не интересовал и до суда «плыл само-теком».

Почему мы с Хамулой не вернулись до суда к Радченко?

Мы, конечно, обсуждали вероятность возможности его «разговорить», но затем от этой попытки отказались.

В конце концов победил аргумент, что его из состояния полного отрицания соучастия в похищении Гельфонда выведет только суд и приговор.

Только тогда, в лагере, когда баланда угробит окончательно его веру в «реальных пацанов» и у него исчезнут последние иллюзии, что они помогут,

Был шанс, что он разговорится.

Любое же его посещение в СИЗО и новая волна нашего к нему интереса при прогнозируемо нулевом результате разру-

шили бы режим конспирации, который мы избрали первоначальной отправной точкой в документировании банды.

На суде Радченко все отрицал.

А еще плакал.

Его приговор — пять лет лишения свободы — стал лишь маленькой каплей наказания за то горе, что принес этот бывший боксер людям даже не своими непосредственными действиями, а лишь тем, что из-за его идиотских «пацанячьих понятий», из-за его отказа «базарить с мусорами» и упрямого нежелания из подсудимого стать свидетелем банда просуществовала еще целый год.

За этот год бандиты забрали жизнь учителя музыки Игоря Тутченко.

И это только тот эпизод, который был установлен, а затем доказан следствием.

Тогда, в мае 2001 года, когда мы с Прикладовским фиксировали у здания Московского суда на видео «группу поддержки» Радченко, состоящую из его родственников и знакомых, в наше поле зрения попал странный субъект.

Мужчина лет сорока пяти, с явно «ментовским» выражением лица, в одежде стиля «а-ля работник уголовного розыска» медленно обходил припаркованные у здания суда автомобили и переписывал их номера.

Я несколько недель затем ездил с его фотографией и показывал ее всем своим коллегам.

Но, увы, его никто так и не опознал.

Хотя предчувствие интереса к суду, теперь уже без всякого сомнения, Гончарова нас с Хамулой не обмануло.

Мы не сомневались, что, находясь пока в тени, все делали правильно.

Теперь одной из главных наших задач было не выходить из этой тени как можно дольше.

Глава 21

Наша служба и опасна, и трудна.
Из песни к х/ф «Следствие ведут ЗнаТоКи»

Ровно четыре месяца продолжалась относительная оперская идиллия. Если, конечно, вдумчивую оперативную разработку банды Гончарова, тогда еще просто милицейскую преступную группу Гончарова, без истерик и криков «давай, давай!» в «бандитском отделе» можно было назвать таковой.

А затем настал конец лета 2001 года.

И идиллия в «бандитском отделе» резко, а еще внезапно, ею быть перестала.

Именно тогда моя пока еще нетвердая, но все-таки вера в то, что когда-нибудь произойдет задержание всех участников милицейской банды, основательно пошатнулась.

В августе 2001 года произошло событие, не только поставившее под удар проведение разработки банды, но и саму уверенность в том, что реализация дела произойдет в принципе.

Говоря киношным языком, мы все, начиная с Хамулы и заканчивая последним оперуполномоченным в списке «бандитского отдела», позорно «обосрались».

Хотя, справедливости ради, из огромного количества фонтанирующей на наши головы фекальной массы каждому из нас досталось ровно столько, сколько он заслуживал.

Тем летом в отдел с заявлением по факту похищения жены обратился состоятельный чиновник Министерства здравоохранения по фамилии Счев*.

Ее похитили неизвестные теплым летним утром.

Выехав на работу на своем дамском автомобиле, она просто исчезла.

Затем автомобиль потерпевшей был обнаружен в спальном квартале Ленинградского района Киева.

А уже через пару часов после похищения преступники по телефону потребовали у Счева* за освобождение жены сто тысяч долларов.

Если сказать, что вся операция по освобождению была проведена неуклюже, откровенно непрофессионально и даже анекдотично, значит вообще ничего не сказать.

Мне до сих пор сложно понять, почему самолюбивый и, если хотите дерзкий в своих действиях Хамула поручил руководство операцией своему практически перешедшему на работу в СБУ и по этой причине уже бывшему заместителю со знакомой фамилией Коломиец.

Вся организация попытки проведения оперативных мероприятий, ход ее непосредственного проведения говорили о том, что она изначально обречена на провал.

Как и следовало ожидать, снова срабатывал милицейский закон об «организации и менструации», лишаящий потерпевших хотя бы мизерных шансов.

А тогда хорошо просматривающееся здание «бандитского отдела» на Московской площади стало местом паломничества многих начальников,

Что, естественно, не могло не броситься в глаза похитителям, без сомнения, наблюдавших за ними.

Окончательно избавила руководителей от «бремени секретности» проводимых мероприятий приметная машина Счева*, припаркованная рядом,

Превратив в «вершину оперативного мастерства» и без того похожий на «махновский наскок» разрабатываемый план по освобождению заложницы.

На явно профессиональные действия преступников времени обратить внимание, как всегда, так и не нашлось.

На третий день вечером Счев* с требуемой похитителями суммой за рулем все той же своей приметной машины, где укрылся опер «бандитского отдела», который, как я теперь понимаю, и был «джокером» в игре, когда совсем нет козырей, поехал платить выкуп.

Покатавшись по городу и поменяв одно за другим три места остановки, указанные преступниками, явно отслеживающими нашу «автомобильную мельтешню» вокруг машины потерпевшего,

Счев*, выполняя требования похитителей, которые все время звонили по телефону, уже практически ночью приехал на передачу денег в Русановские сады.

Русановские сады – это название дачного поселка на Левом берегу столицы, находящегося в городской черте.

И здесь нужно сделать отступление.

Для нас, работников Киевского УБОП, в большинстве своем не киевлянам, Русановские сады были чем-то сродни обратной стороне Луны.

И если к этому прибавить, что при смене мест предполагаемой передачи денег похитители без какого-либо труда «взяли на карандаш» весь наш транспорт,

А еще учесть не являющийся для бандитов секретом тот факт, что в первом круге сопровождения потерпевшего была задействована служба наружного наблюдения, опера которой, по инструкции, были без оружия,

То судьба сначала выкупа, а потом и заложницы была пред-решена ими заранее.

Сначала направив Счева* на неосвещенную садовую улицу,

Затем, ткнув ему его и сопровождающим автомат в лицо и попросту отняв деньги, похитители спешно удалились во мрак августовской ночи резвой трусцой.

Наше непреодолимое желание, похожее, скорее на истерику, задержать хотя бы одного из них так и осталось мечтой.

Два десятка оперов седьмого отдела столичного УБОП той ночью оббегали все до одной темные садовые улочки.

Но все это было откровенной, бессмысленной имитацией попытки хоть как-то изменить то, что уже изменить невозможно.

Утром я показал Хамуле вероятное направление отхода похитителей.

Оно, как, впрочем, место «изъятия денег» у Счева*, было подобрано грамотно, а если быть до конца честным, то профессионально. Нам всем, в сущности, наплевали в лицо, явно доказав, что мы, увы, никто.

Клоуны с удостоверениями оперативных работников.

Чувство, что нас «сделали», как мальчиков, обида и досада, Хотя, говоря совсем откровенно, мы с Прикладовским в этом балагане были просто так, ничего не решающей массовой,

Меня не покидало еще долго.

А дальше появилась группа чиновников от милиции, проводившая служебное расследование с обычным в таких случаях слабо замаскированным заданием и плещущим во все стороны

личным энтузиазмом выявить недостатки, просчеты и непременно строго наказать.

Вопреки плохо скрываемому желанию незваных гостей, все как один опера написали, что Хамула разработал план и всех нас инструктировал.

В общем, все формальности для такого рода оперативного мероприятия были выполнены.

Кстати, только тогда я, как, впрочем, и все мои коллеги, с интересом узнали, что какой-то генератор идей из МВД когда-то там в конце 90-х издал приказ, в котором скрупулезно выписал все «тонкости» по освобождению заложников.

К моему глубокому сожалению, мне так и не удалось спросить лично у автора о его непосредственном участии в такого рода операциях.

Но требование одного из пунктов приказа, по которому на передачу выкупа за освобождение заложника должны выехать чуть ли не двести человек личного состава, которые по команде оцепляют место передачи, можно оценить, как минимум, неоднозначно.

На мой взгляд, тогда намного сильнее был бы новый пункт этого воистину гениального приказа:

О том, что в начале автомобильной колонны — а чтобы перевезти двести человек личного состава, увы, нужна хотя бы маленькая, но колонна,

Так вот, впереди колонны на передачу выкупа за освобождение заложника должен был ехать представитель потерпевшего на неброской, но обязательно служебной милицейской машине с раскраской «канарейка».

При раздаче «слонов» Коломиец остался в тени.

Хамула же было объявлено неполное служебное соответствие.

Именно тогда Сергей Владимирович проявил одну из своих, на мой взгляд, очень редких как для работника правоохранительной системы, черт характера.

Я имею в виду его феноменальное умение конфликтовать со всеми без исключения вышестоящими руководителями.

Его отношения с генералом Актионом* всегда были непростыми.

Причиной этого были их диаметрально противоположные взгляды на службу в милиции как таковую.

Актиону* нравилось быть генералом.

Хамула же не мог быть никем другим, чем «легалым», и этим ярко выделялся на общем сером фоне.

Для Актиона* Киев был территорией с коммерческими структурами, банками и проживающими в нем представителями крупного бизнеса.

Для Хамулы — городом с организованными преступными группами и территориями их влияния.

Именно по этой причине генерала Актиона* столичная милиция встретила как родного.

А Хамула в своем полковничьем мундире даже на самом высоком совещании выглядел священником в рясе на Лысой горе, случайно забредшим туда в пятницу, тринадцатого.

После провала с освобождением заложника Актион* получил хорошую возможность привести вверенное ему подразделение в состояние трогательной военно-милицейской однородности.

Хамула же, в свою очередь, сделал все, что мог, чтобы его и без того непростые личные отношения с генералом окончательно приказали долго жить.

Через два дня заложницу отпустили.

Ее рассказ был немногословным и напрочь лишенным подробностей.

Остановившие ее автомобиль люди в масках с автоматами были в милицейской форме.

Они предложили ей пересесть в их служебный автомобиль.

На этом все ее объяснения закончились.

Затем женщину с завязанными глазами держали в подвале одного из неизвестных ей частных домов.

А через четыре дня, соблюдая все меры предосторожности, отпустили.

Это преступление до сих пор не раскрыто, и вряд ли это будет сделано когда-нибудь.

Я же ни на одну секунду не сомневаюсь в том, что именно Гончаров и его «люди» снова были с той стороны.

Только он, со своим криминальным опытом, накопленным за десять лет преступной деятельности, мог все это не только придумать, но и реализовать.

Почему Гончаров изменил своим правилам и не убил заложницу?

Ответ на этот вопрос кроется в обстоятельствах похищения другого потерпевшего, Гельфонда.

Кто-кто, а Гончаров хорошо понимал, что невозвращение заложницы будет расценено как ее смерть. И что волей-нево-

лей этот факт заставит «бандитский отдел» вернуться к аналогичному делу о похищении Гельфонда, сведя все усилия по его забвению на нет.

Да и новая отработка на причастность к совершению преступления засветившихся Гайдая, Свердлова, Вознюка в его планы тоже явно не входила.

В общем, на этот раз невинная человеческая жизнь бандитами загублена не была.

Хотя причиной тому, конечно же, не были какие-то там муки какой-то там их совести.

Глава 22

*Быть полицейским - это ехать неизвестно куда
С намерением потереться.*

Из х/ф «Гангстеры» (Франция, 2003 г.)

На время проверки и последующего за ней «разбора полетов» разработка банды Гончарова перешла в откровенно вялую форму.

Ушлый в кадровых интригах «бандитский отдел» с любопытством наблюдал, как Хамула уже окончательно и бесповоротно из любимого сына превратился в нелюбимого пасынка.

Всем находящимся рядом было ясно, что по большому-то счету Актин* уже его списал.

Интрига оставалась лишь в том, сколько Хамула продержится.

Но, к чести Сергея Владимировича, он и тогда держался бодрячком.

Только разве что периодически от переполняющей его досады и злости, скрипя зубами, он стучал кулаками в деревянную стену своего кабинета на Московской площади, иногда взрываясь при этом градом крепких выражений.

Именно тогда мне пришлось увидеть воочию, хотя теперь уже со стороны, а затем через время даже прочувствовать на собственной шкуре, что чувствует сыщик, имеющий определенный багаж в жизни, когда его макают в дерьмо. Сыщик, в активе которого, помимо седых висков, были две банды, ликвидированные им в Луганской области.

Причем, банды, не придуманные в милицейских отчетах.

Да еще тогда, когда причина такого «макалова» совсем не в способности или неспособности, не в профессионализме или его отсутствии.

Да кого в милиции такие вот причины тогда волновали в принципе?

К своему несчастью, Хамула с лета 2001 года начал занимать именно ту должность, на которую его мудрый начальник уже наметил кандидатуру «уже своеї людини»¹.

В кадровых милицейских разборках отшумело-отзвенело лето, отправив в историю наш профессиональный позор.

А затем в какой-то момент осени 2001 года пассивные наблюдатели на заднем ряду галерки Управления по борьбе с организованной преступностью Киева спинным мозгом почувствовали, что кризис как-то не то чтобы миновал — он, скорее, немного рассосался.

Хамула взял да и отходил по всем без исключения высоким кабинетам, напрягся, да и раздал все требуемые от него объяснения.

Именно этот момент «условного рассасывания» удивительным образом совпал с окончанием бумажного этапа проведенной оперативной разработки по делу милицейской банды.

На огромном ватмане со свойственной только Хамуле педантичностью была вычерчена еще одна, теперь уже окончательная схема установленных подозреваемых в похищении и убийстве Михаила Гельфонда.

Более того, на мой запрос о пропавших без вести банк данных УВД столицы дал ошеломивший нас всех ответ.

После анализа полученной распечатки выходило, что в Киеве с периодичностью в несколько месяцев на протяжении последних пяти лет без вести пропадают бизнесмены, которых можно отнести к среднему уровню.

Проведя параллели с похищением и убийством Гельфонда и сделав несложное умозаключение, можно было выдвинуть теперь уже обоснованную версию о существовании на территории столицы устойчивой преступной группы, занимающейся похищением и убийством заложников.

Именно тогда в первый раз группу Корейца — такой псевдоним получил Гончаров для соблюдения правил конспирации — теперь уже без каких-либо колебаний мы между собой называли бандой.

И только тогда, воспользовавшись относительным затишьем в подковерных кадровых сражениях, нами была проведена первая активная оперативная комбинация.

При мониторинге переговоров бандитов были установлены дополнительные устойчивые связи Гончарова и Свердлова.

¹ «Уже своего человека». — укр.

Адрес, который нас особенно заинтересовал, принадлежал семье Нестеровых. Из проходного в бандиты возраста в квартире с соответствующей «внешностью» жил некто Владимир Нестеров.

Другой устойчивой связью фигурантов, которая в двухтысячном году вообще, по странному стечению обстоятельств, была пропущена коллегами, был некто, тоже проходной, с внушительной внешностью Павел Кеппель.

По интересующему нас установленному адресу он прописан не был, хотя спокойно жил в квартире с женой и ребенком.

Помимо внешнего вида, Кеппель выделялся из бодрой массы граждан редким автомобилем американского производства.

Поработав со службой наружного наблюдения за Нестеровым три дня и не установив толком ничего нового, Хамула, предвидя дальнейшую бессмысленность наших оперативных действий, принял решение его задержать.

При личном досмотре у Нестерова обнаружили полкоробка марихуаны.

Это не тянуло на уголовное дело, но давало возможность предметно с ним побеседовать.

Наша беседа прошла неоднозначно.

Парень разве только внешне был похож на злодея, а в сущности оказался безобидным работягой с единственным хобби в жизни — рыбалкой.

Я уже начал сомневаться в правильности своих первоначальных выводов, но задержанный сам расставил все по своим местам.

Он рассказал о своем брате Юрии, который на тот момент находился на заработках в Германии.

И, что самое важное, на мой изначально дурацкий вопрос о друзьях Юрия, вернее о друге, который ездит на хорошем американском автомобиле, Владимир уверенно ответил, что это некто Паша, приятель его брата.

Еще одно звено бандитской цепи замкнулось.

Причем, сразу двумя новыми фигурантами.

И хотя веские основания для их задержания отсутствовали, количество установленных бандитов уверенно пошло в гору.

Первые ответы принесли, как в таких случаях и положено, новые вопросы.

Уверенность в том, что Павел Кеппель все еще проживал в Киеве, можно было, хотя и с натяжкой, отнести к риторическо-

му, но все же положительному результату. А вот о германском вояже старшего брата Нестерова, Юрия, стоило поразмыслить.

После мониторинга телефонных переговоров бандитов напрашивался вывод, что Юрий Нестеров был одним из активных участников банды.

Более того, в похищении Гельфонда он принимал самое непосредственное участие, чего нельзя было сказать о Кеппеле:

Тогда совсем необъяснимым, невероятным был факт его выезда за границу.

Вывод напрашивался сам собой:

Либо Нестеров после совершения очередного преступления в составе банды на некоторое время скрылся, и тогда нужно было тщательно изучить сводки резонансных нераскрытых преступлений,

Либо, что было тоже логично, беря во внимание бегство Свердлова и Вознюка, предположить, что банда после «засвета» нескольких ее членов на похищении Гельфонда перестала существовать.

Вывод под номером два был менее утешительным.

Ведь тогда предстояло, помимо сбора новых доказательств вины подозреваемых, заниматься установлением нового места их пребывания.

Успокаивало только одно.

Что Гончаров находился в поле нашего зрения. А значит, во круг главаря должен, как минимум, остаться бандитский костяк.

Проведенная проверка совершенных нераскрытых резонансных преступлений ничего не дала.

И тогда Хамула завел знакомство с представителем Министрства внутренних дел Германии в немецком посольстве.

Я же вместе с Прикладовским, оставив Кеппеля «на закуску», занялся обработкой Юрия Нестерова.

Когда настало время запроса в Интерпол Германии, то мне было доподлинно известно, что Нестеров Юрий не просто живет и работает в Германии — он отбывает там наказание за мошенничество с кредитными карточками.

Задача Хамулы существенно упростилась.

Через его нового знакомого в посольстве нужно было лишь узнать точную дату освобождения Нестерова.

Что получилось из наших общих с Сергеем Владимировичем потуг?

Получилось все как всегда.

Хотя, естественно, каждый из нас хотел как лучше.

А в самом начале я получил ответ из Интерпола Германии на родном для немцев языке. Интерпол Украины переводом для какого-то там опера отягощать себя не стал.

Но лично для меня основной «фишкой» в полученном документе были не непонятные строчки на языке когда-то нашего, народного, вероятного противника, а резолюция Хамулы.

Он настоятельно рекомендовал мне учить немецкий язык.

Был ли я удивлен?

Скорее нет, чем да.

Ведь с Сергеем Владимировичем я тогда уже работал целых восемь месяцев.

Подводя неутешительные итоги наших первых практических шагов, можно было пока констатировать только тот факт, что Нестеров находится в исправительном учреждении наших германских коллег.

Было ли это хорошей новостью?

Наверное, да.

Намного хуже было искать Нестерова-нелегала в Европе.

Хотя на тот момент его отсидка была именно тем препятствием, которое откладывало пока еще на неопределенный срок не только нашу с ним теперь уже долгожданную встречу, но и ликвидацию всей банды.

Глава 23

*Если хочешь сохранить глянec
На крыльях бабочки, не касайся их.*
Пабло Пикассо

Чем ближе оперативная группа подходила к завершению всех оперативных мероприятий, тем острее возникал вопрос о подключении к документированию прокурорского следствия.

Дело о похищении Гельфонда, хотя и возбужденное по статье «захват заложника», но никак не расследуемое, балластом лежало в производстве прокуратуры тогда еще Радянского района Киева.

И вот здесь мне пригодился опыт работы начальника убийного отдела.

Ведь в то, что похитители оставили Гельфонда в живых и он вот-вот вернется, тогда верила ну разве что его мама.

Для удобства проведения как оперативных, так и следственных мероприятий была просто необходима переквалификация статьи дела в убийство.

Фактовое убийство, как ни цинично это звучит, было единственным действенным аргументом, отпирающим двери всех мыслимых и немыслимых кабинетов.

Я доложил свои мысли Хамуле, и он меня поддержал.

Но вначале нужно было посмотреть в глаза следователю прокуратуры, в производстве которого дело находилось.

И мы с Прикладовским отправились пообщаться в храм соблюдения законности, где нас уже, увы, ожидала очередная анекдотическая ситуация.

Дело, над раскрытием которого корпело уже два поколения убоповских начальников,

«Надрывалось» после похищения Гельфонда, в общей сложности, два десятка оперов,

Дело, по которому уже был осужден к пяти годам лишения свободы признанный судом виновным Радченко,

К моему удивлению, ни на рабочем столе следователя, ни в обозримых с его удобного кресла местах обнаружено не было.

Не хотело оно проявляться и в скрытых от постороннего взгляда потайных местах.

Его не было ни в шкафу для дел, возбужденных по факту, попросту, для «висяков», ни в другом шкафу, приспособленном для хранения разных процессуальных документов.

И только после нашего общего кропотливого поиска всем, находившимся в кабинете старшего следователя прокуратуры Радянского района Киева, чья фамилия в моей памяти, а значит, и для истории утрачена навсегда, наконец, улыбнулась удача.

Один из угловых шкафов в конечном итоге взял да и «выдал» папку листов этак на пятьдесят.

Это и было впоследствии ставшее знаменитым и даже, не побоюсь этого слова, легендарным восьмидесятисемитомное дело по обвинению банды Гончарова, с номером 62-2222.

Ну, а пока мне было с чем его сравнить.

В списанном в архив оперативном деле «Комбинаторы», итогом которого стал отбывающий наказание Радченко, было два тома по триста пятьдесят листов.

Чудесным образом «найденное» и изученное мною уголовное дело № 62-2222 на поверку оказалось ничем иным, как ворохом обязательных процессуальных документов.

Никакие собранные в процессе проведенных розыскных мероприятий документы его не «засоряли».

Именно тогда с ситуацией раздвоения собранных оперативным подразделением материалов и доказательств по уголовному делу в процессе первоначального документирования милицеской банды я столкнулся в первый, но, увы, не последний раз.

В последующие разы для меня уже было понятно, какую цель преследует Гончаров.

И я мог даже оценить «гениальность» его изобретения.

Суть изобретения была простой, как все гениальное.

А еще циничной, как все, что он делал.

Гончаров хорошо знал, что любое преступление, а похищение заложника — тем более, нельзя совершить совершенно «чисто».

От всяких случайностей.

От таких, как, например, появление и установление в процессе поквартирного обхода на месте преступления свидетелей, в большом мегаполисе даже он, «великий», никак не застрахован.

И тогда Гончаров нашел простое, но от этого не менее эффективное от притких оперов противодействие.

Все «вытоптанное» на месте происшествия материалы, которые хоть как-то могли указать, вывести или изобличить участников его банды в совершенном конкретном преступлении, попросту не присоединялись к материалам уголовного дела.

Ведь в уголовном деле, как бы там ни было, можно в любой момент возвращаться к допросу свидетелей и очевидцев,

Требовать от оперативного подразделения проведения тех или иных розыскных мероприятий.

В конечном итоге, раз за разом проверять «засветившихся» на причастность к совершенному преступлению.

А если еще учесть постоянную «кадровую чехарду», то за всем, как говорится, не уследишь.

Другое дело, когда собранные оперативным подразделением следственные материалы «случайно» не передавались в следствие, а оказывались в параллельном оперативном деле под названием «преступление». Да еще в ворохе документов, в которых, как обычно, если ты не владеешь всеми обстоятельствами совершенного факта, «черт ногу сломит».

По прошествии времени, когда нераскрытое уголовное дело переходит в разряд прошлых лет и из-за вала его забывают окончательно, начиналась вторая часть изобретения гончаровского «гения».

Из оперативного дела при какой-либо вышестоящей проверке собранные процессуальные документы бесследно исчезают.

Обнаружив весной 2001 года в прекращенном и списанном в архив оперативном деле «Комбинаторы» розыскные материалы, что вполне могли бы быть переведены в следственные, я все еще думал об оперской лени.

А в них, между прочим, были процессуальные документы о причастности к похищению Гельфонда подполковника Гайдая.

Оригиналы допросов, в том числе, Нестерова-старшего, правда, из серии «не видел и не знаю», без каких-либо разъяснений, кто он такой и как появился в разработке.

Были там и показания некоего Сергея Дятла, «искренне» помогавшего следствию, которые при проверке его «искренности» мне очень помогли.

Но об этом позже.

Да и тогда я все еще списывал свои находки на повсеместную безалаберность.

А вот когда в 2005 году история о раздвоении дела повторилась —

Тогда Генеральной прокуратурой расследовался эпизод совершенного милицейской бандой двойного убийства семьи Шевченко в селе Счастливое Киевской области, совершенного летом 1996 года,

Когда опрошенные в 2005 году жители в один голос начали говорить о том, что они сразу же после убийства своих соседей не только давали показания о том, что они видели следивших за домом Шевченко неизвестных, но даже рисовали их фотороботы. А вот в фактовом уголовном деле по убийству семьи Шевченко таких свидетельских показаний не оказалось.

Как, впрочем, и в оперативном.

Хотя при его внимательном изучении сложно было не заметить признаков «подчистки».

Бросалась в глаза исправленная нумерация листов дела, заново отпечатанные на машинке страницы, находящиеся в томах описи документов.

Вот тогда я и вспомнил сложно объяснимую «пробуксовку» «бандитского отдела» по раскрытию похищения Гельфонда.

А еще пересмотрел свое отношение к показаниям участников банды о том, что содержание протоколов их допросов в 2000 году Гончаров цитировал на следующий день.

И если в эпизоде с убийством семьи Шевченко предатель так и останется «мистером Икс», то в случае с похищением и убийством Гельфонда он обрел вполне реальную оболочку.

Фамилия этой оболочки была Маатов*.

Это был опер «бандитского отдела», который осенью 2000 года после прихода Хамулы благополучно ушел на пенсию.

В 2004 году тогда еще фактовый эпизод двойного убийства в селе Счастливое не расследовался.

Зато, по отдельному поручению Генеральной прокуратуры, я вызывал на допрос по делу банды Гончарова вышеуказанного господина.

И даже тогда, в запарке, мне показалось его поведение странным.

На мои неоднократные вызовы он под разными предлогами шел на допрос со скоростью примерно в два с половиной месяца.

Теперь нетрудно догадаться о мыслях, посещавших с момента задержания Гончарова голову этого «Иудушки Головлева»¹. Как он оглядывался, идя по улице, как не спал ночами в ожидании стука в дверь.

Ведь выполнив тогда, в 2000 году, свой долг, он бы не только ликвидировал милицейскую банду – он бы спас несколько человеческих жизней.

Спас бы жизнь Игоря Тутченко.

Допрос Маатова* в прокуратуре, разумеется, был формальностью.

А его участие в банде даже никогда не было версией.

Но, избежав тогда мирского суда, Маатов* забыл о суде Господнем.

Прежде чем начать писать свою повесть, я поинтересовался, как сложились судьбы тех, кто имел отношение к банде Гончарова или проходил по делу.

Именно тогда мне рассказали, что Маатов* на почве мании преследования стал шизофреником.

Удивился ли я, узнав, что прописная истина о том, если Бог хочет наказать человека, он отбирает у него разум, приобрела фактическое подтверждение?

Сейчас я твердо уверен, что кара Господня настигнет всех без исключения установленных и скрывшихся душегубов.

¹ Ставшее нарицательным прозвище героя романа М. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» Порфирия Владимировича. Прозвище «Иудушка» употребляется для обозначения человека, скрывающего вероломство, порок под маской добродетели, синоним слов «лицемер» и «ханжа».

Глава 24

*Создать человека — была славная и оригинальная мысль.
Но создавать после этого овцу — значило повторяться.*

Марк Твен

Сделав непродолжительную паузу для более близкого и всестороннего ознакомления пока еще только единственного осужденного за похищение Гельфонда с устоявшимися в исправительном лагере порядками, в начале ноября 2001 года настала пора его проведать.

Ждали ли мы с Хамулой каких-либо существенных результатов от этой поездки?

Больше да, чем нет.

Мы надеялись, что утраченное им после его задержания умение вспоминать и говорить об обстоятельствах похищения Михаила Гельфонда к Радченко медленно, но все же вернется.

А пока же о стойком боксере Радченко мы с Хамулой слышали только из рассказов участника его задержания — Саши Полубейника.

Но ведь одно дело — «мурлыкать» и «гнусавить» о понятиях, а другое — по этим понятиям жить. Да еще в компании таких же «мурлыкающих» и «гнусавящих».

Когда в оперативную часть исправительного учреждения вошел небольшого роста, крепкий кудрявый парень, действительно, боксерского вида, внешность его просто кричала о том, что перед нами кто угодно, но только не отпетый уголовник. Его внешний вид развеял последние сомнения в том, что живущий по соседству «авторитетный» Свердлов текст требования о выкупе за освобождения Гельфонда дал ему почитать с заранее написанной кем-то из бандитов бумажки.

Более того, зная о «природной бережливости» Гончарова, я просто не сомневался, что за все «труды» Радченко полагалось не больше ста долларов.

Каждый из задержанных или осужденных линию поведения с операми и следователем выбирает себе сам. Причем, делает это только по одним ему известным причинам.

В конце концов, как всякий «свободный художник», он так видит мир.

Радченко выбрал линию «писателя мальчишка».

На наши попытки с Хамулой поговорить с ним хоть о чем-нибудь, тридцатилетний осужденный за вымогательство боксер плакал, несуразно лепеча о том, что он ни в чем не виноват и сидит ни за что.

Наших аргументов он слышать не хотел, и продолжать с ним разговор не имело смысла.

Радченко он явно был не нужен.

Единственными нашими собеседниками стали опера, они же «кумовья».

Хотя и здесь меня и Хамулу ожидало преследующее нас в тот день разочарование.

Как выяснилось, «частичная глухота» в исправительных учреждениях передается воздушно-капельным путем.

Выслушав наши с Хамулой пожелания по разработке Радченко в условиях лагеря, коллеги из соседнего ведомства нам откровенно сказали примерно следующее:

«Ребята, все очень, очень у нас плохо, и если не пришлете денег, то возможности качественной работы с Радченко у агентурного аппарата, увы, нет».

Разработка Радченко спустя рукава не только дала бы нам противоположный результат, но и могла расшифровать наш к нему пристальный интерес. Вопрос же финансирования по причине отсутствия такового нами даже не обсуждался.

Нам с Хамулой ничего не оставалось, как дать Радченко еще немного «вылежать на нарах».

И хотя результат поездки в колонию был нулевым, меня уже не покидала уверенность, что система защиты, выстроенная Гончаровым за многие годы, вот-вот где-то должна дать течь.

По прошествии пяти месяцев, в конце февраля 2002 года, мы с Прикладовским еще раз посетили Радченко в лагере.

Прошел почти год с начала разработки банды. И теперь уже ни у кого из участников оперативной группы не было никакого сомнения, что Радченко к самому похищению и убийству Гельфонда не имеет прямого отношения.

Вновь увидев «голос из телефона», я уже не мудрствовал.

Не давая Радченко толком осмотреться по сторонам, прямо с порога «кумовского» кабинета сказал ему в лоб уверенным голосом:

«Ну что, дружок, тебе не надоело париться за Свердлова, или сто долларов стоят пяти лет жизни? Не будешь со мной сотрудничать сейчас — после задержания Свердлова станешь участником банды. Ну, а твой срок увеличится, как минимум, лет до десяти. Вымогатель и соучастник в убийстве — это не только два разных слова».

От такой неожиданной встречи Радченко вначале просто опешил.

Затем то ли все пережитое им за последних полтора года,

То ли чувство вины за содеянное,

А скорее всего, простой шок от услышанного вмиг вывел его из привычного равновесия и обвалил до того момента непробиваемую защиту.

Как мне теперь кажется, неожиданно, прежде всего, для себя самого он произнес:

«А что я мог сделать? Пацаны попросили сказать по телефону».

И вот, когда мне уже казалось, что моя настойчивость вот-вот будет вознаграждена,

Прямо здесь и прямо сейчас,

Радченко запнулся.

Увы, но его босяцкое прошлое никуда не испарилось.

Шок у парня прошел, и «понятия» его уже осужденной «боксерско-мурчащей натуры» опять взяли верх.

Зыркнув по-звериному на меня исподлобья, он больше ничего вразумительного так и не произнес.

Снова и снова перебирая причины «беспримерной стойкости» Радченко,

Я поймал себя на мысли, что по причине вечной милицеевской спешки, потратив на его допросы в общей сложности пару часов, я несправедливо вешаю на него доставшийся мне по наследству от «плотно работавших» с ним коллег ярлык «волевого бойца».

А «был ли мальчик» в действительности?

Кто он, несгибаемый боец из Шаолиня?

Какие веские аргументы должны быть у броварского босяка, чтобы вместо свободы он сознательно выбрал романтику тюремной баланды?

Через год после нашей второй встречи, когда банда уже прекратила свое существование, я присутствовал на нескольких очных ставках Радченко с арестованными бандитами.

Тогда у меня появилась возможность посмотреть на него не только без каждодневной оперской суеты, но и как бы со стороны.

Что мне тогда больше всего бросилось в глаза во время следственных действий?

Прошло уже почти три года с момента его задержания.

У Радченко за спиной были суд и лагерь.

Все его приятели по банде теперь «реально чалились» и от отчаяния и безысходности могли себе позволить ну разве что изображать безразличие, граничащее с бравадой.

И даже тогда Радченко, не стесняясь нас, присутствующих, перед бандитами открыто «стелился».

А еще не нужно было быть большим психологом, чтобы увидеть, как при появлении в комнате для допросов участников банды в его глазах вместе с первым скрипом двери появлялся сучий животный страх.

Но это был февраль 2003 года.

А тогда, в феврале 2002-го, мы с Прикладовским снова прокатились впустую.

Хотя минута слабости Радченко была для меня еще одной каплей веры в то, что мы бандитов все равно раздавим.

Глава 25

*Вы созерцаете звезду по двум причинам: потому
Что она сверкает, и потому что она непостижима.
Но рядом с вами — сияние более нежное
И тайна более глубокая: женщина.*

Виктор Гюго

«Бандитский отдел» сложно было удивить хождением или, на оперском сленге, брожением по нему потерпевших.

Опера, как правило, равнодушно записывали в отпечатанные бланки привычные слова, складывая их в стандартные предложения.

У потерпевших отбирали объяснения, расспрашивали об обстоятельствах совершенного преступления, выясняя те или иные подробности. С ними пили кофе, заполняя сигаретным дымом и без того прокуренные донельзя кабинеты.

Но были моменты, когда даже выдавший виды «бандитский отдел» начинал волноваться.

И совпали они с теперь почти уже былинным периодом работы нашей оперативной группы.

Причиной неподдельного оперского интереса стала с настойчивой периодичностью появлявшаяся в кабинете Сергея Хамулы,

Как привидение,

Из другой, неизвестной нам жизни, в которой об организованной преступности знали только из кино,

Элегантно одетая женщина.

И тогда,

Бурлящая работа отдела в один миг замирала.

Время останавливалось и начинало тянуться медленно и размеренно.

В «бандитском» наступало время продолжительного неспешного перекура с чашкой кофе.

Поверьте мне на слово.

Двадцать оперов в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, через которых проходила уйма народу, немного разбирались как в женщинах, так и в причинах их в «бандитский отдел» визитах.

Хамула же, в свою очередь, совсем не замечая продолжительности визитов своей гостью, забывал даже о нами всеми нелюбимых вечерних совещаниях, подводивших черту под очередным прожитым в милиции днем.

Хотя после ухода таинственной незнакомки, они, совещания, все же начинались, но становились, скорее, не вечерними, а уже ночными, во время которых, в напоминание о ее совсем недавнем визите, в кабинете у нашего начальника еще долго висел запах настоящих французских духов.

И хотя после окончания совещаний на улице нас ждала ночь, отдел не роптал.

Это был на моей памяти, пожалуй, единственный случай, когда все как один опера из «бандитского» с пониманием отнеслись к продолжительным беседам Сергея Владимировича, семья которого из-за его временной неустроенности еще не переехала в Киев.

И только мы тогда с Прикладовским, на себе ощущая все «удовольствия» от последствий этих встреч, переставали быть джентльменами. Без особого труда связав воедино французские духи с периодичностью начала прессинга по более быстрому и эффективному проведению оперативных мероприятий в рамках оперативного дела «Снегири».

Да и сам Хамула неоднократно давал мне понять, что в деле о похищении Гельфонда есть влиятельная сторона, заинтересованная в скорейшем его раскрытии.

Поэтому первое, что я сделал после визита в прокуратуру Радянского района, когда общими усилиями с ее следователем все-таки отыскал забытое уголовное дело,

Так это доложил Хамуле о необходимости изыскать «скрытые ресурсы» для поддержки нашей «трудовой инициативы» в переквалификации дела Гельфонда из «захвата заложника» в «убийство».

Для неискушенных в милицейских тонкостях мне нужно дать разъяснение.

Каждое «висяковое» убийство существенно ухудшает такой ненавистный, когда твои начальники требуют показатели проделанной работы от тебя,

И одновременно такой необходимый и даже любимый, когда такие показатели от подчиненных требуешь ты сам,

Для милицеских руководителей всех уровней процент раскрываемости.

Уголовное дело № 62-2222 хотя и было возбуждено по статье «похищение заложника» редакции 1961 года, но под тяжкие статьи не подпадало, и по учетам подконтрольным не было. Ведь в середине двадцатого века никому из законодателей даже в голову не приходило квалифицировать такое преступление как особо тяжкое.

Если вы полагаете, что кто-то из прокурорско-милицеских чиновников не понимает, что при обстоятельствах, когда сначала человека похищают, затем требуют за его освобождение выкуп, а потом потерпевший пропадает, и его шансы остаться в живых, скажу прямо, невелики, то вы безосновательно оскорбляете их всех, вместе взятых.

Седых и не очень,

В индивидуально пошитых мундирах с претензией на импозантность,

С крупными и мелкими звездами,

Руководителей, вещающих с телевизионных экранов.

Но переквалифицировать через год нераскрытое дело в убийство...

Мне бы хотелось жить в такой стране, где чиновник от правоохранительной системы добровольно повесит себе лишний геморрой.

Вот по этой самой причине я несколько не сомневался, что такая вот моя «инициатива снизу» вызывала бы у высоких начальников, по меньшей мере, недоумение.

Да и противостояние себя тоже ждать долго не заставило.

Осенью 2001 года, ровно через год после похищения Михаила Гельфонда, уголовное дело из «захвата в качестве заложника» в «убийство» было переквалифицировано почти молниеносно.

Было бы самонадеянно думать о том, что это «радостное» для Гончарова известие пройдет мимо него.

Но, с другой стороны, лучшей ширмы для моего участия в раскрытии самого дела придумать было невозможно.

Легенда моего прикрытия для Гончарова и, конечно, для его вероятного, работающего в управлении или даже в «бандитском отделе» пока еще не вычисленного информатора, мною была придумана мгновенно.

И пока Хамула на совещании отдела озвучивал пришедшие письма из прокуратуры с просьбой выделить работников в со-

став следственной группы по раскрытию убийства Гельфонда, я уже дефилировал у Золотых ворот в томительном ожидании.

В чем, в чем, а в умении держаться Гончарову отказать было трудно.

На его лице не дрогнул ни один нерв, когда я, говоря с ним ни о чем, как бы между прочим пожаловался не нелегкую «оперскую судьбинушку». Это когда начальник, непременно в таких случаях дурак и деспот, направляет меня с напарником в следственную группу по раскрытию убийства какого-то там еврея.

Гончаров достойно, подражая Шарикову из «Собачьего сердца», молчал и слушал¹.

Затем, очнувшись, без объяснений со мной простился и, сославшись на занятость, ушел. Оставив меня «без удовольствия» еще раз прослушать его ставший для меня за много лет таким привычным, надоевший до тошноты монолог.

А вокруг шумела еще одна поздняя, головокружительная киевская теплая осень моей жизни.

Но в этот раз никакие гены счастья от светившего ласкового солнца и лежавших на тротуарах пахнувших уходящим летом листьев у меня почему-то не срабатывали.

Я каждой клеткой своего тела чувствовал – нет, был просто уверен – что впереди меня ждет уже давно привычная и долгожданная «леговая гонка».

А еще тогда я был уверен, что теперь к ней готов.

¹ «Вы, Шариков, должны молчать и слушать, молчать и слушать, что вам говорят». «Собачье сердце». М. Булгаков.

Глава 26

*Если бы все люди думали одинаково,
Никто не играл бы на скачках.*

Марк Твен

Началом раскрытия любого преступления всегда становится тщательный осмотр места происшествия.

В случае же с похищением Гельфонда такого места просто не было.

Взамен были показания работников фирмы «Домино» о том, что 31 августа 2000 года, около 20 часов 30 минут ее владелец и директор Михаил Гельфонд выехал на своем автомобиле «Мерседес-Бенц 300Е» из офиса по улице Богдана Хмельницкого, 66.

Это был последний раз, когда они видели своего шефа.

Правда, было еще несколько телефонных звонков.

Гельфонд позвонил своему компаньону по бизнесу и сообщил, что его похитили.

А вот дальше началось необъяснимое.

Сумма выкупа, пятнадцать тысяч долларов, которую за освобождение требовали похитители, и самое главное, форма передачи — безналичный расчет — явно говорили о том, что деньги как таковые похитителей не интересуют.

Более того, автомобиль Гельфонда бандиты тоже вернули.

И хотя затем они изменили свои условия и потребовали привезти выкуп наличными,

За ним они не явились.

Вот именно этот их шаг картину преступления, хотя и в очередной раз, еще больше запутывал.

И если бы не подтвержденный факт о скрывшихся от следствия подозреваемых с фамилиями Свердлов и Вознюк, то, на первый взгляд, все произошедшее вообще выглядело, как инсценировка.

Причем, режиссером всего этого действия был сам похищенный.

Кстати, такая версия упорно гуляла и периодически реанимировалась в коридорах «бандитского отдела».

Но тогда в пользу этой версии должен был быть достаточно веский мотив.

Как, например, полученный Гельфондом крупный кредит перед его похищением. Или иная, хоть сколько-нибудь веская причина, по которой Гельфонду было бы выгодно объявить себя без вести пропавшим, да еще таким вот откровенно экстравагантным способом.

Но прошел уже год,

И что-то, а такой вот факт всплыл бы обязательно.

И если он так и не был установлен, значит, его просто не было.

На этом все аргументы в пользу инсценировки Гельфондом своего похищения заканчивались.

Зато возникало много других вопросов.

Ну, например: неужели похитители альтруисты?

Совершенно нелепой была сумма выкупа, ведь автомобиль, на котором ехал Гельфонд, стоил в шесть раз больше.

А тот факт, что за Гельфондом велась слежка и похитители, без сомнения, знали его маршрут движения, чтобы сделать засаду,

Помноженный на то обстоятельство, что Гельфонд никогда бы не остановился, чтобы подобрать голосующего у дороги —

Все это доводы как раз и были в пользу его похищения.

Причем, Гельфонда должны были не только «вести» от офиса к расставленной заранее засаде, но и останавливать исключительно в милицейской форме.

Причем, именно в форме работников ГАИ.

И если учесть, что от такой улики, как похищенный автомобиль, похитители попросту избавились, то неутешительный вывод об уровне их профессионализма под сомнение не ставился.

Но тогда возникал резонный вопрос:

Неужели все было спланировано только затем, чтобы лишить Гельфонда жизни?

Тогда выходило, что мы имеем дело с группой маньяков в милицейской форме.

Но этот нелепый вывод был похож на анекдот.

Особенно, если учесть безумную, самоотверженную и бескомпромиссную любовь Гончарова к денежным знакам.

Но какова же тогда была в действительности цель похищения и убийства?

Учитывая все обстоятельства, тогда напрашивалось несколько версий.

Что это был либо заказ,

Причем, заказ кого-то из родственников —

Ведь события с похищением полностью снимают с них какие-либо подозрения,

Либо у похитителей был еще какой-то мотив, который оставался нам неизвестным.

Но ведь когда мотива не видно, это не значит, что его нет.

Мы с Хамулой в очередной раз перебрали все факты биографии потерпевшего, но зацепки, что нас могла вывести на пока еще отсутствующую в деле версию, просто не было.

Хотя как раз с проверкой биографии Гельфонда было не все так просто.

Дело в том, что на протяжении почти десяти лет он, получив вид на жительство, фактически проживал с семьей в Германии.

Его мама, жена и сын жили именно там.

Часть знакомых — тоже.

И только он вел бизнес на территории Киева.

Бизнес туристический.

Но картина о работе Гельфонда будет неполной, если не учесть, что во время бардака при распаде Союза ему удалось стать собственником нескольких магазинов.

А еще — когда-то очень популярного в столице бара «Четыре сезона».

Командировка в Германию была чем-то из разряда фантастики.

И нам ничего не оставалось, как еще раз проверить киевские связи Гельфонда.

Тем более что формальный повод — переквалификация уголовного дела — у нас теперь был.

Заодно еще раз можно было бы «прокатать» версию о заказе.

Вне всякого сомнения, заказчик «хоть крылышком», но должен был попасть в круг допрашиваемых.

Версия конфликта в бизнесе и так называемая бытовая версия с подпунктом «любовь-морковь» тоже имела право на существование.

Ведь состоятельный и вполне прилично выглядящий мужчина, который был «почти» свободен, да еще управлял дорогим автомобилем, в стране стабильной нищеты не был обделен вниманием слабого пола.

Тем более что одно обстоятельство его «половой карьеры» точно не могло пройти мимо проводимой проверки.

Гельфонд был похищен в ночь с 31 августа на 1 сентября 2000 года.

А в конце сентября он собирался развестись и жениться снова.

Разумеется, его пока еще законная жена, которая в конце сентября автоматически переходила в разряд бывших, много теряла. И версия о ее причастности к похищению выглядела вполне правдоподобно.

Нам с Игорем Прикладовским предстояло скрупулезно допросить бывших знакомых, приятелей и партнеров по бизнесу Гельфонда, проживающих в Киеве. Которых, кстати, было сравнительно немного. И попытаться выяснить и сообразить, кто из них мог быть потенциальным заказчиком убийства.

А самое главное, каков его мотив.

В самом начале вычислить заказчика, а прежде всего, понять причину, которая его заставила стать соучастником убийства, было очень заманчиво. Тем более, при всем при том он вполне мог быть «слабым звеном». Той самой ниточкой, за которую можно было вытащить всю банду.

Каждый из вызванных нами на допрос рассказывал о своих отношениях с Михаилом Гельфондом по-своему.

Но сразу стало понятно, что киевляне нежной любви к похищенному, а тогда уже, без сомнения, убитому не испытывали.

Каждый из них, отвечая на мой вопрос:

«А что за человек был Гельфонд?»

Как правило, заканчивал свой рассказ словами:

«Высокомерность на понтах».

А затем, так как ни у меня, ни у Хамулы не было сомнений в том, что факт с требованием выкупа за освобождение Гельфонда был ничем иным, как имитацией, уводящей от версии заказа, я всем задавал только один вопрос:

«Что должен сделать еврей еврею такого, чтобы тот его заказал?»

Причем, его я пытался задать неожиданно, внимательно наблюдая за реакцией отвечающего.

Увы, но интересующей меня реакции — внезапного волнения или откровенного нервного срыва — я так и не получил.

Зато в конце всех допросов был уверен, что мы имеем дело точно не с заказом от бизнеса.

Из ответов приятелей Гельфонда было понятно, что ни деньги, ни женщины, а только из ряда вон выходящий случай может заставить еврея заказать еврея.

Но такой факт обычно не остается неизвестным для окружающих.

А его тоже, как в случае с подозрением в инсценировке покушения самим Гельфондом, опять просто не было.

Бизнес-версия понемногу распадалась.

Оставалась «любовь-морковь».

Хотя и она не выдерживала никакой критики.

Будущая приставка «экс», конечно же, висела над законной женой Гельфонда дамокловым мечом. Но могла ли заказать уходящего от нее благоверного женщина, которая в свое время работала буфетчицей, да еще постоянно проживала в Германии?

Все это было маловероятно.

И тогда мы с Хамулой разделили свои усилия.

Он раз за разом перебирал фигуры, стоявшие вокруг Гельфонда, по оперскому правилу, пытаясь идти от заказчика.

Я же продолжил разработку фигурантов по своему оперативному делу.

А еще я периодически раскладывал в своей голове на мелкие детали разговоры с Гончаровым. И эти детали все больше склоняли меня к тому, что Гельфонд попросту попал в поле зрения одного из участников банды.

Тем более, уже было установлено, что «исчезнувший» Свердлов был знаком, по крайней мере, с двумя лицами из его окружения.

Как известно, ищущий да обрящет.

И настал день в истории ликвидации банды Гончарова, когда наши с Хамулой старания были вознаграждены.

И кропотливо созданная убийцами защита все-таки дала сбой.

Перечитывая показания «добровольно помогавшего следствию» попавшего в поле зрения моих коллег еще в двухтысячном году некоего Сергея Дятла, осенью 2000 года допрошенного на протокол ушедшим на пенсию Маатовым*, у меня раз за разом возникало ощущение их, как минимум, нереальности.

И действительно,
Сложно было поверить в то, что он, Дятел,
Познакомившись с незнакомцем по имени Валера,
Через непродолжительное время общения с ним по его
просьбе не только дал номер расчетного счета конвертной фир-
мы, на который впоследствии бандиты по безналичному рас-
чету требовали перевести выкуп за освобождение Гельфонда,

Но и не знал, как и где этого Валеру найти.

Связь Дятла с Валерой, естественно, была односторонней.
А за обличенными деньгами он, Валера, должен был при-
ехать лично. Но когда — неизвестно.

Пикантности данным показаниям придавал тот факт, что
все излагаемые на протокол Дятлом события происходили не
где-нибудь, а в городе Бровары. Где благополучно до похище-
ния Гельфонда проживали скрывшиеся Свердлов и Вознюк.

Мой молодой коллега Полубейник Саша то ли из-за недо-
статка оперативного опыта, а скорее всего, из-за авторитета
его ушедшего на пенсию наставника сомнению искренность
показаний Дятла не подвергал.

Тем более, что его наставник с фамилией Маатов* к «прав-
дивым показаниям» Сергея Дятла приложил фоторобот неиз-
вестного Валеры, нарисованный со слов все того же Сергея
Дятла.

После чего, судя по материалам оперативного дела, посчи-
тал свою работу законченной.

И если прибавить ко всему написанному забывчивость Ма-
атова*, который так и не передал собранные им «доказатель-
ства» для присоединения к материалам уголовного дела,

То вот именно такая «картина маслом» была представлена
на наш с Хамулой суд.

В конце сентября 2001 года Полубейник выполнил мою
просьбу еще раз вызвать Сергея Дятла на беседу к нам в отдел.

Кстати, Дятел являлся, как на работу, по первому звонку.

Усадив его напротив себя в моем кабинете и сделав зверское
лицо, я хриплым голосом поведал пятидесятилетнему мужику
о том, что скрывшиеся Свердлов и Вознюк уже убиты.

А еще — что есть такая наука беллетристика.

Почему мне пришло в голову именно это слово, и есть ли
такая наука вообще, я не могу ответить до сих пор. Но на при-
глашенного, судя по изменившемуся выражению его лица, моя

дикая физиономия, помноженная на известие о смерти Свердлова и Вознюка, да еще с непонятным, как я понимаю, для нас обоих названием произвела неизгладимое впечатление.

Затем я продолжил.

Что если он, Дятел, не расскажет мне здесь и сейчас всю правду, которая мне давно известна, то у него есть все шансы как единственному пока еще оставшемуся в живых свидетелю отправиться за Свердловым и Вознюком.

Мне же по этому поводу будет его очень и очень жаль.

Затем я взял ту самую, многозначительную оперскую паузу,

Оставив на откуп тишину кабинета и шумящую за окном Московскую площадь. Что, кстати, никак не могло повлиять на лежащее на поверхности моего оперского мозга понимание того, что в принципе я занимаюсь безнадежным делом, пытаюсь добиться признательных показаний от соучастника похищения, который прожил огромную часть своей жизни интересно и увлекательно,

А Сергей Дятел свои пятьдесят лет прожил именно так,

И которому, без сомнений, приказали молчать.

Была, конечно, хлипкая надежда, что Дятел просто хотел заработать, а Гончаров его использовал втемную. Но противовесом этой версии служили, без сомнения, надиктованные нашими оппонентами его показания.

Но, к моему удивлению, после моей захватывающей, как я теперь понимаю, для нас обоих речи Дятел «поплыл».

Со мной «бесчеловечным» он, естественно, разговаривать не захотел. А вот побеседовать с авторитетным Хамулой желание таки изъявил.

Причем, изъявил почти моментально.

Результат беседы Дятла с Хамулой был, в принципе, прогнозируемым, но очень важным для сдвига дела по убийству Гельфонда с мертвой точки.

Дятел сообщил, а потом дал официальные показания, что никакого Валеры не было в природе.

В действительности не кто иной, как скрывшийся Свердлов просил у него номер счета для перечисления выкупа за освобождение Гельфонда.

Я не испытываю никаких иллюзий относительно того, что Дятла все это время мучила совесть, являясь по ночам тенью Гельфонда.

Такие мелочи его вряд ли беспокоили.

Скорее всего, он хорошо понимал, что новые люди в процессе расследования никогда не поверят его прежним сказкам и все равно рано или поздно его додают.

А за данные им в самом начале ложные показания могут превратить в подельника.

Долгожданный прорыв имел место быть.

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели», — говорил Остап Бендер, когда узнал о миллионах Корейко¹.

«Процесс пошел», — шутили мы с Хамулой, когда я ему принес протокол допроса Сергея Дятла.

Чем был для нас этот протокол?

Прежде всего, финалом нашей почти десятимесячной работы.

Показания Дятла прямо доказывали причастность Свердловва к похищению Гельфонда. Что в совокупности с мониторингом его мобильного телефона было прямым доказательством вины.

Причем, теперь не только в похищении заложника, но и в его убийстве.

¹ Александр Иванович Корейко — один из центральных персонажей романа «Золотой теленок» И.Ильфа и Е.Петрова. Подпольный миллионер, скопивший огромное состояние благодаря разнообразным жульническим операциям.

Глава 27

*Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода.*

Из песни на стихи М. Танича

Киевляне должны помнить, что в 2001 году прошла административная реформа, которая сократила количество районов столицы, а некоторым из них дала новые названия.

Радянский район как отголосок распавшейся советской империи был реорганизован и влился в район Шевченковский.

И тогда дело № 62-2222, «стройное» по причине количества в нем содержащихся процессуальных документов, теперь уже по убийству Гельфонда, попало в производство кому бы вы думали?

Из огромного списка следователей всех уровней Спаситель сделал выбор в пользу старшего следователя по особо важным делам Иванова Ивана Ивановича.

Именно того Иванова, с которым мы когда-то бодались с группой компаний «Фрейликс»*.

Был ли рад Иван Иванович принятию в производство еще одного «висяка»?

Не уверен.

Но в этом случае ни у кого из нас уже давно не было выбора.

После показаний Дятла розыск Свердлова по обвинению в соучастии в убийстве практически стал решенным вопросом.

Но правоохранительная система территории с названием Украина не была бы собой, если бы в ней работали исключительные «мо-лод-цы», и все в последующих событиях по избличению банды Гончарова вдруг стало бы «хо-ро-шо».

Хотя «вдруг», разумеется, настало.

Только, как это обычно бывает, с его наступлением внезапно все остановилось.

Если, конечно, раскрытие убийства уместно назвать словом «все».

А еще пришла середина октября 2001 года, и мы с Игорем Прикладовским отправились в отпуска.

Отпуск я провел у мамы.

Мы не виделись почти год.

Но именно в тот мой приезд, хотя я долго не хотел этого не только замечать, но даже об этом думать,

Я вдруг отчетливо понял,

Что приехал к очень одинокой женщине, которой остались только возраст, болезни, воспоминания. А еще — ожидание минуты счастья, когда ее единственный сын позвонит в дверь квартиры в хрущевке, утопающей в зелени.

Но отпуск с его продолжительным сном и правильным питанием закончился, как обычно, очснь быстро.

И новые служебные проблемы свалились на наши, по сути названия должности, вечно во всем виноватые оперские головы.

Глава 28

*В любой организации всегда найдется
Человек, знающий, что на самом деле
Происходит. Его-то и надо уволить.*

Народная мудрость

Попасть с корабля на бал у нас с Прикладовским не получилось.

Мы с удивлением обнаружили отсутствие на рабочем месте Хамулы, который по нашему примеру отправился отгулять отпуск и затерялся где-то в бескрайней степи Луганской области.

А дальше начались события, что в который уже по счету раз остановили оперативную разработку милицейской банды.

То, что произошло далее, можно называть как угодно.

Можно смело придумать такое несложное объяснение, как, например, «сложившееся обстоятельства».

Еще есть такое хорошее словосочетание, как «ротация руководящего состава».

Но чтобы дальше не травмировать все и безропотно терпящий великий русский язык, а еще сберечь оставшиеся нервы, всему случившемуся тогда можно, и даже должно дать хотя и не совместимое с литературным языком, но настоящее название: «ментовская говнумотка».

Пребывание на родине так «подорвало здоровье» Хамулы, что после окончания отпуска вместо работы он переместился в госпиталь.

Так в милиции обычно поступают все без исключения начальники, кресла которых попадают в зону турбулентности.

Нехорошее предчувствие себя долго ждать не заставило.

Генерал Актион* снова приступил с присущим ему умением к выдавливанию «нелюбимого пасынка».

И хотя Хамула еще фактически состоял на должности начальника, в ноябре 2001 года личному составу кадры представили нового руководителя.

Неоднозначности и, если хотите, пикантности ситуации придавало то, что никто из нас, да и сам новый руководитель, не знали, какую в принципе должность он занял.

Когда подполковник Алексей Паутов въехал в руководящий кабинет на Московской площади, это был далеко не последний кадровый сюрприз.

На освободившуюся должность заместителя начальника «бандитского отдела» после перевода Коломийца был назначен тоже совсем «свежий» майор Какьян*.

В отличие от Паутова, тридцатипятилетний Какьян*, который почти за три года работы в отделе на трудовой оперской стезе никак себя не проявил,

Выделяясь среди оперов разве что — нет, не оригинальностью а, скорее, своеобразием в «вождении козы» в моменты регулярно обострявшейся у него «гусарской болезни»¹.

И хотя он был назначен на должность все по тем же традициям Управления по борьбе с организованной преступностью, когда какой-то там «правильный» кого-то «взрослого» настоятельно попросил,

Такие реальности бытия воспринимались уже как суровая, но, увы, действительность.

И тогда в милиции уже никого особенно не волновали.

Ведь он был нашим. А поэтому родным.

Неродной же Паутов сразу разъяснил сомневающимся, кто есть кто, взявшись за дело, как в таких случаях и заведено, бодро и рьяно.

Утренние совещания плавно переходили в вечерние.

Каждодневное планирование с такой же плавностью переходило в перспективное, которое, в свою очередь, никак не выполнялось.

А мое уже на тот момент обостренное чувство самосохранения кричало о том, что персональный интерес Паутова к моей личности — это точно не к добру.

Хотя теперь, помимо опыта «битого», за спиной у меня было уже хотя и льготных, но двадцать лет выслуги.

Осознание этого,

Реальность милицейской выслуги, что позволяла мне в любой момент уйти в отставку и, если хотите, ее необратимость давала мне не только сравнительное спокойствие, но и

¹ Непродолжительный запой (сленг).

позволяла периодически излучать всегда открытую, добрую и светлую улыбку. В особенности в тот момент, когда новый руководитель, контролируя персонально и, как я понимаю, не без задания «сверху», ну, или хотя бы «сбоку», каждый наш с Прикладовским оперской шаг, задавал мне всякие нелепые вопросы.

Обстановка в отделе портилась, как и погода за окном, переходящая из осени в зиму.

Нового начальника оперативное дело «Снегири», находящееся у меня в производстве, не интересовало совсем.

По старой, уже изученной днепропетровской традиции Паутов начал просеивать личный состав отдела. А затем примерять его под известные только ему критерии, под которые я, разумеется, не подпадал.

Мои перспективы опять становились туманными, а возможность ликвидации банды уходила в ту же сторону, что и осень.

Но внезапно, как это в правоохранительных органах принято — я об общей концепции внезапности — из госпиталя появился «оздоровленный» полковник Хамула.

Он спокойно, так, как умеет только он, взял и расставил все точки над «и».

Паутов был отстранен от любых оперативных мероприятий отдела и отправлен заниматься почтой.

А Сергей Владимирович, хотя тогда и скрипел зубами, но выглядел живчиком.

Мне от оптимизма Хамулы отставать тоже не хотелось.

Дело в том, что в милиции есть новая, но уже устоявшаяся традиция:

Отбирать у своих работников последнее.

Со стороны это выглядит очень даже пристойно.

Это когда от более чем скромной оперской зарплаты после объявленного дисциплинарного взыскания с названием «выговор» или «строгий выговор» отнимают придуманные каким-то уродом так называемые «процентные надбавки».

И тогда нищий становится еще более нищим.

Прекратить это свинство можно либо по истечении срока наказания, а по дисциплинарному уставу это год, либо когда объявивший взыскание начальник решает, что подчиненный «встал на путь исправления», а лучше — «совсем исправился», и взыскание снимает.

Гордо неся свой строгий выговор «от Фрейликса»*,

Полный положенный срок,
От звонка до звонка,
Согласно пункту дисциплинарного устава, я «осознал и исправился» ровно через год.

Хамула делал вид, что он о моем дисциплинарном взыскании ничего не знает.

Ну а от высоких руководителей столичного УБОП с фамилиями Актион* и Корнич все это время «амнистии» ждать, по понятной причине, не приходилось.

Свою злость от «периодического недоедания» я сгонял на начальнике убоповских кадров.

Тем более что из-за все той же «бескорыстной дружбы» с сочувствующими из разнообразных силовых структур «нелегкой судьбинushке украинского предпринимателя» в лице незабвенного «Фрейликса»* он явственнее всех неровно дышал в мою сторону.

Двадцатого числа каждого месяца, получая в бухгалтерии «свое наказание», я громко говорил, что «опять у меня вычли алименты Красовкину»*

Такая тогда у нашего кадровика была кличка.

А затем прибавлял: «Только вы ничего не подумайте, я был пьян и совершенно ничего не помню».

Красовкину* мои слова добрые люди передавали незамедлительно.

Зная об этом, я по-мальчишески смеялся, нет, просто хохотал взахлеб.

Такой вот он, «тонкий», «искрометный» оперской стеб.

А еще каждый из зрителей в партере или на народной галерке ни на секунду не сомневался, что из этого противостояния Хамула не выйдет без потерь.

Ведь «бодаться» с земляком действующего Президента было нереально.

Да и себе дороже.

Что же в момент очередного, давно вошедшего в привычку и, как я тогда уже давно не сомневался, являющимся одной из неперменных составных срока милицейской службы кадрового бронежника делал я?

Прежде всего, отдавал себе отчет в том,

Что во время уже ставшей традиционной эпизодической оперативной разработки банды Гончарова в наше поле зрения так и не попал находящийся в аппарате управления или, что

еще более вероятно, в «бандитском отделе» его оперативный «источник»,

А попросту, предатель.

Который с большой долей вероятности там обязан был быть.

А тот факт, что осторожный пенсионер МВД Гончаров владеет всей информацией о сложившейся обстановке в «бандитском отделе», тоже сомнений не вызывало.

Поэтому мне тогда ничего не оставалось, как только еще больше его убеждать в том, что все, все, по делу об убийстве Гельфонда уже закончилось, так и не начавшись.

Вот этим я и занялся, пока оппоненты Хамулы проверяли его на прочность здоровья и характера.

Помня присказку: «що може колись і згодиться»¹, я снова и снова во время тогда нечастых наших с Гончаровым встреч «горько и слезно жаловался» на несчастную оперскую судьбишку.

А еще на непонятное и не нужное мне дело какого-то там Михаила Гельфонда.

Как опытнейший профессионал,

Причем, ну с очень большой буквы,

В раскрытии дела я не только «не видел никаких перспектив», но и считал, что для его раскрытия вообще «ничего не делается».

Самое смешное то, что тогда в части «ничего не делается» я не был далек от истины.

Верил ли мне Гончаров?

Наверно, да.

Потому что именно в эти волнительные для меня моменты я был «особенно искренен».

Информация по, прямо сказать, щекотливому для него делу шла из моих, а стало быть, первых рук.

И, наверное, он собой по этому, для него особому, поводу очень гордился.

¹ «Может, когда и пригодится». — укр.

Глава 29

*Все суета сует.
Все тщета и ловля ветра.
Царь Соломон*

Прошло еще почти целых три недели, пока стопор в документировании банды не снял сам Хамула, когда как ни в чем не бывало вызвал меня к себе в кабинет.

Мы вернулись к обсуждению первоначального плана ликвидации банды, придуманного нами еще весной, на том первом «совещании» в «Макдоналдсе».

В чем заключался наш первоначальный план?

Предварительно нужно было установить костяк банды, а по возможности, и всех ее участников, что, в принципе, к осени 2001 года было выполнено. Причем, сделать это было нужно без утечки информации коллегам-бандитам о нашем к ним интересе.

Теперь пора было переходить к этапу подготовки и проведения оперативной комбинации.

Суть ее заключалась в том, чтобы создать условия, когда участники банды Гончарова предпримут попытку захватить заложника и будут задержаны на горячем¹.

Затем в процесс должно было включиться прокурорское следствие с доказыванием задержанным эпизода с похищением и убийством Гельфонда.

Ну, а потом настала бы очередь других, пока еще нам неизвестных эпизодов преступной деятельности банды. Что, по нашему с Сергеем Владимировичем убеждению, учитывая количество бандитов, помноженное на оперативный опыт части участников, просто не могло не быть.

Мы хорошо понимали, что будем иметь дело с большим количеством подозреваемых и, разумеется, после их задержания —

¹ «На горячем» — задержание преступников при совершении преступления.

это, как правило, всегда облегчает получение признательных показаний.

Ведь уже на первом этапе разработки стало ясно, что в банде хотя и существует разделение ролей, и она достаточно хорошо законспирирована, но это-то и даст нам после одновременного задержания всех ее участников достаточно козырей при проведении следственных действий.

Ведь обвинение в соучастии в убийстве было достаточно серьезным аргументом для поиска «слабого звена».

Какова была наша уверенность в том, что Гончаров решится на похищение заложника теперь уже под нашим контролем?

Во главу угла мы поставили «обезьянку» в виде очень «лакомого кусочка».

Это была информация о большой партии тяжелых наркотиков, что, по нашей легенде, должна была без особого труда попасть в руки бандитов.

Другая веская причина касалась все того же психологического портрета Гончарова и лежала в моих с ним личных отношениях.

Теперь я был твердо уверен, что он проглотит из моих «заботливых рук» приготовленную нами наживку.

Тогда, осенью 2001 года, такая уверенность созрела у меня сама собой.

Давно обосновавшаяся в голове у Гончарова адская смесь из вседозволенности, дерзости, самоуверенности, проросшая на загубленных им человеческих жизнях, стала гарантией того, что он не откажется от своей давней, как я тогда уже не сомневался, почти навязчивой идеи «замазать меня кровью» и окончательно зачислить в банду.

Тем более что для ее исполнения он пять лет ходил вокруг да около.

Суть нашей оперативной комбинации заключалась в том, что я должен был сообщить Гончарову, что в мое поле зрения попал состоятельный бизнесмен, который живет один и к тому же торгует крупными партиями наркотиков.

Ну, а дальше — засада и задержание участников банды с сакраментальной фразой из бородатого анекдота: «Здравствуйте, девочки».

Поддержание легенды было делом техники.

И если с техникой было все сравнительно ясно, то с документами об оформлении меня в качестве опера, внедренного в банду, вышла заминка.

От возможности сделать это через столичный отдел убоповской разведки, в обязанности которого входит организация и проведение такого рода мероприятий, мы с Хамулой сразу же отказались.

Анализ ранее собранной информации вместе с проверкой биографий фигурантов говорил о том, что есть большая вероятность того, что эти наши действия не только не дадут никакого результата, но и подвергнут мою жизнь опасности.

Ведь, как минимум, еще один фигурант по оперативному делу, водитель Гончарова и по совместительству его приятель Леонид Михайленко начинал работу именно в этом подразделении.

Более того, Гончаров был всегда на удивление хорошо информирован о работе этого наиболее засекреченного в милиции подразделения.

И самое главное, я был свидетелем того, что и Гончаров, и Михайленко ездили на встречу с тогдашним начальником управления разведки ГУБОП Украины полковником Курком*

Думал ли полковник Хамула только о ликвидации банды Гончарова, когда в декабре 2001-го мы с ним потратили целую ночь на составление плана реализации моего оперативного дела «Снегири», — я не знаю.

Ведь помимо материалов о какой-то там милицейской банде, реально действующей в Киеве, именно тогда у него накопилось ну просто громадье проблем.

Любимая дочь, которой нужно учиться в столичном вузе. Жена, до сих пор живущая в городе Алчевске. И милицейская карьера, что последний год маятником раскачивается из стороны в сторону, вот-вот рискуя потерять допустимую для себя амплитуду.

Но утром Сергей Владимирович отправился утверждать план реализации дела к генералу Актиону*, которого, в чем я также уверен, ликвидация милицейской банды, тогда, разумеется, интересовала.

Интересовала, но еще меньше.

Но и тот, и другой делали то, что привыкли делать уже много лет.

И тогда со все утверждающей генеральской подписью документ с грифом «секретно» вернулся к его соавтору.

После чего другой его составитель, по фамилии Хамула, так и не заслужив своим служебным рвением «снисхождения», снова «спрытался» на больничном.

Совсем недавно, наученный провалом с освобождением заложницы Счевой*, Актион* не хотел больше рисковать.

И конечный вариант плана реализации был существенно перекроен.

Беря во внимание появившуюся в ходе проведения оперативных мероприятий по делу возможность объявления фигуранта Свердлова в розыск, Актион* исключил все риски задержания бандитов на горячем.

Нам с Хамулой осталась только сопряженная с миллионом проблем «заманчивая» возможность выследить и задержать каждого участника банды по отдельности.

А затем наступил 2002 год.

Год, когда кадровое противостояние двух руководителей таки вылилось в конечном итоге в ликвидацию банды.

Глава 30

Лукавий, хитрый був дідок.
Украинский поэт
Александр Олесь
о М.Грушевском

После новогодних праздников меня неожиданно вызвал генерал Актион*

В его кабинете меня ждал один-единственный вопрос:

«Когда ты будешь реализовываться?»

Хотя затем генерал прибавил, что мы с Хамулой написали «кинжальный план» и теперь пора браться за дело.

Происходящая кадровая война уже давно не только охладила мой оптимизм по поводу близкого начала реализации дела,

Она включила несколько другие мои человеческие, а еще милицейские инстинкты.

А тут такой «неожиданный поворот».

Да и к тому же Сергей Владимирович все еще «прятался» в госпитале, что тоже не играло на пользу начала каких-либо оперативных действий.

Была и еще одна причина «скушать Твикс».

Положа руку на сердце, в правоохранительных органах до последней недели января работают исключительно по особой нужде.

Праздники сменяют праздники. Новогодний отдых накрывает, а затем и перекрывает просто отдых. Ну, а пьянки переходят в пьянки с приставкой «затяжные».

Вот в такой «сложной оперативной обстановке» нужно было запустить правоохранительный «маховик-баховик».

Но в милиции приказы начальника подлежат только негромкому ненормативному обсуждению, что на процесс их выполнения совершенно не влияет.

И мне ничего не оставалось, как с поредевшими без полковника Хамулы рядами вместе с Игорем Прикладовским и Сашей Полубейником закатать рукава.

И прежде всего, нужно было провести технические мероприятия и установить точное место нахождения фигурантов.

Установить их январские планы и занятия.

А еще, по возможности, добрать дополнительные факты их преступной деятельности.

Хотя здесь нужно сделать приписку: «если повезет».

Проведение такого рода оперативных мероприятий, помимо сбора большого количества подписей, подразумевало так не любимые всеми нами продолжительные свидания с печатной машинкой, главной в те времена помощницей в оформлении документов с грифом «секретно».

Вот так мои, хотя, нет — хоть и отдельно, но с того момента уже точно общие — наши с Прикладовским и Полубейником январские каникулы закончились, даже не успев начаться.

А еще процесс, как он обычно любит, взял и пошел.

В начале которого нужно отдать должное лично генералу Акциону*:

Когда вопрос об объявлении Свердлова в розыск прокуратурой Шевченковского района Киева с уходом Хамулы на больничный откровенно повис, я попросил его о помощи.

Тогда как раз закончилось подведение итогов управления за уже прошедший, 2001 год. На котором, кстати, уже не помню, в который раз за мою милицейскую карьеру выяснилось, что в прошлом году показатели были намного лучше. Но при всем при том раскрытие преступлений и вместе с ними кривая по искоренению преступности упрямо ползет вверх.

Вот после этих самых подведений убоповских итогов генерал Акцион* посадил меня в свой «глазастый» «Мерседес», и мы отправились к прокурору Шевченковского района.

А затем не прошло и двух дней, когда я «с чувством глубокого удовлетворения» вчитывался в судебские строчки постановления объявления Свердлова в розыск.

Верил ли сам генерал в существование милицейской банды в Киеве?

Говорить об армии завербованных сторонников нашей с Хамулой нерадостной для руководителей Управления внутренних дел столицы версии было бы нескромно.

Хотя все-таки один генерал тогда, наверное, с нами был. И пусть в борьбе между «все-таки» и «наверное» победил тогдашний наш оперской оптимизм.

Но и этот генерал умел разграничивать доклады о далеких и близких перспективах. А еще Актион* относился к разряду руководителей, настоящие мысли которых прочитать достаточно сложно.

С остальными милицейскими «вождями» было еще хуже.

Еще летом 2001 года с Хамулой и Прикладовским мы поехали на доклад по моему оперативному делу к заместителю начальника по оперативной работе УВД столицы полковнику Сипченко*.

Это был еще один из огромного отряда карликов в правоохранительных органах, приехавших покорять столицу в составе первого «варяжского набега».

На наш «легалый» блеск, который уже привычно, сам по себе воспылял в наших глазах, когда Хамула на большом руководящем столе привычным движением разворачивал свои знаменитые схемы, а мы с Игорем Прикладовским, выбрав на нем оставшийся свободный угол, выкладывали растолстевшие тома оперативного дела, хозяин кабинета ответил стандартным, доведенным до совершенства безразличием на лице «высокого начальника».

Бодрый доклад Хамулы его интересовал еще меньше.

Понимая, что в действительности происходит, нас с Прикладовским вполне устроила бы роль хоть и плохонькой, но массовки.

Но куда деваться от понимания того факта, что тебя вообще в кабинете нет?

И если к сложившейся далеко не однозначной обстановке вокруг нашей оперативной группы прибавить такое же неоднозначное отношение начальника УВД Киева генерала Опанасенко,

В принципе, любившего УБОП, «но странную любовью»¹,

И при каждом удобном случае утверждавшего, что УБОП только и умеет, что «дуть щеки» и ничего реального, как всегда, дать не может,

То фразу о принципиальной позиции вместе со всяческой поддержкой всего руководства УВД столицы, произнесенную в самом начале оперативной реализации,

Можно смело опустить.

¹ «Люблю Отчизну я, но странную любовью!». Строка из стихотворения М.Лермонтова «Родина».

Увы, но технические мероприятия по делу не дали практически ничего.

За исключением, пожалуй, того, что подтвердили мой первоначальный вывод о том, что киевские знакомые похищенного Гельфонда не любили.

Дала результат лишь проведенная скрупулезная работа по отработке родственников фигурантов по делу.

Когда «ногами» я вытоптал столичный адресок умершей бабушки Свердлова, а там, к моему изумлению, проживала приехавшая из Москвы его жена,

Это было действительно неожиданно.

А еще – небезынтересно.

Уже после задержания Свердлова и предъявления ему обвинения я несколько раз разговаривал с его супругой.

И тогда в который уж раз убедился в том, что прав наш мудрый народ, когда совершенно без сарказма утверждает, что «любовь зла»¹.

Но вернемся к событиям начала 2002 года, которые начинали раскручиваться, принимая стремительный оборот.

Технические мероприятия в отношении места проживания жены Свердлова помогло мне выяснить несколько обнадеживающих фактов.

Во-первых, что Свердлов жив и здоров.

Это известие мне было особенно приятно.

Ведь лицам, «засветившимся» как участники похищения и убийства, особенно в составе разрабатываемой банды Гончарова, как потом показала практика, такое обстоятельство обычно здоровья не прибавляло.

Во-вторых, что Свердлова нет на территории Украины.

Ну и, в-третьих, что он, возможно, скрывается в Москве.

Теперь, по всем правилам проведения оперативных мероприятий, нужно было набраться терпения.

Но по уже установившимся и плотно вошедшим в сюжет повести «необратимо-трогательным» обстоятельствам я опять должен вернуться к кадровым ментовским зигзагам и перипетиям.

В январе 2002 года, как пустынный ветер самум, возник на работе для большинства оперов из «бандитского» с приставкой «внезапно» Сергей Хамула.

¹ «Любовь зла – полюбишь и козла». Русская народная поговорка.

По его настроению было понятно, что даже у коварного и злого восточного ветра мало шансов замести его следы, спрятав от генерала Актиона*.

Мне же, хорошо понимающему, что с «уходом» Хамулы ответственные товарищи, состоящие на второй зарплате у «Фрейликса»*, моментально организуют мне «прощальные в милиции гастроли», теперь терять было и вовсе нечего.

Как я понимаю, Хамуле, который к тому времени уже успел получить от МВД квартиру в Киеве, тоже.

Перед нами обоими все шире и шире открывались невеселые перспективы «свободного безмилицейского полета».

Хотя, если откровенно, то у Хамулы он, полет, при наступлении таких тогда реально прогнозируемых последствий состоялся бы при достаточно хорошем парашюте.

А тогда Акцион* принял окончательное решение Хамулу поменять. И был полон решимости подвести его как можно ближе к карьерному краю.

Но теперь «неудобством» для генерала стал взятый его предшественниками у когда-то братских среднеазиатских и кавказских республик за образец принцип построения правоохранительной системы.

Совместное поедание плова «с родственниками и очень уважаемыми людьми» совсем недавно позволило всегда очень скромно позиционирующему себя на милицейской работе полковнику УВД Днепропетровской области Актиону* не только поменять свою старую прописку на столичную,

Но и примерить генеральский халат с прилегающий к нему красивой тубетейкой.

Но теперь все та же протяжная «восточная музыка»,

Что своей родственно-кумовской стеной не допускала к комфортабельному шатру, украшенному коврами ручной работы и шитому золотом головному убору, тогда все еще не признанному в Украине как национальный, «случайных людей»,

Выполняла свою защитную задачу.

И у Хамулы тоже были «песни, которые у него есть»¹.

«Битва двух титанов» продолжалась с переменным успехом и грозила перейти в ту форму, когда победителей просто нет.

И тогда «закаленный в кадровых войнах» генерал сделал такой своевременный и, полага руку на сердце, достаточно прагматичный шаг к победе, из-за изящества которого прида-

¹ «Вы хотите песен? Их есть у меня». Одесская поговорка.

вать ему, как это принято, признаки какой-то там оперативной необходимости уже не было никакого смысла.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

Именно Спаситель.

Я, очень надеюсь, к искреннему, но приятному удивлению Акциона*, раскрутил пружину произошедших затем событий так, что в конечном итоге привел действующих лиц, прямо или косвенно имеющих отношение к реализации плана оперативного дела «Снегири», к совершенно непрогнозируемому для них результату.

Глава 31

Мама

А потом случилось то, к чему сложно быть готовым.

И каким бы ты сильным себя ни считал, оно все равно со-
бьет тебя с ног.

В январе 2002 года не стало мамы.

Болезнь съела ее изнутри.

И я, сильный и взрослый, не смог ничего сделать.

Страна много лет старательно пыталась убить ее голодом,
нищетой, войной, общественным строем, просто проживанием
на своей территории. В конечном итоге так расстаралась, что
убила ее своей людоедской системой здравоохранения.

С карты пропало, стало просто названием место на земле,
что только вчера называлось домом, где тебя любят за то, что
ты просто есть.

Вместо него остались только гудки в телефонной трубке за-
ученного на память маминого телефонного номера.

А еще — нарастающая тупая боль,

От этого невыносимого чувства, когда внутри тебя на каж-
дый вздох отрывается по кусочку твоего сердца,

Превращая тебя с ней, с этой болью, в одно целое, оставляя
с нею один на один, ни на миг не отпуская,

Чтобы свернуть вокруг тебя весь мир, отняв способность
резво оценивать происходящее вокруг,

Чтобы ни на секунду не позволить ни о чем, кроме нее, этой
боли, думать, ничего, кроме нее, не чувствовать.

Снова и снова ею напомнить о том, что случилось.

Тогда меня опять спасла моя оперская работа, в которую я
просто плюхнулся с головой.

А еще — те нечастые минуты, когда она, боль, хоть немного
меня отпускала, и я заново учился плакать.

Глава 32

В Москву! В Москву!
Из пьесы «Три сестры».
А.Чехов

В конце апреля 2002 года, в очередной раз вызвав меня и Игоря Прикладовского к себе в кабинет, генерал Акцион* приказал нам отправляться в командировку в Москву.

Причем, немедленно.

Целью нашей поездки было установление местонахождения объявленного в розыск Свердлова,

Его задержание и доставка в Киев.

Наше с Хамулой мнение о нецелесообразности поездки именно в тот момент генералу было не интересно.

Каковы тогда были наши шансы?

Наши с Прикладовским шансы задержать Свердлова?

Разумеется, нулевые.

Почему?

Да потому, что Россия, увы, стала уже соседним государством, где по телевизору уже даже прекратили трансляцию чемпионата Украины по футболу. И незваные гости из какого-то там Киева, которые, как известно, «хуже татарина» для московских коллег из отдела по борьбе с организованной преступностью были все равно, что папуасы из племени тумба-юмба.

Просить их о помощи тоже было делом бесполезным.

Ну, а проведение оперативно-поисковых и технических мероприятий по установлению местонахождения Свердлова на территории Москвы было попросту делом нереальным.

Ко всему этому можно только добавить, что договора на государственном уровне о сотрудничестве с правоохранительными органами двух стран тогда еще попросту не существовало.

И хотя мною оперативным путем были получены неоспоримые доказательства того, что Свердлов и Вознюк находятся в Москве,

В столице России тогда проживали официально девять миллионов человек, и если бы мы начали стучать к каждому из них в дверь, то не закончили бы и по сей день.

К тому же командировочные, которые выделялись нам с Прикладовским для проживания в Москве, были, мягко скажем, скромны.

Все эти причины не вселяли ни в меня,

Ни в отсутствующего по причине генеральской забывчивости на последнем нашем коротком совещании Хамулу,

Огромного оптимизма.

Мне, и особенно ему были хорошо понятны дальнейшие наши служебные «перспективы» после моего предполагаемого скорого возвращения ни с чем.

«Дембель» недвусмысленно махал красным флагом, показывая нам свой длинный язык и большой волосатый живот.

А слово «финиш» и еще тогда очень популярное в милиции словосочетание «народное хозяйство» у нас трафаретом, «от Акциона»*, было написано большими буквами на тогда ужасно модных футболках черного цвета.

Глава 33

*— Девушка, здравствуйте!
Как вас звать? Тома.
Семьдесят вторая! Жду, дыхание затая!
Быть не может, повторите, я уверен — дома!
А, вот уже ответили... Ну, здравствуй, это я!*
Из песни «07» В. Высоцкого

Москва конца апреля встретила нас сравнительно теплой погодой.

Остановившись у своего однокашника по Академии внутренних дел, корпящего следователем в одном из Московских территориальных округов — так теперь там называются райотделы — Игоря Галиева, мы с Прикладовским первым делом отправились в городской УБОП.

Ведь, напутствуя нас, генерал Акцион* уверил, что там должны встретить и оказать помощь.

Каков был план нашей командировки?

Зная московский адрес тещи Свердлова и получив после технических мероприятий подтверждение того, что он периодически у нее бывает, нам необходимо было выставить засаду и набраться терпения.

В папке под мышкой у меня было постановление об объявлении Свердлова в розыск суда Шевченковского района Киева, напечатанное на украинском языке.

Сам вид этого постановления, а если сказать точнее, язык, на котором оно было написано, сразу же привел заместителя начальника Московского УБОП в состояние умиления.

Кстати, сам начальник нас даже не принял, а его заместитель, который нам об этом рассказал и для расстроенной милицией психики которого вышеуказанное постановление тоже не прошло бесследно, отфутболил нас к подчиненному оперу.

Я до сих пор не могу себе простить, что не записал телефон и фамилию своего московского коллеги. А ведь именно он, не

выходя из кабинета, что у сыщиков считается высшей степенью профессионализма, за рюмкой водки-перцовки, которую мы с Игорем Прикладовским предусмотрительно привезли, легко и непринужденно взял да и установил московский адрес Свердлова.

Рассказать, как?

Сейчас с правами граждан, судами, прокурорским геморро-ем это стало практически невозможно.

А тогда мой московский коллега, примерно между третьей и четвертой, терпеливо выслушав пригнавшую нас за столько километров к нему проблему, закусывая салом с черным хлебом, поднял трубку служебного телефона.

Как мне стало понятно с первого произнесенного им слова, коллега звонил на АТС¹. С московским акцентом произнеся имя Тома, а затем «оперской пароль», услышав который, на всем постсоветском пространстве, а я могу за это поручиться, ни одна телефонистка никогда не могла устоять.

Дословно:

«Томочка, моя зайка, очень, очень нужно!»

Он положил трубку, и настало время очередной порции перцовки.

А затем, как по взмаху волшебной палочки, зазвонил телефон.

Барышня с коммутатора сообщила, что на киевский домашний номер жены Свердлова из Москвы звонили только два квартирных московских абонента.

Один из них был квартирным абонентом тещи Свердлова.

Чей был второй, догадаться уже несложно.

Моя догадка была подкреплена чавканьем Свердлова в телефонную трубку во время его непродолжительных бесед с женой, зафиксированное при проведении тех самых киевских оперативно-технических мероприятий.

Дальше все было просто.

Когда заботливо положенный рукой настоящего мастера перчик коснулся стеклянного дна бутылки, мы прервались и прокатились «посмотреть» только что установленный адрес.

Чтобы затем снова продолжить беседу о наших оперских буднях в компании с национальным украинским продуктом и его сопутствующим приложением.

¹ Автоматическая телефонная станция.

Утром головная боль отсутствовала.

Главный опохмелятор, московский адрес Свердлова, тщательно и разборчиво записанный в моем рабочем блокноте, срабатывал на все сто.

Вот только временной период между встречей с ним на гостеприимной киевской земле и его задержанием несколько подзатянулся.

И хотя постановление суда об объявлении Свердлова в розыск было основанием для его задержания, только вот механизм выдачи его, к счастью, все еще гражданина Украины, был несколько размыт.

Ведь если на секунду представить себе, что после ареста, который, кстати, невозможно было бы держать долгое время в тайне, а затем через пока еще отсутствующий на межправительственном уровне механизм экстрадиции Свердлов, в лучшем случае, месяца так через три-четыре наконец-то предстал бы перед правоохранительной системой Украины,

Такое долгожданное нами всеми событие по причине к тому моменту бесполезности из-за давно, без всякого сомнения, скрывшихся остальных участников банды потеряло бы всякий смысл.

Ко всему этому можно было только прибавить то, что генерал Актион* перепутал юрисдикции, направив нас с Прикладовским в Москве не в ту «контору».

Нежелание московских коллег тратить на нас время было объяснимо.

Они отфутболили нас в ГУБОП Российской Федерации. Где, кстати, хлеб и соль для встречи коллег из Украины тоже были отложены в дальний ящик.

Наученные первым горьким опытом дефиле «по дистанции огромного размера»¹, мы с Прикладовским связались с ГУБОП Украины.

И только тогда один из заместителей начальника центрального аппарата сделал то, что киевские руководители сделать не смогли.

Он перенаправил нас к тогда представителю МВД Украины в России, полковнику милиции Григорию Стельмаху.

Григорий Иванович пребывал в Москве не праздну.

Он за несколько лет командировки «за границей» основную массу республиканских руководителей ГУБОП Российской Федерации узнал лично.

¹ Из комедии «Горе от ума». А. Грибоедов.

После медленно тянувшихся для нас с Прикладовским двухдневных переговоров с российскими коллегами вопрос о задержании Свердлова был, в принципе, решен.

Главным камнем преткновения, была, конечно же, неопределенность с экстрадицией.

И отсутствие выписанной процедуры, подкрепленной нормативными актами, прямо скажу, не радовала.

Но тут к нам на помощь пришла вездесущая оперская смекалка.

Тогда еще молодой российский опер Саша Тищенко, в обязанности которого входила линия по связям с Украиной ГУБОП Российской Федерации, взял да и нашел выход из лабиринта процессуального вакуума.

Чеченская война, взрывы домов и постоянная угроза терроризма ужесточили режим проживания в Москве.

Вспомнив о постановлении мэра Лужкова об обязательной регистрации и принудительной высылке не имеющих таковой иногородних, Саша придумал законный предлог выдворения Свердлова из страны.

Мы более детально изучили правила, которые как нельзя более кстати гласили, что решение о принудительной высылке за территорию Москвы лиц, проживающих без регистрации, принимает непосредственно прокурор, по территориальности которого данное лицо было выявлено.

Это был наш окончательный законный предлог в российском законодательстве для скорой встречи Свердлова с далекой Родиной.

Ведь в чем точно не было никаких сомнений, так это в том, что скрывавшийся с недавних пор уже официально от суда и следствия Свердлов наверняка не зарегистрировался.

Теперь у него появились все шансы не только прочувствовать на себе все тяготы борьбы с терроризмом, но и быть выдворенным с территории Москвы.

Что для Свердлова означало — еще и из России.

Для чистоты процесса нами был выбран самолет украинской авиакомпании, рейс Москва-Киев-Львов. Для неискушенных, территория самолета является территорией того государства, которому он принадлежит.

Ну и, разумеется, по роковому для Свердлова стечению обстоятельств, «совершенно случайно», на борту самолета должен был находиться украинский сыщик.

«Роковым» опером по «праву первой ночи» я назначил себя.

Утром 27 апреля 2002 года, когда ни о чем не подозревавшего и уже начинающего забывать о своих «подвигах» ранее судимого Олега Свердлова по кличке Кошей российские коллеги из ГУБОП «под белые руки» подняли с постели,

В тот же день последовала санкция прокурора.

Затем еще не до конца пришедшего в себя разыскиваемого МВД Украины за соучастие в похищении и убийстве заложника преступника, к тому же «злостно» нарушившего правила регистрации в Москве, российские коллеги «нежно» препроводили в самолет,

Где он, «такой долгожданный», и попал в мои теплые и крепкие объятия.

Командировочных денег нам с Прикладовским хватило только на два авиабилета. И он догонял самолет Москва-Киев-Львов в поезде того же направления.

Получив из рук в руки Свердлова в наручниках и посадив его рядом с собой, я в первый раз внимательно рассмотрел «героя», на показания которого мы с Хамулой очень рассчитывали.

Это был худощавый, среднего роста, с хитрыми глазами тридцатипятилетний тип, в котором явно просматривались еврейские корни.

Наш с ним полет был вполне сносен.

Свердлов не задавал мне никаких вопросов, хорошо понимая, куда и почему его препровождают и что его ждет впереди.

Я же позволил своему попутчику лихорадочно думать.

Думать.

Чтобы он сам себя вернул в состояние животного страха при мысли о неминуемой ответственности за содеянное.

В перерывах между «окаянными думами» Свердлов на протяжении почти всего двухчасового полета изображал из себя то ли больного туберкулезом, то ли просто больного. А то ли вообще просто очень, очень тяжело больного.

Я демонстративно не замечал его потуг.

Тем более что эти все «режиссерские находки» режиссера-постановщика по фамилии Гончаров я изучал много лет.

Щедро потчuya Свердлова водичкой, я пытался быть по возможности мягким и снисходительным.

Ведь в мои планы совсем не входило крутить ему руки на высоте пять тысяч метров.

Когда самолет заглушил двигатели, прежде всего я дал выйти ничего не подозревающим пассажирам.

Спускаясь последним с трапа, бережно держа под руку «дорогого гостя», я неожиданно для себя стал свидетелем картины, которая меня не столько поразила, сколько заставила еле сдерживать улыбку.

У трапа, помимо пассажирского автобуса, в окна которого тревожно и пристально смотрели все без исключения мои недавние соседи по полету, стоял микроавтобус. У самолета выстроились в ряд экипированные от маски до автомата «соколята». Завершенность киношного, в стиле Чаплина кинокадра «прибытие на Остров Свободы» гармонично завершал Сергей Владимирович Хамула, стоявший рядом со своим служебным автомобилем.

Последним штрихом, как бы в дополнение к происходящему, был начальник милиции аэропорта Жуляны в майорской форме.

Сделав первый шаг по земле гостеприимной Родины, Свердлов сразу же попал в руки «соколят», которые с присущей им легкостью сопроводили его в свой микроавтобус.

Я, поздоровавшись с Сергеем Владимировичем, который, как мне показалось, был просто ошарашен произошедшим, сел в его автомобиль, и наш кортеж отправился на Московскую площадь, или, как мы всегда говорили, «на базу».

Мы ехали и молчали.

О чем думал Хамула во время пути из аэропорта, я не знаю.

Могу только догадаться, что все его мысли были о выпавшем шансе при удачном развитии событий не только удержаться в должности.

А вот у меня не выходил из головы тот факт, что осенью двухтысячного года мои коллеги месяц были в командировке в Москве. И именно для розыска и задержания Свердлова.

Тогда они вернулись ни с чем.

Можно, конечно, не акцентировать на этом внимание.

Но,

Как мною было установлено, все это время Свердлов жил в коммунальной московской квартире, что принадлежала умершей маме его московской тещи.

А выяснение этого факта вообще-то относится к азам оперского ремесла.

За окном служебного автомобиля Хамулы неспешно проплывали улицы города, который я давно люблю.

Но тогда ни он, ни я не могли даже подумать, что задержание Свердлова — это всего лишь начало нашей уже другой миллионской жизни, которая совсем скоро полностью поглотит нас сумасшедшим потоком днепровского весеннего паводка.

А тогда мы и предположить не могли, что именно эта «встреча» в аэропорту и наши следующие семь лет разделят историю страны на жизнь «до» и «после» банды милиционеров-убийц.

Что совсем скоро поменяются министры, президенты, мы сами станем кто взрослее, а кто — опытнее.

Сильные мира сего сначала возвысят нас, подняв по карьерной лестнице, а потом из-за неудобств, которые мы им будем все время доставлять, даже попытаются сделать из нас дураков.

Причем, ровно настолько, насколько мы сами им это позволим.

А еще — что только потом, и только Господь воздаст всем нам по заслугам.

Ну, а пока мы ехали молча, уставившись в умело маневрирующий впереди микроавтобус специального подразделения «Сокол», в котором томился в ожидании неминуемого наказания за содеянное проснувшийся этим утром в московской квартире от настойчивого звонка в дверь душегуб с фамилией Свердлов.

Глава 34

*И взяв лягушку, исследовал.
И по исследовании нашел: точно;
Душа есть и у лягушки,
Токмо малая видом и не бессмертная.
«История одного города».
М.Салтыков-Щедрин*

А затем все закрутилось.

Начинался именно тот этап реализации оперативного дела «Снегири», когда все еще при существующей необходимости в соблюдении секретности — ведь при любой утечке участники банды могли попросту разбежаться в разные стороны — возникла реальная необходимость в подключении практически всего «бандитского отдела».

К нашему с Хамулой счастью, со входом в тему «с колес» у оперов «бандитского отдела» проблем никогда не было.

Игра с бандитами в подкидного дурака закончилась.

Нужно было менять ее на покер.

Причем, теперь это было исключительно нашим с Хамулой правом.

Хотя, разумеется, имелся определенный риск.

А именно — предполагаемый источник Гончарова в отделе.

Если, конечно, после всех кадровых перипетий и массового исхода личного состава на пенсию он все еще остался в строю и все еще просчитан не был. Хотя напряжение немного снимал тот факт, что за все время разработки банды он никак себя не проявил.

Но недооценивать Гончарова было глупо.

С другой стороны, шило в мешке, прикованное наручником к батарее в моем кабинете на Московской площади, с фамилией Свердлов, долго скрывать было невозможно.

Нужно было начинать делать следующие, быстрые шаги.

Первым вопросом, на который предстояло ответить Свердлову, был вопрос о его роли в похищении и убийстве Гельфонда.

Почему Гельфонда?

Да потому, что при всем желании наши усилия перебрать и проверить по почерку банды все эпизоды без вести пропавших за десять лет, прямо скажем, особыми положительными результатами нас не порадовали.

И причина была исключительно милицейской.

Когда-то досконально ее изучив и неоднократно с ней столкнувшись, Гончаров и его бандиты именно благодаря такому положению вещей окончательно уверовали в свою безнаказанность.

В учетах поисковой системы столичного главка, которую с большой натяжкой можно было назвать системой, черт мог сломать если не ногу, то уж точно «расшатать» рассудок.

Ведь если даже какие-то первоначальные милицейские данные о происшествии, а именно: время, место, лицо еще как-то фиксировались, то обстоятельства той или иной пропажи без вести, как правило, были упущены. Ну, или фиксировались на усмотрение сыщика или оператора, вносившего сведения в базу данных о происшествии.

Нам с Хамулой оставалась только оперская интуиция, кофейная гуща и личное изучение розыскных дел по райотделам.

А еще надежда на чистосердечное раскаяние Свердлова.

Ну, или хотя бы на его откровенность.

Хотя эта его откровенность была не самым лучшим вариантом.

Увы, но чувство раскаяния нашему такому долгожданному московскому гостю было незнакомо.

Более того,

В чем мы с Хамулой лично убедились в начале первого допроса, так это в том, что такое слово в его лексиконе не просто отсутствовало.

Он его попросту не знал.

Хотя отрицать свою причастность к похищению Гельфонда Свердлов долго не стал,

Когда перед ним на столе оказались разложенные стройным рядом фотографии установленных членов банды, а затем Хамула ему показали мониторинг его звонков с мобильного телефона в день похищения Гельфонда и за две недели до него,

Когда перед его светлыми очами на тот же стол легла копия протокола допроса Сергея Дятла из уголовного дела № 62-2222,

А потом и фотография Гончарова в милицейской форме.

А затем, вдобавок ко всему, Хамулой был озвучен не только псевдоним бандитского главаря, но и его настоящая фамилия,

Хотя и корявая, но все же откровенность Свердлова долго себя ждать не заставила.

Недолго думая, так сказать, с разгона он вначале поведал о Гайдае.

Хотя причастностью Гайдая нас было трудно удивить.

Да и он сам был проинформирован, что она была установлена еще в 2000 году.

У меня же сложилось такое впечатление, что он таким вот способом хотел сообщить бандитам о своей новой «киевской прописке».

А вот затем «сработал» опыт двух ранее полученных Свердловым судимостей.

Прагматичный и, если хотите, «матерый», он хорошо понимал, что, как бы опера профессионально ни отработали банду, все равно белых пятен в раскрытии нам не избежать.

Тем более что банда — это разделение обязанностей. А милицейская банда — это еще и жесткая конспирация.

И тогда Свердлов в даче своих показаний «остановился».

В образовавшейся паузе он пытался понять, что нам еще известно, избрав линию подтверждения только озвученных фактов.

А затем, когда сообразил, что это у него не получится, он очень и очень редко начал «позволять» себе быть откровенным и подробным.

Хотя, отрицая свое участие в непосредственном похищении Гельфонда, все-таки указал место, где его удерживали.

Отвечая на вопрос о дальнейшей судьбе Гельфонда, Свердлов, конечно же, скромно умолчал о своем соучастии в его убийстве.

«Чистосердечно утверждая», что когда он находился в частном доме, где держали заложника, потерпевший еще был жив.

Затем Свердлов, разумеется, уехал, оставив вместо себя «сотоварищи».

Что с потерпевшим случилось дальше, он, опять-таки, не знает.

И даже сейчас не догадывается.

Единственное, в чем Свердлова было не остановить, так это в озвучивании имен его подельников.

Он своим животным чутьем чуял, что, узнав о его задержании; участники банды бросятся в бега.

И тогда труп Гельфонда мы никогда не найдем.
А стало быть, не докажем его убийство.

Первая же ночь, проведенная Свердловым в Украине, была еще одной, которая добавилась к множеству моих ночей, проведенных на работе.

В нашей задушевной с ним беседе бандит лукавил, изворачивался, петлял и вилял. Но все-таки, уже под утро, под видеозаписью, снова назвал фамилии Гайдая, Вознюка, Гончарова. Последнего он, кстати, знал как Николая Петровича. Причем назвал их прямыми и непосредственными участниками похищения Гельфонда.

А еще в первые сутки пребывания в Украине он отказывался от еды и вообще не спал.

Это его состояние у всех нас вызывало объяснимую тревогу.

Только потом, после задержания по очереди всех участников банды, начала просматриваться закономерность в продолжительности их нежелания есть и спать.

Сам факт задержания заставил каждого преступника в мельчайших подробностях вспомнить не только обстоятельства совершенных ими убийств, но и своих жертв.

Лицо. Поименно. Каждого.

А еще, возможно, в первый раз вздрогнуть перед близостью возмездия.

Свердлов не ел и бодрствовал около двух суток, Кеппель — сутки, а вот Гончаров, напрочь забыв о еде, бродил по камере, как призрак, почти целую неделю.

«Наша» со Свердловым ночь прошла незаметно.

По прошествии нескольких недель, вспоминая тогдашнее бдение, Свердлов, разоткровенничавшись, сказал мне, что на его решение написать явку с повинной повлияла сама обстановка допроса:

«Когда опера не прессуют, а показывают бумаги, значит, все, «приехали», нужно «колоться».

А потом, сравнительно теплым утром 28 апреля 2002 года, пришедший на работу Хамула, взяв с собой заместителя начальника отдела Какьяна* и исписанные Свердловым листы бумаги и прихватив записанную мной видеокассету, поехал на доклад к начальнику столичного главка генералу Опанасенко.

Я никогда не спрашивал Сергея Владимировича о том, что тогда ему сказал, как отреагировал на прочитанное, увиденное и услышанное генерал, что начал свою карьеру с оперов Уголовного розыска,

Прошедший затем все оперские ступени от лейтенанта до генерала и своим личным примером доказавший, что в милиции можно сделать карьеру не только благодаря «правильной женьтьбе» или «нужному знакомству в бане».

Тем более, Петр Никитович никогда не отказывал себе в удовольствии по поводу и без повода высказывать свое негативное отношение к УБОП.

Хотя и без этого вопроса само выражение лица Хамулы говорило о том, что это наша пока хотя и маленькая, но победа.

И еще — что «таможня дала добро».

Сергей Хамула многозначительно молчал. Но мы оба понимали, что теперь только от нас самих будет зависеть, как мы распорядимся тем, что уже «наработали».

Уголовное дело № 62-2222 начало наконец-то разбухать, пополнившись первой явкой с повинной Свердлова и его признательными показаниями.

Затем следственным путем были закреплены обстоятельства похищения Гельфонда.

Место его содержания в заложниках.

Фамилии бандитов, все еще ходивших на работу в милицию.

Хотя, все было еще слишком зыбко и, если сказать по совести, несерьезно.

Катастрофически нужны были новые показания. Новые детали совершенных тяжких преступлений. И, самое главное, нужен был, кровь из носа, труп Гельфонда.

Это укрепило бы наши еще такие шаткие позиции.

И до конца развеяло бы все сомнения следствия.

А еще Свердлов написал заявление с просьбой обеспечить ему охрану. И начал явно сбивать темп реализации, выбрав выжидательную позицию.

Долгие годы участия в банде, безнаказанность, наглость и дерзость совершенных преступлений, помноженные на постоянные рассказы Гончарова о всемогуществе и всесильности давало Свердлову хотя и слабую, но надежду, что его «вытащат».

А дальше Спаситель нам,

Нет, в первую очередь, полковнику Хамуле,

Взял и преподнес еще один настоящий подарок.

Сразу же после показаний Свердлова по месту прописки Гончарова, на улице Жмаченко, было установлено наружное наблюдение.

Но Гончаров дома не жил. И мы не на шутку заволновались. Начала срабатывать всегда приводящая оперативный состав в состояние нервозности и нетерпения следственная неуклюжесть.

В нашем случае это было сродни большевистско-ленинскому «промедление смерти подобно»¹.

И как тут снова не вспомнить о плане задержания бандитов на горячем?

Достаточно трезво понимая, что если информация о задержании и аресте Свердлова, а затем еще и о даче им признательных показаний просочились к Гончарову, а такую возможность мы, опять же, с Хамулой не исключали, то Гончаров просто исчез.

И если еще учесть его оперативный опыт, то он исчез навсегда.

Тем более что после прибытия Игоря Прикладовского из Москвы к нам «приехал» еще один тревожный сигнал, который точно не прибавил всем особого оптимизма.

О нашей с ним командировке знал узкий круг руководителей столичного УБОП.

По сути, она была секретной.

Так вот, во время нашего отсутствия из дежурной части убоповского управления позвонили домой к Прикладовскому и настойчиво пытались узнать, где он находится.

Ни во что не посвященная и, соответственно, ни о чем не догадывающаяся жена Игоря тогда ответила, что он со мной в Москве.

Затем в процессе следствия нами был установлен инициатор звонка,

Цель которого просчитать не составляло никаких проблем.

Хотя на все наши с Хамулой тревоги и волнения все-таки наслаивалось и немного оптимизма.

Проанализировав обстановку, сложившуюся вокруг реализации, теперь небезосновательно можно было полагать, что, возможно, именно я являюсь главным «источником» Гончарова в «бандитском отделе».

И что рано или поздно он должен найти именно меня.

Но до этого, по закону шпионского жанра, хитрый и осторожный Гончаров до встречи с «основным источником» был

¹ В. Ленин. «Письмо к товарищам большевикам...». 8.10.1917 г.

просто обязан связаться с его старыми убоповскими информаторами.

И Гончаров нас не разочаровал.

В очередной раз он хотел перехитрить и переиграть, не предполагая, что сейчас оппонент, карающий его и банду, — не кто иной как Спаситель.

Безоговорочно веруя в свою гениальность и вытекающую из нее безнаказанность. Гончаров перезвонил одному из старых своих коллег по фамилии Наховский* и назначил ему встречу.

Вот тут-то и сработала та самая харизма жесткости, граничащей с ничем и никем необузданной бескомпромиссностью Сергея Владимировича.

Еще осенью 2000 года, когда в поле зрения по похищению Гельфонда попал Гайдай, а за ним и Торшин, как собственник второго активного телефонного номера, говорившего в ночь похищения Гельфонда,

Хочу напомнить, что первый принадлежал Свердлову,

Еще тогда Хамула приглашал подполковника Наховского* на «беседу», которую таковой можно было назвать с большой натяжкой.

Вот тогда-то, задавая ему прямые вопросы по поводу его бывшего коллеги и кума по совместительству по фамилии Михайленко, одновременно служившего и дружившего с Гончаровым, Хамула достаточно беспардонно растревожил до состояния истерики воображение старого, опытного и осторожного оперативного работника.

Ведь, по информации, настоящим владельцем телефона, записанного на Торшина, был именно кум Михайленко.

Но допросить его Хамуле так и не удалось.

Его жена объявила о том, что он срочно уехал за границу.

По роду выполнения служебных обязанностей узнав о причинах задержания Свердлова и обоснованно опасаясь, что из-за своей «тревожной родственной связи» сам является разрабатываемым и его домашний телефон находится под нашим контролем,

Наховский*, переволновавшись, а затем и еще и перестраховавшись, с самого утра уже стоял в кабинете у Хамулы.

А затем, 15 мая 2002 года, было задержание.

Наховский* хотя и приторговывал полученной агентурной информацией из изолятора временного задержания, где он работал начальником отдела по соответствующей линии столич-

ного УБОП, разумеется, догадывался о том, что от ее покупателя, его приятеля и бывшего коллеги Гончарова отчетливо «несет мертвечиной».

Поэтому без дополнительных уговоров он нацепил на себя микрофон и отправился на долгожданную встречу.

Она была назначена в полдень у милицейского главка на улице Владимирской, 15.

Во время их с Гончаровым краткого «свидания» Наховский* был немногословен.

Гончаров, в свою очередь, правильно предполагал, что если полученная им, я думаю, пока еще непроверенная, размытая информация о задержании Свердлова — правда, то он должен находиться в ИВС. И Наховский* как никто другой должен об этом знать. А еще Гончарова, конечно же, интересовал только что изменившийся номер рабочего телефона опера из «бандитского отдела» УБОП.

Им был ваш покорный слуга.

Ни на секунду не забывая о том, что передающее устройство работает, Наховский* «тихо-тихо» слушал.

А Гончаров то ли от засевшего где-то в подсознании страха, то ли от нервов без устали надиктовывал свой монолог о том, что скоро-скоро к власти придут «его люди».

При этом, он, как всегда, делал многозначительное лицо и называл их «нашими».

И тогда, говорил он, все те, кто «наезжал» на Васю Гайдая, в том числе генерал Актион*, не только не будут больше работать в органах, но и «ответят перед ним лично и, разумеется, по полной».

На этом, прямо скажу небезынтересном месте, опасаясь, что его с Гончаровым «непростые» отношения станут достоянием всеобщей гласности, Наховский*, ссылаясь на занятость, начал собеседника останавливать.

Ждать было больше нечего.

И по команде Хамулы вперед пошла «кавалерия».

Был ли готов Гончаров к тому, что его когда-нибудь задержат?

Просчитывал ли такое развитие событий?

Думал ли о том, что это когда-либо с ним произойдет, планируя и совершая убийство за убийством на протяжении многих лет?

Без сомнения, нет.

Давно уже уверовав в беззубость правоохранительной системы, а еще в безупречность выстроенной им преступной схемы и в свою по этому поводу безнаказанность, Гончаров, конечно же, получив информацию о нашем с Прикладовским московском задержании, все-таки явился на назначенную им же встречу.

Причем, на встречу у здания столичного милицейского главка.

Когда тренированные парни из спецподразделения «Сокол» профессионально уложили его на асфальт и в считанные секунды надели на него наручники, Гончаров только и смог, что пародийно, тонким козлиным голосом завопить:

«Люди, помогите, меня похищают, а я работник СБУ!»

Затем впал в истерику и, брызгая слюной, смешно извиваясь всем своим нескладным телом от досады и бессилия, что так глупо попался, укусил «соколенка» за палец.

Именно так, с первого касания физии задержанного убийцы о начинающий плавиться от майской жары столичный асфальт,

С резкого, обрывистого, металлического шелчка наручников на запястьях закончилось мое с Гончаровым скрытое противостояние.

После его задержания Хамула учел все обстоятельства раз-работки и меня от оперативных и следственных действий с ним отстранил. Что, разумеется, не означало моего ухода из оперативных мероприятий по ликвидации банды.

Безразличные ко всему происходящему стрелки часов отсчитывали время продолжения моей с Гончаровым заочной дуэли. Где мы оба оказались уже в совершенно другом, теперь уже процессуальном качестве.

И от этого эти будущие события не стали менее увлекательными.

Глава 35

*Заметив на углу улицы драчующихся,
Я быстро побежал к ним
И задержал неподвижно лежащего
На земле гражданина.*

Из милицейского протокола

Образцовый пример особого стиля в одежде, пенсионер МВД Гончаров и при своем задержании был верен себе, разительно отличаясь, ну, например, от такого же пенсионера МВД Михайленко, на дембель купившего квартиру в Печерском районе Киева.

Замызганный стогривневый костюм и давно не знавшие крема ботинки «а-ля скороход» годами поддерживали его не меняющийся «честный образ бескомпромиссного борца».

А вот в кармане у скромного «сироты» при личном досмотре нашлось семьсот долларов США.

Какие чувства переполняли Гончарова, когда его везли через весь город в отдел на Московскую площадь, сказать сложно.

Хотя, в чем я точно уверен, так это в том, что Господь заставил задержанного людоеда впервые за всю его бытность главарем и убийцей испытать высшую степень животного страха. Причем, неизмеримо более сильного, чем пережившие ужас и до своего последнего вздоха мечтавшие о свободе люди, которых он и его стая похитили и лишили жизни.

Следователь из районной прокуратуры Иванов занимался следственным закреплением показаний Свердлова и физически не мог допросить Гончарова.

Правда, необходимость в его официальном допросе пока отпала.

Своим «упыриным проворством» — укусом бойца «Сокола» — Гончаров оказал самому себе медвежью услугу, дав повод для пока еще административного ареста на пятнадцать суток.

И было бы непрофессионально такой возможностью не воспользоваться.

А еще было бы несправедливо не описать процедуру судебного разбирательства административного правонарушения Гончарова.

Ведь это того стоит.

Животная паника перед перспективой наступления ответственности за содеянное,

Помноженная на недоумение от самого факта своего задержания заставили тогда Гончарова в первый раз за время следствия проявить весь свой артистизм. Весь, без остатка.

Он ведь еще надеялся, что у нас нет веских доказательств его вины,

И что он опять вот-вот всех переиграет, катаясь перед судьей по полу, комически дергая ногами, изображая конвульсии и пуская пену изо рта.

Гончарову казалось, что наш «самый гуманный суд в мире» обратит внимание на его мастерски сыгранное «слабое здоровье» и позволит ему от нас, ненавистных убоповских оперов, сравнительно легко отделаться и оказаться на свободе.

Но Фемида была непоколебима.

Следствие и дознание в нашем лице получили время, в течение которого можно было без нервов, спокойно собрать и процессуально закрепить еще больше доказательств для ареста безвозвратно потерянного обладателя «актерского гения».

А пока ближайшей перспективой Гончарова стала отдельная камера в Шевченковском городском отделении милиции и дополнительная охрана в виде двух работников «Сокола», которым было запрещено с ним разговаривать.

А еще — «свежий» заместитель начальника «бандитского отдела», капитан Какмяков*.

С более чем скромным интеллектом и явно завышенной самооценкой, помноженной на любовь к служебным фетишам, Какмяков* был назначен генералом Актионом* на место бывшего подполковника Паутова как раз в день начала реализации оперативного дела.

Настоящая причина карьерного взлета Какмякова* для меня так и осталась неизвестной. Хотя я уверен, что по уже давно тогда установившейся в милиции традиции его профессиональные качества, за явным отсутствием таковых, в этом перечне причин отсутствовали напрочь.

Мнение Хамулы о новом назначении в который уж раз было никому не интересно.

Перспективы нового его заместителя были ясны, как никогда.

Его уже традиционно ждала почта.

И только напряженный ритм реализации волей, но больше неволей заставил Хамулу подключить к ней «заведомо штатного почтальона».

Его неожиданный заместитель из-за отсутствия тогда в «бандитском отделе» стажеров и молодых оперов был им отправлен приглядывать в рабочем кабинете за Гончаровым в перерывах между их с Хамулой длительными беседами.

Так случилось, что эта кадровая перестановка стала последним сюрпризом для Хамулы от его «идейного оппонента», генерала Акциона*

Именно сюрпризом.

Хотя в его прагматичности и, в конечном итоге, кадровой красоте мы с ним убедились несколько позже.

А для Хамулы тогда настало время поставить «под ружье» уже весь без исключения «бандитский отдел», чтобы приготовить задержание других установленных участников банды.

Прежде всего, Гайдая и Кеппеля.

И если с задержанием Гайдая, за исключением «легкой» нервозности на протяжении двух суток, все прошло сравнительно гладко, то с Кеппелем пришлось попотеть.

Кстати, затем судьба распорядилась так, что мне еще несколько лет довелось отработать с предшественником Какмякова* Алексеем Паутовым в одном управлении.

Когда нервозность от игр «начальник и дурак» и «свой и чужой» сошла на нет, то, в отличие от своего последователя, он на поверку оказался приличным профессионалом, а еще правильным мужиком.

После получения, уже в следственном порядке, доказательств о причастности подполковника милиции Василия Гайдая к похищению и убийству Гельфонда,

Хамула снова отправился к начальнику Киевского УВД генералу Петру Опанасенко с докладом. Вместе с резонным предложением задержать Гайдая на рабочем месте.

Опанасенко соответствующее разрешение дал.

Но задуманное нам помешал реализовать конец рабочей недели. Ведь в это время в милиции даже кошки стараются не рожать.

А затем произошло то, что произошло.

С точки зрения милицейского чиновника можно объяснить и даже как-то понять генерала Петра Опанасенко, когда сразу же после беседы с Хамулой Гайдая вызвали в кадры столичного главка и, отобрав удостоверение, ничего не объяснив, дав коленкой под зад, выпихнули из органов.

Но куда из генеральского мундира пропал, исчез, растворился Опанасенко-опер?

Я не решусь отразить на бумаге даже малую часть словесных оборотов во время живого обсуждения оперов из «бандитского» известия об обстоятельствах «скоропалительного» увольнения Гайдая. Могу только сказать с уверенностью, что в сравнении со сказанным тогда неоднозначное творчество лидера группы «Ленинград» Сергея Шнурова можно смело отнести к высоколитературному.

Еще один фигурант по делу мог просто раствориться.

И его задержание благодаря, опять же, знанию им форм и методов оперативно-розыскной деятельности, которые он к тому же много раз применял на практике, было бы большим вопросом.

Но всем нам очень облегчило жизнь то, что Вася Гайдай оказался самонадеянным, наглым и тупым «Васей».

Целый понедельник, а затем половину вторника, 11 и 12 мая 2002 года, мы с Какьяном*, Прикладовским и операми из отдела околачивались рядом с многоэтажкой на улице Бережанской, где проживал Гайдай. И когда беспокойство, что он, воспользовавшись таким неожиданным и воистину бесценным «подарком» — увольнением, попросту скрылся, из состояния «сидения на иголках» понемногу начало переходить в отчаяние, именно в этот момент он, Гайдай, «очаровал» всех нас, томившихся в напряженном ожидании, неспешным появлением за рулем своего «нескромного» «Мерседеса».

А когда к тому же выяснилось, что все то время, когда множество противоречивых чувств по известным причинам трепали наши нервы, Гайдай копался в огороде на своем загородном участке, всем нам стало даже не смешно.

А дальше все происходило, как и должно было произойти.

Припарковав автомобиль у парадного, Гайдай с дачными авоськами направился домой.

Сомнений в том, что он не бросит свой «Мерседес» на улице и обязательно перегонит его в гараж, не было.

Нам оставалось только провести окончательную мобилизацию оставшегося после двух суток засады терпения.

Но Гайдай нас и тут опять «порадовал».

Выйдя из парадного в спортивных штанах и футболке — а это, как известно, вполне удобная и популярная одежда для пребывания в изоляторе временного содержания — размахивая во все стороны записной книжкой, он направился к ближайшему телефону-автомату.

Отслеживая Гайдаю в течение года, мне было хорошо известно, что после обыска и допроса по делу Гельфонда в двухтысячном году он полностью исключил домашний телефон из средств общения с кем бы то ни было.

Его примеру, кстати, последовала и вся его семья.

Вот такая вот странная «семейная солидарность».

Обстоятельно поговорив по телефону-автомату, Гайдай неспешно пошел в сторону парадного.

И в этот самый момент ему, вальяжному, на глаза попался светлый микроавтобус «Сокола», что так же медленно двигался в его сторону.

О том, какой из оперативных служб принадлежал белый микроавтобус с темными стеклами, Гайдай, без сомнения, хорошо знал, и от этого на несколько секунд впал в состояние оцепенения.

И хотя во время непосредственного задержания он так же, как Гончаров, громко визжал и вопил о том, что его «похищают» и яростно угрожал, что всех обязательно посадит,

А затем, уже в микроавтобусе, долго бился в истерике, поцарапав себе лицо и залив кровью свою светлую футболку, которой он впоследствии апеллировал как доказательством «пытток» работниками УБОП,

Все это уже никакого значения не имело.

Думал ли заместитель начальника следственного управления столичного главка подполковник Гайдай с бандитской кличкой Влад об отнятых им жизнях, когда ехал, весь дрожа от страха, жестко скованный наручниками, я у него так и не спросил.

А вот процедуру ареста Гайдаю забыть сложно.

Ведь его поведение в суде сразу же перешло в разряд застойных «свежих ментовских баек».

Но обо всем по порядку.

А пока вернемся к первым часам его задержания.

На тот момент у прокурорского следствия было уже достаточно оснований для его ареста.

Добытые во время оперативной разработки доказательства, умноженные на показания Свердлова, не оставляли Гайдаю никаких шансов отвергнуться.

Тем более что все силы прокуратуры были брошены на закрепление факта похищения и убийства Гельфонда, где Гайдай играл хотя и не первую, но весьма существенную роль.

После недолгих препирательств и торгов Гайдай сразу же написал явку с повинной.

Без особых проблем. Совершенно спокойно. Где-то даже обыденно.

На воспроизведении событий совершенного преступления он показал место, где при его непосредственном участии в конце августа 2000 года бандой Гончарова был остановлен ехавший на своем автомобиле Михаил Гельфонд.

Показания Гайдая в деталях до конца прояснили подробности первого нами доказанного эпизода, что открыл счет тяжким преступлениям, совершенным милицейской бандой.

31 августа 2000 года, примерно в 21:00, автомобиль, которым управлял Михаил Гельфонд и маршрут которого отслеживался в течение нескольких дней, был остановлен бандитами в форме работников ГАИ милицейским жезлом на улице Андреевской у дома № 2.

Затем под предлогом того, что Гельфонд находится в нетрезвом состоянии, его пересадили в личный автомобиль Гайдая, который для антуража был «украшен» милицейским проблесковым маячком.

После чего бандиты надели на Гельфонда наручники.

Руководил всем, разумеется, Гончаров.

На тот момент он был облачен в китель с погонями полковника милиции. Очередное звание он сам себе «присвоил», руководствуясь исключительно «личной скромностью», находясь к тому времени уже два года на пенсии.

В адвокаты Гайдаю его жена наняла однокашницу по юридическому факультету Киевского университета.

14 мая 2002 года состоялось то самое судебное заседание об избрании меры пресечения, обстоятельства которого впоследствии и вошли в милицейский фольклор.

Перед его проведением, по полученной нами оперативной информации, судью Шевченковского района Киева и, по стечению обстоятельств, еще одну однокашницу семьи Гайдай, очень и очень «уговаривали» недвусмысленными предложениями.

И еще,

На такого рода продолжительном судебном заседании о назначении меры пресечения я больше не присутствовал никогда.

Желание установить истину у судьи длилось больше пяти часов.

И все это время я наблюдал прямое подтверждение «силы аргументов», сделанных суду в качестве недвусмысленного предложения в системе он-лайн.

Гайдай не отрицал своего участия в похищении Гельфонда. Но его мотивом были какие-то там долги потерпевшего.

Дальнейшая судьба Михаила Гельфонда ему, разумеется, была неизвестна.

Апогеем судебного заседания, как раз и вошедшим затем в разряд застольного оперского трепя, был ответ Гайдая на вопрос судьи о том, какую сумму он намерен был получить, если бы Гельфонд вернул долг.

Гайдай без промедления ответил:

«Как всегда, половину».

Затем был арест.

Истерика адвоката, густо разбавленная ее слезами, которая после этого незабываемого заседания отказала семейству Гайдая в своих услугах.

А еще — трудно и нехотя скрываемые наши очаровательные, милые и открытые улыбки.

А вот с Кеппелем, он же Ткаченко, пришлось не только по-возиться, но и вспотеть.

Павел Кеппель, в банде Борис, тридцатилетний, плотного телосложения, почти Кинг-Конг, но «с понятиями», никогда не был замечен в любви к правоохранительным органам.

Да и за что Паше было органы любить?

Свою «профессиональную карьеру» он начал еще с «малолетки», организовав и возглавив группу подростков, которые занимались кражами в школьных столовых.

Затем был срок за грабеж — как ни странно, в городе Бровары.

Кеппеля задержали местные коллеги за то, что он, отобрав сумку с одеждой у предпринимателя, как заправский гангстер, вместе с подельником скрылся на мотоцикле.

После задержания тогда еще Ткаченко своего подельника не выдал и, разумеется, получил «на всю катушку».

Так что питать иллюзии насчет его сотрудничества не приходилось.

Кстати, почему вдруг украинский парень по фамилии Ткаченко стал почти немцем с фамилией Кеппель?

«Онемечивание» Паши есть не что иное, как памятник беззубости и продажности правоохранительных органов.

После второй «ходки» Ткаченко начал дышать воздухом свободы и привыкать к жизни без конвоя и вечерних проверок.

Заведя себе сожительницу, он «ворковал» с ней в квартире, где проживал с мамой.

Вот там-то с ним и произошло «конфузное» происшествие.

В один из дней, когда Паша, думая, как и чем заработать на «хлеб насущный», отправился «перетереть с корешами», к нему с обыском пришли работники уголовного розыска тогда еще Ленинградского района.

На глазах у сожительницы они извлекли из-под ложа их любовных утех обрез карабина, факт обнаружения которого был немедленно внесен в протокол.

Снова «исправляться» в местах лишения свободы, да еще, как минимум, пять лет — такой срок маячил на его жизненном горизонте после двух предыдущих судимостей — в планы Ткаченко, разумеется, не входило.

И он, оставив любимую, кинулся в бега.

Спасение пришло оттуда, откуда Ткаченко, пишущий с грамматическими ошибками, наверное, даже не ожидал.

Каждый из нас приходит к Богу по-разному.

Но путь к Богу Паши я все-таки опишу со всеми мне известными подробностями.

Желание покаяться за содеянное пришло к Ткаченко в тридцать лет.

И тогда он совершил обряд крещения, после которого и получил в комплекте новых крестных родителей.

Так вот, на личности его свежее испеченного отца мне хочется остановиться подробнее.

За время работы по делу мне пришлось столкнуться с разным милицейским народцем. Который, получая в правоохранительной системе должности и звания, спокойно предавал все, что только можно, плавно скатываясь к соучастию в убийстве.

Хотя сейчас я должен сразу оговориться, что работа опера — это не глаза цвета неба, и себя перед Господом записывать в бойскауты тоже не собираюсь.

Но каждый «лежавый» по жизни сам себе определяет границы.

Глядя предателям в милицейской форме во время допросов в глаза, наполненные лебезящим страхом,

Даже с выработавшимся со временем на этот взгляд иммунитетом сложно было раз за разом не вспоминать, как ты протягивал этим животным руку, говорил с ними о службе или о погоде.

Хотя даже сейчас при таких мыслях к горлу подступает брезгливость.

Так вот,

В свои в крестные отцы Паша, тогда еще Ткаченко, выбрал всего-навсего начальника дежурной части Киевского УБОП, полковника милиции Зуненко*.

Как пятидесятилетний полковник на это согласился, я не знаю.

Да и получить доказательства его прямого участия в банде, увы, не получилось.

Но еще, наверное, долго буду помнить бегающие свиные глазки Зуненко*, когда Хамула выгнал его пинком под зад на «заслуженную» пенсию.

А еще не выходят из головы откровения Гончарова, как-то мне сказавшего, что обо всех действиях «бандитского отдела» по освобождению заложников его «информируют» прямо из убоповской дежурки.

Опять же, для неискушенных, все оперские переговоры на убоповской волне замкнуты на базовую радиостанцию в дежурной части.

Был ли установлен Зуненко* до начала арестов бандитов?

Разумеется, да.

Возвращаясь к звонку по домашнему телефону Прикладовского во время нашей с ним командировки в Москву, я несколько не сомневаюсь, что именно этот еще один «коллега» в полковничьей милицейской форме старательно отработывал своих сто сучьих долларов.

Ну, а теперь о немецких корнях Кеппеля.

После обыска в его квартире Ткаченко скрылся и был объявлен в розыск.

Опять же, несложно догадаться, кто из его новых родственников был для Ткаченко спасителем. И кто дал ему возможность, как сказочному колобку, уйти «от дедушки, да еще и вместе с его бабушкой».

Вот тогда-то Паша, с его помощью подержав за хвост, а потом еще и за гриву правоохранительную систему, не только остался на свободе, а еще и женился. Взяв фамилию супруги.

А еще сложно поверить, что установить его местонахождение было большой проблемой. И что мои коллеги из розыска просто сбились с ног, чтобы его найти.

Ну, а «молодожен» Кеппель, находясь в розыске, еще и сумел поменять паспорт и, живя в квартире жены, чувствовал себя вполне спокойно. И даже умудрился организовать сеть сбыта наркотических веществ.

А в Киеве тогда уже вовсю бушевал май.

Это когда солнце, жажда, девушки в коротких юбках, а еще цветут каштаны.

Именно в середине мая 2002 года целых три умопомрачительных дня большой группе оперов «бандитского отдела» «посчастливилось» провести в Лесном районе столицы.

С почтенного расстояния мы наблюдали за тем, как идет торговля ширкой, для неискушенных — вытяжкой из опиумного мака, где над процессом «директорствовал» мой очередной фигурант.

Продолжительное наружное наблюдение за Кеппелем позволило изучить его утренние, дневные и вечерние маршруты.

Затем были установлены личности толпящихся вокруг всех его товарищей.

Даже были собраны доказательства того, что Кеппель не только лично привозил ширку, но и собирал деньги от ее продажи. Что было как нельзя кстати. Всем нам, его «пасущим», ну очень хотелось для удобства ведения первых его допросов задержать Кеппеля именно с наркотическими веществами.

Ведь вся его «героическая биография» прямо подтверждала, что такой зафиксированный эпизод был бы неплохим поводом для начала «задушевного» с ним разговора.

В общем, все складывалась как нельзя лучше, пока мой фигурант не начал испытывать расшатанное жарой и нескромными мыслями при созерцании ничем не прикрытых весенних, стройных девичьих ног, наше оперативное терпение.

Кеппель упорно не хотел оставаться один.

Не проявляя никакого желания передвигаться без своей компании, он не отпускал от себя «корешей» ни днем, ни ночью.

Это потом он рассказал мне, что эти меры собственного самосохранения он предпринял после своего последнего разговора с Гончаровым.

На всякий случай.

Причем, не только от милиции.

Нам же, так сказать, для чистоты задержания цепляться с его окружением не хотелось.

Ведь тот факт, что Кеппель, один из немногих участников банды, что имел с ними связь без посредничества Гончарова, был давно установлен,

И его «громкое» задержание могло дойти до преступников, оснований для поимки которых пока еще не было.

А это, в свою очередь, очень осложнило бы перспективы наших «будущих желанных встреч».

И вот, наконец, когда на третий день мы «довели» Кеппеля почему-то до Лесного кладбища, где после встречи с неустановленным лицом он переложил какой-то сверток в свою сумку и был совершенно один, настало время испытать удачу.

«Улыбка» удачи в самом начале нас повергла в легкий шок.

Вместо предполагаемой ширки у Кеппеля в сумке через плечо было обнаружено взрывное устройство.

А вот сам он, вопреки всем ожиданиям, забыл об агрессии.

Хотя что-что, а здоровье это ему более чем позволяло.

Он лежал на земле, не глядя по сторонам и даже не поднимая головы. А затем с какой-то непонятной нам радостью подписал протокол об изъятии у него взрывчатки.

Уже в ходе следствия нашлось объяснение этому его странному, «не пацанячьему» поведению.

До смерти перепуганный Кеппель тогда даже предположить не мог истинной причины своего задержания.

Он до последней минуты думал, что происходящее с ним – не что иное, как знакомая ему по участию в банде инсценировка.

Кеппель ни на секунду не сомневался, что его «друг» Гончаров, он же Николай Петрович, попросту «подчищается». И следующее, что он увидит, будет яма в Броварском лесу.

А тут настоящие, реальные опера, да еще с каким-то там протоколом.

Глава 36

*Не всякий законченный негодяй —
Выпускник милицейской школы.
Афоризм. Автор неизвестен*

Высидевшая в засадах вместе с коллегами из Управления криминального поиска,

Затем задерживая одного за другим участников милицейской банды,

Как-то сама собой из отдельных, автономных, работающих, как правило, каждый сам по себе и встречающихся на совещаниях и пьянках оперов «бандитского отдела» начала складываться слаженная высокопрофессиональная команда.

У каждого из нас такого рода реализация оперативного дела с таким количеством одновременно задержанных, учитывая их предыдущую деятельность, была впервые.

А еще в первый раз все мы вместе и каждый из нас в отдельности столкнулись с таким противостоянием, нарастание которого заряжало воздух все больше и больше.

И хотя давно не дававший сбоя оперской кураж и пытался обнаружить давно забытый за ненадобностью инстинкт самосохранения,

В конечном итоге,

Вместо положенного в таких случаях в милиции страха за себя любимого, что, как правило, скрывается за расхожей фразой «а мне все пох*ю»,

Это противостояние дало совершенно неожиданный для его организаторов эффект.

Оно заставило вспомнить каждого из оперов «бандитского отдела» все то, что он умеет,

Что наработал за годы оперской практики,

Ну и, конечно же, включить наши настоящие, «легалые инстинкты».

Тогда я в первый и, наверное, в последний раз стал свидетелем именно того редкого периода, когда каждый опер был на

своем месте — именно там, где он был талантливее и удачливее всех остальных, вместе взятых.

И тогда это был самый настоящий Отдел по борьбе с лидерами организованных преступных группировок УБОП МВД Украины в городе Киеве, настоящая «оперская контора».

Настоящая!

И не только по табличке на служебном входе.

В следственных действиях, проводимых в отношении Гончарова, по известной причине я участия не принимал. Но даже моих наблюдений со стороны возникшего противостояния Хамулы и Гончарова будет вполне достаточно, чтобы о них написать.

Сергей Хамула, за плечами которого была ликвидация двух банд в Луганской области, по привычке сыщика надеялся получить от главаря банды чистосердечное раскаяние.

Гончаров же, со своим страшным счетом похищенных и убитых, хорошо понимал, что любое из признательных показаний станет для него окончательным, не подлежащим никакому обжалованию пожизненным приговором.

К этому нужно было прибавить и учесть еще тот факт, что Гончаров отказывался от еды пять суток. А еще то, что все наши оперские хитрости и уловки для него секретом не были.

Он даже не разговаривал.

Он только жестикулировал и шептал. А все для того, чтобы беседы с ним не были записаны на магнитофон.

Сначала Гончаров просил, чтобы дали ему собственноручно написать объяснение о своем участии в банде.

А потом его рвал и проглатывал до последнего кусочка, таким вот оригинальным образом ежедневно уменьшая время своего пребывания под административным арестом, по истечении которого, как ему казалось, его все же отпустят из-за отсутствия доказательств.

Хамуле нужно было признаться самому себе, что в попытках разговорить Гончарова и склонить его сотрудничать со следствием не было никакого смысла. И я, со своей стороны, пытался его убедить, что их дневные бдения и «задушевные беседы» нецелесообразны. Логичным продолжением реализации оперативного дела была бы работа с остальными задержанными, чтобы скрупулезно, по полочкам, доказывать их вину, делая при этом акцент на роли Гончарова.

Но здесь нужно было знать Хамулу.

Он «уперся рогом».

Сергей Владимирович не хотел даже предположить, что от Гончарова ему, опытнейшему сыщику, признательных показаний не будет.

И, наверное, он имел право на такую вот «оперскую слабость».

Тем более, положила руку на сердце, все-таки от Гончарова получить раскаяние было бы заманчиво.

Гончаров же, играя в свою игру, вообще никаких показаний не давал.

Долгие дни они просиживали вдвоем в кабинете за беседой, друг напротив друга, так сказать, глаза в глаза.

Один – упертый и фартовый сыщик. Другой – изощренный и самонадеянный убийца.

Один пытался, а другой не хотел.

Искру оживления в их противостояние добавил Гончаров.

Он совершил неудачный побег из-под стражи при доставке на ночлег в Шевченковский городской отдел милиции, где отбывал назначенные ему административные пятнадцать суток.

Открыв «провороненной» кем-то из оперов канцелярской скрепкой наручники и сильно ударив ногой между ног одного из конвоировавших его «соколят», Гончаров с криком:

«Застрелите меня, застрелите!»

Отчаянно бросился во мрак спального района.

Но сильные «аяксы», моментально опомнившись, с перепугу не только его резво догнали, но и навалились на него своими могучими торсами.

В итоге «горе-беглец» получил даже ушибы ребер, распластавшись на бордюре.

Но нужно было знать Гончарова. Он даже неудачу попытался использовать в своих целях.

После этого случая он еще долго рассказывал о «пытках убоповцев», ссылаясь на полученную им во время «ущемления гражданских прав» травму, чем вызывал у нас приступы хохота. Ведь мы с Хамулой давно и хорошо знали, с кем имеем дело, и после неудачного побега Гончарова сразу же осмотрел доктор.

Были в общении Хамулы и Гончарова и полезные моменты для следствия.

Ни с того ни с сего последний выдал одного из своих подельников, участвовавших в похищении Гельфонда.

Это был заместитель начальника отдела кадров управления криминального поиска МВД Украины подполковник Владимир Лысенко.

В банде у Лысенко была кличка Русанов.

По жизни — состояние раздавленной амебы.

Кстати, в список установленного мною с Хамулой костяка банды Лысенко в самом начале не попал.

Почему?

Да потому, что в случае с ним либо сработали корпоративные интересы службы, где он трудился, либо работник, проверявший тогда адрес предполагаемого участника банды, действовал, что было ну очень сомнительно, непрофессионально.

Еще осенью 2001 года дребедень, написанная в отчете проверки адреса на улице Днепровская набережная, выплывшего из телефонных переговоров похитителей Михаила Гельфонда, вызвала у Хамулы сомнение. Изучив ее и сравнив со своей «легендарной» схемой на ватмане в красных, синих, зеленых, а еще черных прямоугольниках и квадратах, он еще раз отправил меня с Прикладовским проверить интересный «адресок».

Сосед Лысенко, отвечая на придуманную «проверку сигнала» о проживающих где-то на этаже, разумеется, чеченцев, ответственно заявил, что его сосед Володя работает в МВД.

Но именно этот Володя, несмотря на свою показную инфантильность, во время сбора улик, доказывающих его вину в совершенных похищениях и убийствах, к нашему всеобщему удивлению, оказался весьма проворным.

Получив обрывистые сведения о задержании Гончарова и части банды, он молниеносно уволился на пенсию.

Чтобы затем дома за чашкой чая, играя в «орлянку», нервно ожидать настойчивого стука в дверь.

Но «орел» для Лысенко не выпал...

Хотя и его визиты по «приглашению» в «бандитский отдел», и наши попытки его разговорить оказались тщетными.

Он еще трое суток упорно, почти как на работу, ходил на Московскую площадь. Где с таким же упрямством отрицал какое-либо участие в похищениях и убийствах.

Но на тот момент еще не было собрано достаточно доказательств его виновности.

И предъявить ему было нечего.

Я даже не исключаю того, что в мятущемся воображении Лысенко появилась слабая надежда, что мы «не сможем». Или даже он, в конце концов, преодолев свой «овечий характер», мог воспользоваться возникшей заминкой и решиться на то, чтобы сбежать и исчезнуть.

Но Спаситель в своих действиях был последователен и непреклонен. И вновь, исключительно в своей манере, подправил реализацию моего оперативного дела.

Когда все мы, опера «бандитского отдела», любовались наступлением весны в Лесном районе Киева, наблюдая за длительными прогулками по молодой зеленой травке Павла Кеппеля, распределявшего между наркоманами ширку, мне позвонил Хамула.

В присущей только ему манере разговора по телефону он сообщил мне, что я «прохлопал» — а если быть до конца точным то использовал совсем другое слово, которое означало, что именно я, ну, опять скажем, «прохлопал» нашего фигуранта Юрия Нестерова в Германии.

Находясь в роли подчиненного и помня о субординации, тогда я в корректной и даже изящной форме напомнил Сергею Владимировичу о трудностях немецкого перевода. И о его по этому поводу рекомендации для меня после получения ответа из министерства юстиции Германии.

А еще сказал ему о том, что не я, а именно он общается с представителями немецкого посольства.

Хамула же в перерывах между моими робкими напоминаниями о моем плохом немецком произносил монолог начальника, в котором продолжал употреблять исключительно нелитературные слова.

Когда Сергей Владимирович закончил, то из его «эмоционального рассказа» я сделал неутешительный вывод, что из посольства Германии ему сообщили о том, что наш фигурант по делу Юрий Нестеров был выпущен из немецкой тюрьмы и выехал в Украину.

С того момента «горячая» встреча Нестерова в аэропорту теперь становилась нашим с Хамулой несбыточным и уже никогда не реализованным желанием.

Теперь перспективы задержания Нестерова перешли в категорию «маловероятные».

Ведь его не было в стране около двух лет.

Наружное наблюдение по хорошо нам известному месту жительства его родителей было, пожалуй, единственным нашим ходом.

Но Юрий Нестеров дома не появлялся.

Очередная заминка по делу обещала быть скучной, а оттого традиционно нервной.

А если мои предположения о причинах бегства Нестерова в Германию были правильными — то и продолжительной.

Рабочий день, что держал «бандитский отдел» в напряжении ожидания нового фигуранта, подходил к концу.

Хамула нервно поглядывал на молчащий телефон.

Ну, а я в мыслях уже был по дороге на свидание с длинноногой брюнеткой, которая ждала меня в центре, прощая мне вечное отсутствие денег, служебных перспектив и регулярные опоздания.

В общем, всю мою оперскую жизнь и оперскую работу.

А еще — продолжительную неопределенность наших с ней отношений.

Перед «прыжком в счастье» я еще раз пролистал все собранные на Нестерова оперативные материалы.

Зацепок не было.

И тогда я вспомнил о «вытоптанном» мною адресе его товарища, что вначале оказался на отрывном листе из моего блокнота, а потом моментально переключался на рабочий стол Хамулы.

Следующим утром о моем вчерашнем исчезновении никто даже не вспомнил.

Усталые, но довольные опера «бандитского отдела» курили очередную за прошедшую ночь сигарету, медленно и вальяжно потягивая утренний кофе.

Хамула, на лице которого был отпечаток бессонной ночи, откровенно светился.

Все говорило о том, что я что-то пропустил.

Чистосердечное признание Нестерова, только что вернувшегося на Родину, разрядило бродящее по кабинетам «бандитского отдела» напряжение.

Сложно назвать Нестерова Юрия Петровича случайным человеком в банде.

Гончаров случайных людей к убийствам не привлекал.

Хотя тот факт, что Нестеров, получивший из-за золотой коронки кличку Золотой, начинал, если соучастие в убийствах можно назвать началом, как «помощник милиции», попросту как агент у Гончарова,

Что он очень долго верил, что служит в спецподразделении СБУ, о чем без конца ему талдычил «авторитетный начальник»,

То его добровольное и чистосердечное сотрудничество сначала с УБОП, а потом и со следствием всегда вызывали у Гончарова ненависть с лихорадочной дрожью и шизофреническим оцепенением.

Он, Гончаров, еще долго не мог поверить, что «ошибся» в этом тридцатилетнем, крепко сложенном парне, оказавшимся «слабым звеном» в столько лет тщательно создаваемой им банде.

Именно признательные показания Нестерова стали тем последним аргументом, когда маятник окончательно качнулся в противоположную от Гончарова сторону.

В сторону всех нас.

Тех, кто уже целый месяц горбатился без выходных и проходных, фиксируя в следственном порядке показания, находясь на воспроизведениях, опознаниях и очных ставках с задержанными бандитами. И при всем при том отдающих себе отчет, что без обнаружения трупа все эти показания, по существу, — косвенные. И от них каждый из задержанных бандитов в любой момент может отказаться.

Хотя, если быть до конца последовательным, не только Нестеров был полностью откровенен в самом начале следствия.

К всеобщему, большому удивлению, в разряд «помощников» как-то неожиданно для нас попал Павел Кеппель.

И хотя после задержания его благоверная пыталась вытащить мужа любыми способами, приобщив к проверке на свою «стойкость» наш «самый неподкупный» во всем мире суд,

Но две судимости в его тридцать,

Сравнительно «скромное» участие в похищениях и убийствах заложников,

И наша, если откровенно признаться, произвольно проведенная комбинация —

Все это в конечном итоге вылилось в непрогнозируемое от такого «героя» раскаяние в виде явки с повинной.

Но в самом начале — о том, в чем заключалась вся эта произвольность комбинации.

За несколько дней до решения Кеппеля сотрудничать со следствием я в своем кабинете, уговаривая его «покаяться», показал фотографии всех установленных во время оперативной разработки участников банды.

Сложно было не заметить, что просмотр фото особой радости ему не доставил.

Но он «уперся» и на все вопросы либо молчал, либо говорил стандартное «не знаю».

А затем из-за необходимости проведения оперативных мероприятий по задержанию Гончарова и по причине банальной нехватки рук Кеппеля хотя и привозили из ИВС¹ в «бандитский отдел» на Московскую площадь на допросы, но, увы, тогда просто было не до него.

Тем более что его бурная биография не оставляла нам даже мысли о раскаянии.

Вот эта двухдневная пауза в допросах, к которой можно было смело прибавить постоянную оперскую суету и беспрестанное вождение мимо Кеппеля других задержанных участников банды, его сознание совсем «измотала».

На третий день все отрицавший Павел сам попросил бумагу и ручку.

А затем выдал ошеломившее нас всех признание.

Когда генерал Акцион* прочитал его явку с повинной, в которой было описано шесть эпизодов захватов заложников с подробностями их убийств, в которых он, Кеппель, участвовал,

В дополнение к чему он добавил свои предположения о захвате и убийстве Гельфонда, куда его Гончаров не взял,

Генерал произнес следующее:

«Ты знаешь, я отработал в милиции уже почти двадцать пять лет, видел многое, но такое...»

Хотя довести до конца дело, которое он так «всесторонне» курировал, Акциону* было не суждено.

Его карьера в столичном УБОП по «велению сверху» была прервана.

И он был отправлен укреплять УВД Автономной Республики Крым.

По упорным слухам, на его такой вот «неожиданный карьерный рост» повлияли документы о его внеслужебной деятельности, собранные СБУ.

Но вернемся к явке с повинной Павла Кеппеля.

В чем он чистосердечно каялся?

В преступлениях, совершенных бандой с 1996 года, где он принимал личное участие.

¹ Изолятор временного содержания.

В отличие от хитромудрого Свердлова, Кеппель четко указывал время, место, состав банды и, самое главное, называл примерные адреса потерпевших.

Хотя даже его явка с повинной не давала общей картины совершенных бандитами в милицейской форме преступлений.

Ведь отведенная ему Гончаровым роль в банде заканчивалась сразу после убийства.

И место сокрытия трупов для нас оставалось белым пятном.

Глава 37

После признательных показаний Нестерова и Кеппеля подвиг «бандитского отдела» закончился.

Началась та самая кропотливая оперская работа.

Все большее количество участников банды пополняли список задержанных, а потом и арестованных.

Вокруг всех нас вертелась череда похожих и непохожих засад и «приемов».

И только один участник банды в этой череде оказался «суперстар». И заставил нас с Хамулой перестать скучать рядом с запущенной следственной машиной.

В правоохранительные органы Владимир Лысенко пришел в 1982 году после окончания института физкультуры и непродолжительной работы школьным учителем.

Что заставило его поменять «орало на меч», для меня так и осталось тайной.

За всю свою карьеру Лысенко никогда не бегал с высунутым языком и даже не пытался внести хоть какой-нибудь вклад в борьбу с преступностью.

Основное время службы в органах внутренних дел он провел в Управлении криминального поиска МВД Украины.

Причем, предпочел работать в кадрах.

А кадры, в том числе и в милиции, как известно, решают все.

Каждый из участников банды «упирался» аресту по-своему.

Но только Лысенко, на тот момент пенсионер МВД, закончивший карьеру по состоянию здоровья, по пятибалльной системе получает оценку «5».

21 июня 2002 года, когда мы всей оперативной группой, прихватив с собой следователя прокуратуры, бродили, ведомые Нестеровым, по Броварскому лесу, где он восстанавливал в памяти места захоронения убитых милицейской бандой,

Именно в это время Апелляционный суд Киева, не дав санкцию на арест Лысенко, неожиданно выпустил его под подписку о невыезде.

Что заставило судью принять такое решение, можно только догадываться. Хотя материалы уголовного дела по убийству Гельфонда свежее испеченного пенсионера МВД Лысенко точно не записывали в герои милицейских героических эпосов.

Для нас всех, кто в это время «усиленно топтал землю», чтобы банды милиционеров-убийц больше не было, произошедшее тогда с одним из ее активных участников дало хороший повод для размышлений. И пока благодаря все тому же Лысенко оперативная группа им без устали предавалась, он подкинул нам еще один «сюрприз».

После своего «счастливого освобождения» пенсионер Вова сразу же поменял камеру изолятора временного содержания на больничную палату в больнице Павлова¹. Он обнаружил в своем организме, помимо «болячек», отправивших его на «почетную» милицейскую пенсию, еще и «душевное недомогание».

Вылечил его от внезапного недуга «доктор» Хамула.

Он сделал все возможное, чтобы Лысенко из уважаемого всеми и, без сомнения, полезного учреждения, что в народе называется не иначе, как «дурдом», был скоропостижно выписан.

А затем Лысенко все-таки пришлось, но теперь уже благодаря собранным следственно-оперативной группой дополнительным доказательствам его вины, услышать в суде вердикт: «Арестовать».

А сейчас — подробнее о дате 21 июня 2002 года.

Во всей истории ликвидации банды этот жаркий июньский день стал моментом, когда реализация оперативного дела «Снегири» прошла точку невозвращения.

Юрий Нестеров в своей явке с повинной, подробно описывая обстоятельства похищения заложников и их убийств,

А их на тот момент мы насчитали уже десять,

Не только называл имена основных участников милицейской банды, обозначив роль каждого из них в том или ином эпизоде, но и дал согласие показать места сокрытия преступниками останков потерпевших.

Во второй половине дня 21 июня 2002 года, когда оставленный Хамулой опер вместе с заместителем прокурора Шевченковского района столицы в Киевском апелляционном суде все еще пытались получить санкцию на арест Лысенко,

¹ Психиатрическая больница им. академика И. П. Павлова в Киеве.

Все мы, опера «бандитского отдела» почти в полном составе, возглавляемые Хамулой, вместе с прокурорским следователем Ивановым продолжали бродить с Нестеровым, соблюдая все меры безопасности, по Броварскому лесу.

Что для нас с Хамулой тогда значило это воспроизведение, а если быть точным, то его ожидаемый финал?

Это был, прежде всего, итог наших с Сергеем Владимировичем мытарств, продолжавшихся больше года.

А еще это был момент истины.

Тот самый финал доказываний «многоуважаемым коллегам по цеху», а потом и самим себе, что мы профессиональнее бандитов, умнее, а еще, если хотите, упрямее.

О чем тогда думал Хамула, я так у него не спросил. Сергей Владимирович был подчеркнуто спокоен, давая Нестерову выговориться. А все для того, чтобы не заставлять его лишний раз нервничать перед близкой перспективой встречи с останками, которые он несколько лет назад закапывал,

Да еще, благодаря «заботе» Гончарова, который всех участников банды, как правило, делал соучастниками именно убийства, видел этих людей в последние минуты их жизни.

У меня же тогда от волнения дрожали коленные поджилки.

И теперь я в этом уже могу себе откровенно признаться.

Но, увы, все эти меры предосторожности оказались тщетными.

Нестеров все больше и больше начинал нервничать.

Он навскидку никак не мог вспомнить место захоронения останков пятидесятитрехлетнего Юрия Омельченко.

Почему мы ехали на поиск трупа именно Омельченко, похищенного и убитого бандитами в 1999 году?

Да потому, что на этот раз милицейские учеты хотя бы как-то, но сработали.

В почти никогда не заполняющейся графе «профессия» напротив фамилии на тот момент проходившего как «без вести пропавший» Омельченко была запись «народный целитель».

Между собой бандиты называли его Шаман.

И установить его личность было сравнительно легко.

Просто нужно было найти все заведенные по поводу его исчезновения милицейские дела.

Похищение Омельченко готовилось Гончаровым со свойственной ему скрупулезностью.

Из признаний Нестерова следовало, что замысел похищения и убийства принадлежал Гончарову.

Ему не давал покоя материальный уровень народного целителя.

А он действительно был сравнительно высоким.

Причем, Омельченко его особенно и не скрывал.

Вот именно этот факт и решил его судьбу.

Бандитов никак не смутила и не остановила их первоначальная неудача, когда, остановив автомобиль Омельченко под видом работников ГАИ из-за пассажира в салоне авто целителя они в тот раз от похищения отказались.

Но оставить его в живых, когда уже были подсчитаны и поделены барыши, было не в характере Гончарова.

17 февраля 1999 года около 23 часов Юрия Омельченко прямо во дворе дома по улице Бажова, в котором он жил и куда возвращался после работы, участники банды Гончарова, имитируя милицееское задержание, затолкали в автомобиль «ДЭУ Ланос», принадлежащий Лысенко и украшенный для достоверности милицееской мигалкой.

Вначале целитель, почувствовав подвох, даже попытался оказать сопротивление.

Оглядев группу обступивших его аж шести лиц, двое из которых, Гайдай и Лысенко, были в милицееской форме, Омельченко, хотя и понимая, что это бессмысленно, не стал добровольно садиться в автомобиль с «декорацией».

Он лег на землю и отказался подчиняться.

И бандитам ничего не оставалось, как поднять его и силой затолкать в машину.

Затем на жертву надели наручники и надвинули на глаза заранее приготовленную вязаную шапку.

Дальше был предварительно снятый в Броварах Киевской области, по адресу ул. Сирко, 9, дом.

Первое, что сделали участники банды, когда Омельченко оказался на месте своего заточения — это, не отступая от традиций шпаны всего мира, вывернули у него карманы, отобрав всю имеющуюся наличность.

Затем настал черед дорогих часов, перстня и цепочки.

Кстати, о часах.

Их долгое время гордо носил Свердлов. А затем продал одному из своих приятелей, между прочим, близкому знакомому убитого бандитами Гельфонда.

Юрий Омельченко прожил еще пять суток.

Если сидение с завязанными глазами на веревке, сопровождаемое побоями и издевательствами, можно назвать жизнью.

Перед заранее запланированной смертью бандиты заставили его позвонить престарелой маме и попросить собрать сумму в пятьдесят тысяч долларов – на выкуп.

Затем его еще живым вывезли в Броварской лес.

Все это время Гончаров откровенно лгал Омельченко, когда говорил, что его везут отпускать.

Слово «отпускать» у бандитов означало «убивать».

Верил ли целитель этим словам?

Нестеров в своих признательных показаниях утверждал, что нет.

С его слов, Омельченко предчувствовал близкую смерть. С ее приходом смирился и даже был к ней готов.

Когда Гончаров и еще один, пока еще не задержанный участник банды по фамилии Мельников, подвели его к краю выкопанной по приказу Гончарова Нестеровым ямы, Омельченко, сломленный издевательствами и пытками, не оказывал никакого сопротивления.

Мельников и Нестеров сбили его на землю и сели ему на ноги.

А на шею Гончаров набросил удавку.

Ночь с 19 на 20 февраля 1999 года стала для целителя последней.

Обстоятельства неуклюжих попыток задержания тогда еще неизвестных похитителей Омельченко можно смело назвать битвой кролика с удавом. Причем, кролик перед походом в последний путь даже успел несколько раз махнуть милицейским удостоверением.

Сейчас можно только представить, с каким чувством безнаказанности и собственной гениальности Гончаров свысока созерцал изначально бесперспективные потуги на тот момент начальника уголовного розыска Киева Виталия Яремы и все того же начальника УВД Киева генерала Опанасенко организовать хоть какие-то осмысленные оперативные действия по задержанию банды во время передачи выкупа.

Из показаний Нестерова, которые затем подтвердили и его подельники, бандиты хорошо знали, что мать Омельченко обратилась с заявлением в правоохранительные органы.

А еще они заранее были проинформированы о засаде при передаче назначенного выкупа.

Но что могло тогда Гончарова остановить?

Даже несмотря на то, что, по непроверенным следствием данным, бандиты, забрав у Омельченко ключи, побывали в его квартире и похитили ценности на достаточно серьезную сумму,

Гончаров все равно хотел получить выкуп, и ничто его тогда остановить уже не могло.

Он даже водил Нестерова и других участников банды на «экскурсию» мимо Левобережного отдела столичного УБОП. И рекомендовал внимательно изучить все оперские автомобили.

И только когда он от Гайдая, которого привлекли в оперативно-следственную группу, то есть, на «поимку самого себя», узнал, что вместо денег на передаче приготовили «куклу», от своей идеи получить выкуп отказался.

Что дальше сделал Гончаров?

Он заставил уже потерявшего всякую надежду Омельченко написать несколько писем.

А затем, после его убийства и после того, как гомон, связанный с похищением, немного поутих, Гончаров с хладнокровием напившегося кровью упыря начал посылать их с разных концов Украины. В итоге убедив разуверившуюся в правоохранительных органах мать Омельченко в том, что ее сын все еще жив.

Будучи проинформированным, что домашний ее телефон стоит на контроле, он связался с ней по телефону соседки.

Каковы были аргументы Гончарова для женщины в преклонном возрасте, потерявшей сына, можно только догадываться. Но тот факт, что она, больше не обращаясь в милицию, собрала деньги для выкупа, тоже затем был установлен в следственном порядке.

А затем, по прошествии четырех месяцев со дня похищения и убийства, Гончаров наблюдал из окна своей квартиры на седьмом этаже за приятным для его глаз действием: укладыванием пятидесяти тысяч долларов в мусорный бак во дворе киевской многоэтажки.

После этого похитители и убийцы Юрия Омельченко его матери больше не звонили.

Солнце, что висело над нашими головами весь душный день 21 июня 2002 года, медленно клонилось к закату, а «процесс» упорно не шел.

В перерывах между энергичными упражнениями с лопатой на очередном указанном Нестеровым месте у всех присутству-

ющих было время путем нехитрых математических действий высчитать, что с момента убийства Омельченко прошло три года.

Для молодого растущего леса это был большой временной промежуток, серьезно изменивший его ландшафт. И этот упрямый факт не наполнял нас оптимизмом.

Нервничал Нестеров, несколько раз ошибаясь и указывая место неправильно.

Нервничали все мы, кто болел за результат воспроизведения.

Скучал прокурорский следователь.

А затем, когда Хамуле доложили по телефону, что Лысенко выпустили из зала суда, а очередная вырытая яма нам результатов не дала, воздух начал электризоваться чем-то очень близким к слову «паника».

С одной стороны, все участники воспроизведения хорошо понимали, что нам даст обнаружение хотя бы одного захоронения потерпевшего.

С другой – каждый из нас, кто ходил под видеосъемку за Нестеровым по Броварскому лесу, прагматично просчитывал, что все, что будет дальше с арестованными бандитами, напрямую зависит от зрительной памяти идущего впереди участника банды, пытающегося снять со своей души свои грехи.

Как это ни цинично звучит, но всем, а прежде всего, наверное, нам с Хамулой нужен был труп.

И это желание получить результат именно здесь и сейчас неожиданно связало воедино «буксовавшего» на месте Хамулу и растерянного от первых неудач Нестерова.

Не показывающий вида, но уже теряющий слабую надежду Сергей Владимирович упорно задавал Нестерову вопросы, пытаясь помочь ему вспомнить, когда тот с блеском глаз голодного волка рыскал по знакомому ему участку леса, пытаясь отыскать место захоронения трупа и напрягая свою зрительную память.

Но результата не было.

Все противнее напоминала о себе жара, расшатывая и без того приходящие во взъерошенное состояние наши нервы и наши мысли.

И когда уже явно гораздые в герои заместители Хамулы Какьян* и Какмяков* начали «переглядываться», я позволил себе выйти из тени.

Как мне показалось, несколько подавленный из-за идущих одна за другой неудач Сергей Владимирович, оставив след-

ственную группу взирать на бесплодные потуги Нестерова, почти моментально откликнулся на мое предложение «поговорить» и послушно отошел со мной в сторону.

Сложно сказать, чего в ту минуту в моей измученной месячной непрерывной работой голове было больше: желания, чтобы это все скорее кончилось, «фонтанирования» накопленного опыта или всего-навсего банальной физической усталости. Но для Хамулы у меня было только одно предложение.

Дословно оно звучало так:

«Сергей Владимирович, если Нестеров не помнит, где они зарыли труп Омельченко, то пусть покажет захоронение того трупа, что помнит точно».

Хамула, не раздумывая, мое предложение передал Нестерову.

Тот, в свою очередь, уставший от неудач, с облегчением и слабо замаскированной готовностью ответил, что готов указать место захоронения останков еврея, который был похищен и убит бандой осенью 2000 года.

Чья это была история? Кто был этот еврей? Нам с Хамулой объяснять было не нужно.

Одна только мысль о том, что наконец-то Спаситель дает нам шанс, проделала с моим внутренним состоянием путь от дрожи коленных поджилок до откровенного, волнительного брожения в желудке.

Я всеми силами пытался не подавать вида, попутно отчаянно борясь с мыслью, что все происходящее от меня с этой минуты уже никак не зависит.

Обнаружение захоронения трупа Гельфонда было сравнительно простым.

Нестеров уверенно указал место в лесу метрах в тридцати от асфальтированной дороги, недалеко от села Пуховка.

Сокрытие следов преступления бандой Гончарова — вообще отдельная тема.

Вот где он не ленился применять все свои знания и опыт работы в правоохранительных органах.

С трупов он лично снимал одежду. Бандиты, как правило, заливали заранее приготовленные ямы известью. Тела закапывали на глубине не меньше полутора метров. Над захоронением сыпали битое стекло, предупреждая попытки лесных зверей раскопать яму. Все это сводило к минимуму процент случайного обнаружения останков.

С первым реальным доказательством нас разделяли «стандартные», установленные Гончаровым полтора метра земли.

Медленно текущее в таких случаях время, когда «соколята» рыли землю, попадая на ботинки нервно крутящего в руках мобильный телефон Хамулы, все мы проживали по-своему. Кто – нервно куря, а кто – бесцельно бродя вокруг быстро растущей ямы.

Затем были вызваны пожарные, осветившие прожекторами обнаруженные останки Михаила Гельфонда.

Эксперты, техники, патологоанатомы, работники службы морга...

Все закружилось в одном хороводе.

Тогда я потерял Хамулу из вида.

Он исчез, нет, наверное, даже растворился в огромной группе начальников, наехавших на место обнаружения останков.

Писатели детективного жанра авторитетно утверждают, что в таких случаях о накопившейся за месяц усталости от работы по двадцать четыре часа в сутки обычно забывают.

Не могу даже представить, откуда им об этом известно. Но этот факт, прочувствованный на себе лично, я подтверждаю.

Подтверждаю безоговорочно.

Подтверждаю на все сто процентов.

Более того, я даже забыл, что именно в тот день и в это время во Дворце «Украина» дает концерт Джо Кокер, билеты на который я храню теперь как память.

А тогда для меня на целую ночь исчезло лето, растворилась жара, а еще где-то в огнях пропал Киев.

Осталось только состояние своей первой, реальной большой победы, которую мы с Игорем Прикладовским «усугубляли» горячей, достигшей в багажнике его автомобиля состояния, близкого к кипению, водкой.

Я не хочу показаться сентиментальным, но если и есть «оперское счастье», то тогда оно в моей жизни, без сомнения, случилось.

Нет, все-таки: было.

Тогда, 21 июня 2002 года.

Ведь только сыщику дано Господом Богом это необъяснимое словами состояние,

Пережив которое, когда-то в самом начале милицейской службы,

Вся его последующая жизнь,

Хотя, наверное, в этом ему трудно признаться, и прежде всего, самому себе,

Окончательно и бесповоротно становится его той самой «легавой» работой.

Глава 38

На следующее утро, 22 июня 2002 года, с больной головой и теперь уже с твердой уверенностью, что дело практически сделано, я явился на Московскую площадь.

Произошло то, что только совсем недавно было почти фантастикой.

Через два года после похищения и убийства не просто было обнаружено тело Михаила Гельфонда.

Главным предметом нашей с Хамулой гордости в целом,

А еще моей личной в частности,

Было то, что преступление, наконец, раскрыто.

Но мы, все участники разработки банды, даже предположить не могли, что все произошедшее тогда, весь этот «водопад» оперской гордости был далеко не концом, а, скорее, продолжением.

В своей явке с повинной Нестеров описал восемь случаев похищений и убийств, соучастником которых он был.

Затем к этим восьми эпизодам прибавились еще два.

Но обо всем по порядку.

Время первого эпизода датировалось летом 1997 года.

Тогда банда в полном своем составе похитила двух неизвестных Нестерову парней. А затем, уже через несколько дней, судя по отдельным неосторожно брошенным фразам и услышанным Нестеровым отрывкам разговоров между бандитами, они были убиты.

Опять нужно было заняться разгадыванием уже привычной загадки милицейской информационной системы с двумя неизвестными потерпевшими.

И она, эта загадка, учитывая то, что пропавших без вести было двое, а такое случается нечасто, была успешно решена.

У Хамулы на столе лежало дело об пропавших без вести в сентябре 1997 года двадцатилетнем Михаиле Жураковском и тридцатилетнем Евгении Аврамчуке.

Год их убийства, как и все те лихие времена, вплоть до 2000-го, был периодом «делания денег».

Деньги тогда именно делали.

И никому не приходило в голову, что, в принципе, их нужно зарабатывать.

Так вот, один из эпизодов деланья денег Аврамчука и Жураковского стал известен правоохранительным органам Тернопольской области.

Пропавшие еще с одним деятелем при туманных обстоятельствах, подпадающих под определение «мошенничество», стали счастливыми обладателями примерно двухсот тысяч долларов.

Как потом было доказано в процессе следствия, Гончаров, используя оперативные возможности в органах внутренних дел, не только установил съемную квартиру, где в Киеве «пересиживали обратную волну» Аврамчук и Жураковский, но и рьяно вместе с Тернопольскими коллегами их разыскивал.

Чтобы «оперативно разработать» Аврамчука, он даже завел на него дело.

Только вот задержание подозреваемых и препровождение их к следователю в планы Гончарова не входило.

Затем в процессе все того же следствия, хорошо понимая, что факт его «соприкосновения» с потерпевшими не пойдет ему на пользу, Гончаров пытался даже «назначить» инициатором похищения Василия Гайда.

Но Гайдаю чужого было не нужно.

А обстоятельства осени 1997 года развивались по безотказной, проверенной много раз Гончаровым схеме.

Утром 20 сентября бандиты в полном милицейско-бандитском составе, дождавшись, когда Жураковский и Аврамчук с промежутком в 15 минут один за другим выйдут из съемной киевской квартиры на улице Драгоманова, их похитили.

Все, как всегда, было разыграно под милицейское задержание.

С неотъемлемыми в таких случаях удостоверениями, наручниками, рациями и суматохой.

Кстати, именно в этом эпизоде появилось первое по делу «неустановленное лицо, осведомленное о существовании банды и о том, что оно совершает преступление в составе банды»¹.

Нестерова для похищения и убийства потерпевших Гончаров не привлекал.

¹ Из обвинительного заключения по уголовному делу № 62-2222.

Кого «из коллег», именно «коллег-правоохранителей», нам не отдали избалованные бандиты, можно теперь только догадываться. Но то, что он сейчас где-то ходит на свободе, можно утверждать смело.

Факт «милицейского задержания» Аврамчука и Жураковского, кстати, был зафиксирован по показаниям очевидцев, операми уголовного розыска, которые предприняли усиленную попытку выяснить обстоятельства исчезновения.

Но тогда ему никто значения не придал.

Похитив заложников, бандиты забрали их автомобили, а из съемной квартиры вынесли все ценные вещи.

Хотя, если быть объективным до конца, к тому времени потерпевшие, конечно же, уже «освоили» часть свалившихся на них средств, о чем недвусмысленно говорил их образ жизни.

Аврамчука и Жураковского «заперли» в подвале частного дома № 26 по улице Гродненской в Дарницком районе Киева. Затем позвонили третьему, оставшемуся на свободе, участнику сомнительного бизнеса и потребовали выкуп в 150 тысяч долларов.

Приятель потерпевших платить выкуп то ли не хотел, то ли не мог, а скорее всего, даже не собирался.

Несколько дней он морочил голову бандитам, а затем и вообще откровенно послал их «в сторону моря».

Но Гончаров отступить не хотел.

Уж очень ему туманила воображение желаемая сумма.

По его команде еще целых две недели, что никогда больше бандитами не практиковалось, Аврамчука и Жураковского держали в подвале. А еще от досады «уходящих возможностей» и со скуки издевались над ними, унижали и периодически их избивали.

Гончаров же, используя отданные ему потерпевшими документы, совершил множество попыток «вытащить» оставшиеся у них безликие деньги из банка.

Но все они оказались тщетными.

И тогда нужда в живых Аврамчуке и Жураковском у бандитов попросту отпала.

В начале октября 1997 года Гончаров с участником банды по фамилии Мельников предварительно, для пресечения попытки сопротивления, силой опив похищенных большой дозой снотворного, вывезли их в лес недалеко от села Гнедин Бориспольского района Киевской области.

Выстрелы в затылок из револьвера системы Нагана, которые бандиты проделали по очереди, подвели черту под жизнью потерпевших.

Трупы Жураковского и Аврамчука были зарыты там же, в лесу, с соблюдением всех заведенных Гончаровым в таких случаях «процедур».

Обстоятельства похищения Жураковского и Аврамчука благодаря показаниям Нестерова и Кеппеля были известны.

А вот место захоронения трупов знали только Мельников с Гончаровым.

Последний никакой потребности в раскаянии и даче признательных показаний не испытывал.

Мельников, личность которого была установлена в ходе оперативных мероприятий в рамках дела «Снегири», по домашнему адресу больше не появлялся.

И тогда, в очередной раз, настало время уже обоснованных волнений.

Анкетные данные Мельникова как фигуранта по оперативному делу были установлены почти год назад. А вот его отработка откровенно «буксовала».

Проведенные в отношении него технические мероприятия ответили только на два вопроса.

Первый – что мы с Хамулой с его участием в банде не ошиблись

И второй – что он прилично информирован о методах оперативно-розыскной деятельности.

Именно второе открытие и заставило нас до поры до времени не проявлять к Мельникову навязчивый интерес.

Когда была уже практически установлена роль в банде каждого из фигурантов, стало ясно, что интуиция в отношении разработки Мельникова нас с Хамулой не подвела.

Из показаний Нестерова следовало, что Мельников был не просто «бойцом».

У него был статус друга Гончарова.

А еще – второго, после него, душителя-убийцы.

Единственная зацепка, что могла дать хоть какой-то шанс для обнаружения беглеца – автомобили Аврамчука и Жураковского – были бандитами разобраны на запчасти и проданы.

К нашему оперскому счастью, некоторые из деталей за ненадобностью так и лежали на частной станции техобслужива-

ния в Дарницком районе, откуда и были нами благополучно изъяты, став вещественными доказательствами.

Но Мельников все еще оставался недосягаемым.

Даже при условии, что за время его разработки были установлены несколько его связей.

Опера из «бандитского отдела» тщетно сидели в засадах, перекрыв вероятные места появления Мельникова и отслеживая его жену.

Кстати, супруги всех задержанных милиционеров-бандитов и просто участников банды – это особый разговор.

Сложно дать объяснение тому, как удавалось этим особам, подобно заправским «воровайкам», «жучкам» или «бандитским подстилкам» на достаточно сносном уровне соблюдать правила конспирации. Периодически проверяясь от службы наружного наблюдения, они не разговаривали по домашнему телефону, повторяя подругам и родственникам, как заклинание, только одну фразу: «это не телефонный разговор».

А после задержания своих любимых человекоподобных дышали к нам, бывшим «сослуживцам» их благоверных, откровенной ненавистью.

Возможно, цена этой «лебединой верности» крылась в материальных благах, которые они получали.

Хотя, на мой взгляд, кольцо с бриллиантом с руки убитого и дешевая китайская бижутерия, купленная в магазине, – две огромные разницы.

Жена Мельникова старательно выполняла все, чему научил ее упырь-супруг. И наша встреча с ее суженым все откладывалась и откладывалась.

Для всех нас, с высунутым языком бегущих по следу Мельникова, обоснованные волнения вместе с потерянным временем становились еще более обоснованными.

Но здесь, к моему удивлению, настоящим профессионалом в строю опытных, но усталых «зубров» проявил себя молодой опер Дима Фадеев.

На службу в УБОП он пришел сразу после Академии внутренних дел и всего несколько лет «варился» в котле «бандитского отдела».

Да и из-за его «нежного возраста» его всерьез пока никто еще не воспринимал.

А Дима после обыска на станции техобслуживания, где изымались вещественные доказательства по эпизоду убийства Аврамчука и Жураковского,

Так по-хрестоматийному расставил свои оперские сети, что многолетняя подготовка Гончаровым Мельникова, который до этого дня грамотно избегал наших с ним встреч и вполне профессионально от нас бегал, просто не сработала.

Мельников не успел даже сказать «ох», как оказался вначале лежащим физиономией на грязном асфальте, а затем — на Московской площади.

Минутный интерес к задержанному выстроил весь «бандитский отдел» в очередь.

Но это не был осмотр «отловленной в джунглях мегаполиса мартышки». Это был, скорее, профессиональный интерес к убийце, для поимки которого было потрачено столько сил и времени.

А еще — ночей, безрезультатно просиженных в засадах.

Ранее не судимый Валерий Мельников по кличке Рыжий был рыжим по-настоящему.

А еще к образу «настоящего» прилагалась такая любимая Гончаровым внешность нескладного медведя средних размеров.

По улицам почти пятимиллионного Киева ходит достаточно много мужчин с солнечным цветом волос.

Но почему именно этот стал подручным Гончарова по убийствам?

Почему он был тем, «всегда готовым» вторым, кто держал потерпевшего, когда Гончаров затягивал у него на шею удавку?

На этот вопрос должно было ответить, но так и не ответило следствие, ограничившись заключением психологической экспертизы: «психически здоров».

Количество наших задержанных увеличивалось.

И вот тогда дело с номером 62-2222 начало свой путь наверх.

Вначале оно было передано в городскую прокуратуру Киева, в которой была создана большая следственно-оперативная группа.

От городской прокуратуры ее возглавил старший следователь по особо важным делам Базуркаев.

Вот ему-то и выпала возможность принять признательные показания у Мельникова.

Почему Мельников не юлил и не упирался?

Мне это до сих пор непонятно.

Не думаю, что здесь сработал синдром маньяка, подсознательно желающего славы от своего разоблачения.

Но он начал каяться как-то уж очень быстро.

Можно даже сказать, неожиданно быстро.

Пока заместитель начальника «бандитского отдела» Какьян* ласково, если хотите, даже нежно уговаривал его рассказать все, что ему известно, лицо Мельникова выражало только шок от задержания.

И тогда я почти бегом отправился в свой кабинет – там на столе лежали фотографии осмотра места происшествия после обнаружения останков Гельфонда.

Когда я вернулся, картина беседы Какьяна* и Мельникова не изменилась. Ну, разве что к шоку последнего прибавилось состояние глубокого раздумья.

И тогда я ворвался в мысли Мельникова «о прожитой жизни», развернув у него перед глазами почти метровый рулон фотографий с запечатленной разрытой ямой и лежащим в ней трупом.

Сейчас мне трудно судить, что произвело на него большее впечатление: увиденное на фотографиях или моя довольная физиономия.

Затем даже выяснилось, что мы были с ним заочно знакомы.

Через какое-то время он сказал мне, что по инициативе Гончарова много раз наблюдал за нашими с ним «свиданиями».

Но вот именно тогда, в тот самый момент, выражение лица Мельникова моментально изменилось.

Оно в один миг превратилось в гримасу справедливо наказанного, поставленного в угол ребенка.

И его явка с повинной не заставила себя долго ждать.

Кстати, за день до задержания Мельникова, 27 июня 2002 года, во время очередного воспроизведения событий преступления к теперь уже более сдержанной радости Хамулы, вашего покорного слуги и всех моих коллег, Нестеров вспомнил место захоронения трупа Омельченко.

А уже 28 июня 2002 года Мельников в сопровождении следователя прокуратуры на воспроизведении событий преступления, совсем рядом с трассой Бортничи–Гнедин Киевской области,

В лесу, примерно в полукилометре от дороги, указал место захоронения останков Аврамчука и Жураковского.

Именно тогда в первый раз все еще «свежий» и незаметный заместитель начальника отдела Какмяков* неожиданно

для всех нас устроил собственную фотосессию у только что выкопанных останков потерпевших. Вызвав наш общий хохот своими странными наклонностями то ли некрофила, то ли садиста, то ли члена эсэсовской зондеркоманды.

Трупы потерпевших находились в земле на глубине полутора метров, под слоем битого стекла, со следами огнестрельных ранений в области затылка.

Глава 39

Сложившиеся после первых оперативных и, что самое, пожалуй, главное — теперь еще и следственных удач обстоятельства заставили Хамулу сосредоточить работу отдела на двух направлениях.

Часть оперов занималась документированием показаний задержанных преступников.

Часть — тем, что выезжала на воспроизведения с сотрудничающими со следствием Мельниковым и Нестеровым.

Были проведены обыски по месту жительства арестованных.

Скромность результатов уже в который раз напомнила всем нам, с кем мы имеем дело.

По месту жительства Гончарова был обнаружен тот самый, с похищения Гельфонда, милицейский полковничий мундир и милицейские рации, которые он использовал для антуража во время похищения заложников.

У Мельникова, трепетно любившего оружие, — автомат Калашникова и патроны.

Все же остальные участники банды, воспользовавшись неосторопностью следствия и приткостью родственников, тщательно «подчистились».

Во время обысков у них отсутствовали даже фотографии в семейных альбомах.

А затем настало время допросить еще одного фигуранта по оперативному делу «Снегири», бывшего работника УБОП капитана милиции Леонида Михайленко, которого в банде называли просто Леня.

Хотя оснований для его задержания было пока недостаточно. И мы с Хамулой отдавали себе отчет в том, что после допроса его кума Наховского*, приятеля, вечного сослуживца и личного водителя Гончарова, находившегося в разработке как предполагаемый активный участник банды, медлить нельзя.

Но здесь нас ожидал неприятный сюрприз.

Михайленко пропал.

Его жена в очередной раз заявила, что он выехал во Францию.

Уже давно не питая никаких иллюзий по поводу «возможностей» Гончарова, я даже начал переживать за жизнь бывшего соседа по милицейскому кабинету.

Но обстоятельства, увы, складывались так, что наше randevu с Михайленко пришлось отложить на неопределенное время.

А еще, как минимум, нужно было убедиться в его добром здравии.

Ну, а затем случилась примерно недельная «задержка» с дальнейшими раскаяниями Мельникова.

Первый шок у него прошел, и он решил с признаниями чуть-чуть повременить. Хотя ни для Хамулы, ни, тем более, для меня не было никакого секрета, что он застрял в состоянии ожидания появления «влиятельных спасителей», которых ему за очень продолжительное время участия в «конвейере смерти» гарантировал Гончаров.

Причину «остановки» Мельников выбрал вескую и безотказную.

Он заявил, что в помещении «бандитского отдела» один из «соколят», лица которого он, разумеется, не заметил, похлопал его по плечу и сказал: «Держи язык за зубами».

Верить или не верить?

Для нас с Хамулой это был как раз тот случай, когда разбираться было некогда.

Молчавший Мельников нам был нужен меньше всего.

Необходимо было срочно предпринять все усилия, чтобы вернуть его в прежнее состояние.

И помощь пришла оттуда, откуда мы ее меньше всего ждали.

Наставить Мельникова на «путь истинный» нам с Хамулой помог следователь городской прокуратуры Базуркаев.

А затем, по прошествии времени, даже нашлось объяснение поведению «соколенка-невидимки».

«2 июля 2002 года, во время воспроизведения обстоятельств совершенного преступления с обвиняемым Мельниковым недалеко от дачного поселка села Бобрик, Киевской области, на расстоянии 55 метров от железнодорожного полотна направления Киев—Нежин, на глубине полутора метров были обнаружены трупы бывших работников спецподразделения «Сокол» УБОП Киевской области сержантского состава Пелюшка В. Г. и Евтушенко Е. Г.»

Этой сухой выдержкой из милицейского спецсообщения был пополнен счет жизней, отнятых бандитами.

А обстоятельства убийства своих поделельников и стали ответом на «пожелания» Мельникову от «мистера Икс» в форме работника спецподразделения «Сокол» вести себя скромнее.

Все начиналось с того, что в далеком 1994 году, работая в столичном спецподразделении «Беркут», сначала познакомились, а затем и подружились два молодых милицейских сержанта: Владимир Пелюшок, пришедший из Ирпенского отдела патрульной службы, и Александр Евтушенко, только что поступивший в «Беркут».

Со временем дружба их завела в спецподразделение «Сокол» УБОП города Киева.

После чего был еще «Сокол» УБОП Киевской области.

Затем, в начале 1998 года, Пелюшок и Евтушенко благополучно уволились из органов по собственному желанию, чтобы проверить на себе стандартную для милиции фразу о «народном хозяйстве».

Что их держало вместе столько лет?

Какова причина столь долгой дружбы?

Сейчас сказать сложно.

Возможно, одинаковая биография на общей родине с названием Киевская область. А возможно, и схожий угол падения из милиционеров в бандиты.

Настоящий мотив, что заставил бывших стражей порядка в июне 1998 года в составе милицейской банды совершить разбойное нападение на фуру, груженную чаем, за рулем которой находился гражданин Польши, доподлинно мы уже не узнаем никогда.

Хотя корысть — она ведь всегда корысть.

А еще нельзя сбрасывать со счетов тогда уже заматеревшего в вербовках в банду пенсионера МВД Гончарова.

Ну и совсем не стоит забывать общего приятеля новоиспеченных бандитов в звании капитана милиции, тогда еще работника аппарата уголовного розыска МВД с фамилией Народский. Повествование о «подвигах» которого еще впереди.

Зачем летом 1998 года Гончарову для банды понадобились еще «штыки», также теперь просчитать сложно. Хотя все то же кружение головы от вседозволенности и любование собой, на мой взгляд, — вполне для него веская причина.

О том, что судьба водителя фуры с фамилией Рамза, поляка по национальности, была предрешена, у меня тоже никаких сомнений не вызывает.

Ведь он не мог не разглядеть лиц бандитов, остановивших его большегрузный автомобиль под видом работников ГАИ: Пелюшка, Евтушенко и двух их поделельников с фамилиями Рожнятовский и Гаркушин. И еще трех так и не установленных в этом эпизоде участников банды.

Кстати, Гаркушин — тоже бывший работник все того же «Сокола» Киевской области.

А если к этому всему прибавить место работы Рожнятовского (станция технического обслуживания в пригороде Киева), куда поляка, связанного и накачанного водкой, возили бандиты, и лицемерие им физиономии самого Гончарова, то жизнь водителя была уже точно не в счет.

Упустить возможность «замазать кровью» новичков и получить над ними абсолютную власть?

Этого Гончаров, как известно, не упускал никогда.

Почему в данном эпизоде слишком много неустановленных лиц, одним из которых, без сомнения, является Навродский, я могу только догадываться.

Тем более что перспективы установления личностей еще двух неизвестных участников того разбоя сейчас уже очень туманны.

Довести свои планы до конца Гончарову помешал все тот же Его Величество случай.

Фура была уже разгружена, и оставалось только сосчитать барыши.

Но тут пришедший в себя водитель, которого Рожнятовский вез, как написано в обвинительном заключении по делу, «...на встречу с Гончаровым, который должен был определить дальнейшую судьбу Рамзы Ш.Я.»,

Проявил неожиданную для бандитов прыть.

Когда бандиты оставили его без присмотра и курили, греясь на солнышке в ожидании от Гончарова информации о месте и времени их встречи,

Поляк выбрался из багажника вначале в салон автомобиля, а затем и из самого ВАЗ-2104.

А после с диким криком о помощи бросился к проходящему мимо милицейскому патрулю.

И тогда Рожнятовский с неустановленным поделщиком, кляня свою самонадеянность, бросились куда глаза глядят.

Дальше было уголовное дело по факту грабежа, возбужденное следственным отделом Бородянского района Киевской области.

Руслана Рожнятовского и Александра Гаркушина арестовали.

Были даже установлены личности Пелюшка и Евтушенко, которые, кстати, во время активных следственных действий пересидели в квартире у все того же пока нами не установленного Навродского.

Еще тогда, летом девяносто восьмого, по воле случая банда могла бы быть ликвидирована.

Если быть совсем точным, то тогда Гончаров, пожалуй, в первый раз за свою преступную карьеру был за шаг до ареста.

Все участники могли быть изобличены и арестованы.

Были бы спасены человеческие жизни.

Но...

Уголовное дело по непонятной причине было спущено на тормозах.

Сейчас все его материалы уже стали архивными.

А эпизоды доказанных убийств выстроились в одну цепь из дат и фамилий потерпевших.

Для меня же теперь наконец-то стала понятной оброненная Гончаровым ни с того ни с сего на одной из наших редких встреч летом 1998 года фраза: «Меня невозможно предать, я все равно откуплюсь».

Тогда я опешил и внимательно на него посмотрел.

Гончаров был сильно измучен и казался худее обычного. Но его глаза горели каким-то особым блеском.

Мне даже показалось, что он меня не видит, а разговаривает сам с собой.

Теперь я не сомневаюсь, что именно в тот миг, потеряв от недавно пережитого страха разоблачения всякую осторожность, Гончаров находился в своем, таком любимом состоянии почти наркотического опьянения.

Опьянения от себя.

А тогда, в 1998-м, задержанные Рожнятовский и Гаркушин благополучно были отпущены под подписку о невыезде.

Пелюшок и Евтушенко как участники разбоя – объявлены в розыск.

Хотя для них это все равно не имело никакого значения.

Гончаров им уже вынес смертный приговор.

Из показаний Мельникова и Нестерова следовало, что, благополучно скрывшись от «роющих под собой землю» следователей Бородинского райотдела, Пелюшок и Евтушенко обратились к всемогущему Николаю Петровичу, он же Гончаров, не с чем-нибудь, а с требованием новых документов и денег на жизнь.

Такой поворот событий, я имею в виду, оставить свидетелей да и еще уплатить им свои любимые, нажитые «непосильным трудом» чуткое сердце Гончарова, разумеется, выдержать не могло.

Формальным поводом переезда Пелюшка и Евтушенко «ближе к земле» были постоянные жалобы Навродского Гончарову о том, что они не прячутся, свободно ходят по городу и этим нарушают конспирацию.

И тогда Гончаров, предопределив судьбу беспрекословно доверявших ему подельников, пока «спрятал» их на даче у Нестерова.

А затем, отпустив одного из них на встречу с девушкой, вместе с Мельниковым и Нестеровым при помощи полиэтиленового пакета сначала одного, а затем вернувшегося другого задушил.

По показаниям Нестерова, когда сбитый с ног Мельниковым, с заломленными за спину руками, лежащий на земле Евтушенко, пытаясь вырваться от душившего его пакетом «коллеги по цеху», хрипел:

«Игорь, зачем?»,

Державший его ноги, раскрасневшийся Гончаров в маниакальном экстазе в этот миг обильно пускал слюни и громко выкрикивал:

«Вот тебе, вот тебе, преступник!».

Кстати, в обвинительном заключении по уголовному делу № 62-2222 убийцей с полиэтиленовым пакетом был назван именно Гончаров.

Но здесь, как говорится, «кто раньше встал, того и тапки».

Так закончили свою жизнь близкие друзья и участники милицейской банды, получив от ее главаря приставку «экс».

Гончаров, Мельников и находившийся рядом Нестеров выкопали общую могилу.

В ней зарытые по «стандартным правилам» Пелюшок и Евтушенко, лежа «валетом», ждали своего часа — отпевания в церкви и прощения всех грехов — до середины лета 2002 года.

Глава 40

*Мертвому, конечно, хорошо.
Но уж больно скучно.*

Из х/ф «Белое солнце пустыни»

А затем все обстоятельства двойного убийства «бывших коллег» из «Сокола» в какой-то момент сложились со ставшим теперь уже достаточно внушительным списком раскрытых преступлений, совершенных бандой Гончарова.

Причем, в моей голове они приобрели уже не привычную, служебную, а настоящую, близко стоящую от меня, человеческую реальность.

И вот тут я сорвался.

То ли накопилась усталость,

А может быть, наконец-то и у меня откуда-то из откровенно далекого уголка сознания все-таки пробился забытый и потерянный за время разработки и ликвидации милицейской банды тот самый страх, что отодвинул куда-то в сторону нажитую за много лет на работе оперскую дерзость,

Именно ту дерзость, что движет моими собратьями по профессии,

Когда они, давно уже не обращая внимания на условности, в одиночку ходят по притонам,

Или ездят на задержания без выданного с перепугу очередным милицейским чинушей табельного оружия.

А тогда, июньской ночи, наступившей после обнаружения трупов Пелюшка и Евтушенко, в моей жизни так и не случилось.

Лежа в темной комнате, я до утра смотрел в белый потолок. А мои «легавые» мозги все это время и не думали меня щадить.

Шесть лет я находился рядом с упырем, для которого убийство, а если точнее, удушение жертвы было не этапом сокрытия задуманного им преступления, а внутренней необходимостью.

Когда-то в одной из наших «задушевных» бесед Гончаров, так, между прочим, вдруг меня спросил, не убивал ли я в своей жизни человека.

Я ответил, что не приходилось.

И тогда он с предоргазненным выражением лица внезапно сказал:

«Ты знаешь, когда убиваешь человека, чувствуешь себя Богом».

Именно тогда,

Наверное, в первую,

И, дай мне, Господи, последнюю по такому вот поводу бессонную в моей жизни ночь,

Ко мне пришло понимание того, что если бы Гончаров меня просчитал, то ни этой ночи, ни наставшего за ней теплого летнего утра 3 июля 2002 года для меня бы уже не было.

Глава 41

*Наконец-то появился свет в конце туннеля,
Только вот туннель, сука, не заканчивается.*
Михаил Задорнов

Весь «бандитский отдел» продолжал дневать и ночевать на работе.

И каждая из созданных Хамулой групп привычно тянула свою «оперскую тему».

Сергей Владимирович уже без суматохи и с явным удовольствием от проделанного «парил» между группой Какьяна*, отработывающей установленные эпизоды с Мельниковым, моей группой, получившей для оперативной отработки Нестерова, и лично Какмяковым*, что привычно караулил в своем рабочем кабинете Гончарова.

Никто из нас не сомневался, что за бандой тянется длинный шлейф тяжких преступлений. И нам нужны были новые эпизоды.

Но обо всем по порядку.

Большое количество жертв.

Продолжительность времени от совершения преступления до фактического начала его раскрытия.

Соккрытие трупов потерпевших в меняющемся каждый год лесу, причем, как правило, в вечернее время.

Все эти факторы не просто усложнили обнаружение останков потерпевших — они практически сделали его невыполнимым.

Из показаний тогда еще сотрудничавших со следствием Мельникова, Кеппеля, Свердлова и, естественно, Нестерова были установлены фамилии жертв банды и обстоятельства их похищения.

Ярош Виктор, Титов Евгений, Малюта Ярослав, Селивостров Евгений.

Желание обнаружить их трупы и тем самым в рамках следствия доказать бандитам факт их убийства,

Мысли о неприкаянных, загубленных бандитами душах требовали от всех нас активной работы.

Даже следственные действия по обнаружению останков мы перестали называть воспроизведением.

За ними закрепилось слово «раскопки».

А еще,

Перед каждым выездом в лес ранним утром мы заходили в церковь в Печерском районе Киева и, ставя свечи за упокой души невинно убиенных, просили Бога о помощи.

И если в целом следственные мероприятия по делу шли как нельзя лучше, то в июне-июле 2002 года мой личный оперской фарт вдруг перешел в оперской ступор.

Хамула практически одно за другим нашел уже три захоронения с пятью трупами. Я же после обнаружения останков Гельфонда топтался на месте.

И вовсе не потому, что отданный мне Сергеем Владимировичем Нестеров не хотел помогать – он старался изо всех сил,

Но, увы, вспомнить места новых захоронений больше не мог.

На протяжении почти полутора месяцев каждое утро от отдела на Московской площади отъезжала колонна.

Я с Игорем Прикладовским. Нестеров с охраной. И грузовой автомобиль с выделенными для этого случая из военной части милиционерами срочной службы.

Все мы направлялись в лес в Киевской области, за городом Бровары.

Причем, в одно и то же место.

Эту большую поляну в мае 2002 года в самом вначале указал изображавший чистосердечное раскаяние Свердлов.

Но в последний момент он не захотел называть ни имени убитого бандой, ни конкретное место его захоронения.

Затем сюда же на воспроизведение следственную группу привел и Нестеров.

И вот тут-то и случился общий стоп.

С немецким педантизмом парни из милицейской части под моим «чутким руководством»¹ рыли траншеи и ямы в местах, где показывал Нестеров.

Но Броварский лес упорно останки потерпевшего не отдавал.

¹ Реплика товарища Бывалова из х/ф «Волга, Волга», 1938 г.

В установлении анкетных данных убитого тоже выходила заминка.

Нестеров потерялся во времени, эпизодах, обстоятельствах и, самое главное, месте захоронения.

Цепь бесконечных убийств, слежка за жертвами, вырытые ямы перепуталась у него в голове.

Разумеется, я, как мог, пытался помочь Нестерову вспомнить место.

Он даже вместе с двумя солдатиками носил третьего, по комплекции схожего с потерпевшим, от места остановки машины в направлении предполагаемого захоронения тела.

Но память мышц не срабатывала.

Все было тщетно.

Через полтора месяца, когда километр Броварского леса превратился в сплошную полутораметровую яму и начал чем-то напоминать декорацию для съемок фильма о далеком космосе, я попросил Хамулу «раскопки» прекратить.

Увы,

Но тогда перспективы обнаружения трупов установленных нами потерпевших так и остались теперь уже просто перспективами.

И вот именно тогда со мной произошло событие, которое по прошествии многих лет —

Я знаю.

Я уверен.

Я буду помнить до конца.

Глава 42

Каждого, читающего гороскопы, верящего в приметы или, не дай Бог, рассказывающего о каких-то там чудесных событиях оперской коллектив, как правило, поднимает на смех.

Меня все эти «забобоны» тоже никогда не волновали.

Причем, не волновали в принципе.

Не волновали — до того самого случая.

Об окончании «раскопок» в ту пору речь уже даже не шла. И каждый из нашей оперской команды,

Именно команды,

Которой мы тогда стали,

Смирился с тем, что больше никаких останков потерпевших мы уже не обнаружим.

Вот именно тогда мне приснилось, как это у Ильфа и Петрова:

«Эпполе-эт, — прогремела она, — сегодня я видела дурной сон. Слово «сон» было произнесено с французским прононсом»¹.

Только вот сон мой был не только полностью свободен от французского языка, но и на звание «дурного» даже тогда, в самом начале летнего утра 2002 года, никак не претендовал.

В своем сне я стоял в лесу в свежевырытой огромной яме, где находились останки мужчины.

Осмотревшись по сторонам, чтобы выбраться, я поднял голову. Надо мной были высокие сосны, что своими вершинами почти закрыли висящее ярко-голубое небо, по которому солнце уходило в закат.

Придал ли я тогда этому какое-либо значение?

Конечно же, нет.

Единственное, что тогда меня несколько насторожило, так это мысли о том, что от всего пережитого у меня потихоньку начинается «ехать крыша».

¹ «Двенадцать стульев». И.Ильф, Е.Петров.

И тогда, немного придя в себя и собрав остатки сил на восстановление неожиданно и так глупо утраченного душевного спокойствия, я набрал полную грудь воздуха и продолжительно выдохнул.

А затем,

И вовсе списал появление таких вот странных ночных цветных картинок на вполне логичное нервное истощение в результате почти трехмесячной бесперывной работы.

На следующее утро следователи городской прокуратуры начали допрашивать Нестерова, и Хамула был вынужден провести рокировку.

Один из двух штатных киллеров милицейской банды, Мельников, был отдан мне на дальнейшую оперативную отработку.

Он оказался как бы в моем распоряжении.

Но долгих бесед об обстоятельствах его преступной деятельности у нас не получилось.

Через несколько дней, в перерывах между следственными действиями, Мельников согласился указать место еще одного захоронения убитого бандой потерпевшего.

Произошло это в моем рабочем кабинете совершенно неожиданно. Причем, не только для меня, последние несколько дней настоятельно уговаривающего Мельникова покаяться. Но и для мимоходом зашедших оценить мой дар убеждения Хамулы вместе со старшим следственной группы из городской прокуратуры Базуркаевым.

19 июля 2002 года.

В который уже раз, собрав большую следственно-оперативную группу, взяв солдат-милиционеров, мы теперь уже в компании с Базуркаевым колонной ехали в направлении города Бровары.

Когда Мельников под видеозапись воспроизведения указал на извилистую проселочную дорогу,

Именно ту дорогу, на которую в свое время указывал Свердлов,

А потом ее еще полтора месяца, выбоина за выбоиной, изучал я, возя на «раскопки» Нестерова,

Мое душевное равновесие начало меня покидать, и я стал произвольно отсчитывать поворот за поворотом.

Я еще надеялся, что место, которое укажет Мельников, будет другим.

Но мы приехали именно туда, где метр за метром, и так целый километр, мною вместе с Игорем Прикладовским была

тщательно изучена поляна, я молниеносно очутился в состоянии стопроцентной готовности, так, для «разогрева», для «куража», Мельникова «загрызть».

И вот тогда произошло то, что произошло.

Мельников со свойственным ему спокойствием прошел весь тот путь, что еще вчера указывал мне Нестеров. Но в самом его конце он указал не в сторону созданного моей настойчивостью, граничащей с ослиным упорством, «лунного пейзажа», начинавшегося от лесной дороги метрах примерно в ста.

Он уверенно указал на место метров за пятнадцать до начала «тщательно исследованного» мною направления.

Целых полтора месяца на эту маленькую полянку, что в начале «раскопок» была покрыта травой, а затем вытоптана почти в асфальт большим количеством снующих туда-сюда людей, никто не обращал внимания.

Целых полтора месяца каждый день я и мои коллеги ходили по ней в надежде, что сегодня — это последний раз, и мы наконец-то обнаружим останки.

И все это время над нашими головами так же, как и тогда, вставало и садилось солнце.

Когда солдаты начали копать первую яму, Мельников под включенную видеокамеру, не переставая, говорил о том, что над захоронением было набито стекло.

Но стекла не было.

Мое «неоднозначное» внутреннее состояние от такого количества собравшихся воедино обстоятельств на этом за столько месяцев, как мне тогда казалось, тщательно изученном клочке земли ожидаемо переместилось во «внутреннюю истерику».

А когда первая свежая яма привычно оказалась пустой, мне уже прямо-таки было невтерпех, как минимум, «стать омерзительным в своих выражениях».

Но я снова и снова «тренировал» самообладание. А Мельников упорно продолжал утверждать, что труп потерпевшего был зарыт именно здесь.

И в тот момент, когда мое внешнее спокойствие, мои надежды, мое терпение заканчивались практически одновременно, один из солдатиков ткнул лопатой в грунт рядом с вырытой только что ямой и прямо угодил в осколки стекла, скрытые тонким слоем земли.

Это был очередной, уже седьмой труп.

Останки сорокалетнего мужчины с кляпом во рту, с обмороженным лицом и связанными тем же скотчем за спиной руками.

Я стоял в свежевырытой огромной яме и еще раз, для собственной уверенности, сверял перечень одежды со сводки о без вести пропавшем Селиверстова с одеждой на обнаруженных только что останках.

В этот раз бандиты даже поленились снять с убитого одежду.

И, без сомнения, это был труп похищенного бандитами в июне 2000 года Евгения Селиверстова.

Чтобы выбраться из ямы, я поднял голову вверх.

Там были вершины сосен, кусок яркого и от этого какого-то неестественного голубого неба с уходящим в закат солнцем...

Каждый приходит к храму своей дорогой.

Кому-то для веры даже необходимо помучиться, потерять, пережить или преодолеть.

У каждого он свой, этот его путь.

Тем летним днем 19 июля 2002 года я стоял между погружающимися в закат соснами и никак не реагировал ни на только что приехавшего и жавшего всем руки со словами благодарности Хамулу,

Ни на суетящихся вокруг участников следственной группы.

Мою уже начинавшую сесть голову, мою грудную клетку разрывала не дающая мне больше ни о чем другом думать, не позволяющая мне свободно дышать, ворвавшаяся в мое сознание и теперь больше ничем и никогда неоспоримая, твердая уверенность,

Что внезапно и совершенно неожиданно для меня самого вырвала прямо из моего сердца только два слова:

«Я верую».

Глава 43

Обнаружение останков Евгения Селиверстова было еще одной нашей, если в этом, конкретном случае можно так выразиться, дежурной, а еще — общей победой. После чего, теперь уже в следственном порядке, были установлены все обстоятельства последних дней его жизни.

Гончаров питал к сорокалетнему Евгению Селиверстову особую ненависть. Ведь он до последнего вздоха посмел проявлять мужские качества, противопоставить которым маленького роста, с желтым цветом лица худощавый маньяк,

Привыкший иметь над потенциальной жертвой со сломанной волей полную власть,

Мог только разве что еще более изощренные, чем было заведено в банде, издевательства, еще более мучительную смерть.

Как попал в поле зрения бандитов Селиверстов?

Да и вообще, как в него попадали все установленные следствием потерпевшие?

Этот пробел не был восполнен следствием только потому, что о первоначальной слежке, похищении и убийстве всех за редким исключением заложников решение принимал Гончаров лично.

Это было его никем не оспариваемое в банде право.

Из показаний того же Нестерова, когда Гайдай только попытался предъявить претензии на лидерство и посягнуть на право Гончарова о принятии решения на выбор кандидата на смерть, Гончаров — нет, не вышел из себя и не превратился в обросшего шерстью зверя.

В одну секунду его никогда не претендовавшее на пышущее здоровьем лицо стало не просто неестественно бледным — оно превратилось в лицо мертвеца с ярко-желтыми горящими глазами.

После увиденного тогда никто из участников банды «перетягивать на себя одеяло» больше не решался.

Но Гончаров показаний не давал, предоставив нам, его разработчикам, решать этот ребус самим.

Каждый раз, начиная изучать обстоятельства жизни и смерти взятых в заложники бандой ее жертв, перебирая все предшествующие события по тому или иному эпизоду, оставалось только предполагать мотивы Гончарова.

Хотя, опять же, делать это можно с большой долей уверенности.

Так, Евгений Селиверстов попал в поле зрения Гончарова в связи с тем, что главным его занятием в жизни были незаконные валютные операции на площади Победы, у столичного универсама «Украина».

Для валютчиков, так называлась его профессия, это место стало почти как «Поле чудес» из сказки о Буратино.

Это была такая игра,

Когда на колебании курса доллара при его купле-продаже зарабатывались приличные состояния.

Государство, разумеется, к ней не привлекалось.

А еще площадь у универсама «Украина» была любимой вотчиной Гончарова, обстановку на которой он отслеживал вплоть до своего ареста.

Более того, после непродолжительного мытарства в налоговой милиции на «вольные хлеба» отправился и наш с Гончаровым бывший коллега по Радянскому отделу Киевского УБОП Амдеенко*

Он моментально «вынырнул» на пяточке у универсама, где с энтузиазмом подключился к игре в «валютную копеечку».

В ходе следствия так и не было доказано участие Амдеенко* в банде.

А вот на тех «конфузных» историях, которые начали происходить с его появлением в узких «валютных кругах», хочется остановиться поподробнее.

В самом начале его трудовой деятельности на новом месте сразу же на несколько порядков увеличилось число грабежей валютчиков. Причем, все они совершались после «тяжелого трудового дня», под их парадными.

А затем Амдеенко* и вовсе с позором был изгнан из «отряда соискателей». Причем, по подозрению в наводке бандитов на валютные киоски своего работодателя. Когда, показав удостоверение работника милиции, неустановленные лица отобрали деньги у испуганного кассира, что в это время, наверное, думал о хорошем, мирно пересчитывая дневную выручку, удобно устроившись в валютном ларьке. Причем, выручка составляла ни много ни мало — двадцать тысяч долларов.

Но все это случилось несколько позже, уже после похищения и убийства Селиверстова.

А пока бывшие коллеги «встречались» у универсама и долго разговаривали.

Знал ли Амдеенко* о слухе, который ходил по площади Победы, о том, что Селиверстов заработал серьезные деньги на реализации когда-то купленных за бесценок векселей одного из харьковских заводов?

Если он к тому времени внезапно не оглох, то, разумеется, знал.

Хотя в материалах следствия есть и иная версия о том, почему Гончаров выбрал именно Селиверстова.

Согласно ей, они общались лично, что, кстати, бесспорно. И что о своих удачах на валютном рынке он, Селиверстов, якобы рассказал Гончарову сам.

Но, на мой взгляд, мое предположение тоже имеет право на существование.

Ведь мне до сих пор трудно себе представить хорошо заработавшего на незаконных валютных операциях человека, регулярно дающего об этом объявление в милицейскую газету.

Похищение Евгения Селиверстова не претендовало на оригинальность и даже не отличалось какой-либо бандитской фантазией.

Теплым летним утром 15 июня 2000 года вышедший в шортах к своему гаражу в кооперативе «Батыевский», расположенному рядом с его домом по улице Заломова, 1, Евгений Селиверстов исчез.

Затем он позвонил жене и сообщил, что его похитили неизвестные. И, разумеется, попросил, чтобы она собрала выкуп — семьдесят тысяч долларов.

Человекоподобные в эпизоде с похищением Селиверстова себе не изменяли:

Проблесковый милицейский маяк на автомобиле,

Форма сотрудника милиции, в которую был одет работник управления криминального поиска Лысенко — а ему, кстати, по служебной инструкции это было делать категорически запрещено,

Мельников и Кеппель, изображающие «оперов», с соответствующими милицейскими удостоверениями.

Ну, и Гончаров, по причине личного знакомства с потерпевшим осуществляющий общее руководство и взирающий на все происходящее из подворотни.

Кстати, с похищением Селиверстова не все было так, как хотелось бандитам.

Только с третьего раза он вышел в гараж один, чем прекратил серию ранних подъемов, совещаний и засад, начавшихся для банды еще 13 июня. И все это без учета взятой за правило преступниками в таких случаях предварительной подготовки с отслеживанием образа жизни потерпевшего.

Если к этому еще прибавить активное сопротивление, которое оказал Селиверстов, когда понял, что его похитили, и его попытку вырваться из рук бандитов во время того, как они пересаживали его из одного автомобиля в другой на пустыре рядом с его домом,

И умножить на принципиальную позицию его жены, о которой позже,

То особая, повышенная нервозность Гончарова в этом эпизоде, о которой говорит Нестеров в своих показаниях, вполне объяснима.

С кляпом во рту, с обмотанными скотчем не только руками, но и лицом, постоянно избиваемый Селиверстов еще пять суток сидел на цепи в доме в Броварах, по улице Ивана Сирко, 9.

Пять последних суток его жизни.

И все это время бандиты от злости и досады на невозможность получить выкуп измывались над своим обреченным пленником, причиняя ему физические страдания.

А затем, вволю упившись своей упыриной властью, за ненадобностью его задушили.

«Удовольствие» лишить Селиверстова жизни Гончаров, взяв в помощники Мельникова, Нестерова и Вознюка, привычно оставил за собой.

Из показаний Нестерова, всегда осторожный Гончаров перед убийством даже с неприкрытой бравадой показался обмотанному скотчем и сидевшему на полу Селиверстову.

Сделал он это намеренно или произвольно, сейчас сказать сложно. Но если учесть тот факт, что жена Селиверстова, собрав, по его мнению, такую незначительную часть от требуемого выкупа в размере восемнадцати тысяч долларов, сначала отказалась их оставить на требуемом Гончаровым месте,

А затем и вовсе обратилась с заявлением о похищении мужа в столичный УБОП, о чем Гончарову сообщил Гайдай, то стальная выдержка у упыря могла тогда и не выдержать.

К состоянию бессилия и злости, и ввиду этого объяснимого для садиста желания сделать как можно более родствен-

никам жертвы, можно причислить приведенную мною ранее, брошенную после провала получения выкупа Мельниковым по телефону жене Селиверстова фразу, что ее муж «уехал за Валей».

За валютчицей Ларионовой Валентиной, историю об исчезновении которой хорошо помнили все обитатели «валютного пяточка» у универсама «Украина» с осени 1996 года.

Летом 2000-го, все пять последних дней жизни Евгения Селиверстова, именно опера из «бандитского отдела» отчаянно пытались задержать преступников. Но теперь, точно зная количество предателей-осведомителей Гончарова, шансов у них тогда не было в принципе.

Хотя, Гончаров в конечном итоге от получения выкупа за свою очередную жертву отказался.

Похищение и убийство Селиверстова, на мой взгляд, – один из наиболее расследованных эпизодов преступной деятельности милицейской банды.

И именно он дает достаточно четкий ответ на вопрос о причастности бандитов к нераскрытому похищению летом 2001 года Счевой*

В обвинительном заключении по эпизоду убийства Евгения Селиверстова тщательно выписано разделение ролей в банде.

Для получения выкупа Гончаров поделил их на три группы:

Группу слежения за домом потерпевшего,

Группу, что «водит» жену Селиверстова с выкупом по ложным местам для его передачи,

Группу непосредственного завладения деньгами.

Причем, Нестеров, входивший в третью, был Гончаровым «из бандитских закров» вооружен пистолетом и гранатой.

И если даже бутафорское ружье на сцене обязано непременно выстрелить, то питать иллюзии о целях такой вот «милитаризации» нет никакого смысла.

Но Спаситель тогда сохранил жизнь моим коллегам, дав возможность части из них уже через два года защелкнуть на руках душегубов наручники.

Сам же Гончаров в компании с Лысенко в эпизоде с похищением и убийством Евгения Селиверстова с присущей исключительно бандитским главарям «сообразительностью» возложил на себя почетную обязанность ожидать полученный выкуп.

Они терпеливо сидели в автомобиле на противоположной стороне лесопосадки, через которую, по плану, Нестерову нужно было пробежать с полученными за освобождение Селиверстова деньгами.

А в это время группа слежения докладывала Гончарову обо всех передвижениях «путешествующей» по городу жены Селиверстова с выкупом, во время которых бандиты проверяли плотность ее оперативного сопровождения.

И если сложить в одно целое все установленные следствием обстоятельства эпизода Селиверстова, а после этого вернуться к подробностям похищения Счевой*, то тут нужно признать, наверное, самое главное:

С каждым годом банда Гончарова становилась все более и более изощренной, а соответственно, еще более опасной.

А еще – сделать неутешительный для себя вывод,

Что милицейское звание и фамилия автора позора столичного Управления по борьбе с организованной преступностью на Русановских садах ровно через год, после похищения и убийства Евгения Селиверстова, летом 2001 года, напрашивается сам по себе.

В августе же 2001 года в эпизоде со Счевой* «бандитский отдел» уже под руководством Хамулы снова испытал на себе «обкатанную схему».

«Обкатанную» тогда в том числе жизнью Селиверстова.

После того, как его похитители перестали выходить на связь, дело, по установившейся милицейской традиции, пере-квалифицировано в убийство не было.

Оно так бы и осталось пылиться на полке в розыском отделе уголовного розыска. Но жена «без вести пропавшего», не придумав ничего более умного, через три месяца после пропажи благоверного поменяла его на другого.

И тогда родители Евгения Селиверстова, люди почтенного возраста, обвинили, что вполне логично, свою бывшую невестку во всех смертных грехах.

Начиная, конечно же, с организации похищения их сына.

Их жалобы и заявления упали листовками с неба на все без исключения институты власти. И отвечать на них по установленному порядку пришлось операм из уголовного розыска.

Когда летом 2002 года я приехал за розыскным делом Селиверстова в Радянский райотдел милиции столицы, то измученные с 2000 года жалобами коллеги из уголовного розыска с не-

скрываемым удовольствием, где-то граничившим со счастьем избавления, выдали мне его без колебаний и раздумий.

А еще, если бы я тогда только «возжелал», то они донесли бы меня до служебной машины на руках.

Раскрытием похищения и убийства Евгения Селиверстова подорванный авторитет «бандитского отдела» был окончательно восстановлен.

Расследование же самого эпизода о похищении ввело в разработку по уголовному делу целую группу лиц.

А еще высветило целый перечень интереснейших обстоятельств, к оценке которых прокурорское следствие так и не дошло.

Так, на горизонте появился некто Тердохлеб*, роль которого так и осталась до конца не отследленной. Хотя он и прошел свидетелем через два эпизода уголовного дела.

Свидетелем через две смерти.

Еще осенью 2000 года, когда я работал в межрайонном отделе столичного УБОП, по личной просьбе Хамулы, которого, в свою очередь, попросил генерал Актион*, я задержал Тердохлеба* как обвиняемого по вымогательству.

Кстати, ну очень сомнительному, сомнительному и еще раз сомнительному вымогательству.

Именно этот факт тогда очень заинтересовал Гончарова.

А тогдашние его откровения со мной в конечном итоге выстроили в логическую цепь его причастность к похищению и убийству Гельфонда.

А уже через год,

Когда мое оперативное дело «Снегири» уже двигалось к началу реализации, после анализа всей полученной оперативной информации мне даже удалось просчитать одну из следующих жертв, намеченную Гончаровым.

Причем, сделал я это без особого труда.

Уж с очень искренним упоением Гончаров говорил о золотой кредитной карточке Тердохлеба*.

А еще о его недвижимости.

Почему я акцентирую на этом внимание?

При более тщательном изучении эпизода с похищением Селиверстова мною был установлен пропущенный или проигнорированный операми из «бандитского» в 2000-м звонок с мобильного телефона похищенного Селиверстова на домашний телефон Тердохлеба* и его компаньонов.

А ведь цель этого звонка была очевидна.

Гончаров, обладая оперативными возможностями в «бандитском отделе», тогда хотел и все для этого сделал, чтобы Тердохлеба* по данному факту, как минимум, допросили.

Зачем это было Гончарову?

Летом 2002 года, сам того не понимая, в разговоре со мной Тердохлеб* ответил на этот вопрос.

Он рассказал, что уже долгое время «дружит» с неким Зацевым*. Он его называл «Зайчиком».

О существовании этого «коллеги» я тоже хорошо знал.

Ведь «уши Зайчика» торчали отовсюду.

Отдел налоговой милиции, которым он руководил, находился на одном этаже с двадцать первым отделом УБОП Киева на улице Старовокзальной, 12.

Более того, в 1997 году именно Зацев* был начальником Боярского отдела УБОП в Киевской области. В котором, до «заслуженной пенсии» несли свою «нелегкую службу» Гончаров и Михайленко.

За ненадобностью можно смело избавить себя от трудов просчитывать, откуда Гончарову стал известен домашний телефон Тердохлеба* и его компаньонов по бизнесу.

Когда в июне 2000 года позвонил мужчина и сообщил, что Селиверстов похищен и деньги на его счет переведены, то, по замыслу «автора», он был должен прийти за помощью именно к «Зайчику».

А он, как назло, пошел с заявлением в прокуратуру.

И тогда, в июне 2000 года, предполагаемый «спаситель» из-за доведенной Тердохлебом* до состояния болезненной своей мании преследования, по всей вероятности, ему «не сгодился». А вот через два года, в мае 2002-го, если бы не начавшаяся реализация дела «Снегири», то уже сам Тердохлеб* «сгодился бы» Гончарову.

Причем, теперь — исключительно в роли кандидата на «путешествие» в сторону Броварского леса.

Ведь именно за этот промежуток времени Тердохлебу* в воспаленном и требующем постоянных смертей мозгу Гончарова удалось пройти путь от почти лояльного звания его «хомячка» до ненавистного штампа «жирного гончаровского кота».

Глава 44

В день похищения Виктора Яроша, 16 августа 1999 года, Гончаров был верен себе и новых схем не придумывал.

Для бандитов все выглядело буднично, даже рутинно.

Слежка, подготовка фиктивных документов под задержание, утренняя засада, выслеживание жертвы по городу, ее похищение под «родным», привычным видом работников милиции в форменной одежде.

Все это у банды было неоднократно, и поэтому доведено ими до автоматизма.

Хотя от почти рутинной скуки и ее будничного безразличия бандитов все же отвлекали те самые нюансы.

В первый раз в похищении потерпевшего участвовал не установленный в процессе разработки банды работник органов внутренних дел с псевдонимом Руслан.

На «боевое крещение» он даже надел форменную одежду, что ему опять же, как тогда действующему сотруднику службы криминального поиска, было категорически запрещено.

Цель для бандитов, поставленная Гончаровым, была тоже вполне осязаемой.

Драгоценные камни.

И если с дополнительным желанием Гончарова «засветить» и «замарать» участием в убийстве Руслана все предельно ясно, то с самими алмазами есть много белых пятен.

То, что тридцатипятилетний Виктор Ярош занимался продажей драгоценных камней, было установлено в следственном порядке.

А вот с их происхождением не все так просто.

Откуда появились алмазы у Яроша, неизвестно. Но то, что они были контрабандными, говорят в один голос все бандиты, участвовавшие в его похищении и убийстве.

Когда один ювелир передает под реализацию неучтенные камни другому, то, помимо конфиденциальности, конечно же, такие действия основаны исключительно на доверии.

Где же доверие подвело Яроша?

Увы, но это следствие так и не установило.

Хотя я могу утверждать почти со стопроцентной уверенностью, что знаю это звено.

Его условно можно назвать «гостиница «Салют».

Именно туда, а если быть точным, то в ювелирный магазин, по моему предположению, он сдавал приличное количество контрабанды.

Августовский день его похищения исключением не было.

Затем со всем тем, что еще осталось, Ярош отправился в Политехнический институт, у корпуса которого он и был похищен.

Причем, похищен нагло и цинично, среди бела дня.

О дерзости бандитов и их вере в свою безнаказанность я написал уже достаточно. Но тот факт, что ясным днем Яроша не только задержали и затащили в машину,

А затем еще и обыскали его дипломат, причем, на капоте его же автомобиля,

С милицейскими удостоверениями, протоколом, понятиями, привычную для себя роль которых играли Свердлов и Вознюк.

Даже по прошествии стольких лет сложно комментировать,

Почему во всей этой истории следствие не смогло или не захотело твердо доказать только один оперативно установленный факт — что хозяином ювелирного отдела по производству украшений в гостинице «Салют», куда заезжал Ярош в день своего похищения, был Тердохлеб*?

Осенью 2000 года, во время обыска все по тому же «спорному вымогательству», в загородном доме Тердохлеба* среди огромного количества ювелирных изделий мое внимание привлекли огромные золотые бусы в форме человеческих черепов, у которых вместо глаз блестели маленькие алмазы.

Тогда я еще подумать не мог, что бриллианты на странных бусах, заказать которые мог, на мой взгляд, только очень нездоровый человек, — это капли слез, пролитых родственниками по Ярошу.

А один из умело сделанных золотых черепов — то, что осталось в память о нем в земле Броварского леса.

Желанных драгоценных камней в вещах Яроша бандиты так и не нашли.

Их добычей стала алмазная крошка, автомобиль потерпевшего марки ВАЗ и пятьсот долларов, взятых у сестры Яроша под предлогом «срочного ремонта его автомобиля».

С этой просьбой Ярош, разумеется, звонил сестре лично.

Гончаров задушил Яроша удавкой на грязном полу в доме в Броварах.

Ни Тердохлебу*, ни Зацеву* обвинения в соучастии в убийстве Яроша предъявлены не были.

Они отделались процессуальным состоянием свидетелей и прилагающимся в таких случаях легким испугом.

А вот установление анкетных данных участника банды с псевдонимом «Руслан», выполнявшего, в основном, функции наружного наблюдения, для меня остаются темным пятном.

Когда в компании Юрия Нестерова и Игоря Прикладовского я в очередной раз вернулся с неудачных «раскопок» из Броварского леса, Хамула показал мне фотографию Руслана.

Со снимка на меня смотрел капитан милиции Сергей Кисилевич.

Это был именно тот красномордый неандерталец, которого в незабвенном 1996 году я часто видел в компании Гончарова на улице Старовокзальной.

Тот Кисилевич, который еще до моего перехода в «гончаровский отдел» работал там младшим инспектором.

Тот работник отдела Киевского УБОП, у кого был якобы похищен и сожжен бандитами служебный автомобиль отдела, в огне которого, я ничуть не сомневаюсь, сгорели доказательства еще одного совершенного бандой, нераскрытого убийства.

Тот гончаровский протезе, что после увольнения по служебному несоответствию в январе 1996 года чудесным образом,

Благодаря, конечно же, еще одному участнику банды, подполковнику Лысенко,

Уже в сентябре того же года всплыл не где-нибудь, а в святой святых МВД – министерском управлении криминального поиска. А затем, в 1998 году, перевелся в аналогичную службу Киевской области.

Я рассматривал фотографию Руслана-Кисилевича, и мне стало просто неловко перед Сергеем Владимировичем.

А еще обидно.

Находясь в процессе постоянной борьбы то за выживание в УБОП, то в мыслях, когда и куда мне идти дальше, я просто выпустил его из вида. И не примерял к составу банды.

А зная слабость Гончарова к окружению себя идиотами, мог бы. Задержан был Кисилевич на удивление ровно.

На «сложно-понятном» русско-украинском, лежа на полу микроавтобуса спецподразделения «Сокол» с застегнутыми за спиной наручниками, он без конца выкрикивал, что у него в заднем кармане брюк милицейское удостоверение:

«У мене ксива у задній кишені, ксива, ксива!»¹

Будто это было для кого-то большим секретом.

¹ «У меня в кармане служебное милицейское удостоверение». — украинско-российский милицейский суржик.

Глава 45

*Кошка, однажды присевшая на горячую печку,
Уже никогда на нее не сядет —
И хорошо сделает. Но она уже никогда не
Сядет и на холодную.*

Марк Твен

С конца весны до середины лета, бегая с высунутыми языками, все мы как-то упустили, что Киев, в сущности, является большой деревней.

И вдруг, как это обычно бывает с «вдруг», в одно теплое летнее утро 1 августа 2002 года в газете «Сегодня» появилась первая статья о давно и громко звенящем деле.

И в то утро весь наш «бандитский отдел» проснулся знаменитым.

А еще именно с того момента история украинской милиции, да и, пожалуй, всей страны была разделена на две части.

На «до» и «после».

Ведь именно тогда, с легкой руки журналиста Александра Корчинского, банда милиционеров-убийц стала «бандой Оборотней».

По большому счету, первая статья была для Корчинского «пробным шаром».

Он не владел, да и не мог тогда владеть практически никакой реальной информацией.

Комментировал задержание милицейской банды работник прокуратуры, который, судя из текста газетной статьи, о подробностях дела тоже имел смутное представление.

Проснулась ли в нас профессиональная гордость?

Скорее, нет, чем да.

Ведь тогда для всех нас, оперов «бандитского», это было лишь легким дополнением к состоянию тогда еще заставляющей не замечать накопившуюся усталость эйфории от одержанной победы.

А еще до выхода этой статьи в газете «Сегодня» в июле 2002 года был заполнен неестественный для милиции вакуум отсутствия фигуры начальника столичного УБОП.

На место «внезапно выбывшего» генерала Актиона*,
Благодаря личному руководству ликвидацией милицейской банды был назначен тогда уже «суперзнаменитый» во всех милицейских, прокурорских, журналистских и чиновничьих кругах, газетах, а еще среди простых граждан,
Сергей Владимирович Хамула.

И тут в поведении моих коллег из аппарата УБОП Киева произошли серьезные изменения.

После истории с концерном «Фрейликс»* все они меня откровенно сторонились. И вдруг, как по команде, со мной начал, да еще и первым, здороваться не только оперативный, но и весь без исключения руководящий состав управления.

Всех моих новых, опять теперь уже «внезапно хороших» знакомых моментально заинтересовало, как я поживаю.

Хотя последний год это их совершенно не волновало.

Наши новые, теперь уже ставшие долгими рукопожатия были дополнены неожиданно добрыми и преданными взглядами, к которым прилагались искренняя теплота, участие, сочувствие и даже неприкрытая попытка со мной подружиться.

Вначале я попросту опешил.

Ведь теперь каждый раз после такой вот теплой, не побоюсь этого слова, душевной встречи мне так и хотелось воскликнуть: «Ах, с какими все-таки чуткими людьми бок о бок мне повеселилось работать!».

Бесперывно думая о бриллиантах тещи в одном из двенадцати стульев гарнитура, Ипполит Воробьянинов¹ мечтал о ласковой преданности и упоительно дорогих желтых кальсонах.

И вот теперь как-то неожиданно смена цветовой гаммы кальсон с прилагающимся к ним «счастьем» случилась и у меня.

Внезапно выпрыгнувшая действительность стала еще одной неизвестной «гранью» правоохранительной системы.

Хотя у всяких милицейских изменений, даже если они и относятся к категории неожиданных, должны быть — и они есть, эти неожиданные объяснения.

Нашлись они и в тот раз.

Причем, к моему глубокому сожалению, они, объяснения, никак не касались признания моего личного участия в ликви-

¹ Ипполит Матвеевич Воробьянинов по прозвищу Киса — персонаж романа «Двенадцать стульев». И. Ильф, Е. Петров.

дации банды Гончарова, что уже тогда потянула за собой раскрытие одиннадцати убийств.

Настоящая причина таких вот чудесных изменений скрывалась в бескрайних луганских степях, что были нашей с Сергеем Владимировичем Хамулой общей исторической родиной.

Вот именно из-за них все той же «ментовской молвой» я был произведен в его доверенное лицо. Что, кстати, вызывало наш с Сергеем Владимировичем общий хохот.

Вот и верь после этого в милицейское доброе, а самое главное — вечное.

Само же назначение Хамулы на должность начальника столичного УБОП стало за всю мою милицейскую бытность, пожалуй, первым, и, к сожалению, последним случаем, когда на роль руководителя такого ранга назначали за признание заслуг в раскрытии такого уровня преступления.

По прошествии стольких лет Сергей Владимирович стал одним из немногих моих хороших приятелей из милицейской среды. Но чтобы это утверждение стало настоящим, должно было пройти целых семь лет.

А тогда я пришел к Ивану Косенко.

Из-за моей постоянной беготни наши с ним встречи становились все более редкими. Находясь в той огромной группе настоящих и бывших сыщиков, что искренне были ошарашены известием о Гончарове, его милицейской банде и совершенных убийствах, прочитав ту самую газетную статью, Косенко мне позвонил сам.

С напускным оперским спокойствием я рассказывал Ивану Митрофановичу подробности, пытаюсь понять, где сейчас застряли его мысли — то ли в истории личных соприкосновений с арестованным бандитским главарем, то ли в том сентябрьском дне 1995 года, когда он «за руку» привел меня к Гончарову, перевернув с ног на голову всю мою дальнейшую жизнь.

Путешествия по «волнам памяти» у Косенко закончилось вместе с окончанием моего рассказа.

А потом еще долго в дешевом кабаке за бутылкой водки сидели двое изрядно потрепанных милицейской службой «легалых».

Ученик, в эйфории желавший непременно «объять необъятное», и учитель, проверивший лично на себе, как это бывает, когда не хватает той самой длины рук.

Глава 46

В августе у меня случился отпуск.

Оставив «военные действия», которые к тому моменту приняли позиционный характер, мы с Игорем Прикладовским отправились в неестественный для оперов, но заслуженный августовский отдых. Который, как, впрочем, и все отпуска, что в милиции, как правило, случаются не жарким, душным, знойным летом, пролетел незаметно.

А когда мы, отдохнувшие и загорелые, в сентябре переступили порог ставшего давно родным «бандитского отдела», нас с Игорем ожидала просто-таки череда так нелюбимых мною в милиции новостей.

Первым по значимости было известие о новой подследственности дела № 62-2222.

Еще в августе, после газетных публикаций, расследование преступлений, совершенных милицейской бандой, было взято под контроль Президентом Украины.

Тогда это был Кучма.

После этого уголовное дело снова двинулось по инстанциям. И в конечном итоге оказалось в производстве во вновь созданной следственной группе теперь уже Генеральной прокуратуры.

Возглавил ее «извлеченный» высшими прокурорскими силами из анналов одного из районов Ровненской области старший следователь Генеральной прокуратуры, уверенно приближающийся к своему тридцатилетию, Олег Гарник.

Наша с ним встреча со стороны выглядела, наверное, очень забавно.

С одной стороны стола сидел «непростой», высокий и худощавый парень с умным взглядом и приобретенными совсем недавно столичными амбициями. С другой вальяжно развалился на служебном стуле еще вчера рядовой, а теперь уже обрастающий жирком матерый убоповец, «поймавший звезду».

Если коротко, то у нас были в наличии все задатки начать «бодаться».

Даже без причины, просто так.

Но то ли понимание того, что нас впереди ждут несколько лет совместной работы,

То ли национальная черта Гарника, произрастающая из народной мудрости: «трошки подивлюсь, а потім...»¹, что была умножена на мою, без ложной скромности, «врожденную коректность»,

А скорее всего, прагматичное желание Спасителя сделать из нас одну команду заставило нас при первой встрече выпить по чашке кофе и тихо, украдкой, выдохнуть.

Сейчас я даже не могу представить, кто, кроме Олега Гарника, с его аккуратностью и педантичностью следователя и одновременно хорошей прокурорской наглостью, основанной на светлой голове и достойном профессионализме, мог организовать расследование такого непростого дела.

Но тогда, изучив внешний вид, замешанный на мутном коктейле молодости и дерзости, я даже напрягся.

В конце концов, что можно было ожидать от еще только недавно точь-в-точь вот такого себя вчерашнего?

А еще после отпуска я таки поучаствовал в «раздаче слонов».

Меня ждало назначение начальником отдела разведки УБОП столицы, куда за собой я «перетащил» Игоря Прикладовского.

И хотя это назначение для меня было только де-юре, ведь я занимал должность старшего следственно-оперативной группы по делу от УБОП в Генеральной прокуратуре, но милицееское счастье тогда все-таки «постучало в мои двери».

Де-факто отделом еще с 1990 года руководил находившийся на «нелегкой» разведывательной службе подполковник Оейник* Заместителем у него числился мой однокашник по Академии внутренних дел, тоже подполковник, Домарацкий.

Но самое то ли магическое, а скорес, смешное во всей этой истории с моим назначением было то, что территориально отдел разведки находился именно в тех помещениях на улице Старовокзальной, 12, где когда-то работал свою бандитскую «работу» Гончаров в двадцать первом убоповском отделе столицы.

В правоохранительной системе к рабочим кабинетам давно уже царит трепетное отношение. Да и в милицееском фоль-

¹ «Пока посмотрим, а потом...» – укр.

клоре достаточно много легенд ходит о том или ином оперском рабочем месте.

Вновь прибывшему всегда рассказывают о том, что вот именно с этой точки, с которой он теперь начинает свое оперское плавание, стартовал тот или иной теперь уже заслуженный генерал или большой руководитель.

Но легенды об их карьерах все же тускнеют по сравнению с тем или иным шлейфом событий, которые отдельной, особой «славой» тянутся за все теми же оперскими рабочими столами.

Так вот, в Печерском районном управлении по необъяснимому стечению обстоятельств я начал свой оперской путь именно в том кабинете, с которого в 1985 году начинал свою «людоедскую карьеру» Гончаров.

И вот уже в 2002-м моя серия совпадений с ним снова меня догнала.

А еще за каждым сыщиком тоже тянется шлейф анекдотичных историй, приключений или из ряда вон выходящих событий, что превращаются либо в байки, передающиеся из уст в уста, либо в поучительные примеры, периодически всплывающие на оперативных совещаниях и предзнаменуемые словами: «Смотри, а то доиграешься, как...».

А вот теперь, упустив в своем последующем повествовании всегда такое безотказное командирское «смотри...», что теперь утратило свою прежнюю еще вчера актуальность, давайте обратимся к услышанному мною на оперской пьянке застольному рассказу, тянувшемуся за Гончаровым еще с Печерского уголовного розыска.

Вначале это была история о том, как тогда еще сравнительно молодой человек Игорь Гончаров, с высшим образованием и, как затем выяснилось на допросах по делу его банды, «театрал» и «интеллигент», работал опером в так называемом «отделении по иностранцам».

В функции отделения входило, в том числе, обслуживание гостиницы «Русь».

Если кто уже забыл, то я готов напомнить, что в конце 80-х она стала оазисом растущей коррупции в тогда еще более или менее стабильной правоохранительной системе.

Именно в то время, благодаря появившимся в удобном доходном месте проституткам и их сытно устроившимся сутенерам, появились первые сто долларовые оперские взятки.

Вот тогда-то, по «странному» стечению обстоятельств, у старшего опера, подчиненным у которого был Гончаров,

и вместе с которым они делили рабочий кабинет, при внезапной проверке СБУ в рабочем сейфе были обнаружены неучтенные патроны для служебного пистолета.

Причем, их наличие, как и обнаружение, у самого «виновника» вызвало искреннее удивление.

Сыщик, разумеется, распрощавшись с работой, получил несколько лет условно.

Но даже не сам факт осведомленности коллег из СБУ при обнаружении патронов обсуждался сыщиками Печерского розыска. Их возмущала неоправданная жестокость наказания. А еще операм не давало покоя событие, которое произошло за две недели до случившегося с их тогда уже бывшим, осужденным коллегой.

Его проблемы начались именно с того момента, когда Гончаров с его «подачи» получил в январе 1986 года выговор «за дачу внештатным сотрудникам милиции Никитенко и Степанову противозаконных указаний».

А еще к приказу прилагалась формулировка: «В дальнейшем использовать на работе, не связанной с иностранными гражданами».

Понимая всю подоплеку «завершения карьеры» бывшего начальника Гончарова — ведь не было секретом, что, помимо милицейского обслуживания, гостиницу «Русь» плотно прикрывало тогда еще и КГБ — с Гончаровым никто из руководителей разобраться так и не решился.

А закончил Гончаров свою карьеру в Печерском управлении в 1990 году благодаря еще одной из ряда вон выходящей истории.

Находясь на суточном дежурстве, «интеллигент и театрал» изнасиловал в своем рабочем кабинете даму без определенного места жительства и как, в таких случаях бывает, неопределенного возраста,

Которая была доставлена в дежурную часть райуправления для выяснения личности.

История получила огласку в связи с тем, что потерпевшая начала писать заявления во все инстанции.

«Тему», конечно, «замяли».

Тогда это было еще возможно.

Ну, а «горячему, неразборчивому в половых связях мачо» предложили найти новое место работы.

После такой истории любой другой оказался бы «где-нибудь в Бобруйске» с волчьим билетом в кармане.

Но Гончаров тогда не просто выплыл.

Он «вынырнул» с повышением, в столичном главке. Да не где-нибудь, а в элитном подразделении УБОП.

В таких случаях обычно цитируют слова из детской песенки о том, что «дружба верная не сломается...»

И вот той осенью 2002 года уже во второй раз мне достался кабинет Гончарова.

Теперь уже на улице Старовокзальной, 12.

Кстати, «печерский след» главаря милицейской банды на эпизоде из его неоднозначной половой жизни не закончился.

В 2002 году Хамула истребовал из следствия Печерского района столицы почти десятилетней давности фактовое дело о похищении некоего Кружкова.

Осведомленность Гончарова о событиях весны 1993 года и, конечно же, сами обстоятельства произошедшего с художником-реставратором и по совместительству коллекционером сдвигали начало кровавого пути банды как минимум на целых три года.

В 1993 году, когда я еще грыз гранит науки в Академии внутренних дел, сыщики Печерского района вместе с главком уголовного розыска столицы попытались противостоять набирающей опыта, а с ним наглости и дерзости милицейской банды и спасти жизнь потерпевшего.

О похищении Кружкова заявила жена.

Преступники, предварительно побывав на второй, неизвестной даже его семье, квартире, где, кстати, он и хранил свою коллекцию, требовали за освобождение выкуп в двадцать тысяч долларов.

На тот момент это была очень солидная сумма.

Были бы тогда, в 1993-м, коллеги порезвее, то, возможно, уже в тот момент бандиты оказались бы на нарах.

Но в начале девяностых, из-за первой волны ухода профессиональных кадров, на кабинетах тридцати положенных сыщиков в том же Печерском районе от уголовного розыска оставалась только вывеска.

Воскресный день для передачи выкупа за освобождение заложника поездом Москва-Киев был назначен без вариантов.

И начальники-«интеллектуалы», вместо того, чтобы хотя бы к проводнику, что по требованию похитителей должен был везти пакет с деньгами в Москву, посадить «своего», совещались и думали.

Бандиты же перехватили «посылку» через пять минут после отхода поезда.

И хотя в пакете была «кукла», что, конечно же, похитителей ну очень расстроило, для Кружкова это не имело никакого значения.

Для него все закончилось привычной записью «пропал без вести», совсем скоро появившейся напротив его фамилии.

Я пытался поговорить с вдовой Кружкова, но это оказалось невозможным.

У несчастной женщины от мысли о том, что она виновата в смерти мужа, послушав оперов и не передав похитителям деньги, не выдержала психика и помутился рассудок.

Так вот,

В девяносто третьем «нелегкая служба» уже забросила Гончарова в УБОП Радянского района города Киева, и обстоятельств случившегося он знает, в принципе, не мог.

Но после своего задержания, еще не предполагая, о чем «поведают» подельники, он сыграл на опережение. И хотя и в своем «особом стиле», но «поведал» о похищении Кружкова.

Из его «откровений» следовало, что у тогда еще сотрудничавшего со следствием Свердлова есть знакомый, скупающий антиквариат. Вот он-то якобы и причастен к его, Свердлова, личным злодеяниям, в том числе и похищению реставратора в начале девяностых в Печерском районе Киева...

Но на этом все откровения Гончарова закончились.

У Свердлова же по этому эпизоду откровения даже и не начинались.

Нестеров в прошлые «подвиги» банды посвящен, конечно, не был.

Преступники, не имея большого желания по собственной воле «вешать» на себя лишний труп, решили по факту похищения и убийства Кружкова «скромно промолчать».

Возможно, второй, еще более веской причиной их «амнезии» были должности и предполагаемый по такому поводу гнев покупателей антикварных вещей, похищенных у коллекционера.

Хочется верить, что, может быть, уже после вступившего в силу приговора суда для банды Гончарова,

Устав от ночных кошмаров с лицами загубленных ими людей,

Если, конечно, у упырей эти кошмары случаются,

Кто-нибудь из осужденных бандитов раскается по-настоящему, дав возможность душе Кружкова обрести покой.

Хотя...

Глава 47

*В судьбе дурака любое
Расположение звезд — дурацкое.*
Михаил Мамчич

Арестованные Гайдай, Лысенко, Киселевич, Мельников, Свердлов, Кеппель обживались в следственном изоляторе.

Нестеров находился под охраной УБОП как свидетель.

И вот тут в деле появился не только еще один эпизод захвата заложника, но и новый обвиняемый.

Им оказался Анатолий Мочарный с бандитской кличкой почти «от науки»: Борода.

Именно этот эпизод с захватом заложника, а если быть до конца точным, то сама фигура Мочарного и объяснили мне «секрет» манеры одеваться Гончарова.

Все время соприкосновений с ним его стиль внешнего вида «а-ля секонд-хенд» никак не вязался у меня в голове с его «доходами» от преступной деятельности. И только изучение личности Мочарного, наконец, удовлетворило мое любопытство, раскрыв загадку, на первый взгляд, не имеющего к делу никакого отношения странного гардероба Гончарова.

А действительно, зачем ему нужен был весь этот «сиротский карнавал»?

Когда-то, давным-давно, я получил ответ от него самого. Хотя тогда не придал этому никакого значения.

В разговоре ни о чем он поведал мне ментовскую байку:

Как при наружном наблюдении за одним из коррумпируемых работников милиции, что было организовано по инициативе милицейской внутренней безопасности,

Мои, опять же, «любимые» с 1997 года коллеги поверили в «невиновность фигуранта» только тогда, когда им было доложено, что, несмотря на плохую погоду, их разрабатываемый так и не воспользовался услугами такси и дождался автобуса.

А на улице все это время шел дождь со снегом.

Тогда эта история, кроме улыбки, у меня ничего не вызвала. Но тут в деле появился Мочарный, который и расставил все точки над «и».

На протяжении длительного времени занимаясь вполне прибыльным бизнесом — продажей печатной продукции из России и будучи вполне состоятельным, о чем говорили два дорогих автомобиля у двух его сыновей, Мочарный, старательно «изображая бедность», последние шесть лет ходил в одних и тех же куртке и штанах. Причем, не только разбавляя свои внешний вид монологами Плюшкина¹, но и старательно их обыгрывая.

«Баба или мужик?» — думал предприимчивый гоголевский герой Чичиков, находясь в гостях у Плюшкина.

«Клоун или блаженный?» — приходило в голову каждому, кто общался с Мочарным, когда он, глядя на мир своими хитрыми алчными глазенками, изображал бедность, по его замыслу, явно переходящую в нищету.

Когда-то Уинстон Черчилль сказал, что «быть скромным себе может позволить только тот, у кого на это есть веские причины».

Веские причины Гончарова были зарыты в Броварском лесу.

Оставалось только разобраться с вескими причинами у Мочарного.

Как он, Борода, практически «божий одуванчик», природная хитрость которого в каких-то моментах граничила с начальной стадией шизофрении, стал обвиняемым по делу?

Увы, но жадность, как ей свойственно, опять «сгубила фраера».

Единственный оставшийся в живых после захвата в заложники бандитами в марте 1999 года двадцатидевятилетний Константин Коновалов до своего похищения вложил в бизнес Мочарного двадцать тысяч долларов.

Его желание получить проценты было закономерно. Но оно совсем не совпадало с желанием самого Мочарного не то что делить прибыль, а даже просто вернуть взятые займы деньги.

Борода, с которым Гончаров поддерживал почти приятельские отношения с 1990 года, конечно же, догадывался о «возможностях» приятеля.

И тогда, недолго думая, он попросту Коновалова Гончарову заказал.

¹ Степан Плюшкин — один из главных персонажей поэмы Н. Гоголя «Мертвые души», чье имя стало синонимом скряги.

Почему Константин остался жив?

Да потому, что, в отличие от беспрекословно подчинявшегося Гончарову милицейского состава банды, другие входящие в нее участники сразу же сообразили, что все «бонусы» после его смерти получит исключительно Гончаров, в планы которого делиться с «коллегами по цеху», разумеется, не входило.

Убедиться в этом им помогла очная ставка в милицейском стиле, устроенная бандитами Мочарному и Коновалову после «стандартного» похищения последнего и его пребывания в том же доме в Броварах.

Используя весь свой артистизм, находившийся в образе городского сумасшедшего Мочарный вздохнул и вскрикивал, а то тихо повизгивал о том, что он не верит, не верит и еще раз не верит, что с ним рядом именно Коновалов. В конце концов сообразив, что это хрюканье вряд ли у него пройдет само собой, сняли с его глаз повязку.

По итогам «следственного действия» и вовсе сделали правильный вывод, что не Коновалов, а именно Мочарный, которого Гончаров выдавал за «обиженного сироту», в действительности денежный мешок,

И опять же, сообразив, что он «мимо коллективной кассы» заплатит Гончарову за смерть Коновалова, бандиты оставили его в живых.

А вот Гончаров, под предлогом «за труды», забрал навсегда и без того чуткий и тревожный сон Мочарного.

Он, несмотря ни на что, присовокупил к своим доходам двадцать тысяч «мочарновских долларов», о которых, разумеется, скромно умолчал.

Токмо по причине бескорыстной любви к свежей и не совсем свежей прессе следственной группы Генеральной прокуратуры этот эпизод, даже огромными усилиями Нестерова, подробно рассказавшему на своем допросе о всех его обстоятельствах, должным образом расследован не был.

Мочарный после пяти месяцев содержания в ИВС был отпущен под подписку о невыезде.

Наказал ли его Бог?

События, происходившие во время ведения дела, все больше и больше убеждали меня не только в Божьем милосердии, но и в его праведном гневе.

После ареста Мочарного в дорогой частной клинике умерла его жена, чьи похороны, по известной причине, прошли без него.

Ну, а затем, почти через два года, во время судебного заседания по делу милицейской банды,

Все тот же артистизм Мочарного, что у него граничил с глупостью, помноженной на беспросветный примитивный идиотизм,

Превратил столь дорогую, в прямом смысле этого слова, подписку о невыезде снова в арест.

Но об этом несколько позже.

Глава 48

Лгут только одни негодяи.
Ф. Достоевский

Хамула привыкал к своей новой должности начальника УБОП Киева. Я — к положению старшего от столичного УБОП в следственно-оперативной группе, но уже в Генеральной прокуратуре Украины.

Гончаров же тем временем уже пришел в себя от шокирующего его «тонкую психику» ареста и начал свой «продолжительный концерт», который закончился его «выходом на бис» в больнице скорой помощи 1 августа 2002 года.

А все началось с того, что в деле «скромного и честного» пенсионера МВД появилось сразу два адвоката. И он, как попугай, твердил пришедшей к нему на свидание матери только одну фразу: «Плати столько, сколько надо».

Когда-то совершенно воздушное уголовное дело № 62-2222 теперь толстело не по дням, а по часам.

В нем все больше появлялось уже процессуальных документов, закрепляющих не только факт лидерства Гончаров в банде, но и его личное участие в убийствах.

То, что Гончаров будет биться до последнего, чтобы попытаться избежать уголовной ответственности, ни у кого из оперативно-следственной группы сомнений не вызывало. Особенно если учесть тот факт, что во время многолетней безнаказанности своей преступной деятельности Гончаров сам себя убедил в том, что он сможет если не поломать, то уж точно объегорить правоохранительную систему.

Вожделенная свобода казалась ему очень близкой.

Ведь после задержания, а стало быть, устранения участников банды ему при удачном стечении обстоятельств светила, как минимум, безбедная «пенсия».

И Гончаров действовал.

Первым и главным его действием было не давать никаких показаний. Что, в принципе, в уголовном процессе для каждого обвиняемого вполне возможно. Но Гончаров был верен себе и, разумеется, не хотел слыть тупым отказником. Поэтому изначально им была использована никогда не дающая сбой в таких случаях заготовка о пытках со стороны работников УБОП под личным патронатом ненавистного ему Хамулы.

И именно эти «бесчеловечные пытки» и повлекли, судя по содержанию направленных им куда только возможно жалоб, еще одну не дающую сбой заготовку — о резком ухудшении его отменного, почти богатырского до задержания здоровья.

Но, к чести отечественной судебной системы, я даже не могу вспомнить случаев, когда «ухудшение здоровья» было поводом для освобождения такого уровня уголовного преступника.

Кто-кто, а Гончаров перспективу тяжести предъявляемых ему обвинений оценивал трезвее всех нас, вместе взятых. И поэтому хорошо понимал, что «слабое здоровье» — конечно, веский аргумент. Вот только не в его случае.

Чувство страха перед неумолимо надвигающейся ответственностью и камерой для пожизненного заключения, в которой он должен был встретить смерть, заставляло его лихорадочно искать другие, неординарные пути спасения.

И Гончаров был просто обязан начать свою игру с правоохранительной системой.

Бонусом в которой была его свобода.

Я долго задавал себе вопрос, почему он так легко выдал своего по-настоящему давнего друга Лысенко?

Ответ пришел после окончания уголовного дела.

Именно Лысенко тогда, в самом начале, был для Гончарова той палочкой-выручалочкой, на которую он, конечно же, надеялся в первую очередь.

Но как может бандитский бесхребетный «труповоз» стать золотой акцией?

Ответ на этот вопрос кроется в биографии человекоподобного, по совместительству подполковника милиции Лысенко В.В.

Завершив свою милицейскую карьеру по состоянию здоровья 1 мая 2002 года в должности заместителя начальника отдела работы с личным составом Главного управления криминального поиска МВД Украины, Лысенко сразу же попытался уйти в тень.

Хочу обратить внимание на дату ухудшения его здоровья:

1 мая 2002 года.

Именно тогда Свердлов уже неделю как был задержан и дал первые признательные показания.

А вот бывшие коллеги Лысенко были удивлены его прямо-таки бегством на пенсию. Он ведь не дослужил всего один год на непьющей работе до положенных двадцати пяти лет календарной выслуги, с которых в милиции начинаются все пенсионные блага.

Я же, в свою очередь, хочу еще раз напомнить о том, что моя с Игорем Прикладовским командировка в Москву, признательные показания Свердлова, да и вообще все следственные действия на первом этапе реализации оперативного дела «Снегири» проводились в обстановке максимальной секретности.

Откуда тогда мог узнать работник кадров Лысенко о начале арестов его подельников?

Не из докладов ли начальника киевской милиции генерала Опанасенко вышестоящим руководителям Министерства внутренних дел?

Если только предположить, что это так, то тогда в какие кабинеты был вхож этот заместитель начальника какого-то там отдела,

По существу, мелкий милицейский клерк?

Кто дал ему команду и возможность быстро уйти в тень?

Ответ, на мой взгляд, удивительно прост.

По стечению обстоятельств карьера Лысенко развивалась рядом с генералами Юрием Кравченко, Эдуардом Фере, Алексеем Пукачем.

А еще — с их подчиненными, которых впоследствии обвинили в похищении и убийстве журналиста Георгия Гонгадзе.

Именно в обязанности Лысенко входила подготовка так называемых «документов прикрытия» для работников управления криминального поиска. Составление приказов об их принятии на работу и увольнении с 1992 года и до благополучного его выхода на пенсию.

Так кем же был Лысенко для Гончарова, постоянно говорившего о возможности изготовления удостоверения работника милиции, естественно, за деньги, для любого встречного-поперечного? Что, кстати, перестало быть его трепом и подтвердилось показаниями того же Нестерова.

У части особо приближенных к Гончарову бандитов такие удостоверения были.

Кем же был Лысенко, что даже не пытался скрыться, чтобы избежать ареста, без труда поменяв кабинет руководителя среднего звена управления криминального поиска МВД Украины на больничную палату для душевнобольных в больнице Павлова?

Кто он, овцой следовавший за главарем и по совместительству убийцей, к которому, по слухам, после ареста в изолятор временного содержания заезжал один из руководителей МВД Украины правительственного уровня?

И, в конечном итоге, почему, в отличие от всех остальных участников банды, он без сопротивления плыл по следственному течению, не жалуясь, не протестуя и не участвуя ни в каких противостояниях, придуманных Гончаровым?

На этот вопрос мне, опять же, ответил Нестеров.

Цитирую его почти дословно:

Говоря, почему Гончаров «сдал» Лысенко, он сказал, что в банде почему-то никто не сомневался, что у последнего «очень и очень серьезные связи».

Разумеется, следствие так и не ответило, какие именно.

Гончаров держал паузу и терпеливо ждал.

Но ожидаемое спасение от «знакомств» Лысенко так и не проследовало.

То, что он стал своим «связям» неинтересен и они не будут об него пачкаться, Гончарову стало ясно очень скоро.

Гончарову нужно было трезво оценить сложившуюся ситуацию.

И он это сделал.

Но каковы были его шансы?

Ведь одно дело изображать из себя «оговоренного мученика» и одновременно «борца за идею», когда обвинение строится только на показаниях подельников. И другое — когда останки похищенных и убитых людей находятся на экспертизе в морге.

А была ли тем самым выходом для Гончарова попытка спастись с помощью «подручных», стандартных, а оттого достаточно примитивных для следствия действий?

Мог ли он рассчитывать на то, что в случае «искренного» повествования о своих честных голубых глазах с одновременной имитацией родовых колик и при этом обильным слюновыделением у него появится благодарный зритель?

И, самое главное, случится ли с ним тот самый миг многократно описанного, восторженного единения с залом, который вот-вот взорвется овацией?

То, что со зрителем у Гончарова не сложилось,

А его артистизм, который он долгое время считал одним из своих талантов, годится разве что для «покорения» кипящих сердец изрядно подвыпивших сорокалетних незамужних, обязательно с крупными формами дамочек, он, опять-таки, сообрился сразу.

Иллюзия обретения близкой свободы требовала от него других, нестандартных решений.

И произошедшее далее, на мой взгляд, было для Гончарова ничем иным, как игрой в покер на уходящем под воду корабле.

Когда волна давно смыла все шляпки,

Помощи нет и уже не будет,

И осталось либо ждать неминуемого, а в его случае — еще и заслуженного божьего суда, а затем наказания, либо играть в карты, подбадривая себя и имитируя интерес до конца. Ожидая, что вот-вот выпадет джокер.

А еще занять себя хоть чем-нибудь во время для него уже бесполезной, убийственной паузы.

И все для того, чтобы не сорваться в истерику и не начать с визгом, хрюканьем и соплями кататься от бессилия по уходящей в бездну из-под ног, еще недавно казавшейся такой непопляемой палубе вседозволенности и всесилы.

И вот тут перед Гончаровым возникла проблема выбора образа для борьбы.

Благородный Робин, он же Робин Гуд, был для этого особенно хорош, но явно неуместен.

Нужно было как-то объяснить наличие у следствия останков потерпевших.

И тогда на помощь пришла вездесущая гончаровская импровизация.

Хотя до конца побороть искушение и не взять за основу фигуру смелого английского крестьянина Гончаров так и не смог. Но зато он привнес в его осовремененный образ черты, о которых меткий стрелок из лука даже не догадывался.

А для начала «театрал» решил не отказывать себе в удовольствии понежиться в греющем, особенно в следственном изоляторе, луче сочувствия и жалости.

Но, будучи максималистом, Гончаров бросился в крайности.

Он остановил свой выбор на, как ему казалось, беспроигрышной, уже частично проверенной во время своего неудав-

шегося побега констатации неотвратимой, скорой и безвременной кончины.

И тогда, как-то неожиданно для нас всех, после, скорее, эмоциональных, чем отображающих действительное состояние дел статей в газете «Сегодня»,

Со своим, прямо скажу, разительно отличающимся от правды «видением происходящего»,

В качестве «подручного» гончаровского «средства» вынырнул Олег Ельцов.

Да, да, именно тот Ельцов, который был ближайшим сподвижником Георгия Гонгадзе в газете «Грани» и интернет-издании «Украинская правда». И которого Гончаров поздней осенью в 2000 году у Главпочтамта «сватал» мне в соучастники его похищения.

Его такое вот отчасти эксцентричное появление в деле рассеяло все мои сомнения в том, что их «дружба» к осени 2000 года закончилась бы если не свадьбой, то уж точно твердым обещанием обязательно жениться.

Для начала, подражая «другу» Гончарову, присвоившему когда-то себе звание полковника, Ельцов назвался экспертом в вопросах правоохранительной системы.

А затем, откровенно приняв сторону душегуба, на сайте «Украина криминальная» опубликовал ряд статей о «зверствах УБОП» и о белом и пушистом, бескомпромиссном борце с преступностью, оболганном и подставленном Гончарове.

При желании можно ознакомиться с его «творениями» в Интернете, так сказать, в полном объеме. Я же хочу представить на ваш суд наиболее, на мой взгляд, «удавшиеся» и как нельзя более точно отражающие цели «криминалиста» выдержки.

А начну я с ярких ельцовских названий:

«Палачи «при исполнении» (25.06.2002 г.),

«Палачи при исполнении-2» (08.11.2002 г.),

«Палачи при исполнении-3» (12.11.2002 г.).

Ну, а дальше по тексту:

«...Игоря Г. избивали вдохновенно, жестоко, надеясь выбить то, чего не смогли добыть оперативным путем, а быть может, чего не было в принципе. Так или иначе, это было очевидное преступление под знаком борьбы с преступностью».

«Х. — ставленник нынешнего руководства столичных борцов с

оргпреступностью. Он заходил в камеру со словами: «Мне маска не нужна!».

О. Ельцов. «Палачи «при исполнении», интернет-сайт «Украина криминальная», 25.06.2002 г.

Более того, сайт Ельцова стал «рупором» еще для одного «борца за свободу Гончарова», начавшего творить под псевдонимом Суши Камикадзе.

Этот «неизвестный», судя по подаче «материала», был не только ошеломляюще и всесторонне информирован о преступной деятельности милицейской банды, но и в своем «творчестве» всячески пытался приуменьшить роль Гончарова в создании и руководстве ею.

Не забывая при этом переворачивать с ног на голову факты непосредственного его участия в убийствах.

Лидерство же в банде информированный «японец» с остервенением пытался переложить на тогда еще хотя и слабо, но сотрудничавших со следствием Свердлова и Гайдая.

«...Свердлов был весьма информированным человеком, что касается событий в криминальном мире Киева. Он знал многих его представителей и знал об их «подвигах» — как совершенных, так и планируемых. Матерый бандит наводил Гайдая и его помощников на своих подельников по прошлой преступной жизни — тех, кто совершал преступления, и тех, кто скрывался от «органов», он также «сдавал» точки, на которых хранилось нажитое неправедным промыслом. Награбленное добро изымалось по поддельным протоколам и «дерибанилось» между Гайдаем, Свердловым и их подельниками. С задержанных также брали отступные за то, что их отпустят, а уголовные дела возбуждать не станут».

«...В данном случае в роли посредника выступал Свердлов, который брался порешать вопросы со следаком и передать Гайдаю взятку. Причем, таким образом «валились» не только те дела, которые непосредственно вел Гайдай, но и дела, которые расследовали его подчиненные».

«...В 1998-2000 годах Свердлов вывел свою криминальную организацию на совершенно иной уровень. Это был иной профиль деятельности и иная банда. Специализация: похищение людей, вымогательство денег у их родственников и убийства, убийства, убийства. Большой частью заложники имели отношение к криминалу».

Похищения планировал лично Свердлов. Жертв отвозили в частные дома, которые он арендовал специально для этой цели».

Суши Камикадзе. «Дело «оборотней». «Я тебя посадил, я тебя и освобожу». Интернет-сайт «Украина криминальная», 03.03.2003 г.

«...Сегодня Гайдай и Свердлов лелеют надежду, что им удастся проделать тот же трюк и на этот раз. Правда, вряд ли в этом случае речь может идти об освобождении. Но если им удастся убедить следователей, что они лишь исполнители — «невинные жертвы», попавшие под влияние лидеров, то это с большой долей вероятности поможет им получить вместо пожизненного заключения 15 лет лишения свободы. А чтобы членам следственной группы легче было усвоить их версию распределения ролей в банде, близкие Свердлова и Гайдая ищут финансовые и иные подходы к следователям».

Суши Камикадзе. «Дело «оборотней». «Кто «заказал» Гельфонда?». Интернет-сайт «Украина криминальная», 05.03.2003 г.

Но вершиной журналистской деятельности Суши Камикадзе, по стилю изложения ну очень напоминающего самого Гончарова,

Было «назначение» основным бандитом и убийцей уже находящегося под защитой правосудия и активно сотрудничавшего со следствием,

Дававшего все новые и новые показания о тяжких преступлениях, совершенных бандитами в милицейских погонах, Нестерова.

По мнению «информированного» гражданина Камикадзе, именно он держал всех милиционеров-бандитов, в том числе Гончарова, в животном страхе.

Более того, скрывавший себя под псевдонимом «неизвестный автор» объявил Нестерова никем иным, как убийцей, рэкетиром и наркоманом.

«...Юрий Нестеров, житель Киева, наркоман и заказной убийца. По указанию Олега Свердлова, о котором мы подробно рассказывали ранее, Нестеров убивал похищенных людей, получая за это деньги. Нестеров выискивал потенциальных жертв банды, выслеживал и наводил на них Свердлова. Вместе со Свердловым он принимал участие в их похищении».

«...Судя по всему, «мокрое дело» было для Нестерова любимой забавой. Так, он неоднократно склонял товарищей по оружию из банды «оборотней» похитить его бывшую жену и тещу, помочь вывезти их в лес, где Нестеров планировал с ними расправиться. Члены группы отказались от похищения женщин».

Суши Камикадзе. «Дело «оборотней». «Юрий Нестеров – три в одном: наркоман, убийца, мошенник». Интернет-сайт «Украина криминальная», 06.03.2003 г.

Но даже не откровенно стандартный набор наперебой трубящих «рупоров правды» об избиениях и пытках «честного и негнибаемого» Гончарова бросается в глаза с первой статьи Ельцова и его собрата по перу.

Авторы с самого начала предприняли отчаянные попытки «донести» до читателя сведения о плохом гончаровском здоровье и настойчиво и усиленно начали его хоронить заживо.

«...Результатом избиения стали травмы и разрывы внутренних органов, реальная угроза жизни подозреваемого. Сегодня по нашим данным решается вопрос проведения хирургической операции Игорю Г. Есть основания для опасений, что операция закончится неудачно. Что будет очень удобно для убоповцев, инициировавших это дело: нет человека - нет проблемы. И опознавать «безмасочного» замначальника УБОП будет некому. А уж подходящее объяснение смерти арестованного непременно подыщут».

О. Ельцов. «Палачи при исполнении». Интернет-сайт «Украина криминальная», 25.06.2002 г.

«...P.S. Когда материал уже был подготовлен, нам стали известны последние события из жизни на грани смерти Игоря Гончарова. Несколько дней назад к нему в ИВС вызывали скорую помощь. А в среду 6 ноября он был срочно доставлен в Киевскую городскую клиническую больницу скорой медицинской помощи, откуда его выписали в удовлетворительном состоянии шесть дней назад».

О.Ельцов. «Палачи при исполнении-2». Интернет-сайт «Украина криминальная», 08.11.2002 г.

«...Почему? Мы находим единственный ответ: прокуратура поддерживает стремление милиции скорее похоронить «глава-

ря» до окончания следствия. В таком случае задача следственной группы значительно упростится: все повесят на умершего».

О. Ельцов. «Палачи при исполнении-3». Интернет-сайт «Украина криминальная», 12.11.2002 г.

Выполнили ли эти статьи преследуемую их авторами задачу по подготовке общественного мнения к новым поворотам дела о милицеейской банде?

Мне, как заинтересованному лицу, оценить сложно.

В чем я уверен, так это в том, что «зерна сомнения» были брошены в благодатную почву вакуума информации, обусловленного процессуальными рамками тайны следствия.

Игра с правоохранительной системой, выигрыш в которой для Гончарова означал, помимо окончательного подтверждения веры в «себя великого», еще и личную свободу, началась.

В чем он ошибся, так это в своем противнике.

С другой стороны стола в милицеейских кабинетах сидели не привычные для него за много лет предатели, тупицы и идиоты, не «пионеры», «всегда готовые» продать все что угодно за сто долларов США.

Оперативный опыт и занимаемые бандитами милицеейские должности,

Структура банды, наличие огнестрельного оружия, псевдонимы участников и соблюдение ими конспирации,

Четкое распределение ролей, дерзость и самонадеянность —

Все эти факты говорили о том, что у нас был серьезный противник.

Тогда нам казалось, что был.

Хотя новые произошедшие события все время наталкивали на одну и ту же мысль:

Что он все еще есть.

Глава 49

*Дно останется дном,
Даже если окажется наверху.*
Станислав Ежи Лец

Проведя пятнадцать суток в качестве административно задержанного и «порадовав» всех нас попыткой неудачного побега, 25 мая 2002 года Гончаров был арестован.

Эта процедура не доставила следствию больших хлопот.

Содержание явок с повинной его подельников, закрепленных процессуальными действиями по делу № 62-2222, судья счел убедительными.

Хотя и для Гончарова тогда такое развитие событий было более чем прогнозируемым и большой трагедией не стало.

Его расчет был безупречен.

Всего пять дней понадобилось ему, его «группе поддержки», оставшийся на свободе, и двум адвокатам, чтобы применить знание тонкостей правоохранительной системы и организовать его перевод «на больничку».

Все произошло вполне четко и без сбоев.

В тот момент, когда мы с Хамулой ожидали «первых впечатлений» Гончарова от пребывания в камере изолятора временного содержания, он уже отыграл подготовленный им сценарий противодействия, которого еще в правоохранительной системе не было придумано.

Хорошо понимая, что пребывание главаря милицейской банды в изоляторе временного содержания наделало слишком много шума и что начальник учреждения считает минуты до отправки его в СИЗО № 13, Гончаров изобразил непонятный приступ ухудшения состояния здоровья.

Свидетели того незабываемого случая давно уже растворились в исправительных учреждениях страны, увезя с собой воспоминания о том, насколько Гончаров в действительности был убедителен. Но его актерская «находка» тогда увенчалась хотя и «скромным», но все-таки нужным успехом.

Гончаров почти молниеносно был отконвоирован в больницу скорой помощи.

С каким багажом он менял нары на больничную койку?

Свой неудачный побег из-под стражи Гончаров со своейственной ему сообразительностью «перезформатировал» в такую «полезную» для него «тяжелую и продолжительную болезнь». Ведь еще находясь в процессуальном состоянии административно задержанного, он «умудрился» четыре раза вытребовать приезда скорой помощи.

Особенно неистовствовал он после пресечения его побега.

Перевод Гончарова в СИЗО его медицинский пыл не оставил.

Здесь на поприще обращения к медицине он «отличился» еще два раза.

В больнице же скорой помощи Гончарова уже ждал «теплый» прием.

Он молниеносно был прооперирован.

Хирург «выбрал» его кишечник и селезенку.

А затем больной был помещен в охраняемую палату.

Я до сих пор хорошо помню, и теперь уже даже ни на минуту не сомневаюсь, от чего тряслись руки у хирурга, прооперировавшего Гончарова.

Особенно он заволновался, когда мы с Игорем Прикладовским попросили копию больничной карточки и список медицинских работников, что ему ассистировали.

Но тогда из-за банального отсутствия времени мы так с медперсоналом и не побеседовали.

А напрасно.

Ведь именно в разговоре с медсестрами, а если быть точнее, в их ответах и крылась причина скоропалительно произошедшего «ухудшения» упыриного здоровья.

А еще именно тогда, окончательно утвердившись в бесполезности дальнейших бесед с Гончаровым и прислушавшись к моему мнению, Хамула наконец-то принял решение прекратить с ним всякие разговоры.

Нужно было доказывать его вину в следственном порядке.

И теперь уже следователи Генеральной прокуратуры «вышли на первый план», начав свои попытки получить от Гончарова хотя бы какие-то показания.

Правда, в отличие от нас, оперов, у них не было выбора.

Ну а я несколько не сомневался, откуда черпает «вдохновение» Ельцов и с кем делится своими мыслями «отбирающий» у него хлеб Суши Камикадзе. И хорошо понимая, что сейчас идет прямо-таки поток переписки Гончарова с подельниками, оставшимися на свободе, предпринял меры к прекращению этого откровенного бандитского хамства.

Положив в одну палату с Гончаровым своего агента, я уже через сутки знал, что ночи напролет Гончаров, изводя листы из школьной тетради, словно радистка Кэт¹, строчит записки, которые передает затем через медсестер.

Дальше эти «послания» попадают к его матери, кстати, бывшей работнице больницы скорой помощи, а та, в свою очередь, переправляет их дальше «нужным» адресатам.

И вот здесь я столкнулся с еще одной ранее неизвестной мне чертой правоохранительной системы.

Мне всегда казалось, что основная задача всех без исключения подразделений и служб милиции — это раскрытие преступления.

Но, как выяснилось, это утверждение очень далеко от действительности.

Вместо того, чтобы четко и слаженно выполнять функцию охраны арестованного, которому инкриминируется совершение тяжких преступлений, «отцы-командиры» конвойного полка не придумали ничего лучшего, как за час до моей с Прикладовским облавы на гончаровскую почту провести свой до-смотр.

Отобранные у больного «малявы» были уничтожены.

Честь конвойного мундира снова была спасена.

А еще именно тогда я впервые близко и очень конкретно столкнулся с системой содержания подозреваемых и обвиняемых. И ее эффективность заставила меня, как минимум, вздрогнуть.

Не хочется обижать моих коллег теперь уже по Министерству юстиции, но их «проходной двор» в местах предварительного содержания перестал быть для меня секретом.

Вечно уставшие и всегда спящие милиционеры охраны, позволяющие писать Гончарову записки;

С потрохами купленные им медсестры и врачи;

«Сквозняки» в изоляторе временного содержания и в следственном изоляторе, работники которых, разумеется, небезвоз-

¹ Радистка Штирлица из т/ф «Семнадцать мгновений весны».

мездно позволяли участникам банды «встречаться» и спокойно обсуждать формы противодействия следствию.

Все это в конечном итоге и стало причиной того, что все, за исключением Нестерова, арестованные участники банды вначале перестали давать признательные показания, а потом, уже в судебном заседании, начали отрицать свою вину.

«Неутомимые» же подельники Гончарова, оставшиеся на свободе, довершили остановку разоблачения бандитов в следственном порядке, переведя действия оперативно-следственной группы из состояния раскрытия преступлений, совершенных убийцами, к рутинному выполнению следственных действий.

А неплатежеспособному, сотрудничавшему со следствием Нестерову, не имеющему возможности уплатить за адвоката, все те же «неутомимые» даже прислали бесплатного деятеля с адвокатским удостоверением. Получив возможность присутствовать во время допросов, «сочувствующий», оказавшийся бывшим ментом, все ставшие ему известными обстоятельства сразу передавал по цепочке адвокатам других бандитов.

Те же, в свою очередь, поделившись информацией со своими подзащитными, направили их допросы в русло освещения только тех преступлений, по которым давал показания Нестеров.

Не забывая подсказать клиентам, чтобы те обвинили его во всех смертных грехах.

Другие эпизоды преступлений, совершенные арестованными в составе банды без участия Нестерова, ими, разумеется, умалчивались.

Оставшиеся же на свободе, не попавшие в поле зрения участники банды давно просчитали все риски для себя от эпизодов с участием Нестерова,

Что позволило им нас легко переиграть,

«Убедив» замолчать своих арестованных «корешей», как я понимаю, пообещав им «вечную дружбу» до гробовой доски.

Хотя содержание окончательной, надгробной надписи на ней каждый из участников, установленных и оставшихся в тени, разумеется, представлял по-своему.

В свою очередь, неуклюжесть следствия, загнанного в процессуальные рамки огромным количеством необходимых действий, выполнение которых обязательно для доказывания вины арестованных, в конечном итоге «засосало» теперь уже немногочисленную оперативную группу и заставило ее оставаться.

Это была очередная тактическая победа наших «визави» — по совместительству, вне всякого сомнения, бывших «коллег» из силовых структур.

И можно только представить величину «крючка» в руках Гончарова, на котором висели неустановленные «сочувствующие», бродящие на свободе, что изо всех сил и вполне профессионально организовавшие не только серьезное, но даже, если хотите, жесткое противодействие следствию.

Глава 50

*Перемудрить — это один из
Самых позорных видов глупости.*
Г Лихтенберг

Моя новая работа — я о должности начальника отдела тактической и стратегической разведки столичного УБОП — мне открыла, если можно это так называть, неизведанные горизонты.

На протяжении нескольких лет, наблюдая за подчиненными, старательно напускавшими на себя ореол секретности, я не мог даже подозревать, на что они в действительности тратили свои силы и направляли профессиональные рычаги и возможности.

Самым интересным экземпляром из всей этой компании был подполковник Оейник*

Бывший спортсмен, недоученный и безграмотный, но зато с природной хитринкой, он стоял у истоков создания разведки УБОП как таковой.

Так вот, для меня тогда уже не было секретом, что камень преткновения Оейника* и, по существу, конец его начальствующей, а затем и милицейской карьеры был в одном лице.

Лицо опять оказалось до боли знакомым.

Очень много сил и «неоспоримых аргументов» потратил Оейник*, чтобы убедить всех в том, что его, бедолагу, «подставили» и что он с Ельцовым не знаком.

А подвела его, как, впрочем, и всех двурушников, предающих интересы службы, собственная лень.

Его отследили, когда он несколько раз звонил все тому же Ельцову из собственного кабинета.

И если мой однокашник по Академии внутренних дел, полковник Домарацкий не проявлял никакого интереса к расследованию уголовного дела милицейской банды, то Оейник* стал первым, да и, по существу, последним из «коллег», кто, опять же, думая, что он умнее всех, попытался получить от меня какую-нибудь информацию.

Что я ему «выдал порционно», зная о его с Ельцовым «бескорыстной дружбе»?

Это была распечатка сообщений связного пейджера Гончарова, долгое время находящегося под контролем, где, конечно же, была фамилия, в том числе, и самого Ельцова.

Зачем мне это было нужно?

Я не хотел отобрать у «оппонента» его «процессуального права» на хотя бы еще немного беспокойного сна.

И Оейник* меня не разочаровал.

Уже через неделю в очередной серии опусов о своей «борьбе с преступниками» из правоохранительной системы, прежде всего, из УБОП,

В призме «кристально чистого» Гончарова Ельцов как бы невзначай зафиксировал не только свое с ним знакомство, о котором до того момента «скромно умалчивал», но и постоянную с ним связь.

Разумеется, исключительно через пейджер.

«...Я знал Гончарова, как мне кажется, достаточно хорошо. Мы познакомились больше десяти лет назад».

О. Ельцов. «Дело Гончарова, часть 1». Интернет-сайт «Украина криминальная», 09.08.2003 г.

«...Позже он якобы уволился из УБОПа, а о своем новом месте говорил в самых общих чертах, телефона не оставлял, зато давал номер пейджера и перезванивал после моего сообщения».

О. Ельцов. «Дело Гончарова, часть 2». Интернет-сайт «Украина криминальная», 11.08.2003 г.

Сейчас Оейник* уже достиг того возраста, когда ему поздно объяснять, что хитрость и ум — это совершенно два разных человеческих качества.

Разъяснять же незнакомое для него понятие «честь» — и вовсе впустую тратить время.

Был ко мне еще один странный визит — некоего полковника Гобенко*. Под «чутким руководством» которого фигурант разработки по делу банды, близкий друг все того же Гончарова, пенсионер МВД Леонид Михайленко начинал карьеру в УБОП столицы в начале девяностых. А затем, в 1993 году, состоялась

их «судьбоносная» с Гончаровым встреча в «знаменитом» двадцать первом отделе УБОП Радянского района Киева.

Гобенко* в середине 90-х ушел с должности начальника разведки столичного УБОП.

Он, по утверждению все того же Оейника*, «висел» где-то между Администрацией Президента и Главным разведывательным управлением Министерства обороны.

У работников УБОП первой волны было принято «обволакивать» себя ореолом таинственности.

«Таинственным» и «информированным» был Оейник*, вечно «таинственным» и «всезнающим» — Гончаров.

И вот в моем кабинете сидела еще одна «тайна».

Встречу с «тайной», по ее личной просьбе, организовал все тот же Оейник*.

Гобенко* был откровенно напуган так, между прочим, произнесенной фразой Хамулы о том, что он причастен к милицеейской банде.

Я его успокоил «чем мог», заверив, что в поле зрения по ее оперативной разработке он не попадал.

А ведь если бы не «вечный бег», то можно было бы с ним так, «для затравки», на протокол допроса по уголовному делу № 62-2222 «посекретничать» —

Ну, например, о личностях его бывших, попавших в оперативную разработку, подчиненных, «уши» которых периодически торчали из-за ям с трупами убитых бандой людей.

Глава 51

Следственная группа Генеральной прокуратуры, несмотря ни на что, продолжала процессуальное закрепление убийств, совершенных бандитами.

Что меня смущало в моих новых коллегах, так это несколько странный, не поддающийся никакой логике их подбор.

Уже с осени 2002 года пресса всюду трубила о преступлениях милиционеров-бандитов, называя ликвидацию банды Гончарова самым резонансным преступлением года. И решение Генеральной прокуратуры о создании именно такой группы с таким вот составом следователей меня, как минимум, удивляло. Ведь талантливый, но уж очень молодой Олег Гарник возглавлял «солянку» из еще более юных и, разумеется, по этой причине менее опытных следователей, собранных по непонятному для меня принципу из городских и районных прокуратур Киева.

Именно такая ударная команда была брошена на расследование дела, по общему мнению экспертов, самой особо опасной милицейской банды, разоблаченной за всю историю Украины, да и, пожалуй, бывшего Советского Союза.

А Нестеров не переставал давать признательные показания, увеличивающие и без того уже внушительный счет смертей.

16 декабря 1999 года стало последним утром свободы, а в конечном итоге, и жизни директора одной из коммерческих структур, тридцатипятилетнего Евгения Титова.

Не нарушая давно уже привычного «конвейера»,

С таким же распределением ролей,

Все с теми же милицейскими удостоверениями и форменной одеждой.

Бандиты похитили Титова декабрьским утром у стоянки его автомобиля на улице Академика Янгеля, 27.

Именно тогда, в начале 1999-го, они впервые сняли дом в Броварах по улице Сирко, который впоследствии и станет одновременно тюрьмой, камерой пыток и лобным местом для их жертв.

Дом арендовал Свердлов.

А вот фамилия его хозяина уже в который раз расставила все по своим местам.

Это был именно тот Сергей Дятел, показания которого и стали для банды началом конца.

Знал ли он об истинной цели Свердлова, сдав ему две комнаты жилища с непритязательным дизайном притона, сейчас можно фантазировать сколько угодно. Единственное, что можно утверждать смело, так это то, что после истории с похищением Гельфонда Дятлу было о чем подумать. И, возможно, его «мысли окаянные» и стали тем дополнительным стимулом для вылившихся впоследствии ровными строчками его показаний в протоколе допроса.

Евгений Титов попал в поле зрения Гайдая и Свердлова при невыясненных следствием обстоятельствах.

Опять же, можно долго предаваться анализу, почему именно Титов, а не Иванов или Сидоров.

Но все ответы так и остались у Гончарова.

Что можно утверждать смело, так это то, что Титов был вполне состоятельным бизнесменом, и эта весомая причина в том числе сослужила ему роковую службу.

А еще совсем незадолго до своего похищения он проходил по материалам СБУ по подозрению в отмывании «грязных» денег.

Забирая жизнь у Титова, вряд ли кого-нибудь из бандитов волновал он сам.

Людоедский конвейер работал в полную силу, пьяня животных в человеческом облики безнаказанностью.

На этот раз упыри с милицейскими удостоверениями не только обшарили карманы жертвы и завладели его личными вещами.

Они получили выкуп за его «свободу».

Но сумма в тридцать тысяч долларов жертве ничем помочь не могла.

С лета 2002 года, еще в течение полутора лет, останки Титова пытались отыскать Какьян* с Какмяковым*

Солдаты срочной службы были «усилены» экстрасенсами, спонсируемыми женой жертвы.

В перерывах между следственными действиями Нестеров бродил по лесу, по заросшим свежим кустарником оврагам и полянам, кружил по лесным дорогам.

Но обстоятельства были к Титову, увы, неблагоприятны. Его шанс обрести могилу на кладбище так и остался просто шансом.

Они же, эти обстоятельства, вкуче с уплаченным выкупом и безымянным, покрытым лесным кустарником тайным захоронением также не оказались благоприятными к тридцатишестилетнему Ярославу Малюте.

6 марта 2000 года банда похитила Малюту у парадного его дома по улице Саксаганского, 16 б.

Почерк бандиты опять не меняли.

Разве что для похищения выбрали вечернее время.

Наученный эпизодом с нарядом «Беркута», который летом 1998 года своим внезапным появлением и освобождением поляка, водителя большегрузного грузовика, потрепал бандитам нервы и стоил жизни Пелюшку и Евтушенко, Гончаров схему похищения усовершенствовал.

Впереди машины с похищенным заложником ехал автомобиль с «сигнальщиком».

Возникшая «проблема» с появившимся нарядом ГАИ была успешно решена Гайдаем, отвлекшим бдительных коллег образцовым нарушением правил дорожного движения.

Пока «Мерседес» под его управлением пытались отловить, бандиты с заложником отсиделись в лесу у дороги в сторону Броваров. А когда опасность миновала, Ярослав Малюта в компании со своими похитителями дальше продолжил путь, что вел его к концу жизни.

По версии следствия, Малюта попал в поле зрения милицейской банды из-за участия в наружном наблюдении за ним тогда еще работавшего в управлении криминального поиска участника банды Кисилевича.

Наблюдение за жертвой велось в ходе оперативной отработки на причастность его к незаконным операциям с ценными бумагами.

Отработка, кстати, окончилась ничем.

Наверное, можно понять следователей из группы Генеральной прокуратуры, которые не дурили себе голову и воспользовались версией, лежавшей на поверхности.

Тем более, если учесть тот факт, что установление обстоятельств появления того или иного потерпевшего на горизонте у бандитов окончательно перечеркнула молчанка Гончарова.

А вот по проведенной лично Сергеем Хамулой проверке

причин возникновения на бандитском горизонте Малюты, похищение произошло из-за его участия в качестве свидетеля в другом преступлении.

Речь идет об убийстве грузинского вора в законе по фамилии Багдасарян. Оно было совершено участниками банды некого Янева в 1999 году на территории Киевской области при следующих обстоятельствах:

Потерпевший Малюта со своим компаньоном по фамилии Волков (не путать с Александром Волковым) провели удачную операцию на бирже ценных бумаг и заработали не только приличную сумму денег, но и дорогой автомобиль иностранного производства. Вот эта машина, а также имеющиеся у Малюты тогда активно ходившие непогашенные векселя Чернобыльской АЭС и стали камнем преткновения между двумя компаниями.

И бывшие сотоварищи, по существующей тогда стойкой традиции в бизнесе, ничего не придумали умнее, как «забить друг другу стрелку».

На нее Волков и приехал с бандой Янева, которая тогда терроризировала Киевскую область продолжительное время и была впоследствии ликвидирована не без помощи все того же Хамулы.

Малюта, в свою очередь, для содержательного разговора «пригласил» вора в законе с фамилией Багдасарян.

«Стрелка» явно не получилась и стоила Багдасаряну жизни.

Бандиты Янева сначала пригласили его побеседовать «по-пацанячьи, без барыг».

А через несколько дней обезглавленный труп Багдасаряна был обнаружен в описываемой мной с завидным постоянством лесопарковой зоне Киевской области.

Тогда еще работающий в УБОП Киевской области Гончаров принимал «активное участие» в проверке на причастность Малюты к убийству Багдасаряна. Вот там он и получил известие о том, что потерпевший был человеком небедным, а стало быть, ему небезынтересным.

Откровенно подставляя своих коллег из Киевского УБОП, проверявших Малюту в условиях изолятора временного содержания, через несколько дней после отбытия им административного задержания «за хулиганство» Гончаров с подручными, не меняя привычного «почерка» и им изобретенных упыриных «традиций», сначала его похитил.

А затем, в тот момент, когда Кеппель и еще один участник банды по фамилии Вознюк от скуки периодически избивали потерпевшего, сидевшего со связанными руками «на веревке» в броварском доме, Гончаров сотоварищи, после выворачивания карманов заложника, выносил ценные вещи из его квартиры.

Место их нахождения он предусмотрительно предварительно «уточнил» у хозяина.

После чего бандиты потребовали привычный выкуп в размере всего десяти тысяч долларов от его подруги.

К ее чести, а еще к их всеобщей радости, она этот выкуп собрала и послушно им его передала.

Но какое дело было бандитам до жизни какого-то там Мэлюты?

Глава 52

А затем следствие по делу банды превратилось в одно бесконечное следственное действие.

Допросы, очные ставки, экспертизы.

Следственное закрепление эпизода за эпизодом по уголовному делу обрушило на меня бессчетное, бессчетное количество отдельных поручений, которые изо дня в день целым ворохом исписанной прокурорскими следователями бумаги завалили мой рабочий стол.

Нестеров все это время буднично, «в рабочем порядке», в перерывах между следственными действиями не прекращал давать признательные показания, выдавая все новые и новые эпизоды со своим участием, подробности, которые уже давно перестали шокировать и, тем более, удивлять.

Как это ни цинично звучит, мы спокойно вели свой счет.

Хотя теперь в сторону его увеличения нас толкал исключительно оперской азарт.

Прокурорской же следственной группе от одной только перспективы расследовать уже «нарытые» эпизоды было «и так хорошо».

Но оперской счетчик все еще крутился.

А вот когда мы всем оперским миром справились с первым «бумажным потоком», меня к себе вызвал Хамула.

Оставив мне с оперативной группой с осени 2002 года возможность «заносить хвосты» за группой следственной, Сергей Владимирович все это время, в перерывах между руководством столичным УБОП, продолжал скрупулезно заниматься установлением новых участников банды и новых эпизодов.

И именно тогда еще один, «свежий» эпизод, что в самом начале просчитал, а затем поручил мне доработать Хамула, не просто нас всех привел в замешательство —

Он по сравнению со всеми другими преступлениями, совершенными милицейской бандой, получил звание «из ряда вон выходящего»!

Когда в мае 2001 года по делу «Снегири» проводились оперативные мероприятия, Хамула как-то сказал мне, что в городских сводках есть эпизод пропажи парня средних лет.

Тогда мы только обсуждали возможность причастия к этому исчезновению наших фигурантов.

Но это происшествие тогда разрешилось, как ни странно, очень быстро.

Суть его была в том, что учитель музыки, закончив свой рабочий день, вышел из здания музыкальной школы и исчез.

Его труп без внешних признаков насилия, что могли бы привести к смерти, через сутки был обнаружен в лесопарковой зоне в районе Оболонского парка Киева.

Тогда районные опера провели проверку и, получив предварительные выводы экспертизы о том, что смерть потерпевшего произошла от отравления некачественной водкой, повлекшего за собой ишемическую болезнь сердца, передали материалы в прокуратуру.

А затем на основании все того же предварительного заключения по данному факту прокуратурой Оболонского района Киева было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Проверив, прежде всего, благосостояние потерпевшего и выяснив, что оно было очень скромным, Хамула все списал на несчастный случай. Тем более, что причина смерти была уж очень распространенной.

Но, как говорится, профессионализм не пропьешь.

И Сергей Владимирович, изучая любопытный блокнот, находящийся при Гончарове во время его задержания, на отрывных листах которого были аккуратно выписаны не только телефоны его милицейских связей, кстати, в том числе и вашего покорного слуги, но и анкетные данные потенциальных жертв,

Увидел там знакомую фамилию.

Затем перезвонил по записанному телефону.

И когда «кандидат на смерть» на вопрос о знакомстве с Гончаровым дал утвердительный ответ, Хамула сопоставил показания Нестерова о еще непроверенном факте нового убийства, после чего уже не сомневался, что в списке убийств банды Гончарова прибавился еще один пункт.

Вот тогда-то, получив установочные данные гончаровского «кандидата», которым, кстати, оказалась женщина, я приступил к оперативной проверке.

По профессии моя предполагаемая потерпевшая была врачом-офтальмологом и по совместительству заведовала частной офтальмологической клиникой.

В телефонной трубке своего мобильного телефона после продолжительных гудков я услышал явно напуганный неизвестным номером женский голос.

Моя собеседница затем еще долго выясняла, кто я такой, после чего мы договорились о встрече у нее дома.

Дверь мне открыла дама небольшого роста, лет пятидесяти. Внимательно изучив мое милицееское удостоверение, а затем представившись Людмилой Казанец, она наконец пустила меня в квартиру.

А затем был ее получасовой, обстоятельный рассказ.

Рассказ, что не просто подтверждал, причем, на все сто процентов, предположения Хамулы о появлении в деле банды еще одного эпизода убийства.

Он был тем самым острым осиновым колом для упряма по фамилии Гончаров.

И теперь уже все попытки всех оптом взятых сочувствующих, неустановленных, и просто бандитов из до сих пор достаточно успешно противодействующего следствию бандитского штаба сделать Гончарова второстепенным участником банды,

Представив его то ли жертвой, то ли консультантом, непричастным к слежке, похищению и убийствам,

Будут процессуально сведены на нет.

Суть услышанного мною рассказа была следующей.

Сын Казанец в конце 80-х встречался с девушкой, которая затем родила от него ребенка.

Людмила категорически воспротивилась их браку — причину этого я тогда предусмотрительно оставил следствию, тем более что меня, в принципе, интересовало продолжение ее истории. Но, к ее чести, не отказалась от внука.

Постоянно поддерживая отношения со своей несостоявшейся невесткой по имени Александра, Казанец помогала ей не только деньгами, но и участием в воспитании мальчика.

А дальше, в начале 90-х, Александра познакомилась с кавалером своей школьной подруги по имени Игорь, фамилия которого, разумеется, была Гончаров.

Тогда он работал в Уголовном розыске, что придавало художавому и нескладному, но с манерами интеллигента ухажеру ореол героизма и таинственности.

Эти свои героизм и таинственность Гончаров тщательно культивировал, приходя на встречи с двухдневной щетиной и всегда обязательно с табельным пистолетом.

Он периодически звонил по телефону, интересуясь делами у себя на работе и раздавая те или иные оперативные задания своим многочисленным подчиненным.

Короче говоря, был всегда на боевом посту.

Затем подруга Александры выехала в Израиль.

И тогда «очаровательный и интеллигентный» театрал Гончаров, красиво ухаживающий и преподносящий дорогие подарки, перекочевал уже в ее объятия.

Отношения Саши с Гончаровым были достаточно продолжительными. Хотя в них, как и положено бурным романам, были длительные перерывы, встречи, объяснения, расставания.

Все время ссылаясь на свою вечную занятость, Гончаров появлялся у Александры нечасто. Он даже пропал на несколько лет, объяснив потом, что уезжал учиться в Москву.

Вернувшись, Игорь снова воспылал к Александре прежней страстью и предложил ей жить вместе, даже обещал жениться.

Но потом...

Саша оказалась в странном положении.

Проживая с Гончаровым в трехкомнатной квартире, которую он выдавал за свою, она стала видеть его все реже и реже. Сначала Игорь появлялся раз в неделю, затем их встречи перешли в режим «два раза в месяц», а потом он мог пропадать целыми месяцами.

Его краткое объяснение было всегда неизменным.

Работа, работа и еще раз нелегкая оперативная работа.

И в тот момент, когда Гончаров совсем пропал на несколько месяцев и даже перестал звонить, Александра встретила еще одного Игоря, по фамилии Тутченко.

Учитель музыки библиотечному работнику Александре понравился сразу. И их роман не заставил себя долго ждать.

Я не могу сказать точно, сколько времени Саша металась между Тутченко и Гончаровым, но в конечном итоге победила перспектива замужества.

Она стала Александрой Тутченко, родив счастливому учителю ребенка.

Ушла Александра от Гончарова «по-книжному» — профессия взяла свое — оставив в его квартире письмо. Содержание его, как в таких случаях и положено, сводилось к двум словам: «прости», а еще, разумеется, «прощай».

Теперь уже не только предполагая, а изучив в процессе оперативной разработки болезненную самовлюбленность Гончарова,

Можно только представить, как этот несуразный карлик, считавший себя половым гигантом и живший одновременно на две семьи — ведь все это время он был официально женат, и его законная супруга воспитывала их дочь,

Бился в истерике, скрипя зубами за свое поруганное «мужское достоинство».

Любой другой попытался бы забыть ушедшую женщину и по необходимости завести другую.

Но только не Гончаров.

Он еще долгие годы не выпускал из вида молодую семью Тутченко, периодически узнавая от старшего сына Александры или от общих знакомых об их совместной жизни.

Ведь какая-то там женщина ушла от него, всемогущего, который лично решает, кому жить, а кому не жить на этом свете!

От него, подчинившего два десятка себе подобных!

От него, дурачившего всю правоохранительную систему с ее прокурорами, следователями и оперативными работниками!

Но не только обстоятельства убийства Тутченко заставили меня задуматься и начать лихорадочно сопоставлять факты, полученные в результате документирования банды.

На одной лестничной площадке с Казанец, в приличном доме, естественно, с улучшенной планировкой, проживал, кто бы вы думали?

Я бы лично никогда не мог этого даже представить.

Так вот, соседом Казанец был не кто иной, как «журналист-криминалист» Олег Ельцов.

Но это еще не все.

Людмила очень долго встречалась с заместителем начальника «бандитского отдела» городского УБОП подполковником Котуном* и даже прожила с ним несколько лет.

Вот тогда-то все эти совпадения по-другому заставили меня смотреть на провалы «бандитского отдела» при попытке установить и задержать бандитов в эпизодах с Селиверстовым, Малугой, Гельфондом и особенно со Счевой*

Именно после откровенного позора с выкупом в Русановских садах Котун* отправился на пенсию.

Хотя все эти мои сомнения, как я ни старался, так и не были доказаны в ходе следствия.

Они остались просто логической цепочкой.

Так, ничем не подтвержденной версией.

Моя беседа с Александрой Тутченко была такой же содержательной, как и с ее «неофициальной» свекровью.

Сравнительно молодая вдова с двумя детьми даже через год после смерти мужа все еще была на грани нервного срыва.

Я сделал все, чтобы он не перешел в очередную истерику — об этом меня предупреждала Казанец.

Еще подробнее рассказав мне о своих отношениях с Гончаровым, Александра, как и Людмила, уверенно утверждала, что Игорь Тутченко никогда не употреблял алкогольные напитки в больших количествах.

А из спиртного предпочитал исключительно дорогой коньяк.

В тот день у Игоря не было никакого повода, изменив своим правилам, в одиночку распивать дешевую водку, да еще далеко от дома, в какой-то лесопарковой зоне. 22 мая 2001 года Тутченко в последний раз позвонил жене и сообщил, что идет домой с купленным лекарством для старшего сына.

Выслушав рассказы двух перепуганных женщин, для которых фамилия Гончарова была все равно, что для жителей Ростовской области — Чикатило, я уже ни на секунду не сомневался, что настоящим убийцей Игоря Тутченко была не бутылка дешевой водки.

Его убийца лежал на кровати в больнице скорой помощи и предавался мечтам о том, как в очередной раз наплюет на правосудие.

А еще я сразу вспомнил разговоры с Гончаровым, в которых он подчеркивал свои возможности достать яды, не оставляющие никаких шансов для экспертов установить настоящую причину смерти:

«У меня есть яды, и я готов их продать».

Бесконечное количество раз твердил он мне с настойчивостью попугая и с привычным в таких случаях самоупоеанием о своих «недюжинных возможностях».

В общем-то, все было готово для того, чтобы «вытянуть» теперь уже, без всякого сомнения, новый эпизод.

О результатах бесед с женщинами и о своих предположениях и выводах я доложил Хамуле.

После чего еще раз переговорил с Нестеровым, который подтвердил мои догадки о том, что Игорь Тутченко был убит бандой.

Мотив убийства, как мне казалось тогда, уже был мне известен.

Но оставался только один вопрос — заключение медицинской экспертизы.

Насколько реальны яды Гончарова?

И какова сложность их обнаружения?

Ведь я тогда уже не сомневался, что для убийства Тутченко был использован именно яд.

Но сначала — показания Нестерова.

В мае 2001 года Гончаров, вызвав его, Мельникова и Лысенко, в очередной раз сообщил, что у него есть для них дело. Оно откровенно отдавало альтруизмом.

Лично для Нестерова Гончаров придумал душещипательную историю о том, что учитель музыки, подонок и извращенец, растлевает своих учеников.

Это и было именно той причиной, из-за которой его следует выкрасть и убить.

Ни о каком выкупе и обыске жилья будущей жертвы даже речи не шло.

Гончаров сказал, что когда-нибудь потом отблагодарит каждого.

А пока все они — « карающий меч правосудия».

День 22 мая 2001 года для тридцатиоднолетнего Игоря Тутченко ничем не отличался от других на протяжении последних нескольких лет.

Дома его ждали любимая жена, недавно родившийся малыш и взрослеющий парень, который не только стал ему вторым сыном, но и начал называть его папой.

Как всегда, закончив уроки в музыкальной школе-интернате на улице Шамрыло, Игорь, купив лекарства для чихающего старшего, направлялся домой.

Этой дорогой он ходил много лет — она была связью между его уютным домом и любимой работой, где он учил детей музыке.

В общем, все было как всегда.

Разве что на пути к метро в форме работника милиции его уже поджидал Лысенко в своем давно уже превратившемся в «труповоз» «ДЭУ Ланосе».

Мельникову и Нестерову их главарем были отведены хорошо знакомые им роли «оперативных работников в штатском».

Учитель был просто ошарашен, когда из стоящего у обочины легкового автомобиля вышел подполковник милиции и предложил ему проехать с ним в районное управление.

Игорь Тутченко даже пытался сопротивляться, но это быстро пресек предъявивший милицейское удостоверение Мельников, подошедший со спины.

И тогда Игорь покорно сел в машину.

Автомобиль тронулся.

И с началом его движения наручные часы на руке Тутченко начали отсчет последних минут его короткой жизни.

Бандиты привезли Игоря на дачу Гончарова на Русановских садах.

Тех Русановских садах, существование которых я для себя открыл теплой летней ночью 2001 года во время эпизода с похищением Счевой*, мечась вместе с операми «бандитского отдела» и гонимый чувством оперской досады.

Дача находилась совсем рядом с участком, где преступники сделали засаду, под дулом автомата забрав выкуп, и именно это обстоятельство в очередной раз укрепило мою уверенность в том, что похищение Счевой* — дело рук банды Гончарова.

Хотя еще тогда, в 2001-м, я несколько в верности этой версии не сомневался.

Но это была моя интуиция.

Произошедшее с Тутченко на даче Гончарова вполне может стать сценарием для фильма ужасов.

Если раньше гибель потерпевших была, как любая насильственная смерть, хотя и страшной, но все же сравнительно быстрой — жертвы, завернутые в припасенный для таких случаев ковер и беспомощно лежащие на полу, хладнокровно душились удавкой,

То для Игоря Тутченко, посмеявшегося увести у него женщину, Гончаров придумал смерть мучительную и изощренную.

Без всякого сомнения, главарь вынашивал ее много-много лет, продумывая каждую деталь.

Связанного потерпевшего Гончаров и Мельников посадили в кухню на стул. Затем Мельников поехал за ядом.

Вначале был привычный «разговор» с издевательствами и побоями — но это был не стандартный допрос о наличии денег и ценностей.

Это был танец упыря вокруг жертвы. Когда приговоренный им на смерть наполняет воздух страхом, а убийца-маньяк, жадно его впитывая, приводит себя в состояние знакомого ему иступления.

Кстати, отраву Мельникову продал врач столичной районной больницы по фамилии Мерицкий*

Из обвинительного заключения по делу № 62-2222 следует, что это «яд щелочного ряда с местнодействующим проявлением, который преимущественно влияет на работу сердечно-сосудистой системы».

Вернувшийся Мельников смешал яд с водкой.

Затем, вставив лейку в рот жертвы, Гончаров с Мельниковым залили в горло адское зелье. А когда отравы в бутылке закончилась, человекоподобные хладнокровно наблюдали, как парень корчится в предсмертных конвульсиях, лежа на давно не мытом деревянном полу.

Переведя дух, убийцы привычно перенесли уже труп Игоря Тутченко в багажник автомобиля Лысенко и вывезли его в парковую зону Оболонского района столицы.

Затем, придав убитому положение спящего пьяницы, положив рядом пакет с едой и оставив недопитую бутылку водки, бандиты уехали по своим делам.

Исполнять роль отцов семейств, заботливых мужей-кормильцев и честных и неподкупных слугителей закона.

Картина совершенного преступления была окончательно ясна, и пора было отправляться в прокурорско-милицейские «закрома», чтобы поднимать совсем скоро начинающие претендовать на звание архивных материалы.

В уголовном розыске Оболонского района по моей просьбе даже нашли видео из архива. У меня в руках оказалась кассета с кадрами, снятыми на месте обнаружения трупа Тутченко.

А затем порадовала прокуратура Оболонского района.

Чем порадовала?

Оперативностью, с которой мне была выдана копия постановления об отказе возбуждения уголовного дела по факту обнаружения трупа Тутченко.

В прошитом и пронумерованном постановлении об отказе, помимо первоначальной справки об ишемической болезни сердца, повлекшей за собой смерть,

Неподшитым болталось пришедшее по почте примерно через месяц судебно-медицинское заключение из морга с результатами анализов внутренних органов умершего Тутченко.

В этом заключении, в его резолютивной части, большими буквами было написано:

«Смерть Игоря Тутченко наступила в результате отравления ядом».

Читал ли кто-то из прокуроров Оболонского района данное заключение?

Или опять какая-нибудь незаменимая в таких случаях секретарша-блондинка, не отягощенная знаниями в области судебной медицины и не утруждающая себя чтением — ведь это же не глянецовый журнал — взяла на себя роль последней точки в завершении правосудия?

Я выяснять не стал.

В конце концов, у меня в руках были материалы по еще одному эпизоду похищения и убийства, совершенного милицейской бандой.

После следственного закрепления этого эпизода Людмила Казанец дала интервью газете «Сегодня», где убедительно говорила, что задержание преступников спасло ее от неминуемой смерти.

Увы, но в этом есть огромная доля правды.

Вне всякого сомнения, Гончаров никогда не простил бы ей ни разговоров о его причастности к «несчастному случаю с Тутченко», ни ее инициативы проведения более серьезной экспертизы трупа несчастного парня.

Ведь именно ее результат стал одним из главных доказательств факта убийства.

Нет никаких сомнений, что рано или поздно Гончаров обезопасил бы себя «всемогущего» еще и ее внезапной смертью.

Полковник милиции Сергей Хамула доложил о собранных мной материалах начальнику УВД генералу Петру Опанасенко.

А затем, с блеском в глазах, я отправился к старшему следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры Украины Гарнику.

Не могу сказать, что перспектива расследовать новый эпизод его уж очень обрадовала. Мне пришлось потратить еще целую неделю, пройдя все прокурорские инстанции, чтобы материалы наконец-то им были приняты к расследованию.

После направления дела в суд в своих газетных интервью Олег Гарник подробно рассказывал о реакции Гончарова, о том, как изменилось его самонадеянное выражение лица, когда ему было предъявлено обвинение в организации похищения и личное участие в убийстве Тутченко.

А еще,

Именно обстоятельства смерти Игоря Тутченко окончательно привели старания «эксперта-криминалиста» Ельцова и его собрата по перу, «неизвестного» автора Суши Камикадзе,

По приданию Гончарову статуса «оболганной, второстепенной, невиновной овечки»,

К отметке полного бреда.

К результату, равному цифре «ноль».

Расставив участников банды по своим настоящим местам.

Это окончательно поделило серую бандитскую массу на соучастников и главаря, теперь уже безальтернативно сводя судебные перспективы Гончарова к пожизненному заключению.

Что-что, а этот факт он мог оценить вполне трезво.

И именно понимание крушения выстроенной им, хотя и зыбкой, но все-таки защиты,

Заставило его отчаянно, с еще большим остервенением продолжить борьбу с уничтожающей его многолетнюю уверенность в безнаказанности,

Когда-то позволившей ему быть тем, кем он стал, а теперь крошащей его в лагерную пыль,

Правоохранительной машиной.

Глава 53

Я привык всегда свою работу делать хорошо.
И.Сталин

Появившийся в уголовном деле эпизод с Тутченко несколько «взбудрил» всех подследственных, но картины следствия никак не изменил.

Обвиняемые, как и раньше, упорно не давали показаний о новых эпизодах своей преступной деятельности. В своих раскаяньях они ограничились показаниями только по тем эпизодам, которые стали известны следствию в результате сотрудничества Нестерова.

Гончаров же и вовсе, ссылаясь на свое «катастрофическое» состояние здоровья, давал показания крайне редко.

А еще, к моему стыду, я так и не смог прекратить его переписку через адвоката с другими подследственными. Желание, тратить дорогое время на поимку «носильщиков маляв», а затем на выслушивание их несуразного по этому поводу визга у меня напрочь отсутствовало.

Хотя, вне всякого сомнения, результат этой переписки в первую очередь прямо влиял на его «желание» или на отсутствие такового у Гончарова к проведению каких-либо следственных действий.

Предполагать же о том, что он станет «источником раскаяния», было несусветной глупостью.

Да и его такие вот «тактические приемы», как мне тогда казалось, никак не влияли на общий следственный процесс.

Более того, из-за большого количества задержанных, так или иначе, но все-таки дающих показания, эти приемы только ему вредили,

День за днем подводя его к процессуальному состоянию той самой, высекшей саму себя унтер-офицерской вдовы¹.

¹ Несколько измененные слова Городничего из комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла».

Чего в конце концов Гончаров добился своей постоянной и не меняющейся тактикой, так это того, что его показания уже никого не интересовали.

А еще,

После появления в деле факта убийства Тутченко у самого Гончарова и вовсе пропал всякий смысл придерживаться первоначальных, данных самому себе установок и выдавать себя за «запутавшегося» второстепенного участника банды.

Ему понадобилась передышка, и он перестал давать показания в принципе.

И тогда, хорошо понимая, что главная опасность исходит не от прокурорских следователей, фиксирующих только то, что он им говорит под протокол, а от раскаяния подельников, Гончаров сделал все возможное, чтобы с беспринципной помощью своих адвокатов остановить «водопад» их показаний.

И это ему, к сожалению удалось.

За мое нежелание вмешиваться в процесс переписки между подельниками, в тот самый «маявный процесс», последовало наказание.

И хотя Гончаров, воспользовавшись тем, что участники его банды вначале пришли в себя после арестов, затем по старой привычке сбились в стаю, а потом и вовсе начали несуразно, но все-таки огрызаться, забрав часть его головной боли.

Но,

Прекратить дуэль между ним и оперативной группой столичного УБОП ему было не под силу.

И тогда Гончаров, никогда ничего не делавший просто так, зная из личного опыта, что все показания обвиняемых тщательно проверяются, начал нас «водить».

Он заменил «режим молчания» на «режим нечастых допросов», во время которых сообщал факты якобы совершенных его подельниками преступлений.

Разумеется, как, впрочем, и всегда, с этими вот «откровениями» Гончарова все было не так просто.

Все его «сообщения» были исключительно из далекого прошлого. Да и само слово «преступление» в его показаниях отсутствовало как таковое.

Но делать было нечего.

Выполняя дополнительные отдельные поручения следствия, мы с Игорем Прикладовским, с головой зарывшись в архивы и учеты, проводя огромное количество времени за изучением документов десятилетней давности, снова и снова тренируя свое терпение.

Но, увы, все было зря.

Подтверждения совершенных преступлений в сводках и уголовных делах, за исключением уже известных эпизодов, в которых участвовал Нестеров, в них отсутствовали.

А вот сам их «неиссякаемый источник» своим «золотым пером» не просто держал в напряжении нестойких подельников, еще только вчера дававших в отношении него показания, — ведь месть для него тогда не стояла во главе угла. Хотя такой возможности он никогда не упускал.

Даже на тюремной койке Гончаров снова считал себя главарем.

Он опять, по старой упыриной привычке, хотел карать и миловать.

Но теперь его жертвами были выдавшие его, спасающие свои шкуры подельники. Ставшие тогда для него никчемными, жалкими тушками, которыми он себя сообразительного прикрывал. Вновь вернувшись к попыткам любой ценой оставить за собой выигранный, а от этого исключительный для уголовного дела образ хотя и запутавшейся, но все-таки только жертвы.

«Откровения» Гончарова по очереди «разоблачали» то Гайдая, то Лысенко, которого он даже объявил близким другом жены Тутченко.

Не забывал Свердлова.

И, разумеется, отдельную, главную роль оставил для ненавистного ему Нестерова.

А еще, к моему большому удивлению, Гончаров даже пополнил список персон, отданных правосудию.

К фамилии Лысенко он присовокупил фамилию еще одного давнего приятеля, оказавшегося по совместительству фигурантом по делу «Снегири».

«Заклейменный» Гончаровым «свежий» участник банды был бывшим работником УБОП, проработавшим с Гончаровым рука об руку, если в случае с последним такое вот сравнение будет уместным, восемь лет.

Его фамилия не стала для меня новостью.

Я ни на секунду не сомневался в его участии в банде.

Выданным Гончаровым «злодеем» оказался тогда уже тоже пенсионер МВД Леонид Михайленко.

Главарь банды поведал о факте, как он писал в протоколе, «несчастья с людьми в селе Счастливое, Киевской области», к которому был причастен Михайленко.

Хотя причина откровения Гончарова в очередной раз, увы, была банальной.

Помимо участия в этом эпизоде Нестерова, что, в принципе, не оставляло Гончарову с подельниками шансов о нем умолчать,

Как потом мне стало известно из близких к жене Михайленко источников,

Она тогда «летающей походкой» отослала посланного к ней упырем «ходока» с настоятельной просьбой поддержать его освобождение крупной суммой.

Лежа на больничной койке, Гончаров люто ненавидел и одновременно завидовал Михайленко. Ведь тому удалось не только воспользоваться плодами их совместной деятельности, но и скрыться.

Михайленко, пользуясь в полном объеме деньгами, полученными в результате преступлений, купил сразу же после выхода на пенсию квартиру в Печерском районе столицы, женился на женщине моложе него на двадцать лет, которая родила ему сына, и теперь спокойно «чесал живот» где-то в Европе.

Более того, хитрость и осторожность Михайленко, помноженная на его легендарную трусость, сослужили ему хорошую службу.

Ни один участник банды в отношении него так и не дал никаких показаний.

И, разумеется, у следствия не было оснований для его ареста.

Зная профессиональные качества Михайленко, а еще то, что он в начале своей милицейской карьеры занимался наружным наблюдением, у меня не было никаких сомнений, что в банде именно он, вместе с Киселевичем, занимался выслеживанием жертвы.

Но, как я уже говорил, одно дело предполагать, а другое — доказать.

Ну, а следствие с легкой руки Гончарова получило еще один эпизод — с двойным убийством семьи Шевченко летом 1996 года в селе Счастливое Киевской области.

Хотя тогда в 2002 году он не был доказан участникам банды в рамках уголовного дела № 62-2222.

Но это был далеко не последний сюрприз, полученный в ходе отработки гончаровских «раскаяний».

Во время проверки его показаний и одновременно сбора доказательств в эпизоде с похищением и убийством Омель-

ченко и Гельфонда, на роли «второго плана» в банде всплыл еще один «коллега». И я не мог не заняться его установлением и задержанием, обоснованно предполагая, что Гончаров был способен «перетасовывать» бандитов и брать на похищения и убийства то тех, то других.

Еще с появлением нового участника банды, в теории, могли появиться показания о новых ее эпизодах.

А они были бы уж точно нам всем небезынтересны.

Анкетные данные бандита в звании капитана милиции, которым оказался Юрий Навродский, я установил сравнительно быстро.

А вот чтобы узнать его реальное место жительства, пришлось попотеть.

Навродский по собственному желанию уволился с должности старшего опера Уголовного розыска МВД в конце 2000 года, после чего по месту прописки, в городе Иванков Киевской области, не проживал.

Передо мной встала проблема местонахождения нигде не работающего, и по сути скрывшегося еще одного участника банды.

Но мне уж очень хотелось себя побаловать и вернуться в состояние бегущей по следу «легавой», вертящей по сторонам своим чутким носом,

Чтобы затем, перед последним фиксирующим прыжком, увернувшись от спертго бандитского запаха,

В который уж раз «порадовать» себя картинкой непроизвольного выделения жидкого, жидкого, жидкого стула у загнанного в угол очередного человекоподобного.

А еще, как ни странно, живой интерес к новому участнику банды поддержал Гайдай, проговорившись после задержания, что на счету у нее три десятка трупов.

Мы же с Сергеем Хамулой в такой цифре несколько не сомневались.

Ведь Нестеров, появившийся в банде только в 1996 году, привлекался Гончаровым далеко не ко всем ее совершаемым преступлениям.

И снова началась скрупулезная оперская работа. Причем началась она с привычной процедуры по установлению связей Навродского.

С Игорем Прикладовским, насколько в таких случаях это было возможно, с соблюдением конспирации я проверял его

место учебы, работы, конфиденциально опрашивал его бывших коллег.

Кстати, Навродский так и не закончил Академию внутренних дел, что, как минимум, настораживало.

Я даже добрался до семьи его бывшей жены.

Все было впустую.

Навродского нигде не было.

И вот когда Хамула уже начал волноваться, а я — злиться от отсутствия возможности зацепиться за «свежего» фигуранта, удача мне улыбнулась.

30 декабря 2002 года, в тот самый момент, когда Прикладовский сбежал на пьянку «бандитского отдела» по поводу наступления Нового, 2003 года,

Вначале я назначил себя Дедом Морозом,

А затем я сам себе сделал подарок.

Тот самый подарок с пометкой «оперской».

Мне все-таки удалось вычислить новый адрес Навродского.

А после встречи Нового года, выполнив все мероприятия по проверке вероятного адреса фигуранта, я был уже точно уверен, что Навродский у меня есть.

Но мое искушение установить других, оставшихся на свободе участников банды было так велико, что я уговорил Хамулу сразу его не арестовывать.

Я попросил месяц на отслеживание и отработку его связей, полагая, что Навродский выведет меня на новых, неустановленных бандитов.

К моему огорчению, испытуемый вел образ жизни «барыги-неудачника», пытающегося организовать хотя бы какой-то бизнес и хоть каким-то образом заработать денег.

И тогда,

Отработав месяц впустую, собранные мною материалы я передал в Генеральную прокуратуру.

Утро 28 января 2003 года Навродский благополучно встретил в кабинете на Московской площади.

Передо мной сидел полностью подпадающий под гончаровский вкус высокий, атлетического сложения бандитский «пехотинец», на лице которого был испуг от непонимания того, как мне все-таки удалось его «достать».

Думал ли «мажор от милиции», что когда-нибудь будет задержан своими бывшими коллегами, да еще по обвинению в соучастии захвата заложников и их убийстве?

Можно смело утверждать, что такое развитие событий точно не входило в его планы.

Особенно тогда, когда в 1992 году Навродский начал свою карьеру в должности милиционера патрульно-постовой службы Ирпенского отдела Киевской области. Где, кстати, он и «подружился» с еще одним участником банды Гончарова, тогда тоже постовым милиционером, Пелюшком, останки которого с июля 2002 года были обнаружены «бандитским отделом» и тогда уже больше полугода лежали в городском морге.

Радужные перспективы Навродского всячески поддерживал его дядя, не просто работающий в МВД, а имеющий в милиции приличные.

Карьера в органах внутренних дел представлялась парню в виде сытого и доходного места.

Окончив Черниговское училище внутренних дел и получив звание лейтенанта, Навродский уверенной походкой «двинулся за своим счастьем».

Но в один прекрасный день оно, то самое счастье, Навродскому изменило.

Поменялось руководство МВД, дядя ушел на пенсию и стал рядовым адвокатом.

Жизнь дала трещину.

Что осталось тогда неизменным в его «мажорном бытии», так это его высокомерие и презрение к коллегам, о чем затем постоянно мне говорили его бывшие сослуживцы.

После того, как «звезда пленительного счастья» Навродского окончательно закатилась, коллеги начали отвечать ему тем же. И совсем не удивительно, что он был подобран Гончаровым.

Как бывший опер, Навродский сразу же сообразил, что установить его местонахождение дураки не могли. И наше с ним общение он начал с явки с повинной.

К моему с Хамулой огорчению, новых эпизодов Навродский не дал.

Зато его «чистосердечное раскаяние», опять же, к «радости» Гончарова, в нескольких эпизодах помогло следствию воссоздать полную картину совершенных бандитами преступлений.

Вначале Навродский покался в том, что именно благодаря знакомству с ним покойные бандиты и по совместительству экс-милиционеры Пелюшок и Евтушенко попали в группировку и участвовали в разбоях на дорогах.

Хотя он скромно умолчал, а Нестеров на этом настаивал в своих допросах, что именно по приказу Гончарова, воспользовавшись их многолетней дружбой, Навродский привез друзей милицейской юности на дачу Нестерова. А затем, сидя в машине, без малейшего сожаления спокойно ожидал, когда его старых «корешей» одного за другим лишат жизни при помощи целлофановых пакетов.

Именно Навродский в январе 1999 года, одетый в милицескую форму и изображая работника ГАИ, участвовал в первой, неудачной попытке похищения целителя Омельченко.

Которое с самого начала пошло не так, как планировал Гончаров.

В салоне автомобиля у Омельченко сидел пассажир. И в тот раз он уехал живым. Бандитам же во главе с Гончаровым только и осталось, что смотреть вслед уезжавшей машине.

И именно тогда, получив от главаря свое место в банде, Навродский отправился «в запас» до следующего дела.

А самое главное, именно он, Навродский, вновь облаченный в форму работника милиции и снова старательно изображающий работника ГАИ, 31 августа 2000 года остановил автомобиль, которым управлял Михаил Гельфонд. Став тогда соучастником его похищения и убийства.

Известие об аресте очередного бандита разнеслось по всем «заинтересованным кругам», докатившись волной до Гончарова.

К моему нескрываемому удовольствию, снова пощекотав бандитские нервы с внешней и внутренней стороны следственного изолятора.

Когда Навродский был отработан, и убеждение того, что от него уже ничего не добьются, окончательно окрепло, я вручил копию спецсообщения о его задержании и аресте коллеге по убоповской разведке, подполковнику Оейнику*.

Очень уж мне хотелось, чтобы Ельцов сотоварищи в очередной раз за нас с Хамулой «искренне порадовались».

Хотя это было, скорее, мальчишество.

Но кто сказал, что тридцать пять — это уже глубокая старость?

А еще Навродский повеселил нас всех историей о том, как Гончаров принимал его в «спецподразделение СБУ».

Именно коллега по МВД Лысенко и представил Навродского «работнику секретного, глубоко законспирированного спецподразделения».

Вначале было «собеседование», на котором Свердлов, Кепель и Гончаров, придав себе многозначительный и важный вид, проводили с Навродским разговоры о целях и задачах группы.

Главарь попросил его заполнить несколько анкет, написать пару рапортов и даже приложить свои фотографии.

Верил ли Навродский, что зачислен в работники «секретного» спецподразделения под непосредственным руководством одетого в секонд-хэнд Гончарова, с «сослуживцами» явно с бандитскими харями?

И что объявленные в розыск как скрывшиеся преступники Пелюшок и Евтушенко, его приятели, действительно пропали без вести?

А если к этому прибавить исчезнувшего народного целителя Омельченко?

Ведь Навродский имел возможность увидеть водительские права потерпевшего с его знаменитой в Киеве фамилией.

А потом, еще находясь на работе в Центральном аппарате уголовного розыска МВД, просто взять и почитать милицеские сводки.

Ну, и последний «карнавал» с остановкой машины Гельфонда, который был похищен у него на его глазах.

После чего, кстати, они вместе с Гончаровым, Лысенко и Свердловым прямиком отправились в квартиру тогда уже заложника Гельфонда, где похитили не только документы, но и личные вещи вместе с бытовой техникой, которые впоследствии «по-братски» поделили.

Кстати, «премия» от Гончарова в размере пятидесяти долларов была последней точкой в проведенной «спецоперации».

На мой взгляд, все это было прямым доказательством того, что этот капитан милиции — совсем не «невинная, слепая жертва» коварного Гончарова.

Но следствие, изучив все незрелые, а стало быть, «зеленые» аргументы «против» и просто собранные следственным путем доказательства «за», после четырехмесячного пребывания Навродского под арестом благополучно отпустило «невинного, запутавшегося мальчика» под подписку о невыезде.

В конечном итоге Навродскому даже не было предъявлено обвинение в соучастии в банде.

Генеральная прокуратура ограничилась его обвинением по злоупотреблению властью и служебным положением.

Да и еще в том пункте, согласно которому ему грозило смехотворное наказание.

Глава 54

*Ветер с моря дул, ветер с моря дул,
Нагонял беду, нагонял беду...*

Из песни Е. Сокольской

В постоянной беготне, регулярно становившейся запаркой, я и не заметил, как в Киев пришла весна 2003 года.

Была ли она долгожданной?

Наверное.

Я не верю, что в мире найдется большое количество его обитателей, мечтающих исключительно о непрекращаемся северном сиянии над головой.

А вот для Хамулы весна 2003 года, увы, не стала такой вот внезапно пришедшей теплой сказкой.

С самого его назначения на должность начальника УБОП столицы качающееся под Хамулой кресло весной шатнулось так, что Сергей Владимирович выскользнув из него, оказался на «новой вышестоящей работе» в должности аж начальника отдела ГУБОП.

Как случилось, что опытный, заслуженный, да и, по большому счету, уже легендарный Хамула попал под очередную кадровую интрижку, что стоила ему должности, а всей следственно-оперативной группе по уголовному делу № 62-2222 — больших нервов?

Все началось в июле 2002 года.

Совершенно неожиданно для всех возникшая фигура Хамулы на должности начальника УБОП столицы просто «всколыхнула» не только бандитские, но и широкие предпринимательские круги города Киева.

А еще, что во сто крат хуже всех, вместе взятых, «тревог и волнений», — «поломала» планы движения по служебной лестнице любимых в достаточно узких милицейских кругах «ответственных» товарищей.

Если откровенно, то реальных «служебных перспектив» Сергея Владимировича, по большому счету, с трудом, но хва-

тало на должность первого заместителя начальника столичного УБОП. На которую, в принципе, и «пригласил» его тогдашний министр внутренних дел Юрий Смирнов.

Хотя даже в конце 2000-го «зеленая улица» заместителя начальника милиции города Перевальска Луганской области, работавшего свой профессиональный авторитет в глазах тогда еще начальника Луганского УВД Юрия Смирнова ликвидации особо опасной банды, дала сбой.

Вместо должности первого заместителя начальника Хамула в конечном итоге получил место заместителя с припиской «просто».

Да и еще самого трудного и «неблагодарного» в материальном смысле, «бандитского» направления работы.

Затем настала очередь «непростых» обстоятельств полугодовой службы Хамулы. Что ни для кого никогда не было большим секретом.

И даже когда в мае 2002 года должность начальника УБОП Киева «скоропостижно» освободилась, на давно уже прихрамывающую «темную лошадку» с фамилией Хамула, как на вероятного претендента, трепачи языками от милиции, в принципе, ставок не делали.

Фаворитом забега «за счастьем» на генеральскую должность был заместитель начальника столичного УБОП в сфере экономики, полковник Шпоренко*.

На втором месте «уверенно держался» первый заместитель начальника столичного УБОП полковник Корнич.

И только где-то там за их хотя и полковничьими, но далеко не мужественными спинами невыразительно «плелся» Хамула.

Кто на высокую должность протезировал Корнича, тогда еще известно не было. А вот Шпоренко* «проявил себя» как настоящий перспективный, многообещающий и неглупый чиновник при МВД.

Проявил, разумеется, не на «поле брани».

Раскрытие преступлений в сфере экономики никогда не было его коньком.

В Киеве безбедно и, главное, спокойно сосуществовали контрабандисты, конвертаторы, НДСники, расхитители государственных средств. Пышным цветом цвела коррупция. А еще весь этот сброд из бегущих за крупным личным финансовым счастьем хорошо знал всеми «уважаемого» жителя, позволявшего себе ходить на служебные совещания по желанию, причем непременно в светлом костюме, стабильно закрывавшего свой служебный кабинет в 18.00.

Спокойствие от непрогнозируемых кадровых милицейских ветров и нелегких убоповских будней Шпоренко* давала кумовская связь с тогда еще одним из заместителей главы аппарата в Администрации Президента, таким же любителем «костра и солнца», а также белогривых поющих и скачущих лошадак, что впоследствии «прославил» украинскую милицию своим «глубоко нравственным» и «высокопрофессиональным» управлением ею в должности министра.

Но тогда, в 2002-м, родственная связь, увы, дала сбой.

Мечты Шпоренко* о большом руководящем кабинете рассыпались, как карточный домик.

Но ведь желание-то осталось.

Именно оно заставило претендента, хорошо понимавшего, что Хамула — это далеко не Актион*, «зажав красоту в мозолистую руку», переключиться на иную, разумеется, руководящую должность, другую хлебную должность начальника по хозяйственной части УВД столицы.

А еще — сразу же, так, даже «не корысти ради», начать ремонт помещений главка.

Говорить о кадровой политике Хамулы и вовсе, наверное, не стоит.

Ведь сложно рассуждать о том, чего нет.

На мой взгляд, тогда, в 2002-м, Сергей Владимирович так и не понял главный лозунг, доставшийся нам от диктатуры пролетариата о том, что «кадры решают все».

Более несуразного подбора заместителей и начальников отделов я после этого не видел никогда.

Первое, что сделал Сергей Владимирович после своего назначения, так это испортил отношения с начальником столичного УВД генералом Опанасенко.

Хотя они, эти отношения, в принципе ничего для него не решали.

Хамула оказался между неуклюжим молотом начальника столичного главка, никогда не любившего УБОП в принципе и видевшим на этой должности своего ученика, тогда еще полковника Ярему,

И наковальной изощренного в карьерных ментовских играх, а еще мудрого «завхоза» Шпоренко*.

Полностью выкладываясь на работе, стараясь ничего не упустить, вникая во все оперативные и следственные дела и идя по

своей привычке против ветра, Сергей Владимирович, разумеется, вовремя не почувствовал легкого сквозняка, что в конце концов, коварно подрывал его начальствующее здоровье.

Причем, сквозил он, «коварный», где-то там, сбоку.

А все началось с того, что оставшиеся на «хозяйстве» в «бандитском отделе» и так и не расставшиеся с чувством главных победителей «этого сезона» герои-заместители Какьян* с Какмяковым* уже через три месяца своего «чуткого руководства», в сентябре 2002 года, «наступили на грабли».

В тот момент, когда я, Прикладовский и сам Хамула успокаивали расстроенную нервную систему в отпуске, эти двое вновь испеченных тогда уже самостоятельных руководителей несколько своеобразно попытались сломать схему сбора мзды с водителей маршрутных такси, работающих на междугородном маршруте в одном из столичных направлений.

Насколько искренним было их желание лишить «ежемесячного прихода за крышу» одного из воров в законе, я утверждать не берусь. А вот откровенный мордобой при «жестком приеме»¹ водителей маршруток, которые, по логике вещей, должны были стать потенциальными заявителями о рэкетирских поборах, вылился в конечном итоге в возбуждение уголовного дела в отношении вверенного им Хамулой, нашего, «бандитского отдела».

То, что его стиль — это жесткие задержания, и они почти всегда оправданны, ни для кого никогда не было секретом.

На асфальте в наручниках в свое время отлежали все.

От преступных авторитетов до олигархов, в теплой компании с народными депутатами Верховной Рады Украины.

Но именно после того случая с «необоснованно жестко задержанными водителями», платившими бандитам дань, Фемида не только встала, а просто-таки «бросилась» на их защиту.

И «выдавливание» Хамулы с должности благополучно началось.

Крайним за отсутствие должного контроля, из отпуска, над своими подчиненными, разумеется, был «назначен» именно он.

Принципиальная позиция генерала Петра Опанасенко по пресечению нарушения законности работниками столичного

¹ Милицейский термин (когда во время задержания подозреваемых кладут на асфальт лицом вниз, при этом жестко применяя приемы самбо).

УБОП была молниеносно подхвачена его давним приятелем, тогда заместителем прокурора города Киева, Виктором Шевченко.

С его благословения прокуратура взяла да и защитила нарушенные права и поруганное достоинство необоснованно задержанных водителей маршрутных такси. Проявив при этом неподдельное желание установить истину и скрупулезно расследуя все обстоятельства в рамках возбужденного уголовного дела.

Вот именно тогда,

Исключительно благодаря своеобразному своему видению роли потерпевшего в уголовном процессе тех самых свежеспеченных руководящих коллег из «бандитского»,

Что позволил всем без исключения «заинтересованным лицам» не только выдать, по их мнению, случайно и не к месту назначенного на должность начальника Киевского УБОП Сергея Хамулу, который взял и сломал давно выстроенные схемы замещения «жирных» вакантных должностей –

Нежданно и, разумеется, негаданно, они навсегда прервали оперативные мероприятия по установлению новых фактов убийств, совершенных милицейской бандой Гончарова.

Каждый из многотысячной армии киевлян или гостей столицы, став жертвой преступников, вне всякого сомнения, мечтает о том, чтобы именно на его дело были брошены лучшие силы.

Как налогоплательщик, он вправе требовать, чтобы преступники, совершившие, на его взгляд, именно в отношении него самое тяжкое в мире преступление, были задержаны и предстали перед органами правосудия.

Но задайте себе вопрос, каков процент реализации этого его законного права?

Что же касается уголовного дела в отношении «злоупотребления» оперов УБОП, то на него были брошены «лучшие силы» городской прокуратуры.

Что предпринимал Шпоренко* все это время, для меня осталось за кадром.

Хотя я ничуть не сомневаюсь, что его «кипучая натура», подпитанная ненавистью к Хамуле, не позволяла ему просто красить заборы вокруг УВД, перепачкав никогда не державшие даже черенка от лопаты руки вьедливой масляной краской.

Окончательно добил Хамулу на тот момент заместитель министра внутренних дел Юрий Черкасов.

Даже не симитировав желания разобраться в сложившейся ситуации, он снял Сергея Владимировича с занимаемой должности.

С марта 2003 года Хамула перешел на «вышестоящую» работу в ГУБОП МВД Украины, что, конечно же, прибавило радости всему разношерстному и тогда очень широкому кругу наших с ним оппонентов.

И хотя Хамула по инерции из своего нового кабинета еще пытался в «свободное время» проявлять интерес к теперь уже когда-то нашему общему делу,

Увы, но в действительности я остался один.

ЧАСТЬ 2

MORES¹

НРАВЫ

¹ «Нравы». — лат.

Глава 1

*Жизнь постоянно меняется к лучшему,
Как правило, всегда минует хорошее.*

Афоризм. Автор неизвестен

Не нужно быть великим оракулом, чтобы догадаться, что начальником столичного УБОП стал Виталий Ярема.

Отработав продолжительное время на разных должностях в Уголовном розыске, Ярема был солидарен с Опанасенко в их общем «сложном» отношении к его теперешнему, новому месту работы.

Начал он с того, что педантично стал вникать в тонкости управления, что сразу не понравилось основной массе его начальников. И тогда они, начальники, в свою очередь, не пришли по вкусу Яреме. Поэтому, не претендуя хотя бы на какой-то огонек оригинальности, он начал тащить в УБОП своих бывших сослуживцев по Уголовному розыску.

Вот так, теперь уже обыденно после «днепропетровского прилива», начался «днепропетровский отлив».

Под его большую волну попали и мои недавние коллеги по убоповской разведке Оейник* и Домарацкий, вовремя сообразившие, что их беззаботная «розовошекая» жизнь закончилась навсегда. Как по свистку, они решили испытать себя на поприще уже другой разведки, теперь при Министерстве обороны.

И вот именно тогда, с мая 2003 года, я с удивлением обнаружил, что стал полноправным начальником отдела УБОП. Что, опять же, времени на банду Гончарова мне не прибавило.

Смена руководителя, не без моей настоятельной рекомендации, заставила старшего следственной группы Генеральной прокуратуры Олега Гарника нанести новому начальнику «визит вежливости».

Затем он поделился со мной содержанием их разговора.

Полковник Ярема часто, к месту и без такового, повторял фразу о том, что к делу о милицейской банде он не имеет никакого отношения. И его оно интересует «постольку поскольку».

Увы, но теперь уже из часто переходящего к новому хозяину «командирского» кабинета я получил недвусмысленный сигнал о том, что УБОП умывает руки.

Но, к чести Виталия Яремы, он все-таки с оперским пониманием закрывал глаза на мою работу на должности начальника разведки «вполноги». То ли потому, что сам слабо представлял цели и задачи вверенного мне отдела, а возможно, все еще помнил о своем совсем еще недавнем позоре с похищением и убийством народного целителя Омельченко.

Связывал ли Гончаров наступившую весну 2003 года и свое хорошее настроение от кадровых «перестановок» в такой ненавистной ему «милицейской конторе», сейчас утверждать сложно.

Хотя,

Без сомнения, происходящие за зарешеченным крупной арматурой окном события заставляли его, как, впрочем, и каждого находящегося под арестом участника банды, продолжать верить в свою близкую свободу.

Но такого вот «весеннего оптимизма» Гончарова никак не разделял Спаситель. Он пристально следил за тем, чтобы его кара настигла упыря с подручными еще на земле. И пока Спаситель делал свое дело, старший группы от Генеральной прокуратуры Олег Гарник, в свою очередь, упорно трудился над тем, чтобы «контора писала».

Явно подустав от клоунады Гончарова на больничной койке и предварительно получив медицинскую справку о том, что его можно содержать в условиях ИВС, Гарник принял решение «взбодрить» главаря банды ужесточением режима его содержания.

К недоумению Гончарова, в планы которого явно не входило вновь отведать тюремной баланды, в один из весенних дней все той же весны 2003 года он-таки оказался в тюремной камере.

В следственном изоляторе № 13 с момента своего ареста Гончаров провел не более недели, и это необходимо было срочно исправить. Тем более что в материалах уголовного дела к тому времени он уверенно занимал место бандитского лидера.

Признательные показания его подельников уже в процессуальном порядке закрепляли за ним положение не только главаря банды, но и серийного убийцы.

Мог ли Гончаров смириться с таким положением дел?

Я думаю, что не только он — мы оба понимали, что простая «несознанка» в принципе его никогда не устроит.

Только вот, в отличие от меня, действующего в рамках уголовного процесса, у Гончарова даже на нарах все еще оставалось поле для маневра.

Глава 2

*Многие готовы поставить знак равенства
Между пожаром и пожарной командой.*

Уинстон Черчилль

Но вернемся к оперативному сопровождению уголовного дела.

Еще в конце весны 2002 года я поделился с Хамулой своими мыслями, опирающимися, скорее, на интуитивные догадки, чем на факты, по поводу продолжительного личного знакомства с Гончаровым.

В те, теперь уже далекие, времена у меня не было сил и пропала всякая воля сдерживать свое регулярно возникающее желание взять и связать милицейскую банду Гончарова и похищение журналиста Георгия Гонгадзе.

Да и кто бы на моем месте от такого развития событий добровольно отказался?

На первый взгляд, все мои потуги были ну очень самонадеянны.

Ведь ни я, ни Хамула не имели никакой информации о работе следственной группы по исчезновению журналиста.

Но той весной я самоуверенно решил, что это для меня вообще не помеха. А окрыленный успехом ликвидации банды Гончарова, я вдруг посчитал, что все другие вершины мне сейчас, ну, как минимум, по плечу.

В те мои регулярно выстраиваемые для самого себя версии достаточно четко вписывались как «особые отношения» Гончарова с Ельцовым, который к тому времени «числился» не только коллегой, но и приятелем Гонгадзе, так и известные мне из Интернета обстоятельства, предшествующие похищению журналиста.

Я провел достаточно много времени, складывая пасьянс из этих озвученных фактов и известных обстоятельств обнаружения «тарашчанского тела», делая упор на почерк милицейской банды и ставя во главу угла уже тогда хорошо и давно мне известные черты характера ее главаря.

И чем больше я складывал и сопоставлял, предполагал и «фонтанировал версиями», что выходили одна убедительнее другой, тем реальнее получалась если не вся, то уж точно немалая часть логической цепи их связи.

Судите сами.

В июне-июле 2000 года на сайте «Украинской правды» появился целый ряд статей, затрагивающих деловую репутацию, а зачастую и человеческое достоинство на тот момент самой влиятельной части украинского политикума.

Сейчас, после всех произошедших в стране событий, сайт «Украинской правды» в местах их публикации, за исключением статьи об Александре Волкове, зияет черными дырами. Но причины, что заставили владельцев ресурса таким вот достаточно примитивным способом лишиться всех нас возможности «припасть к истокам», к счастью, на всю Всемирную паутину не распространяются. Тем более что их бережливый от природы автор по прошествии года решил еще раз порадовать себя гонораром.

Благодаря этому его качеству мне так посчастливилось ознакомиться с частью утраченных в Украине приписываемых ему «журналистских шедевров», которые, как известно, подобно рукописям, не горят.

И в самом начале я привожу только список статейных заголовков.

07.06.2000 г. «Андрей Деркач – «украинский Путин».

10.06.2000 г. «Российская пресса рассказывает всю правду о Григории Суркисе».

20.06.2000 г. «В ожидании КУЧМОгейта».

22.07.2000 г. «Олигархи-лампасники».

05.08 2000 г. «Все об Александре Волкове».

А теперь еще раз обратите внимание на даты их публикации и затем вспомните, в какой стране мы тогда жили.

Авторство всех этих статей пресса сразу приписала Ельцову.

О целях, что преследовал автор публикации, неоднозначно и хаотично написано достаточно много. Но тогда, осенью 2002 года, меня интересовали исключительно их последствия. Ведь именно они, вне всякого сомнения, стали тогда причиной проводимого МВД наружного наблюдения за причастными к их обнародованию.

А то, что Гонгадзе и Ельцов — всего лишь два молодых журналиста, не более,

И они всего-навсего так, ширма,

Благодаря которым были легализованы нелицеприятные биографические, личные и бизнесовые факты «героев» статей, подготовленных неизвестным игроком от политики,

С самого начала тоже ни для кого не было большим секретом.

Теперь о цели наружного наблюдения.

Увы, она всегда одна и та же.

Прежде всего, установление связей фигурантов.

В нашем случае объектами наблюдения, разумеется, стали связи Гонгадзе и Ельцова.

Кстати оно, наблюдение, было вполне логичным.

Прогнозируемым и, конечно же, просчитываемым.

То есть, ожидаемым первоначальным реагированием,

Первым защитным действием,

Перед неминуемым и таким же прогнозируемым ответным ударом «обиженных прессой» находящихся во власти.

Ведь степени влияния любого из попавших под «острое перо» бойцов за политическую нравственность вполне хватило бы тогда не только на его проведение, но и на ответные действия.

Причем, действия как вмещающиеся в рамки закона, так и не обращающие на закон никакого внимания.

Само же желание «заказчика» определиться с фигурой, стоящей за опубликованным на него компроматом, так же резонно, как, например, желание взрослого ребенка узнать, кто же в действительности этот дядька, спрятавший свое красное лицо с перегаром за ворохом ваты, который в Новый год несет какую-то пургу о своей трудной дороге на оленях из Лапландии.

О том, что наружное наблюдение имело место, тогда ходили прямо-таки легенды.

А письмо в Генеральную прокуратуру, написанное самим Гонгадзе 14 июля 2000 года, с перечислением номеров автомобилей службы прикрытия, вообще никто не думал подвергать даже малейшему сомнению.

Да и ходившие распечатки разговора Президента Кучмы и министра внутренних дел говорили сами за себя.

Кучма: Что-то вы про Гонгадзе молчите?

Кравченко: Молчим (неразборчиво)...открыто. Ну, я вам докладываю. Мы там немного прокололись.

Кучма: У него там команда, во главе которой стоит – фамилию мне сказали, бя. Ну, чтобы оно не шло, так как грязь кидают в Россию через Интернет. Ну, в Интернет через Россию.

Кравченко: Ясно. Я Гонгадзе не отпускаю. Просто у нас возник вопрос, я тоже это... Хотя уже есть контакты... Ну, было... из наружного наблюдения. Хочу его контакты подызучить. Что из себя представляют...

Кучма: И узнать, есть ли там команда. Говорили про какие-то фамилии. Которые строчат эту грязь...

Кравченко: Их три человека. У меня есть они. У меня все они есть. Но я хочу с него начать. Как это... Генеральная отреагирует. Номеров, насколько я знаю, у них нет.

Выдержка из распечатки разговора между Л.Кучмой и Ю.Кравченко, опубликованной Н.Мельниченко.

А еще его проведение в своем особом стиле, как, всегда, безапелляционно, подтвердил и сам Ельцов.

В своей статье «Кто следил за Гонгадзе?» в газете «Грани» от 15 января 2001 года он даже назвал фамилии Ярошенко В., Чеменко С., Солошенко В. и Назарчука И., по его мнению, работников УКП МВД, по информации его «источника», это наблюдение проводивших.

Вы спросите – а при чем здесь Гончаров с его бандой?

Первоначально я отталкивался от содержания части ельцовских «бессмертных произведений», что бесспорно являлись, как мне тогда казалось, милицейским компроматом.

И которые я анализировал через призму их с Ельцовым многолетней «дружбы».

«...Еще 16 марта 1970 года Волков написал подписку о вербовке его агентом оперуполномоченному Уголовного розыска Киева, избрав псевдоним «Михайлов» (личное дело № 270400). Регистрация этой вербовки агента осталась в виде учетных документов (журналы, карточки) в УВД г. Киева, но тщательно скрывается от сотрудников. Само «досье» находится теперь лично у министра внутренних дел под семью замками и будет использовано при необходимости, о чем министр доверительно по пьянке говорил своим соратникам.

Одно время Волков был на связи у оперуполномоченного Велигоши. Последний, работая в Уголовном розыске, являлся одним из

немногих оперов, который как раз и знал будущего «серого кардинала» в качестве агента под псевдонимом «Михайлов» (регистрационный номер № 20-190 за 1970 год). Они были дружны. Велигоша помогал, как мог, будущему олигарху, когда Волкова пытались привлечь к уголовной ответственности и судили в Днепропетровском суде г. Киева по ст.206 ч.4 Уголовного кодекса. В знак благодарности Волков в 1997 году «уболтал» Президента Кучму, и был подписан Указ о присвоении Велигоше генеральского звания, хотя он работал на должности начальника управления охраны...»

«Волков без овечьей шкуры». Иван Степанов (Олег Ельцов. — Прим. Компромат.Ru, 04.09.01). По мотивам статьи на сайте «Украина криминальная» «Все об Александре Волкове». 05.08 2000 г.

А еще не нужно было сбрасывать со счетов профессию Гонгадзе и Ельцова.

Азы и тактику наружного наблюдения на журналистском факультете точно не преподают. И их заявления об обнаружении за собой профессиональной «наружки» в миллионном городе выглядят откровенным бредом.

Другое дело — находящийся всегда «на стреме» Гончаров.

Ну, и завершали «картину маслом» фигуры еще двух участников банды — Лысенко и Кисилевича.

Эти «по совместительству» работники все того же УКП МВД¹, по моему мнению, вполне могли узнать от коллег о проводившемся за журналистами наружном наблюдении.

Прямым таким подтверждением являлся эпизод с похищением и убийством того же Малюты в марте 2000 года. Последующие за которым события по утечке проведения за ним наружного наблюдения можно было списать на банальные, все те же всегда всесильные ментовские обстоятельства.

А еще тогда, осенью 2002 года, когда на улице громко трубил рог «песню нашей победы», мне уж очень, ну, очень хотелось одной милицейской бандой решить все проблемы в стране.

За наружным наблюдением обычно идет задержание.

И если бы оно все-таки случилось, то тогда, я был убежден, ниточка движения к сбору и схематизации опубликованного компромата вполне могла бы привести лично к Гончарову.

¹ УКП МВД — Управление криминального поиска Министерства внутренних дел. В задачу его входит проведение наружного наблюдения МВД.

Ведь сам факт «наружки» говорит, как минимум, о существовании оперативного дела в отношении ее фигурантов.

Хотя, конечно, есть и еще одна причина ее проведения: это уголовное дело, возбужденное по факту совершения тяжкого преступления.

А вот в чем я еще точно был тогда уверен, так это в том, что в планы тогда уже пенсионера МВД Гончарова никак не входила своя собственная оперативная отработка.

Да еще в условиях ИВС.

Когда тебе в кабинете следственного изолятора регулярно суют в лицо распечатки из Интернета.

А в те, теперь уже далекие времена, эта перспектива тогда была вполне реальной и многократно опробованной. Причем, по почти каждому нераскрытому тяжкому преступлению она была главным и практически всегда безотказным «аргументом» всякого мало-мальски приличного оперативного работника.

В пользу моей «осенней» версии 2002 года, как мне тогда казалось, еще был факт нашей с Гончаровым встречи, что произошла два года назад такой же осенью у Главпочтамта.

А еще — известные «сообразительному» Гончарову обстоятельства с отрубленной головой вора в законе Багдасаряна, впоследствии ставшие роковыми для убитого милицейской бандой Ярослава Малюты.

Ну и, разумеется, внезапный отъезд Ельцова в направлении «исторической родины» в день тогда еще просто исчезновения Георгия Гонгадзе.

В кабинете у Хамулы я рисовал схемы и приводил ему свои факты, искренне веря тогда, что я прав на все сто.

Зная неторопливость Сергея Владимировича по поводу решений по таким вот непростым вопросам, сейчас я не уверен, что он сразу принял мою версию как исходную. Хотя, при вакууме первоначальной информации об исчезновении журналиста приведенные мною тогда аргументы все-таки в конечном итоге стали для Хамулы если не убедительными, то уж точно требующими проверки.

Вот так, с моей легкой руки, еще за год до «великого почина» Гончарова о назначении себя «почетным свидетелем в деле Гонгадзе»,

Той, всем известной его инициативы «снизу»,

Я без его ведома «протезировал» его и банду в отдельную строку «истории становления» всеми нами любимого независимого государства.

Но если быть до конца «беспощадным» к самому себе, то было и откровенно слабое звено в моих тогдашних рассуждениях.

И, увы, как ни странно, им было похищение и убийство Михаила Гельфонда, совершенное бандитами в ночь с 31 августа на 1 сентября 2000 года.

Ведь если учесть тот факт, что Гонгадзе был похищен 16 сентября 2000-го, то именно эта дата торпедировала мою до этого сравнительно стройную версию, сводя почти на нет саму возможность причастности милицейской банды к его исчезновению.

Правда, был незначительный процент «внезапно возникших» для Гончарова непредвиденных обстоятельств.

Но, разобрав и тщательно изучив следственным путем ту неторопливость и, если хотите, обстоятельность, с которой он готовил похищения и убийства своих жертв, проведение такого рода «операции» с наскока уже тогда мне должно было показаться маловероятным.

Тем более что из той же прессы несложно было узнать, что факт слежки за собой Гонгадзе «обнаружил» аж 13 июня 2000 года.

И, отталкиваясь от все той же логики, у Гончарова с тогда уже многократно «замазанной кровью» бандой было более чем достаточно времени, чтобы «отделить мух от варенья» и не брать опасную для себя паузу до сентября.

А еще никакой критики не выдерживал мой предполагаемый мотив всех этих публикаций.

Ведь версия примитивного шантажа, появление которой провоцировала сама фигура Гончарова, даже тогда становилась, как минимум, пародийной.

Всемогущие Волков, Деркач или Суркис, несущие, подобно герою Ильфа и Петрова, миллион на «блюбочке с голубой каемочкой», впрочем, как и идея картины, принадлежащая Остапу Бендеру с ярким названием «Большевики пишут письмо Чемберлену»¹,

Даже тогда в моем разыгравшемся воображении выглядели как минимум нелепо.

Но затем настала уже другая весна.

Весна 2003 года.

Когда эпизод с убийством Гельфонда был в основной своей части расследован.

¹ «Двенадцать стульев». И. Ильф, Е. Петров.

И все установленные уже в следственном порядке обстоятельства, увы, лишали меня всякой надежды соединить в одно целое тогда уже совершенно несоединимое.

Эмоции были отброшены.

Они вошли в категорию ушедших навсегда и безвозвратно.

А здравый смысл диктовал неутешительный для меня вывод:

Увы, невозможность участия милицейской банды в похищении и убийстве журналиста Гонгадзе.

Михаил Гельфонд был задушен Гончаровым 5 сентября 2000 года.

Затем бандиты вплоть до десятого сентября все еще вели свою «телефонную игру» с передачей выкупа за его освобождение.

А потом сразу же в поле зрения «бандитского отдела» столичного УБОП попали Гайдай, Свердлов, Вознюк и Радченко.

И если ко всему этому прибавить, правда, не отработанную, но косвенно подтвержденную ответами на мои запросы с границы версию о выезде после убийства Гельфонда Мельникова и Гончарова в Чешскую Республику,

Где, опять же, по непроверенным, по понятной причине, данным в одном из банков находился личный счет Гельфонда, который, по моим предположениям, ими был «обнулен»,

Ведь «сидящий на цепи», регулярно избиваемый бандитами Гельфонд не мог физически долго держать такую информацию в тайне, —

В общем, моя относительно стройная «версия» благополучно лопнула.

И к весне 2003 года из фанатичного поклонника идеи участия банды Гончарова в похищении журналиста Гонгадзе, которую, кстати, я лично еще год назад выпустил в «большую жизнь»,

Я превратился в ее главного,

И не менее отчаянного противника.

Но милицейская машина была уже запущена.

К тому времени мы с Хамулой по очереди проводили «задушевные» беседы с арестованными, пытаясь получить хотя бы какую-нибудь информацию об их причастности к похищению и убийству журналиста.

Но она отсутствовала. Ее просто не было.

И той весной 2003 года мне только и осталось, что вместе с Олегом Гарником, каждый на своем месте, приближать минуту отправки уголовного дела № 62-2222 в суд.

Глава 3

Лучше делать ставку на дураков. Их больше.
Бернар Вербер

То, что суд обязательно состоится, а его приговор не будет из разряда утешительных, в начале 2003 года для Гончарова уже большой неожиданностью не было.

Следственная машина работала ровно, без сбоев.

Да и кто, как не он, должен был отдавать себе отчет в том, что все его старания хотя и в какой-то степени тормозят процесс расследования, но никогда его не остановят. И даже больничная кровать, которую, вспомнив свой бесценный опыт 1977 года, когда ему без особого труда удалось «откосить» от армии, преступник смог-таки себе «вымучить», — все это было, скорее, иллюзией защиты, чем она сама.

Гончаров все ближе и ближе подходил к той черте, когда принцип уголовного права о неминувности наказания за содеянное,

О котором он когда-то слышал на занятиях в школе милиции, Доведется проверить на собственной шкуре.

Ликвидация его банды и все дальнейшие события 2002 года окончательно поставили его перед дилеммой:

Либо он, огрызаясь, плывет по течению, и тогда за все злодеяния его ждет пожизненное заключение и, как следствие, смерть в тюремной камере,

Либо ему нужно придумать, а затем реализовать неожиданный следственный ход, который хотя бы гипотетически, но дал бы ему возможность оказаться на свободе.

И вот тогда Гончарову и сгодился объект «проходной двор», он же следственный изолятор временного содержания № 13, что в очередной раз подтвердил точность своего «пацанячьего погоняла».

Еще с конца августа и до начала сентября 2002 года арестованные и находящиеся во внутрикамерной разработке,

Совсем недавно избавившиеся от бремени молчания, совершив «чистосердечное раскаяние»,
Кеппель, Мельников и, разумеется, Гайдай,
Словно бабки-гадалки, забубнили, зашептали,
А потом и вовсе, подражая душевнобольным,
Как растревоженные незванным гостем под утро в теплом курятнике куры,
Раскричались во все стороны,
Отбросив приобретенную с недавних пор «природную робость».

Не мудрствуя, сделав вид, что жаждут «облегчить истрадавшую душу».

Группа «внезапно вспомнивших» просто ошеломила своих никогда не дремлющих, находящихся на службе Родине со-седей по камере.

Как и положено в таких случаях, по очень-очень большому «секрету» все они взяли да и поведали о том, что Гончарову известны не только подробности исчезновения и убийства Георгия Гонгадзе, но и то, кто это сделал.

Вот таким вот довольно своеобразным способом Гончаров передал оптом свой горячий и всегда пламенный привет сразу всему «прогрессивному человечеству».

Кто-кто, а он хорошо знал, что фамилия Гонгадзе для всей правоохранительной системы сейчас является чем-то родни звуку дудочки факира.

И одно лишь тихое — даже не упоминание, а незначительный вдох или выдох этих восьми букв моментально вызовет, как минимум, суматоху, беготню и многочисленные и продолжительные служебные совещания, что будут назлектризованы легкой паникой.

Хотя, давая подельникам команду «запевай» практически в одно и то же время, Гончаров по-настоящему «лажанулся», в итоге бездарно переиграв самого себя в придуманной им же «свежей аранжировке» тогда уже около двух лет фантастически популярного в Украине суперхита об исчезнувшей невесте где Сулико¹.

Уже навсегда покинув тогда команду фантазеров и мечтателей, я ходил по большим командирским кабинетам, показывая на пальцах и доказывая гончаровскую «лажу».

¹ «Сулико» — грузинская народная песня.

Но кто будет слушать какого-то там опера, когда «поперла мать»?

Стаи милицейских и прокурорских начальников, остановить которых тогда было невозможно даже физически, потеряли от внезапно нагрянувшего «счастья» голову.

Кинувшись занимать живую очередь к Гончарову, они желали испытать свой правоохранительный фарт в длящихся с ним часами «беседах» и уговорах.

Никто из них не захотел остановиться, подумать и, наконец, сообразить, что, бросив на произвол судьбы свои большие руководящие кабинеты,

Каждый из них, в почти театральном действе, причем, вульгарного, стандартного кабацкого варьете с обязательным в таких случаях криком, улюлюканьем и летящими во все стороны и на весь мир соплями,

Не просто выскочил на сцену в неглиже.

Самое смешное, что их, не ведающих, что творящих по причине индивидуального идиотизма, в этот балаган без особого труда зачислил лежавший на панцирной сетке больничной тюремной кровати и дергающий за ниточки маньяк-убийца.

Шаманские танцы с элементами боевого гопака вокруг Гончарова набирали обороты.

А дальше ему было уже совсем несложно.

Почетное звание «свидетель по делу Гонгадзе» так и просилось крупным почетным знаком на его не знавшую армейской выправки сутулую фигуру.

Гончарову только и осталось, что заявить во всеуслышание приехавшим к нему «себя показать» прокурорам и генералам, что он все, все, все «таким знает»!

Но расскажет, разумеется, только на суде.

Причем, все по той же, неоднократно им «отпользованной» и отшлифованной годами до всем, всем, всем известного, такого изящного перламутрового блеска причине,

Сросшейся с его внутренней сутью образа «борца бескомпромиссного».

«Борца», никому и никогда не доверяющего.

А дальше. —

Дальше оставалось, получая удовольствие от замешательства собеседника, сделать минутную актерскую паузу и затем громко и, разумеется, категорично добавить,

Что его, в первую очередь, интересует «исключительно справедливость».

Ну и, в завершение всего,
Так, между прочим,
Скромно опустив глаза,

Выдавить из себя труднопроизносимую для каждого «патриота» фразу о том, что теперь, после его «признания», он начинает опасаться за свою жизнь.

Но только во вторую, в таком коротком списке все того же «борца», очередь.

Задуманное Гончаров выполнил на оценку «отлично».

Он всегда был падох на театральные постановки, а тут на кону были совсем иные ставки!

Хотя, уже первый этап плана под названием «Умиравший лебедь» в стройной схеме с общим титулом «Почетный свидетель», благодаря которому Гончаров был переведен весной 2003 года из больницы скорой помощи в изолятор временного содержания, ему подпортил Олег Гарник.

Медицинская справка о возможности содержания Гончарова в ИВС существенно «подломила» совсем уж отличное начало.

Ведь насколько было бы предпочтительнее изображать неподвижную от неизлечимой болезни, беспомощную, но такую информированную «жертву» из хотя и охраняемой, но все-таки больничной палаты.

Но план был у Гончарова единственным.

И, судя по всему, для него последним.

Поэтому отказываться от него он не собирался.

Ведь время, что текло для преступника неумолимо, многообразия выбора ему совсем не оставляло.

Да и он, за много лет хорошо изучивший, что даже в самом продуманном плане всегда есть место не только для нелепой случайности, но и для импровизации,

Желал его продолжения.

Главной же во всей его многоходовке теперь была цель «объединить».

Сейчас я не хочу гадать, какое именно слово бессчетное количество раз, как заклинание, талдычил сам Гончаров. Но я уверен, что суть его была именно такой.

Объединить.

Объединить звание «свидетель по делу Гонгадзе» с диагнозом «неизлечимый инвалид».

Причем, «инвалидность» должна была обязательно стать следствием «пыток и бесчеловечного отношения» работников правоохранительных органов.

В данном случае – такого ненавистного ему УБОП.

И тогда бонусом маячила такая вожденная, призрачная, недостижимая, недоступная,

Подписка о невыезде.

Таким был его план.

Но Спасителю он был неинтересен.

Впрочем, как и сам его лукавый, захлебнувшийся в только одному ему понятном оргазме при отнятии человеческих жизней, составитель.

И вот тогда у Гончарова опять не «упало на орла».

А еще весной 2002 года случилось так, что все мы, находящиеся в следственно-оперативной группе по делу банды, оказались как бы вне милицейской системы.

Она, с установленными и меняющимися, непременно в худшую сторону, правилами игры, старательно придающими себе налет важности работниками кадров, предателями и хитрожопыми начальниками,

Хотя и была рядом, но совсем перестала нас замечать.

Никто из новых ее руководителей не решался вникать в тонкости расследования.

Но, опять же, я не исключаю тот факт, что им все это было просто неинтересно.

Система растворилась, ушла на второй план, исчезла, дав нам возможность сосредоточиться на, как правило, вечно несбывшейся мечте каждого настоящего «легавого».

На вдумчивом оперативном сопровождении дела, где напроць отсутствует милицейская суматоха.

А еще – без бравады – на исполнении закона.

По роду своей профессии каждый сыщик, если, конечно, ему позволят, просто обязан стать «...и жнецом, и на дуде играющим».

И тогда мои с Игорем Прикладовским постоянные визиты в больницу скорой помощи, длительные и скрупулезные беседы с находящимися рядом с Гончаровым врачами о тонкостях состояния его здоровья,

Само наше постоянное присутствие где-то рядом,

В конечном итоге вывело желающих получить финансовые дивиденды за надругательство над давно, окончательно и, увы, безвозвратно бессчетное количество раз поруганной клятве Гиппократу из состояния душевного равновесия.

Ранее неизвестное чувство тревожных сомнений понемногу заполнило рассудок вечно «гнетущихся» от одного только вида наших с вами бумажников искателей проливных зеленых дождей.

Хамула же, в свою очередь, «вникал» в тонкости судебной медицины в соответствующем столичном бюро.

Именно его специалисты должны были провести экспертизу состояния здоровья Гончарова и сделать окончательные выводы.

Ищите и обрящете; стучите, и отворят вам¹.

И мы искали.

Вскоре в подтверждение версии о «неизлечимой гончаровской инвалидности» к нам просочилась информация о том, что у наших колеблющихся медицинских оппонентов, подменивших для экспертизы гистологию, полученную при сомнительной операции всегда гораздо в инвалиды борца летом 2002 года, появилось непреодолимое желание поставить Гончарову диагноз «рак желудка».

Несложно догадаться, что мы с Игорем Прикладовским вмиг посетили БСМП и изъяли из лаборатории оставшиеся гистологические образцы.

И тогда огромный «медный таз» таки накрыл не только раковый диагноз, но и самого его соискателя..

Гончаровский «умирающий лебедь» перестал бить одним крылом и начал не просто серьезно буксовать,

Он начал сдуваться.

Но «неутомимый» людоед и не думал останавливать свое шоу. Он бросил все свои последние усилия на его продолжение.

Какое Гончаров дал ему название, мне, опять же, доподлинно неизвестно.

Я его условно назвал «Мои доказательства».

Две части шоу, по замыслу «автора», должны были вначале максимально отдалить, а затем и вовсе избавить его от процессуальной перспективы стать главарем банды и убийцей.

Первую часть, опять же, не мудрствуя, условно обзовем «Тайник».

В нем Гончаров, «идейный борец с преступностью», таки хранил собранные им по убийству Гонгадзе «материалы и доказательства».

¹ Евангелие от Луки (гл. 11, ст. 9).

Вторая же часть, которую смело можно назвать «Дневники и письма», прошла впоследствии в совершенно другом, точно не радуящем ее автора ключе.

Но о ней немного позже.

А тогда всем нам, «оформлявшим» бандитов в суд, уже в который раз представилась возможность не только столкнуться с деятельной натурой нашего оппонента, но и стать вовлеченными в проверку именно тех «его» доказательств.

Благодаря постоянно существующим преференциям из всем доступного «меню» следственного изолятора № 13, арестованный и все это время «ничего не знавший» его подельник Мельников 14 апреля 2003 года вдруг загорелся желанием не только дать показания об услышанных им еще осенью 2000-го от Гончарова «подробностях» исчезновения Георгия Гонгадзе.

Он сам,

Разумеется, добровольно,

Вызвался выдать следственной группе Генеральной прокуратуры собранные Гончаровым «доказательства» по делу похищения журналиста.

Вот таким вот образом Гончаров все из того же «меню № 13» заказал себе такого небесполезного в плане его «доказательств» свидетеля.

А еще, и это нужно откровенно признать, он все-таки добился того, что между следственной и оперативной группой возникло напряжение, вызванное недоверием друг к другу.

Раз за разом разглагольствуя о том, что он очень и очень «хотел», а бывший начальник столичного УБОП генерал Акцион* и, конечно же, ненавистный ему Хамула требовали от него молчать об обстоятельствах убийства и похищения Гонгадзе, Гончаров привел вначале следственную группу Генеральной прокуратуры к несвойственному ей сомнению.

Затем к состоянию тревоги.

Ну, а потом — к редкому по теперешним временам, особенно при расследовании уголовных дел об убийствах, интересу к его предмету как к таковому.

В следственном экстазе, напрочь забыв о том, кто в действительности озадачил их багажом в одиннадцать раскрытых убийств вместе с компанией из шестнадцати обвиняемых,

Сломав голову,

Все в том же, только теперь исключительно прокурорском «канкане»,

С таким же, аналогичным, положенным в таких случаях притворным визгом, хотя теперь уже не просто так, а в баснословно дорогом кружевном шелковом нижнем белье, со своим более чем скромным достоинством, выскочила на первый план давно забытая жажда подвига.

И при отсутствии хотя бы какого-нибудь в таких случаях здравого смысла заставила старшего следственной группы Олега Гарника под одесское «таки» оттанцевать вместе с Генеральным прокурором Пискуном,

На уже освободившейся от отпрыгавших и отплясавших взахлеб, вспотевших во всех возможных местах и изрядно запыхавшихся милицейских руководителей сцене.

Все в той же постановке произошла смена не только декораций, но и танцующих.

Причем, под уже привычным патронатом находящегося под стражей главаря банды милиционеров-убийц.

В конце апреля 2003 года, не привлекая никого из нас к проведению следственных действий, подхватив под мышку в дежурный раз вновь «кающегося» Мельникова, следственная группа Генеральной прокуратуры, усиленная разного рода прокурорами и начальниками, отправилась на дачу Гончарова.

Туда, в хорошо нам, операм из «бандитского», знакомые, пользующиеся недоброй славой Русановские сады. В непосредственную близость к месту, с которого «ушел» выкуп за освобождение сидящей в заложниках Счевой*

На гончаровскую дачу, где был убит учитель музыки Игорь Тутченко.

«Тайник», разумеется, оказался пуст.

Увы, но «мальчика» не просто не оказалось на месте.

Его не было вообще.

Профессионализм в который уж раз посмеялся над служебным рвением.

Он безудержно хохотал, когда в жажде бежать «вперед за орденами» соискатели подвига и славы даже не соизволили ознакомиться с послужным списком Гончарова.

А ведь там черным по белому было написано, что еще в июне 1998 года он вышел на пенсию с должности старшего оперуполномоченного УБОП аж Боярского отдела Киевской области.

А потом задать себе резонный вопрос:

Каким образом находившийся уже пять лет на положении пенсионера главарь милицейской банды,

Причастный к уже доказанным в следственном порядке убийствам одиннадцати человек,

Да еще последний год проведенный под арестом,

Смог собрать, а главное, получить «веские доказательства» о самом резонансном преступлении в стране, над раскрытием которого «пыхтела» вся ее правоохранительная система?

Ответ, конечно, был.

Только нужно было трезво оценить происходящее.

Взять и пораскинуть мозгами, разумеется, когда вариант их наличия бесспорен.

И тогда объяснение того, с какой целью Гончаров, подобно Ивану Сусанину, завел следственную группу Генеральной прокуратуры на свою бывшую дачу,

Обязательно бы нашлось.

А это, в свою очередь, вполне сберегло бы несколько часов такого чуткого прокурорского сна.

Ну, как минимум.

Глава 4

Наш пострел везде поспел.
Русская народная поговорка

Борясь с хандрой, похмельем и непонятно откуда появившейся тоской, наши совсем еще недалекие во всех смыслах предки, изнывая от безделья в своих усадьбах, мучили себя вечными вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Ответом на них стал утопивший Отечество в крови и навсегда отучивший их хандрить Октябрьский переворот, разбросавший наиболее удачливых, потому что они остались живы, по всему миру.

Оставив им в назидание одну лишь тоску.

Причем, тоску с осознанием того, что она точно исходит не из беспробудного пьянства.

В середине 2003 года внуки и правнуки когда-то изгнавших с Родины праздных философов давно уже устали от безуспешного строительства нового счастья «на основанье». Поколение за поколением, не отягощенные ничем, кроме, разумеется, доставшегося им по наследству со страной того же, уже традиционного, похмелья, они уже давно не забирались в дебри бытия.

Они вообще попросту не парились.

Главный и единственный вопрос, что занимал их тогда, был вопросом, что на секретном заседании общества «Меча и Ора-ла» в тот момент, когда нужно было собирать деньги, озвучил Остап Бендер:

«А что скажет купечество?»¹

И пока купечество волновалось, сомневалось, а еще подсчитывало свои вероятные риски и убытки, оставлять его в покое было, как минимум, неразумно.

Ведь что может быть увлекательнее, чем читать за бокалом дорогого коньяка, причем, в момент, когда над головой «не каплет», о злодеяниях власти?

¹ «Двенадцать стульев». И.Ильф, Е.Петров.

Власти местной, где председатель далекого сельского совета присвоил себе козу по имени Машка.

Или, чего хуже, когда ненавистный гаишник, стоящий у дороги в грязь и холод, что, сука, мешает разогнать до скорости в сто восемьдесят километров совсем еще новую, десятилетнюю иномарку, обязательно с кожаным салоном и такими удобными ручками слоновой кости,

Попался на трехрублевой взятке?

Но ведь власть подобна стройным женским ножкам, глазами на которые, невозможно остановить свой взгляд на коленках.

Так вот.

Когда в апреле 2003 года следственная группа Генеральной прокуратуры уже вытоптала молодую зеленую травку на даче Гончарова,

А на сайте «Украина криминальная» некто Суши Камикадзе уже успел проинформировать о настоящей «звериной личине» сотрудничавшего со следствием Нестерове,

Больше ничто не предвещало беды.

И тут!

24 июля 2003 года Олег Ельцов обратился в милицию с заявлением о том, что на лестничной площадке многоквартирного дома в Киеве, где он жил, на него напали двое мужчин. Один был с обрезком трубы, а другой с электрошокером.

Но Ельцов отбился и вырвался.

И было от кого.

Ведь нападавшие злодеи были одеты в черные костюмы. И им удалось его ударить и даже немного «электрошокировать».

Кто были эти люди? Какова была их цель?

Ельцов был верен себе — как всегда, категорически бескомпромиссен.

Без сомнений, нападавшие были работниками УБОП.

И им, «неудачливым посягателям» на его персону, нужно было всего-навсего выяснить, где же он хранит

...свидетельства, указывающие на причастность УБОПа к смерти Гонгадзе».

О. Ельцов. «Дело Гончарова: Генеральское разногласие». Интернет-сайт «Украина криминальная», 12.08.2003 г.

Об опасности профессии журналиста регулярно пишут все без исключения издания.

А тут вот — очень, очень прямое тому подтверждение.

Что позабавило в заявлении Ельцова о неудавшемся на него «покушении», так это его прямо нереальные физические возможности в борьбе с «двумя операми-злодеями».

А еще — сложно представляемая картина с сомнительными перспективами того, каким же все-таки образом при удачном для «посягателей» стечении обстоятельств они планировали достичь своей «черной» цели.

Ведь даже если принять за чистую правду сам факт существования места хранения тех самых свидетельств, то само их выяснение, а потом и «изъятие» — дело точно не пяти минут. И его не нужно загонять во временные рамки животного секса в парадном, когда «Везувий в груди так и клочотит»¹, что дотянуть дело до постели уже просто невозможно.

Да и сами обстоятельства «чудесного освобождения» Ельцова от двух внезапно напавших, да еще вооруженных трубой и «шокером», выглядят такими же «убедительными», как и случай обнаружения за ним наружного наблюдения летом 2000 года.

«...У меня есть основания предполагать, что нападавшие желали выяснить, где хранятся свидетельства, указывающие на причастность УБОПа к смерти Гонгадзе. Что было бы после того, когда им удалось это выяснить с помощью металлической трубы, не хочу даже представлять. Я считаю, что двое в черных костюмах могли быть офицерами той самой организации, которая очень не заинтересована в появлении информации Гончарова».

О. Ельцов. «Дело Гончарова: Генеральское разногласие». Интернет-сайт «Украина Криминальная», 12.08.2003 г.

А еще — из интервью Ельцова «Главреду», 14.08.2003 г.:

— Ты уже несколько раз заявлял, что нападение на тебя, скорее всего, было совершено с целью узнать, что тебе рассказал Гончаров о «тайнике» и свидетеле гибели Гонгадзе. Разве бы двое здоровых мужиков не могли справиться с тобой, если бы такая задача была поставлена?

— Думаю, ты прав. Против металлической трубы и электрошока, с которыми пришли эти двое, даже если бы Кличко здесь стоял, ничего не смог бы сделать... Либо люди были не подго-

¹ К/ф «За двумя зайцами». Реж. В. Иванов.

товлены психологически, либо они изначально не хотели выполнять этот приказ. Любым движением трубы каждый из них мог убить, но...

Если бы «не были подготовлены» или «не хотели», то зачем приходили?..

Мысли, что посетили «ловко увернувшуюся» от металлической трубы голову Ельцова, должны были кого угодно привести в шок.

Ведь, судя из его «умозаключения», покушавшиеся на него «...офицеры той самой организации» вместо раскрытия дела Гонгадзе просто спят и видят, как бы им уничтожить хранящиеся у него свидетельства.

И если автор, разумеется, через «не хочу», но все-таки возьмет да и представит, «...что было бы после того», что «...он не хочет даже представлять»,

То это, без всякого сомнения, был бы пикник в оставшемся от его близкого друга «домике в Броварах», на улице Сирко.

А еще, как вариант, — прогулка по живописным «гончаровским местам в середине лета» в прилегающем к все тому же населенному пункту лесу.

И если учесть тот факт, что ночь 24 июля с отметкой плюс тридцать градусов была не просто жаркой, но и душной, то быть одетым в черный костюм, да еще при этом размахивать куском трубы было бы странно и, как минимум, некомфортно. Опять же, если «черные костюмы» фанатично не любили сауну, то к гримасе «страдальца за правду», которую старательно корчил потерпевший Ельцов в телевизоре, чтобы «пипл лучше хавал»¹, вполне бы подошел шутовской колпак.

Резонный же вопрос все тому же Ельцову — почему, имея «доказательства», разумеется, веские, ведь других у него отродясь не было — о смерти своего товарища, журналиста Георгия Гонгадзе,

Причем, если учесть время ареста Гончарова, то они у него были, как минимум, с 2001 года,

То почему же он еще тогда не пошел в Генеральную прокуратуру?

Но, увы, Ельцову этот вопрос так никто так и не задал.

¹ «Пипл хавает» — крылатая фраза Богдана Титомира, бывшего участника поп-группы «Кар-мэн».

А теперь — кому это нужно?

Зачем вообще Ельцов «взбудоражил общественное мнение» вокруг своей персоны?

Что бы последовало за его заявлением о «покушении», если бы снова, в который раз, в дело о милицейской банде не вмешался Спаситель?

На мой взгляд, по замыслу «устроителей», события с театром пока еще одного актера должны были развиваться следующим образом.

Горько рыдающий о судьбе своего необоснованно задержанного приятеля,

Причем, обязательно перед телевизионной камерой — ну а где еще «клянутся мамой»?

«Вечный потерпевший» должен был всему миру поведать о том, что он, как минимум, слышал, а может быть, даже и держал в «натруженных долгой и кропотливой» журналистской работой руках те самые собранные Гончаровым «неопровержимые вещественные доказательства по похищению Гонгадзе».

Они, доказательства, как и положено в таких случаях всяким «неопровержимым доказательствам», должны были быть сняты на видеопленку, ну, или написаны мелким почерком на потрепанной временем, обязательно желтой туалетной или, опять же, на худой конец, папиросной бумаге.

На резонный вопрос — а где эти доказательства сейчас?

Был бы готов безотказный, заранее приготовленный резонный ответ.

Разумеется, у их «добытчика».

За свои «труды праведные» дискредитированного, подставленного и замученного в «застенках УБОП» до состояния «страшной инвалидности».

Кстати, все о тех же, «покушавшихся» на Ельцова летней жаркой ночью двоих в черных костюмах.

С одного раза отгадайте, кто был выбран устроителями на их почетную роль?

Ведь в гардеробе оперов из «бандитского отдела» с самого начала были исключительно джинсы, которые, помимо удобства во время проведения задержаний, давали при необходимости возможность не выделяться из основной людской массы.

Хамула тоже предпочитал спортивный стиль.

И только два опера из «бандитского» ходили на работу в темных костюмах.

И это были мы с Игорем Прикладовским.

Причем, делали это, не сговариваясь.

Это был наш кураж, наша визитная карточка», которую должен был опознать Ельцов.

Причем, опознать на всю страну.

Но вернемся к «первоисточнику»:

«...Против металлической трубы и электрошока, с которыми пришли эти двое, даже если бы Кличко здесь стоял, ничего не смог бы сделать... Либо люди были не подготовлены психологически, либо они изначально не хотели выполнять этот приказ».

А теперь «просчитайте» фамилию, по версии Ельцова, «отдавшего приказ».

И хотя истина рано или поздно все равно бы восторжествовала — после допросов, алиби, расспросов и снова допросов,

Для него, этого всегда волнующего момента, был бы повод.

И повод, увы, неформальный,

Вывести разработчиков банды из состава оперативно-следственной группы Генеральной прокуратуры.

А куда девать брошенные в подготовленную загодя благодатную почву зерна сомнения?

И вот в этот момент — момент разброда, недоверия и следственного шатания — по замыслу все тех же устроителей шоу, откуда ни возьмись и должны были появиться письма и дневники «из-за стенок».

Те самые «письма главного свидетеля» по делу Гонгадзе».

Их чудесное появление должно было не только заставить Генеральную прокуратуру снова допросить на протокол их автора, записав его клятвы о том, что он «все о Гонгадзе знает, но расскажет потом, на суде». Но и зафиксировать его настоятельную «просьбу» с громким, через средства массовой информации требованием целых двух его адвокатов о необходимости провести новое медицинское освидетельствование.

Ну, и в довершение процессуальной фиксации возможного существования его «судьбоносных для страны сведений» обязательно поднялся бы истощенный крик, местами переходящий в надрывный протяжный вой.

О чем?

Разумеется, о том, что «информированность» Гончарова и его «пребывание» в СИЗО из-за «смертельной опасности», исходящей от людей в черных костюмах, просто несовместимы.

Ведь чтобы его «сберечь» до разоблачающего всех и вся суда, Гончарову нужно лечиться, лечиться и еще раз лечиться.

Причем, точно не в лечебном учреждении СИЗО № 13.

Затем, как по взмаху волшебной палочки, должно появиться новое, уже «правильное» медицинское освидетельствование «невинно пострадавшего за правду».

Судебное заседание с присутствием прессы.

Освобождение на нем «борца» под подписку о невыезде.

Со скрипом открывающиеся ворота Лукьяновского следственного изолятора № 13.

Родственники, женщины, цветы.

Занавес.

Устраивая весь этот парад гуманизма и справедливости, его авторы даже не могли предположить, что в тот же самый день,

День праздника победы школы ельцовского шаолиня над грубым «преступным убоповским насилием»,

24 июня 2003 года в так называемой «больничке» СИЗО № 13, где отлеживался и терпеливо ждал своего триумфа кандидат в «белые и пушистые»,

Произошло происшествие, что в корне изменило такой убедительный ранее задуманный план.

Более того, это событие даже привнесло в их совместное шоу столь необходимую в таких вот мероприятиях ауру железной правдоподобности.

Глава 5

Невыносимых людей нет, есть узкие двери.
Афоризм. Автор неизвестен

Следственный календарь по уголовному делу № 62-2222 तो-ропил.

Он беспристрастно констатировал скорое окончание ответ-денного законом полуторагодичного процессуального срока ведения предварительного следствия.

И Олег Гарник был уже просто обязан форсировать обяза-тельные и такие необходимые для доказывания вины Гончаро-ва очные ставки.

А вот Гончаров и не думал выполнять следственный план Гарника.

Подходящий момент обнародования состряпанных им «дневников и писем» еще не наступил. И он, пользуя в хвост и гриву откровенную неопытность прокурорских следователей, в затягивании и противодействии следственному процессу с упоением выполнял свою «домашнюю» заготовку «умирающий лебедь».

Упражняясь в артистизме с должным постоянством, Гонча-ров терпеливо ждал своего скорого и, как ему казалось, неиз-бежного вызова на бис.

Я просто ухахатывался от докладов, посланных мною в след-ственный изолятор для участия в проведении очных ставок с Гончаровым, и оперских рассказов о том, как соседи по камере носили его в следственный кабинет на носилках.

Как он, после «туманного» ознакомления с парой страниц того или иного протокола, изображая обморок, падал на пол.

Как в начале своего допроса в присутствии адвоката лю-доед-комедиант вдруг заявлял, что ему очень, очень и очень плохо. И тут же дрожащим голосом требовал занести данные слова в протокол.

Но какой-то момент «балетные па зрелого лебеда» меня утомили, и я потребовал от Олега Гарника прекратить идти у него на поводу.

И Гарник, которому происходящий балет тоже порядком поднадоел, меня услышал.

Во время очередного проводимого Гарником допроса,

Когда Гончарову опять «стало ну очень и очень», и он в дежурный раз свалился на пол и принялся достаточно натренированно и от этого вполне правдоподобно подергивать ножкой, вместо прекращения следственных действий в кабинет вошел заранее приглашенный мною доктор.

Осмотрев «страдальца», он не только дал справку о том, что Гончаров – симулянт и вполне может участвовать в следственных действиях, но и был допрошен по этому поводу на протокол допроса свидетеля.

На горизонте у «умирающего лебеда» вновь отчетливо возник «медный таз».

Но у него теперь уже не просто исчез запал – он уже не имел возможности для маневра.

Ведь теперь каждый раз перед тем, как планировать привычно упасть на пол, чтобы сразу же изобразить «прогрессирующую болезнь», Гончаров вместе с его адвокатом-почтальоном не просто волновались, а обоснованно волновались от реальности перспективы снова пообщаться с «роялем в кустах» с дипломом квалифицированного врача.

И тогда здоровье к Гончарову чудесным образом вернулось.

Его недавнее средство передвижения по следственному изолятору, те самые носилки, понемногу начали покрываться пылью.

А с ней, с тюремной пылью, к каждому участнику следственно-оперативной группы пришло долгожданное трепетное предвкушение грядущего представления под названием «Душегуб на скамье подсудимых».

А оно обещало быть, как минимум, нескучным.

И когда мы уже мысленно занимали места в партере, Спаситель устал смотреть на все происходящее.

Он принял свое решение.

Глава 6

*Поехала девушка на море.
И сама не отдохнула, и другим не дала.*
Афоризм. Автор неизвестен

24 июня 2003 года.

В 10 часов утра этого «незабываемого» для всего прогрессивного человечества дня, когда журналист-криминалист Ельцов показал хорошую физическую форму — играя мышцами, оставил «злоумышленников из УБОП» ни с чем, в больничной камере № 267 столичного СИЗО № 13, где отлеживался Гончаров, проводился плановый обыск.

Арестантов с «вещами» вывели в коридор, выстроив в ряд у стены, и оставили под пристальным присмотром.

Офицер изолятора приступил к привычной монотонной проверке.

И тут один из работников СИЗО увидел в руках у Гончарова плотно свернутый листок бумаги, что запрещено инструкцией.

Теперь содержимое той записки, на местном диалекте «торпеды», утрачено навсегда.

А вот о ее важности для маньяка говорит хотя бы тот факт, что он, забыв обо всех своих «болезнях» и совсем недавнем дефиците сил на шаткое сознание и ходьбу, моментально сунул ее в рот и попытался проглотить.

В этот самый момент, действуя все по той же инструкции, трое работников СИЗО накинулись на Гончарова, чтобы записку у него отобрать.

Противоборство, моментально превратившееся в возню, привлекло всех без исключения участников обыска.

И вот тут Гончаров, старательно жуя, глотая и одновременно проявляя чудеса силы и физической закалки, продемонстрировал прыткость «северного оленя» и попытался извернуться, чтобы на несколько таких необходимых ему для «пережевывания» секунд вырваться из цепких, натренированных рук.

Но все было безуспешно.

Уже через минуту теперь его, как ему совсем еще недавно казалось, «всесильные руки» завернули за спину.

А затем в азарте даже начали тянуть его голову назад, чтобы он записку не проглотил, в пылу борьбы несколько раз ударив его коленом в грудь.

Но Гончаров не думал сдаваться.

Он бился в истерике, визжал, вырывался и брыкался.

И, проделав фактически невозможное, все-таки успел записку не только дожевать, но и проглотить.

После чего, с презрением взглянув на тяжело дышавших ненавистных «вертухаев», победно выплюнул целлофановую обертку, в которую его послание еще несколько секунд назад было со всей аккуратностью упаковано.

Как отреагировали производившие обыск офицеры СИЗО, догадаться несложно.

Без того их нестойкая нервная система была взвинчена окончательно.

И они, опять же, не со зла, а по давней, давней традиции «выдали» Гончарову несколько затрещин, разбавив их парочкой пинков.

А затем, все по тем же установившимся на их территории, старым, как мир, правилам, перестраховавшись и приняв от Гончарова объяснение в том, что «упал сам», поместили его в штрафной изолятор.

Так, «для профилактики», до 22 часов.

Этим инцидент, в принципе, был исчерпан.

Не учли две стороны конфликта только одного.

На протяжении пятнадцати месяцев, готовя себе плацдарм «выхода под подписку о невыезде» по состоянию здоровья, Гончаров пролежал лежнем.

И из-за боязни уличения в симуляции он не делал, как Ульянов-Ленин, тысячу шагов по камере.

А ведь только в народной сказке Илья Муромец мог валяться тридцать три года на печке, а потом, как ни в чем не бывало, отправиться совершать подвиги.

Длительное же лежание на хотя и не очень мягкой тюремной постели в принципе не могло прибавить уже немолодому Гончарову здоровья.

Любой другой «житель» следственного изолятора после процедуры «принуждению к порядку» и отбыв положенное в

ШИЗО, спокойно отправился бы досиживать в камеру к своим «корешам».

Но только не Гончаров.

С ним Спаситель был категоричен и, если хотите, даже не-терпелив.

И тогда всего лишь несколько крепких оплеух во время проглатывания «малявы» сыграли для Гончарова в конечном итоге роковую роль.

Глава 7

Не меняющий своих признательных показаний Нестеров давно превратился из «джокера» в прокурорском рукаве в сто-процентный процессуальный предохранитель, что вместе с собранными на первом этапе доказательствами давал следствию достаточное поле для неспешного маневра.

По уголовному делу тогда уже были проведены все необходимые процессуальные действия, экспертизы, установлены свидетели, изъяты вещественные доказательства.

Все шло так, как и должно было идти.

И хотя исключением в бодрой массе марширующих в сторону скамьи подсудимых участников банды был Гончаров,

Но кому при складывающихся таким вот образом обстоятельствах интересен главарь, что был в отказе?

Никто даже не обратил внимания, как по понятным причинам нерасторопный, но всячески подталкиваемый вперед, управляемый Гончаровым голубой вагон — вагон «главного свидетеля всех времен и народов» —

Неспешно и, увы, уверенно катился на — нет, не идущий, а теперь уже мчащийся на него без тормозов товарный состав Генеральной прокуратуры. Что вез для него «путевку» с бесспорным следственным выводом: «убийца и главарь банды».

А еще — обвинения в доказанных тогда следствием эпизодах отнятых Гончаровым и его бандитами одиннадцати жизней.

Их столкновение было неизбежным.

Сейчас, когда все произошедшие далее события и факты уже давно не только получили соответствующую правовую оценку, но и канули в лету,

Остается только фантазировать о наступивших тогда без приставки «если бы» неизбежных последствиях.

«Если бы»,

По доброй прокурорской традиции «все делать неспешно и лучше завтра», Олег Гарник 27 июля 2003 года не запланировал бы очередную очную ставку для Гончарова.

Когда в следственный кабинет Лукьяновского следственного изолятора на удивление самостоятельно и даже бодро, ярко во все стороны «отсвечивая» большим синяком под глазом, напоминающим ему о недавнем происшествии с конвоирами, вошел Гончаров,

Олег Гарник, теперь уже на своем личном опыте зная, с кем имеет дело, в чуть-чуть кружащем голову «темпе вальса» на протокол отдельного допроса взял и зафиксировал исповедь Гончарова.

В ней, конечно же, отсутствовали вчерашние реальные события, зато преступник обстоятельно поведал, как «упал с кровати», добавив при этом, что он ни к кому «претензий не имеет».

Именно тогда Спаситель всех нас по-отцовски пожурил.

Ведь можно только представить, как бы — нет, не голосила, что случилось совсем скоро, а безудержно истерически выла вся без исключения свободная и так себе пресса по поводу «регулярно проводимых пыток» над благородным полковником с «чистыми руками», никогда не державшими удавки.

А затем, буквально через день после этого, без преувеличения сказать, судьбоносного допроса мне позвонил Олег Гарник с известием о том, что Гончарова перевозят в больницу скорой помощи.

Верил ли кто-нибудь из нас в его слабое здоровье?

Хороший, но не очень уместный вопрос.

Лихорадочно просчитывая варианты того, что Гончаров на этот раз надумал нам «подкинуть», мы, на всякий случай, усилили конвой.

А потом еще и укрепили лишним постовым охрану в больнице.

И даже когда лечащий врач Гончарова регулярно сообщал нам о плохом состоянии больного, мы с Гарником, давно привыкшие к его фокусам, только и делали, что примеряли факт «ухудшения здоровья» к положениям уголовно-процессуального кодекса, которые могли дать ему перспективу оказаться на свободе.

Известие, которое пришло 1 августа 2003 года, нас — нет, не шокировало.

Скорее — крайне удивило.

А затем во всех без исключения средствах массовой информации появилось сообщение о смерти Гончарова.

Что тогда сделал я?

Отправил Игоря Прикладовского вместе с внезапно появившимися на следственном горизонте ранее непонятно где затаившихся Какьяна* и Какмякова* в компании с Нестеровым взглянуть на его труп.

Зная любовь к выкрутасам теперь уже объявленного покойным главаря и душегуба, нельзя было не отработать версию о возможной подмене тела.

А пока труп везли в морг, мы с Прикладовским переговорили с лечащим врачом.

Доктор был растерян.

Но мандраж при виде оперов у него напрочь отсутствовал.

И версию оговоре можно было не рассматривать.

Что меня поразило в его рассказе, так это тот факт, что у Гончарова, до того, как в конце концов произошла настоящая смерть, несколько раз наступала клиническая.

А еще лечащий врач вполне доступно для наших ментовских мозгов объяснил, что, предварительно, причиной смерти стала травма позвоночника, полученная Гончаровым около недели назад.

Я позвонил резонно волнующемуся Олегу Гарнику.

И мы, конечно же, просто не могли не вспомнить как о синяке Гончарова, так и о как нельзя более вовремя составленном в присутствии его адвоката протоколе допроса.

А затем Игорь Прикладовский вез меня управление.

Наш путь был, по киевским меркам, совсем неблизкий.

Пока из больницы скорой помощи, преодолевая «пробки» и «тянучки», мы тащились на улицу Горького, я без остановки говорил ему о том, что Спаситель, разуверившись в суде человеческого, покарал Гончарова своим, Божьим судом.

Его множественные клинические смерти — а лечащий врач говорил, что их было двенадцать — стали этапами путешествия с этого света на тот и, по существу, оказались для Гончарова именно той главной, заслуженной карой.

Ведь каждый раз, уходя и возвращаясь, ему вновь и вновь приходилось переживать ужас своих жертв в последние минуты их жизни.

А что может быть еще мучительнее и страшнее?

Я без умолку говорил о каре Господней.

О теперешних перспективах уголовного дела.

Затем — о жарком лете 2003 года.

И вдруг с удивлением обнаружил, что происходящие события Игоря тревожат ровно настолько, насколько волнует внезапно пошедший дождь, когда у тебя случайно не оказалось зонтика.

В его глазах читалась тревога исключительно за свою собственную задницу.

А на лбу была крупная бегущая строка: «Включай инстинкт самосохранения».

И вот тогда еще одна особенность правоохранительной системы взглянула на меня библейскими глазами моего на протяжении трех лет напарника. Теперь уже — через призму вполне возможных, хотя еще и не факт, что когда-нибудь бы наступивших проблем по службе.

В один момент клятвы о «крепкой мужской, оперской дружбе» на ментовских пьянках стали обрывками использованной туалетной бумаги, исчезающей в бездне дыры грязного вагонного сортира.

Вот уж, действительно, все мы до одного — «ударенные ментовкой».

Правда, места для своих ударов она, как правило, выбирает если не такие уж совсем неожиданные, то уж точно разные.

А поезд в это время, не тормозя, «...тихо ехал на Бердичев»¹.

¹ Из песни «А поезд тихо ехал на Бердичев». Автор неизвестен.

Глава 8

Убедившись в том, что бирка с надписью «Гончаров И. И.» прикреплена к пальцу ноги именно того трупа, и оставив соответствующие прокурорские документы о том, что тело выдавать до окончания экспертиз запрещено,

У Игоря Прикладовского, Какьяна*, Какмякова*, а еще у взятого ими для уверенности на опознание Юрия Нестерова пятница, 1 августа 2003 года, благополучно закончилась.

А вот новости, что встретили меня на пороге моего служебного кабинета в понедельник, 4 августа, не просто откровенно шокировали —

Они в который уж раз за все время следствия привели меня если не в замешательство, то уж точно в состояние, близкое к растерянности.

Пока Олег Гарник готовил постановление на необходимые по делу экспертизы, причем, не только о причинах наступления смерти Гончарова, но и об общем состоянии здоровья подследственного с акцентом на медицинскую необходимость проведения операций год назад,

В воскресенье, 3 августа 2003 года,

По необъяснимой для уголовного процесса логике,

Один из районных прокуроров столицы, в «вотчине» которого находилось место прописки Гончарова,

Выдал разрешение на выдачу тела из морга его родственникам.

Более того, в тот же день, 3 августа, труп был молниеносно кремирован.

Резонные ответы на вопросы не только о реальности «боев и пыток», но и необходимости проведения Гончарову всех медицинских манипуляций в 2002 году,

А еще результаты его лечения в 2003-м,

И, самое главное, окончательные, неоспоримые выводы о причинах его смерти,

Были предусмотрительно превращены в пепел.

К счастью, сразу после смерти главаря все же были взяты необходимые образцы тканей.

И относительно причины смерти Гончарова загадок никаких нет: он умер от реанимационной болезни, наступившей в результате спинального инсульта и его последствий.

Остались только вопросы, ответы на которые, увы, так и не стали строками из обвинительного заключения.

Вопросы к врачам БСМП,

Которые 12 и 25 июня, а затем, «для верности», еще 4 июля 2002 года выводили доставленного из изолятора временного содержания Гончарова из «критического состояния».

Ведь при отборе образцов тканей в морге их коллеги с удивлением обнаружили нормальный, не оперированный кишечник, и здоровую, совсем никуда не удаленную селезенку.

Глава 9

*Жизнь полицейского, как жизнь проститутки:
Гнешь спину, рискуя жопой.*

Из х/ф «Очень русский детектив»

На смену как-то неожиданно быстро осевшей первой волне после смерти Гончарова, что вначале обещала быть мутной, а на поверку оказалась однодневным информационным поводом, в работе следственно-оперативной группы наступило такое неожиданное и, главное, до того времени не изведенное,

А, стало быть, никак и никем из нас еще не прочувствованное, Состояние спокойствия.

И именно тогда, когда Олег Гарник неспешно готовил уголовное дело для отправки его в суд, а я занимался поиском объявленного в розыск еще одного участника банды по фамилии Вознюк, меня снова «настиг» очередной кадровый сюрприз.

Заканчивался 2003 год.

Наступающий за ним 2004-й обещал стране президентские выборы.

А то, что они станут непростыми, было очевидно.

Надвигающаяся реальность не просто витала в воздухе — она кричала каждой написанной журналистами фразой, звучала каждым сказанным политиками или чиновниками любого ранга в телевизоре словом.

Уходящий Президент с фамилией Кучма, за два своих срока отчаянно увлекшийся имитацией демократии, так и не смог найти себе преемника.

Поэтому, как ни парадоксально, в последний год своего правления он, имея почти диктаторские полномочия, выполнял, скорее, техническую роль «передаста» власти.

И хотя тогда он еще втайне надеялся, что народ его слезно «попросит остаться»,

Увы.

Скандал с прослушиванием его кабинета, где, судя по опубликованным аудиозаписям, Президент для связки слов в предложениях много и часто,

А самое главное, без какой-нибудь длительной запинки, на одном вздохе, использовал словарные обороты, что когда-то были прерогативой исключительно нетрезвых извозчиков,

И, разумеется, исчезновение журналиста Гонгадзе, в организации которого благодаря все тем же опубликованным расшифровкам со все той же неоднозначной лексикой его тогда не обвинял только ленивый, —

Все это сводило стремления тогдашнего лидера нации на нет.

Проходным кандидатом от власти на должность нового Президента Украины был назначен Виктор Янукович.

О его «непростой» биографии с двумя судимостями и карьерным ростом от начальника автоколонны до премьер-министра Украины ходили легенды.

А о выступлениях «в телевизоре» — анекдоты.

И если учесть тот факт, что половина страны была откровенно не в восторге от такой вот перспективы, то принимавшим решение «ответственным товарищам» нужно было заблаговременно «почесать репу».

Что они, в принципе, энергично и сделали.

Ведь в «непростой» путь в Президенты «правильного» кандидата должен сопровождать новый, тоже «правильный», а самое главное, на все готовый министр внутренних дел.

И поэтому «ненадежный» милицкий министр внутренних дел Смирнов после Дня независимости 2003 года был заменен на «любящего себя в милиции» министра Локоня*.

Без преувеличения, это событие оставило в моей памяти след, с которым может соперничать разве что состояние после прочтения бессмертного произведения Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны».

В самом начале новый хозяин МВД заявил о себе вполне оригинальным способом.

Подражая «черной оспе», свирепствующей в Европе в середине века, он без всяких на то причин «выкосил» всех без исключения милицкских руководителей всех рангов, что досталось ему «по наследству»,

Сопровождая все это несуразными заявлениями о своем, личном видении МВД, а по сути, унижая и втоптывая в грязь предшественника. То ли от скуки, то ли от непонимания, а скорее всего, от того и другого, вместе взятых.

В очередной и, по моим подсчетам, теперь уже в последний раз он сделал дураками всех тех, кто еще, по старой памяти, «нагибался» на оперативной работе.

А дальше в истории МВД Украины дураки кончились.

Их отсутствие, помноженное на следующий год «руководства» Локоня*, окончательно сломало милицейскую систему, превратив ее в то, что теперь можно смело назвать «внутренними органами».

Раздавая руководящие указания на совещании, состоявшемся сразу после Дня независимости, Виталий Ярема даже не предполагал, что оно для него в должности начальника УБОП – последнее.

Еще обсуждались текущие дела. Подбивались цифры оперативного плана. Обговаривались регулярно возникающие вопросы взаимодействия с Прокуратурой. Получали выволочку никак не работающие начальники отделов.

А в это же самое время близкий родственник новоиспеченного министра по фамилии Шпоренко* –

А кто в Украине в принципе может быть ближе кума?

Давно и, разумеется, «всегда готовый» к борьбе с организованной преступностью,

Сдав свои не оперативные, но такие важные хозяйственные дела по продовольственным пайкам, форменной одежде и покраске с побелкой,

Решительно покинул свой тогда уже ставший бывшим кабинет в здании УВД на Владимирской, 15 и, уверенно хлопнув дверцей служебного автомобиля, направился в сторону улицы Горького, 114, тогда уже носившей имя Антоновича.

Утреннее совещание Ярема к тому времени уже закончил.

И именно тогда новость о грядущих переменах, облетов каждый уголок здания столичного УБОП, накрыла всех его обитателей.

А затем, в 11 часов того же дня Виталий Ярема снова вызвал всех нас к себе.

Уже не единожды наученных и по этой причине не питающих никаких надежд.

Уже ставших такими же бывшими, как и он, начальников.

Ярема поблагодарил нас за службу.

А затем, как и положено отцу-командиру, отправил всех нас с Богом.

На моей памяти именно Виталий Григорьевич был единственным, кто уходил с должности как настоящий мужик.

Освобождая начальствующий кабинет, он напоследок еще даже попользовал свой рабочий стол для написания рапорта об уходе на пенсию.

Но мог ли ну хоть немного, хотя бы чуточку, этот поступок Яремы заинтересовать Шпоренко*, когда на его всегда, всегда высокий карьерный порог пришел «год счастья»?

Уже в 12.00 того же дня, одетый в привычный костюм любимых светлых тонов, Шпоренко* проводил свое первое в качестве начальника столичного УБОП совещание в большом «греческом зале».

И пока сидящая перед ним компания пока еще руководителей, старательно изображающих преданность и радость, жадно ловила его совсем еще свежее испеченные начальствующие жесты,

Фамилии «своих», новых начальников уже вертелись у Шпоренко* в свежеруководящей голове.

Сортируя их по отделам, он от скуки и так, ради интереса, разглядывал наши лица.

Наши с ним взгляды не могли не встретиться, и они встретились.

И было несложно заметить, как его «нечаянная радость» ментально испарилась.

Да и как мог обрадовать обладателя белого костюма подчиненный, испортивший ему когда-то «теплые» отношения с группой компаний «Фрейликс»*, поломавший его уверенный карьерный рост, что должен был увенчаться занятием «вожделенной», коммерческой должности,

Подчиненный, так некстати вытащивший на свет какую-то там милицейскую банду?

Мои приятельские отношения с его ненавистным врагом номер один, Сергеем Хамулой, тоже в его глазах мне баллов не прибавляли.

Когда мы вновь встретились взглядами,

Я уже несколько не сомневался, что это мое последнее совещание в качестве начальника отдела УБОП столичной разведки.

Уже на следующий день во время такого же мероприятия Шпоренко* произнес свою, ставшую впоследствии очень популярной и даже легендарной, фразу:

«Ви дуже поважна людина, і я вас особисто дуже поважаю, але оберіть собі посаду в якості старшого оперуповноваженого в сьомому, «бандитському» відділі»¹.

Затем еще целый год, без каких-либо причин и объяснений, с разных должностей им изгонялись «неудобные», чужие руководители.

И все это время Шпоренко* не ломал себе голову, взяв за основу для упрощения «рабочего процесса» произнесенную на второй день своего «карьерного счастья» фразу.

Вот тогда-то милиция окончательно кончилась.

И началась откровенная, никак не скрываемая распродажа.

А потом последовал мой вызов в кадры УБОП, где я, ссылаясь на «внезапно возникшие семейные обстоятельства», написал рапорт с просьбой перевести меня на нижестоящую должность.

Почему я не боролся?

Да потому, что давно уяснил для себя одно правило, которое в теперешней милиции стало золотым.

Если ты на руководящей должности борешься с преступностью без соответствующей «крыши», а именно такое положение вещей преследовало меня на протяжении всей моей карьеры, то твои шансы в «сражении за должность» со «свежим руководителем» равны нулю.

Да и сама борьба будет игрой исключительно в одни ворота,

Где пропущенные голы — это ухудшение показателей, провал оперативного плана, непрофессионализм, некомпетентность.

И, как итог — несоответствие занимаемой должности.

Более того, в моем тогда уже многолетнем плавании в органах «известным продуктом в проруби» я сам для себя придумал еще одно, теперь уже свое правило:

«Если я, со своим тогда уже сносным опытом, очередному новому руководителю не нужен, то он мне — и подавно».

¹ «Вы очень уважаемый человек, и я вас лично очень уважаю, но выберите себе должность в качестве старшего оперуполномоченного в седьмом, «бандитском» отделе». — укр.

На должности начальника меня заменил некто подполковник Шфрай*

До этого он несколько лет в техническом отделе выдавал секретные бланки, видеокамеры и диктофоны.

По мнению Шпоренко*, которого Шфрай* уже несколько лет видел голым, «самоотверженно» сопровождая по баням то в роли вовремя подносящего свежий березовый веник, то подающего ковш с квасом, а то и с преданной любовью очищающего к холодному пиву хорошо засушенную рыбку,

К оперативной, руководящей должности он был подготовлен.

Именно появление в милицейской разведке Шфрая* стало для меня «тем последним, последним», что окончательно подвело черту под еще оставшимися где-то там, ну очень глубоко, романтическими милицейскими иллюзиями.

Постоянная смена начальников научила всех нас, пришедших в милицию, как это теперь ни странно звучит, служить еще в конце восьмидесятых, внезапно обнаружить, что мы как-то незаметно для самих себя стали оперативным составом среднего возраста.

Что наши карьерные амбиции если когда-нибудь и будут удовлетворены, то только исключительно благодаря снующим по карьерной лестнице «позвоночным».

И только стечение тех или иных обстоятельств может привести нас в ту или иную «команду».

А дальше — как в ментовских раскладах выпадет.

Реальность стала таковой, что можно было, не прилагая никаких усилий, держаться на начальствующем плаву. Или с таким же успехом «упереться рогом» и не разгибать спину, но это никого не будет интересовать в принципе.

К чести Шфрая*, с которым у нас до этого были достаточно нормальные служебные отношения, ведь мы давно уже понимали, что наша оперская жизнь — это «орлянка», со мной первое время он держался вполне достойно.

Соблюдая дистанцию, мой преемник не сомневался, что в конце концов меня сожрет сам Шпоренко*, и не прилагал никаких усилий к тому, чтобы меня «загнать» окончательно.

А вот что случилось с Игорем Прикладовским?

Ровно за один день мой коллега, которого я считал если не другом, то уж точно хорошим приятелем, таковым быть перестал.

Пьяный треп Шфрая* о «нежных» чувствах ко мне Шпоренко* в один миг подвел черту под нашим трехлетним оперским союзом.

Стало ли случившееся для меня чем-то из ряда вон выходящим?

Скорее нет, чем да.

Ведь что можно ожидать от водителя, когда начальник «спекся»?..

А потом настал сентябрь 2003 года.

Когда Олег Гарник таки закончил предъявление обвинения по уголовному делу № 62-2222.

Участникам милицмейской банды инкриминировалось совершение одиннадцати убийств и параллельно большого количества тяжких преступлений.

Более того, действия обвиняемых бандитов Гарник, уже в процессуальном порядке, квалифицировал по статье Уголовного кодекса «бандитизм».

По милицмейским правилам, момент завершения дела является моментом истины.

А еще он влечет за собой выставление выписываемых следствием по факту предъявления обвинения и окончания дела карточек формы 1.1.

Отчетность в милиции — это культ.

Ради нее не принимают заявления о совершенных преступлениях.

Незаконно выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Фальсифицируют.

Обманывают.

И даже покупают карточки регистрации раскрытых преступлений.

Все это для того, чтобы пожить в своей должности еще квартал, полугодие, а если повезет, еще один приближающийся к милицмейской пенсии календарный год.

Во всей этой борьбе за выживание подтверждающая окончание следствия и передачу дела в суд форма 1.1 — главный милицмейский показатель.

И той осенью 2003-го именно он стал для меня спасательным кругом.

Уже в должности старшего оперуполномоченного я начал носить на подпись к сменившему «орало на меч» и уже освоившемуся в новой должности Шпоренко* выписанные следствием Генеральной прокуратуры те самые, магические формы.

Он подписывал.

И планка статистики раскрытия преступлений вверенной ему «конторы», единственной в столичном главке за 2003 год дававшей показателя бандитизма, улетала в заоблачные высоты.

Правда, я не уверен, что в его новой жизни это ему было нужно.

А затем уже я, я совершил «финт ушами».

Между делом сказав Шфраю*, что если его «патрон» не прекратит меня выдавливать из УБОП, то я соберу пресс-конференцию и расскажу журналистам о том, как поступают новые руководители МВД с опером, раскрывшим самое резонансное преступление 2002 года.

Кстати, на тот момент иные желающие объявить себя ликвидаторами и раскрывателями себя еще никак не обнаружили.

И у меня была монополия.

Я всегда отдавал себе отчет, что всегда был в глазах Шпоренко*, как минимум, странным.

Если не сказать больше:

Я был для него «юродивым».

Ведь довольно сложно объяснить человеку, для которого работа в органах внутренних дел была просто приятной прогулкой с минимумом напряжения и исключительно позитивным времяпрепровождением,

Постоянную, каждодневную суету бегающего с высунутым языком какого-то там опера, придумывающего раз за разом себе приключения.

Да еще исключительно на «одно место».

Но именно этот факт, на мой взгляд, сыграл для меня важную, важную, важную, а еще главную и, конечно же, своевременную роль

После моего «откровения» ровно через один день я перестал интересоваться Шпоренко* в принципе.

А дальше, как раз, когда я в информационном центре столичного главка терпеливо регистрировал все те же «спасительные» карточки формы 1.1, у меня произошла прелюбопытная беседа с его начальником.

Внося в банк милицейских данных очередное, ставшее официально раскрытым, убийство, ушлая черноротая тетка лет пя-

тисядети, переписавшая на своем веку огромное количество бумаг и повидавшая бессчетное количество начальничков и начальников,

Предполагая, что я эту карточку купил, вдруг меня спросила: «А ты вообще кто?»

Я ответил, что я — именно тот самый «конь, хотя, увы без пальто», который был одним из оперов, ликвидировавших милицескую банду, эпизоды преступной деятельности которой она сейчас регистрирует.

Мое такое вот достаточно короткое объяснение, претендующее, как мне тогда казалось, на звание еще и остроумного, на ее лице отобразилось искренним удивлением.

Я ждал любой реакции, самонадеянно думая, что у меня на этот случай уж точно найдется ответ,

Но она произвольно поставила меня на место, задав мне самый, пожалуй, обескураживший меня за много лет неожиданный вопрос:

«Тогда почему ты еще не полковник?».

Следующие несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

Не знаю, о чем думала, да и думала ли вообще тогда моя собеседница, а я же ни на секунду не сомневался, что сейчас в этом служебном кабинете находился только один полковник.

И этим полковником была давно не шадящая никого моя собеседница.

Мой дежурный «остроумный ответ» зацепился у меня за язык.

А что я мог ей ответить?

Когда в очередной, уж не помню, который по счету за мою службу в милиции, раз почувствовал себя круглым идиотом.

Глава 10

- Пишем: «Бросил жену с ребенком».
 - Я не ребенок, я офицер!
 - Пишем: «Бросил жену с офицером».
- Из х/ф «Тот самый Мюнхгаузен».
Реж. М. Захаров

Осень 2003 года с холодными дождями, заморозками и привычной вязкой грязью уходила в историю.

Следственная группа Генеральной прокуратуры Украины выполняла последние формальности перед передачей уголовного дела в суд.

Мне же можно, да и, наверное, нужно было начинать привычно подводить итоги.

Итоги таких непростых и таких особенных трех моих последних лет.

Какими они были для меня?

Чем для меня стали?

Ласково, но как-то только уж очень по-особому «потрепав меня за щечку», Спаситель вновь поставил меня перед фактом хотя уже не нового по сути, но уж точно очередного ментовского геморроя.

А еще,

За прошедшие с начала ликвидации милицейской банды месяцы находившиеся рядом со мной коллеги-опера вначале как-то сникли, а затем и вовсе из отчаянных и отвязанных превратились в заурядных и рассудительных, со своими личными проблемами и страхами, людей.

Да и на улице Московской в «бандитском отделе» теперь уже осталась, в лучшем случае, половина тех, с кем я начинал реализацию своего оперативного дела.

Хамула руководил отделом в ГУБОП на улице Багговутовской.

Прикладовский, с которым мы часто и дружно хлебали дерьмо, хоть и работая со мной в одном отделе, предусмотрительно начал «дружить» со ставшим теперь перспективным Шфраем*

Все известные эпизоды преступной деятельности банды были расследованы.

Новых перспектив в деле не просматривалось.

Срок начала суда был неясен.

Впереди маячило вполне спокойное, без совещаний, оперативных планов и написания каких-либо документов, существование.

После смерти Гончарова я даже прекратил волноваться за собственную жизнь, входя в свое парадное.

И уже не носил с собой табельный пистолет, хорошо понимая, что оставшиеся на свободе бандиты, почти полтора года висевшие на гончаровском крючке, тоже вздохнули относительно спокойно.

Ведь, последняя, реальная возможность их посадки была кремирована вместе с телом бывшего главаря.

И хотя камнем преткновения все еще оставался Нестеров, для всех участников следствия было ясно, что он уже выговорился.

Выполнив все законные формальности, обвинение располагало таким количеством трупов, что, несмотря на все попытки противодействия бандитов, возмездие для них уже было неотвратимым.

А готовый дать показания в суде Нестеров являлся главным и всегда козырным «джокером».

В общем, все складывалось именно так, что уже можно было смело утверждать: суду и приговору — быть.

И хотя оставались пока еще некоторые шероховатости —

Так, во время следствия мать Гайдая, жительница села Андрушовки Житомирской области, не придумав ничего лучшего, регулярно звонила Нестерову с угрозами и предложениями скрыться,

Зафиксировать все эти разговоры не составляло большого труда.

Более того, для профилактики я даже приготовил документы на обыск по месту рождения Гайдая.

Надеялся ли я получить хоть какие-нибудь доказательства, которые он оставил себе об убитых «на долгую и добрую память»?

Конечно, нет.

Ведь прошло уже достаточно времени для того, чтобы все, что хотя бы как-то можно было приобщить к делу, было спрятанно, подарено или уничтожено.

Как, например, «ушлый» Гайдай поступил со своим драгоценным «Мерседесом», так и не найденным и, разумеется, не арестованным нерасторопными прокурорскими.

Обыск был нужен для снятия напряжения вокруг Нестерова.

И еще для того, чтобы жители славного пгт Андрушовка за вечерним чаепитием имели тему для разговоров.

Ненадолго – на год-полтора.

Во время обыска мать Гайдая даже пыталась уничтожить счета телефонных переговоров давно переставшего быть секретным абонента, с номера которого настойчиво названивала Нестерову.

А затем, когда материалы об угрозах свидетелю все же были собраны и переданы Олегу Гарнику для принятия решения, он, уже уставший от навалившейся на него славы, так и не возбудил относительно этого уголовное дело.

А если бы постарался, то мог.

Неутомимая же мать Гайдая, которая до нашего визита рассказывала односельчанам, что Вася украл три вагона сахара, так и не успокоилась.

Она перешла на «хриплый» голос, поменяв соседский телефон на автомат у железнодорожной станции Андрушовка.

И Нестеров еще долго оставался ее «неблагодарным» слушателем.

Но разве можно все эти «шалости» несчастной женщины в возрасте воспринимать серьезно?

Что же касается подведенных мною тогда личных, собственных итогов, то даже со всем моим вечно молодецким оптимизмом они на звание радужных точно не претендовали.

Особенно, если смотреть на них через призму фигуры внезапно возникшего Шпоренко*.

В сущности, в который уж раз окончание моей оперской жизни было не просто не за горами –

Оно должно было вот-вот случиться.

В общем,

Ничто не предвещало беды в ночь полнолуния, пятницы на тринадцатое.

Глава 11

Дерьмо не тонет — дерьмо виснет.
Афоризм. Автор неизвестен.

Запах дерьма в работе опера — аура постоянная.

Так пахнут все без исключения парадные. Каждый подвал. Любая квартира с выбитыми дверями.

Запах режет глаза, исходя от всегда невменяемых обитателей, с которыми оперу приходится иметь дело, разыскивая необходимый адрес или нужного человека.

По-особому, ни с чем не сравнимо, вокруг тебя благоухает воздух, когда ты, выполняя чье-то там, если не переходить на сленг, высокое указание, создавая нужную волну, для повышения личного благосостояния этого руководителя бегаешь по городу с высунутым языком.

Или, чего хуже, сидишь в никому не нужной засаде.

А как благоухают милицейские совещания?

Когда сидящие в президиуме не скрывают на своих начальствующих лицах тревоги о трех машинах гумуса, что застряли где-то на подъезде к любимой даче,

Скучно и монотонно выдают заученные предложения о регулярно невыполняемом оперативном плане.

Затем пары дерьма так входят в реалии оперской жизни, что со временем на них перестаешь реагировать.

И тогда наступает по всем известное ровное состояние, когда приходит твердое понимание уверенности в том, что ты «принюхался».

Когда в августе 2003 года у меня в отделе на незабвенной улице Старовокзальной, 12, внезапно появился Какмяков*, я как-то не придавал этому особого значения.

Во время следствия мы встречались крайне редко, и я даже уже начал забывать, как он выглядит.

Когда-то заместители начальников «бандитского отдела», Какьян* и тогда еще свежий Какмяков*, после своих подвигов с уголовным делом об избитых водителях маршруток поздней осенью 2002 года, выпросив свое спасение у Хамулы, стали просто охранниками Нестерова.

Эта «сладкая парочка» уже продолжительное время жила спокойной, не оперской и даже не милицейской жизнью,

Только числясь в списках оперативного состава в УБОП, а на практике давно забыв, что это значит – быть опером в действительности.

Не заморачивались они даже тогда, когда летом 2003-го своим крестьянским, с хитринкой, умом Какьян* первым просчитал бесперспективность должности охранника Нестерова. И с подплывавшего с уголовным делом в отношении его бывших подчиненных оперов из «бандитского» в сторону суда корабля вовсе сбежал из УБОП, перейдя на работу в Центральный аппарат уголовного розыска.

Меня же тогда все эти перипетии не волновали в принципе. В конце концов, свидетель обвинения Юрий Нестеров все еще как-то там охранялся.

Да и к одному из его двух охранников я тогда относился с должным уважением.

Ну, во-первых, Какьян* для меня был своим.

Год с ним в «бандитском отделе» даже сейчас у меня считается.

Да и перспектива поменять оперативно-следственную работу на роль «ночного сторожа» никому из оперов из вверенной мне группы не улыбалась. Тем более что Какмяков*, в нарушение всех инструкций, остался охранять Нестерова теперь уже в гордом одиночестве.

Явившийся невесть откуда Какмяков* первым делом доверительным шепотом рассказал мне о том, что ставший заместителем начальника «бандитского отдела» Игорь Петришак,

Это именно тот сыщик, который тогда, в 2000-м, когда Хамула руководил милицией в Перевальске, а я – межрайонным отделом столичного УБОП,

Работая по делу о похищении Михаила Гельфонда, нарыл телефон теперь уже почти подсудимого Свердлова,

Теперь настойчиво вызывает Нестерова на встречу.

Я же, слушая Какмякова*, особо не волновался.

Дело в том, что больше полугода конспиративной квартирой Нестерова был кабинет в «бандитском отделе» УБОП на Московской площади.

И, разумеется, все работающие там опера успели с ним познакомиться.

Затем была длинная,

Неоднозначная,

А зачастую даже и необъяснимая чехарда с начальниками, когда все та же вездесущая его «крыша» таки вывела Петришака в руководители.

И тогда его назначение заставило отправленных приказом по УВД в опера Какьяна* и Какмякова* спастись бегством хоть куда-нибудь.

Тут-то, к их счастью, и подвернулся Нестеров. Которому, по следственному постановлению Олега Гарника, нужна была охрана.

И тогда, неоднократно доказывая свой приличный профессионализм, Игорь Петришак только шелкнул от досады давно и остро наточенными на своих бывших начальников зубами. Ведь они обильно и зачастую безосновательно большими кружками пили его оперскую кровушку.

Хотя само желание Петришака поговорить с Нестеровым изначально было труднообъяснимым.

Еще весной 2002 года он был единственным в «бандитском отделе», кого Хамула по какой-то только ему известной причине отстранил от реализации дела «Снегири». И к проведению оперативно-следственных мероприятий Игорь не имел никакого отношения.

История же его «нежной дружбы» с Какмяковым* и Какьяном* ни для кого в столичном УБОП не была такой уж страшной тайной.

Избавив себя, за ненадобностью, от выяснения настоящих целей визита Какмякова* и после недолгого обсуждения странного желанья Игоря Петришака,

Я несколько раз объяснил своему визитеру, что если беседа Игоря с Нестеровым не будет записана на аудионоситель, то все показания последнего, помноженные на убоповские сплетни, окажутся всего-навсего чистой базарной правдой.

Причем, главным в этом словосочетании будет слово «базарной».

Я был твердо уверен, что дважды повторить разъяснение для не утомленного оперативной работой милицейского капитана будет вполне достаточно.

Но, как известно, два на один порядок хуже, чем три.

Хотя проговаривал я ему тогда, в принципе, «совершенно секретный секрет» приготовления яичницы.

Не придал я тогда особого значения и впервые услышанной от Какмякова* фразе о перспективах государственного награждения за ликвидацию милицейской банды.

Говорить об этом было рано.

Ведь, чтобы начинать колыхать давно просевшую рядом со мной милицейскую почву, нужно было окончательно и благополучно отправить дело в суд.

Вот на такой неопределенной ноте поводы для продолжения разговора у Какмякова* закончились.

Мне же с ним, в принципе, больше обсуждать было нечего.

Тем более что ни в мало-мальски важные обстоятельства следствия, ни в проводимые оперативные мероприятия по делу он за ненадобностью посвящен не был.

В октябре 2003 года мы снова столкнулись с Какмяковым* в следственном управлении в кабинете у Олега Гарника.

И тогда он почти шепотом рассказал мне о том, что таки отправил Нестерова на «свидание» с Игорем Петришаком, результатом которого, как потом поведал мне уже сам Нестеров, было предложение денег и нового паспорта.

Конечно же, взамен на то, что Нестеров скроется от предстоящего суда.

Верил ли я этому рассказу, зная все тонкости их с Какмяковым* отношений?

Меня убедила бы только аудиозапись. Которой, увы, не было.

Ничего вразумительного о причине ее отсутствия я тогда от Какмякова* так и не услышал.

Он, словно автоответчик, повторял одну только заученную фразу о том, что так и не нашел времени поискать диктофон.

Тогда, в который уж раз, его «занятость» я списал на привычные в милиции безалаберность, самонадеянность и лень.

Да и думал я тогда только о том, как может, да и может ли вообще этот разговор с Нестеровым повлиять на сроки окончания дела.

Мои приобретенные инстинкты молчали.

Я о них, увы, забыл.

А мог бы хотя бы глубже вдохнуть,

Остановиться, осмотреться и, самое главное, принюхаться.

Меня же тогда хватило только на то, чтобы изображать интерес к казавшемуся без диктофонной записи откровенной чушью рассказу тогда уже, на мой взгляд, откровенно странного и все еще малознакомого мне коллеги,

Как вдруг на меня нахлынула волна давно позабытых, еще с конца девяностых, воспоминаний.

О том самом моем даже сейчас, по прошествии стольких лет, незабываемом житии в милицейском подразделении с громким и мужественным названием «Титан»,

Где опыт общения со сторожами, охранниками и просто хорошими парнями в моей практике уже имел место быть.

Глава 12

*Письма нежные очень мне нужны,
Я их выучу наизусть.
Из песни «Через две зимы».*

муз. В. Шаинского,
сл. М. Пляцковского

В конце того душного, жаркого лета под номером 2003 я все еще думал свои «думы окаянные»,

Уподобившись опереточному герою и напевая самому себе под почти хитовый мотив о своих страданиях, иногда прерываясь на внутренние монологи о терзающих меня душевных муках.

И пока мои сомнения вперемишку с теперь уже далеко не книжной хандрой напоминали о своем существовании,

Тем временем,

Давно забывшие об утренних тревогах и ночных кошмарах и теперь уже смело дышавшие воздухом свободы участники банды,

Что за время пребывания своих подельников под стражей хотя и сильно перенервничали, но приобрели навыки организаторов «массовых шоу и мероприятий»,

Своевременно откорректировав дальнейшие действия, наложив их на обстоятельства,

Снова напомнили о себе.

Причем, в этот раз они даже себя превзошли, придав очередной заготовке элементы не только акробатики, но и буффонады.

А все начиналось, как в скучном детективе.

В середине августа 2003 года в общественную организацию «Институт массовой информации», разумеется, от «неизвестного лица», был прислан конверт с надписью:

«Вскрыть после моей смерти».

Вот так,

Именно таким достаточно незамысловатым способом, многие столетия стоявшего на вооружении анонимщиков и донощиков, увидели свет ставшие на непродолжительное время бестселлером так называемые «Письма и дневники Гончарова».

И хотя вся эта писанина давно получила соответствующую, адекватную оценку,

На резонный вопрос:

Когда и, самое главное, для чего и зачем они были им написаны?

Как впрочем, и на анализ обстоятельств времени и места их появления,

Ответ до сих пор так и не нашелся.

А жаль.

Ведь именно в дате создания «Писем и дневников Гончарова» кроются все до одной тайны их изготовления.

Ведь сложно представить, что у Гончарова была такая возможность — за последние несколько месяцев жизни в больнице следственного изолятора написать их и заблаговременно передать «на волю»,

Чтобы письма стали частью плана выхода их автора на свободу, подождав своего часа.

Только вот я не думаю, чтобы Гончарова очень бы обрадовали обстоятельства, при которых его сочинения увидели бы свет в действительности.

Такой вот конфуз взял да и вышел.

Хотя, именно после него, этого конфуза, удачные формулировки в исписанном рукою Гончарова ворохе бумаге особенно сгодились хранителям всех этих посланий.

Ведь, в конце концов, не клеить же их по их прямому назначению — на стены давно не знавшего ремонта привокзального отхожего места.

Так что теперь, повинувшись все той же нужде,

Если не разобрать их детально, то вряд ли можно оценить весь масштаб, всю глубину этого информационного фейерверка, подготовленного еще недавно пребывающего во здравии изготовителем и его группой поддержки.

Кстати, Генеральная прокуратура тоже получила семнадцать листов гончаровской писанины, ничем особым по содержанию от вышеописанного варианта не отличающейся.

Пресса же для своих комментариев выбрала только два, наиболее «удачных».

И я не хочу отходить от генеральной линии.

Тем более, так случилось, что в ворохе гончаровских бумажек именно эти так называемые экземпляры «писем» наиболее четко и ярко говорят о целях и сокровенных желаниях их автора.

«Заявление»

Я, Гончаров Игорь Игоревич, 1959 г. рождения, уроженец Киева, украинец, пенсионер МВД, пишу это заявление в здравом уме и твердой памяти и прошу того, кто его получит, сделать его достоянием общественности.

После того, как в июне 2002 года я сообщил начальнику отдела УБОП г. Киева Хамуле о том, кто совершил похищение и убийство журналиста Гонгадзе, и о том, что ряд других преступлений планировали и совершали работники УБОП совместно с лицами, входящими в группировку Свердлова-Нестерова, я был жестоко избит, будучи предварительно подвергнут пыткам упомянутым выше Хамулой и его подчиненным – оперработником Игорем, в помещении отдела УБОП на Московской площади.

Хамула требовал, чтобы я не давал показаний в отношении тех работников УБОП, которые вместе с Нестеровым и другим преступником, входящим, как и Нестеров, в группировку Киселя, похитили в сентябре 2000 года журналиста Гонгадзе на бул. Л.Украинки в Киеве (фамилии этих лиц, как и фамилии работников службы криминальной разведки, отследивших перед этим местонахождение Гонгадзе, я сообщил работнику СБУ Васильченко и частично журналисту Ельцову), а также о причастности работников УБОП к другим убийствам и похищениям, которые осуществляли лица, входившие в группу Свердлова-Нестерова.

Эти указания совершались по прямому указанию министра МВД Кравченко, а впоследствии Смирнова. К этим похищениям и убийствам причастны знавшие о них высшие должностные лица нашего государства и наш Президент.

У меня имеются об этом материалы, собранные совместно с работниками СБУ, а именно, магнитофонные аудиозаписи разговоров, записанное признание Нестерова и другие материалы.

Я предложил Хамуле официально в присутствии журналистов и работников СБУ изъять их в том месте, где я укажу. Хамула требовал, чтобы я отдал ему эти материалы для уничтожения. Кроме того, Хамула отказался фиксировать мои показания, требовал лжесвидетельствовать по фактам, по которым проводится расследование, обещая, что я пройду по этим уголовным делам просто свидетелем. Когда я отказался, Хамула обещал убить

меня в СИЗО руками бандитов, инсценировав смерть мою как смерть вследствие болезни или самоубийства. После выписки из БСМП меня отказались освидетельствовать на инвалидность, практически не лечили в медчасти СИЗО, несмотря на мои жалобы на усиливающиеся боли в животе и частые потери сознания. Думаю, что это делается с ведома и по наущению Хамулы. Попытки разоблачить лиц, руководивших и организовавших преступления, возможно, будут стоить мне жизни. Но я иду на это ради истины и справедливости.

24.02.03. Написано собственноручно. Подпись».

Теперь, когда установлены лица, похитившие журналиста Георгия Гонгадзе, и даже вначале был обозначен, а затем и вовсе нашелся «доброволец» с фамилией Пукач, который, по мнению следствия, задушил парня, все эти «письменные признания» никак не вписываются в картину совершенного похищения.

Ну а тогда, в августе 2003-го, фотография, показанная всеми без исключения средствами массовой информации в то время уже представшего перед судом Божиим, и хотя и посмертно, но получившего почетное звание «главного свидетеля по делу Гонгадзе»,

Смотрела со всех экранов, приводя заполитизованных граждан в состояние, близкое к оргазму.

Меня же из всего этого представленного на суд общественности перечня слов, связанных в предложения, приводит в состояние трогательного, безудержного волнения только одна фраза.

Произнося ее, каждый живущий на земле,

Будь он хоть создателем расовой теории доктором Геббельсом, хоть законченным серийным педофилом или каким-нибудь захудалым африканским каннибалом, начинает набирать такие нужные для прикованных к телевизионному экрану, застывших в умилении домохозяек, очки и баллы.

Баллы для фотографии с изображением обязательно в таких случаях голубоглазого, очаровательного гуманиста.

«...Я иду на это ради истины и справедливости».

После этого ничего не остается, как только вначале обнажить, а потом еще и защитить эту самую истину и справедливость.

А теперь давайте вначале обратимся к дате на «письме».
2 февраля 2003 года.

А что происходило в феврале 2003 года с уголовным делом № 62-2222?

Тогда арестованные бандиты, в отношении которых следствием собирались доказательства о причастности их к большому количеству тяжких преступлений, в том числе, убийств, разделились на две группы.

Одна, уже редеющая, в составе Нестерова и частично все еще имитирующего раскаяние Свердлов, давала признательные показания.

А вот вторая, в которую входили Мельников, Гайдай, Кепель и другие арестованные, благодаря стараниям свободных гончаровских поделельников начала понемногу «уходить в отказ».

Более того, всем известный объект — «проходной двор» под номером № 13 — к тому времени уже тоже свое «отголосил» эхом ночных шагов и отработал вложенные в него денежные средства на все сто.

А еще — Мельников тогда собирался с силами, чтобы выдать «тайник» с «вещественными доказательствами» по делу Георгия Гонгадзе, «собранных» исключительно в воображении и для пользы Гончарова.

Сам же автор писем и доказательств на тот момент был изгнан из больницы скорой помощи и помещен в СИЗО.

Более того, благодаря своим артистическим способностям он даже уже умудрился перекочевать «на больничку»¹, где упорно рекламировал свое «подорванное здоровье», талантливо имитируя его «ухудшение», предвкушая такую необходимую инвалидность и грезя о подписке о невыезде.

Подобно римскому патрицию, исключительно в горизонтальном положении, в перерывах между процедурами, допросами и моциями Гончаров планировал дальнейшее развитие событий вокруг него, долгими ночами выпуская из-под своего пера «малявы» на волю.

Сейчас, когда уже судом расставлены все акценты во всех изложенных Гончаровым в его «правдивых письмах» известных событиях, все же небезынтересно сравнить первое его «заявление» с опубликованным в прессе другим, что было без даты, но по содержанию, более раннее.

¹ «Больничка» (сленг) — медицинская часть.

Условно назовем его вторым.

И хотя и в том, и в другом «письмах» Гончаров стандартен в своих обвинениях в адрес ведущих расследование,

Даже навскидку, не вникая в его суть, можно сделать вывод:

В первом случае врагов у автора уже значительно меньше.

Из их числа выпал Гайдай.

Фрагмент заявления № 2.

«...На протяжении длительного времени я во время допросов сообщая следователям об известных мне фактах преступлений, совершенных группой лиц (Нестеровым, Свердловым, Гайдаем и другими), но большая часть моих показаний не фиксируется официально, от меня берут только небольшую часть из известного мне».

Теперь вернемся к заявлению № 1.

«...После того как в июне 2002 года я сообщил начальнику отдела УБОП г.Киева Хамуле о том, кто совершил похищение и убийство журналиста Гонгадзе, и о том, что ряд других преступлений планировали и совершали работники УБОП совместно с лицами, входящими в группировку Свердлова-Нестерова, я был жестоко избит, будучи предварительно подвергнут пыткам упомянутым выше Хамулой и его подчиненным — оперработником Игорем, в помещении отдела УБОП на Московской площади».

Ну, а сейчас о ненависти.

Ненависть к Хамуле — это особый пункт Гончарова.

Ведь он для него не просто противник.

Он — тот роковой, и от этого еще более ненавистный враг. Который, по мнению Гончарова, своими личными, профессиональными качествами разгромил годами создаваемую им безупречную, высокопрофессиональную, неуловимую банду, превратив ее участников вначале в задержанных, а потом и в арестованных.

А самое главное — сумел засадить за решетку его, «великого».

Скрипя от злобы своими желтыми упыриными зубами и чувствуя, что вот-вот потерпит поражение, «автор-очаровашка» ничего не придумал умнее, как оболгать Хамулу, обвинив его в нежелании установить убийц Гонгадзе.

А еще в припадке своей хорошо продуманной мести Гончаров не забывает таких ненавистных ему работников УБОП,

выстраивая их в одну шеренгу вместе с давшим первоначальные показания предателем Свердловым на него, как на главаря банды.

И убийцу.

Причем, за компанию с отступником Нестеровым, указавшим места захоронений задушенных им, Гончаровым, жертв.

А дальше — главное.

Гончаров в который уж раз не забыл напомнить о своем «покачнувшемся» здоровье, которое потерял, когда

«...был жестоко избит, будучи предварительно подвергнут пыткам», конечно же, «за правду».

Далее Гончаров мешает в одну кучу «коней и людей»¹.

Просто сосчитайте в абзаце, что я привожу выше, количество, по мнению автора, «следящих» за Гонгадзе, и прибавьте к ним число «желающих» похитить журналиста

«...на бульваре Л. Украинки в сентябре 2000 года».

Правда, для чистоты эксперимента нужно процитировать его еще раз:

«...Чтобы я не давал показаний в отношении тех работников УБОП, которые вместе с Нестеровым и другим преступником, входящим, как и Нестеров, в группировку Киселя, похитили в сентябре 2000 года журналиста Гонгадзе на бул. Л.Украинки, в Киеве (фамилии этих лиц, как и фамилии работников службы криминальной разведки, отследивших перед этим местонахождение Гонгадзе, я сообщил работнику СБУ Васильченко и частично журналисту Ельцову)».

А затем проделайте то же самое с количеством милицейских служб, не забыв прибавить к ним группировку Киселя.

Ну и как вам арифметика?

С легкой руки автора, для похищения Гонгадзе он поставил «под ружье» чуть ли не целый милицейский гарнизон.

Тогда кем же, в его воображении, в действительности был журналист?

А вот точную дату похищения Гонгадзе автор запомнил.

¹ «Смешались в кучу кони, люди». М. Лермонтов, «Бородино».

Ограничился «...сентябрем 2000 года».

А мог бы еще раз всем нам, любопытным, напомнить.

Ведь не мы, а он собирал «веские доказательства».

Но у кого, там, в СИЗО, ее уточнишь?

И напоследок.

Ко всему милицейско-бандитскому балагану Гончаров так, для верности, приплетает работника СБУ Васильченко и «частично» журналиста Ельцова.

Фрагмент из заявления №1.

«...Хамула требовал, чтобы я не давал показаний в отношении тех работников УБОП, которые вместе с Нестеровым и другим преступником, входящим, как и Нестеров, в группировку Киселя, похитили в сентябре 2000 года журналиста Гонгадзе на бул. Л.Украинки, в Киеве (фамилии этих лиц, как и фамилии работников службы криминальной разведки, отследивших перед этим местонахождение Гонгадзе, я сообщил работнику СБУ Васильченко и частично журналисту Ельцову), а также о причастности работников УБОП к другим убийствам и похищениям, которые осуществляли лица, входившие в группу Свердлова-Нестерова».

Оставим в покое Киселя, которому Гонгадзе был нужен, как «гангрена», что, кстати, опять же, уже доказано в следственном порядке.

Давайте вернемся к другим «заявленным лицам».

Можно только себе представить, как «обрадовался» работник СБУ Васильченко, прочитав в гончаровском «шедевре» не только свою фамилию, но и подробности о своей работе.

Заметьте, «успешной работе» по раскрытию похищения Гонгадзе.

Да еще в паре с «автором», с которым, как несложно догадаться, он долгие годы «дружил» на благо Родины.

Только теперь его «напарник» оказался в камере следственного изолятора. Да еще и по обвинению в совершении огромного количества убийств.

После такого вот «заявления» руководители Васильченко должны были подробно «расспросить» его не только об итогах нелегкой службы, но и о «приятеле».

А еще задать ему резонный вопрос:

А кто кого «дружил» в действительности?

Кстати, появление работника СБУ в деле, помня «многозначительность» Гончарова, лично для меня большим «сюрпризом» не было.

Впрочем, как и для всех, кто этим делом в той или иной мере интересовался.

Сам Васильченко по поводу своего «знакомства» с Гончаровым на допросе в Генеральной прокуратуре был лаконичен, назвав все написанное им неправдой.

«Контора» — и в Африке она самая.

Ну, а чечетка Ельцова во всей этой истории мною была уже описана вплоть до последнего «па».

Однако, как ни удивительно, но есть в тексте Гончарова хотя и маленькая, но все же часть правды.

В третьем абзаце заявления № 1.

Да, действительно, для него не были тайной фамилии работников Управления криминального поиска МВД Украины, что, возможно, выполняли задание по наружному наблюдению за Гонгадзе.

Более того, они были ему известны.

И он действительно сообщил их Ельцову, впоследствии моментально проявившего свою информированность в газете «Грани» от 15 января 2001 года.

Затем даже сам Ельцов об этом чудном мгновении поделился своими воспоминаниями на сайте «Украина криминальная».

«...Как-то поздно вечером (помню, было достаточно холодно, вероятно, зимой), мы встретились с Гончаровым в городе. Игорь по собственной инициативе вызвонил меня по мобильному. Он начал со следующей фразы: «Помнишь, я обещал тебе узнать про дело Гонгадзе? Записывай». И он продиктовал мне несколько фамилий и должности этих людей. Все — сотрудники милицейской службы криминального поиска, или попросту наружки. Далее Игорь рассказал подробности того, как в дальнейшем сложилась судьба этих «топтунов» и что происходило на момент нашего разговора в самой службе. Я несколько раз переспросил у Гончарова: насколько достоверна эта информация? Тот сказал, что все это чистая правда. Через несколько дней в газете «Грани» появилась моя статья «Кто следил за Гонгадзе». Там же был указан и адрес этой секретной конторы, в которой в спешном порядке жгли документацию за три последних года».

О.Ельцов. «Дело Гончарова. Часть 2.» Интернет-сайт «Украина криминальная», 11.08.2003 г.

Только вот анкетные данные работников наружки стали известны Гончарову не потому, что он был энциклопедией обстоятельств похищения журналиста.

Тогда как так случилось, что фамилии сотрудников одной из самых засекреченных служб МВД – ведь, по инструкции, даже не все родственники их могут быть информированы о настоящей работе – стали известны скромному пенсионеру и по совместительству главарю милицейской банды?

Откуда?

Ответ, увы, до безобразия прост.

Вспомните последнее место работы еще одного участника банды, милицейского подполковника Лысенко.

Вова «трудился» заместителем начальника отдела кадров Управления криминального поиска МВД Украины.

Опять же, по инструкции, в наружном наблюдении участвует всегда несколько экипажей.

После исчезновения журналиста в милицейских кругах еще долго ходили слухи, что всех бывших в наружке за журналистом сдуру перевели на другую работу.

В МВД такие кадровые перестановки проходят через внутренние приказы.

И вот тут в дело и вступают кадры, что «решают все».

Кстати, для большей «достоверности информации» Гончаров еще дополнительно сдал конспиративный киевский адрес подразделения криминального поиска, что для любого практикующего опера никогда не было тайной.

Из кожи лез горемычный, чтобы понравиться, как ему небезосновательно казалось, грядущей власти еще больше.

Ну, а пока суть да дело, мимоходом, но все же потрепал нервы «высоких покровителей» Лысенко.

А просчитай они раньше такую вот «верность долгу» скромного работника кадров, его поход на пенсию был бы значительно динамичнее.

И вновь о наружке за Гонгадзе.

Это, в качестве народного эпоса, передавалось из уст в уста.

Как, впрочем, и «сказание» о том, как суетился генерал Пучак, извлекая из литерного дела Киевского УВД материалы проверки по заявлению журналиста о наружном за ним наблюдении.

А теперь опять о заявлении №1.

Из которого так и не попали «в народ», по понятной причине, фамилии работников УБОП, «причастных к похищению».

В нашем случае автор рассудительно расширяет и предусмотрительно не ограничивает ранее переданный Ельцову список ненавистных убоповских оперов:

«...а также о причастности работников УБОП к другим убийствам и похищениям...».

Оставив за собой «право» дополнить его, как нетрудно догадаться, списком наиболее отличившихся в ликвидации банды.

Идем дальше.

Фрагмент из заявления № 1.

«...Эти указания совершались по прямому указанию министра МВД Кравченко, а впоследствии Смирнова. К этим похищениям и убийствам причастны знавшие о них высшие должностные лица нашего государства и наш Президент».

Называя фамилию Кравченко и не забыв тогдашнего «...нашего Президента», у Гончарова опять не получилось быть оригинальным.

Здесь уместно снова вспомнить все того же работника СБУ Васильченко, который, раскатывая в прессе «заявления» Гончарова, себя не сдерживал и уместно заметил:

«...о причастности Юрия Федоровича и Кучмы к похищению Гонгадзе не писал и не говорил только ленивый».

А теперь опять фрагмент из заявления № 1.

«...У меня имеются об этом материалы, собранные совместно с работниками СБУ, а именно, магнитофонные аудиозаписи разговоров, записанное признание Нестерова и другие материалы.

Я предложил Хамуле официально в присутствии журналистов и работников СБУ изъять их в том месте, где я укажу. Хамула требовал, чтобы я отдал ему эти материалы для уничтожения. Кроме того, Хамула отказался фиксировать мои показания, требовал лжесвидетельствовать по фактам, по которым проводится расследование, обещая за это, что я пройду по этим уголовным делам просто свидетелем».

О существовании в реальности *«...имеющихся об этом материалах»* я писал выше и не хотел бы повторяться. Как, впрочем, и об *«...изъятии их в том месте, где я укажу»*.

А еще я оставляю без комментариев и «опус» Гончарова о *«требовании Хамулы»*.

Ведь треп — есть треп.

Тем более, когда он в стиле жанра.

Снова фрагмент из заявления № 1.

«...Когда я отказался, Хамула обещал убить меня в СИЗО руками бандитов, инсценировав смерть мою, как смерть вследствие болезни или самоубийства. После выписки из БСМП меня отказались освидетельствовать на инвалидность, практически не лечили в медчасти СИЗО, несмотря на мои жалобы на усиливающиеся боли в животе и частые потери сознания. Думаю, что это делается с ведома и по наущению Хамулы. Попытки разоблачить лиц, руководивших и организовавших преступления, возможно, будут стоить мне жизни. Но я иду на это ради истины и справедливости».

А вот этот, последний абзац заявления автору, на мой взгляд, наиболее удался.

Здесь экспрессия органично переплелась со страхом.

И все это просто накрывает волной «трогательной жалости».

А ведь действительно, прислушайтесь, как от строк сочинителя просто-таки передается *«...усиливающаяся боль в животе»*.

Хочется, прямо хочется его освидетельствовать на инвалидность.

И все это, конечно же, *«...ради истины и справедливости»*.

Второе, более раннее заявление менее завуалировано и этим более интересно.

Ведь тогда Гончаров был один против всех.

Его «группа поддержки» все еще не остановила кающихся и дающих на него показания арестованных подельников.

Но он уже все придумал.

В его голове уже были связаны в одну цепочку Гонгадзе, Ельцов, фиктивная инвалидность ну и, конечно же, маячащая в воображении свобода.

По правилам подачи дезинформации, фамилии Плюща и Гонгадзе автор «разбавляет» настоящими эпизодами похище-

ния и убийств заложников, совершенных руководимой им бандой.

Он пока еще не делит подельников на отказников и дающих признательные показания.

И поэтому в один ряд, за исключением всегда молчавшего на допросах и косившего под дурака, «имеющего связи» Лысенко,

Словно внезапно охмелевший к вечерней проверке прапорщик,

Гончаров ставит Гайдая, Мельникова, Кеппеля, Свердлова, Нестерова, Мочарного, Михайленко, Вознюка.

Ведь он отдает себе отчет в том, что обо всех описанных им эпизодах даст признательные показания Нестеров.

И они, эпизоды, все равно будут расследованы.

Поэтому по «праву первой ночи» он предусмотрительно отводит себе роль «заблудшей, но информированной овечки».

Что ну очень хочет быть только свидетелем.

Заявление № 2

«На протяжении длительного времени я во время допросов общаю следователям об известных мне фактах преступлений, совершенных группой лиц (Нестеровым, Свердловым, Гайдаем и другими), но большая часть моих показаний не фиксируется официально, от меня берут только небольшую часть из известного мне. Поэтому я обращаюсь к вам с просьбой, чтобы мне была дана возможность дать полные, всеобъемлющие показания обо всех известных мне преступлениях, часть из которых являются резонансными и умолчать о которых из соображений совести я не имею права.

Начну с того, что несколько лет назад мой знакомый Меньшиков Валерий Станиславович познакомил меня со своим приятелем Нестеровым Юрием. Со слов Меньшикова, Нестеров – наркоман, возглавляющий довольно большую преступную группу (в которую входят, как я узнал, парни по имени Гена (проживает в частном доме недалеко от ул. Хорольской), Саша (проживает в районе ул. Дешевской), парни по фамилии Кеппель, Онушко, Кровец, Педун, Зубко и другие.

На время моего знакомства группа занималась похищением одиноких лиц, грабежом их имущества, продажей их квартир (это организовала группировка Свердлова-Ткаченко), завладения их паспортами с целью использовать для получения в банках г. Киева кредитных карточек (с вклеенными в эти паспорта своими

фотографиями), а впоследствии в Германии, при помощи проживающего в Гамбурге гр. Вебера (эмигрант из Украины Ткаченко Сергей), в небольших магазинах, на автозаправках, где отсутствовали кассовые аппараты или скупался товар на сумму, гораздо превышающую сумму кредита, о чем владельцы магазина, удовольствовавшиеся при продаже подписью на чеке, узнавали только на следующий день, пытаясь получить оплату из банка г. Киева.

Таким образом, группа Нестерова за несколько лет сильно обогатилась, а (в банках) в г. Киеве и в Германии были возбуждены и нераскрыты до настоящего времени ряд уголовных дел на пропавших при помощи Нестерова без вести владельцев паспортов. Кроме того группа Нестерова входила в группировку Киселя и занималась вымогательствами и, как я узнал позднее, «заказными убийствами».

Со слов Нестерова, многие преступления планировались и совершались по «наводке» работников одного из отделов УБОП, которые оказывали поддержку группе в случае ее «засвета» перед милицией. За это Нестеров делился со своими покровителями из УБОП частью денег и вещей, добытых преступным путем. Решал вопросы (заплатив работникам УБОП) об освобождении или избегании уголовной ответственности членов своей группировки.

Таким образом, как я узнал впоследствии, остались нераскрытыми ряд тяжких преступлений. В их числе – похищение и убийство трех парней (фамилии, кажется Мартыненко, Зелинский и...), из офиса фирмы по ул. находящейся в торговом комплексе недалеко от зданий КПИ, по трассе скоростного трамвая.

Этих парней Нестеров, Кеппель, Мельников и их знакомые из УБОП вывезли на мотодром поселка «Чайка» где продержали в помещении склада, а потом убили, забрав их машину, деньги и вещи. «Заказ они получили от бизнесмена – брата ректора КПИ (у меня есть его визитная карточка, и есть данные похищенных).

По просьбе Михайленко Леонида (а тот выполнял просьбу работников УБОП области Терещенко и Редько), Нестеров, Онушко и Мельников сделали попытку вымогательства денег у бизнесмена и его жены в их доме частном в пос..., но, не получив денег, Нестеров разозлился и убил (застрелил) бизнесмена и его жену и вывез из дома аппаратуру.

Онушко и Мельников помогали Нестерову, а Михайленко был шокирован и в итоге впоследствии уехал из Украины в США (об этом знает Нановский, его друг, продолжающий работать в УБОП и «торгующий» информацией, поступающей в ИВС (?), продает различным группировкам информацию, которую получает в ИВС (?) от своих или чужих агентов.

Участвовал Нестеров в похищении журналиста Гонгадзе, о чем я напишу подробнее в отдельном заявлении, и инсценировке смерти от алкогольного отравления личного водителя Плюща в районе метро «Дарниця», и в убийстве парня, занимающегося торговлей контрабандными сигаретами, чей склад был ограблен в пос. Борщаговка. Ниже я подробно и обстоятельно укажу об этих преступлениях, совершенных с ведома и под контролем работников УБОП.

Из тех преступлений что стали известны в процессе происходящего, сейчас расследованы похищение парня-ювелира, валютчика и мужчины-знахаря. Они были осуществлены также с ведома работников УБОП, рассчитывающих получить «долю» или выгоду от происходящего.

А в деле о похищении Гельфонда, которое организовал Свердлов и которого сразу «вычислили» работники УБОП, Нестеров уплатил («взятку») откупные этим работникам в обмен на то, чтобы Свердлову и Вознюку позволено было скрыться и уехать из пределов Украины.

Весь ход расследования по делу Гельфонда с сентября 2000 по май 2002 Нестеров знал в деталях от самих работников УБОП, расследовавших дело, и только то, что Хамула, получив от родителей Гельфонда крупное вознаграждение за «раскрытие» этого дела, позволило наконец раскрыть это преступление, о котором работникам УБОП было все известно и за «нераскрытие» которого они получили крупное «вознаграждение» от Свердлова через Нестерова.

Все убийства по делам раскрытым и еще нераскрытым совершал лично Нестеров, и лично сам, без свидетелей зарывал трупы, говоря всем другим, что просто опаивает свои жертвы снотворным и отпускает. Это я понял уже в ходе следствия. Об этом и многом другом я узнал слишком поздно, когда фактически невольно оказался втянут в совершение ряда преступлений.

Я, с детства не терпящий какой бы то ни было несправедливости, поверил вранью Нестерова о том, что ему должны деньги, о том, что его знакомых обманули, забрав у них деньги — я решил помочь ему в возврате его денег и денег его друзей.

О том, кто такой Нестеров на самом деле, я стал понимать после того, как он пытался привлечь меня к похищению своей бывшей жены и тещи с целью их последующего убийства, а также после того, как я стал сомневаться в том, отправил ли он за границу моего знакомого Пелюшка, на которого Нестеров просил свернуть убийство Гельфонда под предлогом, что того убили в Чехии.

Когда Нестеров понял, что я догадался, что он убийца, то сказал, что уничтожит мою семью, а меня самого его знакомые из УБОП обвинят в совершенных им же убийствах.

Когда меня задержали и пытали на допросах током, удушени-ем через противогаз, избивали ногами, подвешивали на ломе, то я не сознался в том, чего не совершил, а именно, в убийствах.

Но о похищениях должников Свердлова и Мочарного я расска-зал честно и открыто.

Но мои честные показания, а также показания по другим пре-ступлениям оказались «не нужны» Хамуле и тем, кто стоит за ним.

От меня потребовали оговорить себя и других именно так — как кому-то было выгодно. Хамула предупредил меня, что я буду покалечен, а впоследствии и убит в тюрьме или руками уголов-ников или отравлен сокамерниками по его поручению, если не дам свои показания в таком виде, в каком от меня требуется.

А также Хамула сказал, чтобы я никому не говорил о убий-ствах в пос. Счастливом, журналиста Гонгадзе и водителя Плю-ща, поскольку они касаются высоких должностных лиц, которые тогда расправятся с моей семьей. Если же я буду давать показа-ния, как выгодно Хамуле, то меня, как и Нестерова, «сделают» задним числом агентом УБОП, якобы внедрившимся в банду, и впоследствии освободят. Но, думаю, Хамула лжет, да и совесть не позволит мне наговаривать на себя и других того, чего не было на самом деле.

Преступления, которые сейчас расследуются под № 62-2222 — это преступления, совершившиеся Нестеровым и его группой при участии УБОП, с одной стороны, и группой Свердлова-Гайдая, с другой. Группа совершала преступления, а Нестеров платил «от-купные» в УБОП, чтобы преступления остались нераскрытыми.

Только желание Хамулы получить вознаграждение от родите-лей Гельфонда и граждан Чехии (по факту похищения девушки и получения за нее выкупа на Русановке) позволило частично рас-крыть некоторые из совершенных преступлений, но с той трак-товкой действий и участия лиц в них, с какой было выгодно Ха-муле, получившим деньги у обеих заинтересованных сторон.

Ряд убийств Нестерову заказывал Свердлов. Ряд убийств за-казывал кто-то из УБОП (отдела на Московской площади). Я слишком много знаю и узнал, чтобы оставить меня в живых, гораздо выгоднее все свалить на меня и после этого убить под каким-то предлогом, инсценировать, как сказал Хамула, мою смерть как последствие болезни.

Истина в нашем государстве никому, как я понял, не нужна. Я написал эти строки, чтобы люди знали, если я умру, — что я не лидер группировки, и, тем более, никакой не убийца, а просто человек, ненавидящий лиц, грабящих наш народ, и пытавшийся помочь восстановить справедливость людям, которых считал порядочными и которые воспользовались моей помощью, чтобы осуществить свои планы и выполнить «заказы» на убийства, как я теперь понимаю.

Это, конечно, меня не оправдывает, но я не ищу оправданий. Мое заявление — это покаяние мое обо всем произошедшем, что мне известно и чему я был свидетель. Более подробно об упомянутых фактах я готов написать или сообщить вам или уполномоченным лицам при личной встрече. Копию заявления я передаю журналисту на тот случай, если подлинник (я пишу сразу от руки два экземпляра) где-то исчезнет на пути к вам.

Написано собственноручно. (Подпись)

P.S. Ряд доказательных материалов, фото-, видео- и магнитофонные записи, что касаются упомянутых преступлений, мною зарыты на дачном участке на Русановских садах, находятся в металлической коробке в дипломате и мешке, место знает Мельников и один из моих друзей из СБУ, — некоторые фамилии (?) по журналисту я сообщил уже Ельцову и работнику СБУ Васильченко. А также Е.К.М.

Выкопать эти материалы есть смысл только в присутствии группы депутатов и журналистов, поскольку много информации есть связанной с высшими должностными лицами страны, чьи указания исполнялись работниками УБОП и (неразб.) преступной группировки».

Более подробно останавливаться на так называемых «дневниках» Гончарова, что были им написаны как бы в довесок к «заявлениям», особого смысла нет.

В них нет ничего нового.

Очередной раз, жуя старые посылы, автор разве что прибегает к усилению давления на психику своего «вероятного читателя».

Ведь, по его замыслу, дневникам отводилась роль исключительно «усиления тезиса».

Насколько это у него получилось?

Решайте сами.

Я же не могу не привести, на мой взгляд, наиболее «удачные» выдержки.

В них есть все.

Скупая слеза о нелегкой судьбе «патриота».

Стратегия и тактика его действий.

И, конечно же средства их выполнения.

И, пожалуй, самое главное — еще раз выставлен яркий акцент на настоящей цели упыря, загнанного в клетку.

Хотя, все эти его «доводы» попросту меркнут перед циничной ложью, комментировать которую, опять же, у меня нет никакого желания.

«...Милая моя мамочка! Когда-нибудь тот ужас, что творится в нашей стране, закончится, и к власти придут честные патриоты нашей родины. Тогда многое выяснится: то, что я ради справедливости сражался с преступным режимом, который, чтобы скрыть свои преступления по Гонгадзе и другим честным людям, скомпрометировал меня, сфальсифицировав уголовное дело...

Игорь. 9.03.03».

«...Если бы ты видела все те пытки удушением, током и психотропными препаратами, которые применяли ко мне и рассчитывают применять в будущем. После них человек начинает мечтать о смерти как о счастье».

«...Гарник О. А., когда я был у него в прокуратуре 13.05.03 (за два с половиной месяца до смерти. — Авт.), сначала у себя в кабинете объявил мне, что ему надоело, что я постоянно жалуюсь на боли в голове, ногах, животе и постоянно вызываю скорую помощь (только сегодня приехали две бригады). В прокуратуре ко мне подходили парни из УБОПа и намекали, что скоро меня выпишут и снова пойдут пытки током».

«...Пришел ответ 062-738-611127 от 6.06.03 (за два месяца до смерти. — Авт.) за подписью Гарника о том, что мне отказано в просьбе не вывозить меня из СИЗО в связи с плохим состоянием здоровья. Я писал заявление, что мне трудно ходить и тяжело переносить перевозки в прокуратуру и обратно. В мае кто-то из сотрудников Генпрокуратуры опрашивал медсестру Д., и она под диктовку написала, что я не такой уж больной, чтобы находиться в медсанчасти СИЗО.

На днях ко мне подходили ранее судимые из других камер и сказали, что люди из УБОПа хотят меня отравить, чтобы исключить возможность того, что я на суде могу изобличить их в участии к похищению Гонгадзе».

«...Сообщаю вам о том, что 12.06.03, в период с 8.00 до 8.30 в корпусе дежурной части СИЗО, где я находился в ожидании конвоя для отъезда в прокуратуру, ко мне подошел неизвестный мне

мужчина из числа подследственных и сообщил, что я буду убит в СИЗО, если не буду давать на следствии те показания, которые требует у меня следствие, а также если я дам показания по ряду преступлений, о которых мне не рекомендовано говорить в УБОП. 12.06.03. Подпись».

На этом, пожалуй, можно остановиться, выдохнуть и поставить точку.

А затем благополучно взять и все за ненадобностью забыть.

Тем более, что все эти так называемые письма после ареста в феврале 2005 года бывших работников Департамента внешнего наблюдения и криминального поиска МВД Протасова, Костенко и Поповича уже официально так и остались «так называемыми».

Но глава останется незаконченной, если не ответить на последний вопрос.

Откуда Гончаров черпал вдохновение?

Где он нашел этот первоисточник, что впоследствии позволил ему благополучно не просто смешать мух с котлетами, но и превратить их в желто-зеленый кисель?

Настало время огласить имя предполагаемого автора.

«...Наш герой родился и вырос на Сталинке (район г. Киева). Рядом с ним рос его «друзбан» — киевский криминальный авторитет Кисель (Кисель Владимир Карпович). С самого начала Кисель имел очень сильное влияние на Волкова. Это и неудивительно, ведь он был пять раз судим за тяжкие преступления. Партнеры очень удачно использовали развал Союза (к этому времени Волков занимал одну из ключевых должностей в торговле г. Киева). Объединив свои возможности и усилия, они стали захватывать сферы влияния и доходные виды бизнеса».

«Волков без овечьей шкуры». Иван Степанов (Олег Ельцов. — Прим. Компромат.Ру, 04.09.01). По мотивам статьи на сайте «Украина криминальная. «Все об Александре Волкове» (05.08. 2000).

Вот, пожалуй, и все.

А затем все просто.

На шаткий фундамент первоисточника налить жижи из сплетен и баек из Интернета.

И, разумеется, правдивые сказания о своих, личных,

Чур, нет —

Не своих, и не личных.

Просто «случайно ставших известными» обстоятельств тяжких преступлений.

А еще — не забыть поддержать приятеля.

И его «творению» придать теперь уже для своего предполагаемого читателя собственную, новую, «правдивую» и очень удобную трактовку.

Вот, в принципе, и сказочке конец.

Правда, возникает еще вопрос — а зачем в двухтысячном это было нужно Ельцову?

Но это совсем другая, хотя и не совсем новая, история.

Когда-то жители Древнего Египта бальзамировали тела умерших, ожидая их скорого воскрешения.

Египтяне просили у Бога вечной жизни, а взамен получили вечность в мировой истории.

Чем для страны стал Гончаров, так откровенно и нахально ее дурачивший?

Наверное, хотя и безликой, но, увы, страничкой истории.

Где рядом с его фамилией стоят слова: «маньяк», «убийца», «главарь милицейской банды».

Глава 13

*С годами накапливается опыт
И уходит приблизительность.*

Р.Я. Плятт,
народный артист СССР

Крылья, ноги... Главное — хвост¹.

Да-да!

Именно он.

Тот самый торчащий «хвост».

Словно потрепанная, но всегда такая необходимая книжная закладка,

Беспардонно, и уже в который уж раз,

С немислимым, ослиным упрямством,

Не позволяет мне перевернуть в повести о ликвидации милицейской банды еще одну написанную мною страницу.

Чтобы окончательно и бесповоротно закончить,

Как я надеюсь,

Не слишком утомительный эпизод с повествованием о проворном «главном свидетеле».

А ведь действительно, что ты ни делай,

Как ни пытайся прикидываться, одевая себе на лицо маску непонимания и недоумения,

Ведь все равно,

В остатке,

Все у того же «главного свидетеля Гончарова» еще остается шумно проговариваемая в прессе, предполагаемая возможность участия милицейской банды в похищении журналиста Гонгадзе.

Главной причиной существования которой,

Да еще и с пометкой в красном углу «увлекательная версия»,

Так тщательно,

¹ М/ф «Крылья, ноги и хвосты». Реж. И.Ковалев, А.Татарский.

Со всех сторон обсосанной все теми же ищущими умами от журналистики,

Ставшей в самом, самом, самом начале, прежде всего, в связи с просто-таки сумасшедшим количеством потраченного на ее «выписку» времени и нанесенных на чистые листы бумаги ровных и как получится предложений, почти железобетонной. И даже вполне пригодной для хождения по ней в проходку, а еще скольжения туда-сюда обладателей дорогой и так себе обуви и одежды.

Чтобы затем,

Из-за случившихся в деле о похищении журналиста кардинальных изменений,

В одночасье,

Из «веского информационного повода» всеобщего физиологического недержания вдруг перестать быть таковой.

Увы,

Как теперь вам известно,

Есть ваш вечно неугомонный покорный слуга,

Когда-то забывший совет классика о бесперспективности объятия необъятного¹,

Хотя, если быть до конца объективным, то не только.

И вот теперь мне,

Когда-то искренне, так по-молодецки, причем, совершенно бескорыстно хотевшему,

А сейчас, по прошествии стольких лет, уже научившемуся предвидеть грядущие перспективы, очередного удвоения строя своих «чутких, объективных, и внимательных почитателей»,

Наверное,

Было бы оправданно мудро взять да и впасть в состояние напускного, временного забытья.

После чего и вовсе предусмотрительно упустить в своей повести продолжение истории о журналисте с грузинской фамилией Гонгадзе.

Резко прервав ее когда-то популярной фразой Михаила Жванецкого:

«Закрой рот, дура, я уже все сказал»²!

И тогда мне,

Все еще, надеюсь, вам небезынтересному автору,

Который, кстати, ни одного дня не работал над раскрытием дела об исчезнувшем журналисте,

¹ «Нельзя объять необъятное». Козьма Прутков.

² М. Жванецкий. Интермедия «О женщинах».

Никогда не имел доступа ни к одному следственному документу об обстоятельствах похищения или предполагаемой смерти,

Не прочитавший ни единого протокола допроса участников банды Гончарова по этому факту – ведь следователи из Генеральной прокуратуры, очарованные образом и проникнувшись чувственным пониманием внезапно возникшего «свидетеля по делу Гонгадзе» с приставкой «главный», держали все показания от оперативной группы в секрете,

Без всякого сомнения,

Можно было запросто избежать совсем не радостной участи Германа из «Пиковой дамы»¹ с теми самыми, преследующими его «тройкой, семеркой и тузом»,

И хотя бы один раз в карточной игре с названием «жизнь» взять да и остаться при своих.

Своих героях.

Таких «героических», и не очень.

Своих окаянных мыслях,

Что, наверное, имеют все шансы попасть в разряд «так себе», да еще с компанией исключительно своих, давно уже никого не трогающих тараканов в голове.

Ведь все до одной,

Причем, только самые главные,

А оттого самые веские причины для последующего невнятного и непонятого для нормального уха бормотания,

У меня не просто виртуально присутствуют.

Они есть в наличии, все до одной!

Но ответьте мне...

Как взять и избавиться?

Как победить так и не задушенное в себе то самое, известное каждому непреодолимое, жгучее, не дающее лишний раз вздохнуть, переполняющее грудь желание из синдрома столь осторожного по своей природе персонажа из известного советского анекдота товарища Рабиновича²,

Таки имевшего портретную схожесть с вождем мирового пролетариата,

И поделиться с миром теперь уже только своей,

Конечно же, исключительной,

¹ Герой повести А.Пушкина «Пиковая дама».

² Анекдот. Работник КГБ говорит Рабиновичу: «У вас портретная схожесть с Владимиром Ильичом Ленином. Немедленно побрейтесь!» Рабинович ему отвечает: «Ну, бородку я сбрую, а куда мне мысли свои девать?»

И от этого, без всякого сомнения, самой правильной версией произошедшего тогда со страной в целом и с Георгием Гонгадзе в частности?

Никак не обращая внимания на официальный хор совсем не жидкого строя следователей, прокуроров и каких-то там политиков,

Не слушая бэк-вокал из самозванцев, провокаторов и разношерстных агентов влияния,

Которых, кстати, до недавнего времени для своего понятного только ему удовольствия игрой на волшебной дудочке «своей правды» вел за собой маньяк-душитель Гончаров.

А еще – сохранить собственное целомудрие, постоянно держа в поле зрения вездесущих «журналистов-криминалистов» и иже с ними, что обязательно захотят тихо-тихо, на цыпочках, подкрасться со спины?

В сложившейся ситуации есть только один выход.

Простой, как правда.

Вечный, как Рим.

Причем, не без элемента, ну, как минимум, неожиданности.

В самом начале нужно остановиться.

А остановившись, не задумываясь, смело сделать шаг в сторону.

Чтобы избавиться от точки опоры и рухнуть в такой всегда удобный и легко читаемый жанр фэнтези.

А все для того,

Чтобы свое свободное падение в грядущее повествование о совсем еще недавно, по меркам мировой истории, прошедших «звездных войнах»,

От очередного,

Из такого всегда бодрого, строя,

Пенсионеров из МВД,

С его разбухшей от всяческих врачебных справок медицинской карточкой, где есть, между прочим, четкие, а самое главное, письменные пожелания психиатра, невропатолога, а еще проктолога,

По полному праву разрешающие все описанные далее неоднозначные события, связанные с известными в стране именами и фамилиями,

Никак не тревожа хотя бы чей-то чуткий сон,

Смело назвать фантастикой.

Превратив все ниже мною написанное в болезненную игру такого нездорового милицейско-пензионерского воображения.
...Вот уже и с проктологом вышел перебор.

А теперь,

Взяв за основу исключительно предположения, что вытекают из материалов оперативного и уголовного дела о ликвидации милицейской банды,

Прибавив к ним вывешенные в Интернете документы о деле журналиста Георгия Гонгадзе,

Не оставив без нужного внимания газетные и просто слова, интервью и воспоминания участников тех событий,

А еще,

Не забывая «неизгладимое» мое личное многолетнее знакомство с главарем милицейской банды.

Давайте смело и, если хотите, безудержно,

А почему бы и нет — это я о «безудержности»,

Обратимся только к известным всем фактам.

Но в самом начале,

По установившимся правилам всех «звездных войн»,

Должно неожиданно появиться, причем, сразу же на весь киноэкран,

То самое текстовое введение,

Что, по замыслу автора, на фоне такого манящего и одновременно вызывающего легкое оцепенение открытого космоса,

В самом начале вводит в суть межгалактических событий,

Чтобы затем, выполнив до конца,

Нет, лучше не так —

Сделав свое дело, медленно и безвозвратно провалиться в космическую черную дыру.

Глава 14

Звездные войны

Трилогия-приквел

Пролог

После наступления Миллениума территория с названием Украина с сорокавосьмимиллионным населением уже традиционно переживала не лучшие времена. Страной управлял ничем и никак себя не проявивший Президент Леонид Кучма, который на изломе развала когда-то могучей империи СССР неожиданно для себя самого честно выиграл первые в Украине демократические выборы 1994 года, уверенно победив кандидата от уходящего в историю, зашедшего в глубокий кризис политического режима под названием «социализм».

Осенью 2004 года истекал его второй, согласно Конституции страны, и последний срок президентского правления, который, благодаря ближайшему окружению — «серому кардиналу» олигарху Александру Волкову и министру внутренних дел Юрию Кравченко Кучма все-таки сумел в сложной политической борьбе с оппозицией продлить на выборах 1999 года.

Но произошедшие затем парламентские выборы 2002 года стали для него фатально проигрышными. Блок «За единую Украину», несмотря на мощную финансовую поддержку и задействованный административный ресурс в многомандатных округах, занял лишь третье место из шести возможных, получив ровно в два раза меньше депутатских мандатов, чем основной конкурент, оппозиционная «Наша Украина». Тем не менее, в общем составе нового парламента из-за существующей избирательной системы хватило голосов для создания пропрезидентского большинства.

И для избрания заменившего в 1999 году утратившего часть своего влияния Александра Волкова нового «серого кардинала», руководителя Администрации Президента Владимира Литвина, председателя Верховной Рады.

За развитием событий в Украине пристально следят два мировых конкурента. С одной стороны – ближайший многовековой исторический и культурный сосед, ставший правопреемником ушедшей в историю супердержавы Советского Союза. Это Россия, переживающая политический кризис и междоусобные войны, президентом которой в 2000 году стал Владимир Путин, отдающий все свои силы на построение в стране твердой вертикали президентской власти и возрождения утраченного мирового влияния.

А с другой стороны – Соединенные Штаты Америки, заполнившие нишу после ушедшего в историю «советского монстра» и ставшие единственным мировым лидером, где у власти тогда находилась известная наличием большого количества политических «ястребов» администрация президента Джорджа Буша.

А теперь, когда последние строчки экскурса в историю вначале стали неразборчивыми, а затем и вовсе исчезли,

А спрятавшаяся в кухонных часах на стене кукушка, томясь в утомительном ожидании, нежно поглядывает на торчащую из ее задницы, через мгновение готовую распрямиться пружину,

Чтобы затем в припадке удовольствия прокричать свое неизменное за несколько столетий:

«Ку-ку»!

И все для того, чтобы всем, всем, всем напомнить о настоящем и предательски помешать в самом начале ну хоть как-то настроиться на заранее заявленный жанр фэнтези,

А давайте ее, готовую куковать каждые полчаса, заставим забыть о своем знакомом каждому, радостном крике.

И оповестить прилегающие окрестности о начале традиционных в «звездных войнах» «звездных эпизодов» этим неожиданным для нее, но таким знакомым и понятным для каждого «звездного героя» словом: «Поехали!»¹

¹ Слово, произнесенное первым космонавтом Ю.Гагариным в начале полета.

Звездные войны: Эпизод 1 – Скрытая угроза / Star Wars: Episode I – The Phantom Menace

Не знаю, как вы,

А я всегда по-особенному тепло отношусь к тому моменту, когда в самом начале любого художественного фильма,

Как раз после окончания вступительных, более или менее оригинально оформленных титров,

В кадре появляется медленно управляющая дорогим автомобилем, многозначительно молчащая молодая женщина.

Она моментально,

Раз и навсегда,

По-киношному (это когда на одном дыхании и без остатка) сразу же заполняет собой все следующие заявленные на киноафише полтора часа.

И ничего не остается, как только, забывшись, уставиться на экран и, затаив дыхание, смотреть,

Как кинокамера медленно скользит по ее обязательно правильным чертам непременно красивого, с бездонными глазами лица,

Ее чувственным губам с завораживающей, еле заметной улыбкой,

Ее ухоженным, с длинными тонкими пальцами рукам.

Тонко чувствуя возрастающий интерес мужской половины зрительской аудитории, оператор как бы невзначай, украдкой,

Со стороны,

Скользит по ее обязательно стройной и от этого еще более туманящей воображение фигуре, не пропуская ни длинных ног, ни открытых коленок, ни манящего изгиба талии.

И в заключение,

Он,

Оператор,

Сука,

Чувствуя эту тонкую черту между искусством и пошлостью,

Недвусмысленно упирается камерой в ее подчеркнуто узкую блузку, выбирая на ней одну из маленьких пуговиц, всегда

растегнутых ровно настолько, сколько нужно для свободного дыхания ее высокой, слегка колышущейся при ходьбе груди.

Причем, обязательно третьего размера.

Хотя,

Как по мне,

Этот «обязательный размер», скорее, относится к категории желательного.

Ну, и в заключение такого вот любимого мною киношного начала,

За чисто вымытым автомобильным окном наша героиня должна видеть плывущий городской пейзаж — сверкающий под дневным весенним солнцем деловой центр.

По нескольким фотографиям в Интернете и стольким же интервью сейчас сложно судить, каким был тот, первый рабочий день,

Как, впрочем, и во что была одета наша героиня.

А самое главное, в какой степени появление этой женщины в Администрации Президента Кучмы стало именно тем событием,

Что вернуло давно позабытое, безвозвратно ушедшее чувство трепета экипажу звездолета «Украина».

Когда с удостоверением журналиста, лежащим где-то на дне дорогой дамской сумочки,

Словно «счастье вдруг, в тишине», Алена Притула вначале постучала в двери, а затем перешагнула порог. Для того чтобы плюхнуться на тогда пока еще плакатное, но все-таки уже звездолетное кресло.

Сейчас,

Когда этот день,

Как, впрочем, и все его обстоятельства и вовсе потеряны для истории, ничего не остается, как этот случай из биографии «Золушки от журналистики» не просто принять как неизбежность, но и отметить как начало.

Причем, в нашем случае это начало претендует на звание интересного.

«...Журналист Алена Притула, приехавшая из Крыма покорять Киев, до событий, связанных с «кассетным скандалом», среди коллег не пользовалась известностью. Ее профессиональная деятельность не была яркой и запоминающейся. В своем творчестве она не специализировалась на какой-то определенной тематике.

Журналистская карьера Алены, скорее, свидетельствует о спонтанности жизненных поступков.

Судите сами: выпускница факультета автоматики и вычислительной техники Одесского политехнического института (1989 год) Алена Юрьевна радикально меняет профессию — в 1991 году она уже работает корреспондентом информационного агентства УНІАР в Крыму. В 1993-м переходит в «Интерфакс-Украина», где официально трудится на должности корреспондента до весны 2000 года. Параллельно, с 1993-го по 1996-й годы, является стрингером (внештатный автор, пишущий от случая к случаю) украинского корпункта информационного агентства Reuters. Сотрудничество с ним и знание английского языка позволили ей временем заручиться поддержкой одного из западных грантодателей и пройти стажировку в Университете Дьюка (Северная Каролина, США, 1996 год).

В своих автобиографических данных А. Притула не любит упоминать об одном своем карьерном достижении — в конце 90-х, официально числясь в «Интерфаксе-Украина», она фактически перешла на работу в пресс-службу Администрации Президента Украины Л. Кучмы.

Именно это, в том числе обслуживание журналистов так называемого президентского пула, похоже, стало роковой чертой для этой коммуникабельной, увлекающейся конными прогулками женщины.

К тому же, одинокой.

Когда в июле 1999 года Алена Притула получила звание заслуженного журналиста Украины, коллег это не удивило: как и за что даются звания сотрудникам Президентской администрации, было широко известно.

Увы, профессиональные достижения тут были ни при чем.

Остается добавить: к обретенному званию за эти годы прибавились еще два титула: член Комиссии по журналистской этике (с сентября 2001-го) и лауреат премии Стэнфордского университета «За рыцарство в журналистике».

Валерий Воротник, Мария Самбур. «Дело Гонгадзе. Последняя точка?» Интернет-сайт: antenna.com.ua, 12.10.2005 г.

А теперь,

К утраченному, но все же уже получившему звание «интересное» началу, давайте прибавим,

А еще лучше, соединим в одно целое ответы на первые и далеко не последние во всей этой пока еще загадочной «звездной истории» резонно возникающие вопросы:

А зачем вообще Алене Притуле нужны были эти, хотя и очень высокие, но все же для нормального человеческого дыхания протухлые коридоры Президентской администрации блеклого Конституционного Гаранта?

Что, а если точнее, кто там ее интересовал больше всего?

А еще лучше, не впадая в пока еще не нужную, лишнюю всякого смысла полемику, чтобы в ней не утратить нить именно того, интересно складывающегося начала,

Из множества сразу возникших вопросов давайте выберем только один.

Причем, самый, на мой взгляд, невинный:

А как вообще попадают работать в Администрацию Президента?

Размышления по этому поводу,

В этом исключительном и отдельно взятом случае,

И станут, как я считаю, именно тем не только небезынтересным продолжением, но и достойно дополнят все то же нескучное начало.

А пока только представьте,

Но только на одну минуту,

Что случится с психикой работника контрразведки Украины, блюдущего неприступность для иностранных шпионов форпоста страны «Объекта №1», с не лишенной скрытого очарования табличкой «Администрация Президента Украины»,

Прочитай он в анкете очередного проверяемого кандидата, что по роду своей деятельности будет регулярно переступать порог вверенного ему Родиной государственного учреждения, такие строки:

«...с 1993 по 1996 годы – стрингер (внештатный, пишущий от случая к случаю автор) украинского корпункта информационного агентства Reuters. Сотрудничество с ним и знание английского языка позволили ей со временем заручиться поддержкой одного из западных грантодателей и пройти стажировку в Университете Дьюка (Северная Каролина, США, 1996 год)».

А ведь это сегодня, сейчас!

Когда по его, смею надеяться, все еще любимой службе проехали Деркачом, голодомором и автомобилем «Бентли».

А теперь давайте перенесем эти обстоятельства все с тем же контрразведчиком в середину девяностых.

Причем, теперь на месте нашего предполагаемого героя должен оказаться такой же бдительный старший дипломированный коллега, но с дипломом КГБ СССР.

Сама же наша героиня ни разу не захотела разбавить этот этап своей биографии какими-либо комментариями.

А было бы небезынтересно послушать о том, как рядовому журналисту родом из Крыма таки посчастливилось вначале стать сержантом, а впоследствии прибавить на свои погоны налет еще большей заслуженности.

«...Немногие посвященные в Администрации Президента знали: «у Алены и Володи – роман». Сохранить адюльтер в тайне главе Президентской Администрации Владимиру Литвину не удалось. Он постоянно оказывал Алене знаки внимания, забыв о свойственной ему осторожности и скрытности в поступках. Что дало повод близкому окружению говорить: «Притула для Литвина нечто большее, чем просто мимолетное увлечение».

Интернет-сайт: antenna.com.ua. Валерий Воротник, Мария Самбур. «Дело Гонгадзе. Последняя точка?», 12.10.2005 г.

Но вернемся к другим, всем известным участникам «великого космического проекта».

По понятным причинам, в этой истории меня больше всего интересует фигура тогдашнего министра внутренних дел Юрия Кравченко.

И именно с него мне бы хотелось начать представление наших «рыцарей-джедаев».

Но так исторически сложилось, что в жизни героини Юрий Федорович занимал хотя и очень важное, но, увы, только проходное место.

И поэтому его появление на звездной дорожке пока будет преждевременным.

Чего нельзя сказать о следующем «звездном герое»,

Который, кстати, хотя никогда не владел искусством обращения со световым мечом, но этот досадный недостаток ему никак не помешал обладать увлекательной во всех смыслах биографией.

А еще – стать частью нашей «звездной истории страны».

Причем, бок о бок с той первой, всем известной аудиозаписью из кабинета Президента Украины Кучмы, с до настоящего времени так и не установленным лицом, что так умело и непринужденно имитировало его голос.

Причем, не где-нибудь,
А в кабинете Президента Кучмы.

Кстати, презентованную не без элементов оригинальности и буффонады, теперь уже всеми почти забытым, а когда-то тоже уверенно мечтавшим о кресле Президента,

Очередным, опять же, не ко времени, сейчас возникшем «джедае».

И, что самое невероятное, и этому, следующему, возникшему, как и предыдущему «джедаю», тоже не грозит приставка «рыцарь».

Но обо всем этом немного позже.

А пока...

«...Владимир Литвин родился 28. 04. 1956 года в селе Слобода-Романовская Новоград-Волынского района Житомирской области в семье крестьян.

В 1978-м окончил Киевский университет им. Т.Шевченко, исторический факультет.

Карьера во власти и политике постсоветской Украины для Владимира Литвина началась в августе 1994-го с должности помощника Президента Леонида Кучмы.

Уже через год он становится заместителем главы Администрации Президента.

В сентябре 1996 года — первым помощником Л.Кучмы, руководителем группы помощников и референтов главы государства.

А в ноябре 1999-го — руководителем Администрации Президента.

На этом посту он зарабатывает неофициальное прозвище очередного «серого кардинала».

Интернет-сайт: liga.net.

Ну а теперь,

Наконец,

Настало время бойцовского клуба.

Причем, бойцов, способных не как-нибудь, а именно клинком доказать свое «рыцарское звание».

Было ли в творческих планах Алены Притулы лично интервьюировать в том числе и этого, теперь уже настоящего «рыцаря-джедая», доподлинно не известно.

А вот что можно утверждать со стопроцентной гарантией,

Причем, не оставив для сомнения ни одной доли какого-то там невзрачного процента,

Так это то, что сам этот «рыцарь-джедай» никак не заинтересовался ее журналистским талантом.

«...Александр Волков родился 30 апреля 1948 г. в Киеве. Депутат Верховной Рады Украины, внефракционный.

Образование: В 1972 г. закончил технологический факультет Киевского торгово-экономического института. В 2002 — Академию государственной налоговой службы, юридический факультет.

С 1997 года Волков прочно занимает неформальный пост главного фаворита Президента. На довыборах в Верховную Раду Украины в 1998 году он проходит по 208-му (Козелецкому) избирательному округу Черниговской области.

В 1999 году Александр Волков одерживает ряд крупных побед на политическом поприще. Так, он создает собственную депутатскую группу «Возрождение регионов», ставит своих людей на губернаторские посты в нескольких областях; добивается, чтобы агропромышленный комплекс Украины возглавил Михаил Гладий, а Администрацию Президента — Николай Билоблоцкий, создает партию «Демократический союз».

В этом же году (при непосредственном участии Александра Волкова) Леонид Кучма становится Президентом второй раз. И это, безусловно — самая крупная победа Волкова. Отныне в его руках оказываются сильнейшие рычаги влияния. Под опекой Волкова — депутаты, представляющие самые разнообразные политические структуры. Так называемая «группа Волкова» контролирует ряд Облэнерго, часть нефтегазового рынка, КРАЗ, популярные журналы «ПиК» и «Лидер», газету «Президентский вестник» и журнал «Президент»...

В 2002 году партия Волкова проиграла выборы в Верховную Раду. Александр Михайлович лишился своего кабинета в Администрации Президента.

В последнее время, однако, дела Александра Волкова несколько пошатнулись. Для начала следует вспомнить скандал, связанный с его «бельгийским» делом, инициатором которого были народные депутаты Григорий Омельченко и Анатолий Ермак. И хотя в Украине все обвинения против него сняты, согласно постановлению судьи Брюссельского суда Коллет Кальверт, заблокированы валютные счета Волкова и счета его коммерческих структур, открытых им в 1994-1997 годах и на которых насчитывалось 135 миллионов бельгийских франков (около 4 миллионов долларов США).

Также арестованы престижные автомобили и недвижимость Волкова в Бельгии».

По материалам интернет-сайта oligarh.net.

А дальше, теперь уже без всякого времени на осмысление и передышку, настало время одного из главных и, как и положено для такого уровня «звездных фигур», неоднозначного героя.

О том, кем по-настоящему для второго Президента Леонида Кучмы был его преданный «первый рыцарь» — министр внутренних дел Юрий Кравченко — сам Кучма по прошествии времени рассказал в одном из своих многочисленных интервью.

— Правда ли, что вы хотели видеть Юрия Федоровича своим преемником на посту главы государства?

— Ах, у меня были такие мысли, подчеркиваю — мысли. Но прежде я хотел «пропустить» его через Кабинет Министров. У наших избирателей менталитет такой: только побывав на посту премьер-министра, можно стать президентом. Другого не дано. Об этом знали всего несколько человек. Но вы же знаете украинцев. «Почему он, а не я?» Это тоже было.

Вообще, на Юрия Федоровича многие смотрели с завистью. Потому что он выделялся среди всех, был неординарной личностью. И при этом абсолютно независимым.

Газета «Комсомольская правда». Эксклюзив: «Юрий Кравченко мог стать президентом Украины», 02.03.2009 г.

Сама же Алена Притула до сих пор хранит о Кравченко молчание. Оставив свою дежурную журналистскую победу на откуп вечно информированным и от этого всегда злым языкам.

«...Я обнаружил ранее неизвестные факты: Георгий (Гонгадзе) дважды дрался с Кравченко. Они девушку-журналистку не могли поделить. Одна драка была на рыбалке, вторая — прямо под окнами девушки. Организаторы преступления предполагали, что это позволит списать убийство Георгия на «бытовуху».

Газета «Известия». Следователь Игорь Пилипчук: «Убийство Гонгадзе и отравление Ющенко устроили одни и те же люди». 02.11.2006 г.

«...Юрий Кравченко родился 5 марта 1951 года в городе Александрия Кировоградской области Украинской ССР.

С 1966 по 1970 годы учился в Александрійском индустриальном техникуме. В октябре 1970 года начал работать электрослесарем на александрійской шахте в Кировоградской области. С ноября 1970 по ноябрь 1972 годы служил в армии.

Работал электриком на Кировоградском заводе печатных машин.

С 1974 по 1978 годы Кравченко учился в Горьковской высшей школе МВД СССР, по окончании которой работал в органах внутренних дел инспектором и старшим инспектором ОБХСС отделения внутренних дел Светловодского горисполкома Кировоградской области.

С 1981 по 1986 год трудился начальником отделения угрозыска, заместителем начальника и начальником отделения внутренних дел Александрійского горисполкома Кировоградской области.

В апреле 1986 года был назначен на должность начальника отделения по борьбе с наркоманией Управления уголовного розыска МВД УССР, в апреле 1988 года стал заместителем начальника 7-го управления МВД УССР, а в сентябре 1989 года – начальником УВД Кировоградской области.

В декабре 1992 года занял должность заместителя министра и начальника криминальной милиции МВД Украины, а через два года – председателя Государственного таможенного комитета Украины.

В июле 1995 года был назначен на должность министра внутренних дел Украины.

С 2001 по 2002 годы являлся председателем Херсонской областной государственной администрации.

В 2002 году – директором Института права имени Св. Владимира при Межрегиональной академии управления персоналом.

С 2002 по 2004 годы – председатель Государственной налоговой администрации Украины».

Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

Теперь настало время представить, пожалуй, самого главного нашего героя «звездных войн».

Вокруг которого,

А если быть до конца точным, вокруг кресла, что он тогда занимал,

И закружился весь этот безудержный круговорот.

Что в конечном итоге заставил всех, тогда крутившихся в

нем, ставших в этой самой «звездной войне» космическими персонажами,

Вначале ввязаться во все это и увлеченно охать и плясать тот национально-шароварный и всем им знакомый танец под названием гопак.

Старательно демонстрируя друг другу свои особенные, личные и только им понятные выкрутасы.

А затем,

Из такого родного, любимого и понятного танца незаметно для самих себя перейти в русский хоровод.

И только потом,

Не выдержав взятого темпа, вначале разорвать круг,

Чтобы после и вовсе либо скромно и тихо угомониться,

Причем, вместе со своими, уже никогда и ни при каких обстоятельствах не реализованными желаниями,

Либо,

И вовсе стать неинтересными для уже совсем другого,

Теперь уже настоящего, жизненного круговорота,

Навсегда в нем сгинув.

Не оставив о себе никакого вразумительного следа.

«...Леонид Кучма родился в селе Чайкино Черниговской области. Отец — Данила Прокофьевич, погиб на фронте в 1944 году. Мать — Прасковья Трофимовна, колхозница.

В 1960 году Л.Кучма окончил Днепропетровский государственный университет (физико-технический факультет по специальности «инженер-механик в области ракетной техники»). Профессор, кандидат технических наук, автор изобретений и научно-технических работ, почетный доктор нескольких зарубежных вузов, действительный член ряда академий наук.

В 1967 году женился на Людмиле Талалаевой, приемной дочери Геннадия Туманова, впоследствии министра СССР.

1960-1982 гг. — инженер, старший инженер, ведущий конструктор, помощник главного конструктора, технический руководитель испытаний ракетно-космических комплексов космодрома Байконур.

1975-1981 гг. — секретарь партийного комитета Конструкторского бюро «Южное».

1981-1982 гг. — секретарь парткома производственного объединения «Южный машиностроительный завод» (Днепропетровск).

1982-1986 гг. — первый заместитель генерального конструктора КБ «Южное».

1986-1992 гг. — генеральный директор ПО «Южный машино-

строительный завод» (это один из крупнейших в мире заводов по производству боевой и ракетно-космической техники, а также продукции гражданского назначения).

1992-1993 гг. — премьер-министр Украины, член Совета национальной безопасности. В сентябре 1993-го подал в отставку.

В июле 1994 года избран Президентом Украины. Сменил на высшем государственном посту Леонида Кравчука.

В ноябре 1999-го Л.Кучма повторно избран на пост Президента Украины».

Интернет-портал ЛІГА.net. 18.06.2008 г.

Ну, вот, в принципе, для начала и все.

Первая переключка состава звездолета Украина уверенно закончилась на букве «К».

Но это не значит, что новые герои, с их мигом и местом для подвига, а еще следом, который они должны оставить в истории нашего звездного неба,

Пока еще даже не начавшись,

Тоже взяли да и закончились,

Вместе с порядковым номером изрядно потрепанного и уже начавшего желтеть списка для утренней «звездной переключки».

Нет!

Прямо сейчас,

Когда двигатели звездолета еще гудят без сбоев,

Приборы не зашкаливают,

А капитан с хорошего коньяка еще не перешел на белую и горькую,

Им, новым героям, в этой истории нет места.

И пока их удел — постное лицо и откровенная скука.

А еще — судорожное чесание там, где свербит.

Но смею заверить, что это только пока.

А сейчас,

Оставив их один на один с тишиной и безвестностью, мы продолжим полет.

Необходимого по смыслу изложения наречия «вперед» в этой «звездной войне» я предусмотрительно избегаю.

Декабрь 1999 года.

Он так бы и остался как в истории самой Украины, так и на всем постсоветском пространстве еще одним традиционно нелегким месяцем,

Если бы не произошедшее тогда далеко за океаном событие,
Что стало не только достойным продолжением начала, хочу
верить, пока еще не наскучившей «звездной войны»,
Но и очередной ее важной вехой.

Смотрины.

Они в истории каждого человека случаются с удивительным
постоянством.

Ярко показать себя, любимого и достойного.

Да еще так, чтобы убедить в своей исключительности при-
шедшего на тебя поглядеть.

И все это — из-за другой, более интересной и, как правило,
более высокооплачиваемой работы.

Что, наверное, принесет материальное благополучие,

Новую, ну, или хотя бы какую-нибудь квартиру.

В конце концов,

Так называется знакомство с незнакомыми ранее мужчиной
и женщиной, когда ты, наконец, раз и навсегда все-таки реша-
ешь покончить со своим холостяцким прошлым.

Эти люди, кстати, могут предстать перед тобой в образе
крупной женщины в компании колоритного мужика из теле-
визора, рекламирующего средство от запора с громким воз-
гласом:

«Ай, молодец!»

Да мало ли что еще?

И тогда,

С утра побрившись,

Надев новый галстук в традиционно синий горошек¹,

Купив белые астры,

Ну, или что там необходимо именно по этому, отдельно взя-
тому случаю,

В строго назначенное время приходишь туда, где происхо-
дят они.

Те самые смотрины.

*«...Каково же было удивление киевских журналистов, когда в
декабре все того же 1999 года Притула вместе с двумя коллегами*

¹ «С утра побрился, и галстук новый

В горошек синий я надел.

Купил три астры, в четыре ровно я прилетел».

Из песни «Неудачное свидание». Муз. С. Трофимова, сл.
А. Цфасмана.

прибыла в Вашингтон. Одним из них был Сергей Шолох, директор независимой радиостанции «Континент» (сегодня — политический беженец). Другим — киевский эпатазирующий журналист Георгий Гонгадзе.

Цель их поездки состояла в том, чтобы привлечь внимание властей США к притеснению свободы слова в Украине. Давление на средства массовой информации, запугивание журналистов, цензура со стороны государства... Во время этого визита Гонгадзе заявил, что в Украине не осталось ни одного печатного издания или средства массовой информации, которое согласилось бы публиковать его материалы.

В Киеве на слова Гонгадзе лишь пожали плечами.

Оппозиционные СМИ, пусть и притесняемые властью, публиковали любые расследования, компрометирующие режим Кучмы и его окружение. И это хорошо помнят и могут подтвердить читатели «Антенны», которая в тот период являлась, по сути, рупором антикучмовской оппозиции.

В то же время Георгий Гонгадзе никогда не относился к когорте журналистов, пребывающих в системной оппозиции к Л. Кучме.

К тому времени его творческое наследие насчитывало неполный десяток сумбурных публикаций».

Валерий Воротник, Мария Самбур. «Дело Гонгадзе. Последняя точка?». Интернет-сайт: antenna.com.ua. 12.10.2005 г.

Но, разумеется, не примитивная проза строчек из вышеописанного романтического музыкального хита шестидесятых с главным словом «прилетел»,

Да и не сам тот хитовый песенный «прилет» за океан Алены Притулы,

Причем, с невесть откуда возникшими сопровождающими,

Стал именно тем судьбоносным для звездолета «Украина» событием.

А скорее, их неожиданный результат.

Именно он,

Тот, американский результат и стал тогда поддерживающим интерес к «звездным» украинским событиям и тем самым, небезынтересным теперь, интригующим продолжением.

— *Когда вы познакомились с Георгием, и как возникла идея интернет-газеты?*

— *Мы познакомились три года назад. Он тогда работал в центре журналистских расследований. Идея «Украинской прав-*

ды» родилась в декабре прошлого года в... Вашингтоне. Тогда мы с Георгием повезли в США письмо, подписанное 60 украинскими журналистами – о том, как в Украине душитесь свобода слова.

Мы встречались с представителями украинской диаспоры и американскими конгрессменами. Именно в это время в Украине произошла смена правительства. Однако, «прорывав» целый день по Интернету, мы не смогли найти никаких подробностей об этом событии.

Вот тогда и появилась мысль о необходимости украинской новостийной газеты в Интернете.

Мария Василь, газета «Факты». «Главный редактор «Украинской Правды» Алена Притула: «Не исключаю, что исчезновение Гонгадзе было разыграно под уже готовую запись. Но сам Георгий не мог участвовать в этом спектакле». 20 декабря 2000 г.

А сейчас, и именно сейчас, настало время отвлечься.

Для того чтобы вспомнить придуманную когда-то Юлианом Семеновым в истории с советским разведчиком Штирлицем ссылку, закодированную в магическое словосочетание:

«Информация к размышлению»¹.

Тем более что представленный текст интервью с Аленой Притулой к нему,

Размышлению,

Как минимум, располагает.

Но вначале пусть звучит музыка:

«Ту-ту-ру-ту... Ту-ту-ту».

Где-то примерно вот так.

Ну, а теперь размышление первое.

Бесспорно, идея создания оппозиционного интернет-сайта сама по себе интересна.

Нет!

Просто гениальна!

И тут комментарии излишни.

А вот дальше настало время тех самых размышлений.

Интересно, кто из населения Украины в 1999 году подозревал –

Нет, не о существовании Интернета –

Тогда это слово уже начали выговаривать правильно.

О самих возможностях Мировой паутины?

¹ Саундтрек к к/ф «Семнадцать мгновений весны». Муз. М.Таривердиева.

А еще нужно учесть тот факт, что средняя заработная плата в стране была эквивалентна двадцати американским долларам. Что само покрытие страны интернет-ресурсом составляло два процента. Да и компьютер был тогда непозволительной роскошью для большей части населения.

И тогда возникает логичный вопрос:

На какого потребителя был рассчитан проект?

«...Именно в это время в Украине произошла смена правительства. Однако, «прорывск» целый день в Интернете, мы не смогли найти никаких подробностей об этом событии. Вот тогда и появилась мысль о необходимости украинской новостийной газеты в Интернете».

Мария Василь, газета «Факты». «Главный редактор «Украинской Правды» Алена Притула: «Не исключаю, что исчезновение Гонгадзе было разыграно под уже готовую запись. Но сам Георгий не мог участвовать в этом спектакле». 20 декабря 2000 г.

И самое главное:

А закладывалась ли вообще в него в самом начале идея оппозиционности?

Или нет, не так.

А все ли участники этого проекта были информированы о его предполагаемых оппозиционных перспективах?

А теперь давайте вернемся к спутникам Притулы.

И если биография Сергея Шолоха в Интернете напрочь отсутствует, то с историей жизни ее другого спутника, разумеется, проблем никаких нет.

«...Георгий Гонгадзе родился в Тбилиси 12.05.1969 года. Окончил филологический факультет Львовского университета им. И.Франко (романо-германская кафедра).

Благодаря отцу – депутату грузинского парламента рано приобщился к политике. Когда президентом страны стал Звиад Гамсахурдиа, Руслан Гонгадзе попал в категорию неугодных. Вскоре отец Георгия заболел, лечился в киевском онкодиспансере. После смерти украинское правительство в знак признания заслуг Гонгадзе оплатило самолет и похороны.

Когда в декабре 1991-го в Грузии началось восстание против Гамсахурдии, Георгий прилетел из Львова, где к тому времени жил. На 40-й день после смерти отца Гия поехал в Сухуми, что-

бы снят фильм о войне в Абхазии. Там он попал на передовой под обстрел, был ранен.

В Украине Георгий стал бывать с конца 1980-х как представитель информмслужбы «Народного фронта Грузии». Журналист «работал во львовской организации «Народного Руха».

После развала СССР сотрудничал с рядом украинских СМИ:

1991 г. — внештатный журналист газеты «Пост-Поступ» (Львов);

1992-1993 гг. — руководитель программы «Монитор2», Львовское ТВ;

1993-1994 гг. — главный режиссер в творческом объединении «Центр Европы»;

1995-1997 гг. — ведущий программ «Параграф», «Вікна плюс», «Вікна-новини» Международного медиа-центра;

1998 г. — ведущий программы «Мое» ТРК «Гравис»;

1999-2000 гг. — руководитель информационной службы «Вільна хвиля» радио «Континент».

Г. Гонгадзе является автором документальных фильмов «Большая земля» (1993 г.), «Тени войны» (1994 г.), «Колыбель» (1995 г.), «Охранники мечты» (1996 г.).

Сетевой проект «Украинская правда», руководимый Гонгадзе, появился 17 апреля 2000 г., на следующий день после инициированного главой государства Леонидом Кучмой всеукраинского референдума об усилении власти Президента с сокращением полномочий Верховной Рады.

Интернет-портал: file.liga.net. 23.07.2009 г.

И как вам биография?

А если к ней прибавить адрес проживания ее обладателя на улице Красноармейской¹?

Я снова о тех же размышлениях, будь они неладны.

Руководитель, режиссер, автор, ведущий.

В отличие от «Золушки» Алены Притулы, ее второй спутник, по меньшей мере, подпадает под жизненное определение «успешный».

Причем, всегда и во всем.

Да и планка занимаемых им должностей как для парня, приехавшего из другой, неславянской страны, как минимум,

¹ Улица Красноармейская была и остается одной из престижных для проживания улиц Киева.

не только впечатляет, но и может смело претендовать на приставку «мажор».

Причем, «мажор» от журналистики.

Но идем дальше.

Тем более что в истории нашей «звездной войны» настало время первой точной даты.

«...Сетевой проект «Украинская правда», руководимый Гонгадзе, появился 17 апреля 2000 г., на следующий день после иницированного главой государства Леонидом Кучмой всеукраинского референдума об усилении власти Президента с сокращением полномочий Верховной Рады».

Интернет-портал: file.liga.net. 23.07.2009 г.

А теперь давайте снова пустим в нашу «звездную войну» уже знакомый музыкальный проигрыш из художественного фильма «Семнадцать мгновений весны».

Только в этот раз вместо привычного размышления он просто и непринужденно своим «Ту-ту-ру-ту-ру... Ту-ту-ту» возвестит о появлении в нашей истории еще одного «звездного» персонажа.

«...Николай Мельниченко. Экс-майор Управления государственной охраны Украины. Родился 18.10.1966 г. в селе Западынка Васильковского района Киевской области. Окончил Киевское высшее инженерное радиотехническое училище.

В 1984 году был призван на срочную воинскую службу. Служил в 9-м управлении КГБ СССР, которое занималось охраной высших должностных лиц Советского Союза.

По окончании военного училища, в 1992 году, был рекомендован для прохождения службы в СБУ. Был зачислен в Управление государственной охраны Украины.

До 2000 года поочередно занимал должности офицера охраны, офицера безопасности, старшего офицера безопасности, руководителя оперативно-технического подразделения отдела охраны Президента Украины.

В ноябре 2000-го был уволен в звании майора по формулировке «по собственному желанию».

В 2001 году получил политическое убежище в США.

Причиной бегства из Украины стало участие в так называемом «кассетном скандале» — после обнародования записей, якобы

произведенных в рабочем кабинете Президента Леонида Кучмы (в здании Администрации Президента Украины) во время его официальных и неофициальных встреч с рядом высших должностных лиц государства и известных политиков.

Женат. Воспитывает несовершеннолетнюю дочь Лесю».

Интернет-портал: file.liga.net.

Именно сейчас, сию минуту,

С появлением этого нового «звездного героя»,

Я еще острее осознаю тот факт, что почитатели режиссера Джорджа Лукаса с его «звездными войнами» были пока ко мне хоть немного, но снисходительны.

Ах, как мне хочется в это верить...

Но дальше у меня нет для них внятных оправданий.

Ведь я точно знаю,

Что с появлением в моем ремейке именно этого «звездного героя» я вызову в их в так беспардонно мною раненном сознании, как минимум, смену и без того неоднозначного от моей повести настроения.

И пусть оно,

Их теперешнее душевное состояние,

Не перейдет такую зыбкую черту толерантности и сдержанности.

Я же, в свою очередь,

Отдавая чистое имя «рыцаря-джедая» Люка Скайуокера Николаю Мельниченко, в свое оправдание хочу только заметить,

Что Мельниченко, конечно же, «герой»,

Но с категорической приставкой «только наш герой».

Причем, без каких-нибудь устойчивых признаков малейшего сходства с оригиналом.

И хотя 17 апреля 2000 года этот исключительно «наш герой» был известен только в достаточно узких кругах.

Но он,

Уже,

Как известный суслик из сценария Романа Качанова и Ивана Охлобыстина,

«Есть»¹.

¹ « – Ты суслика видишь?

– Нет.

– А он есть».

Из х/ф «ДМБ», реж. Р. Качанов.

Как, кстати уже давно есть еще один «герой» нашей «звездной войны».

«...Леонид Деркач. Бывший председатель Службы безопасности Украины.

Родился 19 июля 1939 г. в городе Днепропетровске. В 1970 г. окончил физико-технический факультет Днепропетровского государственного университета по специальности инженер-механик; в 1973 г. — Высшие курсы КГБ СССР, генерал-полковник.

Работал на ПО «Південмаш», на предприятиях ракетной промышленности, заместитель директора Павлоградского механического завода. С Леонидом Кучмой знаком с 50-х. С 3 марта 1972 г. работал в Управлении КГБ УССР по Днепропетровской области: начальник Павлоградского отдела КГБ; заместитель начальника Днепропетровского Управления КГБ. С декабря 1992 г. — руководитель Государственной службы Украины по вопросам защиты информации.

С августа 1994 г. — первый заместитель председателя СБУ. В июле 1995-ноябре 1996 г. — председатель Государственного таможенного комитета Украины. В ноябре 1996-апреле 1998 гг. — председатель Государственной таможенной службы Украины. Считался одним из самых преданных Кучме людей, дружил с ним еще со времен работы в Днепропетровске. В 1998-2001 гг. — председатель Службы безопасности Украины. Был отправлен в отставку в связи с «кассетным скандалом» и «делом Гонгадзе». По заявлению Кучмы, решение об отставке Леонида Деркача связано с безопасностью Украины и главы государства.

Вина Деркача в возникновении скандала очевидна, так что его увольнение, с одной стороны, было приятно для оппозиции, с другой — не воспринималось как чистая уступка.

Кроме этого, Леонид Деркач являлся членом Совета по вопросам охраны национального культурного наследия (июль 1997 — январь 1998 гг.), членом Совета по работе с кадрами при Президенте Украины (с июля 1995 г.); членом Валютно-кредитного совета Кабинета Министров Украины (с сентября 1995 года), председателем Комиссии по разработке Таможенного кодекса Украины; членом Координационного совета по вопросу судебно-правовой реформы при Президенте Украины (с июля 1998 г.); членом Комиссии по доработке и утверждению проектов Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов Украины (с июля 1998 г.); членом Координационного совета по вопросам местного самоуправления (с сентября 1998 г.). Сын

Леонида Деркача — Андрей Деркач — крупный бизнесмен, один из лидеров партии «Трудовая Украина».

Интернет-сайт: People's History; (www.peoples.ru) 9 марта 2011 г. Kyiv Post.

Вот так,

Исключительно легко и даже, как мне показалось, без режущих глаз излишеств, с еле просматриваемыми, такими прозрачными элементами непринужденности,

Подошло к концу,

Нет,

Скорее, закончилось мое представление почти всех известных и на этом основании узнаваемых участников грядущих «военных событий».

И хотя, бесспорно, в этом списке не представленными остались еще несколько «интересных шатенов, пожелавших остаться неизвестными»¹,

Но можно ли обойтись во время войны без неизвестных героев?

Хотя именно сейчас,

Исключительно для «клубнички»,

По праву «седобородого звездного летописца» я пока дам им военную отсрочку.

Хотя и с твердой оговоркой:

Что она никогда не превратится в так называемую «броню»².

А пока,

В который уж раз,

Давно знакомой «шаркающей кавалеристской походкой»³ пришло время очередного лирического отступления.

Что, как бы невзначай,

Уже просто обязано взять и привести сюжетную линию к началу полномасштабных «звездных военных действий».

Когда грозно загудят звездолеты,

Чтобы оторваться от земли и унести в космическое пространство.

Красиво промаршируют хорошо вымуштрованные солдаты,

¹ Из х/ф «Музыкальная история» (1940 г.). Реж. А. Ивановский, Г. Раппапорт.

² Отсрочка от призыва на фронт во времена ВОВ.

³ «Мастер и Маргарита». М. Булгаков.

Для того чтобы совсем скоро так же красиво, не задумываясь, умереть.

Взахлеб, перекрикивая друг друга, засвистят на разные голоса паровозные трубы.

Вы резонно спросите:

«А при чем здесь паровозы?»

И я вам гордо отвечу:

А ни при чем!

Просто такая, бля, наша хреновая «звездная война».

Звездные войны: Эпизод 2 – Атака клонов / Star Wars: Episode II – Attack of the Clones

Первый выстрел на войне.

Пожалуй, за всю историю человечества нет ни одного случая, когда бы в летописи, на фотографии, а затем, когда пришло ее время, и на киноплёнке был бы зафиксирован именно этот момент.

Нет ни даты,

Ни именно той, последней, звенящей тишиной секунды,

Когда выполняющий приказ солдат,

Осознав всем своим естеством суть происходящего,

А еще глубину и одновременно трагедию всего этого исторического момента,

Совершил именно тот, самый первый выстрел,

После которого на мир сразу же обязательно обрушится,

Разрывая его на миллиарды молекул,

Тоже первая,

И от этого всегда самая громкая,

Артиллерийская канонада.

Увы,

Но наша «звездная война» тоже не стала таким вот из ряда вон выходящим исключением.

Хотя доподлинно известно, что полномасштабные боевые действия в ней,

Я позволю себе сам себя процитировать,

Начались:

«...в июне-июле 2000 года.

Когда на сайте «Украинской правды» появился целый ряд статей, затрагивающих деловую репутацию, а зачастую и человеческое достоинство на тот момент самой влиятельной части украинского политикума».

А теперь,

Чтобы в очередной раз дать оценку степени тех самых первых военных разрушений,

Я вновь приведу перечень заголовков появившихся на сайте «Украинской правды» статей.

Исключительно названий,

Упавших тогда на страну из далекого, «звездного космоса»,

Теперь уже набивших всем оскомину,

Хотя до сих пор все еще не устающих поражать воображение,

Что, увы, подкреплено –

Нет!

Скорее, многократно помножено,

На тогдашнее положение дел в стране.

07.06.2000 г. «Андрей Деркач – «украинский Путин».

10.06.2000 г. «Российская пресса рассказывает всю правду о Григории Суркисе».

20.06.2000 г. «В ожидании КУЧМОгейта».

22.07.2000 г. «Олигархи-лампасники».

05.08 2000 г. «Все об Александре Волкове».

Результат такого начала тоже доподлинно известен.

«Украинская правда» стала не только внезапно мега-оппозиционной –

За ее создателями, а по совместительству руководителями МВД Украины, министром которого тогда являлся Юрий Кравченко, было установлено наружное наблюдение.

Вот тут-то в первый раз на космическом горизонте,

Разумеется, предположительно,

Ведь мы не где-нибудь, а именно на «космической войне»,

Возникают пока еще размытые фигуры не только Алены Притулы, но и незабвенного Олега Ельцова.

Судите сами.

Кравченко: Их три человека. У меня есть они. У меня все они есть. Но я хочу с него начать. Как это... Генеральная отреагирует. Номеров, насколько я знаю, у них нет.

Выдержка из разговора между Кучмой и Кравченко в президентском кабинете, опубликованном Н. Мельниченко.

А теперь,

Сбросив в открытый космос не выдержавший никакой критики балласт,

Состоящий из жидкой массы прямой причастности к далее произошедшим событиям милицейской банды Гончарова,

И мешающий развить необходимую звездную скорость,

Такой себе всегда удобный,

Но, увы, невероятный в этом конкретном случае мотив корысти наших проявившихся «звездных героев»,

Полетим к дате 13 июня 2000 года,

Когда руководитель «Украинской правды» Георгий Гонгадзе обратился с заявлением в Генеральную прокуратуру Украины о замеченном за собой наружном наблюдении.

А давайте попробуем просчитать предполагаемую дату начала этого наружного наблюдения.

Ведь даже если предположить невероятное —

Что Гонгадзе заметил его день в день,

В конце концов, жанр фэнтези это вполне может себе позволить,

Соединив с этой датой всю необходимую для установления наблюдения милицейскую кухню,

С изысканием из анналов нераскрытого и обязательно тяжкого преступления, а если быть до конца точным, нужного оперативного дела,

Подтягиванием к нему за уши нашей «великолепной тройки» и выписыванием задания на их наружное наблюдение.

Как, впрочем, если учесть всю ту же трату времени, но на иной путь оперативных милицейских формальностей, что упирается в заведение в отношении возникших фигурантов оперативного дела категории «защита»,

Ну, или на мой взгляд,

Наиболее вероятное тогда произошедшее развитие событий —

Все то же «подтягивание»,

А если быть до конца точным —

Их постановку,

С все теми же искусственно вытянутыми ушами на дополнительный учет в уже существующее оперативное дело,

Все это действие даже по прямому указанию тогдашнего министра внутренних дел, как минимум, должно было занять ну хотя бы еще сутки.

А теперь от просчитываемой даты давайте отнимем еще несколько дней.

Должен же был заказчик наружного наблюдения.

В самом начале найти в Интернете, и самое главное, досконально изучить сайт «Украинской правды»,

Затем взбеситься,

Ну, или, по крайней мере, насторожиться.

А затем,

Отказавшись от услуг собственной охраны или собственной службы безопасности,

Хотя нанять частную «наружку» в 2000 году в Киеве, как, впрочем, и сейчас, большой проблемы не составляло,

Пожелав своим «обнаглевшим обидчикам» вместе с укрывшимся за ними «кукловодом»,

Нет,

Не пулю снайпера, и не трубой по голове в темном парадном,

А именно уголовного преследования с вытекающим из него уголовным наказанием.

Ведь, опять же,

Хотя бандитская волна к лету 2000 года в Киеве, как и во всей Украине, значительно спала, «мастеров», имеющих навыки владения утюгом и паяльной лампой, тогда все еще было предостаточно.

Взять, собраться и, самое главное, прийти.

Ну, если не напрямую к самому Президенту Кучме, то уж точно к его ближайшему окружению,

За внезапно понадобившейся «государственной защитой».

Так что, как ни прискорбно,

Но неутешительный вывод,

Хотя, когда это выводы сами по себе стали утешительными?

Увы, напрашивается сам собой.

Датой начала «звездных военных действий» можно считать первые числа июня 2000 года.

И если взять за основу единственную, наиболее реальную, имеющуюся в нашем распоряжении версию — профессиональную деятельность участников проекта «Украинской правды»,

Как причину в целом,
И прибавить к ней немного конкретики, от которой сама
Алена Притула старается мягко откреститься:

– Возникновение слезки можно было бы связать с какими-то конкретными публикациями?

– Я много об этом размышляла, но, по-моему, нет.

Мария Василь, газета «Факты». «Главный редактор «Украинской правды» Алена Притула: «Не исключаю, что исчезновение Гонгадзе было разыграно под уже готовую запись. Но сам Георгий не мог участвовать в этом спектакле». 20 декабря 2000 года.

А еще,

Если быть до конца точным,

Неожиданную для многих после появления 17 апреля 2000 года «Украинской правды», случившуюся в промежутке с 7 июня по 5 августа 2000 года ее крайнюю оппозиционность,

То самой вероятной причиной установления за «великолепной тройкой» наружного наблюдения стала не вывешенная на сайте «Украинская правда» статья от 10 июня 2000 года:

«Российская пресса рассказывает всю правду о Григории Суркисе»,

А именно материал, появившийся на сайте 07 июля 2000 года:

«Андрей Деркач – «украинский Путин».

Тем более, что первый кандидат на сенсационное разоблачение на тот момент ни предпочтений, ни особых возможностей в стране не имел.

И был выбран в качестве затравки, хотя и, бесспорно интересной все для того же достаточно узкого тогда круга предполагаемых интернет-читателей.

«Суркис Григорий Михайлович. Родился в 04.09.1949 Одессе. В 1972 году окончил Киевский технологический институт пищевой промышленности по специальности «Машины и аппараты пищевых производств» (квалификация – инженер-механик).

1972-1974 гг. – старший инженер конторы техснабжения Главплодвинпрома УССР.

1974-1975 гг. — мастер РСУ-1 треста «Укрремстройматериалы» (Харьков).

1975-1988 гг. — прораб, начальник снабжения, замначальника РСУ-3, главный инженер, начальник управления производственно-технологической комплектации треста «Киевжилремстроймонтаж» Киевского горжилуправления.

1988-1991 гг. — главный инженер, начальник управления производственно-технологической комплектации — заместитель начальника Производственного жилищно-ремонтного объединения Киевского горисполкома.

1991-1993 гг. — генеральный директор СП «Динамо-Атлантик», начальник управления комплектации Киевского горисполкома.

1993-1998 гг. — президент Украинского промышленно-финансового концерна «Славутич», президент ЗАО «Футбольный клуб «Динамо» (Киев) (в 1998-2002 гг. — почетный президент).

1996-2000 гг. — президент Профессиональной футбольной лиги Украины, вице-президент Федерации футбола Украины (ФФУ). В 2000-м избран на пост президента ФФУ, в 2002-м — переизбран на второй срок.

1998-2006 гг. — дважды народный депутат Украины (III и IV созывов), член фракции СДПУ(о). Долгое время Г. Суркис входил в руководящие органы партии, давний бизнес-компаньон и политический соратник бывшего лидера СДПУ(о) Виктора Медведчука.

В 2006-м неудачно баллотировался в парламентарии по избирательному списку «Оппозиционного блока «НЕ ТАК!» (под номером 6). С тех пор, по крайней мере, на публике старается дистанцироваться от политики.

В 2007 году Г. Суркис переизбран на пост президента ФФУ на третий срок (до 2012-го)».

Интернет-портал file.liga.net.

Да и сам Леонид Кучма в этом вопросе категоричен, как никогда:

Кучма: По Гонгазде есть, кроме того, что он сотрудничает с Морозом, и он же для Мороза там пишет в его «Грани» с самого лета, что его финансирует Бродский.

Кравченко: Ну, это такая скотина, что может быть. Я, я не удивлюсь, если у них там и с социалистами есть связи... Такое, что... Ну, мы с ним разберемся. Я думаю, что это...

Кучма: Есть. А Бродский — это же Медведчук и Суркис? Прежде всего, Суркис.

Кравченко: То, что у них связь есть, это же...

Кучма: Нет, так если они друзья... (разрез записи).

Неизвестный: Стопроцентно.

Кучма: Я же помню эту игру вокруг «Киевских ведомостей». Суркис, да я на этого, блядь, жиди... Гонгадзе... А сейчас я почитал там несколько, этих самых, их разговоров

Неизвестный: Ну, он же и ставил их...

Кравченко: В их кругу есть такая методика, знаете. Давай... Они создают там проблему, потом вроде как идут к человеку, помогают, а потом оно так получается, что человек попадает в зависимость. И вот так они как-то... Это большой спектакль, на такой почве, может, национальной, они разыгрывали, и оно попадалось. Ну, это такое дело... Поскольку это не хитрые деньги, там оно зависит... Значит, ну это, может...

Я. Кошив. «Гонгадзе. Убийство, которое изменило Украину».
Глава X. «Приказ о расправе с Гонгадзе».

(Источник: IPI, запись G1206p2.dmr, 12.06.2000, расшифровал Антон Кочубей).

Интернет-сайт: Центр экстремальной журналистики. E-mail: center@cjes.ru

Почему именно статья «Андрей Деркач – украинский Путин»?

Да потому, что эта по счету самая первая, «взрывная» статья, что появилась на сайте 7 июня 2000 года,

Была о сыне на тот момент председателя СБУ Леонида Деркача.

Более того,

Если бы тогда, в самом начале,

Неожиданная, крайне оппозиционно-просветительская деятельность «Украинской правды» тогдашними властью предержащими была бы оценена как антигосударственная,

То Юрий Кравченко вместе со своим Министерством внутренних дел остался бы вне игры.

Но тогда возникает логичный вопрос:

А почему именно Кравченко?

Тем более что у самого Деркача-старшего «возможности» разобратся с обидчиками, ну, как минимум, были.

Увы,

Но со всем давно известного панталыку наших «звездных героев» сбила молодость и наглость «звездных оппонентов».

А еще,

Никогда до того времени не используемые на территории страны,

Именно вот такие,
Тогда твердо претендующие на звание неординарных и со-
всем не знакомых для людей их возраста,
Новые, информационные, разведывательные и политехно-
логические заготовки.

Кстати, именно поэтому ответные действия наших «звезд-
ных фигурантов» были не просто прогнозируемыми, а еще и
ожидаемыми.

Деркач: Леонид Данилович!

*Кучма: (временно?) (пауза, дальше несколько слов тихо и не-
разборчиво).*

Деркач: Я же...

*Кучма: Я, я это все читал! Вот это. В Интернете, «Украин-
ская правда».*

Деркач: А! Да это, с-сука, этот.

Кучма: Что мы-то?

*Деркач: Ведем дело! Ведем дело — сейчас по всем каналам его
слушаем, вот. Все его киевские выявляем. Вот, и полез он сейчас
уже к этому, к Морозу.*

Кучма: Ясно, что он с Морозом там сотрудничает!

Я. Кошив. «Гонгадзе. Убийство, которое изменило Украину».
Глава X. Приказ о расправе с Гонгадзе».

**(Источник: ІРІ, записи G0307p1 .dmg, 03.07.2000, расшифров-
ка Алексея Степуры. «То, чего не сделал Мельниченко» (фрагмент
8), sripo.com.ua и радио «Свобода» (эпизод 9), radiosvoboda.com).**

Тогда возникает еще один закономерный вопрос:

А почему, в конце концов, если Деркач «вел дело», крайним
оказалось МВД?

Да еще вместе со своим министром Юрием Кравченко?

Ну а кому, скажите мне, тогда был нужен вой в прессе?

Причем, в прессе пока еще неправильной, о сведении сче-
тов или, чего еще хуже, примитивной мести со стороны Дерка-
ча-старшего и его СБУ?

Другое дело МВД, что, как известно, все стерпит.

А ведь не знали тогда еще наши «космонавты-герои» на-
родной мудрости о том, что «если хочешь громко и прилюдно
обосраться — поручи дело милиции».

Но вернемся к «первоисточникам».

Из которых, кстати, следует,

Что после «чудесного обнаружения» за собой наблюдения,

А этим чудом все мы, воистину, уже успели восхититься ранее, Наши «звездные оппоненты» не только не остановились, чтобы, ну как минимум, насторожиться и осмотреться, вспомнив, как в таких случаях обычно полагается, о матерях, женах и детях.

Нет.

Все они,

Видя перед собой жуткие, сытые и холёные гримасы хотя пока еще без приставки «преступная», но все-таки существующей в стране власти,

Подражая подвигу Николая Гастелло¹,

Добровольно превратили свою жизнь в ад,

Смело направив почти невидимый простому человеческому глазу звездолетик с названием «Украинская правда» на космический таран.

— *Расскажите подробнее о слежке за вами.*

— *Это было в июле. Первый раз я заметила слежку со своего балкона, когда Георгий, уезжая от меня, ловил на дороге машину. Трое мужчин, прячась за ларьком, явно наблюдали за ним. На следующий день Георгий сам рассказал мне, что за ним повсюду следуют бежевые «Жигули». Он приезжал в офис — а эта машина преспокойно дожидалась его на улице. Когда мы в магазине с открытой стеклянной витриной ксерокопировали открытое письмо Генпрокурору Украины, водитель «Жигулей», не смущаясь, вел съемку видеокамерой. Это была такая наглость, что мы даже растерялись.*

...Всегда, когда он уходил, я выглядывала с балкона, провожая его глазами. 16 сентября было так же, но... Георгия я не увидела. Подумаю, что просто пропустила момент, стала ждать его звонка. В последнее время он, возвращаясь домой, обязательно звонил мне, чтобы сообщить, что нормально доехал. Это вошло в привычку после того, как в июле мы обнаружили открытую слежку за нами.

Мария Василь, газета «Факты». «Главный редактор «Украинской Правды» Алена Притула: «Не исключаю, что исчезновение Гонгадзе было разыграно под уже готовую запись. Но сам Георгий не мог участвовать в этом спектакле». 20 декабря 2000 года.

И дальше,

Для еще большего разогрева уже и без того озлобленного, потерявшего над собой контроль врага,

¹ Капитан Николай Гастелло совершил «огненный таран» — направил свой подбитый самолет на вражескую эскадрилью — на пятый день ВОВ.

На все том же сайте «Украинская правда»,
Для продления удовольствия от ранее полученного эффекта появились статьи-разоблачения следующих «звездных» действующих лиц.

20.06.2000 г. «В ожидании КУЧМОгейта».

22.07.2000 г. «Олигархи-лампасники».

05.08.2000 г. «Все об Александре Волкове».

Раз за разом перечитывая название вышедших тогда в Интернете статей,

Меня почему-то где-то там, на подсознании,

Не покидает чувство стороннего наблюдателя за увлекательной игрой.

По шаблону жанра, дальше мне, конечно же, нужно писать об игре в шахматы.

Но вот именно о них, о шахматах, в этой «космической войне» мне и не пишется.

Ведь она,

Игра в шахматы,

Предполагает наличие, как минимум, двух умеющих играть, а еще думать, опытных противников.

В нашем же случае,

Если взять за основу шахматную доску, клетки и фигуры, можно смело остановиться, скорее, на игре «в Чапаева».

Но объяснить смысл этой детской забавы, совсем не претендующей на звание интеллектуальной, поколению, что не застало счастливое пионерское детство, мне будет сложно.

Поэтому, чтобы сделать всем нам ту «звездную войну» еще — нет, не ближе, а скорее, понятнее,

Давайте остановимся на популярном теперь боулинге.

Причем, в нашем случае, правила игры в него будут ярко алогичными.

А еще — странными.

Когда опытный игрок,

Нет, скорее, мастер,

Никем не видимый образ без лица и настоящего имени, кстати, наш новый «звездный персонаж» Дарт Вейдер,

Играя с самонадеянным, более подходящим под определение «дремучий», любителем,

Вопреки всякой логике,

Не сбивает все кегли враз, одним шаром, чтобы сэкономить время и предсказуемо, привычно, быстро выиграть, отклоняться и уйти.

Он не просто, не уважая своего противника,
Это еще полбеды,
Попросту его не замечая,
Чтобы продлить себе удовольствие,
Каждый раз, шаром за шаром, бросок за броском,
Отправляет на перезагрузку,
А фактически, в яму,
В полный отстой,
До недавнего времени считавшихся столпами украинского
политикума деятелей, на поверку оказавшихся только кеглями
вокруг фигуры Президента.

А еще он,
С явно скучающим выражением лица,
Негромким щелчком пальцев заставляет лебезить и изви-
няться перед Президентом Кучмой за хотя и за не лишенный
оригинальности, но, по сути своей, откровенный бред из се-
рии: «Андрей Деркач – «украинский Путин».

Раз и навсегда запустив в их отношения ржавчину подозри-
тельности и недоверия.

*Деркач: ...И еще сразу одно. Вот почитайте, буквально две
минуты. Вот это почитайте. Это то, что, кто организовал
вот эту вот статью, что следующий украинский Путин – это
Андрей Деркач. Вот это, вот вся эта. Георггадзе этот.*

Кучма: Георггадзе это, да?

Деркач: Да, да.

Кучма: Так вы... Вы же это (поса...?) можешь распорядиться?

*Деркач: Та щас ему, пиздец, уже будет. Я это, блядь, это, за-
топчу. Бродский ему деньги давал, бля.*

Кучма: А?

Деркач: Бродский деньги давал.

Я. Кошив. «Гонгадзе. Убийство, которое изменило Украину».
Глава X. «Приказ о расправе с Гонгадзе».

**(Источник: IPI, запись G1206p2.dmg, 12.06.2000, расшифро-
вал Антон Кочубей.)**

**Интернет-сайт: Центр экстремальной журналистики. E-mail:
center@cjes.ru**

Расчетливым, мастерским и, как всегда, привычно метким
броском,

Мастер выбивает из президентской обоймы преданного и
всегда готового поддержать, а если нужно, и помочь, Алексан-
дра Волкова.

«...Наш герой родился и вырос на Сталинке (район г. Киева). Рядом с ним рос его «друган», киевский криминальный авторитет Кисель – Кисель Владимир Карпович, пять раз судимый за тяжкие преступления, который с самого начала имел очень сильное влияние на Волкова.

Но тесные связи Волкова в криминальных кругах Киева не мешали его дружбе с представителями силовых ведомств. Наш герой всегда был расчетливым человеком. С силовиками он делился деньгами еще в советское время, и тем более – в период развала экономики, захвата сфер влияния. Но только этим отношения Волкова с правоохранительными органами не ограничивались.

Еще 16 марта 1970 года Волков написал подписку о вербовке его агентом оперуполномоченному Уголовного розыска Киева, избрав псевдоним «Михайлов» (личное дело № 270400). Регистрация этой вербовки агента осталась в виде учетных документов (журналы, карточки) в УВД г. Киева, но тщательно скрывается от сотрудников. Само «досье» находится теперь лично у министра внутренних дел под семью замками и будет использовано при необходимости, о чем министр доверительно по пьянке говорил своим соратникам».

«...Во время президентских выборов-98 у Леонида Кучмы работало три избирательных штаба. Первым по значимости руководил Александр Волков, на то время – руководитель пропрезидентской депутатской фракции Верховной Рады «Регионы Украины». Правой рукой Волкова в этой работе был Игорь Бакай, председатель НАК «Нефтегаз Украины».

Кстати, незадолго до начала этой широкомасштабной избирательной кампании суд бельгийской столицы как раз и выдвинул против Александра Волкова обвинение в отмывании «грязных» денег. В Брюсселе были арестованы валютные счета Волкова и подконтрольных ему коммерческих структур на сумму в 140 миллионов бельгийских франков.

Полезным будет вспомнить и руководителей иных избирательных штабов Кучмы, поскольку после переизбрания «нового старого президента» все они превратились в скрытых или явных врагов, претендующих на самое близкое место у президентского трона. Впрочем, по сей день это место прочно занято Волковым».

«...В октябре 1999 года получило огласку сенсационное заявление группы депутатов на имя Президента Кучмы. В нем, в частности, сообщалось:

«Члены Временной следственной комиссии Верховного Совета Украины и судебные органы Королевства Бельгия, в частности, установили, что бывший помощник Президента Украины (ныне –

его советник), народный депутат Украины Волков А. М., используя свое служебное положение на протяжении 1994-1997 годов, как сам лично, так и вместе со своей женой и другими гражданами Украины (Юрий Назаренко, Виктор Ластовицкий) занимался за пределами Украины незаконной финансово-коммерческой деятельностью и «отмыванием» денег. А именно: основывал и регистрировал различные коммерческие фирмы, в том числе и в офшорных зонах, открывал и использовал в заграничных банках личные валютные счета, а также счета для коммерческих структур, в каких он был учредителем, и укрывал на этих счетах валютную выручку в особо крупных размерах. Расследованием установлено, что с 1993 по 1997 годы на личные счета Волкова А.М. и счета его фирм в банках Бельгии поступили средства на общую сумму почти 16 миллионов долларов США и 8 миллионов бельгийских франков...»

«...В обращении также отмечалось, что судебные органы Бельгии 18 марта 1999 г. арестовали все личные счета А. Волкова и счета его фирм, находящиеся в бельгийских банках, поскольку против него было выдвинуто серьезное обвинение в «отмывании» денег нардепов Г. Омельченко и А. Ермака».

Интернет-сайт: «Украинская правда». Вторник, 05 сентября 2000 г., 13:26.

Причем, выбивает его не как-нибудь,
А с помощью полиции Бельгии.
А кто вообще до этого случая мог предположить,
Нет, не то, что она там есть!

Боже сохрани.
А ее, вот такую,
Бельгийскую,
Уголовно-правовую,

Для, наверное, первого и, возможно, самого на тот момент состоятельного в Украине олигарха Александра Волкова, фатальность?

«...На письме стоит резолюция Кучмы: «Звягельскому Е.Л. Прошу рассмотреть и принять решение». Дата: 13.09.93.

И уже 14 сентября Звягельский ставит резолюцию с поручением председателю правления «Проминвестбанка» Украины В. Матвиенко и гендиректору объединения «Укрнефтепродукт» К. Пискуновскому: «Решить: \$2 млн – 15 числа. \$ 2 млн –

20 числа. \$ 2 млн – 25 числа». Пикантность ситуации заключалась в грандиозной разнице коммерческого курса валюты и курса Нацбанка Украины. А поступление денег на счет «Субито» практически совпало с приобретением Волковым недвижимости в Бельгии.

Также бельгийской полиции стало известно, что на юге Франции Волков с супругой обзавелся двумя квартирами, а на Карибских островах был зарегистрирован на его имя самолет Ту-134.

По данным следователей, из Брюсселя за три года через счета Волкова прошло около \$15 миллионов. Сначала деньги отмывались через компанию VDS Trading, основанную в 1993 году Волковым и двумя бельгийцами. Компаньоны украинского олигарха: дилер поддержанных автомобилей Марк ван Дале и водитель гоночных автомобилей Патрик Схерус.

Вскоре операции Волкова по отмыванию денег достигли такого размаха, что он открыл шесть новых компаний, зарегистрированных в офшорах: Universal Marketing Systems (остров Джерси), Carrington Investment Company и Global marketing Corporation (Сейшелы), Voyager Marketing Associates (Британские Виргинские острова), Spencer Investments Ltd (Маврикий) и Grosvenor Consultancy Services (Багамы).

Как это обычно бывает со всеми олигархами из стран СНГ, Волкова подвела банальная жадность. Он приобретает в Бельгии недвижимость стоимостью в десятки миллионов бельгийских франков. Закупает целый парк роскошных автомобилей, включая уникальный Bentley Azure, который один стоит более миллиона франков. В конце концов, один из бельгийских помощников Волкова – Марк ван Дале, напуганный размахом незаконных операций своего патрона, рассказывает о них в бельгийском суде. Однако всерьез Волковым занялись в Бельгии только после того, как в Брюссель приехал швейцарский следователь Зекин, который расследовал дело российского криминального авторитета Михася. Прокуратура Бельгии начала полномасштабное расследование финансовой деятельности Волкова по отмыванию денег. Все его имущество в Бельгии было конфисковано, включая 150 миллионов бельгийских франков, которые оставались на банковских счетах, комплекс помещений и одиннадцать дорогих автомобилей.

После этого, во время визита Леонида Кучмы в США, бывший президент Билл Клинтон в приватной беседе «один на один» (даже переводчик с украинской стороны вышел из зала переговоров) передал Кучме материалы ЦРУ о коррупции в высших эшелонах власти. Позже стало известно, что эти материалы подтверждают данные, которые СБУ передавало в украинскую

прокуратуру. В частности, там фигурировало и имя Александра Волкова. Александр Волков был выведен из ближнего круга Кучмы, но добился неизвестно каким способом оправдательного документа от украинской прокуратуры — дело в отношении него по материалам бельгийской полиции было официально закрыто».

«Кто вы — «директор» Волков, он же «серый кардинал», он же «Михайлов»? 17.09.2007 // 12:42. <http://uaclub.net/url.php?link=http://fraza.com.ua>

И самое главное.

Он,

«Мастер»,

Беззаботно шутя и резвясь, заставляет говорить, говорить, говорить.

А еще — нервничать, и от этого не просто не стеснять себя в выражениях,

Но и совсем их не выбирать,

Всех этих седовласых государственных мужей из телевизора.

Заставив на какое-то время напрочь не только забыть о делах страны,

Это как говорится, такое.

Он заставляет их не думать еще и о ней,

Такой вождельной, манящей своими «красными труселями»¹ и, конечно же, от этого еще более желанной,

Причем, каждым без исключения огромным миллиметром сердца политического деятеля и патриота,

От края и до края,

Тогда еще без делений на степени « національної свідомості» молодого Украинского отечества.

Той первой,

Самой «вкусной»,

Приватизации страны.

Забыв обо всем, он вынуждает «отцов» говорить об известном ну в очень и очень узких кругах интернет-проекте.

А если быть до конца точным, то даже не говорить, а наговаривать на диктофон в кабинете самого Президента Украины те простые и понятные им диалоги, слова и предложения,

Ну никак не претендующие хоть на какой-нибудь литературный язык.

¹ Из юмористической программы «Наша Russia».

Но от этого и нисколько не теряющие свой такой конкретный и одновременно глубинный смысл.

Кучма: Чтобы я не забыл. Есть такой Гонгадзе.

Кравченко: Я, что-то, фамилия такая

Кучма: Ну, подонок, блядь, высшей меры.

Кравченко: Гонгадзе. Он у нас уже где-то проходил...

Кучма: А?

Кравченко: Он проходил где-то. Поищем.

Кучма: Значит, то, что он пишет все время там в какой-то «Украинской правде», запускает ее в Интернет, понимаешь? Ну, кто его финансирует?

Кравченко: (неразборчиво). У меня люди...

Кучма: А главное, надо его, я говорю, например, так Володя говорит, надо, чтобы его чеченцы выкрали и вывезли в Чечню, на хуй, и выкуп попросили.

Кравченко: Да мы его куда-нибудь. Нет, я вам скажу (смеется), это такие люди капитальные (неразборчиво). Ничего не рассказывают.

Кучма: Ну, а его в Грузию отвезти и все.

Кошив Я.; Гонгадзе. Убийство, которое изменило Украину. Глава X. Приказ о расправе с Гонгадзе.

Источник: IPI, записи G0307p2.dmr, 03.07.2000. расшифровал Антон Кочубей).

Интернет-сайт: Центр экстремальной журналистики. E-mail: center@cjes.ru

Леонид Кучма разговаривает через переговорное устройство с главой Президентской администрации Владимиром Литвиным:

Кучма: Добрый день.

Литвин: Добрый день.

Кучма: И ты мне давай, это самое, по «Украинской правде»... И будем решать, что с ним делать. Он уже просто оборзел.

Литвин: Мне нужно дело.

Кучма: А?

Литвин: Надо, чтобы было дело.

Кучма: А что?

Литвин: Дело кинуть кое-кому, копию дела...

Кучма: Нет, это мне дело без копии не нужно.

Из записей разговоров в кабинете Кучмы, обнародованных Морозом. Разговор якобы Кучмы с неизвестным:

Кучма: Ты давай мне этого самого по «Украинской правде» и... будем решать, что с ним делать. Он просто оборзел уже.

...: Завели дело.

Кучма: Нет, для меня дело не обязательно... «Украинская правда», ну совсем уже, бля, оборзели. Подонок, бля. Грузин, грузин, блин, Гонгадзе, или как?

...: Гонгадзе.

Кучма: Ну кто-то же его финансирует...

Ну, он активно сотрудничает с этим, с Морозом, с «Гранями»...

Кучма: Просто, бля... Есть какая-то мера, сука, бля... Депортировать его, блядь, в Грузию и выкинуть там на хуй. Отвезти его в Грузию и оставить там, надо, чтоб чеченцы его украли...

Разговор якобы Кучмы с Кравченко:

...: Я хотел бы попросить вас насчет такой формы. Ну, спользовать, чтобы я не забыл.

Кучма: Этот грузин.

...: А я, мы работаем.

Кучма: Я и говорю, вывезти его, бросить. Отдать чеченцам (неразборчиво), а потом выкуп.

...: Мы продумаем. Мы сделаем так, чтобы...

Кучма: Значит, отвезти его, раздеть, бля, без штанов оставить, пусть сидит.

...: Я бы сделал просто, бля, мне сегодня докладывали. Мы обстановочку изучаем: где он ходит, как ходит. Там у нас на связи сидит... Еще немножко, немножко изучить, мы сделаем. У меня сейчас команда боевая, такие орлы, все, что хочешь, сделают. Значит, вот такая ситуация.

Кучма: Что-то вы про Гонгадзе молчите?

Молчим (неразборчиво)... Открыто. Ну, я вам докладываю. Мы там немного прокололись.

Кучма: У него там команда, во главе которой стоит — фамилию мне сказали, бля. Ну, чтобы оно не шло, так как грязь кидают в Россию через Интернет. Ну, в Интернет через Россию.

Ясно. Я Гонгадзе не отпускаю. Просто у нас возник вопрос, я тоже это... Хотя уже есть контакты... Ну, было... из наружного наблюдения. Хочу его контакты подызучить. Что из себя представляют...

Кучма: И узнать, есть ли там команда. Говорили про какие-то фамилии. Которые строчат эту грязь...

Их три человека. У меня есть они. У меня все они есть. Но я хочу с него начать. Как это... Генеральная отреагирует. Номер, насколько я знаю, у них нет.

Кучма: А при чем Генеральная в связи с Гонгадзе?

...: Есть их заявление. Это же официально.

Кучма: Ну и что?

...: Заявление-то официальное.

Кучма: И чего это каждая срань должна писать на генерального прокурора?»

Компромат.Ру. «Весь сор в одной избе». Библиотека компромата.

«Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег».

Оригинал этого материала: «Тайный советник, 04.07.01, «Питерская версия убийства Гонгадзе».

Ну и, пожалуй, главный хит той «звездной войны». Из разговора Кучмы с Кравченко. 10 июля 2000 года:

Кравченко: Я бы хотел попросить у вас такую форму, ну, используя...

Кучма: Чтобы я не забыл, этот самый же, грузин этот...

Кравченко: А я, мы работаем по нему. Значит...

Кучма: Я говорю: вывезти через, выкинуть, отдать чеченцам, пусть выкуп.

Кравченко: Мы продумаем. Мы сделаем так, как положено.

Кучма: Или привезти туда, раздеть, блядь, без штанов оставить, хай сидит, говнюк.

Кравченко: Мы сделаем...

Кучма: Говнюк он просто, блядь...

Кравченко: Сегодня мне докладывали, мы там ему делаем установочку. Изучаем, где он ходит, как ходит. Мы немножко так, немножко нужно изучить, а потом мы сделаем. У меня сейчас команда боевая, орлы такие, что сделают все, что хочешь. Данилыч, значит, вот такая ситуация. (...)

Интернет-сайт: Грани.ру. «Мельниченко написал донос на Безрезовского». 31.03.2005 г.

И вот тут, в качестве очередного лирического отступления в который уж раз в этой войне возникает резонный вопрос:

А для чего вообще проводится оперативно-розыскное техническое мероприятие по снятию оперативной информации, а попросту – прослушивание какого-либо кабинета?

Или нет, не так.

А для чего, в принципе оно, прослушивание, необходимо?

Потратив несколько часов в Интернете, я так и не нашел, что говорят об этом в теории учебники КГБ, СБУ или МВД.

Единственное членораздельное толкование я выудил у некоего Попова К. И., который в 2003 году в Челябинске соискал ученую степень кандидата юридических наук.

«...Как оперативно-розыскное мероприятие – это одно из предусмотренных законом оперативно-розыскных действий, которое заключается в конспиративном слуховом контроле телефонных переговоров (на основании судебного решения) и, как правило, их фиксации с помощью звукозаписывающих технических средств в целях обнаружения сведений о преступной деятельности проверяемого лица, выявление его связей и получения иной информации, способствующей решению задач оперативно-розыскной деятельности».

С другой стороны – это следственное действие, чаще всего неотложное, состоящее в контроле и фиксации переговоров, ведущихся с телефонов и других переговорных устройств подозреваемого, обвиняемого и других лиц, а также свидетелей, потерпевших при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства или других противоправных действий».

Попов К. И. «Процессуальные аспекты контроля и записи телефонных и иных переговоров». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; Оперативно-розыскная деятельность /К. И. Попов; Науч. рук. А. Д. Прошляков. – Челябинск, 2003. – 22 с.

Но возможно ли?

Постижимо?

Да и насколько нравственно перед самой теорией уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы загонять нашу «звездную войну» в сухие строчки правовых формулировок?

И это в тот момент, когда она уже всюду шагает по территории кое-где заселенной представителями «працьовитої нації»¹?

«...Что было дальше — знают все. Георгий был похищен в ночь с 16 на 17 сентября 2000-го недалеко от дома, в котором находилась квартира А. Притулы. И убит. О том, что с близким ей человеком случилось несчастье, Алена (и это задокументированный следствием факт) знала уже два часа спустя».

Валерий Воротник, Мария Самбур. «Дело Гонгадзе. Последняя точка?» Интернет-сайт antenna.com.ua. 12.10.2005 г.

Звездные войны: Эпизод III — Мечь ситхов. Начало / Star Wars: Episode III — Revenge of the Sith

В каждой широко известной шпионской саге всегда красивый и, как правило, благородный главный герой без перерыва на еду и сон уверенно пользуется достижениями научно-технического прогресса.

Зачем далеко ходить?

Один автомобиль британского агента 007 заставляет не только трепетать разных возрастов и комплекций дамочек с развитым воображением и примкнувших к ним автолюбителей и подростков,

Но и впасть в состояние головокружения даже тех, кто уже давно и навсегда, увы, забыл, или даже вообще никогда не знал, что это такое — детские безудержные мечты и фантазии.

Рядом с этим произведением киноискусства на колесах, баранка² которого давно и уверенно вытеснила с первого плана донельзя усушенного и уменьшенного самого Джеймса Бонда, как-то тушуетя и от этого почти теряется до невзрачной точки на цветном широком экране все еще лучший друг каждого уважающего себя представителя профессии меча и кинжала.

Я говорю об устройстве со сленговым названием «жучок».

¹ «Трудолюбивой нации». — укр.

² Руль (шоферский сленг).

Хотя, к моей личной, профессиональной гордости, все еще не потерявшие свои внушительные размеры на киноэкране, широкоплечие и крупные сыщики,

Совсем с недавних пор,

В навыках использования специальной техники стали выглядеть достаточно сносно.

Но повышающее кровавое давление кино о победе закона и справедливости.

Причем, обязательно если уж не с хорошим, то точно с достойным финалом.

Как когда-то в разговоре с героиней любимого всеми киевлянами художественном фильме, снятом по пьесе Михаила Старицкого, Секлетой Филипповной метко заметил отец бабышши на выданье Прони, Проккоп Серко:

«Это что-то одно»¹.

А вот событие с обнародованием аудиозаписи из кабинета Президента Кучмы, что, подобно Октябрьскому перевороту, за десять дней потрясло мир², —

Это те самые одесские «две большие разницы».

Датированные 28 ноября 2000 года телевизионные кадры этого, без преувеличения, исторического события,

Когда тогдашний лидер Социалистической партии Украины Александр Мороз на своей пресс-конференции обнародовал аудиозаписи из кабинета Леонида Кучмы, молниеносно облетевшие весь мир,

Сразу же принесся неоднозначную популярность обладателям вполне узнаваемых голосов,

Сыпавших из магнитофонного динамика афоризмами и прибаутками,

Не только пробудили живой интерес к себе лично, но и обошли вниманием сидящих рядом с громко матерившимся магнитофоном пока еще загадочным фигурам.

Именно тогда телевизионным изображением,

Сложенным из свитера грубой вязки, прилизанной короткой прически и горящего с перепугу взгляда выпрыгнувшего из норки еще вчера невидимого суслика,

В нашу «звездную войну» вошел «Люк Скайуокер» — Николай Мельниченко.

¹ Из х/ф « За двумя зайцами». Реж. В.Иванов.

² «Десять дней, которые потрясли мир» — книга американского журналиста и социалиста Джона Рида об Октябрьском перевороте 1917 года в России, свидетелем которого он был.

Но до этого в войне была еще одна дата.

Осенний вечер 2 ноября 2000 года.

Когда двое жителей Тарашанского района Киевской области, отец и сын Шушко, увидели примерно в тридцати метрах от асфальтированного шоссе, возле пересечения лесных дорог, по которым ездили и ходили почти каждый день, свежий холм, которого раньше там не было.

Из него торчала кисть руки.

После эксгумации мужского тела без головы на нем были найдены украшения: браслет, амулет и перстень, опознанные женой исчезнувшего Георгия Гонгадзе как его личные вещи, находившиеся при нем в момент исчезновения.

Вот так,

За два осенних месяца 2000 года президентская власть в стране навсегда получила определение «преступная». А сама страна, по ленинской формулировке, перешла в состояние «революционной ситуации».

Таким вот достаточно неожиданным «дуплетом», прогнозируемо и даже как-то безапелляционно «звездная война» сделала крен к минимализму.

И действительно,

Есть несчастная жертва.

Есть все до одного верные и неразлучные его друзья-закадыки.

Да и со списком поганцев, что были в злодеи горазды, тоже нет никаких затруднений.

Теперь осталось без промедления семьсот тридцать два раза собственноручно переписать «письмо счастья».

И оно точно случится.

Ах, да.

Чуть не забыл.

В «счастливом письме» нужно обязательно упомянуть имя нового народного Президента.

Причем, обязательно все те же семьсот тридцать два раза.

Но, прежде чем включиться в знакомое с детства занятие и слиться в порыве с пером и внушительной пачкой бумаги,

Все же давайте снова,

Для все того же «космического куража»,

Что уже непременно должен появиться вот именно к этой части повествования о нашей войне,

Возьмем и обратимся к деталям.

И для этого в самом начале,

Опять же, для чистоты процесса,

Взглянем еще раз на приведенные ранее всем известные распечатки разговоров в кабинете у Кучмы.

Но прежде чем это сделать, хотя бы на минуту возьмите и забудьте о событиях, что произошли «...ночью с 16 на 17 сентября 2000-го недалеко от дома, в котором находилась квартира А. Притулы».

Кучма: Я говорю: вывезти через, выкинуть, отдать чеченцам, пусть выкуп.

Кравченко: Мы продумаем. Мы сделаем так, как положено.

Кучма: Или привезти туда, раздеть, блядь, без штанов оставить, хай сидит, говнюк».

Ну и на что этот текст с его кастрированными строчками похож теперь?

Без наличия тела без головы, что со 2 ноября 2000 года лежит в киевском морге на улице Оранжерейной?

Да, это омерзительно,

Когда человек, занимающий должность лидера нации, в кабинете страны под номером один говорит на языке, на котором общаются в давно забывшей вид половой тряпки третьей-сортной забегаловке.

Да, психика у него не в идеальном состоянии.

Да, его окружение совсем не претендует на звание образца литературных эстетов, интеллигентов в третьем поколении или хотя бы каких-то там моралистов.

Но в конечном итоге, если бы за этими распечатками не последовали известные события,

То без них вся эта говорильня была бы только борьбой с политическими оппонентами.

Причем, даже та, разрекламированная и ставшая главным доказательством вины Кравченко и Кучмы фраза о «своих орлах». Которую можно с огромным процентом уверенности понимать как наличие у Кравченко подчиненных, готовых по его команде не только возбудить в отношении Гонгадзе сфальсифицированное уголовное дело, но и:

Кучма: Я говорю: вывезти через, выкинуть, отдать чеченцам, пусть выкуп.

Кравченко: Мы продумаем. Мы сделаем так, как положено.

Кучма: Или привезти туда, раздеть, блядь, без штанов оставить, хай сидит, говнюк.

Но кого во времена культа неконтролируемой, а стало быть, вседозволенной абсолютной власти — не только украинской, но и вообще — можно этим удивить?

И неужели от бывшего генерального директора производственного объединения «Южный машиностроительный завод», а теперь даже не поместного князька, а настоящего самодержца можно было ожидать трогательную открытку по почте ко Дню Святого Валентина?

А с другой стороны,

Какую еще реакцию на указания Президента вы ожидали от назначенных им же, привыкших всю жизнь служить ему «верой и правдой», высокопоставленных чиновников?

А теперь давайте со скрупулезностью, какая только возможна при изучении материалов из Интернета, рассмотрим фигуру самого их автора.

Нашего главного «рыцаря-джедая» Николая Мельниченко.

В один из вечеров середины ранней весны 2008 года я ожидал своего давнего приятеля на привычном месте на Майдане Незалежности, у входа на Главпочтамт.

Цель нашей встречи не была оригинальной.

Мы долго не виделись и собирались выпить пива, слушая хорошей рок-н-ролл в одном из пабов, коих в центре Киева более чем достаточно.

Приятель традиционно опаздывал, и я, скучая, начал рассматривать проходящих мимо людей. Из беспрерывного потока меня, разумеется, интересовали исключительно девушки.

Но обманчивое счастье не может быть постоянным.

И в тот момент, когда поток из представительниц радующего меня возраста, роста и веса временно прекратился, мой ищущий, переставший на время быть похотливым взгляд зацепился за группу из четырех мужчин, что метрах в двадцати от меня с видом заговорщиков о чем-то оживленно беседовали.

Трое из них по возрасту и манере одеваться были явно бывшими работниками правоохранительных органов. Они, в основном, и вели разговор, жестикулируя и периодически ухмыляясь, что-то говоря друг другу почти на ухо.

Но привлекли мое внимание не они.

Да мало ли желающих потрепаться сходятся на главную площадь страны?

Мне бросилась в глаза загадочная фигура четвертого собеседника, что явно выделялась на их однообразном фоне.

Причем, выделялась не только манерой одеваться.

Короткой черной кожаной куртке «номер четыре» предпочел длинный, почти до земли, серый плащ контрразведчика.

Но не это было самым интересным.

Четвертый не просто не участвовал в разговоре –

Со стороны казалось, что это ему было в принципе неинтересно.

Держа руки в карманах плаща и нервно перекатываясь с носка на пятку, он, привлекая к своим собеседникам дополнительное внимание, сверкая глазами, крутил головой во все стороны.

И каково же было мое удивление, когда в этой фигуре «вперед смотрящего» я неожиданно для себя узнал бывшего майора, нашего «рыцаря-джедая» Николая Мельниченко.

Что он ожидал увидеть на центральной площади страны?

Какую реакцию прохожих, без сомнения, узнававших его, хотел узреть?

Увы, но картинку, которой я невольно стал свидетелем,

Так и не оживили ни юркие пионеры в белых рубашках с полевыми цветами,

Ни торжественное, как при открытии сессии Верховной Рады, хоровое пение гимна Украины,

Ни, тем более, восторженные крики:

«Смотрите, это ведь он!»

А жаль.

Ведь кто-кто, а Мельниченко ну просто обязан в этой «звездной войне» получить наши «респект и уважуху».

Вы только попытайтесь себе представить,

Что пока вся страна ездил за шмотьем для продажи в Турцию и Польшу,

Пасла своих круглобоких розовых поросят и чистила у всей Европы сортиры,

Не обращая внимания на то, как доставшиеся ей от развала Советского Союза тогда еще народные основные средства перестают быть таковыми,

Он...

– Николай, вы говорили, что помните точную дату, когда решились записывать Президента Кучму. Можете назвать ее?

– Это был конец марта 1998 года. Я услышал разговор между Кучмой и Бакаем. Речь шла об условиях, на которых Президент Украины был готов назначить Игоря Бакая на высокую государ-

ственную должность - главы НАК «Нафтогаз Украины». Бакай должен был принести 250 миллионов долларов «наличкой» на избирательную кампанию Леонида Кучмы.

Интернет-сайт газеты «Сегодня», 31 мая 2011 года. «Николай Мельниченко: «Я был слепым котенком, а сейчас – зубастый тигр». Экс-майор госохраны в эксклюзивном интервью рассказал «Сегодня», почему начал записывать Кучму и о том, чем заплатил за сделанное».

– Скажите, сколько всего было записано часов?

– Более тысячи. Я документировал преступления, рискуя жизнью. Хотел, чтобы этим действиям была дана правовая оценка. Генеральная прокуратура Украины получила записи вполне законным путем: их предоставил человек, который их сделал. Да, не морально делать записи, но убивать – разве это морально? Не было закона, позволявшего легально записывать Президента! Я действовал как гражданин Украины и имел на это право.

Интернет-сайт «Украинская правда», 12.04.2011 г., 12:46. «Николай Мельниченко: «В «деле Гонгадзе» Леонида Кучму подставили». «Столичные новости».

– Была ли у вас возможность слушать то, что вы записывали в тот момент?

– В большинстве случаев я не слышал разговоров, которые записывал. Я присутствовал только при нескольких из них, которые я и слышал, и записывал.

Как правило, я прослушивал записи каждую ночь, но мне хватало времени только на поверхностное прослушивание. Я успевал записать, кто был у Кучмы в офисе в тот день, и не больше.

Интернет-сайт «Украинская правда». Четверг, 26 сентября 2002 г., 16:08. «Интервью Мельниченко-3: «Я прослушивал записи каждую ночь».

Снова и снова, не выходя из состояния вечного восхищения «рыцарем из ордена джедаев», нашим Люком, пардон, Николаем,

Чтобы оценить и понять всю глубину тогда им свершенного, С презрением отправим в мусорное ведро все, что осталось от брошенного со всего размаха о каменный пол калькулятора. Ведь разве можно близко подпустить его,

Позволить,
Доверить,
Вот так безразлично складывать и отнимать даты и цифры
биографии нашего «звездного героя»?
Пусть знакомый всем с младших классов «столбик»,
И только он,
Разъяснит все тогда произошедшее.

А теперь к заявленному Мельниченко к концу марта
1998 года мы прибавим дату его отставки с формулировкой «по
собственному желанию».

Это был ноябрь 2000 года.

Не знаю, как у вас, а в моем «столбике» получилась магиче-
ская цифра «32».

И если отнять от нее «месяц прилета и месяц отлета»,

А еще время болезней и отпусков,

То «столбик» без эмоций и сомнений выдает цифру «25».

То есть, в итоге получается двадцать пять загадочных меся-
цев.

Когда главный «дждай» нашей космической войны Нико-
лай Мельниченко, пренебрегая супружеским долгом,

*«... прослушивал записи каждую ночь, но мне хватало времени
только на поверхностное прослушивание».*

**Интернет-сайт «Украинская Правда». «Интервью Мельничен-
ко-3: «Я прослушивал записи каждую ночь». Четверг, 26 сентя-
бря 2002 г., 16:08.**

А еще он ходил на ненормированную работу, где в его в ру-
ках, словно у фокусника, появлялись и исчезали:

«...Разные модели диктофонов.

*Я прятал их не только в кабинете, но и в разных залах: рабо-
чий кабинет, обеденный зал, где экс-президент ел в узком кругу,
зал заседаний. У меня был рабочий график Кучмы, и я знал кто,
где и когда будет».*

**Интернет-сайт газеты «Известия в Украине». «Мельниченко:
«Я организовал покушение на Кучму». Мария Ципцюра; [http://
izvestia.com.ua/ru/articles-by-author/page](http://izvestia.com.ua/ru/articles-by-author/page). Понедельник, 4 апреля
2011 г., 18:04.**

Где, кстати, даже попал в шкаф Президента Украины:

«...Я отвечал за охрану Кучмы. У Леонида Даниловича был в кабинете шкаф, где мог спрятаться человек и убить Президента. Меня игнорировали все, кому я про это говорил. Однажды я решил проверить и сам спрятался в этом шкафу. Это был просто эксперимент. Но я не успел выбраться — неожиданно в кабинет вошел Кучма».

Интернет-сайт газеты «Известия в Украине». «Мельниченко: «Я организовал покушение на Кучму». Мария Ципцюра; <http://izvestia.com.ua/ru/articles-by-author/page>. Понедельник, 4 апреля 2011 г., 18:04.

И вообще, все это время он еще и:

«...Документировал преступления, рискуя жизнью».

Интернет-сайт «Украинская правда». 12.04.2011 г., 12:46. «Николай Мельниченко: «В «деле Гонгадзе» Леонида Кучму подставили». CN-Столичные новости.

Причем, исключительно задаром, за идею, просто так:

«...Были случаи, когда мне, старшему лейтенанту, предлагали огромные взятки. И я их не брал».

Интернет-сайт газеты «Сегодня». Вторник, 28 июня, 18:29. «Мельниченко: «Сидя в шкафу у Кучмы, я еле сдержался, чтобы его не пристрелить».

И самое главное, притом, в самом опасном, в документировании:

«...записи каждую ночь», когда «...хватало времени только на поверхностное прослушивание»,

Он все-таки сумел вычленить и услышать главное:

«...Я рисковал своей жизнью, предупреждая Гонгадзе. И только с помощью этих пленок вся страна узнала правду и содрогнулась от услышанного ужаса».

Интернет-сайт газеты «Сегодня», 31 мая 2011 г. «Николай Мельниченко: «Я был слепым котенком, а сейчас — зубастый

тигр». Экс-майор госохраны в эксклюзивном интервью рассказал «Сегодня», почему начал записывать Кучму и о том, чем заплатил за сделанное».

Ну и, так сказать, в прицеп,

Где пока еще не было никакого смысла,

Но разгружать который совсем скоро, в 2002 году, Кучме придется с не меньшим энтузиазмом:

— Скажите, правда ли, что через вашего адвоката в США вам предложили свои услуги по информированию о якобы состоявшейся сделке по продаже «Кольчуг» режиму Саддама Хусейна? И буквально на следующий день после трагической гибели главы «Укрспецэкспорта» Валерия Малева вы предоставили соответствующую расшифровку в Конгресс США?

— Решение об обнародовании этой информации принимал не Мельниченко. Его принимала оппозиция — депутаты Верховной Рады. И убедительно просили меня, чтобы эта информация была передана гласности. Это факт, что такой разговор между Малевым и Кучмой был. И расшифровку я передал председателю временной следственной комиссии ВР Александру Жиру.

Интернет-сайт «Украинская правда». 12.04.2011 г., 12:46. Николай Мельниченко: «В «деле Гонгадзе» Леонида Кучму подставили». Сп-Столичные новости.

И вот теперь, прямо сейчас, ответьте самим себе на непростой вопрос:

А тому ли человеку присвоили звание Героя Украины в 2005 году¹?

Всех же последователей «джедая»-Николая,

Что до остатка захотят прожить, подражая кумиру, двадцать пять месяцев своей жизни,

Хочу предостеречь все от той же опасности продолжительных недосыпаний с воздержаниями.

Ну а тем, кто и сейчас останется в своем желании непрелюбимым,

Вначале рекомендую себя, непреклонного, испытать:

Пройти особый тест для собственной закалки.

Причем, совсем не на нукулинских кошках²,

¹ 23 августа 2005 года Указом Виктора Ющенко Георгию Гонгадзе было посмертно присуждено звание Героя Украины.

² «Тренируйся... на кошках!». Из х/ф «Операция «Ы!». Реж. Л. Гайдай.

А исключительно на диктофонах.

Для этого нужно в такие же непроглядные, тревожные темные ночи,

В течение короткого, если сравнивать с висящей над головой и зовущей вечностью, всего одного месяца,

Секретно и поверхностно прослушать собственноручно записанные разговоры с близкими подругами какой-нибудь обшительной, но лучше не своей, а чужой тещи.

Перед этим, разумеется, проведя часов этак десять на ненормированной и, по возможности нервной, работе.

А пока оставим без должного внимания крутящиеся аудиодиски,

Что ровно месяц громко, а иногда и переходя на шепот,

Звенящим от возмущения немолодым женским голосом будут без устали сыпать разные истории об испорченной жизни ее единственной кровинушки – своей любимой доченьки.

И давайте вернемся к страшной находке, которую 2 ноября 2000 года двое местных жителей, отец и сын Шушко, обнаружили в Тарашанском лесу Киевской области.

И вместе ответим на самый главный вопрос в нашей «звездной войне»:

Что в действительности произошло *«...ночью с 16 на 17 сентября 2000-го недалеко от дома, в котором находилась квартира А. Притулы?»*

А еще,

Принадлежат ли найденные останки Георгию Гонгадзе?

Тем более что этот ответ будет не только небезынтересен в принципе, но и существенно повлияет на результат этих «звездных военных действий».

В январе 2005 года Украина под президентством уже Виктора Ющенко объявила на весь мир о раскрытии убийства Гонгадзе.

А 15 марта 2008 года Апелляционный суд Киева признал виновными в незаконном задержании и умышленном убийстве журналиста старших офицеров Главного управления криминального поиска МВД Украины. И приговорил трех его исполнителей – Николая Протасова, Валерия Костенко и Александра Поповича – к 13, 12 и 12 годам лишения свободы соответственно.

Дополнительно подсудимые были приговорены к лишению специальных званий: Протасов и Костенко – полковника милиции, Попович – майора.

Все осужденные были подчиненными милицейского генерала Пукача.

По версии следствия, именно он организовал слежку за Гонгадзе и руководил группой офицеров милиции, которые выкрали журналиста.

А еще, он, Пукач, лично его «задушил».

«...Алексей Петрович Пукач родился 1 января 1953 года в селе Жизнякивцы Белогорского района Хмельницкой области Украинской ССР. После окончания школы служил в армии, где занимался спортом – получил звание кандидата в мастера спорта по самбо.

В конце 1970-х закончил донецкую школу милиции, направлен на работу в Киев.

В 1986 году участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, где получил вторую группу инвалидности.

В 1998-2000 гг. работал начальником департамента наружного наблюдения главного управления МВД Украины, а в 2000-2003 гг. – начальником Главного управления криминального поиска МВД.

В 2003 году имя Пукача фигурировало в деле о похищении и убийстве известного журналиста Георгия Гонгадзе. Пукач был задержан Генеральной прокуратурой Украины по обвинению в уничтожении документов, свидетельствующих о слежке за Гонгадзе в мае-июле 2000 г. Также под подозрение следователей попал тот факт, что Пукач в 2003 г. по неизвестной причине получил в Киеве новую трехкомнатную квартиру в элитном доме.

В ноябре этого же года Пукач был освобожден под подписку о невыезде, но тут же исчез, и о его местонахождении не было известно 6 лет.

Прокуратура объявила его в международный розыск и в 2005 г. заочно предъявила обвинение в убийстве Гонгадзе.

В 2003-2009 гг. о реальном местонахождении Пукача не было известно».

Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

Из кладезя армейского юмора всем известно, что бегущий полковник вызывает смех, а бегущий генерал – панику.

Но какую из всех существующих человеческих эмоций должен вызывать милицейский генерал-убийца?

Который так, между прочим,

В присутствии своих подчиненных забирал жизнь у своей жертвы, душа ее только что извлеченным из ее же штанов брючным ремнем,

Причем, делая это без каких-либо членораздельных мотивов. Генерал, совсем недавно получивший свое последнее звание, и только три месяца назад — руководящую должность в министерстве?

Но вернемся все к тому же следствию:

«...Удалось достоверно установить, что наружное наблюдение за Гонгадзе продолжалось и в день его исчезновения. За неделю до убийства тактику слежки изменили: экипажи «наружки» уже не вели Гонгадзе по всему городу, а ждали журналиста в тех местах, где он неизменно появлялся — в том числе, у дома на бульваре Леси Украинки, 7. Изменение тактики наружного наблюдения указывало на то, что сбор информации о маршрутах передвижения объекта завершен, и приближается финальная стадия операции — похищение.

Из показаний одного из опрошенных стало известно, что, когда Гонгадзе подошел к автобусной остановке у дома на бульваре Леси Украинки, журналисту «подставили» служебный автомобиль ГУКП, в который тот сел вместе с Пукачем, Протасовым и Поповичем. Четвертым участником похищения журналиста был полковник ГУКП В.Костенко.

До того момента, как заговорили главные свидетели, предполагалось, что, прибыв на место, Пукач отдал команду снять наружное наблюдение, а значит, помимо собственно похитителей, иных свидетелей исчезновения журналиста не существует. Однако, по сведениям нашего источника, Пукач совершил до конца не понятный шаг: он не снял наружное наблюдение перед похищением.

Экипаж «наружки», находившийся под домом на бульваре Л. Украинки, был свидетелем не только похищения журналиста, но по приказу Пукача сопровождал машину, в которой удерживали Гонгадзе, вплоть до выезда из Киева на Одесское шоссе. Возможно, в случае возникновения нештатной ситуации подчиненные Пукача, сидевшие во второй машине, должны были обеспечить прикрытие и безопасный отход авто с журналистом.

Стало известно, что Пукач лично приказал уничтожить служебные учетные документы, в которых фиксировались задания по слежке за журналистом. И хотя самих документов на тот момент уже не существовало, были установлены регистрационный номер задания по наблюдению за Г. Гонгадзе, его кодовое название и условное название установочного задания ГУКП.

При дальнейшей разработке службы криминального поиска стало известно, что в начале 2001 года группа сотрудников

ГУКП получила служебные поощрения – им присвоили внеочередные звания, выдали премии.

Соответствующий приказ по МВД подписал Юрий Кравченко.

А шеф «наружки» получил ордер на новую трехкомнатную квартиру вблизи площади Л.Украинки. Это произошло в августе 2003 года.

Операцию по задержанию похитителей Гонгадзе проводили уже после смены руководителя СБУ.

Это было, пожалуй, наиболее массовое мероприятие спецслужбы за историю независимой Украины – в ней участвовало одновременно более сотни сотрудников.

Известно, что Костенко задерживали в подъезде его дома, Протасова – в госпитале МВД. Личного водителя генерала Пукача – Поповича задерживать не стали, оформив ему подписку о невыезде ввиду примерного поведения на допросах.

После задержания Протасова, Костенко и Поповича отконвоировали в одно из зданий Главного управления «К» СБУ. Там их допросили следователи Генпрокуратуры Шубин и Грищенко.

В ходе четырехчасового допроса задержанные признались, что принимали участие в похищении Гонгадзе.

Но все трое в один голос утверждали, что непосредственным инициатором его убийства был Пукач.

О том, что похищенного предстоит убить, они узнали только на месте преступления.

Перед тем, как задушить журналиста, Пукач заявил: «Если мы не убьем его – убьют нас».

Интернет-сайт «Тема». 29 июня 2005, 09:04. Семен Шевчук, «ТЕМА», для «Украинской правды».

«...Костенко: Я уточняю. Куртка была снята и, как я уже говорил, осталась в машине. Туфли тоже сняли. На нем оставался светлый шерстяной свитер. Что было под свитером, я не скажу. На голове ничего не было. Он был одет в голубые джинсы и носки. На шее была цепочка. Это я почувствовал на ощупь. И на правой руке, если я не ошибаюсь, на безымянном пальце, был перстень».

Интернет-сайт: Компромат.Ру. «Секретная расшифровка воспроизведения обстоятельств убийства Гонгадзе». Оригинал этого материала: ord.kiev.ua, 15-16.05.2006. «Как убивали Гонгадзе» (воспроизведение) Станислав Речинский.

Что смущает во всей этой истории, помимо, разумеется, полного неведения осужденных милиционеров, рабской покорности успешного повоевать парня, чей рост, кстати, выше 190 сантиметров, и объяснимого желания подчиненных валить все на отсутствующего тогда у следствия генерала,

Так это минимализм в подготовке убийства журналиста.

Из показаний все тех же осужденных, их шеф Пукач взял с собой веревку, которой они связали Гонгадзе руки и ноги, канистру с бензином, для того чтобы сжечь тело, и лопату, что преступники прихватили по дороге у тещи генерала и которой затем Попович вырыл яму.

При этом они не обезличили труп, оставив на нем фрагменты сгоревшей одежды и украшения.

А ведь даже всем известный импровизатор и мастер разговорного жанра, а еще, серийный убийца и маньяк Чикатило¹ носил с собой в портфеле, помимо веревки, нож и банку с вазелином.

Действия же милицейской банды Гончарова по захоронению своих жертв уже давно вошли в хрестоматию криминалистики.

Да и вообще,

Интересно,

А как бы распорядился генерал Пукач, если бы в брюках Гонгадзе ремня не оказалось?

Как известно из материалов уголовного дела об исчезновении Гонгадзе, его тело в указанном осужденными за соучастие в убийстве Протасовым, Костенко и Поповичем месте найдено не было.

Обстоятельства же обнаружения останков в лесу под Тарашей в прессе исследованы достаточно скрупулезно.

Я же сейчас предлагаю взглянуть на тщательно выписанные факты с космической, звездной высоты.

Итак,

А кто, в принципе, достоверно установил, что обнаруженные останки принадлежат именно Георгию Гонгадзе?

¹ Маньяк Андрей Чикатило с 1978 по 1990 годы совершил 53 доказанных убийства, хотя сознался в 56 преступлениях. По оперативным сведениям, им было совершено более 65 убийств. Как правило, располагал к себе жертву, предлагая проводить через лес.

Ведь, как известно, они появились на поле «звездной битвы» как нельзя более вовремя. Как раз в тот момент, «когда завтрак уже кончился, а обед еще и не думал начинаться»¹. Когда поднятая в мире и в Украине волна после исчезновения руководителя «Украинской правды» начала сходиться на нет, а Мельниченко еще талантливо изображал всем известного суслика.

Найденные же на сорок седьмой день под свеженасыпанной землей останки без головы, с торчавшей из земли рукой стали телом пропавшего журналиста только тогда, когда на них были обнаружены украшения, что были на Гонгадзе во время его исчезновения.

И уже в самом начале насчет них у исследовавших этот вопрос журналистов появились серьезные сомнения.

«...Когда Володя Шушко рассказывал нам... Украшений на торчавшей из земли правой руке, по его словам, все равно не было».

«...Только прибыв на место, Василий Андреевич (Василий Андреевич Беспалько возглавляет сельсовет) подошел к злополучному холмику, чтобы повнимательнее рассмотреть, что же там такое торчит. Торчало все то же — правая рука без единого украшения».

Интернет-сайт: Компромат.Ru. 04.07.01. «Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Оригинал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия убийства Гонгадзе».

Да и с останками с самого начала не все оказалось благополучно.

«...Тело захоронили на глубине 58 сантиметров — как раз, чтобы рука в вертикальном положении из земли торчала. Другая немаловажная деталь: в теле, смерть которого наступила 1,5-2 месяца назад, отсутствовали личинки насекомых».

Практически с полной уверенностью можно сказать, что обнаруженное в Тараще тело до захоронения где-то хранили в герметичной упаковке».

¹ «Как-то ранним утром, когда завтрак уже кончился, а обед еще и не думал начинаться, Винни-Пух прогуливался со своим другом Пятачком...». Из м/ф «Винни-Пух». Реж. Ф. Хитрук.

По характеру разложения специалисты, с которыми мы беседовали, делают вывод о том, что большую часть времени тело пролежало при температуре, близкой к комнатной».

«...Местные жители говорят, что захоронение, появившись оно, допустим, в сентябре, было бы быстро обнаружено. Если не селянами, то грибниками, которых прошлым году в здешних местах было предостаточно.

Нужный момент наступил где-то 1 ноября – труп в земле Таращанского леса пролежал около суток».

Интернет-сайт: Компромат.Ru. 04.07.01. «Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Оригинал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия убийства Гонгадзе».

«...Кроме того, как сказал следователь генпрокуратуры Украины корреспонденту «Власти», прижизненный рост человека, чью кость он возил из киевского морга на ДНК-анализ профессору Иванову в Москву, был около 180 см. Тогда как рост живого Георгия Гонгадзе был больше 190 см».

Интернет-сайт: Компромат.Ru. 10.04.01. «Четыре тела Георгия Гонгадзе». Дмитрий Сергеев. Оригинал этого материала: «Коммерсант-Власть».

Ну и если прибавить ко всему рассказ матери пропавшего журналиста Леси Гонгадзе о том, что строение пальцев ног, как, впрочем, и размер самой ноги «таращанского тела» однозначно не совпадает с размером ее сына,

То приходится уповать только на экспертизу ДНК, счет которой, как ни парадоксально, равен счету хорошего футбольного матча, что, к огромному неудовольствию его болельщиков, так и не выявил победителя.

Судите сами.

В начале 2001 года были сделаны сразу две экспертизы в России.

Причем, в одной и той же в криминалистической лаборатории Института молекулярной биологии РАН, которой руководил профессор Павел Иванов.

Их результаты любого могут поставить в тупик, Ведь они оказались прямо противоположными.
А дальше – еще веселее.

«...Экс-заместитель министра здравоохранения и бывший медицинский эксперт Временной следственной комиссии Верховной Рады по расследованию дела в отношении журналиста Георгия Гонгадзе Валерий Ивасюк заявляет, что результаты всех экспертиз по этому делу были противоречивыми и факт смерти журналиста до сих пор не доказан.

Эксперт напомнил, что с 2001 по 2004 года по делу журналиста проводились еще несколько экспертиз — идентификаций ДНК с привлечением различных специалистов, свидетелей, в лабораториях разных стран мира, в частности, в России, США и Германии. Но на сегодня следствие имеет «паритет негативных и позитивных результатов идентификаций — 50 на 50», — отметил В. Ивасюк».

Источник: <http://health.unian.net> 31.07.2009 г. «Результаты экспертиз по делу Гонгадзе противоречивы».

И ответьте мне после этого:

Ну вот как?

Как теперь можно спокойно читать экспертизу на установление отцовства практикующему натуралу?

Звездные войны: Эпизод III — Месть ситхов. Продолжение / Star Wars: Episode III — Revenge of the Sith

Работников всех без исключения силовых структур рано или поздно сводит воедино какой-нибудь праздничный стол.

Он может находиться где угодно.

В ресторане, в баре или даже в знакомой с отрочества детской беседке.

Понятно, что меня чаша сия тоже не миновала.

Хотя я теперь уже даже не вспомню, по какому поводу очутился за одним из таких вот столов, да еще в компании коллег из СБУ

И когда алкоголь избавил всех нас, за ним, этим столом, восседающих, вначале от напряжения, затем от недоверия,

А потом и вовсе заставил не только вспомнить, что мы делаем общее дело, но и в очередной раз его употребить,

Находясь под впечатлением от увиденного накануне автобиографического художественного фильма о президенте США Ричарде Никсоне, с Энтони Хопкинсом в главной роли, я непринужденно поинтересовался у захмелевших «старших коллег»:

А что им говорили в их учебных заведениях об Уотергейте?

Моментально сообразив, что вопрос не касается коварного выведывания мною государственных секретов, парни, тогда совсем ненадолго ставшие мне близкими приятелями,

В двух словах поведали, что детали этого происшествия, заставившего всех жителей США по-другому посмотреть не только на свою президентскую власть, но и на власть в целом,

Как, впрочем, и всей без исключения Службе безопасности Украины,

Им, увы, неизвестны.

Зачем мне нужен был хоть какой-нибудь ответ «из первых рук»?

Наверное, чтобы до конца избавиться,

От хотя и совсем не претендующих на статус резонных,

А по этой причине вовсе и не веских,

Но все-таки,

Их Величеств сомнений.

Ведь, посудите сами...

«...До сегодняшнего дня остается неясным конкретный мотив взлома в гостинице «Уотергейт».

Установленные вначале подслушивающие микрофоны не работали, и при попытке заменить их 17 июня 1972 года пять взломщиков были застигнуты врасплох охранником и потом арестованы. Полиция установила руководителя Джеймса Маккорда, бывшего агента ЦРУ и шефа безопасности Комитета по повторному избранию президента (CREEP), несколько позже ФБР установила и подстрекателей Ханта и Лидди.

То, что президент распорядился произвести эту акцию, которую его представитель по контактам с прессой классифицировал как «третьеклассный взлом», или хотя бы узнал о ней, является маловероятным.

Еще более нелепыми являются теории, которые представляют его жертвой самовольных сотрудников или вражеских заговорщиков.

Никсон и Холдеман сразу же договорились замаять связь взломщиков с CREEP и поручили Джону Дину, честолюбивому молодому ассистенту, направить обвиняемым плату за молчание и удержать ФБР от расследования под предлогом «национальной безопасности».

Усилия Дина сначала имели успех.

Уотергейт перестал быть темой предвыборной борьбы, и Ричард Никсон был вновь избран 7 ноября 1972 года подавляющим большинством, победив своего демократического соперника Джорджа Макговерна, представителя левого партийного крыла, который никогда не имел серьезных шансов.

То, что афера все-таки была предана гласности, во многом зависело от двух репортеров «Вашингтон Пост», Боба Вудворда и Карла Бернштейна, которые своими упорными поисками обратили внимание общественности на многочисленные нелегальные действия «людей президента» в предвыборной борьбе.

В процессе против взломщиков «Уотергейта» судья Сирика пригрозил длительным заключением, если они не скажут всей правды.

Их руководитель признался, что получил деньги за молчание и обещание скорого помилования.

В силу острого инстинкта власти президент отмежевался от своих непосредственно избранных приверженцев и уволил Холдемана, Эрлихмана, Дина и министра юстиции Клейндинста, преемник которого по поручению Никсона назначил следователем по чрезвычайным делам гарвардского юриста Арчиальда Кокса.

Попытка выставить себя незапятнанным столкнулась, однако, с транслируемыми по телевидению слушаниями заседавшего с мая 1973 года чрезвычайного комитета сената, в ходе которых Дин обвинил Никсона в подстрекательстве и соучастии в акции по сокрытию дела.

Так как слово Дина стояло против слова президента, то он мог бы более или менее благополучно выйти из этой аферы, если бы не его шеф бюро Александр Баттерфилд.

В пятницу 13 июня 1973 года — для Никсона действительно несчастливый день! — он признался представителям сенатского комитета в том, что все разговоры в «овальном офисе» записывались с помощью спрятанных подслушивающих устройств.

Таким образом, имелись записи разговоров между Никсоном и его сотрудниками, которые могли дать ответ на решающий вопрос: «Что знал президент, и когда он знал это?».

Из-за выдачи магнитофонных записей разгорелась ожесточенная борьба между следователем по чрезвычайным делам Коксом и

Белым домом, который ссылался не особую «привилегию исполнительной власти».

20 октября 1973 года разразился скандал, когда министр юстиции и его заместитель отказались уволить Кокса, чего требовал Никсон, и подали в отставку; только третий человек в министерстве подчинился и объявил об увольнении.

Поступок, совершенный в отчаянии и названный «избиением в субботний вечер», вызвал бурю общественного возмущения, и Никсону не осталось ничего другого, как назначить нового следователя по чрезвычайным делам, который был не менее неудобен, чем ненавистный Кокс.

Мнимая «привилегия исполнительной власти» была бездейственна против конституционно-правового обвинения президента в «измене родине, взяточничестве или других преступлениях и проступках», против импичмента, который комитет юстиции палаты представителей обсуждал с 30 октября 1973 года.

Как бы Никсон ни уверял в том, что он не «жулик», требования выдать магнитофонные записи не смолкало.

В апреле 1974 года Белый дом решил предпринять наступление и опубликовал содержащую 1200 страниц, однако искаженную, копию.

Больше, чем многие нестыковки с ранними высказываниями Никсона, американцев шокировал вульгарный тон общения и тюремный образ мышления в Белом доме.

Конец наступил в июле-августе 1974 года: 24 июля Верховный суд приказал выдать все требуемые магнитофонные пленки Комитету юстиции палаты представителей, который между 27 и 30 июля принял три статьи об импичменте, обвинявших президента, среди прочего, в злоупотреблении должностью, лжесвидетельстве и неуважении конституционных прав Конгресса.

Под массивным давлением Никсон опубликовал 5 августа запись беседы с тогдашним начальником штаба Холдemanом от 23 июня 1972 года, из которой явно следовало, что президент сам дал распоряжение о проведении акции затушевывания.

Так было установлено, откуда «идет дым», хотя Никсон настаивал на том, что разговор уличает его только внешне.

Но даже для последних приверженцев президента чаша переполнилась.

Республиканское руководство намекнуло, что большинство будет, возможно, за отстранение от занимаемой должности.

8 августа 1974 года Ричард Никсон заявил в телевизионном обращении об уходе в отставку со следующего дня, не признавая вины и мотивируя уход тем, что он потерял свою политическую базу.

Передачей должности вице-президенту Джералду Форду 9 августа было покончено с импичментом, но не с вопросом уголовно-правовых последствий. Форд месяц спустя принес общее извинение за все преступления, которые Никсон, возможно, совершил как президент, и избавил своего предшественника от унижения на судебном процессе.

Каким бы абсурдным ни казался знак победы, с которым Никсон простился со своими последними приверженцами, покидая Белый дом, он возвещал о борьбе за его реабилитацию, которая велась в течение 20 лет со свойственным ему упорством и в конце не без успеха.

Он сам позже говорил о решении «жизнь или смерть», так как тот, кто сдается после поражения, умирает духовно, а вскоре и физически.

Прежде всего, это была борьба пером.

После своей отставки Никсон написал не менее 9 книг, начиная с опубликованных в 1978 году мемуаров и заканчивая завершенной незадолго до его смерти книгой «По ту сторону мира».

Две темы проходят сквозь эти хорошо написанные и удачные книги: точка зрения Никсона на мировую политику и оправдание своего пребывания в должности Президента и его роли в афере Уотергейта, в которой он неизменно хотел видеть заговор своих врагов, использовавших обычный «грязный предвыборный трюк», чтобы сместить его.

То, что он оспаривал личную причастность к караемым законом действиям и признавал лишь политические ошибки, было невозможно без значительных искажений фактов, и поэтому никогда не принималось ни общественностью, ни историками».

Интернет-сайт: Peoples.ru. «Ричард Никсон».

Экскурсы в историю,

Хотя и не давая никакой передышки в «космических баталиях»,

Каждый раз,

Шаг за шагом,

Приближают нас к, пожалуй, главному ответу на вечно висящий на звездном горизонте и навсегда получивший определение «постоянно задаваемый»,

Самый, самый главный,

Тот самый вопрос наших «звездных войн»:

А что же в действительности произошло «...ночью с 16 на 17 сентября 2000-го недалеко от дома, в котором находилась квартира А. Притулы»?

Но как переходить к ответу на него прямо сейчас?
Вначале даже не попытавшись выяснить,
А кто она в действительности,
Та самая загадочная личность в произошедших событиях
нашего местного «космического масштаба»,
Получившая от режиссера Джорджа Лукаса имя Дарт Вей-
дер?
Которого затем он сделал в его настоящих «звездных во-
йнах» главным отрицательным героем.
А еще,
По совместительству,
Не дающим сбоев орудием циничного, коварного, ведущего
непрекращающиеся боевые действия за абсолютную власть во
Вселенной,
Звездного императора.
Да и ответ на вопрос:
А кто в действительности стоит за прослушиванием кабине-
та второго Президента Украины Леонида Кучмы?
Будет тоже не лишним.

Но в самом начале,
Без какого-либо колебания и оставив всякие сомнения,
Недрогнувшей уверенной рукой,
Давайте вычеркнем из короткого списка кандидатов на ор-
ганизацию прослушки кабинета Президента Кучмы нашу с
вами национальную гордость.
Нет, я не о «солов'їній мові»¹.
Я о гербе с радующим глаз каждого патриота трезубцем.
Ведь куда бы она,
Эта наша гордость,
В бескомпромиссной поддержке исключительно только на-
ших, изобретательных соотечественников, нас ни завела,
Она обязательно уткнется в стену Администрации Прези-
дента, где зловеще затаилось стационарное, вмонтированное
на века, аудионаследие КГБ.

Или вдруг,
Ни с того ни с сего,
Она, эта гордость, возьмет и позволит нам примерить про-
пахший нафталином генеральский мундир какого-то там куда-
то хотящего кандидата.

¹ «Соловьиный язык». — укр.

Но ведь, как ни крути и как ни прячь под красивыми пононами свое брненное тело, все равно,

Рано или поздно, теперь уже оно, с этой нашей гордостью, «свідоме» воображение,

Обязательно упрется в безрадостную реальность.

А вот ее-то, «реальности», у наших усталых рыцарей серого длинного плаща и такого же цвета кинжала в этом шекотливом вопросе, увы, не обнаруживается.

И все, что теперь мы можем сделать, так это внимательно рассмотреть всех оставшихся претендентов — обладателей другой живности на гербе страны.

Но для верности нашего решения,

В который уж раз,

Опять вернемся все к тем же «джедаевским» истокам.

— Николай, вы говорили, что помните точную дату, когда решились записывать Президента Кучму. Можете назвать ее?

— Это был конец марта 1998 года. Я услышал разговор между Кучмой и Бакаем. Речь шла об условиях, на которых Президент Украины был готов назначить Игоря Бакаю на высокую государственную должность — главы НАК «Нафтогаз Украины». Бакай должен был принести 250 миллионов долларов наличкой на избирательную кампанию Леонида Кучмы.

Интернет-сайт газеты «Сегодня», 31 мая 2011 года. «Николай Мельниченко: «Я был слепым котенком, а сейчас — зубастый тигр». Экс-майор госохраны в эксклюзивном интервью рассказал «Сегодня», почему начал записывать Кучму и о том, чем заплатил за сделанное».

Ну что же.

Возьмем за отправную точку заявленный конец марта 1998 года.

И осмотримся.

«...Владимир Владимирович Путин — второй и четвертый президент Российской Федерации.

Владимир Путин родился 7 октября 1952 года в Ленинграде. Отец, Владимир Спиридонович, был участником войны, после работал на вагоностроительном заводе. Мать, Мария Ивановна Путина (до замужества Шеломова), была санитаркой. Брат Владимира умер во время блокады Ленинграда.

Спорт занимает большое место в биографии Путина. В 1973 году он становится мастером спорта по самбо, а через 2 года – мастером спорта по дзюдо.

В 1975 году Владимир Путин окончил международное отделение юридического факультета Ленинградского государственного университета.

По распределению был направлен на работу в КГБ СССР. В 1985–1990 годах работал в ГДР. Это был очень важный этап в биографии Путина.

Затем начинается новый этап – политическая карьера. Путин стал советником председателя Ленинградского городского совета Анатолия Собчака.

С июня 1991 года – председатель Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, одновременно – с 1994 года – первый заместитель председателя правительства Санкт-Петербурга.

В 1996 году защитил диссертацию на тему «Стратегическое планирование воспроизводства минерально-сырьевой базы региона в условиях формирования рыночных отношений».

С августа 1996 года – заместитель управляющего делами президента РФ.

С марта 1997 года – заместитель руководителя Администрации президента РФ, начальник Главного контрольного управления президента РФ.

С мая 1998 года – первый заместитель руководителя Администрации президента РФ.

В июле 1998 года Владимир Путин назначен директором Федеральной службы безопасности РФ, одновременно – с марта 1999 года – секретарь Совета безопасности РФ.

С августа 1999 года – председатель правительства РФ.

31 декабря 1999 года президент Ельцин заявил об уходе в отставку с поста президента и о назначении Владимира Путина исполняющим обязанности президента РФ.

26 марта 2000 года Путин избран президентом России.

14 марта 2004 года избран президентом России на второй срок.

В конце 2007 года Владимир Путин объявил своим преемником Дмитрия Медведева.

Жена Людмила Александровна Путина – филолог, преподавала в ЛГУ. Две дочери – Мария и Екатерина, родились в 1985 и 1986 годах.

Интернет-сайт: versia.ru

Ссылка: Биография Владимира Владимировича Путина

И вот теперь,

Когда пришло время очередного судьбоносного решения по поводу выбора другого, и точно не трезубого, изображения,

Что, увы, все-таки придется сделать вместе с очередной проверкой движения недрогнувшей руки из крайне короткого списка с оставшимися гордыми представителями фауны,

Еще для большей уверенности,

Опять,

В который уж раз,

Совершим омоление из озера истории нашего перспективного, но на глазах совсем сдувшегося кандидата.

«...23 апреля 1997 года взорвана бомба в здании железнодорожного вокзала на станции Армавир (Краснодарский край).

28 мая 1997 года — бомба на втором этаже здания вокзала станции Пятигорск (Ставропольский край).

В 1998 банда полевого командира Хаттаба произвела несколько нападений на российских военнослужащих в Дагестане.

19 июня 1998 года президент Ичкерии Аслан Масхадов после столкновений между своими сторонниками и религиозными экстремистами в Гудермесском районе объявил ваххабизм в ЧРИ вне закона. Был выпущен указ о запрете всех проповедующих данное учение общественно-политических организаций, в том числе ряда работавших в Чечне саудовских и кувейтских религиозных фондов. Однако реализовать запрет не удалось, так как экстремистов поддерживали Шамиль Басаев и Зелимхан Яндарбиев.

19 марта 1999 года был осуществлен взрыв на Центральном рынке Владикавказа, результатом которого стали многочисленные человеческие жертвы.

В августе 1999 года с территории ЧРИ отряды полевых командиров Шамиля Басаева и Хаттаба вторглись на территорию Дагестана. Ожесточенные бои продолжались свыше трех недель.

После разгрома отрядов Шамиля Басаева и Хаттаба российские федеральные войска, продолжая их преследование, были введены в ЧРИ. Началась вторая чеченская кампания».

Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция».
traditio-ru.org

А вот теперь,

Когда основной,

На все сто процентов верный и от этого всегда беспронимательный,

Такой обожаемый аргумент всех без исключения местечковых шеголей,

Которые из всей изобретенной в мире одежды с завидным упрямством выбирают полотняную рубашку без ворота, а из всех возможных расцветок — черный и красный оттенки,

О той самой длинной, загребушей и коварной «руке Москвы»,

Стал, увы, несостоятельным.

Сейчас,

Когда количество орлиных голов на гражданском паспорте у нашего Дарта Вейдера не просто не оставляет никаких сомнений,

А их даже можно пересчитать, наверняка,

Пора перейти к ответу на анонсированный на протяжении всех наших «звездных войн»,

Тот, самый главный,

Ставший свидетелем тех звездных событий,

Многokrратно задаваемый всеми нами и, прежде всего, самим себе,

Резонный вопрос.

Ответ на который в том числе и будет ответом на произошедшие события ночью с 16 на 17 сентября 2000 года с Георгием Гонгадзе:

«А что же в действительности произошло со страной, в которой все мы тогда жили?»

Хотя, опять же,

Разве можно в наших «звездных войнах» сбрасывать со счетов запустивший повсюду свои щупальца Парагвай, с его беспощадной парагвайской разведкой?..

Звездные войны: Эпизод III — Месть ситхов. Окончание / Star Wars: Episode III — Revenge of the Sith

Истина, как и дьявол, кроется в деталях.

Собранные и выстроенные в логическую цепочку,

Все они вдребезги разбирают любую ауру загадочности.

Чтобы в конце концов пролить свет не только на масштаб

проведенной тогда в стране специальной операции, но и рассказать о способности власти ей противодействовать.

Если, разумеется, то, что тогда той властью делалось, под-ходит под именно такое емкое определение.

И оттолкнемся мы в нашем внимательном изучении все тех же деталей в очередной раз от момента исчезновения Георгия Гонгадзе.

Ответив, пожалуй, на самый сложный вопрос:

Нет, не «Почему именно Гонгадзе?» —

Как мне кажется, в изложении этого я был достаточно убе-дителен.

А «Почему именно в ночь с 16 на 17 сентября 2000 года?»

Причин у тогда происшедшего было, как минимум, не-сколько.

Одна из которых лежит прямо на поверхности.

Целеустремленный Дарт Вейдер со своим доверенным ли-цом в окружении Президента Украины очень старались — и были вознаграждены.

Президент Кучма уже наговорил под запись в своем кабине-те вполне достаточно.

Ведь тот факт,

Что из существующих одиннадцати фрагментов, когда Пре-зидент говорит о Гонгадзе,

Которые в девяти случаях начинаются с того, что по непо-нятной причине он начинает нервничать и кричать,

Не требует особых доказательств.

Кравченко: Я бы хотел попросить у вас такую форму, ну, ис-пользовав...

Кучма: Чтобы я не забыл, этот самый же, грузин этот...

Кравченко: А я, мы работаем по нему. Значит...

Кучма: Я говорю: вывезти через, выкинуть, отдать чеченцам, пусть выкуп.

Кравченко: Мы продумаем. Мы сделаем так, как положено.

Кучма: Или привезти туда, раздеть, блядь, без штанов оста-вить, хай сидит, говнюк.

Кравченко: Мы сделаем...

Кучма: Говнюк он просто, блядь...

Кравченко: Сегодня мне докладывали, мы там ему делаем установочку. Изучаем, где он ходит, как ходит. Мы немножко так, немножко нужно изучить, а потом мы сделаем. У меня сей-

час команда боевая, орлы такие, что сделают все, что хочешь. Данилыч, значит, вот такая ситуация. (...)

Интернет-сайт: Грани.ру. «Мельниченко написал донос на Безрезовского». 31.03.2005 г.

К тому моменту Вейдер уже собрал достаточно фрагментов однообразной реакции Президента Украины. Что в перспективе, при определенном стечении обстоятельств, вполне могли сделать Кучму заказчиком тяжкого преступления.

Более того,

К середине сентября 2000 года Дарт Вейдер уже заслушал свой самый, я надеюсь, любимый фрагмент — тот, что об «орлах Кравченко» — до потертости на магнитофонной ленте, а местами и до дыр.

Кравченко: Сегодня мне докладывали, мы там ему делаем установочку. Изучаем, где он ходит, как ходит. Мы немножко так, немножко нужно изучить, а потом мы сделаем. У меня сейчас команда боевая, орлы такие, что сделают все, что хочешь. Данилыч, значит, вот такая ситуация. (...)

Интернет-сайт: Грани.ру. «Мельниченко написал донос на Безрезовского». 31.03.2005 г.

И после 10 июля 2000 года — а это его возможная дата — потерял всякую надежду получить от Кучмы еще, еще и еще, что-то большее.

Ведь, в конце концов, что, у Президента других проблем в стране не было?

Теперь Вейдеру,

Достаточно проинформированному о реакции власти на журналистскую деятельность еще два месяца назад никому не известного интернет-издания,

Обо всех конкретных действиях власти в отношении его руководителя,

Причем, знающих обо всем не только из записи разговоров в кабинете Президента,

Но и документально подтвержденных самим Гонгадзе,

Который после обнаружения за собой «наружки» по «совету друзей»¹ летом 2000 года предусмотрительно зафиксировал

¹ «На полагающуюся мне по закону премию я по совету друзей решил приобрести автомашину «Москвич!». Из х/ф «Бриллиантовая рука». Реж. Л. Гайдай.

этот факт открытым письмом в Генеральную прокуратуру,

Нужно было создать прецедент.

Когда,

Несмотря на начинающий набирать обороты скандальный резонанс вокруг «Украинской правды» и ожидаемые, в любом случае, громкие последствия такого действия,

Власть все-таки приняла бы решение о задержании журналиста.

Но что же тогда такого должен был изобрести Дарт Вейдер, чтобы очумевший от президентских перспектив за номером один, министр внутренних дел Юрий Кравченко все-таки подобную команду дал?

Хотя, талант – он ведь, бесспорно, всегда талант.

А теперь, еще раз восстановите в памяти названия многократно повторяемых мною статей, вышедших в июле-августе 2000 года в «Украинской правде».

И даже не всех,

А только одной, нужной:

«...07.06.2000. Андрей Деркач – «украинский Путин».

Сейчас вспомните реакцию отца Андрея, тогдашнего руководителя СБУ, с той же фамилией Деркач,

На это, без преувеличения, историческое событие.

Деркач: ...И еще сразу одно. Вот почитайте, буквально две минуты. Вот это почитайте. Это то, что, кто организовал вот эту вот статью, что следующий украинский Путин – это Андрей Деркач. Вот это, вот вся эта. Георгадзе этот.

Кучма: Георгадзе это, да?

Деркач: Да, да.

Кучма: Так вы... Вы же это (поса...?) можешь распорядиться?

Деркач: Та щас ему, пиздец, уже будет. Я это, блядь, это, затопчу. Бродский ему деньги давал, бля.

Кучма: А?

Деркач: Бродский деньги давал.

А сейчас только представьте себе,

Как, несмотря на свою стопроцентную, железобетонную уверенность, воспринял назначение «Украинской правдой» кандидата на пост следующего Президента Украины, но только под номером два, сам Юрий Кравченко?

И вот именно после этого нужно вернуться к событиям в ночь с 16 на 17 сентября 2000 года.

Меня лично все произошедшее тогда приводит в замешательство.

Напоминаю:

Из-под милицейского наружного наблюдения,

С массой свидетелей — а это аж два экипажа —

Целый генерал милиции,

Он же начальник управления МВД Украины по фамилии Пукач,

Причем, генерал опытный, а не какой-нибудь позвоночный, самовлюбленный и недалекий гламурный идиот,

Ночью,

Усаживает при помощи своих подчиненных в служебный автомобиль «засвеченного» своим открытым письмом в Генеральную прокуратуру журналиста Гонгадзе.

Привлекая к незаконному задержанию журналиста не только проверенных многолетней службой и скрепленных родственными узами Протасова и Поповича, но и совершенно «левого» Костенко.

И даже если учесть вполне понятное желание «левого привлеченного» изобразить себя во время следствия «жертвой обстоятельств»:

Вопрос:

— Объясните, каков был основной мотив того, что вы совершили.

Ответ:

— С самого начала до того момента, как мы привезли Гонгадзе в лес, мотивы Пукача А.П. были мне неизвестны. Пукач А.П. был моим шефом, я был под влиянием его приказа и не мог возражать его приказам.

Вопрос:

— Каковы были основные мотивы Пукача и Протасова для совершения вышеуказанного преступления?

Ответ:

— Я думаю, что Пукач был честным человеком, и, принимая во внимание, что было сделано им, это являлось большим давлением на него со стороны власти. Прежде всего, Пукач был офицером, подчиняющимся министру внутренних дел Украины Кравченко Ю.Ф. Протасов — крестный отец ребенка Пукача. У них были довольно теплые отношения. Протасов идеализировал Пукача и

подчинялся ему безо всякого сомнения. Вот почему, я думаю, Протасов вместе с Пукачем могли совершить вышеуказанное преступление.

Вопрос адвоката:

— Почему именно вы были четвертым участником в совершенном преступлении?

Ответ обвиняемого лица:

— По-моему, это произошло по стечению обстоятельств, потому что 15.09.2000 г., когда я был на своем дежурстве на ул. Мельникова, Пукач А.П. увидел меня и дал приказ сесть в машину, чтобы поддерживать радиосвязь.

Интернет-сайт: 14.03.2006 г. 10:48 «Гражданская прокуратура Украины». Протокол допроса Костенко от 5 марта 2005 года.

А затем,

Опять же, судя по протоколам допросов своих подчиненных,

Пукач,

Не размениваясь по мелочам и не ведя с похищенным им Георгием Гонгадзе долгих разговоров,

Вообще ни о чем его не спрашивая,

Как заправский киллер, которому «как два пальца...»,

Задушил парня его же брючным ремнем.

А потом,

Как будто он никогда не служил в милиции,

Не обезличив тело жертвы,

Вместе с все теми же подчиненными, кстати, в звании не ниже майора милиции, выкопал в лесу яму и захоронил тело.

Пообещав, согласно признательным показаниям того же «левого» Костенко:

«...Я сказал Пукачу А.П., что яма наполнилась землей очень быстро и в случае дождя почва просядет. На это Пукач ответил, что он придет и сделает все сам».

Интернет-сайт: 14.03.2006 г. 10:48 «Гражданская прокуратура Украины». Протокол допроса Костенко от 5 марта 2005 года.

Если бы все приведенное выше не было официальной версией следствия, то такую вот историю в присутствии ее рассказчика можно было бы назвать очень странной.

Чтобы затем,

В ту же секунду,
Сразу после его, такого долгожданного ухода,
Твердо дать себе слово для собственной безопасности больше никогда с ним не встречаться.

Но тогда получается, что вся история о «звездных войнах» была рассказана зря?

И мне нужно было, изгаляясь, поведать не о манящем космосе с его «звездными героями», а о тяжелой прозе безрадостных, напряженных, сложных, а порой даже неоднозначных, с точки зрения морали, отношений,

Что имели место в одиноко стоящей на краю далекого районного центра, никак не финансируемой, ветхой, старой, полуразрушенной психиатрической лечебнице?

А еще,

Что ужаснее всего,

Мне тогда можно твердо утверждать, что «звездной войны» в Украине вообще не было.

Нет!

Лично я, по известной причине, «...на это пойтить не могу»!¹

Поэтому давайте снова, в который уж раз, вернемся к милицейскому задержанию Георгия Гонгадзе.

Но прежде нужно постараться дать ответ на очередной, вполне логичный вопрос:

«Если отбросить все эмоции, то на что оно, его задержание, похоже?»

Это продолжительное наружное наблюдение за объектом;

Затем снятие его прямо перед непосредственным задержанием;

А потом – сопровождение незаконно задержанного до выезда из города.

Причем, сразу двумя экипажами.

И это только для того, чтобы взять и в поле его задушить?

А не похоже ли все это на проведение милицейской специальной операции?

Причем, операции неотложной и максимально секретной?

Но кто,

А если быть точным, то что должно было такого случиться?

И кто был тем должностным лицом?

Кто, кто этой операцией непосредственно руководил?

Кто отдал такую команду?

¹ Х/ф «Бриллиантовая рука». Реж. Л. Гайдай.

На этот вопрос со всей ответственностью ответило следствие по делу об исчезновении Георгия Гонгадзе.

Этим должностным лицом был министр внутренних дел Юрий Кравченко.

А вот с ответом — что в действительности могло заставить Кравченко дать такую команду — у следствия вышла заминка.

Но, в конце концов,

«Если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно»¹.

Да и что должно было такого случиться, чтобы министр внутренних дел Юрий Кравченко ее дал, свою роковую во всех отношениях для него, не привлекая милицейские оперативные службы, ту самую команду,

Да еще выбрав для выполнения генерала милиции...

Давайте в самом начале разберемся, почему именно этого генерала?

И вот здесь на нашем «звездном горизонте» возникает руководитель аппарата министра Юрия Кравченко, генерал Эдуард Фере.

К сожалению, в Интернете нет его полной биографии.

А жаль.

Ведь именно Фере разглядел в 1986 году в быстро идущем по карьерной лестнице начальнике отделения угрозыска Александровского горисполкома Кировоградской области,

По милицейским слухам, протеже самой влиятельной женщины того времени в стране,

Юрии Кравченко,

Будущего министра внутренних дел.

Да и сам Алексей Пукач своим приходом на руководящую должность в Министерство внутренних дел был обязан именно ему.

Фере был не просто руководителем одного из министерских департаментов.

Он был человеком из его команды.

Вот потому-то выбор Кравченко был неслучаен.

Но тогда возникает очередной вопрос:

«Почему задержанием какого-то там журналиста руководил именно министр внутренних дел Юрий Кравченко?»

Который, как следует из распечаток разговоров в кабинете Кучмы, на протяжении почти трех с половиной месяцев вместе

¹ «Послушайте!». В. Маяковский.

с СБУ вел оперативную разработку руководителей «Украинской правды».

А затем,

Вдруг,

Ни с того ни с сего,

Не только отказался от общих с СБУ оперативных мероприятий, Хотя, почему — это-то понятно.

Но и не задействовал милицейские оперативные подразделения, приняв решение ограничиться генералом из собственной команды?

Да кто он вообще такой, этот Георгий Гонгадзе?

Ответ на этот постоянно задаваемый мною вопрос, разумеется, есть.

И он кроется во вполне изящной и в некоторых местах даже претендующей на стройность логических умозаключений версии.

Что, кстати, вполне может быть той точкой опоры, о которой говорил Архимед, обещая затем перевернуть весь мир.

«...Как нам удалось узнать, в начале июля Георгия Гонгадзе предупредили о том, что ему грозит серьезная опасность, со ссылкой на разговоры, которые вел в то время в своем рабочем кабинете Президент Украины Леонид Кучма. Кроме того, по поступившей к нам информации, уже тогда Георгию сообщили о существовании скандальных записей, сделанных майором Мельниченко, и не исключено, что дали несколько фрагментов в целях их дальнейшей публикации».

Интернет-сайт: Компромат.Ru. 04.07.01. «Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Оригинал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия убийства Гонгадзе.

А теперь снова представьте себе,

Что вот такая информация, вероятность которой прямо подтверждает Мельниченко:

«...Я рисковал своей жизнью, предупреждая Гонгадзе. И только с помощью этих пленок вся страна узнала правду и содрогнулась от услышанного ужаса».

Интернет-сайт газеты «Сегодня», 31 мая 2011 года. «Николай Мельниченко: «Я был слепым котенком, а сейчас — зубастый тигр». Экс-майор госохраны в эксклюзивном интервью рассказал

«Сегодня», почему начал записывать Кучму и о том, чем заплатил за сделанное».

Попадает к предполагаемому преемнику Президента Кучмы, министру внутренних дел Юрию Кравченко.

И как он должен в такой ситуации поступить?

Отдать, по подследственности, в Службу безопасности Украины?

Чтобы при ее подтверждении «Данилычу» докладывал отец его «вероятного соперника» на следующих выборах в Президенты,

Чью кандидатуру, с легкой руки все того же Дарта Вейдера, теперь уже серьезно обсуждали на Бессарабском рынке столицы?

– Правда ли, что вы хотели видеть Юрия Федоровича своим преемником на посту главы государства?

– Ах, у меня были такие мысли, подчеркиваю – мысли.

Газета «Комсомольская Правда»; Эксклюзив: «Юрий Кравченко мог стать Президентом Украины» 02.03.2009 года.

Хотя именно руководителем СБУ во всей этой истории можно восхититься.

Без сомнения, получив аналогичную информацию,

Ведь агентурная сеть СБУ – это уж точно не милицейское круговое очковтирательство,

Тем более что оперативное прикрытие безопасности страны – ее прямая парадия,

Так вот, будучи опытным царедворцем и реально оценивая уровень бреда, написанного в «Украинской правде»,

Он,

В отличие от Кравченко, которому сам бог велел,

Предпочел не вносить элементы нервозности в отношения с вероятным будущим Президентом Украины,

И предусмотрительно, по причине, что так и останется неизвестной, самоустранился.

Хотя, на мой взгляд, логичнее всего было бы предположить то, что вместо информации о вероятной прослушке кабинета Президента Украины Кравченко тогда получил сигнал о подготовке выброса в «Украинской правде» очередного компромата.

Кто мог быть очередным «развенчанным высоко, высоко поставленным злодеем», которого ожидал ставший уже обяза-

тельным в таких случаях вал всенародного презрения?

Теперь можно только гадать, используя кофейную гушу и не сбрасывая со счетов игральные карты и бобы.

Ведь у самого Юрия Федоровича уже, увы, не спросишь.

Тем более что только само предположение о прослушке кабинета Гаранта могло привести к тому,

Что «ждедай»-Николай мог на следующее утро после задержания Гонгадзе остаться не только без своего любимого дивана в кабинете на улице Банковой, но и начать смотреть на жизнь из зарешеченного окна следственного изолятора Службы безопасности Украины.

Но какой бесспорный мо-ло-дец этот наш Дарт Вейдер!

Но тогда возникает очередной закономерный вопрос:

А куда,

Хотя, правильнее будет,

К кому на беседу Пукач все-таки отвез задержанного журналиста?

Ведь, при всем уважении к его выслуге лет, ни он, ни его подчиненные операми никогда не были. И все, чем они занимались всю свою жизнь, — так это топтали землю в наружном наблюдении.

Степень же их гангстерской подготовки показала история с журналистом Алексеем Подольским¹,

Похищая которого под видом неизвестных, чтобы затем запугать и заставить отказаться от критики власти, они впопыхах забыли выключить милицейскую рацию.

Так мог ли Кравченко доверить проверку информации, подтверждение которой прямо зависело от его дальнейшей карьеры, хотя и преданным, но все-таки только «орлам-топтунам»?

А кому он мог ее доверить, если сам Кучма неоднократно называл ему фамилию Гонгадзе?

¹ 9 июня 2000 года в Киеве на Львовской площади Подольский сел в такси. Как потом выяснилось, этот автомобиль — Hyundai Sonata — такси не был. В машине находились работники УКП МВД Украины — майор милиции Николай Наумец, старший лейтенант Олег Мариняк (обоих Апелляционный суд Киева в мае 2007 года приговорил к трем годам лишения свободы. — «Известия в Украине») и Алексей Пукач. Подольского вывезли за 130 км от Киева, под Прилуки. Высадили в лесу, били резиновой дубинкой, угрожали.

Вот такая задача по арифметике для третьего класса общеобразовательной школы.

Из пунктов «А» и «Б» по направлению друг к другу уже давно вышли пешеходы, и их встреча, судя из условий все той же задачи, теперь уже была неизбежна.

Она должна была состояться — и, без сомнения, состоялась.

Подтверждением этого, как ни странно, являются обстоятельства, произошедшие с наполнителем «Украинской правды» Олегом Ельцовым,

Внезапный отъезд которого, причем, в нелюбимое всеми без исключения правоохранителями всего мира время с субботы на воскресенье,

Кравченко тоже особого выбора не оставлял.

Ах, какой же Дарт Вейдер просто кра-са-вец!

«...А утром в субботу 16-го — в день похищения Гонгадзе — я обнаружил у дома подозрительную машину. Записал ее номер (позже следствие установило, что это были филеры СБУ) и попросил коллегу — редактора информагентства — опубликовать информацию об угрозах и слежке за мной в понедельник. В тот же день, в субботу, 16-го я уезжал с дочкой в Россию и не хотел, чтобы поездка сорвалась. Мы сели в поезд в шесть вечера, а около десяти на станции Шевченково меня и мои вещи усердно обыскали сотрудники линейного отдела милиции. В это время Гонгадзе уже был в лапах Пучака. Следующим утром (17 сентября 2000 года) на приграничной станции Иловайская меня обыскивали офицеры СБУ и таможенники. Даже поезд задержали...».

Олег Ельцов. Интернет-сайт: ТЕМА, 29.07.2009. Киев, специально для «Новой газеты». PRO-TEST «Предвыборный киллер».

Но ведь, как известно, Алена Притула о пропаже Гонгадзе сообщила в милицию утром 17 сентября 2000 года, в половине четвертого утра.

Зная милицейскую кухню по розыску без вести пропавших, возникают резонные вопросы:

А с какого перепугу вокруг Ельцова такие вот хороводы?

Что у него такого могли искать во время личного досмотра?

Причем, без реально возбужденного уголовного дела.

Да еще сразу все силовые подразделения страны.

Хотя, справедливости ради, само присутствие работников СБУ во время досмотра Ельцова нужно и должно поставить под сомнение.

Ведь они, работники СБУ, в общей своей массе,
Как правило,
Всегда стараются в одном отдельно взятом поезде купе
с линейными милиционерами в форменной одежде вместе не
собираться.

Тем более что об этом факте повествует сам:

*«Олег Ельцов – он же «Метла», он же говномет, продажный
быдло-журналист».*

**Интернет-сайт: govnometam.net. 21 Март 2011. Название ста-
тьи. Автор: Виктор Смухин, журналист.**

У которого еще через пару лет те самые, вошедшие в его
купе милицейские опера в штатском вполне могут превратиться
в проворных и развязанных донельзя зеленых человечков.

*«...О слезке за собой говорит еще один киевский журналист,
Олег Ельцов. Позже Олег узнал, что в сентябре за ним велось
наружное наблюдение силами сотрудников «семерки» – специаль-
ного подразделения украинской милиции. Еще Олег узнал, что за
Георгием Гонгадзе следили сотрудники того же милицейского под-
разделения в рамках исполнения своих служебных обязанностей».*

**Интернет-сайт: Компромат.Ru. 04.07.01. «Идеальная жертва.
Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Ори-
гинал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия
убийства Гонгадзе».**

*«...Его хотели снять с поезда, в купе зашли сотрудники мили-
ции и люди в гражданском. И оказались в замешательстве. Что
делать с ребенком?»*

**Интернет-сайт: president.org.ua «Омельченко: Ельцова плани-
ровали убить в один день с Гонгадзе». 23.03.2005; 06:52.**

Сам же Георгий Гонгадзе после своего задержания в конце
концов все-таки должен был сообразить, во что вляпался.

И показания проговорившегося во время следственного
воспроизведения его похитителя Костенко – прямое тому под-
тверждение.

*Костенко: Нет. Когда я связал ему руки, Пукач к нему по-
дошел, и он сказал только одну фразу: «Ничего мне не делайте,*

я все расскажу». Но Пукач промолчал и сказал нести его в том направлении».

Интернет-сайт: Компромат.Ру. «Секретная расшифровка воспроизведения обстоятельств убийства Гонгадзе». Оригинал этого материала ord.kiev.ua, 15-16.05.2006 г. «Как убивали Гонгадзе» (воспроизведение) Станислав Речинский.

Всем известные итоги действенного сотрудничества Гонгадзе с условным следствием давайте пока оставим на потом.

Единственное, в чем мне хочется усомниться, так это в его конечном результате.

А за что, в принципе, Георгия Гонгадзе было лишать жизни?

Но тогда почему вначале подчиненные Пукача,

А впоследствии и он сам дали показания о своем соучастии в убийстве?

Как ни парадоксально, но ответ на этот вопрос кроется в вероятном сроке их наказания.

По приговору суда Николай Протасов, Валерий Костенко и Александр Попович были признаны соучастниками убийства и приговорены к тринадцати, двенадцати и двенадцати годам лишения свободы соответственно.

Но ведь даже без этого, доказанного им судом соучастия,

В случае с незаконным задержанием Георгия Гонгадзе,

Которое проводить ни у них, ни у их шефа Пукача не было никаких законных оснований по санкции действующей тогда части третьей статьи 166 Уголовного кодекса редакции 1960 года, что носит название «Превышение власти или должностных полномочий»,

При наступлении от преступных действий тяжких последствий,

А исчезновение журналиста после его незаконного задержания таковыми бесспорно являются,

Подсудимым все равно грозило от пяти до двенадцати лет лишения свободы.

И какой смысл было отрицать очевидное?

Особенно если у их разношерстных оппонентов высокоразвитое чувство убеждать и быть услышанными?

А теперь давайте вернемся к Мельниченко.

— А есть записи, сделанные после 16 сентября 2000 года, когда стало известно, что Гонгадзе пропал?

— *Есть. И разговоры, касающиеся Гонгадзе, я передал в Генеральную прокуратуру.*

Интернет-сайт: «СН-Столичные новости». 12.04.2011; 12:46. Николай Мельниченко: «В «деле Гонгадзе» Леонида Кучму подставили». Беседовал Леонид Пантелеев.

Только вот почему-то их Мельниченко осенью 2000 года не опубликовал.

Ведь доклады Кучме все тех же фигурантов о ситуации вокруг исчезновения журналиста вполне могли пролить свет не только на реальные, произошедшие с ним тогда обстоятельства —

Они могли как подтвердить, так и опровергнуть их настоящие намерения как.

Причем, во всех предыдущих, опубликованных Мельниченко фрагментах,

Став тем самым настоящим, железным алиби.

Но кому осенью 2000 года был интересен вот такой поворот событий?

И вот тут снова возникают новые резонные вопросы.

Если Мельниченко в действительности предупреждал Гонгадзе, а тот пропал,

Причем, пропал «на весь мир»,

И небезосновательно можно было предположить, что он попал в руки спецслужбы,

То почему же он, Мельниченко, не спасался бегством, а продолжал менять диктофоны?

Нет! Нет! Нет!

Все-таки, не тем в этой стране дают государственные награды!

А с другой стороны,

По итогам разговора с Гонгадзе, Кравченко должен был молниеносно принять меры по тщательной проверке кабинета Президента.

Тогда почему подвиг Мельниченко не был прерван уже 17 сентября 2000 года?

И вот здесь-то несомненно берет верх версия о стараниях Кравченко не допустить выброса в Интернет именно компромата.

И предположение о существовании тогда распечаток из кабинета Кучмы окончательно теряет логику.

Ну, во-первых,

Не факт, что распечатки разговоров в кабинете Президента были у Гонгадзе в момент его незаконного задержания.

Тем более что он знал, что рано или поздно его могут «взять».

Во-вторых,

Листы с распечатками каких-то там разговоров не дают стопроцентной гарантии того, что прослушка кабинета Президента ведется по-настоящему.

Для этого нужен аудионоситель.

И, опять же, не факт, что у Гонгадзе он был.

В-третьих,

Нет никакой гарантии, что заслуживающий восхищения гениальный Дарт Вейдер в действительности ознакомил или даже передал журналисту подлинные расшифровки разговоров в кабинете Президента Украины.

Зачем ему, при существующей после этого гипотетической возможности ухода Гонгадзе «в сторону Киевской области», было это делать?

И в-четвертых.

По всей вероятности, они, эти распечатки, тогда к Кравченко так и не попали.

А иначе, к чему эти досмотры Ельцова в поезде?

Ну и, разумеется, в-пятых.

Безопасность кабинета Президента вне компетенции министра внутренних дел.

И если у Кравченко не было достаточно доказательств,

То он, в глазах все того же Кучмы, поделись он с ним такой до того момента прямо-таки фантастической информацией, мог оказаться параноидальным посмешищем.

Да и для проверки ее Мельниченко должен был ловить самого себя.

Зато теперь, вполне логичным, после событий, произошедших с Гонгадзе, выглядит решение Мельниченко быстро-быстро закончить службу «по собственному желанию».

Более того, Дарту Вейдеру в это время уже очень резко понадобился герой общенационального масштаба.

«...С помощью знакомого офицера Службы безопасности Украины Мельниченко оформил себе загранпаспорт без указания подлинного места работы и 16 октября написал рапорт об увольнении, ссылаясь на семейные обстоятельства и предложение работы в некоей инофирме».

Интернет-сайт: Компромат.Ru. 04.07.01. «Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Ори-

сигнал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия убийства Гонгадзе».

А дальше было обнаружено тело под Тарашей, 2 ноября 2000 года.

Именно эта страшная находка, которую все еще настойчиво называют телом Гонгадзе и которая до обнаружения разговоров в кабинете Кучмы стала отправной точкой раскручивания в стране протестных настроений —

Вот она-то и вызывает те самые большие-большие сомнения.

«Разрушители легенд».

Так называется американская научно-популярная телепередача на канале Discovery Channel.

По примеру двух американских пронырливых мужичков, что перед видеокамерой убеждают всех в победе вездесущего материализма,

Пора и нам взять и разорвать плотное кольцо собравшихся за все это время легенд вокруг найденных под Тарашей останков, что давно уже приобрели признаки застывлости.

Легенда первая гласит о том, что на обнаруженном теле нет головы потому, что журналисту именно в нее выстрелили из табельного милицейского пистолета.

А потом,

Таким вот образом,

Замели следы.

Но тогда получается, что безжалостный киллер-душитель Пукач еще и стрелял в труп?

А после этого отделил голову от туловища?

Б-р-р-р-р-р!

Вот мне и опять стало страшно.

Хотя, без всяких сомнений,

Те светлые умы, что осенью 2000 года придумывали именно эту байку, конечно же, руководствовались исключительно благими намерениями.

Ведь тогда у Дарта Вейдера уже было что послушать.

Причем, не только на аудиокассете и по телевизору, а теперь уже и в Интернете.

А после — оказалось что подробно, без напускного интереса, еще и обсудить,

С огромной, начинающей вскрикивать и всхлипывать по ночам страной.

Вот только с настоящим трупом Гонгадзе выходила заминка.
Откуда было его взять?

Ведь если Гонгадзе был действительно мертв, то его убийцам после поднятого сразу же после его исчезновения крика логичнее всего было уничтожить тело. Причем, времени, чтобы снять с него украшения, как в таких случаях показывает уголовная практика, как правило, хватает.

И вот тогда Дарт Вейдер загонял себя в узкие рамки.

Ему нужно было довольствоваться только тем, что было на тот момент под рукой.

Ведь перед ним встала неразрешимая дилемма.

Как известно из криминалистики, неизвестное тело либо опознают по приметам и одежде, либо дактилоскопируют и затем устанавливают по картотеке собранных дактилокарт. Для неискушенных – по картотеке отпечатков пальцев.

Либо, в самом крайнем случае, при невозможности установить личность, проводят анализ ДНК.

Ну,

Или,

Когда по тем или иным причинам все вышеперечисленные действия оказываются невыполнимыми,

Восстанавливают внешность потерпевшего по методике академика Герасимова – по строению черепа.

А теперь снова только факты.

Дактилоскопия «тарашанских останков» из-за времени наступления смерти и разложения тела была невозможна.

Затруднений с проведением нужного анализа ДНК Дарт Вейдер, как выяснилось позже, не испытывал.

Ведь, в самом деле,

В странах, где ходят денежные знаки, каждому хочется, чтобы у него их скопилось как можно больше.

С украшениями Георгия Гонгадзе у него тоже большой заминки не возникало.

А вот с внешностью у «тарашанских останков» могли быть известные несостыковки.

Но та-лант-ли-вый Дарт Вейдер еще раз подтвердил известную аксиому о таланте, который, как известно, талантлив всегда и во всем.

Подтвердив свой всесторонний гений не только отсутствием у тела такой хлопотной головы,

А еще и местом ее будущего обнаружения.

В конце концов, а как еще можно было поторопить Александра Мороза с его исторической пресс-конференцией?

«...Мороз Александр Александрович родился в селе Буда Таращанского района на Киевщине. Образование высшее. В 1965 году окончил Украинскую сельхозакадемию (получил специальность инженера-механика сельского хозяйства). В 1983-м окончил Высшую партийную школу при ЦК КПУ.

Трудовую деятельность начал в 1965-м инженером Емельчинского райобъединения «Сельхозтехника». После службы в армии, в 1966-1974 гг., работал преподавателем, завотделением механизации сельского хозяйства в Таращанском сельхозтехникуме. В 1974-1976 гг. А.Мороз — старший инженер в Таращанском районном и Киевском областном объединениях «Сельхозтехника». В 1976-м переходит на партийную ниву. До 1983 года работает завсектором и заместителем заведующего сельхозотделом Киевского обкома Компартии. В 1983-1985 гг. — секретарь Киевского облсовета профсоюзов. В 1985-1989 гг. — первый секретарь парткома киевских областных организаций и учреждений. В 1989-1990 гг. заведует аграрным отделом Киевского обкома КПУ.

С 1991 года А. Мороз — лидер, председатель политсовета Социалистической партии Украины. С 1990 до 2007 гг. — бесценный парламентарий. В Верховной Раде I созыва был секретарем комиссии по вопросам АПК, в первый год депутатства возглавлял парламентское большинство. В 1994-1998 гг. А.Мороз был спикером парламента. С 1994 по 1996 гг. — сопредседателем Конституционной Комиссии, сыграл серьезную роль в подготовке и принятии Конституции Украины. В 1998-2000 гг. — председатель парламентского комитета по вопросам аграрной политики и земельных отношений, последующие два года — член этого же комитета. В парламенте IV созыва (2002-2006 гг.) А.Мороз работал в комитете по вопросам правовой политики.

28 ноября 2000 года обнародовал пленки майора Мельниченко и обвинил Леонида Кучму и его окружение в причастности к исчезновению журналиста Георгия Гонгадзе. Зимой 2001 года стал одним из лидеров движения «Украина без Кучмы». На парламентских выборах в марте 2002 года Мороз возглавил избирательный список СПУ. В общегосударственном округе партия набрала 6,95 % голосов избирателей.

На парламентских выборах 2006 года СПУ получила поддержку 5,6 % проголосовавших украинцев.

Лидер СПУ никогда не скрывал президентских амбиций. Трижды (в 1994, 1999 и 2004 гг.) баллотировался на пост главы государства, но не находил должной поддержки избирателей. Был одним из главных инициаторов политической реформы, одобренной Верховной Радой в декабре 2004 года и расширяющей полномочия

парламента и правительства с параллельным ограничением власти Президента».

Интернет-сайт: file.liga.net.

Легенда вторая гласит, что Алена Притула и Мирослава Гонгадзе якобы опознали в «таращанских останках» тело Георгия.

Представляете мое удивление, когда по телевизору в 2011 году Притула вдруг заявила:

«Мы никогда не говорили, что опознали тело. Мы говорили, что существует много обстоятельств, что наталкивают нас на мысль, что это может быть он».

Из интервью А. Притулы в документальном фильме «Битва за Украину». Режиссер Е. Кончаловский.

Хотя, конечно же, осень 2000 года — это точно не весна 2011-го.

Была, как водится, и третья легенда.

Об украшениях Георгия Гонгадзе, найденных на «таращанском теле».

Но с ней мы уже окончательно покончили.

А вот о том, чтобы хоть как-нибудь опровергнуть, ну, или потрепать последнюю легенду вокруг трупа —

Ума не приложу.

«...Без всяких комментариев расскажем еще одну историю. 28 августа прошлого года (автор имеет в виду 2000 год) в 10.31 из села Потоки Таращанского района Киевской области некто позвонил домой Алене Притуле. Разговор длился не больше минуты, после чего абонент из Потоков практически сразу позвонил по похожему номеру — на Бессарабский рынок. Позже с этого телефона в Потоках на Бессарабский рынок звонили неоднократно. Алене с этого номера больше не звонили ни разу. Обычная, в общем, ситуация — человек ошибся номером.

От дома в Потоках, где установлен этот телефон, до места, где впоследствии обнаружили обезглавленное тело, километра три. Этот дом расположен на окраине того самого Таращанского леса».

Интернет-сайт: Компромат.Ру. 04.07.01. «Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Ори-

гинал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия убийства Гонгадзе».

А потом настал день 28 ноября 2000 года.

Когда все тот же, уже окрепший в своих намерениях, Александр Мороз обнародовал пленки разговоров о Георгием Гонгадзе в кабинете Президента Украины Леонида Кучмы.

После чего он вполне аргументировано обвинил Президента и его окружение в причастности к исчезновению журналиста.

А еще,

Шокированная страна узнала,

Как выглядит тот самый отставной майор по фамилии Мельниченко.

Реакции на это действие от Президента Кучмы долго ждать не пришлось.

Она стоила должностей председателю Службы безопасности Украины Леониду Деркачу и министру внутренних дел Юрию Кравченко.

Последнего Кучма с глаз долой отправил в председатели Херсонской областной государственной администрации.

И что бы он теперь ни говорил, и как бы ни поступал,

Именно тогда, 28 ноября 2000 года, второй Президент Украины стал не просто матерщинником, антисемитом и в дополнение ко всему заказчиком убийства,

Он не только лишился своего привычного, подобранного и проверенного годами окружения,

Причем, вместе со своим единственным вероятным преемником.

Самым ужасным для него, пожалуй, стало то,

Что теперь закрепленная Конституцией президентская власть в стране навсегда получила приставку «преступная».

И отношение народа Украины ко всякой последующей власти, как, впрочем, и к лицам, ее представляющим, в лучшую сторону уже не изменится больше никогда.

Послесловие

Передышка на войне.

Когда боевые действия, пройдя начало, горячую середину, а затем для кого-то обязательно победный конец, вдруг неожиданно замирают.

Вот тогда и наступает то самое ожидание долгожданного и счастливого мира.

*Но как же, простите, висящий у нас над головой манящий
черный космос?*

*Неужели только вчера, будучи страшным и опасным,
Он,*

В одну минуту,

Вот так просто,

Как-то даже незатейливо и совсем скучно,

Возьмет да и станет мирным?

*Так и не рассказав конец своей «звездной саги» о хождении по
Млечному пути «звездных героев»?*

С их замысловатыми и не очень историями.

*С проданными куда-то ракетными комплексами «Кольчуга».
С кровожадным генералом Пукачем. С продолжением развития
событий вокруг похищения Георгия Гонгадзе. Густо перемешанных
во все том же убийственном для любой печени коктейле событий,
произшедших в находящемся в самом центре Европы государстве
под названием Украина.*

*Да и к безликому Дарту Вейдеру я уже как-то незаметно для
себя, а еще совсем искренне взял и привязался.*

«Но где же тогда звездное продолжение?» – спросите вы.

*С новыми атаками космических флотов и высадкой звездных
десантов,*

*Чтобы сердце вновь, в который уж раз, «...распалось, как
щипцы, пока я дошел до вас»¹.*

Где оно?

И кто, что и как,

*А самое главное, за что его, продолжение, так крепко дер-
жит?*

*Если быть до конца честным, то, пожалуй, никаких препят-
ствий, что мешают «звездному продолжению» стать таковым,
в принципе, не существует.*

*Вот разве только опять у их автора подошла очередь за про-
зрачной емкостью для известных с детства, ставших анекдотом
анализов.*

Болят от уколов правая ягодица.

А самое главное,

*Нужно не забыть в пахнущем микстурой больничном коридоре
предмет моего внутреннего спокойствия.*

Ее,

Теперь уже лучше, а самое главное, более подробно мне знакомую,

¹ X/ф «За двумя зайцами». Реж. В.Иванов.

*Неоднократно мною то там, то сям упоминаемую,
Теперь уже разбухшую донельзя,
Мою личную, пенсионерско-медицинскую больничную карточку.
Чтобы после скрупулезно выполненных без всякого «на завтра»
и «на послезавтра» назначенных опытным доктором с чеховской
бородкой процедур,
Затем.
Вновь.
Со своими фэнтези-мыслями впасть в далекое детство.
Так что совсем уже скоро —
Продолжение следует...*

Глава 15

*Начальники мои — добрые люди.
Из письма Т.Шевченко
княжне Репниной с
солдатской службы*

Мое возвращение из отпуска в ноябре 2003 года, по уже сложившейся традиции, опять было в никуда.

А на работе меня заждали новости.

Причем, с крупной пометкой «разные».

В принципе, с появлением в столичном УБОП неровно дышащего к моей скромной персоне Шпоренко* я был готов ко всякому. И теперь уже ко многому. Даже к необратимому.

Но точно не к такому вот, терпеливо ожидающему моего возвращения, развитию событий.

Моя фамилия отсутствовала не только в списках закрытой для меня Шпоренко* столичной убоповской разведки —

Ее не было в списке всего Киевского управления по борьбе с организованной преступностью.

Вообще, милицейские прогибы — это та особая форма взаимоотношений между подчиненным и начальником в правоохранительной системе, о которой, в зависимости от воображения их исполняющих, можно говорить бесконечно.

Каждый раз появление на руководящей должности очередного милицейского «вождя» можно смело сравнить либо с приближением свадебного кортежа в каком-нибудь населенном пункте, спрятавшемся в вишневых садах недалеко от районного центра,

Когда возникший из клубов дорожной пыли, всеми с нетерпением ожидаемый, разукрашенный яркими бумажными цветами эскорт,

Состоящий из автомобилей ВАЗ-2101, скрипящих конных бричек и отмытых по такому случаю до блеска рычащих тракторов «Беларусь»,

Моментально вызывает истошный крик:

«Едут!!!»

Либо,

С ядерным взрывом дамского ажиотажа в городе невест Иваново,

Когда на должность коменданта женского общежития приходит отставной усатый, а самое главное, холостой армейский майор.

Причем, каждый раз весь этот неподдельный животный трепет зиждется на надежде,

Что именно вот этот начальник с пока еще приставками «загадочный», «новый» и «свежий»,

Обязательно должен оценить никак не замеченные его предшественником высокопрофессиональные оперативные знания и такую же сноровку давно и с нетерпением, исключительно только его одного ждущего, исполнительного подчиненного.

А еще,

Он, именно этот самый, очередной, «вождь»,

Просто не имеет права и не должен устоять от свалившихся на него человеческих и, самое главное, мужских качеств, своего нового подчиненного.

Хотя,

Все выше заявленное,

У соискателей «понимающего командирского взгляда»,

Как правило,

Трудно обнаружить даже во время многочасового, тщательного анатомического вскрытия.

Вот тогда-то, после первого беглого и не предвещающего никаких дивидендов милицейского строевого смотра и наступает время милицейского прогиба.

Прогиба глубокого, с низким-низким реверансом.

Той же поздней осенью 2003 года,

С магической формулировкой «в списках не значится»,

При полном «непротивлении сторон»¹ из числа бывших моих подчиненных, несколько лет без устали называвших себя моими лучшими друзьями (ну хоть бы, блядь, перезвонил кто-нибудь!),

Подсуетился,

Оставшийся «на хозяйстве», с тогда уже отпавшей неестественной условностью кем-то там быть и давно уже вжившийся всем своим нутром в роль «перспективного»,

Скоропостижно заменивший меня на должности начальника отдела,

¹ «Согласие есть непротивление сторон». «Двенадцать стульев». И.Ильф, Е.Петров.

Тот самый Шфрай*.

Да и чего было со мной церемониться?

Магические статистические показатели по результатам окончания следствия по милицейской банде мною были выполнены. Дело вот-вот Генеральной прокуратурой должно было быть направлено в суд.

И что дальше?

Заставлять тонкую ранимую душу Шпоренко* при встрече со мной в длинных коридорах столичного главка бесконечно что-то там вспоминать, после чего вздрагивать,

Причем, неожиданно и произвольно?

Только вот Спаситель в таком вот «благородном порыве» Шфрая* не поддержал.

Он в одном ему присущем стиле избавил меня не только от на тот момент нашей со Шпоренко* общей проблемы,

Но еще и от моей личной – заботливо приготовленной мне новой милицейской властью грядущей перспективы нашего «народного хозяйства».

С момента назначения Локоня* на должность министра внутренних дел, все то время, пока я «выгуливался» в отпуске и набирался, как выяснилось, уже никому не нужных душевных сил, Шпоренко* совсем не бездействовал.

А провел время с привычной для него в милиции пользой.

Долго взвешивая и раздумывая, он таки «обрав собі іншу, поважну посаду»¹, заняв должность начальника одного из влиятельных, а еще «самых коммерческих» департаментов МВД Украины.

Столичный УБОП оказался в очередной раз «брошенным и покинутым».

Радость «наших неминуемых встреч» в коридорах,

Когда, раз за разом глядя на его лоснящуюся на свету беззаботную физию, я бы не только отыскивал в своем лексиконе, а еще и декламировал,

Разумеется, про себя,

Откровенно омерзительные слова. Складывая их то в короткие резкие фразы, то в не уступающие им по резкости очень длинные, заухабистые предложения,

Что, конечно же, никак не красит ни милицейского офицера, ни, тем более, оперативного работника,

В одно мгновение утратила все свои грядущие перспективы.

¹ «Выбрал себе другую, уважаемую должность». – укр.

Следующей новостью, что принесла «милицейская сорока на хвосте», было то, что Сергей Хамула на новом месте работы в ГУБОП уже успел проявить свой непростой характер,

Чем в очередной, который уж на моей памяти раз, заслужил «любовь и уважение» своих новых начальников.

Ну, и последней вестью стало расформирование следственно-оперативной группы Генеральной прокуратуры Украины в связи с передачей уголовного дела по обвинению банды Гончарова в суд.

Ближайшие перспективы уголовного дела № 62-2222 особую запутанность тоже не гарантировали.

Какмяков* до вынесения приговора милицейской банде, за ненужностью никому из начальников подразделений столичного управления, оставался охранником Нестерова

Дело объявленного в розыск приятеля Свердлова и активного участника банды Тараса Вознюка было выделено в отдельное производство и передано в городскую прокуратуру.

А еще,

Уже «бородатое» оперативное дело «Снегири» я мог смело готовить для сдачи в архив.

Можно было ставить жирную точку и начинать пытаться понемногу все забывать.

Вот такой в ноябре 2003 года вырисовывался финал.

Правда, был еще и приятный момент во всем этом осеннем окончании.

Ведь при всем при том можно было всерьез задуматься о принятых в таких случаях поощрениях от руководства.

Награда за ликвидацию банды такого уровня должна была быть государственной.

А это, в свою очередь, хотя бы на некоторое время выдало бы мне индульгенцию от того же Шпоренко*.

И еще.

Она бы «остудила» рвение всегда готовых на труд и подвиг «пионеров-героев» из милицейских кадров.

Но вот здесь уже традиционно вновь вышел конфуз.

Невесть откуда возникший на моем горизонте, совсем позабытый мною Какмяков* начал наш разговор с толстого намека на то, что теперешние руководители МВД о нашем награждении и не думают.

А затем прибавил, что настала пора нам о себе напомнить.

И хотя степень нашего с Какмяковым* знакомства уверенно занимала позицию шапочного,

Все те опера из «бандитского», кто хоть как-то, хоть «крылышком», но все же прикоснулся к реализации моего оперативного дела,

Все эти полтора года находясь рядом со мной,

Несмотря ни на что,

Даже на неприятие мной некоторых их человеческих качеств,

Были и, наверное, навсегда останутся для меня не просто какими-то там сослуживцами, а одной командой.

Говорящая же сама за себя неприкрытая страсть Какмякова* к значкам, крестикам и медалькам, которыми изобилует система МВД, хотя и не была убедительным аргументом водить с ним дружбу,

Но тогда,

Только и всего, что была причислена мной исключительно к странностям его характера.

Тем более, чего греха таить, именно благодаря этой его «странности», выдавшей мне тогда свои, как тогда показалось, убедительные аргументы, я вдруг вспомнил и о себе любимом.

Пахнувшая свежей краской из скрипящего принтера, испи-санная вдоль и поперек подробностями ликвидации банды обширная оперская справка была облечена мной в новую и от этого, как мне казалось, особенно красивую папку с привычной надписью «Дело».

Мне только и оставалось, что набрать телефон проявившего тогда свои милицейские таланты на должности помощника министра МВД своего одноклассника по милицейской академии и договориться о встрече.

Все это время я старался избегать походов в здание МВД, и мы не виделись несколько лет. Но, узнав о цели моего визита, когда-то сдавший экзамены по моим шпаргалкам и только благодаря этому получивший диплом с отличием,

А затем сумевший сделать в жизни непростой шаг, женившись на дочери крупного милицейского чиновника — ведь, как известно, для такого отчаянного поступка нужно обладать не просто особым, а еще и очень, очень своеобразным вкусом —

Помощник министра Внутренних дел Украины в самом начале отгородился от моего рассказа скучающим лицом.

А потом и вовсе вдруг отчеканил фразу, озвучив, как нетрудно было догадаться, мнение своих высоких руководителей:

«Ликвидацией милицейской банды вы с Хамулой так замарали честь милицейского мундира, что его теперь следующие десять лет не отмыть».

Плод моего, по милицейским меркам, вполне сносного эпистолярного жанра, облаченный в продукт денно и ночью работающей еще где-то целлюлозной промышленности, что только миг назад был предметом моей гордости, очутился в нижнем ящике моего рабочего стола. Чтобы затем начать покрываться пылью.

Мне только и осталось, что заняться привычным делом — установлением местонахождения объявленного в розыск Вознюка.

А еще...

Тогда я с удивлением для себя обнаружил, что Шпоренко* в своих трудах праведных забыл обо мне настолько, что я все еще де-юре находился в должности начальника разведки.

И когда «перспективный» Шфрай* отправился возглавлять управление в департаменте МВД Украины, усиленном его чутким руководством, в задачах которого он понимал столько же, сколько и в разведке,

Я уже даже подумывал о том,

Как бы вновь,

По-ленински,

Взять власть в свои руки.

Но мои мысли о восстановлении зыбкой милицейской справедливости разбились о новое УБОПовское штатное расписание.

В нем, увы, моя должность не предусматривалась.

Новый же начальник УБОП Александр Демидов, оставленный Шпоренко* «на хозяйстве», несмотря на наши с ним приятельские отношения, по понятной причине «поделать ничего не смог»¹.

В разведке столичного УБОП появился новый руководитель, а вместе с ним и новый его заместитель.

Моя милицейская жизнь после очередной смуты продолжалась. А еще совершенно неожиданно для себя, наверное, в первый раз за многие годы я ощутил к своей персоне давно забытое, полное безразличие.

В общем:

Прошла любовь, завяли помидоры,

А вместе с помидорами завяли огурцы.

Я убегаю от тебя через заборы,

А за заборами, заборами, заборами,

Живут мои друзья: все алкаши да подлецы.

Профессор Лебединский. «Прошла любовь».

¹ «Никто поделать ничего не смог. Нет, смог один, который не стрелял». В.Высоцкий.

Глава 16

«Опять двойка».
Картина И.Репина

Место, где скрывался от следствия Вознюк, упорно «не устанавливалось».

Олег Гарник, практикуясь в искусстве владения иглой и толстой шелковой ниткой, сшивал для передачи в суд многочисленные тома уголовного дела под номером 62-2222.

Ну а меня,

Вновь,

И как-то сразу,

Даже не накрыло,

А скорее, схватив за шиворот, окунуло с головой,

Не давая вынырнуть, чтобы глотнуть такого еще вчера пьянящего, а теперь ставшего нереальным, недоступным оперского воздуха,

Состояние милицейского дежавю.

Которое в роли моего нового начальника с лицом даже не рьяного служаки, а скорее, адекватного, без ментовских выбрыков парня, совсем скоро заменив первое, напускное безразличие на тревожное ожидание, набиралось терпения: когда же я окончательно захлебнусь.

Милицейское житие вновь стало моей реальностью.

Причем, мое тогдашнее положение не оставляло никакого выбора,

По все той же традиции, безальтернативно предложив мне забытое упражнение по имитации интереса к долгим и бессвязным, проговариваемым на каждом утреннем совещании проектам по улучшению работы отдела,

Которые, опять же, все по той же милицейской традиции не претендовали ни на глубину, ни на знание предмета.

О ставшем для всех уже бывшим деле милицейской банды мне только иногда напоминала газетно-интернетовская дуэль с

оставшимися на свободе оппонентами. Бессменным «рупором» которых оставался мной регулярно читаемый, а затем еще и периодически цитируемый всеу, Олег Ельцов.

Он, испытывая тягу к театру теней, не оставлял попыток добыть любимую им пенку из невообразимой смеси из двух в принципе несовместимых ингредиентов:

Из дела милицейской банды, где главарем был его приятель,

И дела об исчезновении своего бывшего шефа и человека ему не постороннего, журналиста Георгия Гонгадзе.

Все это он взбивал в миксере своего интернет-сайта, «будоража читающую общественность».

Хотя, со стороны это все больше и больше подходило на другое, никак не претендующее на литературный слог вращательное упражнение с несколько другим органическим ингредиентом, что влечет за собой невыносимый и резкий сортирный запах.

Приняв на себя никому не интересное и поэтому ненужное звание душеприказчика Гончарова,

Подобно фокуснику,

С завидной периодичностью извлекающему кроликов из цилиндра,

На своем сайте «Украина криминальная» Ельцов объявлял то о якобы имеющейся у него информации о милицейской банде, то о сенсационных подробностях дела Гонгадзе, полученных от Гончарова уже после его смерти.

«...Под чьим руководством работали оборотни. Игорь Гончаров о деле Гонгадзе: фамилия убийцы, организаторов и пособников. Что стало поводом для похищения журналиста и какова причина его смерти. Как это было».

«...Наконец, мы расскажем все то, что не так давно стало известно «УК» по делу Гонгадзе. Об этом наконец-то рассказал Игорь Гончаров — через два с лишним месяца после своей смерти. Он рассказал то, что не решался говорить даже близким ему людям, еще весной он предоставил следствию по делу Гонгадзе, которое мы только собираемся опубликовать, но оно — следствие — очевидно, не спешит воспользоваться этой информацией».

О. Ельцов. Читайте на «УК»: «Дело Гончарова и Дело Гонгадзе». Интернет-издание «Украина криминальная». 20.10.2003 г.

Окончательно превратив себя в «неуловимого Билла», которого, как известно, никто не ловит, он, словно герой из провинциального водевиля, войдя в образ криминалистического эксперта, то распевал вульгарные куплеты, а то вдруг сугубо конфиденциально на страницах своего интернет-сайта сообщал, что находится не где-нибудь, а на Сицилии,

Где ему не страшен серый убоповский, так настойчиво им интересующийся, волк.

«...Спешим предупредить: остановить разглашение этих материалов вряд ли возможно. Руководитель «УК» журналист Олег Ельцов в настоящее время пребывает на родине мафии – Сицилии, где по приглашению мэрии Палермо при содействии программы «Партнерство» будет занят изучением опыта борьбы с мафиози. Это время я также посвящу вывешиванию всей имеющейся у меня информации по делу Гонгадзе, делу Гончарова, делу «оборотней». Начинать их опубликование, находясь дома, было достаточно рискованно. Поэтому, одновременно с моим отъездом за границу я обезопасил своих близких, а все материалы увез с собой. Никто из близких не посвящен в содержание информации, которая будет опубликована в ближайшие дни. Все сколько-нибудь существенное появится на сайте до конца недели – момента моего возвращения. Если у кого-то возникнет желание блокировать доступ к сайту «Украина криминальная», вся подготовленная информация будет разослана по адресам иных интернет-ресурсов, которых, не сомневаюсь, эти материалы заинтересуют».

О. Ельцов. Читайте на «УК»: Дело Гончарова и Дело Гонгадзе. Интернет-издание «Украина криминальная». 20.10.2003 г.

Разве только вместо обещанных «разоблачений», которые, увы, так и не случились, Ельцов снова всех «удивил».

Находясь на самом дне синдрома «бабушки здоровой»¹, у которой налетчики уже один раз таки «отобрали честь», и по этому поводу желающей с ними новой встречи,

12 января 2004 года,

После возвращения с криминальной Сицилии и изнурительного изучения тонкостей борьбы с мафией,

Загоревший и отдохнувший,

Ельцов снова обратился в милицию с дежурным заявлением.

¹ Одесская песня «Оц-тоц» (или «Бабушка здорова», «Как на Дерибасовской, угол Ришельевской»).

На этот раз неизвестный мужчина несколько раз выстрелил в него из пистолета.

И опять, в который уж раз, его спасло чудо.

То ли потому, что пули в пистолете были резиновые, то ли потому, что рядом снова была жена.

А свидетель в таких случаях, как известно, не помешает.

«...Запоминаю невзрачную внешность. Все как положено: невысок росточком — 170-175 см, черная кожаная куртка под пояс, темные штаны, темная вязаная шапочка.

Впрочем, судя по достигнутому эффекту от стрельбы практически в упор, дело поручили отнюдь не ворошиловскому стрелку».

Интернет-сайт: www.cipro.com.ua. 2004-01-14. «О вреде журналистики». Олег Ельцов.

Версия произошедшего, подкрепленная собственными наблюдениями, у «вечного потерпевшего» тоже не заставила долго себя ждать.

«...Я склоняюсь к мысли, что нападение на меня в июле минувшего года и нынешнее имеют одного заказчика»

«...Но тут мы с женой позже разошлись в описании. Ей незнакомец показался весьма посредственных физических данных. Я склоняюсь к мысли, что под курткой мог быть бронешлет».

Интернет-сайт: www.cipro.com.ua. 2004-01-14. «О вреде журналистики». Олег Ельцов.

Но даже «пиплу» такое вот развитие событий показалось странным. Он устал, и от этого вовсе перестал «хавать».

Медаль «за регулярность неудачных покушений» так и не нашла своего героя.

Ельцов-экспрессионист тоже уже никого не интересовал.

Как, впрочем, никого не интересовали и его «разоблачающие статьи».

«...Наконец-то рассказал Игорь Гончаров — через два с лишним месяца после своей смерти. Он рассказал то, что не решался говорить даже близким ему людям, и еще весной предоставил следствию по делу Гонгадзе».

Более того, свистящие резиновые над его головой пули привели к сравнительно счастливому окончанию.

«...И тут за спиной раздался трескучий хлопок. Впечатление такое, словно недоросли балуются с петардами. Оказалось иначе: ягодица украинского журналиста подверглась огневой атаке коварного злоумышленника».

Интернет-сайт: www.cipro.com.ua. 2004-01-14. «О вреде журналистики». Олег Ельцов.

Вызвав из легкокровотокающего тела Ельцова может, досаду, может, личное разочарование, а скорее всего, столь популярный в драматических театральные постановках крик отчаяния, с глубоко выпученными глазами и расставленными в стороны руками. И этот протяжный свист выдал достаточно неожиданный результат.

— Кто и за что, по твоему мнению, пытается запугать тебя? Или отомстить?

— Есть определенные предположения, но ими предпочитаю делиться со следователем. Одно могу сказать: тот, кто все это организует, явно требует психиатрического обследования.

Интернет-сайт: www.liga.net. Интервью опубликовано: 09.02.2004 г. Инна Колесникова.

Вот тут уж точно — «ни дать, ни взять»¹.
И даже не поспорить.

Сейчас я, наверное, остаюсь единственным преданным поклонником «творчества» Ельцова.

А «доказательства и факты» терпеливо жду до сих пор.
Ведь обещал же.

Как и у всех историй, у этой тоже обнаружился свой неожиданный конец.

Олег Ельцов все-таки «разродился».

Хотя, что ну очень, очень, обидно, не в заявленный им же срок.

Мне нужно было испытывать свое терпение в течение аж двух, таких длинных и мрачных зимних месяцев 2004 года.

¹ «Моя девушка очень скромная: ни дать, не взять...». Афоризм. Автор неизвестен.

Зато я вновь был вознагражден его симптомом все той же «здоровой бабушки».

Исключительно «по-одесски»,

Он вдруг взял да и продал принадлежавший ему сайт «Украина криминальная».

Было ли это удачной бизнес-продажей раскрученного интернет-сайта,

Решением, что пришло холодным зимним утром от внезапно переполнившего сердце чувства вовремя, а самое главное, уже до конца выполненного долга,

Или, может быть, причиной его решения стала пронизывающая боль от предполагаемых позже ран, что так и не дали ему заснуть?

А возможно, все это было всего-навсего только неуклюжим телодвижением с примитивным отползанием в сторону,

Причем, именно в тот момент, когда даже Мельниченко с начала 2001 года спрятался за статусом политического беженцы в США,

Бесстрашный Олег Ельцов так и не поведал.

Не объяснил.

И напоследок, пожалуй, в первый раз, да еще и прилюдно, заставил в себе усомниться.

«...Я всегда готов к диалогу и готов признавать ошибки».

Интернет-сайт: www.cripo.com.ua. 2004-01-14. «О вреде журналистики». Олег Ельцов.

А затем он и вовсе как-то дистанцировался и совсем исчез, В бурлящих потоках политических страстей, уже очень скоро накрывших страну.

*С той поры все бабушки, бабушки-старушки
Двери нараспашку любят оставлять,
Но теперь молодчики, грозные налетчики,
Бабушек не смеют уж больше обижать.*

Привеи:

*Оц-тоц-первертоц, бабушка здорова,
Оц-тоц-первертоц, кушает компот,
Оц-тоц-первертоц, и мечтает снова
Оц-тоц-первертоц, пережить налет.*

Глава 17

— *Что такое облысение?*
— *Это медленное, но прогрессивное превращение головы в жопу. Сначала по форме, а потом и по содержанию.*

Фаина Раневская.
Цикл «Наблюдатель, или
Сколько в человеке говна?»

Не только новость о смене редакционной политики интернет-сайта «Украина криминальная» стала хэдлинером начала 2004 года.

В это же самое время для Олега Гарника и его следственной группы из Генеральной прокуратуры начались курсы на выносливость.

Дело в том, что Уголовно-процессуальный кодекс не ограничивает участников процесса в сроках досудебного ознакомления с материалами уголовного дела.

С одной стороны, это, конечно же, логично.

Какой подсудимый, если он в здравом уме, захочет тянуть свое время до суда?

Но есть и другая сторона.

Когда за спиной у преступников огромное количество трупов, а впереди пожизненное заключение, то перспектива поменять обжитую камеру следственного изолятора на камеру-«двойку» с таким «интересным» сокамерником, как Оноприенко¹, точно не покажется привлекательной.

А тут еще эти стихи Агнии Барто, декламируемые оставшимися на свободе участниками милицейской банды.

¹ Маньяк А. Оноприенко приговорен к расстрелу за 52 убийства, в том числе 10 детей, разбои, кражи и изнасилования. Из-за принятого моратория на смертную казнь впоследствии приговор заменен пожизненным заключением.

И все без исключения — о многострадальном мишке:

*«Все равно его не брошу,
Потому что он хороший».*

Я не знаю и даже не хочу знать, что себе придумали и на что надеялись в конечном итоге Свердлов с Гайдаем.

Но следующие полтора года, что прошли с момента передачи дела в суд, они в вольном стиле, неспешно, изучали собранные следствием восемьдесят семь томов дела по обвинению милицейской банды.

А страна в это время стояла на пороге президентских выборов 2004 года.

Находившиеся при власти кучмовские чиновники хорошо понимали, что наступающим «донецким», живущим по правилу: «Хозяевам страны сразу все, причем, только в одно горло», они не будут нужны в принципе.

Оппозиция, вступившая в предвыборную гонку, тоже недвусмысленно намекала, что коррумпированные воры будут ими изгнаны за ненадобностью.

Но нужно «знать наших».

Никто из власть предержащих и не думал в страхе и тоске слушать реквием неизвестного им автора с фамилией Моцарт.

Чиновничью душу грела песня: «Гуляй, купечество!» в приятном им и любимом музыкальном стиле шансон.

В МВД «купечество» начало «гулять» с портрета министра Локоня* в каждом начальствующем кабинете.

И это тогда, за один год, было нивелировано все то, что казалось незыблемым и являлось столпами структуры правоохранительной системы.

Всего двенадцати месяцев оказалось достаточно, чтобы вначале появилась цена в долларах, что нивелировала, а затем вообще обесценила специальные звания, должности, ведомственные знаки, государственные награды.

По милиции прошла волна общей «полковнизации».

Когда стало неважно, какой ты работник и сколько тебе лет.

Главным, по-настоящему видимым достоинством оказалось наличие у соискателя нескольких тысяч долларов.

Уже после «Оранжевой революции» в течение почти целого года новый, революционный министр Юрий Луценко зани-

мался тем, что отменял приказы о присвоении внеочередных званий.

Хотя у него хватило мужества провести в соответствии с положением о прохождении службы рядовым и начальствующим составом МВД Украины только неоперативные службы.

В оперативных же, напоминая всем остальным коллегам о временах Великой Отечественной, до сих пор служат двадцатипятилетние подполковники.

Правда, тогда, в те страшные для страны годы, чтобы получить внеочередное звание, нужно было регулярно ходить в атаку.

Но «располковнивание» случилось аж через год.

А пока на стене кабинета каждого мало-мальского милиционерского начальника рядом с портретом Президента Кучмы висел портрет министра Локоня*.

Смотревшие в никуда блестящие глаза министра в генеральском мундире не уступали сиянию его лысины. Что, по замыслу инициаторов нововведения, наверное, должно было означать то ли озаряющее милицию, хотя и не очень большое, но очень, очень яркое солнышко, то ли его всевидящее, строгое, но справедливое министерское око.

Глава 18

*Коронация государя —
Предел моих надежд и упований.
Из письма Т. Шевченко
к художнику Н. Осипову*

А затем пришла та самая осень 2004 года.

Хотя именно для нее, той осени, есть более точное слово:
«Наступила».

И настал тот самый «красный день календаря» — день выборов нового Президента Украины.

Два главных кандидата наперебой предлагали электорату перспективу скорого счастья.

Только у каждого из них оно было с привычной приставкой:
«Свое».

Презентовали они его впервые за всю историю молодого, находящегося в центре Европы государства, тоже достаточно своеобразно.

Один вовремя сообразил, что факты биографии можно утаить, но никак нельзя долго скрывать босоное детство, что прошло между маленьким грязным прудом с громко кричащими утками и полем подсолнухов, сливающимся на горизонте с глухой, непроходимой периферией.

И тогда он удачно и, на первый взгляд, беспроегрышно избрал образ патриота.

Патриота с необходимой в таких случаях рубашкой-вышиванкой.

А еще, для большей убедительности, так и не ставший тогда ни национальным, ни, тем более, родным для всей страны украинский язык.

Другой кандидат, лишенный возможности маневра, предпочел дорогой костюм и изложение своих мыслей на языке, что весь мир называет «великим и могучим».

Если им, конечно, пользоваться в неиспоганенном оригинале.

Затянувшаяся полемика двух презентантов как-то неожиданно для многих переросла во всеобщее противостояние, названное впоследствии цветным именем «Оранжевая революция».

Это эпохальное для страны событие совпало с милицейским отпускным «бархатным сезоном», что с завидным постоянством с начала ноября и до конца декабря обдувает всех, не замеченных в «позвоночности», привычным норд-остом.

Я в самом начале отпуска позволил было себе совместить никогда до этого не «находившие общий язык» отпускные желания и имеющиеся у меня в наличии отпускные возможности.

Но в потоке стремительно развивающихся событий, о каком отпуске можно было говорить всерьез?

Когда в полумиллионной людской лаве в центре Киева,

У меня откуда-то из глубины сознания с каждым новым днем той революции возвращалось воспитанное в детстве, еще недавно забытое чувство гордости за страну, в которой живу.

Гордости за моих, рядом стоявших, сограждан.

За выплескиваемое ими, утраченное на голодном пути к строительству независимости и внезапно вернувшееся чувство собственного достоинства.

И тогда уже становилось неважно,

Что и, самое главное, о чем,

С неизвестно кем написанной бумажки,

Подражая диктаторам первой половины двадцатого века,

Хотя нет, не так,

Бездарно их копируя,

Периодически выбрасывая перед собой руки со свежим маникюром,

Какой-то мужик что-то там бубнит со сцены.

А потом пришла народная победа.

Правда, радость от случившегося праздника почему-то была только у одной части огромной страны.

Выполняя хорошо знакомые из краткого курса ВКП(б)¹ рекомендации, новая власть занимала в панике покинутые победенными и ставшие ничейными мосты, вокзалы, телефон, телеграф.

¹ Краткий курс ВКП(б) (Всероссийская коммунистическая партия большевиков). Выхолощенная до неузнаваемости история прихода большевиков к власти и их последующей деятельности.

На место отбывшего в неизвестном направлении, теперь уже бывшего министра внутренних дел Локоня* в здание Министерства внутренних дел на свежевыкрашенной старой маховской тачанке,

Разрисованной неизвестным хуторским художником изда-лека бросающимися в глаза завитушками и загогулинами,

Въехал,

Ранее неоднократно задерживаемый достойными и так себе представителями этого же министерства «полевой командир» победившей революции, по образованию инженер электронной техники Юрий Луценко.

И опять привычно и прогнозируемо все закружилось в новом своем круговороте, что, как известно, обычно поднимает слой со дна.

Причем, с новой, неведомой ранее силой.

Особенно удивляли кадровые назначения новой власти.

Сняв со своей нервной системы примерно десятилетний и, казалось уже неизлечимый стресс, ожидаемую столько лет должность начальника УБОП столицы занял Валерий Гелетей.

Пришедший с «номенклатурной передовой», он продолжительное время находился в положении молодого перспективного жениха на выданье.

И вот тогда «свадьба», наконец, состоялась.

А удивил он по-настоящему.

Причем, «по-хорошему».

Повидавший на своем веку всяких, разного калибра миллионских бонз,

После двух лет забвения на пенсии, куда он отправился с должности старшего оперуполномоченного, и продолжительной работы начальником безопасности в «ТАС-банке»¹,

Сергей Корнич.

Который, неожиданно для организованной преступности всего земного шара, да и для всех нас, по мере сил и без перерыва с ней борющихся,

Не просто снова вынырнул в МВД,

Он был назначен на должность начальника ГУБОП Украины.

¹ Банк входил в группу ТАС, подконтрольную руководителю избирательного штаба проигравшего в 2004 году кандидата на пост Президента Украины С. Тигипко. ТАС – инициалы его дочери, Тигипко Анны Сергеевны.

Но на этом приятные моменты не закончились.

Вновь удивил давно не напоминавший о себе Хамула.

«Отбодавшись» со старательно пихавшей его на пенсию почти полгода милицейской системой, а затем еще столько же «отбыв и отведив козу» на больничном,

Он написал рапорт об уходе на пенсию.

Волновали ли меня такие вот наставшие в милиции изменения?

Разумеется.

Только тогда, после первого за всю мою карьеру спокойно отработанного года в столичном УБОП, моя ранимая, истрепанная и истерзанная нервная система не только перестала быть таковой, но еще и зарубцевались самые ее тонкие, надорванные нити и соединения.

И вот именно тогда,

К своему удивлению,

Я обнаружил, что у меня осталось только одно, неожиданное до той поры желание — то самое, непонятное и не приемлемое мною еще вчера «место в партере с большим ведром попкорна».

А все для того, чтобы, удобно в нем устроившись, безучастно наблюдать за наступавшим в МВД новым «оранжевым временем».

А чего мне было ожидать от своих «старых-новых» начальников?

За все эти годы я так и не прибился к какой-либо «милицейской стае».

А еще,

Ну вот так случилось, что раздавать клятвы в «искренней любви и преданности» в начальствующих кабинетах, кричать «многую лету» и, раболепствуя, внимать речам «командиров» во время милицейских застолий,

Я так и не научился.

Да и в мои уже почти сорок постигать все эти азы шлифовщика анальных каналов не просто уже давно было поздно, а еще ну никак, причем, принципиально, не хотелось.

Вот именно в связи с этим вопиющим у меня отсутствием для правоохранительных органов «знаний и умений» мне не светило никаких карьерных предложений.

Не светило даже в той патовой партии, разыгранной ушедшей властью с Министерством внутренних дел.

Внимательно изучив лозунги только что победившей революции о «тотальной посадке в тюрьмы всех бандитов», чиновники Администрации уходящего в небытие Президента Леонида Кучмы трезво отдавали себе отчет, что именно среднее оперативное звено является тем инструментом, который этот лозунг может воплотить в жизнь.

И они, изобретательные, предусмотрительно перестраховались.

Мудро и заблаговременно подняв для оперов, что отработали выслугу лет, пенсию до таких размеров, что каждый из нас, кто все еще находился в здравом уме и твердой памяти, начал задавать себе один и тот же резонный вопрос:

«А что я, в принципе, с отсутствием перспективы подняться по служебной лестнице и с реальной возможностью получить пенсию в тысячу долларов, еще в милиции делаю?»

Ответом на него стал фатальный, теперь уже невосполнимый, исход из МВД кадров среднего звена.

Пришедшие после очередной «черной оспы» «оранжевые» начальники с ужасом для себя обнаружили, что им достались подчиненные со сложной психикой, что разбавляли необученную и невнятную массу очень и очень молодых людей.

Зато теперь в качестве отдушины у меня появилось время на давно и, как мне казалось, навсегда перешедшие в категорию «нечастые» встречи с Иваном Митрофановичем Косенко.

Как-то неожиданно потерявший былой оперской блеск в глазах и от этого быстро сдавший, с совсем недавно появившимися в голосе нотками тоски и безнадёги, Иван Митрофанович все еще уговаривал меня в милиции потерпеть.

Ну, хотя бы чуть-чуть.

Я же тогда совсем перестал его слышать.

Мои белые кораблики детства безвозвратно утонули в старом домашнем корыте. Оставив после себя только листы размокшей бумаги из школьной тетради с растекшимися нескладными буквами, когда-то выведенными старательной детской рукой в сочинении на тему:

«Кем я хочу стать, когда вырасту?»

ЧАСТЬ 3

**О TEMPORA, О MORES!¹
О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ!**

¹ «О времена, о нравы!» – лат. Крылатое выражение, введенное в оборот древнеримским политиком и оратором Марком Туллем Цицероном в 70 г. до н.э. в речи против Гая Лициния Верреса – римского наместника на Сицилии, скандально прославившегося своими злоупотреблениями и развратом.

Глава 1

*Ты помнишь, как все начиналось?
Все было впервые и вновь...*

Из песни «За тех, кто в море».
Сл. А. Макаревича, муз. А. Кутикова

Муки творчества.

К большому сожалению, они, как правило, настигают именно в тот момент, когда кажется, что ты, наконец, поймал ту самую, большую волну. И капризный Пегас¹, хотя и на короткое время, но все же сделал правильный выбор. И, не обращая внимания на всех без исключения постоянно в нем нуждающихся, остановился именно в твоём, давно ожидающем его стойле.

Пребывая в муках творчества, бурлящих вокруг подбора первого заглавного слова,

Именно той, нужной, своевременной, хлесткой и емкой первой фразы, что, по моему замыслу, не только должна была стать удачным продолжением моей повести,

А еще и успешным началом рассказа о новых событиях, связанных с ликвидацией милицейской банды,

Я вдруг поймал себя на мысли, что меня опять ожидает новая и не самая веселая перспектива.

В очередной,

И, увы, еще далеко не последний раз,

Зимним, промозглым, но обещающим быть солнечным февральским утром,

Вначале нервно вздрогнуть, а затем проснуться,

В плохо отапливаемом гостиничном номере городка Панксатони американского штата Пенсильвания в обязательном именно для таких вот случаев холодном поту.

А все для того, чтобы посмотреть на сурка по имени Фил².

¹ Пегас — в древнегреческой мифологии крылатый конь, любимец муз.

² «День сурка» — американская фантастическая комедия режиссера Гарольда Рэмиса по мотивам истории Дэнни Рубина.

Причем, интересующий всех без исключения соискателей повод для последующей тематической пьянки — это я о получившем всенародную славу празднике скорого окончания зимы —

В продолжении моей повести никакого значения не имеет.

Тогда за окном стоял февраль 2005 года.

Тот самый, что в моей милицейской жизни безальтернативно стал для меня «сурковым».

Но для того, чтобы не нарушить восприятия целостности тогда произошедшего, мне нужно сделать небольшой экскурс в недалекое прошлое.

И снова вернуться в осень 2003 года.

Все для того, чтобы напомнить фамилии моих тогда уже давно и безвозвратно бывших коллег по «бандитскому отделу» Какьяна* и Какмякова*.

А еще побродить в их параллельном мире.

Той осенью 2003 года Какмяков* и грустивший в министерском Уголовном розыске Какьян* еще только начинали свой путь на олимп героев.

Причем, цель их тогда была отчасти даже не лишена благородства.

Ведь что может быть похвальнее, чем заставить чиновников от МВД, не желающих даже вспоминать о том, что их бывшие приятели по «нелегкой службе» были убийцами и преступниками,

После того, как расследование уголовного дело банды Гончарова подходило к концу,

Взять,

И принудить выполнить положенные в таких случаях, заслуженные оперативной группой, приятные наградные служебные формальности.

Гайдай со Свердловым тогда тянули привычную волюнку ознакомления с делом, а в это время руководители столичного УБОП менялись один за другим с такой скоростью, что кружилась голова.

Вокруг дела банды Гончарова в дежурный уж раз образовался вакуум,

Когда главный свидетель обвинения по делу милицейской банды Нестеров вместе с прибывшимся к нему в охранники неприкаянным Какмяковым*, который давно забыл, как выглядит табельное оружие,

Были предоставлены самим себе.

А свободное время в правоохранительных органах, как известно, не только предполагает продолжительный и безмятежный диванный отдых, но и располагает к разного рода проектам.

Помещик Манилов¹ строил в своем воображении чугунный мост от своей усадьбы прямо до Петербурга.

Поэт Корней Чуковский метался в своих «детских стихах» между умывальником, выходящим почему-то именно из маминей спальни, и усатым и страшным тараканом.

Ну, а Какмяков* восстановил на время ослабевшие дружеские отношения с мудро сбежавшим в министерский Уголовный розыск Какьяном*.

Затем героиня пока только моей повести, что в то время еще не предполагала к своим образам какие-либо другие приставки, отыскивала журналистку с фамилией Примаченко, писавшую для еженедельника «Зеркало недели».

А дальше,

Предварительно заполнив свой почти двухгодичный пробел физического отсутствия в следственно-оперативной группе моими обстоятельными рассказами и прихватив с собой всегда находившегося под рукой Нестерова,

Раз и, наверное, навсегда,

Они взяли и изорвали ее ранимое женское воображение.

Изорвали, рвали, рвали,

В такие мелкие цветные кружочки, что очень похожи на праздничное новогоднее конфетти.

И вот тогда,

В противовес ельцовской откровенной «пурге», закрутилось,

А потом и вовсе безудержно понеслось...

Журналистские статьи из влиятельной столичной газеты о расследовании уголовного дела № 62-2222 посыпались, как из рога изобилия.

И после каждой из них, всегда подкрепленной услышанными от Какмякова* и Какьяна* эксклюзивными подробностями о преступлениях банды Гончарова, Александра Примаченко вполне резонно задавала одни и те же вопросы:

«Почему с должности начальника Киевского УБОП сняли Хамулу?»

¹ Герой поэмы «Мертвые души» Н.Гоголя.

«На каком основании разогнали «бандитский отдел?»

«Почему МВД упорно не замечает окончания дела и тянет с награждением отличившихся работников?»

Реакция на них, как, впрочем, и на сами газетные статьи, была вполне прогнозируемой.

МВД министра Локоня* упорно изображало неумение читать.

И только со страниц своего интернет-издания привычно огрызался Ельцов.

Увлечшись этой заочной перепалкой, мне как-то недосуг было обратить внимание на то, что в статьях Примаченко скромно проявивший себя в ликвидации банды Гончарова Какьян* и никак не проявивший Какмяков*,

Вдруг стали главными «раскрывателями» и «ликвидаторами».

А вот наши с Игорем Прикладовским фамилии даже не упоминались.

Хамулу скоропостижное прибытие «нашего полку» тоже не волновало.

Пожалуй, единственная наша с ним общая черта характера, что давно стала сродни средневековому высокопарному рыцарскому девизу:

«Главное в оперской работе — делать дело»,

Тогда все еще нас не отпускала.

Проводя обеденные перерывы в компании со свежей печатной продукцией с повествованием о невесте откуда возникших, ранее неизвестных героях, долго, тихо, а самое главное, удобно живущих рядом с нами,

Я развлекал себя новым, появившимся после изучения «бесмертных трудов» Олега Ельцова хобби:

Терпеливо разбирал на афоризмы и цитаты для меня нового и на время даже потеснившего моего «постоянно любимого» автора.

Только вот работа с этим, таким неожиданным для меня текстом, подписанным Александрой Примаченко, дальше цитат у меня никак не продвигалась.

В целом же весь этот статейный бильярд после каждого нового удара по шару, который, кстати, и не думал ложиться в лузу,

Напоминал никому не интересную блудную собаку, лай которой никак не трогает затерявшийся в песках караван¹.

¹ «Собака лает — караван идет». Арабская поговорка.

На моральный же облик достаточно внезапно, а самое главное, неожиданно возникших «помощников-добровольцев» у пока еще ни с какой стороны не залапанного и никакими частями тела не затертого,

Совершенно девственного «ленинского бревна» под названием «ликвидация банды Гончарова»

Мне вообще обращать внимание не хотелось.

Это только потом,

По прошествии нескольких лет, я обнаружил, что «многолетний нелегкий труд» моих бывших коллег по увековечиванию своего бессмертного имени не прошел даром.

А вы и сейчас попробуйте в поисковик любого интернет-сайта ввести исходные данные о банде Гончарова.

И на вас лавиной обрушится поток кричащих статей об их неоценимом и таком необходимом для страны подвиге.

А если эти статьи решиться еще и неспешно прочитать,

То тогда и вовсе перестает быть пустым звуком не только скрытый смысл тех скучных и продолжительных уроков о пользе усидчивости и предлагающегося к нему усердия из начальной школы,

Но и становится еще более понятным всепоглощающий девиз:

«Настоящая, геройская красота!»

Но наш экскурс в недавнее прошлое на этом еще не оканчивается.

В начале 2004-го из прокуратуры с формулировкой «по сокращению штатов» был уволен один из следователей на тот момент уже бывшей следственно-оперативной группы по делу банды Гончарова Александр Мациевский.

Мациевского сложно было назвать отчаянным профессионалом.

Появляясь на работе исключительно в форме работника прокуратуры, он потихонечку грыз уголовное дело и, в сущности, ничем не выделялся на общем сером фоне прокурорской группы, где ярко светил отчаянный, дерзкий и умный Олег Гарник.

Природная осторожность и традиционный украинский тормоз в связке с известным девизом «кабы чего не вышло» так и не дали Мациевскому за несколько лет в следственной группе как-то себя проявить.

Хотя именно он был одной из тех прокурорских лошадок, на которых, в сущности, держится вся прокуратура Украины.

И его такой вот «уход» из городской прокуратуры, инициированный новыми его начальниками, был не просто ненеожиданным —

Он стал тогда непонятным и необъяснимым.

И вот именно сейчас, когда все нужные формальности выполнены, нам пора вернуться к тому моему холодному февральскому утру, которое я встретил в компании с тем самым панксатонским Филом.

Бессовестно пропустив его привычный профессиональный праздник, что, как известно, отмечается каждое второе февраля, когда несчастное животное незнакомые люди вытаскивают из домика и требуют назвать дату скорой весны, лично я познакомился с Филом немного позже.

Причем, в самом начале нашего свидания мы с ним даже поменялись местами.

Копируя его наглым образом, я крепко и безмятежно спал, когда в два часа ночи 28 февраля 2005 года зазвонил мой мобильный телефон.

К моему удивлению, это был опер из столичной убоповской дежурки, который сообщил в первый момент прямо-таки ошеломившую меня новость.

Несколько минут назад в дежурную часть позвонил Какмяков* и сказал, что на свидетеля обвинения по делу о милицеевской банде Юрия Нестерова было совершено покушение.

Но по счастливой случайности он не пострадал, а был лишь контужен.

Из обстоятельств покушения следовало, что примерно без четверти два охранник Какмяков* сопровождал Нестерова домой.

После того как они вошли в парадное, сзади неожиданно появился неизвестный, который бросил им вслед гранату РГД-5.

Какмяков* успел повалить Нестерова на пол, после чего прозвучал взрыв.

Дальше, находясь в шоке, Какмяков* начал стрелять из пистолета резиновыми пулями, а нападающий — убежать.

Контуженный взрывом Какмяков* даже пытался его преследовать, стреляя в его направлении. Но шансов догнать проворного киллера или попасть в него из пистолета у опера, разумеется, не было.

Той зимней ночью, когда мы с моим теперь уже бывшим напарником Игорем Прикладовским ехали в больницу скорой помощи, куда были доставлены Какмяков* и Нестеров, я все время думал о том, что, наверное, уже несколько лет не испытывал этого странного, оперского, состояния — когда легкая дрожь пронизывает все тело. То ли оттого, что на улице зима, то ли от выброса адреналина, а то ли оттого, что ты лихорадочно начинаешь думать о том, что тебя ожидает.

Ночной звонок оперативного дежурного в одну секунду вернул меня на поле «военных действий», о котором я давно уже забыл.

Мы с Прикладовским еще ехали по ночному городу навстречу происшествию, выходявшему за рамки нашего с ним милицейского опыта.

Ведь, как бы там ни было, но Какмяков* являлся нашим коллегой.

И скрипя от злости зубами, уже прикидывая, какой объем работы нужно будет выполнить для того, чтобы покушавшиеся были задержаны, я думал только об одном:

Я должен это сделать.

Я хочу, чтобы урод, посягнувший на жизнь моего коллеги, полюбовался красотой рассвета из окна изолятора временного содержания.

Картина, что я увидел в больнице скорой помощи, моментально сняла напряжение.

По внешнему виду Какмякова* было ясно, что если его и задело при взрыве, то это была лишь легкая контузия.

Нестерову повезло еще больше.

Он вообще не пострадал.

А еще в больнице скорой помощи я впервые увидел приехавшего на происшествие очередного, свежего, не так давно назначенного начальника столичного УБОП Валерия Гелетея.

Сравнительно недавно поменяв относительно спокойное кресло начальника управления криминального поиска на всегда тревожную нынешнюю должность, он выглядел явно растерянным, хотя и изо всех сил пытался вникнуть в произошедшее.

Но из-за забытой с недавних пор привычки рано вставать мне сложно было понять, насколько хорошо у него это получается.

Пока я наблюдал за потугами Гелетея, в моем все еще до конца не проснувшемся сознании назойливо крутилась стандартная реплика из американского кино:

«Добро пожаловать на работу, сынок».

А затем настала моя очередь расспрашивать Какмякова* о произошедшем.

После чего я, наконец, окончательно проснулся.

Мало того — просто ошалел:

Какмяков*, оказывается, был в бронежилете!

За очередной «дежурной» чашкой кофе мы с Игорем Прикладовским, который аналогичным путем пришел к окончательному осознанию ситуации, еще долго обговаривали замеченное нами обоими обстоятельство.

Нестеров же, наоборот, был каким-то напряженным, прятал в карманы куртки дрожащие руки.

Когда-то я много времени провел вместе с ним, скрупулезно восстанавливая эпизоды совершенных бандой Гончарова преступлений. И до этого момента мне казалось, что благодаря общению с убийцами Нестеров к экстремальным ситуациям привычен больше, чем каждый из нас.

Но его потерянный вид вызывал пока еще никак не объяснимые сомнения вместе с довольно странным выводом:

Спокойствие и уверенность — не мышцы. Их точно никак не накачаешь.

Глава 2

*Лучше быть счастливым от заблуждения,
Нежели несчастным от истины.*

Фридрих Великий

По оперской привычке мы с Игорем Прикладовским затем прокатились на место происшествия.

В парадном у входа обвалилась штукатурка, осколки от разорвавшейся гранаты посекали стену.

Не обращая внимания на беготню наехавших коллег, я, примеряя к картинке взрыва все известные мне обстоятельства, искал ответ на один повисший в воздухе, главный, резонный вопрос:

А что это было?

Покушение или продолжение давления на Нестерова, целью которого было довести его до состояния неконтролируемой паники и бегства?

С одной стороны, имела право на существование версия о том, что произошедшее было звеном психологического давления на свидетеля. Вот такое «аргументированное» продолжение цепи, состоявшей из предложения Нестерову от «коллег из УБОП» немедленно скрыться и телефонных звонков из житомирской Андрушевки.

А теперь вот граната.

Вывод, что к покушению, без сомнения, приложили руку арестованные, напрашивался сам собой.

Круг их сужался до фамилий Гайдай, Мельников, Свердлов и, возможно, Лысенко.

Почему арестованные?

Да потому, что если бы Нестеров был убит, то его показания были бы полностью не просто учтены в суде — они превратились бы в неоспоримые доказательства. И такое развитие событий подсудимых бандитов уж точно бы не спасло.

Другое дело — перспектива бегства Нестерова.

Тогда можно было бы извлечь из шифоньера «чучело Ельцова». Затем,

Сочинить ну, например, «письмо Нестерова». И подкрепить его заявлением о том, что все показания, которые он дал на протяжении предварительного следствия, — неправда.

Хотя это были только мои предположения.

Причем, при дальнейшем модулировании ситуации они начинали «сыпаться».

Дело банды Гончарова было закончено.

Эпизоды похищений и убийств закреплены процессуально.

Экспертизы останков потерпевших проведены.

И какой смысл Нестерову навсегда бежать от семьи и родителей?

Ведь целью его сотрудничества со следствием была хоть и процессуальная, но свобода.

Тогда все-таки, что произошло?

И все же...

А что тогда это было?

Помимо моего скоропостижного возвращения к делу о милицейской банде,

За что, конечно же,

Спасибо тебе, Фил из городка Панксатони!

Ой!

Чуть не продолжил фразу благодарности импортному сурку пионерской речевкой:

«За наше счастливое детство!».

Я сидел на оперативном совещании у начальника милиции Дарницкого района Киева, благородно отбивая нападки злых оперов Уголовного розыска столичного главка, упорно не желающих верить как в искренность намерений метальщика гранаты, так и в реальность обстоятельств покушения.

С логикой коллег трудно было не согласиться.

Время покушения:

Попробуйте найти ну хоть каких-нибудь свидетелей в два часа ночи. Даже если рядом многоэтажки.

Время года:

На практике «киллеру» либо нужно было «водить» своих жертв по городу, что утомительно, небезопасно и маловероятно,

Либо на ветру и холоде околачиваться у парадного часа этак четыре,

Что было, опять же, небезопасно, как, впрочем, и снова утомительно.

Выбранное для покушения оружие:

В Интернете четко и доступно написано, что граната РГД-5, которую выбрал «киллер», была разработана после Второй мировой войны и предназначена для поражения солдат противника при разрыве обтекаемого корпуса из тонкой стали.

Время разрыва — 3-4 секунды после броска.

И, самое главное, она не обладает большой разрушительной силой и не начинена осколками, как граната Ф-1. Поэтому может поразить только человека, возле которого разорвалась в непосредственной близости, и ранить тех, кто окажется рядом.

Место покушения:

Учитывая время от разрыва и до броска гранаты, «киллер» должен был идти прямо за своими жертвами, что могло бы, как минимум, их насторожить.

Наверное, каждому знакомо это чувство отсутствия внутреннего спокойствия, когда незнакомец плетется за тобой ночью по дороге домой.

Какмяков* же утверждал, что он был все время начеку и никого поблизости не заметил.

И самое главное:

Из показаний обоих пострадавших следовало, что взрыв их застал, когда они вызывали лифт.

Что на практике означает — за углом.

А еще до взрыва — напоминаю это 3-4 секунды, — Какмяков*, не обладающий никакой специальной подготовкой, после того как услышал звук закрывающейся входной подъездной двери в слабо освещенном парадном не только смог увидеть лежащую на полу гранату,

Причем, все из-за того же угла,

Но и, оценив сложившуюся обстановку, еще и накрыть Нестерова собой.

В заключение вспомним бронежилет, который был на Какмякове* в эту ночь. Что, учитывая повальное в милиции наплевательское отношение к мерам индивидуальной защиты, казалось просто фантастикой.

Но все же «сомневающиеся» в самом факте покушения, как в реальном событии, сыщики после нашего недельного противостояния были «сломлены» моим предложением провести следственный эксперимент — надеть бронежилеты и лечь на пол в парадном. После чего я сам вызывался бросить туда гранату.

И тогда весь этот ропот вслух по поводу их «множества вопросов» к пострадавшим во время покушения в моем присутствии прекратился.

Зрелый следователь прокуратуры Дарницкого района —
Я о его возрасте,

Начал «зрело», что в правоохранительной системе означает «спокойно», собирать спорные доказательства по делу.

Я его не торопил.

Ведь сам факт покушения на свидетеля обвинения, да еще до начала судебного разбирательства, произошел для стороны обвинения, которую все мы представляли, не просто вовремя.

Он был еще и для все того же «главного оперского делания дела» своевременно бесполезен.

Глава 3

*Один там только и есть
Порядочный человек: прокурор;
Да и тот, если сказать правду, свинья.*
Н.Гоголь. «Мертвые души»

Пока я стоял «насмерть» за версию реальности покушения на Нестерова, вокруг дела банды Гончарова произошла новая череда событий.

Невесть откуда в восстановленных рядах новой-старой прокуратуры вдруг возник только недавно отставленный Александр Мациевский.

Его волна «оранжевой революции» вынесла на должность старшего следователя теперь уже в прокуратуру Генеральную.

Причем, его несколько подзабытый мною образ сразу же материализовался рядом с делом банды Гончарова.

А еще как-то неожиданно засуетился вокруг эпизода о бескровном покушении тогда уже полноправный начальник ГУБОП МВД Сергей Корнич.

Хотя у него на какого-то там опера, который вместе с Генеральной прокуратурой отправил дело по обвинению банды Гончарова в суд,

Подробно знавшего все его обстоятельства и бывшего, по сути, тем единственным работником милиции, кто все еще разыскивал объявленного в розыск участника банды Вознюка,

На опера, у которого в производстве до сих пор находилось дело по разработке милицейской банды с названием «Снегири»,

В конце концов, кто эту банду, вместе с Хамулой, ликвидировал, Времени не нашлось.

Корничу было вполне достаточно выслушать авторитетное мнение Какьяна*, до этого времени уже год пересидивающего в Департаменте уголовного розыска.

Вот он-то, по его, Корнича, велению не только молниеносно вынырнул в ГУБОП, но и «взял на себя» тяжелую ношу ведущего специалиста по делу милицейской банды.

Но ведущему специалисту, как известно, обязательно нужен просто специалист.

Им-то и стал так же быстро переведенный в ГУБОП, легко и, самое главное, неоднозначно контуженный, давно ставший только охранником, его соратник Какмяков*.

Как известно, если кадровые перестановки начинаются, то это кому-нибудь, а в этом случае и зачем-то, нужно.

Например, чтобы принять решение о формировании новой следственно-оперативной группы.

Только теперь она, группа, к моему глубокому и приятно-му удивлению, была создана под вывеской ГУБОП, которая, словно «рояль в кустах», нашлась как нельзя кстати.

В это же самое время Генеральная прокуратура приняла к своему производству уже начинающее благополучно покрываться пылью, выделенное из совсем недавно отправленного в суд дела милицейской банды,

До того момента никому не нужное уголовное дело № 49-1205. В постановлении о возбуждении которого говорилось о розыске скрывшегося от суда и следствия участника милицейской банды Тараса Вознюка вместе с традиционными в таких случаях неустановленными лицами.

А затем я стал свидетелем чуда, что никогда так и не станет библейским.

Обвиняемый по делу о соучастии в убийствах, счет которых перевалил за цифру десять, с дополнительным предъявленным обвинением об активном участии в милицейской банде Юрий Нестеров – а такое обвинение ему было предъявлено согласно требованиям Уголовно-процессуального кодекса –

Вдруг начал давать новые, признательные показания.

Он, Нестеров,

Неожиданно и, что самое удивительное, добровольно «потянул» на себя не только дополнительные не расследованные эпизоды с тяжкими преступлениями, совершенными им в составе банды –

Он еще покаялся в новом эпизоде с двойным убийством.

Я даже растерялся, когда побывал на его дополнительном допросе, что с соблюдением всех процессуальных правил вел вовремя подоспевший Мациевский.

У меня в голове просто не укладывалось желание Нестерова еще раз быть признанным виновным.

Ведь уже тогда я «спинным мозгом» чувствовал, что обаятельства, данные ему перед началом его сотрудничества со

следствием всякими милицейскими и прокурорскими начальниками, в конечном итоге свалятся на мою голову.

А тут такое «и... здравствуйте».

На моих глазах в непонятном для меня служебном рвении Мациевский рвал форменную прокурорскую рубашку.

А еще очень и очень напрягали штаны сзади мои чудом спасшиеся, отлежавшиеся за бетонными углами обшарпанного парадного, коллеги из недавнего прошлого.

«Имя, сестра!» – настойчиво требовал у леди Винтер в одном из художественных фильмов о трех мушкетерах легко поддающийся внушению лейтенант, состоящий на службе у герцога Бэкингема.

«А что сейчас творится вокруг дела о милицейской банде?»
Задавал я себе один и тот же резонный вопрос.

Ведь после почти трех лет совершенно наплевательского к нему отношения, что маятником колебалось от ненависти к безразличию, вдруг все не просто «стало вокруг голубым и зеленым»¹ –

Оно просто взбесилось.

Всегда тяжелая на подъем Генеральная прокуратура внезапно стала «легким мотыльком», никак не напоминающим привычную бабочку-капустницу². А мой любимый УБОП, вторя ей, сделался дикой злобной собакой, хотя и по кличке Дружок.

А еще – у Нестерова появилась настоящая охрана.

Все эти умопомрачительные, как мне тогда казалось, и только с приставкой «хорошие» новости настигали меня в столичном УБОП. Где к моим исключительно партизанским потугам по розыску скрывшегося Вознюка добавились еще и новые, вполне официальные.

Я принимал участие по раскрытию того самого, неудачного покушения на Нестерова и Какмякова*

Ну а постреволюционная пресса просто горела заголовками о разоблачениях почившей власти.

Были арестованы подозреваемые в похищении журналиста Георгия Гонгадзе сотрудники министерского управления криминального поиска, которых в народе называют «наружкой».

¹ Из песни к к/ф «Сердца четырех». Реж. К. Юдин.

² Капустница, или белянка капустная – дневная бабочка из семейства белянок. Название происходит от лат. Brassica – «капуста» (одно из кормовых растений гусениц).

А их шеф, генерал Пукач как непосредственный исполнитель даже был объявлен в розыск.

На всю страну было оглашено о самоубийстве бывшего министра внутренних дел Юрия Кравченко.

Причем, по мнению следствия, он это сделал двумя выстрелами в голову.

А еще у представителей новой власти моментально нашелся повод тихо или явно ненавидеть друг друга.

Вчерашние соратники по революции уже успели передрасться за оставшиеся ничейными должности, чиновничий ранг которых стал шкалой предполагаемых нулей после ряда конкретных цифр на личном банковском счете, что прямо вытекают из статей государственного бюджета.

Хотя легкое головокружение от завоеванной народом, невиданной до сей поры свободы все равно еще не давало возможности остановиться, осмотреться и наконец прийти в себя.

Вот тогда-то в Интернете мне и попала на глаза любопытная репортерская заметка, что стала — нет, не ключиком от ларчика,

Разве так по-мещански пошло можно назвать игру, что из-за своих размытых очертаний отдаленно напоминает подкидного дурака?

Она бессовестно забрала у меня только мой,

Мой, мой, мой!

Отдельно взятый,

Личный,

И, увы, тогда безвозвратно сразу же потерянный,

Сурково-панкстонский праздник.

А далее я просто обязан привести эту заметку безо всяких сокращений.

05 февраля 2005 г., 10:23. «Святослав Пискун: «Банда Оборотней» - это спецгруппа, созданная с определенными целями»

«Генеральный прокурор Украины Святослав Пискун уверен, что далеко не вся «банда Оборотней», занимавшаяся похищениями и убийствами людей, разгромлена, и среди действующих сотрудников правоохранительных органов осталось немало ее членов.

Святослав Пискун рассказал, что Генпрокуратура имеет не единичные показания о похищении людей членами группировки, имеющими отношение к МВД, и это дает основания говорить о существовании второй «банды Оборотней».

Святослав Пискун не исключил причастность членов «банды Оборотней» к смерти журналиста Георгия Гонгадзе. «И вот что очень настораживает меня в этом деле. Создалась порочная ситуация, когда сотрудники милиции участвуют в преступной деятельности банды. Действующие или завербованные службой безопасности. Естественно, они должны были выдавать какую-то информацию о своей работе. Тем не менее, то, что они делали – это преступление. Какой-то вопрос могли поручить и им», – сказал он.

Отвечая на вопрос, не исключает ли он, что изначально «банда Оборотней» – это спецгруппа, созданная с определенными целями, генпрокурор заявил: «Не просто не исключаю, а, скорее всего, именно так оно и есть».

Как сообщалось, дело о так называемой «банде Оборотней», лидером которой был заместитель начальника отдела управления по борьбе с организованной преступностью Киевской области Игорь Гончаров, направлено в суд.

«Банда Оборотней» с 1997 по 2001 года совершила 11 убийств жителей Киева и Киевской области. Используя оперативно-розыскные методы и тайную информацию, они похищали людей с высоким достатком, вывозили их на загородные дачи и там убивали даже в случае получения вознаграждения от родственников похищенных.

По данным следствия, в «банду Оборотней» входили старшие офицеры милиции, в разное время уволившиеся из органов внутренних дел, в частности сотрудник киевского УБОП, сотрудник секретной оперативной службы милиции, работник министерства и другие. Основной «специализацией» преступников были похищения людей с целью выкупа, однако чаще всего похищенных убивали».

Интернет-сайт: Подробности (podrobnosti.ua). По материалам: «Зеркало недели», Интерфакс-Украина.

Вот тогда-то мне только и оставалось, что в отчаянии от ожидаемой и неминуемой безвозвратной потери сопоставить три совсем близких даты.

Дату написания заметки: 5 февраля 2005 года.

Дату неудачного бескровного и достаточно громкого покушения на Нестерова и Какмякова*: 28 февраля 2005 года.

И всем известную дату, что досталась человечеству без определенного года начала празднования Дня сурка: 2 февраля.

А еще –

Снова изучить в оригинале статью в газете «Зеркало недели» от 5 февраля 2005 года тогда регулярно мною читаемого автора А. Примаченко, что называлась:

«Среди сотрудников органов внутренних дел «оборотней» осталось не меньше, чем уже привлеченных к ответственности», – уверен Генеральный прокурор Святослав Пискун».

После чего,

Для верности сопоставив даты еще раз, задать самому себе только один вопрос:

А зачем я опять, причем, теперь уже совершенно невпопад, пристал к этому терзаемому каждый февраль идиотами всего мира еб*му сурку¹?

¹ См. приложение, стр. 700-704.

Глава 4

*Когда бредущий караван вдруг поворачивает назад,
Хромой верблюд тотчас оказывается впереди.*

Восточная мудрость

Дата ухода на пенсию.

Эта биометрическая отметка в паспорте, что, по сути, является счетом прожитых в составе команды с громким названием «все человечество» весен и зим, никогда не станет поводом для какого-то там оптимизма.

И действительно, чему тут радоваться?

Когда в компании друзей-ровесников и просто хороших приятелей все разговоры начинаются и заканчиваются констатацией фактов каждодневного ухудшения здоровья;

Конечным пунктом маршрута всех твоих прогулок, как правило, становится поликлиника или аптека;

А в группе сидящих на скамейке у парадного бабушек ты вдруг узнаешь свою одноклассницу.

Другое дело — правоохранительные органы.

В которых совсем еще недавно время ухода на пенсию совпадало с понятием «...когда жизнь только начинается»¹.

Хотя, как известно, как ее встретишь, так и проведешь.

Голубая — это я о цвете свободного от всего утреннего летнего неба,

А еще — высокая,

Мечта каждого, без всякого исключения, работника подразделения борьбы с организованной преступностью —

Перед уходом на пенсию обязательно потрудиться в своем родном Главном управлении, что зарегистрировано в Киеве по адресу улица Багговутовская, 2.

¹ «В сорок лет жизнь только начинается». Х/ф «Москва слезам не верит». Реж. В.Меньшов.

Совершенно заоблачные, по сравнению со всеми низовыми подразделениями, должностные оклады,

И открывающиеся перспективы сравнительно сносной окончательной пенсионной денежной цифры делают эту мечту такой постоянно обсуждаемой и всегда желанной.

Именно, желанной.

Как Мекка для мусульманина. Как глоток прохладного расола с тяжелого и продолжительного похмелья. Как, в конечном итоге, само существование в жизни той самой, несбыточной мечты.

Если ты, конечно, после двадцати лет службы в милиции еще помнишь, что к твоей жизни она все еще прилагается.

После первого дня именно того, голубого, счастья, что у Какмякова* и Какьяна* случился уже в начале марта 2005 года,

С неба того же цвета на мою голову последовало вполне логичное «высочайшее» распоряжение начальника ГУБОП Украины Сергея Корнича немедленно передать туда уже фактически реализованное мною оперативное дело «Снегири».

Все еще тогда по количеству дней, проведенных в должности, новый начальник Киевского УБОП Валерий Гелетей взял вопрос передачи под свой личный контроль. После чего команда «сверху» была выполнена не просто с откровенной суматохой — ей была задана та, в принципе, не существующая в милиции неслыханная скорость со сроком в один день.

Аккуратно сшитые тома с грифом «секретно», пройдя все необходимые процедуры, вначале стройно легли в большой картонный ящик, а затем и вовсе исчезли за железной дверью секретной канцелярии на улице Багговутовской, 2. Тем самым окончательно забрав у меня со взлетевшими до звания старших коллегами не только предмет разговора о дальнейшей судебной перспективе банды Гончарова,

Но и о так нечаянно возникшей перспективе еще одной, как мне тогда казалось, дополнительной оперативной разработки милицейской банды.

Была и еще одна причина наступления нашего «крепчающего мороза».

Дело в том, что мы с Корничем никогда особенно теплых чувств друг к другу не испытывали.

В наших отношениях так и осталась, я думаю, только нам понятная недоговоренность выпуска поздней осени 2000 года.

Но нужно было «знать наших».

Вновь «правофланговые» возникли на моем горизонте неожиданно, словно диарея.

Хитрый Какьян*, к моему искреннему удивлению, быстро сообразил, что без моего участия в новой оперативной группе ему и Какмякову*, как минимум, придется упорно работать.

И тогда, возможно,

Хотя это, конечно, не факт,

Они ну хотя бы что-то — это я об их новых оперативных победах — доложат своему новому боссу.

Но «упорный труд» в планы моих бывших сослуживцев не входил.

И очередная бумага, пришедшая в столичный главк за подписью все того же начальника ГУБОП, приказывала меня и моего напарника Игоря Прикладовского откомандировать во вновь созданную следственно-оперативную группу.

В какой-то момент у меня даже сложилось впечатление, что участники грядущих событий — милицейская банда под номером два,

Что, по их замыслу, должны были «всколыхнуть мир», действительно верят, что меня можно пустить «втемную».

И тогда,

Непреодолимое желание реализовать исключительно свой, понятный каждому поставленному в такие вот рамки опера, план тупого, самоотверженного, каждодневного самоустранения,

Навязчиво и вместе с тем жестко потребовал от меня немедленной реализации.

Но то ли по причине потери возможности поставить последнюю точку в деле милицейской банды,

А скорее всего, от наличия у меня ненужной в правоохранительных органах привычки «делать, что должен, и будь что будет»,

Я снова,

Причем, совершенно искренне, включился в грядущий «праздник правосудия».

Мой совсем еще недавний замысел по окончанию милицейской карьеры не терпящий в своей войне дезертиров Спаситель снова сдвинул на неопределенный срок,

Дав мне взамен ту редкую в милиции возможность,

Именно тогда, когда ты вдруг начинаешь понимать,

Причем, понимать без особой радости,

И так неожиданно,

Что если этот смотрящий на тебя по утрам из зеркала в ванной уже почти сорокалетний дядька еще не законченный кретин,

То он просто обязан начать применять весь свой оперской опыт, накопленный за долгие годы.

Причем, делать это даже тогда, когда впереди замаячила только одна, нерадостная перспектива –

Исправно ходить на службу.

А еще – говорить «вы» получившим в смутное время породистые личные родословные ну очень молодым людям. Главным образом, благодаря таланту круглосуточно и правильно служить.

И вовремя твякать.

Глава 5

*Успех — не окончателен, поражение — не фатально.
Мужество продолжать — вот что имеет значение.*
Уинстон Черчилль

И начались мои новые оперативные, тяжелые будни.

За которыми в самом начале наступило понимание следственных ходов Олега Гарника, которыми он благополучно дошел до конца 2004 года,

Когда непринужденно поставил свою подпись под обвинительным заключением банде Гончарова.

Проводя требуемое от него Уголовно-процессуальным кодексом полное и всестороннее расследование совершенных милицейской бандой уже известных следствию эпизодов,

С точки зрения прокурорского прагматизма, как это ни цинично звучит, Гарник был совершенно прав.

Ведь, по-настоящему, у него их и так с головой хватало на заслуженное количество пожизненных приговоров всем без исключения арестованным бандитам.

Всегда раздражавшее меня его нежелание ввязываться в нарытые мною за время довольно продолжительного следствия новые эпизоды преступной деятельности его подопечных,

Что грозило перспективой не вложиться в сроки следствия, отведенные законом, и по этой причине поставить под угрозу все уголовное дело,

Оправдало себя на все сто процентов.

Гарник сделал то, что должен был сделать.

Он потратил полтора года своей жизни и отправил бандитов на скамью подсудимых.

Теперь же вместо Олега на горизонте в роли «заносителя хвостов» возник его свежеиспеченный коллега Александр Мацневский.

Все, что за еще одно, очередное, новое, и, разумеется, опять стопроцентное подтверждение гарантии свободы мог «предло-

жить» Нестеров борцам со старой-новой милицейской бандой под номером два —

Так это несколько никак не расследованных эпизодов разбоев с вот-вот истекающими сроками давности.

Да еще очень старательно замаскированных моими «ушлыми» коллегами на местах под хулиганство.

Намного резвее «процесс пошел», когда его допросили о двойном убийстве в Киевской области.

О нем,

Опять-таки, по известным причинам,

Никто из «молодых руководителей», в том числе и сам Мациевский, расследовавший по уголовному делу №62-2222 только порученные ему эпизоды, был «ни ухом, ни рылом».

Хотя эпизод убийства семьи Шевченко в селе Счастливое, совершенного бандой Гончарова в 1996 году, ушедшей тогда в историю, еще моей оперативной группой был установлен еще в конце 2003-го.

Для «костяка» теперь уже старой следственно-оперативной группы не было никакого секрета, что именно в этом эпизоде принимал участие так нигде до этого и не «засветившийся» наш с Гончаровым сослуживец, его личный водитель и, без всякого сомнения, участник банды Леонид Михайленко.

И после раскаяния Нестерова под свеженаписанный протокол его допроса,

В удовольствии его увидеть я себе отказать уже не смог.

Тем более, что тогда я был уверен в том, что с его появлением в новом уголовном деле появятся свежие эпизоды преступлений, совершенных бандой.

Эпизодов уже без участия Нестерова.

Поэтому-то я и направил кипучую энергию «охотников за счастьем» в направлении, так точно и лаконично отражающем их тогдашнее внутреннее состояние.

В сторону села Счастливое.

А еще я очень надеялся, что все, что тогда происходило вокруг «свежей» оперативно-следственной группы Генеральной прокуратуры Украины, будет соответствовать той атмосфере командной работы, воспоминание о которой еще не до конца стерлось в моей памяти.

Начал я с того, что поведал «гораздым в морячки»¹ обстоятельства, а самое главное, результаты, наверное, единственного

¹ «У меня в камерах двое дожидаются. И все в морячки горазды». Х/ф «Мама, не горюй». Реж. М. Пежемский.

за все время прошедшего следствия добровольного признания Гончарова.

Чем они тогдагодились?

Именно в них, правда, исключительно в своем особом стиле, с которым при желании можно еще раз ознакомиться, вновь перечитав его «дневник и заявления», он не только косвенно подтвердил свою информированность об обстоятельствах двойного убийства в селе Счастливое, но и сдал Михайленко как соучастника.

Какую главную цель тогда преследовал Гончаров, теперь просчитать было несложно.

В который раз сработал его звериный инстинкт самосохранения.

Ведь ему совсем нетрудно было догадаться, что эпизод, без всякого сомнения, заинтересует следственно-оперативную группу.

А затем,

По его замыслу,

Этот эпизод должен был превратиться в только его,

То самое неопровержимое доказательство,

Что должно было впоследствии стать неоспоримым подтверждением его потуг в создании мифа о собственной невиновности.

Тем более что непосредственно в убийстве, как ни странно, Гончаров участия не принимал.

А это давало ему тогда поле для маневра.

Глава 6

Сами же обстоятельства убийства семьи Шевченко совершенно не вписывались в схему почерка бандитов.

И именно из-за этого для милицейской банды они были просто хрестоматийными.

Хотя само убийство было совершено на удивление топорно.

Ничего не делавший просто так Гончаров в этот раз, на мой взгляд, просто взбесился от безнаказанности, потеряв всякую осторожность.

И двигало им тогда исключительно его упыриное желание еще раз «побыть Богом».

30 июня 1996 года, около 10 часов вечера, в дом семьи Шевченко в селе Счастливое вошли Мельников, Нестеров и подготавливаемый для бандитских «тяжелых будней», высокий и крепкий Александр Онушко.

Бандиты были одного возраста и практически одной комплекции, одетые в стиле того времени — «а-ля братки».

Как семья Шевченко попала в поле зрения Гончарова?

В этот раз следствием эти обстоятельства были установлены четко и основательно. Ведь в уголовном деле они стали чуть ли не единственным случаем, когда связь между «знакомством» бандитов с потерпевшими и их смерть лежали на поверхности.

Когда Гончаров допрашивался «...о случившейся какой-то там беде в селе Счастливом», то его желание назначить Нестерова главным, «замарав» его непосредственным участием в двойном убийстве, сыграло с ним злую шутку.

Ведь все нити этого эпизода вели исключительно к нему.

После того как Гончаров только три месяца проработал в Боярском отделе УБОП Киевской области, его бандитская натура потребовала попробовать себя в «борьбе с экономической преступностью».

Получив на исполнение материал о невозвращении кредита ООО «Юпитер» и подстраховавшись обстоятельной беседой со

службой безопасности «потерпевшего банка», а это был теперь уже несуществующий, но все еще находящийся на слуху банк «Украина», Гончаров даже лично посетил потерпевшего Шевченко.

Он привез директору «Юпитера» повестку, по которой тот должен был явиться в Боярский отдел УБОП.

Кстати, в материалах дела прямо указано, что от Шевченко требовали вернуть кредит непосредственно работники УБОП. Что изначально является противозаконным, ведь кредит фирме потерпевшего был выдан на законных основаниях, и возврат его банку можно было требовать только в суде.

Вот тогда-то, во время первой и последней встречи Гончарова с Шевченко произошло то, что случается с маньяком, когда над городом появляется полная луна.

Обострение.

Перед людоедом в застиранной рубашке, имеющего за плечами, как минимум, два десятка убийств, стоял самодостаточный, сытый и даже немного наглый представитель среднего бизнеса. К тому же прилично разбирающийся в законодательстве. И ему было, в сущности, плевать на приехавшего к нему упыря с милицейским удостоверением.

А дом Шевченко, судя по списку похищенных вещей, был «полной чашей».

Завершали картину, раз за разом тревожа воспаленное воображение Гончарова, который до исступления ненавидел придуманный им же образ «сытого кота», модная в то время крупная золотая цепь на шее Шевченко и массивный перстень на пальце.

Возможно, именно тогда Гончаров принял решение его «отпустить».

А еще — проверить бойцовские качества бандитской «пехоты».

И тогда, уже через неделю, под видом службы безопасности банка «Украина» Мельников сотоварищи пришли к предпринимателю требовать деньги.

Требовать, разумеется, наличными, и прямо сейчас.

Просчитывал ли Гончаров тот вариант, что «сытый кот Шевченко» отдавать свои кровные не захочет, даже если «банкиры» придут к нему домой?

Без сомнений, да.

На этот случай он и придумал план о захвате в заложники жены предпринимателя.

И пока бандиты вели с потерпевшим последний в его жизни разговор, Гончаров, в предвкушении того, как он набросит Шевченко удавку на шею, тер накрахмаленным заботливой супругой носовым платком капающую ему на измятый пиджак, брызжущую изо рта слюну его «упыриного удовольствия».

Но в этот раз ему не довелось обильно покрыться потом от собственного мандража при созерцании последних минут жизни жертвы.

Сердце жены Шевченко не выдержало хлороформа, которым ее пытались усыпить бандиты, чтобы подавить сопротивление.

А затем убивший ее Мельников сбился с ног, пока через всю улицу бежал за новым приказом к ожидавшим его недалеко в машине Гончарову и Михайленко.

Главарь протянул ему пистолет со словами:
«Убей».

Шевченко, закованный в наручники по-милицейски, за руку к батарее, ожидал своей участи.

Что чувствовал он в свои последние минуты?

О чем думал пятидесятилетний мужчина, труп жены которого лежал в соседней комнате?

Понимал ли, что теперь у него нет никаких шансов?

На эти вопросы не ответит ни одно в мире следствие.

Ему нужны только доказывающие вину подследственного неоспоримые факты.

А они таковы:

Мельников не медлил.

Он хладнокровно выстрелил Шевченко в голову.

После чего с теплого еще тела сорвал цепь, а с пальца — раздражавший Гончарова символ достатка: золотой перстень.

После этого бандиты, чтобы инсценировать разбой, вывезли из дома всю бытовую и электронную технику.

Затем,

В начинающейся сразу же за селом лесопосадке их трофеи были предусмотрительно перегружены в машину оперуполномоченного УБОП УВД Киевской области Михайленко.

Ну а потом, примерно через неделю, Гончаров щедро «вознаградил» подельников.

Каждому дал по сто долларов.

Через пять лет после убийства музыкальный центр семьи Шевченко при обыске нами был изъят у бабушки Мельни-

кова. Старушка как могла защищала тогда уже сидевшего в следственном изоляторе любимого внука, щедро осыпая нас проклятиями.

Музыкальный центр стал одним из немногих обнаруженных вещественных доказательств в деле.

А еще в 1996-м в суматохе Мельников не стер в доме Шевченко свои отпечатки пальцев.

Это очень долго злило все просчитывающего наперед Гончарова.

Кстати, о Михайленко.

Еще до того, как эпизод об убийстве в селе Счастливое был реанимирован, осенью 2002 года я установил страну и адрес, где он благополучно отлеживался все это время.

Опять помогло мое правило «делать все глаза в глаза».

Лгущая следствию жена Михайленко, утверждающая, что он во Франции, лично меня не удивила.

«Искренность» брошенной супруги на меня не производила никакого впечатления. И я поставил ее домашний телефон на контроль.

Читая сводку переговоров, в один из осенних теплых дней 2002 года я узнал о том, что Михайленко все-таки перезвонил своей благоверной.

Да и куда бы он делся — ведь совсем недавно стал молодым отцом.

В сводке было четырнадцать цифр, которые коллеги из службы технического обеспечения определили как телефонный номер.

К тому времени я уже набил на этом руку, и данный набор цифр сразу показался мне странным.

А дальше я прослушал запись со звенящим от радости голосом своего бывшего соседа по кабинету и по совместительству бандита.

Цифры в реальности оказались ничем иным, как номером счета, по которому Михайленко перевел жене пятьсот долларов.

Он тихо-тихо сказал только одно слово: «вестерн».

На второй день я уже был с запросом в компании «Вестерн Юнион».

А примерно через неделю — изучал данные и адрес отправителя перевода.

Отправителем, вернее, отправительницей оказалась женщина со словацкой фамилией.

А вот страна, откуда пришел перевод, была, конечно же, не Францией.

Это были Соединенные Штаты Америки.

У меня в руках был американский адрес, по меньшей мере, близкой связи скрывавшегося Михайленко.

Но на 2002 год он так и не понадобился.

Увы, но Михайленко ни в одном из на тот момент известных эпизодов похищений и убийств обвинен не был.

Да и у Олега Гарника полного пакета доказательств для присоединения эпизода двойного убийства в селе Счастливое так и не набралось.

Арестованные бандиты, хорошо понимая, что лишнее им не нужно, показаний в отношении Михайленко не давали.

Теперь же обстоятельства изменились.

У Мациевского были все основания для объявления Михайленко в розыск.

Что он со скрипом, но все-таки сделал.

Перспектива новых эпизодов, «свежей крови» от Михайленко начала будоражить мое воображение.

А то, что они есть, ни я, ни Хамула, до своего последнего в его милицейской карьере звания полковника милиции в отставке, никогда не сомневались.

Именно тогда,

Раз за разом пролистывая у себя в голове периодичность наших «свиданий» с Гончаровым и внося их в хронологическую таблицу, я обнаружил, что осень 1997 года в схеме как бы проваливается.

Ее словно не существует.

Но ведь я точно знаю, что она, осень, была.

Оставшись в моей памяти пасмурным, низким небом с пронизывающим до костей холодным ветром. Подкрепленная голодной беспросветной безнадеей на той моей милицейской работе, где коллеги неспешно перекладывали на столе какие-то бумаги.

На первый взгляд, все было логично.

Загнанный в управление охраны, я Гончарову был тогда пока не интересен.

Он оставил меня на потом.

Но могло ли его «потом» хоть как-то касаться банды?

И тогда,

К тому времени достаточно хорошо изучив «почерк» Гончарова, я решил просмотреть милицейские сводки лета-осени 1997 года.

После сводки августа 1997-го, где похищенные, а затем убитые Аврамчук и Жураковский были записаны как без вести пропавшие, ничего не привлекло моего внимания.

Бытовухи, ушедшие и вернувшиеся старики и дети, бандитские разборки.

Все было как всегда.

Пока мне на глаза не попало сообщение о смерти заместителя начальника третьего отдела столичного управления Уголовного розыска Александра Равиновича.

Осенью 1997 года его обнаружили повешенным в туалете собственной квартиры.

Смерть Равиновича потом еще долго будоражила столичных оперов, особенно когда по привычке они раскладывали по событиям последние дни его жизни. Ставя во главу угла тот объявленный всем и вся, сразу же ставший официальной версией факт, что за день до смерти у Саши с его непосредственным руководителем, генералом Опанасенко, произошел конфликт. Причем, суть которого никто так и не озвучил.

Сразу же после нелюбезного разговора с Опанасенко Равинович сдал табельное оружие.

Окончательной точкой, как часто бывает в таких случаях, стали его непростые отношения с женой.

С Равиновичем меня познакомил мой наставник Иван Косенко.

Так случилось, что из-за моего сравнительно нежного возраста наше общение с Сашей, который считался подающим надежды опером и дневал и ночевал на работе, заключалось в рукопожатиях при встрече.

Прочитав короткие строчки милицейской сводки, я уже был готов перевернуть еще одну страницу оперативного журнала.

И вот именно тогда воспоминания снова вернули меня в осень, только уже другую.

В осень 1996 года, в которой в моей милицейской биографии был районный отдел УБОП на улице Старовокзальной.

Тогда в здании главка я столкнулся все с тем же Косенко.

У всех на слуху в то время были обстоятельства уже известной истории проведенного Гончаровым незаконного обыска в ноябре 1996 года. Подброшенные наркотики и, разумеется, вымогательство денег.

Иван Митрофанович был хорошо информирован о случившемся.

Он-то и рассказал мне, что наша внутренняя безопасность с отделом по борьбе с организованной преступностью Уголов-

ного розыска главка даже готовили задержание Гончарова на передаче денег.

Об этом ему рассказал Равинович, сидевший тогда в засаде.

Помня о наших дружеских отношениях с Косенко, он вначале даже предположил, что в обыске вместе с Гончаровым участвовал я. Называя нас с Гончаровым одной бандой.

Но старший следователь Гайдай тогда прикрыл Гончарова постановлением о производстве обыска, и для банды все закончилось ничем.

Разве что потерей Гончаровым самообладания из-за ничем не прикрытой ненависти к Равиновичу, что вызывала «морзянку» в его руках и делала его всегда бледно-желтое лицо багрово-красным.

Биографии Гончарова и Равиновича переплелись удивительным образом.

Они оба были выходцами из Печерского уголовного розыска, где «школой молодого бойца» для них стала гостиница «Русь» с валютными проститутками, сутенерами, бригадирами и регулярно предлагающими свою дружбу операми из комитета государственной безопасности.

Только вот закончили они ее с разными оценками.

В истории со смертью Саши Равиновича, которую сразу же записали в суицид, тогда меня смутило практически все.

Его конфликт с генералом Опанасенко.

Как причина.

А ведь генерал считал Равиновича своим учеником. Он брал его при выезде на все резонансные преступления. И хотя Опанасенко, по слухам, так и не пришел к нему на похороны,

Все равно,

Как повод для самоубийства какой-то там конфликт выглядит откровенной чушью.

Ведь Равиновичу не было еще и тридцати пяти.

Да и к постоянному крику разнообразных милицейских руководителей у него за время работы должен был давно выработаться стойкий оперской иммунитет.

Конфликт же в семье вовсе отпадал.

Ведь Саша давно уже был не малохольный мальчик.

И несмотря ни на что, как и все молодые опера, он старался не пропустить мимо ни одной юбки.

Я вновь и вновь перечитывал милицейскую сводку с оперской фамилией в неприличном, не укладывающемся в моей голове для нее месте,

И меня никак не покидало ощущение того, что тут что-то не так.

Ведь кто-кто, а он, Саша, за время работы должен был посмотретья на висельников¹. И, по логике вещей, как опер и как милицейский офицер, при всех без исключения обстоятельствах для самоубийства нет, не должен, а просто обязан был выбрать табельный пистолет.

Но ведь он его, по слухам сдал?

Даже существовало этому его поступку то самое, официальное объяснение.

Была пятница, вечером намечалась оперская пьянка. Да и за последний год опера из главка потеряли «по трезвому делу» аж два пистолета.

С другой стороны,

Гончаров со своей бандой в 1996-м засветился дважды.

В первый раз – когда он и Михайленко были главными подозреваемыми по тому самому двойному убийству семьи Шевченко летом в селе Счастливом. А во второй – осенью, во время «неудавшегося» обыска.

А ведь был еще и третий раз:

Пропавшая из «вотчины» Гончарова все той же осенью 1996 года из-под универмага «Украина» валютчица Ларионова, она же Валя-красавица.

А был еще попавший во все сводки угнанный из-под милицейского общежития у водителя, участника милицейской банды Кисилевича, затем сожженный и чудесным образом найденный самим Гончаровым автомобиль его убововского отдела.

И если учесть обстоятельства похищения Аврамчука и Жураковского, когда не помнящие по прошествии пяти лет лиц похитителей его свидетели весной 2002 года описывали мне подробности их «милицейского» задержания,

¹ При повешении происходит довольно продолжительная агония. Дальше разжимаются сфинктеры заднего прохода и мочеиспускательного канала. Все, что было в кишечнике, вытекает, и человек в буквальном смысле оказывается весь в дерьме. Под трупом – лужа. Сильные гематомы (синяки, трупные пятна) по всему телу, особенно на ногах, куда оттекает кровь. Часто ломается шейный позвонок. Вываливается язык, который распухает и синеет, и запихнуть его обратно практически невозможно.

То,

Зная общую «нелюбовь» друг к другу заместителя начальника третьего отдела уголовного розыска Киевского главка Александра Равиновича и заместителя начальника двадцать первого отдела городского УБОП, а впоследствии старшего опера УБОП Киевской области Гончарова,

Кто помешал бы Равиновичу сложить вместе все эти вышеперечисленные факты, не привлекая особого внимания?

А с другой стороны, чем грозила Гончарову такая вот его инициатива?

И каковы были бы тогда «перспективы» его вместе с бандой?

С такими вот мыслями я вызвал на разговор бывшего опера третьего отдела столичного главка, который тогда, в 1997-м, работал с Сашей.

После того как мой бывший коллега узнал, о чем пойдет разговор, пропавшая радость от нашей встречи, что в самом начале даже казалась насыщенной привкусом энтузиазма, не вернулась и после двухсот граммов коньяка «на лицо».

И только ударивший ему в голову алкоголь, что, как мне кажется, в самом начале его создателем был придуман как достойный противовес любви с первого взгляда,

Ставший затем, со временем, ее, стремительной любви, примитивной заменой,

Еще совсем недавно предоставляющей перспективу из букета побочных эффектов, и от этого продолжительное пребывание на различных «трип-дачах»,

А теперь и вовсе записанной в веские причины крупной жирной точки в скоропостижном окончании мирских утех в районе кладбища,

В нашем с ним конкретном случае,

Начавший свой параллельный, рядом с быстрой любовью, путь в качестве снятия стресса и установления невозможного, на трезвую голову, давно забытого чувства доверия,

Нет, не выдал,

А скорее, выплеснул на меня несколько любопытных обстоятельств.

Ну, во-первых, пистолет Равинович не сдал, а запер перед оперской пьянкой в своем сейфе.

Во-вторых, хотя с ним Опанасенко и поговорил на повышенных тонах, но это в их отношениях, как, впрочем, и в руководящем стиле генерала, было обычной практикой.

Ну, а в-третьих, сразу после смерти Саши случилась исключительно милицейская история.

Какая?

Несложно было догадаться, что руководители всех рангов Киевского главка, ни на минуту не забывая, в какой системе они служат и что может случиться с карьерой каждого из них после такого вот чрезвычайного происшествия с резонансом на всю страну,

Не только не забыли, но еще и задумались исключительно о своих филиальных местах.

И кого в таких случаях интересуют какие-то там обстоятельства какой-то там смерти?

А еще я услышал, пожалуй, самое интересное.

Разлетевшуюся после смерти Равиновича версию, что он был не просто наркоманом,

А сидел на кокаине.

Причем, появилась она благодаря оперу, сотрудничавшему со службой безопасности Украины.

Ну вот как тут еще раз не вспомнить о незабвенном Гончарове?

И хотя эта версия, как, впрочем, и все другие, имеет право на существование,

Но чтобы опер в 1997 году, не работающий в отделе по борьбе с наркотиками, был наркоманом?

Да еще кокаиновым?

Как по мне, так для опера из Уголовного розыска слишком нереальное, в материальном плане, «увлечение».

А потом коньяк во второй бутылке закончился.

Но ни меня, ни моего давнишнего коллегу так и не привели в состояние алкогольного аффекта, так и не дали забыться, не спасли ни «стременная», ни «на посошок», ни «на коня».

Пожав друг другу руки, мы угрюмо разбрелись в разные стороны, чтобы утром вернуться — ему к своим подопечным, пока еще не посаженным ворами, ну, а мне — к сидящим в следственном изоляторе бандитам, к которым у меня теперь были новые вопросы.

Сотрудничавший со следствием Нестеров ничего, кроме разве ненависти Гончарова к Равиновичу, не вспомнил.

Разговор же с Гайдаем, Мельниковым, Кисилевичем и Лысенко был чем-то сродни беседе со слепыми и глухими.

Сейчас в Интернете об Александре Равиновиче есть только одно упоминание.

О его самоубийстве.

Причем, через призму его работы с Опанасенко и дружбы с бывшим многолетним начальником Киевского главка Виталием Яремой, что тогда работал на должности руководителя столичного Уголовного розыска.

И если не брать всерьез их содержание, что смахивает на откровенный бред, то вот, пожалуй, и все, что осталось от талантливое сыщика, который в перспективе мог занять достойное место в руководстве Киевского уголовного розыска.

И так и остался в его летописи единственным за всю историю опером-висельником.

Глава 7

*Можно вывезти девушку из деревни,
Но невозможно вывести деревню из девушки.*
Афоризм. Автор неизвестен

А потом настал май 2005 года.

Именно тогда произошло событие, которое на уровне своего подсознания хочет пережить каждый, кто посвятил себя милицейской службе. И я буду лукавить, если не признаюсь, что «этот день мы приближали, как могли»¹.

Острые оперские языки, что со знанием дела разделили, а потом еще и обозвали этапы раскрытия любого резонансного преступления в милиции вначале паникой,

Затем неразберихой,

Потом награждением непричастных,

И, в заключение,

Наказанием невиновных.

Так вот, в случае с событиями вокруг ликвидации банды Гончарова острословы не позволили себе, не захотели быть ну хотя бы чуть-чуть приблизительными или хоть сколько-нибудь неточными.

Той весной 2005 года,

Когда, согласно устоявшейся давней милицейской традиции, сразу после ухода с горизонта фигуры Хамулы, что так по-настоящему и не испытал выстраданной собственным хребтом своей «минуты славы»,

Моментально подменившие его те самые непричастные,

Но от этого не менее желающие обозначить себя, нашлись молниеносно.

А еще в тот без ложного пафоса «исторический момент» никогда не меняющаяся принципиальная позиция Хамулы:

«Сами предложат и сами все дадут»²,

¹ Из песни «День Победы». Муз. Д.Тухманова, сл. В.Харитоновна.

² «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» М. Булгаков, «Мастер и Маргарита».

В которой он пребывал даже тогда, в далеком и, пожалуй, самом удачном для его милицейской карьеры 2002 году,

Когда руководил столичным УБОП и имел все возможности организовать для оперативной группы, ликвидировавшей банду Гончарова, настоящий звездопад,

Не просто так и осталась непоколебимой –

Вначале она досталась мне по наследству,

А потом и вовсе меня заразила.

И если Хамула из-за своего крутого нрава принципиально не хотел никого просить,

То после его ухода,

К своему внутреннему состоянию неловкости при вынужденном выходе из-за его спины на «первый план» я прибавил незнакомую мне ранее его манеру оперского пижонства.

Пока один из нас ждал, что его когда-нибудь обязательно заметит Родина, второй пижонил и при этом еще испытывал исключительно свое внутреннее неудобство,

Наши вчерашние энергичные коллеги себя моральными муками не терзали.

Правильно оценив обстановку и бодро оттеснив нас, колеблющихся, они уверенным строем двинулись за «пряниками».

От почивших с высокой служебной пенсией «патриотов чести милицейского мундира» под предводительством бывшего министра Локоня* тогда остались недалекие, но уже только воспоминания.

На смену слепоте и глухоте коллег из Центрального аппарата МВД, упорно не замечавших и не придававших никакого значения всему происходящему вокруг банды Гончарова,

Вместе с новым министром внутренних дел Юрием Луценко пришло «чудо прозрения».

Но, чтобы оно случилось, нужно было еще упорно, почти до блеска натереть лежавшую в глубоком милицейском колодце, ту самую «лампу Аладдина».

Смирившись с мыслью, что кадры МВД инициативой себя не напрягут в принципе, еще в середине апреля 2005 года Каккьян* и Какмяков* обратили свои пытливые взоры на Генеральную прокуратуру.

Как ни странно, тогда результат себя не заставил ждать привычно долго.

Заказное письмо с настоятельной просьбой начальника следственного управления Генеральной прокуратуры Украины к министру внутренних дел отметить оперов, ликвидировавших милицейскую банду на государственном уровне, полетело искать своего адресата.

Помимо его проворных инициаторов, в список соискателей попали Хамула с Прикладовским.

Была в нем и моя фамилия.

А еще в список кандидатов был внесен тогдашний начальник ГУБОП Украины Сергей Корнич.

Озвученная Какьяном* и Какмяковым* причина такого вот расширенного круга претендентов подкреплялась ими тем привычным аргументом, что еще совсем недавно выстраивал в один ряд с райотделовскими операми, раскрывшими преступление по горячим следам,

Получивших сообщение о совершенном преступлении по дежурному телефону оперативных дежурных таких же дежурных участковых. И всегда нужных и полезных дежурных водителей:

«Для более плавного и быстрого прохождения всех милицейских инстанций».

Долго ли уговаривали своего нового шефа, тогда еще полковника милиции Корнича?

Уговаривали ли они его вообще?

А самое главное, что и как, с того момента даже и не подозревавшего о своем, особом месте в их «подвиге», они ему говорили?

Все эти подробности, как и многое, затем произошедшее, так и останется для всех любопытных скрытым за лаконичной фразой:

«Все покрыто мраком».

А вот случившиеся далее, оставшиеся лежать на поверхности события в своей неумолимой последовательности развивались именно таким, победным образом.

По начальствующим кабинетам «проходимое письмо» бултыхалось месяца полтора.

А затем настал тот самый день 23 мая 2005 года.

День, когда Президент Украины Ющенко подписал Указ № 835/2005 о награждении всех заявленных участников группы.

С момента объявления независимости Украинского государства доведенный государственнымными мужами процесс присвоения государственных наград до абсурда в ту всегда каштановую киевскую весну стал национальным культом.

Ему было даже придумано меткое название «цяцькування». Ордена раздавались направо и налево, просто так, «шоб було». Наличия хотя бы каких-то реальных заслуг у «отмеченных» страной было не обязательным.

Какая-то часть наград даже «упала» на широкую грудь служакам из МВД, единственным «подвигом» которых была безвозвратная утрата большого количества штанов в чиновничьих министерских кабинетах, порог которых десятилетиями не переступала нога преступника.

Подготовленная все теми же моими любимыми работниками кадров МВД формулировка, ставшая причиной для награждения не только оперативной группы, но и вовремя к ней примкнувших, звучала несколько странно.

Всех нас, причем, не только тех, а еще и других, награждали:

«За существенный личный вклад в борьбу с преступностью, образцовое выполнение служебных обязанностей и высокий профессионализм, проявленный во время расследования особо сложных уголовных дел».

Но больше всего поразила даже не сама награда.

А ее статус.

Получалось, что, знакомясь с подготовленным представлением, Президент,

Если у него, конечно, нашлось время,

Подписывая первый за свой президентский срок Указ о награждении милиционеров, даже не обратил внимания на то, что ликвидированной особо опасной банде следственным путем было доказано похищение и убийство одиннадцати человек.

Что ее изобличение стало самым резонансным преступлением 2002 года, поделившим всю историю Украины на «до» и «после», внеся в разговорную речь ее граждан совсем иное значение слова «оборотни».

А еще — что отмеченные им сотрудники Управления по борьбе с организованной преступностью были им награждены медалью «За безупречную службу» 3-й степени.

В положении о присвоении этой «высокой награды» говорится, что ею отмечаются работники органов внутренних дел, что безупречно, долго, а самое главное, без опозданий и выговоров по службе ходили на работу.

Но это была далеко еще не вершина форменного издеательства над милицейскими кадрами.

Находящегося тогда на пенсии полковника Сергея Хамулу они представили к гражданской медали «За труд и за доблесть».

Что опять произошло на властном олимпе?

Почему все получилось не просто как всегда, а еще и приобрело душок какого-то откровенного цинизма?

А самое главное,
Зачем нас всех,
Тех, кто тогда был награжден,
Ну, это ладно,

А еще всех задействованных в наградном процессе, тех, кто тогда занимал первые должности в управлении государством, было выставять полными мудаками?

Все эти вопросы снова попадут в длинный список так и не получивших вразумительного ответа.

Хотя, конечно же, можно,
А может быть, даже и должно, а еще нужно,

Списать все на молодого министра с его ушлыми аппаратными подчиненными, которые всегда были мстительными суками и не забыли про свою «порку» в виде неполного служебного несоответствия сразу же после ареста милицейского состава банды;

На фатальную для их отдельных коллег, заставившую их часто и обильно посещать традиционно плохо отремонтированный министерский сортир с устойчивым запахом хлорки и вечно текущими кранами,

Операцию «чистые руки».

Что усилила эффект от неприятно журчащей и всегда ледяной туалетной воды в первый раз совсем не радующим душу аппаратного работника ценным подарком в виде рыболовной удочки, ставшим неожиданным дополнением к их фатальному милицейскому пенсионному удостоверению;

На регулярно, а самое главное, громко сомневавшегося в их сексуальной ориентации и никак не скрывавшего этого Сергея Хамулу,

Которого все те же чиновники от МВД, используя старый, как их затхлый мирок, фокус с изменением штатного расписания вначале лишили должности, а затем и вовсе в его отсутствие выбросили из его кабинета на улице Багговутовской личные вещи. В очередной, бессчетный раз вызвав у Хамулы меткие, ставшие для них давно привычными характеристики подтверждения отсутствия хотя бы каких-нибудь качеств, хотя бы издалека напоминающих мужские.

И даже тогда не успокоиться,

Не позволяя себе продолжительные перекуры и крепкий сон,

С помощью знакомого им чувства особого, слабо маскируемого, удовольствия.

Извлечь из ящика своего рабочего стола ставшие их вторым «я», десятилетиями проверенные уловки и продолжать выталкивать его из милиции.

Чтобы в один прекрасный день взять и наконец победить.

А тогда неожиданно получить свой другой шанс для «высшего пилотажа» и вовремя подsunутой на подпись бумажкой еще раз макнуть Хамулу в дерьмо.

Хотя, какая теперь, в принципе, разница, что в действительности тогда произошло, и «...как там пили, и как еб*и»¹?

Важно, что произошло дальше.

А дальше в здании столичного Управления внутренних дел на улице Владимирской, 15 было торжественное совещание.

А еще – фуршет,

Где совсем недавно вступивший в должность и все еще заметно волнующийся новый министр внутренних дел Юрий Луценко говорил тост. И пил с несколько минут назад им от имени страны награжденными из солдатского котелка, на дне которого мокли в водке только что врученные им же странные награды.

Затем каждый из счастливых в парадной форме с аксельбантами, доставшейся милиции от тогда уже два месяца как покойного экс-министра Юрия Кравченко, придав своему лицу выражение решительности и ореол мужественности, дефилировал между видеокамерами и журналистами,

Утопая в оставшихся сладостно тянущихся секундах известности.

На фуршете я по стечению обстоятельств оказался у огромного стола рядом с министром.

Нас разделял только мой однокашник по школе милиции, новоиспеченный начальник столичного УВД, пока еще не генерал Виталий Ярема, который летом 2003-го, после своего унижительного изгнания с должности начальника столичного УБОП все-таки нашел в себе силы не послать всех по традиционному в таких случаях направлению.

¹ Непристойные стишки о переписке царя Петра и Александра Меншикова о создании Российского флота. Автор неизвестен.

Легкое напряжение от присутствия прессы и начальников не снимала даже водка в жару.

Еще не прошла эйфория от недавней «Оранжевой революции», и все присутствующие, как мне показалось, всерьез грезили о грядущих переменах в новой украинской милиции.

Все они говорили, говорили, говорили.

И даже не исключено, что кто-то предавался воспоминаниям.

Таким разным, в тот наш торжественный день.

Вспоминал ли Виталий Ярема события шестилетней давности, связанные с похищением и убийством целителя Омельченко? Помнил ли болевой шок от ударов резиновой милицеейской палкой во время своего пребывания в оппозиции полковой командир победившей революции Юрий Луценко?

Только эти, наверное, совсем неуместные вопросы о давно прошедшем и на следующий день всеми благополучно забытом странном торжестве теперь лишь и остались в моих о нем воспоминаниях.

А тогда,

Атмосфера фуршета клонила то к отметке «официальное торжество», то — к «теплый семейный званый обед», где каждый из присутствующих был на своем, привычном для него месте.

И от этого наступала если не идиллия, то, как минимум, временное братство, когда участники праздника, отмеченные, хоть и неказисто, тогда еще «народным» Президентом —

«Молодой» министр внутренних дел, различные милицеейские столичные начальники, приглашенные журналисты —

Все они трогательно дополняли друг друга.

И только одна фигура тогда выделялась из общей массы.

Все больше и больше приходя в состояние «растроганности», что наступает после теплой водки, я не мог удержаться, чтобы с неприкрытым интересом, совершенно бесцеремонно не рассматривать ее в паузах между тостами.

Ведь только облаченный в форму старшего офицера милиции Корнич, а еще гудящая автомобильным потоком за окном, утопающая в весне улица Владимирская к происходящему тогда в здании столичного УВД не имели никакого отношения.

А затем мне удалось спокойно пообщаться с Хамулой.

После его ухода на пенсию мы не виделись, наверное, больше полугода.

Сергей Владимирович изо всех сил держался молодцом.

Хотя его жесты, обрывки фраз, потухшие от непривычно долгого лежания на диване глаза и даже привычно пижонский, новый костюм с отливом — все выдавало только одно, старательно скрываемое им и от этого еще более заметное желание:

Снова попасть в свой прокурорский оперской кабинет на Московской площади¹.

¹ См. приложение, стр. 695-698.

Глава 8

*Я не могу не обратить внимания на то, что
Многие из лиц, посвятивших себя полицейской
Службе, ради достижения успеха в обнаружении
Преступлений, при преследовании и поимке
Различного рода злоумышленников готовы
Жертвовать не только здоровьем,
Но иногда и жизнью.*

Из циркуляра министра внутренних дел
Российской империи
Л.С.Макова (№ 69, от 19 июня 1879 г.)

А затем настало время моего очередного, дежурного дежавю. Это когда «тяжелые будни» новой следственно-оперативной группы по ликвидации заявленной на всю страну милицейской банды под номером два себя долго ждать не заставили.

Моя линия работы уже привычно заключалась в проверке эпизодов, о которых давал показания Нестеров.

Помимо убийства семьи Шевченко, доложив о раскрытии которого, мои резвые коллеги снова устали и прекратили ходить на работу, у меня были показания Нестерова еще о двух совершенных бандой Гончарова преступлениях, над установлением которых мне пришлось попотеть.

Почему мне?

Да потому, что Игорь Прикладовский в который уж раз на моей памяти отдался своей по-настоящему любимой работе.

Только «задница», которую он теперь возил, стала прокурорской.

Именно тогда, после многих лет, проведенных с Игорем Анатольевичем в одном экипаже, в одном кабинете, в одном емком словосочетании «плечом к плечу»,

Я вдруг, к своему удивлению, понял, что всегда хотел от него невозможного.

Ведь он никогда не был и никогда не будет настоящим цепким опером.

Но совсем не потому, что не хочет.

Бог дал ему другой, очень редкий по теперешним временам талант.

Игорь был гениальным организатором, а еще — фантастическим завхозом.

Благодаря таким, как он, выросли ДнепрогЭС и Магнитка. Без задержек состыковывались железнодорожные ветки Байкало-Амурской магистрали. До сих пор нам на голову не падают космические корабли. И почти всегда, куда нужно, плывут па-роходы.

Только исключительно из-за личных заслуг людей его скла-да, профессионалов своего дела, не мелькающих на первом плане настоящих трудяг, идет вперед, хотя и прихрамывая на обе ноги, наука.

В конце концов, им, и только им мы обязаны изобретением второго, запасного парашюта, бронежилета, контрацептивов и автомобильного ручного тормоза.

Когда усталые седовласые герои после своих пламенных речей и громких призывов сходят с броневигов, балконов и три-бун, именно в руках «собратьев» Игоря Прикладовского они находят такой нужный в этот момент стакан с холодной водой.

И именно их барельефы, а не все эти узнаваемые профили их шефов и патронов нужно выискивать на гранитных стенах, что держат на себе суровые чугунные бюсты всем известных вождей, военных и политических деятелей.

Ведь без их зачастую совсем незаметного, на первый взгляд, участия даже этот подставочный, сверкающий в лучах утрен-него солнца гранит мог получить неутешительную для него перспективу стать обшарпанной плиткой на городском желез-нодорожном вокзале или, чего хуже, в общественном отхожем месте.

И очень жаль, что имена этих по-настоящему незаменимых, а от этого еще более великих людей по причине, опять же, их врожденной скромности растворились в вечности.

Ведь нужно признать, что именно они, и только они делают жизнь прущих, несмотря ни на что, в тот самый, зачем-то не-обходимый им пролом, значительно легче.

В начале двухтысячного Спаситель усадил нас с Игорем в один оперской экипаж.

Затем милицейские будни бросали его во всякие крайности.

Да, возможно, со стороны все выглядело несколько непри-глядно.

Но, в принципе, он все это время только и хотел где-то на подсознательном уровне, что реализоваться в своем настоящем, его призвании.

И я уверен.

Нет, я теперь точно знаю,

Что в какой-нибудь другой, не милицейской жизни, он мог достичь значительно большего, чем должности опера.

Первые несколько месяцев работы новой следственно-оперативной группы можно вновь смело назвать тем самым оперским счастьем. Но затем мое нечаянное счастье начало притягивать такие знакомые, и, наверно, даже уже привычные грозовые облака.

С одной стороны, теперь уже ничто не мешало Какьяну* и Какмякову* дальше проводить собственную пиар-кампанию. В которой, по их новой версии, в момент «личной ликвидации ими раскрытой банды Гончарова» рядом никто не просто не стоял, а даже не лежал. И не пробегал. И не проползал на постоянно хмуром, предвещающем им различные беды и страдания, сером и зловещем милицейском горизонте.

С другой стороны, начала крепнуть «новая дружба» Игоря Прикладовского с Мациевским.

И вполне закономерно, что в группе возник синдром «пауков в банке».

Я же, по своей старой привычке, не обращал на все происходящее никакого внимания.

Меня тогда занимал поиск уже официально объявленного в розыск участника милицейской банды Михайленко.

И тут нужно было снова напрячься.

Ведь от моих тогдашних коллег, по понятным причинам отсутствия у них свободного времени, никаких новых оперативных действий добиться было уже невозможно.

Следующие четыре месяца моего упорного нависания над Мациевским закончились не только получением им со скрипом решения суда об открытии тайны вкладов в компании «Вестерн Юнион», но и подведением черты под нашими, когда-то относительно добрыми отношениями.

А то, что меня в «Вестерн Юнион» совершенно не ждали, догадаться было вовсе несложно.

А еще к такому знакомому каждому оперу положению «не ждали» прибавилось тупое нежелание выдать мне информацию о денежных переводах находящегося в розыске Михайленко.

Меня даже хотели обмануть, ссылаясь на невозможность получения необходимой информации.

И тогда, размахивая перед носом главы компании и призванного им на помощь юриста увесистым Уголовным кодексом, я показал им их же ответ трехгодичной давности.

А затем,

Еще долго предлагал несколько сконфуженным моими действиями господам долгую и бескорыстную «дружбу». В том самом нашем с ними общем деле борьбы с международной организованной преступностью.

Выдавленный «силой убеждения» ответ подтверждал мою уверенность не только в том, что разыскиваемый Михайленко находится в США.

Теперь я точно знал его домашний адрес.

А дальше началась эпопея с американским посольством.

Дрожащий от страха Мациевский все-таки «родил» несколько положенных, нужных для следствия запросов.

Из быстро полученного посольского ответа следовало, что объявленный в розыск Леонид Михайленко находится на территории США нелегально.

Все остальное для нас было делом техники.

Хотя до момента появления Михайленко на исторической Родине мне опять пришлось небезосновательно поволноваться.

В самом начале я обратился к сотруднику посольства Соединенных Штатов и по совместительству коллеге из ФБР с на первый взгляд невинной просьбой.

Я просил всего-навсего проверить на территории его любимой и защищаемой им страны «адресок» проживания нелегально уехавшего туда, разыскиваемого за убийство бывшего оперативного работника УБОП.

Если сказать, что после моей просьбы он занервничал, значит ничего не сказать.

Но его напряжение продолжалось ровно до тех пор, пока я не объяснил ему,

Причем, объяснил несколько раз,

Как мне удалось этот адрес добыть.

И тогда после явного напряжения последовал его продолжительный выдох, после которого коллега попросил у меня процессуальные документы.

Процедура экстрадиции Михайленко заняла почти полгода. Все это время Генеральная прокуратура волей, а в основном, неволей не только расследовала эпизод с убийством семьи Шевченко, но еще и осилила два менее тяжких, что были брошены Олегом Гарником за ненадобностью, с почти истекшими сроками давности.

В полку оказавшихся в следственном изоляторе бандитов тоже прибыло.

Был арестован соучастник убийства семьи Шевченко Александр Онушко.

И тогда по уже «наработанной годами», отточенной до известного мастерства привычке Какьян* с Какмяковым* энергично вышли на первый план.

Их доклад о только ими проделанной тяжелой работе не должен был, да и не заставил себя долго ждать.

Хотя из-за желания сделать «это» как можно быстрее они запамятовали, что место прописки и место жительства, как говорят в Одессе, — «две большие разницы».

Когда мы с Игорем Прикладовским после их единственной за всю историю ликвидации милицейской банды оперативной отработки фигуранта пришли с обыском по месту жительства Онушко, то выяснилось, что ими установленный злодей живет у жены, в соседнем доме.

Нам только и оставалось, что полистать школьные тетрадки преступника и побеседовать с его мамой и бабушкой.

Кстати, после увиденного в 96-м в селе Счастливое, Онушко не только завязал с бандитской романтикой, но даже прекратил принимать наркотики.

Раскаяние затаившегося на много лет коварного злодея было сравнительно быстрым и вполне искренним.

Это позволило прокурорской машине снова заработать в полную силу.

А мне — вновь обнаружить закономерности в преступном почерке милицейской банды.

И хотя именно в этом, ставшем классическим для банды эпизоде Гончаров снова повторил свою безотказную схему, не отдав следствию оперативные материалы, что вначале складировались в оперативное дело «Преступление»,

Но он тогда так и не добрался до собранных во время оперативной отработки версий убийства материалов, из которых, кстати, следовало, что, к чести работников Уголовного розыска Киевской области, парни не только не позволили реализовать

домашнюю заготовку Гончарова с последующим исчезновением нарытых ими материалов до конца,

Но и что они были на правильном пути.

Целый том огромного дела был наполнен материалами проверки тогда еще работников УБОП Михайленко и Гончарова.

Проверки как вероятных убийц семьи Шевченко.

С эпизодом двойного убийства в селе Счастливым все складывалось хотя и медленно, но более чем сносно.

Круг участвовавших в нем бандитов был очерчен в признательных показаниях Нестерова, и вот-вот в деле должен был появиться еще один подозреваемый.

Казалось бы, живи и радуйся.

Только вот настроение старшего следователя нашей оперативной группы с номером два, несмотря на наличие у него таких вот следственных перспектив, портилось с завидным постоянством, делая обстановку в следственно-оперативной группе все более и более откровенно нервной.

Развязка была не за горами.

Она приближалась нарастающей летящей лавиной.

И долго не заставила себя ждать.

Когда, стабильные в своем продолжительном отдыхе и никому не мешающие Какьян* с Какмяковым* просчитывали варианты того, как бы еще раз и в каком приказе о поощрении отметить свой подвиг.

Мациевский с Прикладовским занимались наполнением уголовного дела.

Я же все еще греб, копаясь в известных и расследованных эпизодах, пытаюсь их просчитать, посмотреть на них с разных, как правило, неожиданных сторон и, как следствие, найти логичное объяснение.

А еще,

Мне ну очень хотелось установить новые, еще не известные эпизоды.

Ведь тогда, в первый раз за всю свою милицейскую карьеру, я занимался одним-единственным делом. Работал в составе одной-единственной следственно-оперативной группы.

И на другую работу меня не отвлекали.

Вот тогда-то у меня и появилось достаточно времени, чтобы еще раз, теперь уже спокойно, проанализировать эпизоды убийств, совершенных бандой Гончарова.

А если быть до конца точным, то еще раз попытаться разобраться в их мотиве.

В самом начале, на первый взгляд, все было достаточно просто.

Да, во всех эпизодах банды, вне всякого сомнения, присутствовала корысть.

Банальная патологическая жадность срубить денег любым путем.

Это был их главный мотив.

Их импульс к преступному действию.

Была и еще одна, хотя и скрытая, но все-таки достаточно хорошо просчитываемая причина:

Животное удовольствие от вседозволенности и власти над похищенными заложниками.

Правда, она ярко присутствовала только у явно нездорового Гончарова.

Но тогда из логической, подкрепленной мотивацией бандитов цепочки выпадало убийство Тутченко.

Которое, как ни крути, не вписывалась ни в какие рамки.

На первый взгляд, его можно было списать на банальную месть.

И это было бы также логично.

Но Гончаров, даже при всех своих маниакальных наклонностях, никогда не поставил бы эмоции выше корысти.

Так неужели в этот раз он изменил самому себе?

И именно этот вопрос мне не давал покоя.

Для следователя, у которого знакомство с подозреваемым начинается с момента его задержания, версия о мести Гончарова была вполне мотивированной.

Но я его знал, хотя и отрывками, лично, и к тому же сравнительно долго.

А сомнения, как известно, заставляют опера тратить уйму времени, чтобы ответить, прежде всего, самому себе на вопрос о степени той или иной виновности.

В эпизоде с убийством Тутченко меня терзали именно такие сомнения.

О деле «водителей Плюща» первым напомнил в своих «письмах» Гончаров.

И сейчас версия о том, что это и было его настоящее, довольно конкретное предупреждение о своем возможном раскаянии перед его, этого дела, заказчиками, мне не кажется такой уж нереальной.

Понимание же того, что двух здоровых мужиков на государственной службе можно скорее перехитрить, чем заставить против воли что-то там выпить,

А еще версия о причастности милицейской банды к их убийству, тем более что сам Гончаров на ней настаивал, тоже имела право быть.

Оставшись в кабинете с Мациевским один на один, я почти шепотом поделился своими сомнениями о никак не укладывающемся в стиль милицейской банды эпизоде с Тутченко,

О разыгравшемся у Гончарова «синдроме Отелло»,

А затем озвучил совершенно новую, неожиданную для него версию убийства учителя музыки. В которой я изменил мотив с мести на проверку действия яда.

Когда же я сделал допущение о том, что после смерти Тутченко, в мае 2001 года, возможно, яд был применен бандитами в эпизоде так называемых «водителей Плюща», что произошел в октябре того же года, то «особо важный следователь» откровенно сник.

«...Список команды Мыколы Мельниченко будет неполным, если не упомянуть еще об одном человеке. Это — ныне покойный старший прапорщик УГО Павел Потеряйко. На протяжении 1999 года он неоднократно приводил майора Мельниченко к одному известному и влиятельному политику. В то время Потеряйко работал телохранителем кандидата в Президенты Евгения Марчука. После президентских выборов и назначения Марчука секретарем СНБОУ Потеряйко перешел на работу в охрану спикера украинского парламента Ивана Плюща. Погиб Потеряйко при загадочных обстоятельствах в ночь на 22 октября 2001 года. Его тело было обнаружено под утро на Левом берегу Днепра, вблизи Гидропарка (по другим данным — в парковой зоне около улицы Попудренко). Рядом с Потеряйко находился в бессознательном состоянии личный водитель Плюща Скляр, который скончался несколько позже. Официальная экспертиза установила, что «смерть обоих мужчин наступила вследствие коронарной недостаточности и ишемической болезни сердца». Фактически же ни у кого не вызывает сомнений, что Потеряйко и Скляр были отравлены. На этой мрачной ноте завершается рассказ о команде Мыколы Мельниченко».

Интернет-сайт: «Украинская правда», Семен Шевчук, для УП. Пятница, 01 июля 2005 г., 14:01.

Хотя Мациевский никогда не был «отчаянным бойцом», он все-таки истребовал копию акта судебно-медицинской экспертизы по факту смерти старшего прапорщика государственной охраны Павла Потеряйко и водителя гаража Верховного Совета Украины Александра Склера.

Его внимательное, надеюсь, изучение присланного заключения вылились для моей версии в совсем неутешительный, просто разгромный вывод.

Яды были разные.

Мне только и осталось, что поделиться ею, такой несостоятельной и от этого не состоявшейся, с Какьяном* и Какмяковым*.

А затем с ней же, обросшей бредовыми предположениями и усиленной космической глупостью, ознакомиться в прессе в разделе свежих сенсаций.

Направив очередное печатное творение о предполагаемых злодеяниях милицейской банды в привычном для них после прочтения направлении —

Это я о нижнем ящике своего рабочего стола,

Я даже не мог предположить, что эта моя «ядовитая инициатива» будет иметь продолжение.

А она, инициатива,

Как-то по-книжному неожиданно, вдруг подтвердила рядом идущую с ней народную мудрость о ее наказуемости. Когда выставила мне неожиданный счет в виде заявления Мациевского о том, что меня, по его мнению, ничего не делающего, нужно из его следственно-оперативной группы вывести.

Но этот почти ленинский «великий почин»¹ старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры Украины с фамилией Мациевский так и не был оценен по достоинству.

И хотя такой вот его ход и не отличался особой оригинальностью, без всякого сомнения, он вполне может претендовать на присущее исключительно правоохранительной системе известное изящество.

То самое, по милицейским меркам, давным-давно заведенное мною оперативное дело «Снегири» уже почти год покрывалось пылью в редко открываемом служебном сейфе Какмякова*.

¹ «Великий почин» — статья В.Ленина от 28 июня 1919 года о героизме работников тыла на коммунистических субботниках.

Сам же факт возвращения в столичный УБОП с позором изгнанного из оперативной группы аж Генеральной прокуратуры и от этого моментально ставшего блудным опера,

Был бы,

А скорее, попадал в плоскость только одной, не нуждающейся в ответе, похожей на вопрос и брошенной в никуда фразы:

«Товарищ, вы кто? И по какому вопросу?»

И вот как, а самое главное, что мне нужно было на это ответить?

С другой стороны,

Единственным поплавком, что тогда все еще держал меня в его оперативной группе, была перспектива возможной экстрადисциплины Михайленко.

Но из-за целого ряда формальностей с американской стороны она откладывалась на неопределенное время.

В очередной, уже ставший дежурным раз я оказался в роли прыгающего с горной вершины парашютиста. Пожалуй, с одним существенным отличием:

Он, расставивший в стороны руки и кричащий от переизбытка эмоций, твердо уверен, что перед самой землей у него раскроется парашют.

А меня,

Когда земля уже находилась совсем близко, буквально за секунду до действия, которое можно было впоследствии уверенно назвать комическим плюханьем на асфальт, ожидал не поддающийся никаким прогнозам поворот моей траектории.

После прихода «оранжевой волны» чудом усидевший на должности начальник разведывательного управления ГУБОП, будучи неплохим стратегом,

Ведь место его рождения, город Одесса, его таки к этому обязывало,

Узрев меня на общей фотографии во время нашего награждения в тактической близости от начальника ГУБОП, тогда уже генерала Корнича,

Сделал соответствующие, вполне логичные и, увы, в моем, всегда особом случае не соответствующие действительности выводы.

И загорелся желанием заполнить моей кандидатурой свободную должность одного из своих заместителей.

Спаситель вновь «потрепал меня за щечку».

И с присущим только ему юмором позволил мне не только ходить по длинным губоповским коридорам с похожими, как братья-близнецы, дверями,

Но и занять один из кабинетов, чей безмятежный покой они обычно блюдут.

Ну, а одессит,

Как и заведено там у них, в Одессе,

Хотя и приготовил ружье сразу для двух зайцев, в конце концов удовольствовался только одним, самым жирным.

С моим появлением на должности он избавил от всех шансов рвущегося в руководители представителя Донецкого региона, с которым у него давно «...не было любви».

Я же тогда — нет, не забыл, а просто нарушил старое оперское правило о том, что «неважно, где работать, а важно, с кем», и на его заманчивое предложение согласился.

А нужно было прислушаться к мудрости давно ушедших в вечность милицейских старожил.

Хотя...

В конце концов, что бы в органах ни делалось, все равно ближе к «красной дате» выслуги лет.

После моего поспешного ухода в следственно-оперативной группе больше ничего оперативного не происходило.

С дальнейшей разработкой банды Гончарова общими усилиями ее разработчиков было покончено.

Разве что все еще не законченной оставалась экстрадиция Михайленко из Соединенных Штатов.

Я снова и снова встречался с представителями ФБР, передавая им соответствующие документы и беспардонно толкая Мациевского в спину.

А случившаяся как нельзя кстати командировка генерала Корнича в США совсем упростила нам процедуру опознания живущего в стране под чужим документом Михайленко.

Корнич был знаком с ним лично и без труда узнал его по сделанным коллегами из ФБР фотографиям.

Дальше можно было полагаться на технику.

ФБРовцы все еще продолжали выполнять положенные в таких случаях формальности.

А сам Михайленко в это время уже готовился к поездке на далекую и, очень надеюсь, любимую Родину. О неожиданной встрече с которой, по законам жанра, он узнал в последний момент.

Глава 9

*Ты можешь ходить, как запущенный сад,
А можешь все наголо сбрить.*

И то, и другое я видел не раз.

Кого ты хотел удивить?

Из песни группы «Машина времени».

Сл. А. Макаревича, муз. А. Кутикова

Известие о том, что Михайленко не только задержан, но и в скором времени будет выдворен с территории США, застало меня на фазе окончательного втягивания в свой новый рабочий ритм и привыкания к большому рабочему кабинету.

Моя новая должность не позволяла мне ни дальше участвовать в следственных мероприятиях, ни, тем более, поддерживать отношения с представителями ФБР.

И ради «продолжения процесса», который, как я все еще тогда надеялся, «должен идти», я передал все документы группе «уставших и поэтому почетных отдыхающих» в составе Какьяна* и Какмякова*.

Игорь Прикладовский был занят на выполнении необходимых следственных формальностей по делу. И его кандидатура для последующей работы с Михайленко мною не рассматривалась.

Когда педантичные коллеги из ФБР заблаговременно сообщили время доставки беглеца,

Только совсем недавно покинувшее меня и от этого даже немного подзабытое чувство бесполезности сделанной работы не заставило себя долго ждать.

Ведь вся эта заблаговременность нужна тому, кто хочет, а не тому, кто все забыл.

«Материальное подтверждение» вернувшейся тревоги долго мучить меня своим ожиданием не захотело.

Только в день прилета Михайленко «красавцы» обозначили себя на работе.

Предусмотрительно отказавшись от привычных джинсов и облачившись в импозантные костюмы,

Заблаговременно организовав себе эскорт из группы ставших за столько лет кропотливой работы над популяризацией своего, личного подвига, уже таких знакомых, причем знакомых лично, журналистов,

Они тогда томились в ставших уже давно обыденными «рабочих буднях» ожидания славы,

Утомленно наблюдая за медленно рулившим по взлетной полосе к приготовленному для него трапу аэробусом,

Что тогда примчал из-за океана Михайленко в компании с агентами ФБР в аэропорт «Борисполь»,

Для привычного последующего с ней, славой, соития во вспышках фотоаппаратов и включенных телекамер.

Сама же передача Михайленко Генеральной прокуратуре Украины прошла в стандартной, «теплой» обстановке.

Появление прибывшего уже традиционно не обошлось без «горячих объятий» работников «Сокола».

И вот здесь, конечно же, нужно было бы напрячься.

Не поспать пару ночей.

Включить схему перекрестных допросов.

Процедуру «кнута и пряника».

И, в конечном итоге, «сломать» безвольного, трусливого и давно уже американского участника банды, получив от него не только признательные показания по известным эпизодам, но и такое желаемое, как впоследствии выяснилось, только мной, его раскаяние в новых, совершенных бандой Гончарова похищениях и убийствах.

Но случилось то, что случилось.

После передачи Михайленко украинской стороне возник главный вопрос.

Кто из оставшихся участников оперативной группы все еще способен на выполнение рутинной оперской работы, возведенное прессой в «подвиг»?

Следователь Мациевский, давно превратившийся в стенографистку и забывший, как получать показания не после «плотной работы» оперов, а в ходе многочасовых, рутинных допросов?

Мой бывший напарник Прикладовский, никогда даже не представлявший себе, что такое упорный оперской труд?

Какьян* и Какмяков*, которые если и знали когда-то еще в теории и только совсем немного на практике, как это делать, то давно уже забыли, что они сыщики, превратив себя в «модный бренд от МВД»?

Можно было, конечно, привлечь к «мероприятию» Хамулу, попросив его «тряхнуть стариной».

Но Сергей Владимирович был занят на своей новой работе, не связанной с органами внутренних дел.

Результат оказался прогнозируемым.

Вышедший из состояния шока от первого соприкосновения с трепетно ожидавшими его правоохранительными органами Михайленко впоследствии даже так и не покаялся в своем участии в убийстве семьи Шевченко летом 1996 года.

На немногочисленные и несмелые попытки его разговорить он, откровенно издеваясь, без устали строчил заявления в прокуратуру о том, что работники ГУБОП угрожают ему убийством.

И таким образом окончательно отбил у группы «медиазвезд», пребывающих на оперативных должностях, какую-либо охоту продолжать.

А дальше случилась история, которая не насмешила даже меня, смешливого.

В начале 2005 года Какьян* с Какмяковым* превзошли самих себя,

Взяв,

Да и наградив друг друга по представлению, подписанному начальником ГУБОП МВД Украины, тогда уже генерал-лейтенантом милиции Корничем, редкой для МВД медалью:

«За содействие с правоохранительными органами иностранных государств».

Но не сам факт награждения, это на здоровье, меня поразил.

А формулировка, что объясняла их новый «подвиг»:

«За установление местонахождения на территории США и участие в процедуре экстрадиции находящегося в международном розыске обвиняемого в соучастии в двойном убийстве Михайленко».

Вот именно тогда,
В мае 2005 года,

Стало ясно, что на дальнейшей оперативной разработке милицейской банды можно было ставить жирный крест.

А еще нужно было сознаться, теперь уже самому себе, что последний год топтания следственной группы Генеральной прокуратуры был ничем иным, как дикарским танцем вокруг костра. Но не с целью вызвать хоть каких-нибудь духов для удачной охоты, а, скорее, с желанием выпросить для себя, любимого, ну хоть чего-нибудь с неба.

Причем, каждый из имитирующих движения сильных и голодных воинов, якобы готовых для тяжелого похода за крупной и опасной дичью, на самом деле давно и плотно пообедал. И только и хотел, что опять прорваться за уже треснувший от изобилия стол за пока еще не принесенным десертом.

Мои же уговоры сделать хоть что-нибудь для розыска все еще скрывавшегося от следствия Вознюка таковыми и остались.

Никого из тогда «награжденных» они традиционно не заинтересовали.

Вот тогда-то ко мне вновь вернулось мое привычное состояние — нет, не хандры, а скорее, очередной переоценки ценностей.

Когда, помимо констатации своих личных, как правило, неутешительных итогов задаешь самому себе еще со школьных времен ставший, пожалуй, моим главным «предохранителем» вопрос:

А кто они на самом деле?

Все эти, сейчас окружающие меня и носящие в кармане оперское удостоверение люди?

С мая 2002 года, с начала конца банды Гончарова, прошло уже почти три года.

Куда подевался, да и был ли вообще их бойцовский дух,

Что так выгодно отличал «бандитский отдел» от всех иных УБОПовских оперативных подразделений?

Что могло случиться за три года с операми, которым неинтересно дальше разматывать клубок преступлений, совершенных бандой Гончарова?

Неужели все, что они делали тогда, в 2002-м, — это тупо выполняли полученные указания и команды?

Да и то лишь потому, что у них всегда была возможность, если что, спрятаться за широкую спину своего начальника?

Получается, теперь, вместе с ушедшей на пенсию «спиной», в ту же сторону ушла и их профессия?

А значит, рядом со мной тогда была группа приспособленцев, а еще трусов...

В конце концов, можно придумать миллион причин для своего бездействия:

Коррупцированная правоохранительная система, наличие законных и внебрачных детей, даже цвет лака на ногах у своей новой подруги.

Но как можно отказаться от необходимого каждому мужчине состояния разумного риска?

В случае с тогдашним моим окружением, что только числилось на оперативных должностях Управления по борьбе с организованной преступностью, пушки не просто молчали – они были заменены на шутовские бубны.

Именно тогда, в этих самых «мыслях и думах» мне пришел в голову важный ответ, почему Господь выбрал именно нас с Хамулой.

Для него не было никакого секрета в том, что в нашем с Сергеем Владимировичем случае присутствовала – нет, не острая необходимость в торжестве закона.

И я, и он – мы уже не первый год работали в милиции и давно были взрослыми мальчиками.

В каждом из нас присутствовал тот самый кураж.

Правда, тот же Спаситель его поделил между нами далеко не поровну,

Дав каждому ровно столько, сколько нужно в этой нашей с ним, ставшей на какое то время общей, оперской жизни.

Чтобы успеть,

А самое главное, суметь отыграть свой рок-н-ролл по полной,

Прежде чем придет зрелость, а с ней – практичность, прагматизм и нудная рассудительность.

В ноябре 2006 года сравнительно быстро расследованное дело убийства семьи Шевченко в селе Счастлиное Киевской области было передано в суд.

Оставшееся на «слезы» в очередной раз выделенное дело по обвинению объявленного в розыск Вознюка и, разумеется, установлению так и не установленных других участников банды Гончарова, согласно давней традиции, было отправлено в городскую прокуратуру.

Глава 10

Звездные войны: Эпизод III – Месть ситхов / Star Wars: Episode III – Revenge of the Sith

Продолжение

Вода в песок

Пролог

Пролог № 2

Писать любое продолжение – дело ответственное.

И действительно,

А вдруг не получится?

Или получится, но невпопад?

А может, чего хуже, получится так, как у авторов художественного фильма «Возвращение мушкетеров, или Сокровища кардинала Мазарини», умудрившихся ровно за пять первых киноминут разделаться со всеми до одного мною любимыми благородными мушкетерами, что все еще беззаботно жили на обломках моей памяти рядом с воспоминаниями о детстве¹.

¹ Фильм открывается финальными сценами романа «Десять лет спустя». В борьбе с королевскими гвардейцами погибают Арамис с Портосом. Атос умирает у себя в имении от разрыва сердца, почувствовав смерть друзей. Д'Артаньян, командующий королевскими войсками в войне с Голландией, наконец-то становится маршалом Франции, как ему и предрекал Атос при Ла-Рошели. Но, едва получив заветный жезл, он погибает, сраженный пушечным ядром. Доселе непобедимые и неразлучные друзья оказались повержены, но остались неразлучны и в смерти, погибнув все в один день. Реж.: Г. Юнгвальд-Хилькевич (2007 г.).

Я ревел белугой¹ у телевизионного экрана.

И вдруг, как-то неожиданно для самого себя, я отчетливо понял.

Теперь есть только одна, все еще оставшаяся в моем сознании невидимая нить, связывающая меня в воображении с детским восторгом от висящего над головой звездного неба и летящими по нему во все стороны света звездолетами. Управляемыми, кстати, пока еще здравствующими, ведь они, опять же, из моего детства, героями-астронавтами.

И только она, эта нить, каким-то чудом так и осталась нетронутой.

Нетронутой не только пролетевшими годами и моей неоднозначной основной профессией,

Но и не растоптанной и не оскверненной этими беспринципными мудаками-киносценаристами.

Именно эта, оставшаяся, моя последняя нить-надежда,

Что все еще продолжает быть тем последним, таким зыбким звеном между мной и моим детством,

И что не позволяет мне превратиться в вышедшего в тираж, брюзжащего старпера,

Снова заставляет отложить меня в сторону потрепанный журнал «Здоровье»,

Оторваться от такого во всех отношениях удобного, чуть-чуть, в самом нужном месте, продавленного дивана,

Чтобы по-молодецки,

С самого первого раза,

Сунуть ноги в томящиеся, выстроенные в линейку тапки с дарящими во все стороны улыбки поросятами,

А затем, не очень быстро кружась и вальсируя,

Резво и как когда-то —

Да-да, молниеносно,

Проскакать на одной ноге к письменному столу.

И вновь предаться мечтам все в том же стиле фэнтези о новых злоключениях звездолета, что называется «Украина».

¹ «Реветь белугой» — испускать громкие и печальные стоны.

Звездные войны: Эпизод III – Мечь ситхов / Star Wars: Episode III – Revenge of the Sith

Продолжение

Вода в песок

*Если человек думает, что в историческом
Движении общества имеют место случайности,
То он полный идиот.*

Марк Туллий Цицерон

Полномасштабные боевые действия в нашей «звездной войне»,

В войне, к тому времени бессмысленной и беспощадной¹, начались 21 июля 2009 года.

Это была дата прибытия в Украину с официальным визитом вице-президента США Джо Байдена.

И именно в этот день довольно долгое перемирие, что с горем пополам продержалось в стране с ноября 2002 года и ненадолго прерывалось разве что на приграничные боевые столкновения то по причине акции «Украина без Кучмы», а то в виде глобальной «Оранжевой революции»,

Было безвозвратно нарушено.

21 июля 2009 года милицейский генерал Алексей Пукач, к тому времени прочно и навсегда ставший главным обвиняе-

¹ «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка». А. С. Пушкин, «Капитанская дочка».

мым в убийстве журналиста Георгия Гонгадзе, был задержан сотрудниками СБУ в селе Молочки, что на Житомирщине.

Пукача безрезультатно искали с 2005 по 2009 годы.

Говорили, что он скрывается в Израиле.

Но все оказалось намного банальнее.

Он благополучно, как минимум, последний год проживал вместе со своей сожительницей с фамилией Загорулько в селе Молочки, где на ее имя был приобретен дом.

До ближайшего отделения милиции было пятнадцать километров.

Загорулько представила всем генерала как Петра, отставного моряка дальнего плавания, родственника ее мужа.

При задержании Пукача, несмотря на то, что он шесть лет находился в официальном розыске, в его кармане нашлось генеральское удостоверение.

На вопрос же работника СБУ, который вел видеосъемку во время задержания:

«Какое отношение вы имеете к делу Гонгадзе?»

Пукач после секундной паузы с готовностью ответил:

«Непосредственное».

Это знаковое «звездное событие» случилось за полгода до новых президентских выборов.

Пребывающий тогда у государственного руля, когда-то мегапопулярный Президент Ющенко, пришедший к власти, в том числе, благодаря раскрученному скандалу вокруг исчезновения журналиста Георгия Гонгадзе, в рейтинге популярности занимал аж шестое место.

Но прежде чем вновь окончательно окунуться с головой в произошедшее тогда и продолжить историю о таком вот достаточно неожиданном продолжении «звездной войны»,

Давайте удовлетворим свое любопытство,

И ознакомимся с той доказательной базой, что позволила заочно сделать Пукача убийцей и объявить его в розыск.

Чтобы затем упорно много-много лет его разыскивать,

И, наконец,

Все-таки благополучно задержать.

А для этого,
Давайте почитаем протокол допроса его бывшего подчиненного, а теперь подельника.

Причем, подельника не только по уголовному делу о похищении журналиста Гонгадзе, но и о его убийстве,

Бывшего полковника милиции Валерия Костенко, который к моменту ареста Пукача уже отбывал двенадцатилетнее наказание.

Протокол допроса обвиняемого

Киев, 5 марта 2005 г.

Допрос проведен в офисе Генеральной Прокуратуры Украины в каб. №416.

Допрос начат в 15.30.

Допрос завершен в 19.15

Замначальника следственного отдела по особо важным делам Генеральной Прокуратуры Украины Грищенко Ю.О. в присутствии замначальника Главного следственного управления Шубина Р.И. и следователя по особо важным делам Генеральной Прокуратуры Украины Ткачука А.С., в присутствии адвоката Григоренко Юрия Васильевича, в соответствии со Ст. 143-145 Уголовно-процессуального Кодекса Украины был допрошен обвиняемый:

Костенко Валерий Николаевич.

24.08.1974, г. Киев.

Гражданин Украины.

Украинец.

Образование среднее специальное, выпускник Киевского техникума радиозлектроники, студент 5-го курса Академии Внутренних дел Украины, холост.

Место работы – начальник отдела Департамента разведки МВД Украины, полковник милиции, осужден не был.

В соответствии со ст. 143-145 Уголовно-процессуального Кодекса Украины обвиняемому Костенко В.М. было разъяснено, что после его ознакомления с мотивами обвинения и его правами в ходе предварительного расследования (Ст.132,142 УПК Украины) следователь должен допросить обвиняемого незамедлительно или не позднее, чем через день после предъявления ему обвинений, спросить обвиняемого, считает ли он себя виновным согласно предъявленным обвинениям (полностью, частично или невиновным), что ему разрешено изложить утверждения собственноручно и на его родном языке. По окончании допроса следователь представляет протокол обвиняемому для прочтения. По просьбе обвиняемого протокол может быть прочитан следователем, что будет от-

мечено в протоколе. Достоверность изложенных утверждений, вопросов и ответов на них будет подтверждена подписью обвиняемого, следователя и присутствовавших при допросе истца, переводчика, специалиста, адвоката или других персон, засвидетельствованных в протоколе.

Перед началом допроса обвиняемый Костенко В.М. был ознакомлен с требованиями Ст. 63 Конституции Украины о том, что лицо не несет ответственности за отказ давать показания или объяснения в отношении себя, членов семьи или близких родственников, круг которых определяется законом.

Обвиняемый пожелал давать показания по предъявленным обвинениям на украинском языке.

После ознакомления с решением обвинительного заключения обвиняемый Костенко В.М. заявил:

«Суть обвинений мне ясна. Я всецело признаю себя виновным по обвинению, изложенному в заключении, датированном 5 марта 2005 г., в совершении преступления, изложенного в пункте «i» Ст. 93 УПК Украины (дат. 1960).

Я могу дать следующие показания по сути обвинения, изложенного в заключении, датированном 5 марта 2005 г., в совершении преступления, изложенного в пункте «i» Ст. 93 УПК Украины (дат. 1960).

15 сентября 2000 г. около 14.00 я пришел в офис. В офисе находились работники, которые сказали, что нужно «пойти на работу» к некоему Жорику. Из их разговора я понял, что деятельность Жорика связана с деятельностью интернет-фирмы. Приказ пойти на работу был дан мне Загоруйко, а он получил его от Бернака, который являлся действующим замначальника департамента. Я не помню, с кем я пошел на дежурство. Вместе с моим напарником я проследовал на ул. Мельникова в Киеве. Фамилия водителя автомобиля была Цетковский. На ул. Мельникова я вышел из машины, чтобы не привлекать внимания. Когда я проходил мимо посольства США, позади меня остановился автомобиль Пукача А.П. Когда «HyundaiSonata» остановилась, Пукач А.П. приказал мне сесть в его машину. Я сел в машину, Пукач А.П. сказал мне находиться в машине, чтобы я мог предоставлять Пукачу А.П. информацию обо всех движениях, которые я могу услышать по радио.

Мы остановились, Пукач А.П. сказал, что необходимо задержать Гонгадзе и доставить его в МВД для беседы. Этот разговор слышали Попович и Протасов, которые находились в машине. Разговор происходил на ул. Владимирской, когда мы были на пути к офису Гонгадзе. Было уже темно. Я точно не помню маршрут,

но по пути мы проезжали бульвар Леси Украинки, где Гонгадзе был по какому-то адресу. Согласно плану Пукача А.П., мы должны были подать машину для Гонгадзе под видом такси. План был изложен мне Пукачем А.П. во время остановки на бульваре Леси Украинки. Насколько я помню, с вышеизложенным планом были ознакомлены Попович и Протасов.

Машина остановилась на бульваре почти напротив 16-этажного дома возле остановки. Все упомянутые лица были в машине. Пукач А.П. сказал, что когда Гонгадзе выйдет на бульвар, все должны выйти из машины, кроме Поповича, который должен привести Гонгадзе к машине под видом того, что это такси, а затем все мы должны сесть в машину — Пукач А.П. впереди, а мы сзади.

Я вышел из машины и пошел позвонить из телефона-автомата. Я видел, что Г. Гонгадзе прошел мимо, остановил машину и уехал. Когда я вернулся к машине Пукача А.П., он был зол и сказал, что мы не были готовы к работе, и приказал каждому идти в офис. Это была моя ошибка, потому что я услышал по радио, что цель движется, но не понял этого и не сказал об этом Пукачу А.П., и поэтому Гонгадзе сел в другую машину. Но Пукач А.П. был зол не только из-за меня, но и из-за других — Бернака и остальных. В тот день мы больше не работали. Пукач А.П. дал всем распоряжение выйти на работу 16.09.2000 г. в том же составе.

16.09.2000 г. я пришел в офис около 9.00. Пукач А.П. собрал всех офицеров в офисе Сидоренко, который отсутствовал. Это были: Пигол, Петрук, Иванов, Церковский, Назарчук, Дмитренко, всего 15 человек. Пукач А.П. разделил нас по парам. Он приказал не вести наблюдение, а контролировать места возможного появления объекта.

Местами возможного появления объекта были: офис на ул. Владимирской, дом А. Притулы на бульваре Леси Украинки, место проживания Гонгадзе — на ул. Красноармейской.

Я был в паре с Ивановым, мы были без машины, нас высадили возле дома А. Притулы на бульваре Леси Украинки.

Было где-то около 11-12 часов. Мы не контролировали дом, но находились поблизости. По радио не поступало никаких приказов. Когда стемнело, я услышал по радио, что офицеры проследовали за Гонгадзе и Притулой к дому. Возможно, я ошибаюсь, но думаю, что еще один человек был с ними, насколько я расслышал, это был кузен Гонгадзе.

В то же время Пукач А.П. подъехал на своей машине «Hyundai Sonata». Машина останавливалась на том же месте, что и

15.09.2000 г. чуть выше от дома на бульваре Леси Украинки. В машине были Пукач А.П., Протасов и Попович в качестве водителя. Пукач А.П. вышел из машины, после чего я подошел к нему и сел с ними в машину. Пукач А.П. сказал, что мы должны следовать тому же плану, что и 15.09.2000 г.

Радио было только у меня. Из радио было понятно, что цель вошла в дом.

Спустя некоторое время Гонгадзе вышел из дома и начал идти по улице вдоль дома, где расположен магазин «Дом подарков».

Услышав по радио, что Гонгадзе вышел из дома, я вместе с Пукачем и Протасовым вышел из машины. Вместе мы подошли к углу дома №5 по бульвару Леси Украинки, где начали ждать Гонгадзе.

Попович, после того, как мы вышли из машины, заблокировал задние дверцы машины таким образом, чтобы их можно было открыть только снаружи, типа как предохраняющие механизмы, которые называются детскими предохраняющими замками. Впоследствии задние двери были открыты для нас с Пукачем А.П.

На мне был надет черный жакет из синтетической ткани, темные брюки и темные туфли. На Протасове был длинный темный плащ, по-моему, кожаный, темные брюки, и еще у него был темный кейс. Пукач А.П. был одет в темный костюм и рубашку с расстегнутым воротником.

Машина, которую вел Попович, остановилась возле Гонгадзе, после чего Гонгадзе имел короткий разговор с Поповичем возле открытой двери. Гонгадзе хотел сесть спереди, но Попович сделал знак, показывающий, что переднее сиденье сломано, и Гонгадзе сел сзади.

Сразу после того, как Гонгадзе занял заднее место, все трое из нас, согласно предыдущему соглашению, изложенному Пукачем А.П., также сели в машину, которая все еще стояла. Пукач А.П. занял переднее место, Протасов сидел позади слева, а я справа. Машина тронулась. Гонгадзе молчал, но по его виду было заметно, что он волнуется. Затем Протасов и я схватили Гонгадзе за руки каждый со своей стороны и завели их ему за спину. Я держал правую руку Георгия, почему и нащупал кольцо на одном из его пальцев.

Мы держали руки Гонгадзе потому, что Пукач А.П. сказал нам перед этим, что Гонгадзе нужно задержать и доставить в МВД. После наших действий Гонгадзе стал выражать гнев, говоря: «Что вы делаете?», после чего Пукач А.П. взял резиновую дубинку из-под своего сиденья, повернулся назад и ударил Гонгадзе по спине. Гонгадзе сказал: «Мужики, не бейте меня!». Пукач

сказал ему, что он не должен претендовать быть украинцем и спросил, почему он оплачивал визиты в американское посольство. На вопрос Пукача А.П. об американском посольстве Гонгадзе ответил, что он посещал своего друга, чтобы занять денег. На ул. Ямской Пукач и Попович вышли из машины и установили на машину другие номера. Я точно не помню, но, по-моему, это были иностранные или транзитные номера. После этого мы поехали дальше. Гонгадзе вел себя достаточно спокойно, и Протасов пытался убедить его сохранять спокойствие. Мы проехали по ул. А.Глушкова, свернули на Одесскую трассу и остановились в 100-150 м позади поста ГАИ. Мы с Протасовым держали руки Гонгадзе, он попросил ослабить давление, что мы и сделали.

Когда машина остановилась, Пукач А.П. вышел. Выйдя из машины, Пукач А.П. сказал мне выйти, но потом приказал остаться в машине. Позади нас остановилась машина из нашего подразделения. Пукач А.П. отсутствовал некоторое время. Я понял, что он приказал им вернуться в офис. По радио было сказано в зашифрованном виде, что цель задержана, это было произнесено Пиголом. Потом воцарилось молчание, потому что задание было выполнено. Пукач А.П. сел в машину и приказал Поповичу ехать, и мы выехали на Одесскую трассу. Не понимая, куда мы едем, все молчали, а Пукач А.П. показывал водителю, куда ехать.

Машина двигалась в направлении Белой Церкви. Неподалеку от Белой Церкви Пукач А.П. приказал развернуться, и мы свернули влево. Мы проехали несколько деревень, где я никогда не был прежде, и остановились возле частного дома. Пукач А.П. вышел из машины и отсутствовал в течение 5 минут, войдя в этот частный дом, потом положил что-то в багажник машины.

После этого мы ехали по дороге через лес. Время было примерно после часа ночи. Пукач А.П. приказал Поповичу остановиться на лужайке. Он и Попович вышли из машины, открыли багажник, взяли что-то и ушли. Они отсутствовали от 10 до 15 минут. После этого Пукач А.П. открыл дверь машины с моей стороны и приказал вывести Гонгадзе. Я вышел из машины и, продолжая удерживать руку Гонгадзе, вытащил его из машины. Пукач А.П. приказал ему лечь на землю. Гонгадзе сказал: «Не делайте ничего со мной, я все расскажу!» Протасов и я положили Гонгадзе на землю лицом вниз. Когда я выводил Гонгадзе из машины и клал его на землю, я нащупал тяжелую цепь на его шее, которая была гладкой на ощупь.

Пукач дал мне длинную капроновую веревку 5 мм толщиной и приказал связать руки и ноги Гонгадзе. Я связал Гонгадзе руки простым узлом, после чего я связал Гонгадзе ноги оставшимся

куском веревки. После этого Пукач, Протасов и я взяли Гонгадзе за руки и за ноги и положили на то место, где стоял Попович. Я точно не помню, как мы несли его, но Пукач А.П. был впереди. Когда мы пришли на место, я увидел выкопанную яму. На дне ямы стоял Попович, который заканчивал копать. Пукач А.П. приказал Поповичу вылезти из ямы, которую он вырыл. В это время Гонгадзе лежал лицом вниз. Пукач А.П. приказал мне обыскать карманы брюк Гонгадзе. В заднем кармане джинсов Гонгадзе я нашел платок белого цвета. Я не могу описать платок в деталях. Еще я нашел связку из 2 или 3 ключей среднего размера, они были сделаны из металла и были соединены вместе в овальном брелоке для ключей, который я не могу описать.

После я дал извлеченные предметы Пукачу А.П. Пукач А.П. взял платок и приказал положить ключи в его карман. Яма была глубиной 1 м 20 см со следующими расширениями: 1,5 X 1,7 X 0,8 или 1 метр. Гонгадзе молчал. Пукач А.П. после того, как взял у меня платок, стал засовывать его в рот Гонгадзе. Гонгадзе стал говорить: «Дядя, за что ты убиваешь меня?». Пукач А.П. молчал, мы тоже, но, по выражению лица, Пукач был очень зол. Внезапно он сказал Поповичу снять ремень с брюк Гонгадзе. Попович снял ремень и дал его Пукачу. Протасов и я стояли рядом. Пукач затянул ремень на шее Гонгадзе через пряжку и стал затягивать его все сильнее. Гонгадзе захрипел. Я понял, что Пукач А.П. собирается убить Гонгадзе, когда он запихивал платок ему в рот и начинал возиться с ремнем. Гонгадзе лежал с отвернутым лицом, а Пукач А.П. продолжал затягивать на его шее ремень двумя руками. Перед тем, как петля на шее Гонгадзе была затянута, Гонгадзе втянул немного воздуха в легкие, после чего Пукач А.П. приказал Поповичу ударить Гонгадзе в брюшную область. Попович своей левой или правой рукой ударил Гонгадзе дважды в живот вверх и вниз. После нанесенных ударов Гонгадзе выпустил воздух из легких, и Пукач А.П. продолжал его душить. В момент смерти Гонгадзе начал двигать своей ногой, что выглядело как предсмертные конвульсии. Пукач А.П. попросил меня поддержать ноги Гонгадзе, после чего я прижал ноги Гонгадзе к земле.

Ремень на шее Гонгадзе продолжал затягиваться Пукачем еще минуту-полторы после того, как он перестал подавать признаки жизни. Пукач А.П. не проверял, жив ли Гонгадзе, он визуальным образом понял, что Гонгадзе мертв.

После этого Пукач А.П. приказал Поповичу принести канистру с бензином. Еще он приказал снять туфли с Гонгадзе. Я не помню, кто снял туфли — я или Попович. Труп Гонгадзе был взят за руки и ноги и брошен в яму. Насколько я помню, труп упал в

яму на левый бок. Пукач А.П. приказал Поповичу облить труп бензином, что тот и сделал. Когда канистра опустела, я понял, что Попович вылил весь бензин. Пукач А.П. поджег спичку и бросил в яму, и вспыхнул огонь. Я не исключаю, что это я дал спички Пукачу. Все мы отошли назад. Видя, что я расстроен, Пукач А.П. сказал: «Валера, если мы не будем делать это с ними, они сделают это с нами... Ты служил в армии, ты должен понимать». Я отошел к машине с Поповичем, а Протасов остался разговаривать с Пукачем в стороне. Попович спросил меня, кем был убитый. Я сказал, что я сам не знаю. В тот момент я не знал фамилию и род занятий убитого. Я считал, что он был политиком и был вовлечен в какую-то политическую борьбу. Еще со слов Пукача А.П. я узнал, что он, то есть Гонгадзе, был американским шпионом. Я положил туфли Гонгадзе в машину, не помню, куда точно. Пукач А.П. не взял ничего из сумки Гонгадзе, но он заметил, что там были темный мобильный телефон и ноутбук. Пукач А.П. приказал оставить упомянутые вещи в машине. Зонтик и пиджак были также оставлены в машине.

Огонь становился лиже, он горел около 15-20 минут. Пукач А.П. приказал мне и Поповичу пойти и засыпать яму. Возле ямы было две лопаты, и мы с Поповичем засыпали яму. Я хочу добавить, что украшения, которые я нащупал на руке и шее Гонгадзе, не были взяты никем, кольцо и цепь оставались на его трупе.

Я сказал Пукачу А.П., что яма наполнилась землей очень быстро и в случае дождя почва просядет. На это Пукач ответил, что он придет и сделает все сам.

Мы сели в машину и уехали. Где-то в поле мы остановились и после этого Попович и я по приказу Пукача вышли из машины, заменили номерные знаки и выбросили их в канаву. Через несколько километров Пукач А.П. опять приказал остановить машину и выбросил вещи Гонгадзе. Из машины там выходили я и Пукач А.П. Пукач А.П. выбросил зонтик, а я выбросил пиджак Гонгадзе.

Позже мы подъехали на машине к озеру возле деревни. Пукач А.П. вымыл свои руки, а я выбросил в озеро ключи. После этого в кафе-баре на Одесской трассе по предложению Пукача А.П. мы пообедали и выпили 0,5 л водки. Пукач А.П. отметил, что в этом кафе хорошо готовят. В момент нашего прибытия в кафе там было достаточно многолюдно, и лица, присутствовавшие в кафе, были жителями деревни, расположенной неподалеку.

После этого мы вернулись в Киев и пошли ко мне домой. Когда я вышел из машины, Пукач А.П. сказал мне, что если кто-нибудь спросит меня, я должен сказать, что Гонгадзе был доставлен в райотдел милиции Василькова».

Вопрос:

«Вы разговаривали после событий 15-17.09.2000 г. с Пукачем А.П., и какова была суть вышеупомянутых разговоров?»

Ответ:

«18.09.2000 г., в понедельник, Пукач А.П. вызвал меня в свой кабинет. В это время он разговаривал с замначальника Киевского горотдела милиции, его другом Опанасенко. Разговор был об исчезновении Г. Гонгадзе. Пукач А.П. говорил ответчику, что Гонгадзе плейбой и что он скоро вернется домой.

После разговора с Опанасенко Пукач А.П. завел меня в угол своего кабинета и сказал мне хранить молчание с этого момента и дальше и добавил, что ничего не случится. В будущем Пукач А.П. еще много раз предупреждал меня хранить молчание и не говорить о событиях 15-17.09.2000 г. Особенно я помню апрель 2003 г., когда Пукач А.П. перед своей деловой поездкой в Одессу опять вызвал меня и сказал: «Не бойся ничего, пока эти люди у власти». Я понял, кого Пукач А.П. имел в виду под людьми у власти — действующего Президента Украины. В последний раз я видел Пукача А.П. в сентябре 2003 г.

21 ноября 2004 г. около 10-11 часов утра Пукач А.П. позвонил мне на мобильный. Его мобильный номер не обозначился. Пукач А.П. спросил меня, проголосовал ли я уже, после чего он попросил сказать моим родителям проголосовать за нужных людей».

Вопрос:

«Что вы чувствовали и как вели себя все это время с момента совершения преступления?»

Ответ:

«17 сентября 2000 г. я хотел обратиться в СБУ и рассказать все о совершенном мною преступлении, но, посмотрев по телевизору новости об исчезновении журналиста Гонгадзе, который был в оппозиции к действующей власти, я понял, что случай не из простых и носит политический характер, и если я предоставлю упомянутую информацию, моя жизнь будет в опасности.

В течение всех этих лет я постоянно страдал от того, что я совершил, и все время испытывал страх. Когда Пукач А.П. был арестован, я понял, что дело будет закрыто. Я волновался, но был уверен, что не буду задержан, потому что у власти те же люди, и Пукач А.П. имел хорошие связи с верхушкой МВД и также государства».

Вопрос:

«Почему в настоящее время вы даете показания? Вы даете их по собственному желанию, в полном объеме и искренне?»

Ответ:

«Я даю показанию по собственной воле, безо всякого морально-го и физического давления. Я рассказал о совершенном преступлении прежде всего потому, что политическая ситуация в стране изменилась, и потому, что я не могу держать в себе то, что совершил вместе с Пукачем, Протасовым и Поповичем».

Вопрос:

«Объясните, каков был основной мотив того, что вы совершили».

Ответ:

«С самого начала до того момента, как мы привезли Гонгадзе в лес, мотивы Пукача А.П. были мне неизвестны. Пукач А.П. был моим шефом, я был под влиянием его приказа и не мог возражать его приказам».

Вопрос:

«Каковы были основные мотивы Пукача и Протасова для совершения вышеуказанного преступления?»

Ответ:

«Я думаю, что Пукач был честным человеком, и, принимая во внимание, что было сделано им, это являлось большим давлением на него со стороны власти. Прежде всего, Пукач был офицером, подчиняющимся министру внутренних дел Украины Кравченко Ю.Ф. Протасов – крестный отец ребенка Пукача. Они имели довольно теплые отношения. Протасов идеализировал Пукача и подчинялся ему безо всяких сомнений. Вот почему, я думаю, Протасов вместе с Пукачем могли совершить вышеуказанное преступление».

Вопрос:

«Известны ли вам какие-либо факты о незаконных действиях офицеров подразделения криминальной разведки МВД Украины по отношению к другим лицам, которые могли находиться под угрозой и физическим насилием?»

Ответ:

«Приблизительно в октябре 2000 г. в кабинете главы подразделения Петрука, в котором присутствовал другой глава подразделения Пигол или глава подразделения Ярило, я услышал разговор перед офицерами криминальной разведки, что было задержано лицо, но были ли замешаны в этом те офицеры, я не знаю. Согласно разговору, задержанный оставался живым, но был задержан офицерами криминальной разведки».

Вопрос адвоката:

«Почему именно вы были четвертым участником в совершенном преступлении?»

Ответ обвиняемого:

«По-моему, это произошло по стечению обстоятельств, потому что 15.09.2000 г., когда я был на своем дежурстве на ул. Мельникова, Пукач А.П. увидел меня и дал приказ сесть в машину, чтобы поддерживать радиосвязь».

Интернет-сайт: 14.03.2006 – 10:48. «Гражданская прокуратура Украины».

А дальше,
Без какой-либо передышки,
Только на одном, пульсирующем в висках, горячем дыхании,
Давайте отследим все последующие за арестом Пукача события.

«...22 июля 2009 года стало известно о том, что совместными усилиями Генеральной прокуратуры Украины и СБУ Пукач был задержан в Житомирской области и доставлен в Киев.

В тот же день следствие сообщило, что Пукач назвал имена заказчиков убийства Гонгадзе, а в начале августа следователями Генпрокуратуры был найден череп журналиста. К тому времени в прессе Пукач назывался уже «бывшим генерал-лейтенантом милиции», но о том, когда именно он был лишен звания, не сообщалось.

Окончательная редакция постановления о привлечении Пукача в качестве обвиняемого была оглашена следствием Генпрокуратуры Украины в сентябре 2010 года. Бывший офицер МВД обвинялся в превышении полномочий и умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах. В том же документе заказчиком убийства Гонгадзе назывался бывший министр Юрий Кравченко: по версии следствия, Пукач совершил это преступление «из личной заинтересованности и карьерных побуждений».

В августе 2011 года стало известно, что во время судебного процесса Пукач частично признал свою вину. Он сознался, что собственноручно убил Гонгадзе, однако отрицал обвинения в том, что слежка за журналистом была незаконной, а также в том, что именно он уничтожил документы внешнего наблюдения в 2003 году.

Пукач объяснял, что совершил убийство, потому что Гонгадзе был агентом ЦРУ и готовил государственный переворот.

В качестве заказчиков убийства Пукач называл второго Президента Украины Леонида Кучму, бывшего главу его администрации, а на тот момент председателя Верховной Рады Владимира

Литвина, бывшего министра внутренних дел Юрия Кравченко и его первого заместителя Николая Джигу».

Интернет-сайт: ООО «Лента.Ру» (1999-2012), Лентапедия, пятница, 06.01.2012 г., 13:47:03. Лицензия Минпечати Эл No ФС77-42043.

Осталось только добавить, что на момент ареста и последующего чистосердечного раскаяния Пукача бывшего министра внутренних дел Юрия Кравченко и его с 1995 по 2000 годы руководителя аппарата, министра внутренних дел Эдуарда Фере не было в живых.

Ну, а теперь вновь мои пенсионерские фантазии.

А в самом начале давайте еще один,

Теперь уже последний раз,

Ответим на уже много раз заданный во время этой «звездной войны» вопрос:

А все-таки, что в действительности произошло

«...ночью с 16 на 17 сентября 2000-го недалеко от дома, в котором находилась квартира А. Притулы?»

Я не буду вновь подробно перечислять все те первые, Удачно или так себе,

Нафантазированные мною выводы о проводимой в нашей «звездной войне» в отношении Георгия Гонгадзе милицейской спецоперации с последующим его незаконным задержанием.

С досмотром купе, в котором 17 сентября 2000 года из страны так своевременно выезжал

«Олег Ельцов – он же «Метла», он же говномет, продажный быдло-журналист».

Интернет-сайт: govnometam.net. 21 Март 2011 г. Название статьи. Автор: Виктор Смухин, журналист.

И даже сейчас не буду вновь делать акценты на тех довольно странных и мне непонятных чистосердечных раскаяниях, что совершили милицейский генерал Пукач и осужденные его бывшие подчиненные.

Сейчас глубина и непредсказуемость моего фэнтези влечет меня все дальше и дальше. И, безраздельно захватив мое вооб-

ражение, ведет меня в сумерки той воистину таинственной и загадочной осенней ночи с 16 на 17 сентября 2000 года.

Где, плескаясь в них, своих фантазиях, я задаю самому себе пока только один вопрос:

«Если тело, обнаруженное в Таращанском лесу, не принадлежит Георгию Гонгадзе, то чье оно?»

И чтобы на него ответить, нужно ответить на, пожалуй, главный и самый резонный вопрос:

«Если смерть Гонгадзе, в принципе, власть имущим не просто была неудобна, а еще и не нужна,

А это утверждение, по-моему, с каждым годом после тех событий выглядит все более правдоподобным,

То тогда что с ним, с Гонгадзе, после его, бесспорно, незаконного задержания произошло в действительности?»

Но прежде давайте отдохнем от дел ратных и совершим очередной экскурс в историю.

В 2009 году автору золотых хитов Украины «Червона рута» и «Водограй» Владимиру Ивасюку, ушедшему из жизни при загадочных обстоятельствах, исполнилось бы 60 лет.

К этой дате журналисты телеканала «Интер» Илларион Павлюк и София Чемерис выпустили документальный фильм:

«Владимир Ивасюк. Идеальное убийство» (2009 год, студия «07 Продакшн»).

Что лично меня заинтересовало в этом достаточно аргументированном и вполне профессиональном, с точки зрения проведенного журналистского расследования, кино,

Так это то, что, просто громя разного рода легенды и домыслы, собравшиеся за столько лет вокруг смерти тридцатилетнего композитора, авторам фильма удалось сделать в принципе немислимое.

«...Авторам документалки удалось как опровергнуть слухи (поговаривали, что на теле погибшего были обнаружены следы пыток), так и поднять многие вопросы, которые не рассматривались в официальном следствии.

«Известно, что Владимир Ивасюк отсутствовал два дня перед своей смертью, — продолжает Илларион Павлюк. — Мы обратили внимание, что на нем была совершенно чистая одежда — это невозможно, если человек вышел из дому два дня назад, разве что он имел возможность ее стирать и чистить. Есть свидетельства, что в день исчезновения в консерватории, где учился

Ивасюк, им интересовались неизвестные люди. Более того, нам удалось разыскать женщину, которая будто бы видела Владимира в Ровно через неделю после предполагаемой даты его смерти. Интрига в том, что она точно описала на допросе (в 1979 году), как он был одет, когда ушел из дому — вплоть до того, какой при нем был портфель».

**Интернет-сайт телеканала «Интер»: 10 февраля 2009, 17:33.
«Смерть В. Ивасюка. Следствие вели документалисты «Интера».**

Женщина с явной западноукраинской внешностью на телеэкране была очень убедительна.

И я не мог и не хотел после всего увиденного и услышанного ей не верить.

В особенности после того, как после жесткой оценки авторами фильма бывшего, советского режима она уверенно повторяла свои показания, которые давала следствию летом 1979 года и которые были следствием тогда проигнорированы.

Я смотрел на телевизионный экран, ни на секунду не сомневаясь в правдивости каждого сказанного ею слова.

А еще,

Я никак не мог избавиться от ощущения, что где-то что-то аналогичное уже слышал, а самое главное, видел.

И когда надежда вспомнить меня совсем оставила, в сознании возникла картинка с такой же яркой представительницей Западной Украины, что точно так же уверенно с телеэкрана говорила о том, что видела Георгия Гонгадзе во Львове через несколько дней после его исчезновения.

Только тогда рядом с телевизором суетился какой-то называвший себя крупным специалистом по психологии среднего возраста мужичок. Который уверенно и даже где-то аргументировано, утверждал, что эта женщина врет.

И вот как после всего восстановленного в моей памяти теперь избавиться от очередного резонного вопроса:

«А если этот крупный специалист под давлением раскрученной тогда истерии хотел ошибиться, и ошибается?»

И все, что говорит этот свидетель, правда?»

Свидетели видели Гонгадзе

«...Джигга представил ситуацию так, что будто бы свидетели видели Гонгадзе после его исчезновения.

Уже 25 сентября он сделал громкое заявление, что Георгия видели в киевском баре «У Эрика», и пообещал сообщить подроб-

ности позже. Это заявление особенно заинтересовало журналистов, потому что бар «У Эрика», который находится в центре столицы и принадлежит энергичному немцу Эрику, — популярное место встреч иностранцев, «новых украинцев» и журналистов.

Продержав информацию в тайне целую неделю, Джига обнаружил ее только 3 октября.

Водитель такси, который парковал автомобиль рядом с баром на перекрестке улиц Большой Васильковской и Толстого, а также работники банка видели Гонгадзе на следующий день после исчезновения.

Водитель говорил, что видел кого-то похожего в сопровождении человека значительно меньшего роста.

В баре двое сотрудников видели Гонгадзе между 8 и 9 часами вечера в воскресенье, то есть через 20 часов после исчезновения.

Такое заявление сразу же вызвало подозрение, так как в баре в тот вечер было много известных журналистов. Фактически, двое близких знакомых Гонгадзе — Вячеслав Пиховшек (ведущий «Эпицентра») и Катя Горчинская (репортер «KyivPost») были в баре между 8 и 9 часами вечера и Георгия там не видели.

Оказалось, что 24 сентября (через неделю после того, как Гонгадзе вроде бы был «У Эрика») милиция показала фотографию Георгия двум работникам бара — бармену и охраннику. Они ответили, что неделю тому назад могли видеть этого человека.

Американский журналист спросил у одного из двух работников, действительно ли он видел Гонгадзе, на что тот ответил, что никогда не видел журналиста до тех пор, пока милиционер не показал ему фотографию.

Тогда как же он мог опознать Гонгадзе по фотографии?

Вероятно, он видел кого-то похожего или солгал от страха.

При этом заместитель министра внутренних дел Джига проигнорировал тот факт, что двое знакомых Гонгадзе не видели его в тот же день в баре, уже зная про факт исчезновения.

Новости про появление Гонгадзе в баре «У Эрика» заполонили СМИ. Глава СБУ Деркач подтвердил дезинформацию, которая исходила от МВД.

Он сообщил 17 октября, что Гонгадзе жив, ибо его видели 17 сентября «У Эрика».

Вскоре появилось сообщение, что его опять видели, но после дополнительной проверки оно не подтвердилось.

Джига выступил с новым заявлением о том, что вроде бы Гонгадзе был во Львове (в 525 км от Киева) на следующий день после появления в киевском баре. Преподаватель иностранных

языков по фамилии Роик сказала, что видела Георгия в понедельник 18 сентября на улице Костюшко около 15:30.

Вскоре Джига сообщил, что Гонгадзе мог находиться в Москве 21 сентября, поскольку человек с такой фамилией купил в тот день билет на поезд из Москвы до Смоленска. Потом выяснилось, что у человека по фамилии Гонгадзе было другое имя, и что Джига знал об этом, когда делал заявление».

Интернет-сайт: Центр экстремальной журналистики. Адрес: 119992, Москва, Зубовский бульвар 4, комн. 101. E-mail: center@cjes.ru. Глава XV. «Кравченко имитирует поиск». Кошив Я. «Убийство, которое изменило Украину».

Кто такой Джига?

«Джига Николай Васильевич родился в селе Яровое Шаргородского района Винницкой области. В 1976 году окончил Академию МВД СССР по специальности «юрист».

1964-1971 гг. — трудился на рабочих должностях.

1968-1970 гг. — срочная служба в Советской армии.

С 1971-го — курсант Саратовской школы милиции МВД СССР.

С 1973-го — следователь, начальник следственного отделения.

1980-1983 гг. — начальник Макаровского РОВД (Киевская область).

1983-1989 гг. — начальник Вышгородского и Фастовского РОВД (Киевская область).

1989-1991 гг. — главный инспектор МВД Украины.

1991-1995 гг. — заместитель начальника ГУ МВД Украины в Киевской области — начальник следственного управления.

1995-1998 гг. — начальник УМВД Украины в Кировоградской области.

1998-2000 гг. — первый заместитель Министра внутренних дел Украины — начальник ГУБОП МВД Украины.

2000-2002 гг. — первый заместитель Министра внутренних дел Украины, первый заместитель Государственного секретаря Министерства внутренних дел Украины.

2003-2004 гг. — заместитель председателя Государственной налоговой администрации Украины.

2004-2005 гг. — ректор Киевского юридического института МВД Украины.

2006-2011 гг. — народный депутат Украины V и VI созывов от Партии Регионов.

2 июня 2010 года указом Президента Виктора Януковича назначен председателем Винницкой облгосадминистрации.

Награжден орденом «За заслуги» III степени, Отличием Президента «Именное огнестрельное оружие».

Интернет-сайт: Информационное агентство ЛІГАБізнесІнформ, 2007-2011 г. Информационно-аналитический центр «ЛІГА», 1991-2011 г.

А теперь,

Когда посеянное мною зерно сомнений, ну как минимум, просто обязано дать хоть какие-нибудь, слабые-слабые ростки в достаточно удобренной всяким «бредом», а еще такой же всякой «хренью» почве,

А на утверждение о мученической смерти Георгия Гонгадзе в ночь с 16 на 17 сентября 2000 года хочется безудержно не просто хихикать,

А громко, по-лошадиному и бессовестно ржать,

Давайте отфантазируем ситуацию:

Куда?

А самое главное, к кому?

Доставил неразговорчивый генерал Пукач незаконно задержанного им в ночь с субботы на воскресенье журналиста?

Тем более что на вопрос:

«Зачем?»

Вразумительный ответ уже был получен ранее.

Хотя для верности, можно его закрепить еще раз.

– А какой диалог был у Гонгадзе с этим криминальным кварталом?

– Диалог вел, в основном, Протасов. Когда вышли из машины, он говорит Георгию: да успокойся, сейчас шеф разберется и поедешь домой, кому ты нужен. Протасов мне потом клялся: у него и в мыслях не было, что будет совершено такое преступление. Он Гонгадзе первый раз видел, а до этого ни разу даже не слышал его фамилии.

– Выходит, по дороге в лес все в машине молчали?

– Нет, на возмущение Гонгадзе Пукач сыпал обвинениями: ты, блин, американский шпион, ты вчера в посольство ходил! Какое посольство, отвечал Георгий, это частное информационное американское агентство, там у меня друг, я у него 200 долларов занял, мне семью нечем кормить...

– Это было подтверждено в суде?
– Да, у Гонгадзе действительно там друг работал, и он занимал у него 200 долларов. А в американском посольстве он не был.

**Интернет-сайт: «Обозреватель». 7 апреля, четверг, 2011 0:14.
Николай Закревский. «Банда Гончарова. Пукач. Гонгадзе. Ч.1».**

И вот именно в этом месте,
Я хочу жестко уточнить,

Что борьба со шпионами в функции департамента наружного наблюдения Главного управления МВД Украины, которым он руководил, не входит и никогда не входила.

Зато, если еще и сейчас,

Все еще никак не просматривается имя настоящего инициатора незаконного задержания Георгия Гонгадзе, которое, кстати, уверенно подтверждает само официальное следствие, то пора начинать искать в карманах сигареты.

А все для того, чтобы затем, немного расслабившись, прямо после первой затяжки, на выдохе,

Все-таки произнести всем известное имя тогдашнего министра внутренних дел Украины:

Юрий Кравченко.

А кто еще,

Кроме, конечно же, самого Юрия Федоровича,

Не знавшего, не подозревавшего и вообще не понимавшего смысла фантастически профессионально проведенной вокруг него разведывательной комбинации, мог поручить проверить доложенную кем-то «из близких» оперативную информацию,

Что, смело можно утверждать, к государственной измене никакого отношения не имела?

Да и мало ли кто еще из теперешних небожителей,

До сих пор еще способных быть искренними и убедительными в своих стопроцентных, неоспоримых аргументах,

Для всех, всех граждан этой страны,

Причем, почти без всякого, всякого исключения,

На каких-то там, арестованных, ну, или уже осужденных милицейских полковников или генералов,

В этом своем непреодолимом желании всячески помочь следствию в деле о похищении Георгия Гонгадзе,

Случайно или нечаянно,

Тогда, осенью 2000 года, в проверку той оперативной информации мог быть вовлечен?

Ну, а теперь — главный вопрос:

А мог ли в принципе кандидат в Президенты Украины, министр внутренних дел Юрий Кравченко после отрицательного результата проведенной в отношении Георгия Гонгадзе и его сотоварищей милицейской операции — а то, что она провалилась, нет никакого сомнения — стать убийцей журналиста?

И еще один вопрос:

Мог ли после «косо» проведенной милицейской операции генерал Алексей Пукач стать его, Гонгадзе, реальным палачом?

Ах, да!

Я все еще помню, что:

«...22 июля 2009 года стало известно о том, что совместными усилиями Генеральной прокуратуры Украины и СБУ Пукач был задержан в Житомирской области и доставлен в Киев.

В тот же день следствие сообщило, что Пукач назвал имена заказчиков убийства Гонгадзе, а в начале августа следователями Генпрокуратуры был найден череп журналиста».

Интернет-сайт: ООО «Лента.Ру» (1999-2012), Лентапедия, пятница, 06.01.2012, 13:47:03. Лицензия Минпечати Эл No ФС77-42043.

Но тогда давайте снова вспомним еще одно сообщение в прессе:

«Наливайченко: На месте убийства Гонгадзе обнаружено «милицейское кладбище»

Останки еще семерых людей, погибших насильственной смертью, были обнаружены на месте убийства журналиста Георгия Гонгадзе. Об этом заявил экс-глава СБУ Валентин Наливайченко в эфире программы «Шустер-live».

По словам чиновника, правоохранительные органы нашли настоящее «милицейское кладбище».

Наливайченко добавил, что когда бывшего начальника департамента внешнего наблюдения и криминальной разведки МВД Алексея Пукача арестовали, он признал свою вину и обещал назвать тех, кто приказал ему убить журналиста.

«Когда Пукача задержали, он пообещал назвать заказчиков преступления. Потом он сотрудничал со следствием, показал место преступления. Были найдены и орудия убийства. Все совпало. И сейчас заказчики должны быть названы и наказаны. И если

следствие будет справедливым, это станет уроком для других высокопоставленных чиновников, что они не останутся безнаказанными», – сказал экс-глава СБУ.

В то же время народный депутат Геннадий Москаль опроверг его слова и заявил, что останки людей принадлежат солдатам, погибшим во время Второй мировой войны, сообщает Ukrainews.

Как сообщал MIGnews.com.ua, в среду, 2 марта, Апелляционный суд отказался удовлетворить ходатайство Мирославы Гонгадзе и оставил в силе решение Печерского суда о законности закрытия уголовного дела в отношении Пукача в части обвинения в заказном характере убийства журналиста».

Интернет-сайт: MIGnews.com.ua. 05.03.2011 г. 08:05.

А если учесть тот факт,

Что место «убийства» Георгия Гонгадзе, как, впрочем, и фрагменты его предполагаемого «черепа», обнаружилось в двадцати минутах, если идти той самой лунной походкой короля поп-музыки Майкла Джексона, от огорода тещи того самого генерала Пукача,

Ускорив свой шаг, все от того же огорода можно уложиться минут в пятнадцать с половиной.

А еще учесть тот факт, что история с наличием множества останков времен прошедшей войны в месте, им, Пукачем указанном, где и был обнаружен,

Предполагаемый,

А как можно после всех этих игр в наперстки с экспертизами ДНК его еще назвать?

«Фрагмент черепа журналиста»,

Не была таким уж большим секретом для односельчан,

То, в принципе,

Генерал Пукач,

Что просто физически не смог бы взять на себя безвременную насильственную гибель ни трехсот спартанцев¹, ни двадцати шести бакинских комиссаров²,

¹ 300 спартанских гоплитов героически погибли в узком ущелье Фермопилы, преграждая путь персидскому войску царя Ксеркса I в сентябре 480 г. до н.э. в ходе греко-персидской войны 480-479 гг. до н.э.

² Революционные деятели Бакинской коммуны, расстрелянные 20 сентября 1918 года на территории современного Туркменистана, на 207-й версте между станциями Ахча-Куйма и Перевал.

Вполне еще мог стать подельником в мученической смерти семи самураев¹.

Тем более что оставаться отставным «морячком» на всю оставшуюся жизнь в стране, где тебя не только ищут,

А еще знают, а иногда, как правило, ближе к выборам вдруг начинают помнить, —

Не самая лучшая перспектива.

— *Можно ли считать, что Пукачу светит пожизненное заключение?*

— *На сегодняшний день не всегда за один труп дают пожизненный срок. Пукач, насколько я сужу из прессы, активно сотрудничает со следствием. И если выполняет все его требования, то есть шанс, что прокуратура поможет в суде смягчить наказание. И тогда он может получить даже не 15 лет, а, скажем, лет 12-13. Хотя у него есть и другие преступные эпизоды: похищение и избиение Подольского, уничтожение секретных документов.*

Интернет-сайт: «Обозреватель». 7 апреля, четверг, 2011 0:14. «Адвокат Виктор Чевгуз — о деталях закрытой части судебного процесса над убийцами Гонгадзе, возможной защитной тактике Пукача и возбужденном уголовном деле против Кучмы». Автор Николай Закревский. «Банда Гончарова. Пукач. Гонгадзе. Ч.1».

И вот опять эти ну просто магические двенадцать лет в деле Гонгадзе.

А теперь — о пока еще недосказанном.

И пусть, пусть, пусть!

Мои следующие фантазии во всей этой истории о «звездных войнах» будут еще более невероятными.

А все для того, чтобы беспрепятственно сложить в одно целое:

Предполагаемое появление Георгия Гонгадзе сразу же после его незаконного задержания в понедельник, 18 сентября 2000 года, во Львове,

Кстати, это город, где постоянно проживала его мама;

Политическое убежище его жены Мирославы в США, откуда ее, читающую новости из Вашингтона, у каждого из нас есть возможность лицезреть с должной регулярностью;

¹ «Семь самураев» (1954) — эпический японский художественный фильм, классическая философская драма кинорежиссера Акиры Куросавы.

Достаточно продолжительное политическое убежище, а затем еще и последующее бегство в США после возобновления в отношении него в 2011 году уголовного дела Николая Мельниченко;

А еще эта внезапная и пока никем не объяснимая продажа сайта «Украина криминальная» в начале 2004 года на деле уже во второй раз доказавшего свое удивительное умение в нужный момент ретироваться Олега Ельцова.

А это, между прочим, был год проведения президентских выборов, «правильные» и безальтернативные результаты которых еще в начале все того же, 2004 года, ни у кого не вызывали никакого альтернативного сомнения.

Чтобы все эти,

На первый взгляд, никак не связанные между собой события,

Словно удобную арабскую подушку из кальян-бара,

Извлечь из-под натруженной от лежания спины, ну, или того, что еще там натрудилось,

И неожиданно для всех остальных, сидящих с тобой рядом в сладко-фруктовом облаке кальянного дыма, взгромоздить ее себе на голову,

А выкинув такой на первый взгляд странный фортель,

Взять и принять,

Причем, принять, безо всякого сомнения и сожаления,

По совету все тех же «звездных друзей», что, как известно, могут посоветовать приобрести не только автомобиль «Москвич»,

Свое самое главное в жизни,

А еще в истории Украины, внезапно, только сию минуту мною сфантазированное решение Георгия Гонгадзе,

Навсегда поменять,

Украинскую горилку, обильно запиваемую никоим образом не совместимым и даже весьма опасным грузинским киндзмараули, на мексиканскую текилу.

К которой, кстати, просто так прилагаются,

Хорошо сложенные,

Никогда не теряющие градуса своего пылающего в сильных мужских объятиях тела,

В меру загорелые,

И каждую секунду волнующие своими выпуклостями и изгибами,

Круглосуточно доступные,

В особенности для состоятельного искателя,
Испаноговорящие красотки.

Хотя, может ли любое принимаемое решение быть до конца совершенным?

Тем более что в наших «космических баталиях» никакие меморандумы и обязательства, расписки и подписки, как, впрочем, и клятвы с позаимствованной у североамериканских индейцев процедурой смешивания крови,

На практике, как известно, ничего не стоят.

И неважно, кому ты их даешь.

Министру внутренних дел Юрию Кравченко,

Костенко: Нет. Когда я связал ему руки, Пукач к нему подошел, и он (Гонгадзе) сказал только одну фразу: «Ничего мне не делайте, я все расскажу».

Интернет-сайт: Компромат.Ру «Секретная расшифровка воспроизведения обстоятельств убийства Гонгадзе». Оригинал этого материала: ord.kiev.ua, 15-16.05.2006. «Как убивали Гонгадзе» (воспроизведение) Станислав Речинский.

Или «просто красавчику»¹ Дарту Вейдеру,

В особенности тогда, когда останки неизвестного солдата «Оранжевой революции», что были так своевременно обнаружены в Тарашанском лесу, вот-вот предадут земле.

Вот тогда-то, в этот, без всякого сомнения, грядущий, пасмурный день,

Обязательно нужно встрепенуться от долгой, многолетней, не лишённой приятных моментов, идиллии,

И навсегда, на-всег-да отказаться носить брючный ремень.

Ну, а как же

«... мой хороший, мой любимый Крокодил.

Он с Тотошей и Кокочей по аллее проходил...»

¹ «Путин просто красавчик». Из интервью президента Чечни Рамзана Кадырова.

Дарт Вейдер!

Эта знаковая фигура, без которой и «звездная война» — не война, И «звездная жизнь» теперь не жизнь.

А что он делал все это «послепленочное» время?

Когда ему стало совсем не обязательно куда-то лететь или по выходным и праздникам пугать окружающих, размахивая своим звездным мечом?

А он, как и положено солдату свободы, был начеку!

Да и как здесь расслабишься под стакан хорошего виски, когда:

«Свершилось. Конституционный суд вручил Кучме подарок, сделав реальным еще один сценарий его безболезненного будущего — третий срок президентства. Который, оказалось, будет никаким не третьим, а только вторым».

Интернет-сайт: www.ПРАВДА.com.ua. Вторник, 30 декабря 2003 г, 15:49.

Но нужен ли был самому Леониду Даниловичу этот злоеший третий срок в украинской политике?

Когда все тот же Дарт Вейдер моментально и, причем, снова не без оригинальности «поздравил» его с такой вот «внезапно открывшейся перспективой»?

«...Отечественные правдоискатели традиционно кивают на американцев как на высший авторитет в этой истории. А на что же ссылаются сами американцы? Обращусь к первоисточнику всего этого скандала — публикации в «Нью-Йорк Таймс» за 23 сентября, которая наделала столько шума и которую, кажется, никто толком у нас не читал.

В статье Майкла Уайнса «США подозревают Украину в продаже радара в Ирак» сказано: «Согласно доступной всем расшифровке, представленной находящимся в Вашингтоне «Центром за общественную честность», Малев¹ предлагал Кучме продать оружие Ираку через посредничество некоего иорданца». То есть

¹ 6 марта 2002 года в ДТП на 185-м километре автодороги Борисполь-Днепропетровск погиб директор «Укрспецэкспорта» Валерий Малев. Незадолго до этого Николай Мельниченко опубликовал аудиозаписи, на которых Малев и Кучма обсуждали возможность продажи «Кольчуги» в Ирак. Сам опальный экс-майор недавно заявил, что Малев был убит.

указанный центр (Center for Public Integrity) и есть источник сенсационной информации».

Интернет-сайт: Цензор. Нет.24.11.11 09:26. А. Ирченко: «Традиция странных смертей в Украине: от КамАЗа до полета с 7-го этажа».

И плевать на то, что «Кольчуги» в Ираке так и не «нашлись». Но какова сама идея?

И если бы Кучма, которого после всего этого просто перестали бы пускать на порог в любой более-менее приличный европейский дом, все-таки упирался в третий срок дальше,

То кто его знает,

Куда еще его мог завести вейдеровский аудиоталант.

В особенности когда у Кучмы был в наличии яркий пример «замороженного в счетах и основных средствах» «многая лета» президентствующего в Белоруссии невыездного Александра Лукашенко.

Леониду Даниловичу нужно было договариваться, а договорившись и получив необходимые в таких случаях гарантии, еще и назначать.

Что он, судя по всему, успешно и сделал,

Организовав взамен хотя и скандальную, но все-таки приемственность передачи власти.

Власти, что не несла с собой ни международной изоляции, ни арестов активов его небедного зятя, ни опасности реальных поползновений на передел его семейного бизнеса в стране.

И возбужденное дело в отношении Кучмы по «пленкам Мельниченко» в плодovitом на уголовные дела 2011 году после истечения всех сроков давности — прямое тому подтверждение.

Да и не с представителями теперешней власти Леонид Данилович разводил свои тары-бары.

Тем более что предположить в 2004 году, как в действительности испеченный в горниле революции его неказистый преемник с переданной ему властью в конце концов ею распорядится, было невозможно.

Назначенный же в бытность Кучмы еще в июле 2002 года на должность Генерального прокурора Украины Святослав Пискун стал первым постреволюционным прокурором Украины Президента Ющенко,

Успешно отработавшим аж до октября 2005 года свои девять непростых, а иногда и тревожных месяцев и беспристрастно

зафиксировавшим самоубийства главы правления «Украинского кредитного банка» Юрия Ляха¹, экс-министра транспорта и связи Георгия Кирпы² и экс-министра МВД Юрия Кравченко³.

Сам же предвыборный слоган тогда еще кандидата в Президенты Виктора Ющенко:

«Бандитам — тюрьмы!»

Так и остался козлиным трепом.

Ну, и в заключение — о приключениях Тотоши и Кокоши от Дарта Вейдера.

Его Тотоше, говорящему на всех языках мира с кавказским акцентом, повезло значительно больше.

Получив из рук Дарта приличную должностенку, он не обманул надежды родителя и сумел достойно проявить себя на многих поприщах.

Вот только пробелы в его образовании из-за прогулов такого странного для него предмета, как военная подготовка, когда внимательному изучению забытого кем-то из старшеклассников в школьной парте с неоднозначными пятнами, а местами даже со слипшимися страницами журнала «Плейбой» он

¹ 3 декабря 2004 года в Киеве примерно в 9.00 по местному времени в собственном кабинете было найдено тело главы правления «Украинского кредитного банка» Юрия Ляха. Сообщалось, что он перерезал себе артерии на шею канцелярским ножом для бумаги. Рядом с трупом была найдена записка, в которой Лях просил прощения у близких, а свой шаг объяснял тем, что вынужден был так поступить из-за возникших проблем.

² 27 декабря 2004 года на своей даче в Бортничих был найден мертвым министр транспорта Георгий Кирпа. По факту смерти Генеральная прокуратура Украины возбудила уголовное дело по ст. 120 Уголовного кодекса Украины («доведение до самоубийства»). В конце концов, следствие остановилось на версии самоубийства.

³ 4 марта 2005 года на своей даче в Конча-Заспе под Киевом с двумя огнестрельными ранениями в голову было обнаружено тело экс-министра МВД Юрия Кравченко. Показательно, что в этот день он должен был явиться на допрос в ГПУ в связи возобновленным расследованием дела Гонгадзе. Официальная версия — самоубийство.

Интернет сайт: Цензор. Нет.24.11.11 09:26. «Традиция странных смертей в Украине: от КамАЗа до полета с 7-го этажа». А. Ирченко.

предпочел штудирование и конспектирование «Майн кампф»¹
Адика Гитлера,

А еще его желание всегда и во всем услужить иностранному
папаше,

Стоил миру нескольких тысяч человеческих жизней.

И вот как после этого не столоваться собственным слюняв-
чиком?

Пардон.

Любимым галстуком.

А вот с Кокошей у Дарта Вейдера ну полный конфуз вышел.

Из всех наук, его папашей выбранных, он вообще освоил
только краткие курсы о браке и семье.

Но не слушал Кокоша папку, а может, и вовсе не хотел слушати.

И по старой своей привычке,

Собрался удачно жениться, уж в третий свой жизненный разушек,

Чтобы снова удачно попользовать мордашку свою симпатичную.

Жениться без любви, да без какой-нибудь страстюшки.

А токмо из тщеславия своего, хуторянского.

Чтобы еще больше возлюбить и возгордиться собою, любименьким.

И чтобы повыздыхали от зависти все до одного односельчане,

Так ему ненавистные.

Забыв о чести своей и о совести человеческой,

Обманул Кокоша не только невесту свою несчастную.

Но и родню ее, и всех близких ее, да со знакомыми.

А они-то, горемычные, не знали, да и не ведали,

Что задумал Кокошка, сука хитрожоная.

И гуляли свадьбу они долгую.

И пели песни они громкие да застольные.

И криком кричали они тосты красивые да заздравные.

Но быстро приходит похмелье.

И очнулась невеста обманутая.

Огляделась она, да и заплакала.

О чести своей девичьей, Кокошкою поруганной,

Про судьбинушку свою, да про несчастную.

И заплакали вместе с нею все гости да знакомые,

¹ «Mein Kampf» («Моя борьба». — нем.), книга Гитлера, в которой он обстоятельно изложил свою политическую программу. В гитлеровской Германии книга считалась библией национал-социализма.

*И полились из их глаз слезы горькие.
Поняли они тогда все про Кокошкины хитрости,
Да узнали они все мысли Кокошки, похабника.*

*И увидел, как страдают дети его, Господь наш,
Заступник всех обездоленных.
И покарал он Кокошку, суку бесстыжую.
Наказаньем своим, им да заслуженным.
И теперь не будет у Кокошки больше повода
С такую вот мордой крокодильей, бля, жениться.*

*Вот такие вышли о подлых делах Кокошки страдания.
А мог бы и просто долго матом выругаться.*

Ну вот, пожалуй, и все.

Так, уже привычными на территории Украины народными раскатистыми страданиями и закончилась вся эта ее «звездная война».

А была ли война по-настоящему, на самом деле?

Да, в самом ее начале есть место для той самой, последней, звенящей тишиной секунды.

Когда выполняющий приказ солдат,

Осознав всем своим естеством суть происходящего,

А еще глубину и одновременно трагедию всего этого исторического момента,

Произвел.

Именно тот.

Самый первый выстрел.

После которого на мир сразу же обрушилась,

Разрывая его на миллиарды молекул,

Первая,

И от этого всегда самая громкая,

Артиллерийская канонада.

Ведь вся эта стрельба в действительности велась исключительно холостыми патронами.

Да, солдаты этой войны, поражая своими строевыми навыками, верили, что идут во время «боевых звездных действий» в смертельную атаку.

Только вот в реальности они оказались оловянными солдатами со стола в дорого обставленном и хорошо отапливаемом кабинете.

Да, у солдат были соответственно одетые генералы, адмиралы и просто полевые командиры.

Но ведь на самом-то деле эти профессиональные манекенщики только и делали, что своевременно, а самое главное, быстро переодевались в театральной гримерке. Не забыв после очередного чудесного перевоплощения для поднятия собственного рейтинга привлекательности положить в косо застегнутый бюстгальтер побольше ваты.

Хотя, справедливости ради, нужно вспомнить об одной настоящей, безымянной жертве в этой мультяшной «звездной баталии».

Душе, которая из Тарашанского леса обязательно должна попасть в рай.

Чтобы вымолить у Спасителя за нас за всех,

Даже тех, кто его совсем не заслуживает,

Ну хоть какого-нибудь прощения.

А вот прямо сейчас —

Никто не помнит, куда я положил последний номер журнала «Здоровье»?..

Звездные войны: Эпизод III — Мечь ситхов / Star Wars: Episode III — Revenge of the Sith

Только выводы

В марте 1999 года Дарт Вейдер вместе с «неустановленными лицами», назовем их вот такой привычной формулировкой, сумел организовать прослушку кабинета Президента хотя и «бананового», но все-таки государства.

Теперь, по прошествии стольких лет, основная, главная ее цель не вызывает никаких сомнений:

На следующих президентских выборах привести к власти подконтрольного Президента, который, в свою очередь, ослабит, а в перспективе совсем разорвет сложившиеся многовековые связи с Россией.

Зачем Дарту Вейдеру это было нужно?

Да просто на одну планету всегда полагается только один император.

Наш герой безошибочно отыскал, а самое главное, сумел «заинтересовать» добровольца, по совместительству работника спецслужбы этого же государства, которого прошляпили его же коллеги.

А он, в свою очередь,

На пару с седым политиком, просьба не путать с государственным деятелем,

Не только взял на себя нелегкие лавры «чести и совести нашей эпохи», но и обеспечил своей до того момента неизвестной персоне еще и менее почетное звание: «Самоделкин с инициативой».

После этого,

Все те же «неустановленные лица» сумели успешно окончить операцию «Убери преемника».

Ее эпизодом была вероятная мученическая смерть заигравшегося в «шпионов» парня с такой опасной профессией, как журналист. Предполагаемые останки которого затем еще долго и громко странствовали по Киевской области.

И не только.

Затем Дарт Вейдер все с той же группой «неустановленных лиц» из сорока восьми миллионов, бесспорно, достойных претендентов стать лидером нации, смог определить наидостойнейшего.

А еще убедить огромную часть из числа ранее не только тайно, но и еще и явно желавших того же, поддержать своего претендента не только избирательным голосом, но и «боевым криком» улиц и площадей.

Мимоходом он смог «убедить» и «экса» в квадрате,

Экс-преемника и экс-министра внутренних дел,

И ходить на допрос в Генеральную прокуратуру.

Далее Дарт Вейдер и все те же «неустановленные лица» не препятствовали уже целой группе работников специального милицейского подразделения, с генералом и достаточным количеством подполковников и полковников, покаяться.

Причем, с их стороны «покаяние» получилось ну очень своеобразным.

Милиционеры, на которых законом было возложено право проведения наружного наблюдения и для которых не имело никакого значения, кто является их новым «объектом» — журналист или онанист,

Не только признали факт своего служебного преступления, который, увы, имел место быть —

Они признали себя соучастниками в убийстве.

А генерал себя даже объявил виновным.

Более того, из их общего раскаяния следовало, что жизнь-люб и вполне состоятельный товарищ, все тот же генерал,

Вдруг,

Ни с того, ни с сего,

Без каких-либо видимых мотивов и причин стал не просто «убийцей-душителем», а еще и «расчленителем».

Пикантности признаниям придавал тот факт, что генерал своих «не ведавших, что творивших» подчиненных еще и обманул.

Он объявил им, что на ночь глядя у него возникло непреодолимое желание покататься в машине с тем самым журналистом.

И возможно даже,

Я не берусь утверждать на все сто процентов,

Во время ночной автомобильной прогулки с журналистом за город не просто многозначительно вместе с ним в машине помолчать,

А может быть, даже поговорить.

Хотя, опять же, в «разговорных» оперативных милицейских службах за свою карьеру он никогда замечен не был.

Затем, на первом этапе действенного раскаяния своих бывших подчиненных, генерал ничего в свое оправдание сказать не мог.

Он пропал, испарился, исчез.

Резонно не желая вместе с ними провести какую-то часть жизни.

Правда, к тому моменту они начали зваться менее звучным словом «сокамерники».

И если к этому прибавить еще тот факт, что все события происходили в основной своей части в кругу «сильных мира сего»,

А еще то, что Дарт Вейдер изменил всего-навсего государственный вектор какой-никакой, но все-таки европейской страны,

И прибавить к этому значительное влияние его «неустановленных лиц» на мировые средства массовой информации,

Не забыв, что все вышеперечисленные мной «мероприятия и события» требуют весьма значительных затрат,

То где, во всем произошедшем с государством, что называется Украина, место для хотя и достаточно дерзких, но все-таки только бандитов с большой дороги из милицейской банды Гончарова?

Был ли для Вейдера и его «неустановленных» хотя бы какой-то здравый смысл — а их уровень профессионализма в некоторых случаях даже зашкаливает и становится фантастическим — Во все эти «игры» с судьбой целой страны, Проводимые, между прочим, не один год, И разбавленные смертями далеко не рядовых ее граждан, Пускать каких-то там, хотя и прилично организованных, но все-таки примитивных убийц?

Если даже предположить, что это не так, Тогда зачем Гончаров был «отправлен» за ненужностью на пенсию?

Ведь тогда, по той же логике, его «заслуги» за десять лет похищений и смертей потянули аж на должность старшего оперуполномоченного,

Да еще какого-то там Боярского отдела УБОП Киевской области.

Более того, тогда совершенно нелогичными, опять же, прежде всего, с точки зрения здравого смысла выглядят его «дневники и письма» из СИЗО.

Выходит, что попавшийся исполнитель, вместо того, чтобы тихо помалкивать и ждать помощи, открыто — нет не намекает, а цинично шантажирует всемогущих заказчиков.

А это, опять же, в принципе невероятно.

Ведь целью Гончарова была свобода, а не гробовая плита.

Другое дело — сам Гончаров.

Со своими нереализованными желаниями.

За десять лет он «вырос» из просто убийцы в настоящего главаря милицейской банды.

Циничного, амбициозного, желающего власти над людьми.

Его уже вряд ли могла полностью удовлетворять возможность вершить суд над отдельно взятой жертвой.

Упырю был нужен выход амбиций.

Ему была необходима власть.

Власть и подчиненные.

Подразделения, управления, департаменты:

«...И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себе — тридцать пять тысяч одних курьеров!»¹

¹ «Ревизор». Н.Гоголь.

Но, опять же, сложно себе представить Гончарова, прогуливающегося по городу с табличкой на груди, где написано:

«Убийца и главарь милицейской банды просится в большую политику».

Хотя, по таким убедительным рассказам все того же бывшего спец-майора, охранявшего когда-то информационный покой теперь уже экс-Президента,

Он,

Движимый исключительно «благородными порывами», такой вот трюк с хождением по Крещатику все-таки проделал.

«...Я рисковал своей жизнью, предупреждая Гонгадзе. И только с помощью этих пленок вся страна узнала правду и содрогнулась от услышанного ужаса».

Интернет-сайт газеты «Сегодня», 31 мая 2011 года. «Николай Мельниченко: «Я был слепым котенком, а сейчас — зубастый тигр». Экс-майор госохраны в эксклюзивном интервью рассказал «Сегодня», почему начал записывать Кучму, и о том, чем заплатил за сделанное».

Справедливости ради нужно признать, что на груди у него была табличка с несколько другим текстом.

И, судя по случившимся событиям, помощь к нему таки пришла.

А теперь давайте все же обратимся к окружению Гончарова.

При всей романтике службы в милиции,

Каждый ее работник,

Занимающий любую,

Повторяю, любую должность,

Как ни прискорбно для него самого,

Для общества — всего лишь «мент».

Преодолеть «ментовский синдром», как показывает практика, можно только близкими родственными связями.

И может быть, тогда,

Повторяю, может быть,

Счастливчика допустят к постоянно ворующей — другой ведь нет — но все-таки элите.

Но кому был в принципе интересен «Гога», ну, или «Магога» с большой дороги?

Кому он мог сказать, что он главарь и убийца?

Мог ли тот же Дарт Вейдер допустить какого-то там Гончарова в свой без преувеличения великолепный пасьянс?

Даже если у него вместе с его бандитами, с услугой предоставления трупного кастинга проблем не существовало?

Ответ напрашивается сам по себе.

Как мне кажется,

Единственный,

Но, опять же, совершенно маловероятный, хотя все-таки имеющий некоторые шансы вариант участия банды Гончарова в деле Гонгадзе:

«Выполнение мелких, если они в таких делах бывают, поручений. Да еще и втемную».

Но для этого у Гончарова должна была быть хотя бы легкая,

Ну, или хоть какая-нибудь дружба,

Нет, не с «неустановленными лицами»,

И, конечно же, не с самим великим Дартом Вейдером,

Что, в принципе, опять-таки невероятно.

Гончаров должен быть знаком с их связью.

Причем, со связью, по возможности, не половой.

А еще выполнить какую-нибудь ее, связи, невинную просьбу.

Ну, например:

«...Около 8 часов вечера 15 сентября некто позвонил домой Олегу и сказал примерно следующее: «Олег Дмитриевич, закрой рот и слушай. Ты своей писаниной мешаешь очень влиятельным людям. Завязывай со своими статьями в Интернете. Твои эсбэ-ушные штучки уже надоели. А для начала мы тебя поставили на счетчик, и ты всю жизнь будешь работать на хозяина».

Интернет-сайт: Компромат.Ru. 04.07.01. «Идеальная жертва. Странное поведение любовницы журналиста и его коллег». Оригинал этого материала: «Тайный советник». «Питерская версия убийства Гонгадзе».

То, что зафиксированный аудио-оригинал этого звонка, хотя и на короткое время, но все же перешел у оперативных разработчиков Ельцова в категорию часто прослушиваемого, никаких сомнений не вызывает.

Деркач: А этот щученок, он убежал юда. Ему был звонок по телефону, вот, «что если ты не прекратишь всякой херней - то, мы тебе голову оторвем». И после этого он буквально через пять минут, как потом он рассказывает жене по телефону, бежал на вокзал, взял билеты и уехал.

Но мы разберемся, сейчас разберемся. Прихватим дело. Я, я думаю, шо он даже не отказывается – где-то слышал, шо и денег хватит.

Кучма: Интернет весь уже выключен, еб твою?

Держак: Интернет весь выключен.

Волков: Ну, а Гонгадзе был на ставке у Юли Тимошенко?

Кучма: Давайте.

Волков: Здесь еще.

Источник: IPI, запись Gong07p2.wav и ZLA01.wav (расшифровал Антон Кочубей).

Интернет-сайт: www.library.cjes.org. Библиотека центра экстраемальной журналистики. Кошив Я. «Гонгадзе. Убийство, которое изменило Украину. Глава XIV. Двухликий Кучма».

Даже если отбросить явный бред его финальной части:

«...Твои эсбэушные штучки уже надоели. А для начала мы тебя поставили на счетчик, и ты всю жизнь будешь работать на хозяина».

Да и на кого он был вообще изначально рассчитан?

Если самурайская бесстрашность его получателя была давно всем известна.

А вот всяческая польза от именно этого звонка просто не могла ускользнуть от его возможного, коротавшего время на тюремной больничной койке, загнанного в угол исполнителя.

«...А потом исчез Георгий Гонгадзе. Накануне его исчезновения мне поздно вечером позвонил по телефону неизвестный и стал запугивать, мол, моя писанина мешает влиятельным людям. Я вызвал милицию. На следующее утро мне снова позвонили, и тот же голос только-то и сказал: «Что, ментов вызывал?», после чего бросил трубку. Только после этого я подготовил заметку в УНИАН, слабо понимая, что же происходит. А вечером я уехал с дочерью к отцу в Россию. Билет покупал заранее, и этот отъезд никак не был связан с угрозами. Уже за границей узнал, что пропал Гонгадзе».

Интернет-издание «Украина криминальная». 11.08.2003. О. Ельцов. «Дело Гончарова. Часть 2».

И тогда совсем по-другому звучат заявления Ельцова.

Его истерики и «разоблачения», что посыпались с первого дня задержания его давнего «хорошего приятеля».

Да и сама их преданная с Гончаровым «дружба» выглядит более понятной.

И совсем по-другому смотрятся старания все той же «сладкой парочки» то вместе, то по отдельности отплясывать «цыганочку в двадцать пять коленец».

«...И вот я читаю одно из писем Гончарова, переданных в СМИ, и узнаю, что первоначальной целью убийц был не Гонгадзе, а Ельцов. А Гончаров каким-то образом смог отвести от меня опасность, убедить, что я подстрахован информацией и даже знаю о слежке за мной».

Интернет-издание «Украина криминальная». 11.08.2003. О. Ельцов. «Дело Гончарова. Часть 2».

Более того, совершенно понятным становится желание Гончарова натянуть на себя историю с журналистом.

«...Хамула требовал, чтобы я не давал показаний в отношении тех работников УБОП, которые вместе с Нестеровым и другим преступником, входящим, как и Нестеров, в группировку Киселя, похитили в сентябре 2000 года журналиста Гонгадзе на бул. Л.Украинки в Киеве...»

Фрагмент заявления Гончарова (№1).

«P.S. Ряд доказательных материалов, фото-, видео- и магнитофонные записи, что касаются упомянутых преступлений, мною зарыты на дачном участке на Русановских садах, находятся в металлической коробке в дипломате и мешке, место знает Мельников и один из моих друзей из СБУ. Некоторые фамилии (?) по журналисту я сообщил уже Ельцову и работнику СБУ Васильченко. А также Е.К.М.

Выкопать эти материалы есть смысл только в присутствии группы депутатов и журналистов, поскольку много информации есть связанной с высшими должностными лицами страны, чьи указания исполнялись работниками УБОП и (неразб.) преступной группировки».

Фрагмент заявления Гончарова (№2).

Да и совместная теория причастности тогдашней власти ко всем без исключения событиям вокруг Гонгадзе тоже выглядит как минимум по-другому.

Давно просчитавший свое не просто скромное, а скорее, случайное место в плане Дарта Вейдера,

А затем оказавшийся перед перспективой пожизненного заключения, Гончаров дополнительной иллюзией своего возможного спасения счел перспективу прихода в страну новой власти.

Вот перед ней, этой самой новой властью,

Не сомневаясь ни на секунду, что та, существующая власть в деле об исчезнувшем журналисте по фамилии Гонгадзе из-за непонимания вокруг нее происходящего, в своем нежелании, а еще неспособности на это происходящие хоть как-то повлиять,

Либо будет оправдываться, либо выберет линию тупой молчанки.

Она,

Власть Кучмы,

Предоставила возможность Гончарову своими «письмами и дневниками» набирать предполагаемые очки.

И он этот шанс использовал на все сто.

Хотя ожидаемый дивиденд, дающий ему статус неприкасаемого,

То ли по причине неубедительности его соискателя, а то ли оттого, что возиться с ним было ну очень неприятно и уж очень хлопотно, для него так и не случился.

Такая вот для Гончарова вышла неприятность.

P.S.

А знакомо ли вам это утраченное нами за последние двадцать лет чувство гордости за свою страну?

Нет! Нет!

Я прекрасно отдаю себе отчет, что сейчас говорю, в принципе, о невозможном.

Да и веских причин, что давно, а теперь, по-моему, еще и навсегда остались жить в этом невозможном, более чем достаточно.

И все-таки, где же оно, это прекрасное, то самое,

Состояние ненапускной гордости?

Когда ты гордо шагаешь по улицам и площадям своей страны, а в каком-нибудь иностранном посольстве с чувством собственного достоинства протягиваешь свой заграничный паспорт?

Вот я загнул!

А теперь, чур, не хохотать.

В конце концов, остался же у нас хоть один предмет только нашей национальной гордости —

Это наши убойные, как дикарская стрела, фантастические и одновременно удивительные женщины.

И если кто-то еще с этим не согласен,

Или ему этого мало,

И ему нужны еще какие-то там весомые для нашей гордости аргументы,

То, пожалуйста.

Не знаю как кого, а меня просто ошарашила новость о появлении в 2006 году Интернете проекта Джулиана Ассанжа WikiLeaks.

WikiLeaks — международный социальный сетевой проект, основанный на доработанном вики-движке, в котором была введена возможность анонимного редактирования статей с использованием технологий MediaWiki, Freenet, Tor и PGP.

Целью проекта объявлена «неотслеживаемая публикация и анализ документов, ставших доступными вследствие утечки информации». Для навигации возможен защищенный доступ с использованием протокола HTTPS. Несмотря на свое название, Wikileaks не является вики-сайтом: читатели, не обладающие соответствующим разрешением, не могут менять его содержание. Но статья анонимным источником информации может любой, кто ею располагает и пришлет в «редакцию».

В WikiLeaks отсутствуют русские переводы текстов дипломатических донесений, однако некоторые депеши переводятся энтузиастами. На странице обоев «Викиликс» Китаю и России посвящены отдельные фотомонтажи: Великая китайская стена с надписью «Большой Брат следит. Мы тоже» (англ. The Big Brother is watching. So are we), и Красная площадь с матрешками в человеческий рост и надписью «Складываем ложь. Чтобы добыть правду» (англ. Nesting lies. Hatching truth).

Объемные публикации на сайте WikiLeaks предваряются отредактированными выборками и рекламой в ключевых СМИ».

Материал из Википедии — свободной энциклопедии.

Вполне благородные цели проекта.
Не отталкивающее лицо его основателя.
Да и поданная информация была, вообще говоря, прелюбопытнейшая.

Только ведь не знает и не помнит этот подкидыш —

«Джулиан Ассанж — это Ли Харви Освальд¹ информационной эпохи»

Интернет: анонимный блогер.

Своих настоящих, единокровных родителей.

И если он думает, что представляемая им глобальная сетевая пиар-технология, что моментально стала чей-то там властью, с его минимализмом в средствах — это нечто новое и гениальное

То он попросту в припадке самолюбования не читал постсоветскую историю Украины.

А если бы прочитал, то моментально сбросил бы с себя эту маску значимости и самонадеянности.

И на первой странице своего интернет-сайта написал:

«Основана Георгием Гонгадзе в 2000 году».

А еще,

Там же, на первой странице,

Обязательно поместил бы завораживающую фотографию взлетающего с космодрома огромного звездолета со стоящим на командирском мостике великом Дартом Вейдером,

Вместе с отчаянно машущей ему на прощанье с земли, причем, обязательно белым платком с вышитым национальным украинским узором,

Простой украинской женщиной.

— Когда вы познакомились с Георгием, и как возникла идея интернет-газеты?

— Мы познакомились три года назад. Он тогда работал в центре журналистских расследований.

Идея «Украинской правды» родилась в декабре прошлого (1999) года в... Вашингтоне.

¹ Ли Харви Освальд, арестованный по подозрению в убийстве 35-го президента США Джона Кеннеди, был застрелен через два дня в полицейском участке жителем Далласа Джеком Руби, который также впоследствии умер в тюрьме.

Глава 11

*Есть люди, в которых живет Бог.
Есть люди, в которых живет дьявол.
А есть люди, в которых живут только глисты.*
Фаина Раневская

В дежурный раз, качнув маятник власти, парламентские выборы 2006 года изменили расстановку сил в Министерстве внутренних дел.

Именно тогда впервые на место непонятных по содержанию, но ясных по целям представителей «оранжевой команды» пришли «реальные» по целям и «правильные» по своему содержанию представители столицы шахтерского края.

И хотя пришьельцам была присуща целеустремленность, в милиции вновь образовался вакуум переходного периода. Быть в котором и не впасть в продолжительную хандру помогает ну разве что продолжительный список таких вот ранее пережитых переходов.

А еще — состояние полного к нему, этому переходу, безразличия.

Но что можно позволить себе на оперской земле, никак не позволительно в министерстве, пребывание в котором предполагает совсем иные и давно уже не правоохранительные правила и, разумеется, ценности.

И если райотделовские опера, никак не меняя свой образ жизни, привычно проводят упавший на их голову период ничейности за рассмотрением нескончаемого потока заявлений о преступлениях, прерываясь на сон, служебные совещания, а еще на походы в ближайший бар,

То милицейское министерство, обремененное из этого не-продолжительного списка исключительно пунктом под номером три, в самом начале непривычно затихает.

То есть образует неестественную тишину, с приставкой «полная».

А затем и вовсе впадает от нахлынувшего и такого непривычного по самой природе всех без исключения министерств состояния ожидания в оцепенение.

И вот в этом самом оцепенении,

Ставшим в одночасье ничейными винтиками, шестеренками, резьбовитыми гайками и гаечками, что еще вчера скрутились или вовсе сорвались с казавшихся такими незыблемыми, а теперь никому не нужными, лежащими тут же, рядом с ними, болтов,

От непривычного состояния незакрепленности и от этого бесхозности,

Чтобы совсем не потерять свою резьбовитость,

Затаившись по своим кабинетам, в своем утратившем всякий привычный смысл воображении,

Дни и ночи напролет,

По только им известным канонам, перебирают кандидатуры «вероятных» претендентов на ту или иную высокую должность. Чтобы затем, в доселе неизвестном им состоянии щедрости, дать право на жизнь очередной ментовской сплетне.

А в это самое время тоже пока еще ничейный, зачисленный в штатное расписание, такой же бесхозный оперской состав травит коктейль из анекдотов и средневекового эпоса¹ под названием «ментовские байки».

Чем «ментовские байки» отличаются от остальных образцов народного творчества,

Так это полным отсутствием во время их повествования хоть какого-нибудь, ну хотя бы негромкого, фонового, музыкального сопровождения.

А еще — их реальностью.

Это когда на все сто процентов реальны события, реальны обстоятельства и, самое главное, реальны их герои.

Чем еще ментовские байки не похожи на все остальные,

Так это своей финальной частью.

Она зачастую приводит не ко взрыву смеха, как это заведено в настоящих застольных рассказах, а к шоку от поступка главного героя или от произнесенной им финальной фразы.

¹ Средневековый эпос — героические народные сказания, которые создавались странствующими певцами в период Средневековья. Эпос был предназначен для пения с сопровождением арфы или виолы (маленькой скрипки).

А еще в период безвластия на своих рабочих местах внезапно возникают фигуры, которые в другое время застать на рабочем месте просто невозможно.

Вот так одним не очень ранним утром дверь пока еще моего кабинета распахнулась, и на пороге возникла фигура, которая давно перестала существовать в измерении ГУБОП,

И которую я в последнее время видел исключительно на голубых, в правильном смысле слова, экранах, и в таких же, в правильном смысле, газетах:

Это была фигура Какмякова*.

Нетрудно было догадаться, что начальник ГУБОП, тогда уже генерал Корнич, на своей должности стал уже, в принципе, «не жильцом», и проворный Какмяков* бродил по зданию на улице Багговутовской в поисках запасного, такого же удобного стойла.

Вот он-то и рассказал мне одну «ментовскую байку»,

Причем, исключительно байку по своему профилю, к которой я имел хотя и «привное», но все же отношение.

А все началось с того, что после такого «незабываемого» весеннего, нашего общего, по расширенному списку, награждения, в музее Академии внутренних дел открыли экспозицию о ее выпускниках, которым присвоили государственные награды.

Был там и стенд, что рассказывал о ликвидации милицмейской банды. Где для еще большей достоверности были вывешены несколько фотографий, датированных маем 2005 года.

В музей водили посетителей, у которых была возможность при особом желании не только выслушать историю о ликвидации милицмейской банды Гончарова, но и увидеть момент награждения ликвидировавшей ее оперативной группы.

В центре стенда была общая фотография всех нас, «красавцев» в парадной форме, с министром внутренних дел Юрием Луценко¹.

Так вот, когда после ухода «оранжевой команды» один из «свежих» заместителей министра внутренних дел, только что «подтянувшийся в столицу» из Донбасского региона, с переполнявшим его чувством «хозяина земли Украинской» совершал неспешный променад по доставшемся ему музею,

Бредя от экспозиции к экспозиции, от экспоната к экспонату со скучающим лицом и бездарно изображая интерес к рассказу экскурсовода,

¹ См. приложение. «Та самая фотография». стр. 699.

Он остановил свой безразличный взгляд на нашем, условно говоря, стенде.

А затем случилось то, что случилось.

Непонятно, что ввергло экскурсанта в состояние «начальствующего гнева» —

Фигура тогда уже экс-министра Луценко, окруженного стоящими в шеренгу в парадных милицейских мундирах неизвестных ему оперов?

Крупный портрет все еще Президента Ющенко, что в качестве приложения к только что награжденным беспристрастная фотокамера зафиксировала у всех нас над головами?

Или внезапно посетившее его состояние сухости во рту, спровоцированное приступом разыгравшейся диареи?

Да какая теперь разница.

В продолжении,

Рассказанном мне тогда так и не дождавшемся от меня ни соучастия, ни заверения в помощи в его будущем трудоустройстве и отправившемся на поиски того и другого по длинным губоповским коридорам в неизвестном направлении Какмяковым*,

Как по мне, есть только один вопиющий факт, никак не касающийся озвученной им заключительной фразы, произнесенной представителем новых хозяев жизни и ставшей достойным окончанием его экскурсии.

Фраза дословно звучала так:

«Снимите на х*й этот стенд и выбросьте его на помойку».

Во всей этой воистину настоящей ментовской байке меня каждый раз просто разрывают на части —

Нет, не обстоятельства такого вот перемещения музейного стенда,

И даже не ее финальная фраза.

Меня гнетет,

Каждый раз подступающая ко мне,

Размахивающая у моего лица своими сухими, с корявыми пальцами, скрученными руками,

Эта моя фатальная неизбежность:

На протяжении всей моей повести,

Раз за разом,

Снова и снова,

Опять и опять,

Впутав во все тогда произошедшее ни сном, ни духом ничего не подозревавшую великую Фаину Раневскую,
Безальтернативно,
Возвращаться к одной и той же теме.
К теме дерьма.

Глава 12

Традиции, традиции, традиции.

Именно они делают нашу жизнь хоть немного предсказуемой.

Беспристрастные цифры в настенном календаре не только со стопроцентной уверенностью покажут день недели, когда настанет всеми любимый Новый год, но и ехидно моргнут очередной датой дня твоего рождения.

В череде этих дат летний солнечный день 14 июня 2005 года тоже имеет право быть, да и, без всякого сомнения, точно является чьим-то самым главным днем в году.

А может быть, даже целой жизни.

В истории же ликвидации банды Гончарова он стал началом суда над ее участниками.

Хотя должно было пройти еще целых три месяца – ровно столько времени дал председатель суда на окончание ознакомления с материалами уголовного дела теперь уже подсудимым Свердлову и Гайдаю, что нашли лазейку в уголовном праве и на протяжении полутора лет нагло саботировали эту процессуальную процедуру.

Фактической же датой начала суда над милицейской бандой стало 27 сентября 2005 года¹.

Именно тогда перед Киевским апелляционным судом предстали двенадцать подсудимых.

Гончаров в этом списке был тринадцатым.

Его судили заочно.

Причем, судили по требованию его же матери, которая, как, наверное, каждая мать надеялась все же услышать в приговоре «невиновен».

А еще, под своим порядковым номером четырнадцать, где-то «бегал» объявленный в розыск Вознюк.

В клетке для подсудимых от духоты истекали потом просидевшие три года в следственном изоляторе, заматеревшие убийцы.

¹ См. приложение, стр. 721-722.

Тюремная камера, что по своей сути никому не прибавляет здоровья, их тоже не пощадила.

Каким-то жалким и измученным выглядел Свердлов.

Потерянным, но стабильно косящим под дурака — Лысенко.

Набрал в весе и глазками, казавшимися пороссячьими из-за огромных розовых круглых щек, смотрел в никуда Мельников.

Отрешенно сидел, уставившись в одну точку, со своим стандартным тупым выражением лица, наголо побритый Кисилевич.

Был подчеркнута спокоен опытный в такого рода делах, похудевший Кеппель.

Рядом с ним откровенно скучал арестованный за соучастие в квартирном разбое банды в марте 1997 года, что было доказано в ходе следствия, Владислав Дубовой.

Перед клеткой с подсудимыми сравнительно комфортно расположились участники банды, находившиеся под подпиской о невыезде.

Сбавивший в весе и вернувший себе былую самонадеянность Навроцкий разбавлял «потерянных» Гаркушина и Рожнатовского.

Обособленно сидел изображающий, как обычно, городского сумасшедшего, с вновь отпущенной после трехмесячного пребывания в ИВС бородой Мочарный.

С видом «девицы, ждущей трамвай», возвышался над подельниками все еще не утративший от тюремной баланды свою от природы холеную холку Гайдай.

Только решетка отделяла скамью подсудимых от скамеек, на которых сидели родители и родственники людей, лишенных бандитами жизни.

По понятной причине никто из теперь уже подсудимых не хотел занимать место «стыка» с залом, и часть деревянной скамьи осталась незанятой.

«Место для Гончарова освободили», — вырвалось у кого-то из присутствующих.

После чего в ожидании председателя суда в зале повисла напряженная тишина. Которую больше не решались нарушить ни подсудимые, ни многочисленные адвокаты с той и другой стороны, ни родственники убитых, что принесли с собой их фотографии.

И даже солнечный луч, временами прорывавшийся через хмурые осенние облака, не вызывал никакой реакции здесь собравшихся.

А жаль.

Ведь, кто знает,

Может быть, именно тогда, в тот самый момент души загубленных бандитами, найденных и неустановленных жертв этим лучом утреннего сентябрьского солнца, рвущегося в решетчатое окно зала суда, пришли посмотреть в лица загнанных в клетку своих мучителей и убийц...

Как известно, у каждого есть выбор.

Был он тогда и у сидевших за решеткой в зале суда бандитов.

Только вот из-за несложно просчитываемых их судебных перспектив, а еще из-за наличия все той же решетки у них он был невелик.

Перспектива раскаяния бандитами не рассматривалась.

Полтора года ознакомления с делом дало возможность им, теперь уже подсудимым, не только подготовиться к суду, но и договориться.

И ни для кого не стало неожиданностью, что все они как один решили причислить себя к «невинным жертвам» убоповского произвола.

«Умничал» Гайдай.

С настойчивостью дятла производя одно за другим ходатайства и жалобы, канючил Свердлов.

Бесталанно тупили все остальные, твердя в один голос о том, что каждый из них невиновен.

Из общей бодрой массы нанятых подсудимыми адвокатов выделялся защитник Гончарова.

Наверное, не каждому его коллеге по цеху довелось за всю свою карьеру не просто защищать серийного убийцу, а еще и представлять ничего и ни для кого не значащее его «честное имя». Быть на судебном заседании одновременно нанятым информатором и недремлющим оком. Служить постоянным напоминанием подсудимым бандитам, дабы чего лишнего не сболтнули.

Нестеров же, которому, как и всем его подельникам, предъявили обвинение в бандитизме и соучастии в убийствах, справившись с первоначальным волнением, спокойно и четко, эпизод за эпизодом, давал признательные показания об обстоятельствах преступлений, совершенных бандой.

А еще всех нас откровенно рассмешил Мочарный, раздумавший ходить на судебные заседания.

И тогда долго терпевший неуважение к суду председатель его арестовал.

Глава 13

У меня есть основания предполагать, что нападавшие желали выяснить, где хранятся свидетельства, указывающие на причастность УБОПа к смерти Гонгадзе.

О. Ельцов. «Дело Гончарова: Генеральское разногласие». 12.08.2003 г.

Судебное заседание по ходатайству сторон происходило в закрытом режиме, что, конечно, придавало ему относительное спокойствие.

И только иногда рутина нарушалась новостями то об экстрадиции в Украину Михайленко, то о приговоре работникам Лукьяновского следственного изолятора, которым предъявили обвинение в убийстве Гончарова, — он был вынесен 6 сентября 2007 года Шевченковским районным судом Киева.

Из приговора следовало, что все подсудимые по делу о смерти Гончарова были признаны виновными.

Суд посчитал доказанным наличие причинной связи между избиением потерпевшего и наступившей впоследствии его смерти.

Бывшие работники СИЗО № 13, подсудимые Максименко, Бирюков и Краевой получили наказание ниже нижнего предела: по пять лет лишения свободы с испытательным сроком в три года.

После их приговора, наверное, можно было бы поставить жирную точку в спекуляциях вокруг смерти Гончарова и раз и навсегда забыть о «дохлой» версии, ходившей в прессе, — о том, что его «залечили» какими-то там уколами.

Но Верховный суд отменил приговор и отправил дело на дополнительное следствие.

А уже в сентябре 2008 года в качестве свидетеля по делу даже допросили меня.

Следователя Генеральной прокуратуры интересовала сама возможность допросов Гончарова в СИЗО моей оперативной группой, без присутствия следователя из Генеральной прокуратуры.

От него-то я и узнал причину новых следственных действий.

Один из осужденных, бывших работников СИЗО, принимавших участие в обыске Гончарова, заявил, что затем последний потерялся в здании СИЗО на целых двенадцать часов, поставив под сомнение причинную связь между обыском и его последствиями.

Мотив его был понятен.

Кому нужна хотя и «отсроченная», но все-таки судимость?

Но больше всех в очередной раз рассмешили Какьян* и Какмяков*.

Сбросив с себя куртки в стиле милитари и недвусмысленно продемонстрировав ошалевшему следователю прокуратуры не только кобуры под мышкой с торчавшими из них рукоятками табельного оружия, но и бравую выправку, подчеркнутую короткой стрижкой,

Они вначале привычно оттараторили многократно во всех мыслимых и немыслимых местах озвученный текст о своей опасной личной борьбе, разумеется, не забыв поставить акцент в части о «недооцененных героях».

Затем,

Узнав от допрашиваемого их следователя новые обстоятельства по делу о смерти Гончарова, закончив свой ничего не значащий, формальный допрос,

Они,

Молниеносно,

Отметились в давно мною регулярно читаемой газете «Зеркало недели» хотя и маленькой, но все-таки заметкой.

«Новый успех Генпрокуратуры.

Дело И. Гончарова вернули на дополнительное расследование.

В сентябре мы отметили очередную годовщину со дня исчезновения Г. Гонгадзе.

В очередной раз констатировали, что заказчики не призваны к ответу. Тем не менее, Генпрокуратура который год подряд оптимистична: там не исключают, что дело все-таки будет завершено; более того, в ходе дальнейшего расследования всплывут имена руководителей силовых ведомств.

Напомним, что Гончаров умер странной смертью, находясь именно под следствием Генпрокуратуры аккуратно тогда, когда начал торговаться со следствием, обещая выдать информацию по делу Гонгадзе. Кстати, в нарушение всех инструкций подполковник МВД содержался в камере с ранее судимыми уголовниками. Кроме того, для судьи, рассматривающего дело И.Гончарова, так и осталось загадкой, где именно находился арестованный в течение 12 (!) часов. То есть, в СИЗО человека «потеряли» на полсутки, и никто не смог ответить на вопрос, где именно он находился все это время!

Так вот, об успешном раскрытии дела о смерти Гончарова Генпрокуратура, помнится, протрубила через все СМИ. А вот о том факте, что дело бесславно вернулось назад, что-то не слышно. Видно, просто забыли сообщить.

Напомним, несколько месяцев назад «ЗН» уже сообщало своим читателям о том, что успешное окончание этого дела (как и всех, пожалуй, резонансных расследований, так или иначе связанных или связываемых с делом Гонгадзе) под большим вопросом ввиду совершенно объективных обстоятельств. Об этом рассказал в интервью один из членов оперативно-следственной группы подполковник В. Какмяков («Обратная сторона ордена»). Кстати, в связи с этой статьей Верховная Рада даже направила запрос в МВД с требованием разъяснить, почему происходили указанные в статье события и какие меры принимаются в связи с обнаружением этих фактов. Но традиции оказались бессмертными. Несмотря ни на что, позиция МВД неизменна: министерство в который раз с завидной последовательностью делает вид, что не понимает, о чем вообще идет речь. По всей видимости, кто бы ни стоял у руля МВД, желающих поставить точку в этих делах нет».*

Газета «Зеркало недели». №35, 20 сентября 2008 г.

А вот суд над покаявшимися в похищении и убийстве Георгия Гонгадзе прошел ровно и даже скучно.

15 марта 2008 года Апелляционный суд Киева признал виновными в задержании и умышленном убийстве журналиста Георгия Гонгадзе и приговорил трех его исполнителей – Николая Протасова, Валерия Костенко и Александра Поповича – к 13, 12 и 12 годам лишения свободы соответственно.

Также подсудимые, бывшие офицеры милиции, были лишены специальных званий.

Протасов и Костенко – полковника милиции, Попович – майора.

Вот так на части похитителей и, судя по приговору, соучастниках убийства Гонгадзе суд поставил жирную точку.

А интересно,

Куда подевались разрекламированные «почетным свидетелем всех времен и народов» Гончаровым,

И его постоянно переходящим с хрюканья на свист, силным рупором Ельцовым,

«Кровожадные» работники УБОП под предводительством «палача при исполнении»¹ Хамулы?

И как ушел от «заслуженной кары» хладнокровный убийца журналиста, «один в трех» Юрий Нестеров²?

¹ Интернет-сайт «Украина криминальная». О.Ельцов: «Палачи «при исполнении», 25.06.2002 г.

² Интернет-сайт «Украина криминальная». Суши Камикадзе: «Дело «Оборотней». Юрий Нестеров – три в одном: наркоман, убийца, мошенник». 06.03.2003 г.

Глава 14

*Думы окаянные, мысли потаенные,
Бестолковая любовь, головка забубенная.
Все вы, думы, знаетя, все вы, думы, помнитя,
Да чего ж вы мое сердце этим огорчаея?*

Из песни «Бестолковая любовь».
Муз. и сл. Юрия Кима

А в МВД все возвращалось на круги своя.

Досрочные парламентские выборы 2007 года ознаменовались новыми-старыми переменами.

Возвращались, отправленные недвусмысленным ярким и резким жестом и таким же твердым шахтерским словом в направлении Бобруйска прежние милицейские, когда-то давно оранжевого цвета, руководители.

Теперь уже на их улицу пришел долгожданный праздник.

Настала их очередь,

Хотя и очень толерантно, но той же коленкой препроводить в тщательно изученном ими направлении сыновей степей и терриконов.

Колено вновь сработало безотказно, с одной, пожалуй, оговоркой:

Закаленные странствиями по длинным и извилистым дорогам к «бобруйским местам», а теперь как бы вновь оттуда прибывшие уже разительно отличались от самих себя постреволуционных.

И хотя взаимная неприязнь новых и старых начальствующих кадров все еще имела место,

Было во всем этом очередном приходе-исходе из МВД свое, новое,

Невероятное ранее, «но».

То ли шаткость политической обстановки в стране,

То ли на тот момент уже никак не завуалированное общее со своими еще недавними предшественниками видение общей цели пребывания в милицейских креслах,

А возможно, и то, и другое,
Превратило пришедших и нехотя и неспешно уходящих в
братьев-близнецов, причем, цвет партийных флагов теперь
большого значения не имел.

Я же все это время, от их «любви к любви», талантливо «во-
дил козу».

Моя последняя должность сразу же после прихода «донец-
ких» еще в конце 2006 года была ими традиционно сокращена.

Новой же должности, а вместе с ней и работы, у вновь при-
бывших,

По причине их «пацанячьей» кадровой политики, вдохнов-
ленной «пацанячьим» слоганом:

«Только мы, везде и повсюду!»,

Удачно совмещенным с заимствованным у братков «поня-
тием» о том, что пацан из соседней бригады, хотя и как бы
свой, но ведь «всегда может, пацла, слить»,

Для меня, разумеется, так и не нашлось.

Профессионализм, опыт работы, да и, в конце концов, зна-
ние и понимание происходящих процессов в криминальных
кругах, доставшемся им «бывших» приравнялись пацанами к
условностям и поэтому даже не рассматривались.

Стать опером в очередной раз, да еще под «донецкими»?

Это было бы уже нечто большее, чем кризис жанра.

И тогда,

Воспользовавшись ярким примером когда-то отставленно-
го, правда, уже генерала, Корнича,

Что в 2002 году, во время пребывания в должности началь-
ника столичного УБОП Сергея Хамулы,

А это ни много, ни мало — с лета и до ранней весны,

Пересиживал на больничном,

Я, словно брежневский член ЦК КПСС, позволил себе по-
грузиться в «тяжелую и продолжительную» болезнь.

Если бы не перспективы досрочных парламентских выбо-
ров-2007, в моей «больной козе» не было бы никакого смысла.
И она достаточно быстро привела бы меня к концу милицей-
ской службы.

Но выборы все-таки не только были объявлены, но и слу-
чились.

И тогда прежняя власть снова вернулась.

Вот только, к моему удивлению,
Это была уже совсем другая власть.

Терпеливо, аж целых шесть месяцев я сдавал зачет на милицейского генерала. Ровно столько времени продолжался вынужденный коллапс моего здоровья.

Следующих два месяца я терпеливо ожидал окончания торжеств по поводу «брака по расчету» новых и старых милицейских вождей.

Чтобы потом, к своему удивлению, неожиданно обнаружить,
Что теперь,

В связи с возникшими общими целями их семьи по-настоящему, окончательно соединились.

И тогда,

Количество желающих труда и подвига сватов, братьев и просто хороших преданных парней в органах выросло в геометрической прогрессии. Несложно было догадаться, что в этом плотном и теперь уже едином строю для меня места не нашлось.

И вот тогда мои «думы окаянные» об уходе из милиции материализовались окончательно.

Мой ответ «Лариосикам»¹ — так теперь за глаза называли новых обитателей начальствующих кабинетов на улице Багговутовской, прибывших за зыбким столичным счастьем из Житомира,

Которые, как когда-то их бойкие предшественники Хамуле, предложили мне должность опера,

Был известен заранее.

Иван Митрофанович Косенко уже не уговаривал меня остаться.

Даже он к тому времени вдоволь «налюбовался» мною неадекватным, все эти месяцы — нет, не живущим, а скорее, плывущим в состоянии вынужденного безделья и неопределенности.

Ушлый начальник отдела кадров ГУБОП Украины мой рапорт об отставке принял незамедлительно.

Когда-то один из моих милицейских приятелей, с которыми мы начинали в должности оперов и который по той же при-

¹ Лариосик — персонаж романа М.А.Булгакова «Белая гвардия», племянник Турбиных из Житомира.

чине, что и я, ни так и ни сяк не пришлось к милицейскому двору, произнес удивительную фразу:

«Когда нам исполнилось сорок, то все мы — все до одного,

Пришедшие «с низа», с милицейской «земли», с райотдела и отработавшие столько лет руководителями среднего милицейского звена, для самого министерства внутренних дел, а если быть совсем точным, для тех, кто стоит у его руля, представляем реальную опасность.

Причем, именно тем, что мы все о ней, о милицейской системе, знаем».

Хорошо помня эти слова, я, сидя в кабинете начальника отдела кадров, по прошествии двадцати одного года милицейской службы был готов к любому повороту событий.

Но то, что произошло,

Меня,

«Всегда готового»,

Привело в состояние некоторого замешательства.

«Перед дембелем лежат все мечты, потому что любят его очень и здесь, и там», — говорил герой Ивана Охлобыстина, попавший на военную службу из поселка Гундосова в незабываемом для всех, кто отслужил в Советской Армии, художественном фильме «ДМБ».

Но я не мог себе даже представить, что это правило действует не только в военной части младшего армейского гундосовского сержанта.

В милицейских кадрах мне даже предложили кофе.

Вот уж действительно:

«Кто не был, тот будет. Кто был, не забудет»¹.

И только тогда, наверное, в первый раз за все эти годы я прочувствовал на себе, что такое в милиции быть самым-самым любимым,

А еще — самым родным.

Хотел ли я больше не заниматься оперской работой?

Этот вопрос тогда я задавал себе каждую минуту, и ответ на него каждый раз казался мне нереально дурацким.

А еще я хорохорился.

И даже пытался изображать безразличие.

Но кого я хотел этим обмануть?

¹ Армейский фольклор времен Советского Союза.

Милицейских кадровиков, которым было на все происходящее привычно наплевать?

Себя?

Или очередную свою киевскую весну за окном?

Я в первый раз в жизни даже внял настоятельному совету востребованного любой властью вечного начальника отдела кадров,

Который из-за известного ментовского свинства и такой же самонадеянности все последних шесть месяцев моего вынужденного отсутствия,

Думая только о том, как в очередной раз перед какими-то там, по своему личному счету, теперешними своими начальниками «прогнуться»,

Так старался меня уволить, что нарушил все мыслимые законы,

А затем, предусмотрительно просчитав и оценив все ожидающие его последствия,

Чудесным образом вмиг очнувшись, а затем, прозрев и приняв свое ни к чему его не обязывающее решение совсем на короткое время стать моим «лучшим другом»,

Предложил мне попроситься на работу все к тому же генералу Корничу, занявшему при новом «оранжевом набеге» на милицию должность начальника УБОП Киевской области.

Нет, это не был поход в поисках «последней соломинки».

Верить в положительный результат своего визита было бы глупостью с уточняющей приставкой «несусветная».

Каюсь,

У моей изначально бессмысленной прогулки, помимо моей оперской привычки все отрабатывать до конца, все же была коварная цель.

Я уже точно знал, что первое, что я сделаю в отставке, — сяду за написание этой моей повести.

И мое подсознание почему-то требовало от меня именно Корнича.

А все для того, как я только сейчас понимаю, чтобы как можно увереннее сделать,

Этот свой последний шаг,

С оперским удостоверением в кармане.

Именно поэтому, открывая дверь нового руководящего кабинета Корнича, я уже точно знал, что больше в милиции не работаю.

Хотя, как ни странно, неприятного осадка после нашего с ним разговора не было.

Он, Корнич, меня никак не удивил, не раздосадовал и даже не разочаровал — ни по одному пункту.

А его сказанная напоследок нереальная фраза:

«...Если тебя никуда не берут, то ты сам в этом виноват» —

И вовсе компенсировала все до секунды потраченное на него время.

2 мая 2008 года.

Именно в этот теплый, весенний, солнечный день я впервые за два десятка лет не только получил возможность вспомнить, как выглядит моя трудовая книжка, но и прочитать в ней выполненную вполне сносным протокольным почерком запись о моем увольнении из органов внутренних дел.

Черета милицейских открытий по поводу и без такового теперь закончилась окончательно.

Она закончилась навсегда.

Вот только порадоваться вот такому моему сравнительно благополучному исходу могла тогда только мама.

Если бы все еще была рядом.

Смотровая площадка у Замка Ричарда на Андреевском спуске была на удивление безлюдна.

А бутылка коньяка — почти пуста, своей пустотой никак не отразившись на наступлении состояния хмельного забвения.

В моей голове снова и снова всплывали картинки из теперь уже прошлой жизни.

Но не они меня сейчас волновали.

Новое, ранее неизвестное чувство заполнило все мысли.

Оно стучало пульсом в голове и не давало дышать.

Куда-то за линию горизонта уплыли в один миг ставшие нечеткими, вчера еще такие знакомые лица трусливых «серых волков» и беспощадных «белых овечек».

Теплый майский вечер спускался на лежащий под ногами город, в котором начиналась моя другая, новая жизнь.

И вдруг ко мне, стоящему между черепичными крышами и небом, пришла легкость, а за нею вначале даже испугавшая меня ясность.

Впервые за много, много лет — я был свободен.

Глава 15

*Тот, кто в субботу решил начать
Новую жизнь с понедельника,
Умер в воскресенье.*

Б. Тойшибеков

Что может быть прекраснее утра первого дня, когда тебе не нужно просыпаться от привычного протяжно-скулящего звука будильника и ты вдруг заново открываешь для себя теперь уже не раннее, а просто утро.

Утро,

Во время которого к двум чашкам крепкого кофе и холодному душу теперь прилагается, еще только вчера вечно в серых полутонах, а теперь наполненная утренним солнцем со смотрящим в окно прозрачным голубым небом и звенящим гомоном детей, бегущих в школу,

Ставшая какой-то особенно уютной моя маленькая кухня.

Правда, вдобавок ко всей этой идиллии пока еще присутствует легкая паника от того, что уже без пяти девять, а мобильный телефон почему-то еще молчит,

И теперь утреннее служебное совещание началось без тебя.

Но ведь есть еще неторопливая, третья чашка кофе.

После дополнительного, второго холодного душа.

К весне 2009 года моя повесть была закончена.

Прошедшая путь от черновика до окончательного варианта, приведенная в читабельный вид и несколько раз мною отредактированная, она была готова к печати.

Еще раз прожив, а это, как известно, полбеда,

Переосмыслив — а вот это точно беда полная,

Последние двадцать лет своей жизни,

Я теперь с нетерпением ждал,

А еще очень и очень надеялся на окончательную, как мне казалось, безоговорочную от ставшего уже тогда моим прошлым, полную амнистию.

Уверенно поставив в конце повести жирную точку под заключительным и, на мой взгляд, особенно удачным предложением, я начал томиться в ожидании.

А ожидал я приговора суда по делу милицейской банды, который, по моему замыслу, и должен был стать не только окончанием документальной повести, но и настоящим, достойным финалом прошедшего после моей милицейской отставки целого года уже другой жизни.

Сомнений в том, что приговор будет вынесен буквально вот-вот, у меня не было.

К весне 2009 года суд над бандой Гончарова, длившийся уже почти четыре года, подошел к последней стадии разбирательства — судебным прениям. И хотя такой срок был для уголовного права ну как минимум неожиданным и действительно рекордным, все рекорды рано или поздно бьются о финиш.

Ну, еще пара месяцев, успокаивал я себя — и наконец он случится, он будет, этот долгожданный, многострадальный и такой ожидаемый конец милицейской банды.

Со временем мое внутреннее состояние утомления от кропотливой и напряженной работы постепенно уступало место удовлетворению от сделанного. И в тот момент, когда эта прекрасная внутренняя гордость, разумеется, за себя любимого, уже была готова беспардонно и напористо предложить мне свою приятную во всех отношениях, нескудную, а еще интересную компанию,

Спаситель,

С только ему присущим гениальным чувством юмора, помог «молодому автору» прийти в себя, вручив ему газету «Сегодня».

«Суд над «Оборотнями» начинается снова.

Дело «Оборотней», просидевших 7 лет в СИЗО, рискует стать самым длительным процессом Украины.

Адвокат Мария Самбур.

25 марта участникам процесса по делу о печально знаменитой «банде Оборотней», которую, по версии следствия, возглавлял ныне покойный экс-подполковник милиции Игорь Гончаров, объявят новый состав суда. Это означает, что, по сути, с «нуля» начнется слушание «бородатого» дела. В понедельник факт ново-

го слушания нам подтвердил адвокат Гончарова Виктор Бояров. Процесс этот может претендовать на один из самых длительных в истории Украины.

Напомним: членов «банды Оборотней» обвиняют в том, что на протяжении нескольких лет они похищали и убивали людей с целью получения выкупа (в деле 11 эпизодов убийств). В банде, по версии следствия, кроме главаря, было еще несколько действующих на то время сотрудников МВД. Гончаров также известен своими предсмертными письмами, в которых он заявлял, будто знает, кто заказал и исполнил убийство журналиста Георгия Гонгадзе (в частности, обвинял сотрудников столичного УБОП, а также своего подельника Юрия Нестерова, называя его членом банды Киселя по прозвищу «Золотой»). Впрочем, позже, как рассказывал «Сегодня» замгенпрокурора по следствию (на то время) Виктор Шокин, эти «разоблачения» Гончарова не подтвердились (по версии ГПУ, экс-подполковник просто хотел увести внимание следствия от реальных злодеяний к вымышленным).

О том, как проходили ранее судебные слушания и почему сейчас они начинаются с «нуля», «Сегодня» рассказала адвокат Нестерова Мария Самбур. По ее словам, по существу дела его стали слушать в ноябре 2005-го (а в СИЗО многие подсудимые сидят еще с 2002 года). Новые слушания обусловлены тем, что заболели двое из трех принимавших участие в процессе народных заседателей, одного заменили резервным, второго менять нечем, потому дальше слушания с таким составом невозможны. По правилам, все участники процесса должны в нем участвовать с самого начала и без перерывов. Теоретически могут сменить и судей, но, скорее всего, только заседателей (об этом станет известно в среду).

Новые слушания означают, что абсолютно все процедуры, которые уже были проведены с ноября 2005-го, будут повторены! То есть опять вначале участники процесса выслушают обвинительное заключение, которое составляет свыше 5 томов и которое в прошлый раз слушали около 3 месяцев. И дальше – все то, что предусмотрено законом, то есть отводы, заявления, ходатайства, допросы, выступления и пр.».

Интернет-сайт газеты «Сегодня». Александр Корчинский. Вторник, 14 апреля 2009 г. 21:30.

Это была катастрофа!

Моя уже готовая рукопись отправлялась с пометкой «до лучших времен» в дальний ящик письменного стола.

И лежать ей там предстояло, исходя из сложившейся судебной практики, ну, как минимум, лет этак несколько.

Все было бы не так окончательно отвратительно, если бы снова не одно «но».

В судебном заседании по эпизоду убийства семьи Шевченко в Киевской области, что начало свой отсчет с ноября 2006 года, эпопея по вынесению обвинительного приговора участникам банды Гончарова тоже длилась уже третий год.

Причем здесь словосочетание «окончательно отвратительно»?

Ведь можно только порадоваться за судебную систему, что может себе позволить только по одному эпизоду целых три года,

А это, наверное, означает «всесторонне»,

В судебном порядке,

Изучать собранные следствием доказательства вины подсудимых.

Но тогда почему же все-таки «окончательно отвратительно»?

Дело в том, что осенью 2008 года эпизод по обвинению группы бандитов, что входили в состав милицейской банды,

И по аналогичной причине — «смертельной болезни» судьи, что случилась как раз перед самым вынесением приговора, «Пошел на второй круг».

Конечно, в жизни бывает всякое.

Но куда в истории с более чем странными болезнями двух народных заседателей смотрели больше ничем не обремененные аж с 2005 года, помимо сопровождения дела милицейской банды в суде, Какьян* и Какмяков*?

Здесь действительно было над чем задуматься всем участникам судебного процесса, представлявшим сторону обвинения,

Родственникам потерпевших,

Всем тем, кто следил за обстоятельствами, что год за годом снежным комом нарастали вокруг дела банды Гончарова.

Задуматься, насторожиться, после чего впасть в состояние обоснованного волнения.

Чтобы затем усомниться в самом торжестве справедливости заслуженного приговора сидящим за решеткой убийцам их родных и близких.

И самое, наверное, невообразимое,

Вот с этим самым сомнением вновь пройти все круги судебного заседания. С оглашением обвинения, процессуальными

формальностями и еще одним собственным допросом в качестве свидетеля во время нового судебного разбирательства.

И пока заинтересованные стороны в судебном заседании приходили в себя,

Причем, одна сторона — от шока, а другая — от переполняющего чувства иллюзорной надежды,

Несостоявшийся «молодой автор» просто взбесился.

А ведь, действительно, было отчего.

До этого самого момента изобретенный медиагероями и пока не дававший сбоев способ получать милицейскую выслугу без милицейской службы формально касался только никак не проводимой ими дальнейшей разработки банды Гончарова. А еще какой-то там имитации оперативного сопровождения двух дел по обвинению установленных участников милицейской банды в суде.

Именно для продолжительного ничегонеделания им и была необходима газетно-киношная шумиха вокруг дела. Из которой, помимо маленьких приятностей в виде значков и знаков, они получали своеобразный предохранитель.

Тем более, когда для усиления эффекта подачи удобной информации, без понимания, что он в действительности творит, в роли антуража пользуется свидетель Юрий Нестеров.

Ведь за надутыми красными щеками так же невозможно рассмотреть глаза, как и за газетным воем — оценить реальность в действительности проводимой оперативной работы по делу. Да еще с таким вот информационным фоном. Это просто невозможно сделать не владеющим общей картиной, постоянно меняющимся, всегда совершенно новым милицейским начальникам.

И хотя терпеть все эти шалости «молодому автору» было просто неприятно,

Но, с другой стороны, выяснять какие-то там отношения и становиться примитивными склочниками ни мне, ни, тем более, разделявшему все мои тревоги Хамуле не хотелось в принципе.

В конце концов, если милицейская система позволяет себя пользоваться, значит, она получает от этого какое-то там удовольствие.

Другое дело — произошедшие весной 2009 года события.

После которых до того самого времени проворные мальчонки, столько лет получающие маленькие и большие радости от имитации оперативных мероприятий и изобретательно стригущие милицейские купоны,

Которым было бы ну очень удобно, чтобы суд над бандой Гончарова был если уж не вечным, то очень, очень продолжительным,

Теперь становились прямыми подельниками кроящих по своему усмотрению судебное заседание,

Совсем близко стоявших у порога пожизненного заключения, Убийц.

Глава 16

Стыду научить нельзя, с ним нужно родиться.

Публилий Сир,
римский мимический поэт.
I век до н.э.

Из небогатого арсенала для справедливого гнева рядового пенсионера МВД,

Что блокнотными листиками в клеточку распахан по карманам теперь уже в навсегда занявшем свое место в шифоньере парадном милицейском мундире,

Я, не мудрствуя, выбрал прессу.

В милиции общение с журналистами является прерогативой исключительно министра, и совсем немного — самых высоких милицейских чиновников.

Исключением в этом неписаном правиле, как ни странно, был все тот же изгаляющийся Какмяков*.

Вот тогда-то, в своем праведном гневe, в первый раз я решил нарушить не только первый пункт неписаного милицейского правила в отношениях с масс-медиа,

Но и звучавший четко и лаконично пункт второй, что касался любого расследуемого и уже расследованного уголовного дела:

«Все подробности в печать попадают только после вступившего в силу приговора суда».

Но о какой тайне суда и следствия после многолетних излияний все тех же героев всеукраинского масштаба можно было тогда говорить?

Да и, в конце концов, я уже целый год в списках МВД больше не значился.

Мое интервью «Комсомольской правде», что вышло в августе 2009 года и которое затем без сокращений вывесил интернет-сайт «Украина криминальная», застало Какьяна* и Какмякова* за своим привычным занятием.

Они настойчиво поддерживали привычный образ героев.

Последним их тактическим ходом стал материализацией их мыслей о деле Георгия Гонгадзе, которые они, сопроводив удачной –

Нет,

Просто суперудачной фотографией,

Изложили газете «Киевские ведомости» в начале все того же августа 2009 года¹.

А тут я,

В своем безудержном порыве,

Что не просто посягнул на подачу «героями» своего такого удобного во всех отношениях, комфортного видения происходящего вокруг дела банды Гончарова, что в принципе, и так очень и очень возмутительно,

А словно слон в посудной лавке, взял и беспардонно растоптал те последние опавшие листья, что остались от их когда-то теплого милицейского бабьего лета.

Хотя,

В этом отдельно взятом случае –

«Какие бабы, такое и лето»².

Настоящее же милицейское лето наших «героев» закончилось еще ранней весной 2007 года.

Закончилось,

С ледяным ветром, что принес в МВД новых начальников, в графе «место рождения» которых значился город Донецк.

Вот тогда-то их ласковое, производящее бронзовый загар милицейское солнышко вслед за генеральской манишкой Корнича беззвучно упало за всегда непонятный в своих дальнейших перспективах милицейский горизонт.

Новых хозяев МВД «подвиги героев» не интересовали в принципе.

Да и слушать о них им совершенно не хотелось.

Девчонок ждала не давно ставшая вечно манящей реальностью сладкая девичья доля, а та самая, забытая ими еще с осени 2002 года оперативная работа. С бездонными ночами, гонкой по стране и ежемесячными отчетами о личной раскрываемости ими преступлений.

Осенние мокрые листья закружились, завертелись в своем бестолковом кругу, щекоча превратившихся в тушки еще вчера фигурища в сшитых на заказ милицейских фуражках,

¹ См. приложение, стр. 705.

² Афоризм. Автор неизвестен.

Беспардонно прилипая к еще недавно играющим на летнем солнышке рядам их теперь уже совсем не блестящих наград.

Но ведь инстинкты для того и существуют, чтобы хоть иногда подсказывать правильный выход.

И теперь уже новым хозяевам милицейских генеральских кабинетов после долгих часов атак на их приемные пришлось-таки уяснить, что такое настоящий милицейский подвиг.

А затем оно все-таки настало, то самое их бабье лето.

Когда в МВД в 2007-м все вернулось на круги своя.

Правда, генерал Корнич теперь боролся с организованной преступностью в границах Киевской области.

Но все равно солнечные дни вновь напомнили «героям» о себе той немного позабытой приятностью.

Вот тогда-то слух о подвиге одного из наших двух героев в темном неотопливаемом парадном свидетеля обвинения Нестерова, который имел место быть в феврале 2005 года, чудесным образом, минуя министерские милицейские кадры, не просто дошел до стен Администрации Президента Украины –

Он вернулся,

Причем, вернулся настоящим, красивым орденом.

И вот тут бы нашим «героическим героям» присесть на знакомую завалинку,

Послюнявить пальцы, скрутить длинную самокрутку да и начать, сладко покуривая, выпускать то круглые колечки, а то и вовсе, по-стариковски, дым из ноздрей,

Привычно прищелкивая языком, снова подставляя под теплые лучи солнца играющие приятным розовым цветом округленные щечки.

Ан нет.

Ну разве можно впустую переводить душистый табачок, когда повсюду новый-старый министр Юрий Луценко направо и налево раздаёт именные пистолеты?

Ведь имена-то у «героических героев» уже как бы были,

А вот те самые именные пистолеты, ну как назло, к ним все еще не прилагались.

И поэтому-то,

Словно кровь из носа, и возник у них немедленный спрос хоть на какой-нибудь подвиг.

Тем более что накопленный тогда опыт «героических героев» тихо подшептывал, где его можно при особом желании обнаружить.

17 сентября 2008 года Министерством внутренних дел был издан приказ «О поощрении работников внутренних дел» № ***1 л/с.

Из описательной части приказа следовало, что:

«В апреле 2002 года, в результате реализации оперативно-розыскного дела работниками ГУБОП МВД Украины и УБОП ГУ МВД Украины в г. Киеве ликвидирована организованная группа, в которую входило 18 участников из числа действующих и бывших работников органов внутренних дел, которая в период 1996-2002 годов занималась похищением людей из числа бизнесменов с целью вымогательства выкупа, совершала заказные убийства и иные тяжкие преступления».

И если не заметить легких неточностей в повествовательной части приказа,

Ну, например, того, что в банду в действительности входили не 18 бывших и действующих работников милиции, а только 9,

Или что в ходе следствия, проведенного Генеральной прокуратурой Украины по уголовным делам № 62-2222 и 49-1502, участникам банды совершение убийств на заказ доказано не было,

Да и не была тогда уже милицейская банда организованной преступной группой,

То, в принципе, чем не повод для долгожданной пистолетной награды?

Чтобы потом,

Предварительно разорвав в клочья свой за столько лет подавленный и уставший от многочасового применения матрас на ветошь,

Завести себе бутылочку с машинным маслом,

А затем,

Неспешно разобрав желанную награду на части, в том же ритме натирать сталь до блеска, иногда поглядывая на дарственную надпись на рукоятке.

Ведь все другие, настоящие участники ликвидации банды Гончарова были уже на пенсии и правду рассказать не могли.

А пока еще работающий в милиции, последний из могикан Игорь Прикладовский, который давно уже был в оперском процессе, мудро предпочел с соискателями, накропавшими рапорт для приказа о своем «пистолетировании», не связываться.

И все было бы тогда, наверное, для «героев» хо-ро-шо, если бы не произошло известная неприятность.

Подружиться, как бы им этого ни хотелось, у «героических» с новым начальником ГУБОП не получилось.

Так что,

Читая окончательный вариант долгожданного приказа, им только и осталось, что горько вздохнуть, а затем вновь украсить свои и без того яркие мундиры еще одним милицейским знаком.

Была в списке награжденных и моя фамилия.

Именно, в списке.

Причем, среди аж двух десятков частично неизвестных и на моей памяти не участвовавших в ликвидации банды Гончарова фамилий.

Вот уж действительно — «героям всегда видней».

Но не перегиб со списком для награждения участников ликвидации банды образца сентября 2008 года тогда стал причиной первых заморозков со срывающимся снегом в бабьем лете наших героических героев.

Причиной начавшейся зимы стала их новая попытка в очередной раз удобно выставить свои акценты.

Когда осенью 2008 года мне позвонил опер из министерской внутренней безопасности и попросил прийти для дачи объяснений,

Первое, что я сделал, так это кинулся искать в Интернете новости о ходе суда по делу милицейской банды.

Но ни новостей, ни новых душещипательных подробностей из газеты «Зеркало недели» там не было.

Интернет тревожно молчал.

А причиной моего неожиданного вызова во внутреннюю безопасность в действительности стал рапорт Какмякова* об угрозах.

Злые, те самые неустановленные лица,

Разумеется, из оставшихся на свободе милиционеров-бандитов,

После его скоро уже пятилетнего, кропотливого, а иногда даже самоотверженного сопровождения дела милицейской банды в суде,

До неузнаваемости меняя свои преступные голоса,

Не просто привычно молча дышали в телефонную трубку —

Они,

Еще в нее и... угрожали.

И хотя в самом начале от такой вот «страшной новости» было действительно весело,

Ведь в принципе, это переходило все границы.

Пожалуй, в первый раз за все время после чудесного появления в деле ранее не никому не известных «героев» я почувствовал вкус зубной крошки во рту.

Ведь в помощники, что улучшали бы и без того безоблачную и беззаботную жизнь героических героев, я больше не хотел и не годился.

Тем более, не желал участвовать в игре на выдавливание из МВД наградных пистолетов для «благородной цели» их личной самозащиты.

Мое нежелание быть мешком в очередном придуманном героическими героями балагане моментально реинкарнировалось в заявление министру внутренних дел Юрию Луценко.

В нем я отказался от «Почетного знака ГУБОП МВД Украины 1-й степени», что полагался за наличие моей фамилии в странном списке более чем странного приказа по МВД.

Причину я придумал не вескую, а совершенно нейтральную.

Ведь с «талантливыми учителями» их придумывать за всю мою милицейскую службу у меня никогда нужды не было.

Хотя,

Первый серьезный снег упал на специально изготовленные для парадов фуражки «героев» совсем не из-за моего демарша.

Въедливый опер из внутренней безопасности, которому по роду деятельности необходимо было принять все меры и организовать охрану от посягательств на жизнь работников милиции,

Прежде чем поставить пост в квартире попавшего под «преступный пресс героя»,

Назначить для него внушительную группу телохранителей,
И, самое главное,

Определить место множественных засад по всему его пути следования на любимую работу,

Начал,

С длинного, аж на двенадцать страниц, служебного расследования.

Вот оно-то и стало тем самым холодным осенним дождем, потом сорвавшимся в мокрый снег, что навсегда отправил в историю то самое их милицейское бабье лето.

И если бы не теплый порыв ветра,

Что принес временную и такую спасительную оттепель из Киевской области, которая так и не позволила автору расследования, что не только аргументировано усомнился в участии

«героических героев» в ликвидации милицейской банды, но и поставил под сомнение все до одной полученные ими по этому поводу награды,

Донести его до окончательного, высокого утверждения.

То кто знает,

Может быть, и не было бы еще и этих двух лет судебной тягомотины в истории о милицейской банде.

Но вернемся к августу 2009 года.

Можно только представить, что тогда произошло с «героями», когда им в руки попал именно этот номер «Комсомолки».

Но ждать от них раскаяния?

А затем положенного в таких случаях еще и покаяния, что переплелось бы с надрывным, летописным плачем Ярославны!¹

Ах, где эта высокая крепостная стена, с которой бы и я тогда всплакнул вместе с громко кающимися, хотя и выбрал бы при этом место где-нибудь на почтительном от них расстоянии?

А поводов всплакнуть, когда тебе уже сорок, найдется предостаточно.

Но ведь я пишу документальную повесть, а не добрую милицейскую сказку.

Второй удар уже знакомой им шваброй,

Но теперь с логотипом интернет-сайта «Украина криминальная», что пришелся «героям» по тому же, от долгого сидения и лежания обрюзгшему месту,

Долго ждать себя тоже не заставил.

И вот тогда у героев случилась не просто ожидаемая в таких случаях истерика –

В два своих луженых горла практически в унисон они издали – нет, не крик.

Это был знакомый каждому из военного кино протяжный вой сирены. Который, кстати, идеально копирует перекормленный выспавшийся кот, по привычке неспешно бредущий к своему мягкому коврику с миской корма у изголовья,

Что вдруг,

Всем своим естеством, а вернее, тем, что от него осталось, осознает отсутствие своего привычного движения вперед,

Движения, как такового.

И тогда в охватившем его отчаянии он сбивает когти в кровь, оставляя вокруг себя глубокие борозды с хаотично летя-

¹ Плач Ярославны считается одним из самых поэтических мотивов «Слова о полку Игореве»: княгиня оплакивает раны мужа и гибель его полка.

шей во все стороны — нет, не стесанной, а, скорее, вырванной из деревянного пола стружкой,

Чтобы, наконец,

Все с тем же протяжным сиренным воем,

Все-таки сорваться с места,

Затем оглядеться на предмет своей неожиданной задержки,

И к своему ужасу обнаружить,

Одиноко висящие на только вчера вбитом в пол гвозде свои теперь уже такие бесполезные яйца.

Чтобы затем на секунду замереть от ужаса,

Окончательно обделаться,

И снова завывать, теперь уже вместо привычного громкого гортанного воя только что приобретенным протяжным фальцетом.

Со стенограммой процесса пути к добровольному оскотлению от таких исключительно мужских качеств, как честь, совесть, личное достоинство, а еще общечеловеческая порядочность,

При особом желании до сих пор можно ознакомиться¹ в незатейливых комментариях называющих себя то Сеней, то Веней, то еще кем-то там Какьяна* и Какмякова*,

Вывешенных для поддержания рейтинга сайта «Комсомольской правды».

И если закрыть глаза на такое общепринятое, всегда неоднозначное отношение ко всем без исключения комментариям и комментаторам из Интернета,

Только в моем,

Подчеркиваю, именно в моем, отдельно взятом случае,

Меня по-настоящему бесит один-единственный момент:

Так какого, бля... красного эти евнухи в своем фекально-рвотном приступе с таким упорством обзывают меня «Герасимом», если всю мою сознательную жизнь, с первого класса, меня всегда называли «Гера»?

¹ См. приложение, стр. 706-710.

Глава 17

*Душевым пенится вином
И служит жизненным оплотом
Святой восторг своим умом,
От Бога данный идиотам.*

И. Губерман

Всякая истерика, какой бы эмоциональной и яркой она ни была, уже в самом начале предполагает свое неминуемое окончание.

У нее, истерики,

уже изначально есть своя, пока еще известная только ей, но уже утвержденная система координат со своим пиком и со своим окончательным угасанием. Давно уже загнанными в хотя еще и размытые, но все-таки временные, рамки.

Поэтому-то о ней, истерике, можно писать с особой и, если хотите, твердой уверенностью в ее неминуемом скором конце.

Даже и не вспомнив о спасительном, в случае со всякой истерикой, словосочетании:

«Рано или поздно».

Истерический вой Какьяна* и Какмякова*, неожиданно для всех его участников, в нем задействованных и в него не втянутых,

Для всех тех, у кого не было выбора и кто просто был вынужден все «это» читать и слушать,

Прекратился ровно через девять дней.

Причем, его конец наступил с неожиданной для любой истерики формулировкой:

«За ненадобностью».

Произошло это знаковое событие 19 августа 2009 года.

Именно в этот душный летний августовский день Юрий Нестеров, до этого считавшийся главным свидетелем обвинения по делу милицейской банды Гончарова и по этому поводу пользовавшийся всеми полагающимися ему благами и удовольствиями, был арестован прямо в зале суда.

И хотя «героические» и сумели достаточно быстро переключиться, сменив одну истерику на другую, и даже завербовать в помощники тогдашнего министра внутренних дел Юрия Луценко, который сдуру подписал их слезное письмо на имя председателя Киевского Апелляционного суда с просьбой Нестерова освободить,

Увы, все было бесполезно.

Судья, что уже четыре с лишним года рассматривал дело банды Гончарова, был неумолим.

И Нестеров сначала очутился в камере,

А затем и вовсе занял огражденное клеткой в зале суда, остающееся все это время свободным гончаровское место на той самой, скамье подсудимых.

Неожиданно осиротевшие и потерявшие все без исключения свои перспективы Какьян* и Какмяков* вновь оказались не просто привычно предоставленными самим себе. Теперь впереди их ожидал такой прогнозируемый и неминуемый, доведенный постоянным использованием до блеска, милицейский медный таз.

Но прежде чем он блеснет на их горизонте своим всегда фатальным светом из совсем не греющего грязно-желтого круга, отдаленно напоминающего висящее над головой солнце, чтобы затем боевым соколом упасть вниз,

Давайте вернемся к фигуре Юрия Нестерова.

И уже по сложившемуся правилу ответим на новый, ставший на короткий срок главным вопрос:

«А какова настоящая причина такого, на первый взгляд, неожиданного ареста?»

И вначале,

Уже традиционно,

Пусть в образовавшуюся темноту неожиданности с непониманием выкрикнет первая его версия.

Причем, версия с пометкой «официальная».

«Дело «банды Оборотней» разваливают.

Лишили охраны и посадили в СИЗО человека, на чьих показаниях только и держится обвинение.

Нестеров. Если изменит показания, «дело Оборотней» развалится.

В Апелляционном суде Киева произошло событие, которое может вскоре развалить знаменитое «дело Оборотней»: прямо

в зале заседаний был взят под стражу единственный подсудимый, который дает признательные показания — Юрий Нестеров. До этого Юрий находился на подписке о невыезде и под охраной ГУБОП МВД Украины. Теперь охраны нет...

Напомним, что «банду Оборотней», которую, по версии следствия, возглавлял подполковник УБОП Игорь Гончаров (позже умерший при неясных обстоятельствах), обвиняют в похищении людей с целью выкупа и последующих 11 убийствах. На скамье подсудимых бывшие офицеры милиции и штатские. На днях им всем было предъявлено обвинение в суде, которое полностью признал только Юрий Нестеров, на показаниях которого все и держится (взамен откровенности ему была обещана подписка о невыезде и охрана).

В среду же, как рассказала «Сегодня» адвокат Нестерова Мария Самбур, в суд поступило письмо из судебной милиции «Грифон». Там говорилось, что, мол, уже 4 года Нестерова охраняет ГУБОП, а не «Грифон», а безопасность подсудимого, по закону, лежит на судебной милиции. Потому, мол, отмените, судья, свое постановление об охране Нестерова ГУБОПом. И судья принял такое решение, а заодно арестовал Нестерова. Юрия тут же поместили в «клетку» к бывшим подельникам (которые его ненавидят за признательные показания), а потом увезли в Лукьяновский СИЗО.

Адвокат полагает, что теперь «дело Оборотней» может развалиться — если Нестеров, не дай Бог, неловко упадет с нар и убьется, или просто изменит в тюрьме свои показания (либо вообще от них откажется).

Так же, неофициально, считают в МВД, где в среду разбирались, откуда и почему взялось «грифоновское» письмо. Официально там пока случившееся не комментируют.

Из ГПУ нам сообщили, что прокуратура «негативно отнеслась к судебскому решению», но обжаловать, по закону, не может».

Газета «Сегодня». А. Корчинский. Четверг, 20 августа 2009 г. 08:01.

А теперь, по совету Козьмы Пруткова, давайте начнем «зрить в корень»¹.

¹ Козьма Петрович Прутков — литературная маска, под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50-60-е годы XIX века поэты Алексей Толстой (наибольший в количественном исчислении вклад), братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы (фактически их коллективный псевдоним), а также Петр Ершов.

Тем более, выбора после такого вот сюжетного поворота вновь не остается.

Причем, этот «корень» — корень настоящий.

Который, как известно, при определенных обстоятельствах трудно удержать, а тем более, спрятать за железной молнией модных джинсов.

«29 июля 2009 года.

Найдена голова Георгия Гонгадзе.

Вчера утром недалеко от села Сухолесы Белоцерковского района Киевской области были найдены фрагменты якобы головы журналиста Георгия Гонгадзе (главного редактора интернет-проекта «Украинская правда»).

«Во вторник около 11 часов был обнаружен фрагмент черепа человека, именно в том месте, в котором указал обвиняемый Пукач. Следователи предполагают, что это череп Георгия Гонгадзе, — заявил заместитель генпрокурора Николай Голомша. — Сейчас ведутся работы по установлению других фрагментов костей черепа».

**Интернет-сайт: «Происшествия». 29 июля 2009 г. 08:00.
Юлия Зарицкая.**

Какая между этими двумя событиями связь?

Между арестом Нестерова и обнаружением страшной находки в месте, указанном арестованным генералом Пукачем?

«... Спросите об этом мальчишку, что в доме напротив живет. Он с именем этим ложится и с именем этим встает»¹.

А теперь — о том самом «мальчишке»,

Что с 2005 года,

Без устали и времени на длительные перекуры,

Поражая читателей такого уважаемого издания, как «Зеркало недели», и не только их, своей «оперативной интуицией»,

Убеждал страну в участии банды Гончарова в похищении и убийстве Георгия Гонгадзе.

А когда неожиданно для всех были арестованы непосредственные участники похищения журналиста — то в перезахоронении предполагаемых останков журналиста.

¹ Из стихотворения «Хорошая девочка Лида». Я.Смеляков.

Пересказывая на все лады,

Растиражированные в прессе показания все того же Нестерова, которые он когда-то давал об увиденных им «странных» гостях Гончарова с внешностью правоохранителей, да еще и с российским акцентом¹, хотя самого разговора Нестеров, увы, не слышал.

«Мальчишка» и не думал прекращать изгаляться.

Подражая главарию милицейской банды Гончарову, он к тому времени уже четыре целых года без устали «матросил» факт похищения журналиста.

Зачем?

А как еще прикажете поддержать ауру таинственности вокруг своего многолетнего дуракаваляния?

Тем более, когда смена милицейских руководителей, связанная с цветом форменных рейтуз, достигла скорости тараканьих бегов. И просто перечитать биографию Гончарова, в которой черным по белому написано о времени его учебы в школе милиции в Москве, в принципе было некому.

Вот тогда-то сентиментальная встреча однокашников может сойти за вселенский заговор.

Тем более, когда этого очень, очень хочется.

А теперь — очередь первоисточника от знакомого автора.

«Алексей Пукач: «Вы ужаснетесь...»

Как стало известно «ЗН», возле села Довгалеvское Ракитнянского района Киевской области на указанном некогда беглым генералом А. Пукачем месте захоронения головы Г. Гонгадзе были найдены также человеческие кости, принадлежащие, по заключению эксперта, человеку лет 50-ти и лобовая часть черепа человека 30-40 лет. На месте убийства Г. Гонгадзе, возле села Сухолесы Белоцерковского района Киевской области, с августа проводятся поиски фрагментов одежды Георгия. Там обнаружены останки шестерых людей. Женский скелет (40-50 лет); фрагмент скелета человека (челюсти, кости пальцев руки); фрагменты скелетов еще четверых людей. В том числе череп человека 20 лет от роду

¹ В своих интервью в средствах массовой информации Какмяков*, ссылаясь на показания Нестерова о том, как он стал случайным свидетелем встречи Гончарова летом 2000 года с мужчинами, внешне похожими на представителей правоохранительных органов и говорящих с явным российским акцентом, и о якобы их участии в предполагаемой слежке за Гонгадзе, делает выводы об их участии в его похищении и убийстве.

также с явными признаками насильственной смерти: с характерными повреждениями, возникшими в результате удара тупым предметом.

Все останки переданы в Главное бюро судебно-медицинских экспертиз МОЗ Украины. Поиски продолжаются...

Страшные находки — результат показаний всего одного милицейского генерала. И сотни украинских семей заново переживут притупившуюся со временем боль потери близких, пропавших без вести. Кто-то из них, возможно, распрощается с призрачной надеждой увидеть родного человека живым. Вместо этого останется уже только одна запоздалая надежда — на то, что, как и Гию, расчленили их не до, а после смерти...

Означает ли это, что усилиями правоохранителей Киевская область очень-то отличается от Донецкой, где местные бандиты — без погон — небрежно закапывали тела своих многочисленных жертв прямо у расстрельных стенок, обнаруживаемых впоследствии по чьей-то руке, торчащей из земли?

Насколько известно, вышеупомянутые районы Киевской области не упоминаются в материалах дела знаменитых милицейских «оборотней», смертоносную деятельность которых с какими-то невероятными, совершенно нереальными перипетиями уже который год рассматривает суд.

Но показания-то давал только один подсудимый. А о чем умолчали другие или что известно тем, как следует из материалов дела, многим, кто остался на свободе?

Когда-то правоохранители высокомерно указывали, что дело милицейских оборотней и дело Г. Гонгадзе не имеют друг к другу совершенно никакого отношения, все это журналистские выдумки. Время показало, что даже если это были разные «боевые отряды» нашего славного МВД, то сегодня принципиален уже, пожалуй, только вопрос о том, сколько всего существовало милицейских эскадронов смерти, кто их направлял и, соответственно, сколько их осталось «при исполнении». Вопросы однозначно риторические — ответа на них мы не получим. Как утверждают посвященные, генерал А. Пукач сегодня об этом говорит так: «вы ужаснетесь». Чему еще?

Шестого октября в третий раз было перенесено судебное заседание по делу «оборотней». Объявленная причина — болезнь судьи. С 19 августа, после того, как свидетель-обвиняемый по делу Юрий Нестеров был взят под стражу, ни одного слушания так и не состоялось. Очевидно, Ю.Нестерову дают время осознать и прочувствовать, что от своих показаний надо отказываться. Генпрокуратура, МВД и Верховный суд Украины считают, что

основания задержания Нестерова, мягко говоря, непонятны. Формальным основанием для задержания стала неясного происхождения бумага из того же МВД, а сам Нестеров в интервью «ЗН» (№ 33 от 5 сентября 2009 г.) заявил о том, что на него оказывают давление. Ну и что? Караван идет. Нестерова содержат в гораздо более жестких условиях, чем остальных арестованных. Контакты с внешним миром максимально ограничены.

«Дело оборотней» тянется бесконечно, интерес к нему закономерно угасает, несмотря на постоянно подбрасываемые им сюрепризы. Вот, например, на днях был взломан находящийся в МВД сейф с оперативно-розыскным делом по «оборотням». Наверное, у действующих сотрудников нервы уже не выдерживают всей этой судебной интриги с рассмотрением дела, и они пошли на радикальные шаги, чтобы узнать, наконец: есть среди «оборотней» их имена, или пронесло...».

Александра Примаченко. «Зеркало недели» №38, 10 октября 2009 г., 00:00.

И если не брать во внимание историю с «...например»,

«...например, на днях был взломан находящийся в МВД сейф с оперативно-розыскным делом по оборотням»,

Причиной которого был сам «мальчишка» с товарищем,

Который после ареста Нестерова не только перестал без веской на то причины пропускать работу, но и не пожелал доложить своим начальникам об итогах своего нелегкого, почти четырехлетнего труда,

И, кстати, никак не был связан с проведением по доставшемуся от меня оперативному делу по разработке банды Гончарова с все тем же одноименным названием «Снегири» ну хоть каких-нибудь новых или хотя бы дополнительных оперативно-розыскных мероприятий.

И упустить по этому поводу странный вывод самого автора, что после стихов Ярослава Смелякова вызывает стойкую ассоциацию с матерными частушками,

«...Наверное, у действующих сотрудников нервы уже не выдерживают всей этой судебной интриги с рассмотрением дела, и они пошли на радикальные шаги, чтобы узнать, наконец: есть среди «оборотней» их имена, или пронесло...».

А направить свой пытливый ум на все тот же, преодолевший все условности и преграды, до сих пор рвущийся во все стороны «корень» от Козьмы Пруткова,

То бесспорно,

Именно он-то и приведет нас к блаженству истины.

«Наливайченко: «На месте убийства Гонгадзе обнаружено «милицейское кладбище»».

Останки еще семерых людей, погибших насильственной смертью, были обнаружены на месте убийства журналиста Георгия Гонгадзе. Об этом заявил экс-глава СБУ Валентин Наливайченко в эфире программы «Шустер-live».

По словам чиновника, правоохранительные органы нашли настоящее «милицейское кладбище».

Наливайченко добавил, что когда бывшего начальника Департамента внешнего наблюдения и криминальной разведки МВД Алексея Пукача арестовали, он признал свою вину и обещал назвать тех, кто приказал ему убить журналиста.

«Когда Пукача задержали, он пообещал назвать заказчиков преступления. Потом он сотрудничал со следствием, показал место преступления. Были найдены и орудия убийства. Все совпало. И сейчас заказчики должны быть названы и наказаны. И если следствие будет справедливым, это станет уроком для других высокопоставленных чиновников, что они не останутся безнаказанными», — сказал экс-глава СБУ.

В то же время народный депутат Геннадий Москаль опроверг его слова и заявил, что останки людей принадлежат солдатам, погибшим во время Второй мировой войны, сообщает Ukrainews.

Как сообщал MIGnews.com.ua, в среду, 2 марта, Апелляционный суд отказался удовлетворить ходатайство Мирославы Гонгадзе и оставил в силе решение Печерского суда о законности закрытия уголовного дела в отношении Пукача в части обвинения в заказном характере убийства журналиста».

Интернет-сайт: MIGnews.com.ua. 05.03.2011 г., 08:05.

Ну и как можно было пережить тогда, в конце июля 2009 года, еще без приставки «экс», главе СБУ Наливайченко доклад своих подчиненных о «милиейском кладбище»?

А что после такой находки должно было произойти в голове самого Генерального прокурора?

Две милицейские банды убийц, действующие в столице в одно и то же время, — это уже не просто слишком для мирового сообщества, для страны, для самой милиции.

Это по-настоящему страшно.

А тут еще этот,

Не ведающий, что творит,

Постоянно рассказывающий с экрана телевизора и со страниц газет о своих наблюдениях о лете 2000 года и пока все еще живущий под подпиской о невыезде Юрий Нестеров, что уже давно с легкой руки некоего Суши Камикадзе стал «коктейлем»,

Суши Камикадзе: «Дело «оборотней». Юрий Нестеров — три в одном: наркоман, убийца, мошенник». Интернет-сайт «Украина криминальная», 06.03.2003 г.

И которому вторит «эксперт по ликвидации милицейской банды» Какмяков*.

Да и где еще на постсоветском пространстве можно как-нибудь во время заката задумчиво поболтать о жизни и любви, если не в следственном изоляторе?

Тем более, когда весь день потенциальный собеседник сидел в одной клетке со своими поделчиками, попавшими туда, в том числе, из-за его признательных показаний?

Что же касается самого сюжета моей повести,

То в нем именно так,

Брошенная в смятении в никуда знаменитая реплика героя комедии «Ревизор» о высекшей саму себя унтер-офицерской вдове, вышедшая из-под пера Николая Васильевича Гоголя,

В первом десятилетии двадцать первого века не просто материализовалась.

Она нашла свое подтверждение в событиях и лицах.

А теперь вернемся к заявленному ранее медному тазу,

Что возникает всегда некстати и с только ему присущим характерным звуком и траекторией.

Скользнув по линии милицейского горизонта, он все-таки шлепнулся на головы Какьяна* и Какмякова*, не оставив «героям» никаких шансов, сделав их детьми лейтенанта Шмидта, пришедшими в кабинет председателя горисполкома в городе Арбатове,

Причем, сразу же после поочередных визитов к нему Остапа Бендера, Шуры Балаганова и Михаила Самуэлевича Паниковского¹.

Вот тогда-то сообразительный Какьян*, не желая дожидаться прилюдной порки, бросил Какмякова* один на один не только с его так до конца и не реализованными желаниями, но и с пустым служебным сейфом,

В котором уже никогда не будут пылиться тома с пожелтевшими от времени документами о ликвидации банды Гончарова,

И резво, словно не знавший вкуса милицейских поводов молодой скакун, сбежал на пенсию.

Но даже возвращение после пяти лет усушки и отлежки оперативного дела «Снегири» обратно в столичный УБОП не стало, да и не могло, наверное, больше никогда стать той последней точкой для освободившегося от «трудов праведных» нашего героя.

Уйдя в неглубокое подполье, что-то там,

А то, в родном для него и привычном для всех остальных, в том же самом «сям»,

Он упрямо продолжал давать о себе знать когда-то им же взбудораженному читателю.

Только теперь герой стал этим невыносимым для самого себя инкогнито.

Но как, позвольте, можно замаскировать стиль изложения, а самое главное, мысли «настоящего эксперта»?

Даже тогда,

Когда стройными строчками их выдает журналист, который во время дремучего кучмизма,

Самым первым,

Летом 2002 года,

Не только поднял находящуюся в списке «неприятных для власти» тему о ликвидации банды убийц из милиции,

Но и ввел в лексикон страны новое значение слова «оборотни».

И который затем в течение почти десяти лет достаточно профессионально освещал ход расследования дела милицейской банды.

¹ Герои романа «Золотой теленок» (И.Ильф, Е.Петров), которые выдавали себя за сыновей героя революции 1905 г. лейтенанта Шмидта, вымогая у советских местных властей деньги и льготы.

А еще был на похоронах жертвы самого первого доказанного бандитам эпизода.

Убитого бандой в 2000 году Михаила Гельфонда.

«СЕМЬ СТРАННОСТЕЙ ДЕЛА»

Они подтверждают версию о том, что главные «Оборотни» остались на свободе и всеми силами мешают расследовать дело до конца.

1. После задержания «Оборотней» группу УБОП, занимавшуюся этим делом, разогнали.

2. Игорь Гончаров умер при неясных обстоятельствах, и тело его мгновенно кремировали.

3. Юрию Нестерову сотрудники МВД открыто предложили взять 50 тысяч долларов и уехать в Германию (дело по этому факту возбудили и замяли).

4. Покушение на Нестерова и сотрудника УБОП К...ова (бросали гранату и стреляли, дело не раскрыто).

5. В суде один из «Оборотней» спросил, не боится ли Нестеров за семью. И через неделю была попытка похищения жены Юрия. Похитителей нашли, но не наказали.

6. Нестерову обещали, что в тюрьму он не сядет, однако арестовали, а на днях вынесли приговор: 6 лет лишения свободы.

7. Вскрыли под видом служебной проверки сейф с секретными оперативными материалами по «оборотням», остающимся на свободе. Материалы полтора месяца «гуляли», возможно, все секреты «ушли».

Александр Корчинский. Газета «Сегодня», 02 июня 2010 года.

Не знаю, почему ко всему этому изобилию автор не добавил еще несколько, без сомнения, озвученных ему его «экспертом» пунктов.

Ну, например:

1. Смерть отца Юрия Нестерова, которую Какмяков в свое время пытался выдать за всю ту же странность.*

2. Стрельба из пневматического пистолета по окнам балкона журналистки Елены Кокиной, которая незадолго до этого выпустила очередной фильм о «подвиге героев».*

Только вот у девушки, что была еще по совместительству помощником народного депутата, хватило ума не только не раздувать происшествие до обязательного для журналистов и необходимого для «героев» уголовного дела, сославшись на брошенный хулиганами в окно камень,

Но и больше к источнику своего временного телевизионного вдохновения не возвращаться.

3. Найденные на крыше подъезда родителей Нестерова несколько снарядов времен Великой отечественной войны. Учитывая, что дом девятиэтажный, а квартира находится на четвертом этаже.

Не говоря уже о вышеописанных телефонных угрозах самому «законспирированному герою».

Да мало ли что еще можно написать газетному репортеру ради Ее Высочества сенсации?

И какая, в принципе, разница, что все перечисленные аргументы вместе с опять не удавшимся покушением теперь уже на похищение практически «не тянут»?

В конце концов, когда ты уже долго в профессии, ради все той же сенсации,

Наверное, можно отказать появившейся невесте откуда на твоём пороге самой Жанне Фриске,

Произнеся услышанный где-то несложный текст:

«...Уважаемая Жанна Фриске.

Держите себя в руках.

Я женат.

И кипятильник свой заберите»¹.

Чтобы затем,

На несколько секунд затаить дух, любуясь ее походкой от бедра в сторону выхода,

А затем,

В предвкушении созерцания своей фамилии на завтрашней первой газетной полосе, броситься к печатной машинке.

Вот только не нужно думать, что пулемет печатного машинного вдохновения хоть как-то заглушит надрывный крик стоящего на пороге полового созревания мальчика за стенкой:

«Мой папа – мудака!»

¹ Импровизация автора на тему диалога главных героев о Жанне Фриске в х/ф «О чем говорят мужчины». Реж. Д.Дьяченко.

Глава 18

Все рано или поздно заканчивается.

А иногда, хотя и в очень редких случаях, как показывает практика, даже заканчивается приговором.

В ноябре 2010 года судебные прения по делу милицейской банды были закончены, и ко мне вновь вернулось то самое, хорошо известное по лету 2009-го ожидание. Только тогда оно было с плывущей картинкой изнывающего от полуденного зноя огромного города с его раскаленным асфальтом и казавшимся застывшим на месте воздухом, что можно было смело сравнить с пустынным пеклом.

Когда-то давно, решив написать повесть и отправившись в свое ставшее таким неожиданно долгим дефиле по тонкому льду тех или иных ее обстоятельств,

Я как-то неожиданно для себя в самом начале ввязался в борьбу с этими самыми обстоятельствами, а затем, не понимая бессмысленности своего резонного желания что-либо ускорить, и вовсе стал их рабом.

Чтобы на самом финише они меня окончательно, без остатка, вымотали.

Да в конце концов, кто я такой, чтобы, смеша Спасителя, предполагать, когда настанет по-настоящему то самое «пора»?

И вот тогда, оставив себе от всех ранее бурлящих страстей,

А если быть точным, то, наверное, все-таки позволив себе теперь только терпение, я вновь томился.

Томился до 15 декабря 2010 года.

Этой, такой важной для окончания моей повести, даты.

Объявленной даты начала оглашения приговора банде Гончарова.

Чтобы хоть как-то себя занять в этом своем ставшем за столько лет таким уже привычным занятии,

Гоня сомнения и странные предчувствия,

Я начал подбирать эпиграф для моей новой, наверное, самой главной части повести.

И хотя опыт первого приговора части членов милицейской банды по эпизоду двойного убийства семьи Шевченко в селе Счастлиное в Киевской области,

Что был зачитан в Апелляционном суде города Киева 10 мая 2010 года и по которому бандиты были признаны виновными — Михайленко получил восемь лет, Мельников — пятнадцать, Онушко — шесть,

Тогда же, неожиданно для всех, Нестеров тоже получил реальный срок — шесть лет лишения свободы, который затем Верховный суд сократил на два года, и это внушало определенный оптимизм¹.

Как назло, в этом моем неоднозначном ожидании, которое можно было бы смело сравнить с томлением, что как нельзя более метко отражало то мое состояние,

Перекрикивая и отталкивая друг друга,

В эпиграф к этой моей главе были горазды аж целых два острослова.

Первый, которого зовут Роберт Орбен, не жалея меня, подтрунивал и недвусмысленно подогревал мою нервозность вокруг всего происходящего по делу милицейской банды своим:

«Детективные сериалы заканчиваются в самый подходящий момент — после ареста преступника и до вынесения судебного приговора».

Другой острослов, по имени Рой Кон, как будто вдоволь наслушавшись телевизионных новостей и начитавшись всяких там газетных умозаключений, и вовсе предавался безжалостному стебу:

«Не показывайте мне кодекс — покажите мне судью».

Да тут еще и наступившее то самое 15 декабря так и осталось только серединой месяца,

Увы,

Так и не став тем самым моим долгожданным началом такого долгожданного судебного заседания.

Приговор милицейской банде судья Апелляционного суда города Киева Вячеслав Дзюбин начал читать 25 января 2012 года.

В руках у него был текст объемом семьсот листов.

¹ См. приложение: «Приговор от 10 мая 2010 года». Стр. 711-720.

А еще – перспектива его оглашения в течение двух недель.
Вот тогда-то,
В конце концов,
Непримиримая борьба между Робертом Орбеном и Роем Коном, растянувшаяся на целых три месяца, в начале февраля 2012 года закончилась победой Роя.
И тогда,
Наконец настало время военного оркестра,
Что начинает играть нечто очень бодрое и до боли знакомое в самом начале пар: да!

«Не показывайте мне кодекс – покажите мне судью».
Рой Кон¹

Но прежде чем, наконец, рассказать о вынесенном приговоре банде Гончарова, которым, как известно, суд все-таки разродился,

Есть еще один день, что просто обязан попасть в мою повесть.

Когда в начале июня 2011 года зазвонил мой мобильный телефон, я, повинувшись оставшимся из той, моей прошлой жизни оперским инстинктам, ни секунды не раздумывая, поднял трубку.

Незнакомый номер оказался телефоном председателя суда, что вот уже шестой год рассматривал дело банды Гончарова.

Вот так, легко и совершенно непринужденно, после его приглашения дать показания во время судебного следствия я неожиданно для себя попал в статус свидетеля по делу банды Гончарова.

Допрос меня как свидетеля начался утром 14 июня 2011 года.

Несмотря на стоящую уже несколько дней жару, в совсем недавно отремонтированном зале Киевского апелляционного суда было достаточно прохладно.

Уверенно претендующие на звание «вечных подсудимых» провели в следственном изоляторе уже девять лет, и мы рассматривали друг друга не без известного любопытства.

Не знаю, каким им показался я, но первое, что мне отчетливо бросилось в глаза,

¹ Рой Маркус Кон – американский политик, консервативный юрист, получивший известность в антикоммунистической и антигомосексуальной «охоте на ведьм» сенатора Джозефа Маккарти.

Так это то,
Что проведенные в следственном изоляторе все эти годы
здоровья им явно не прибавили.
Когда-то свято уверовавшие в свою безнаказанность,
А теперь,
Из-за дефицита солнечного света своей неестественной
бледностью напоминающие покойников,
Изрядно поседевшие и постаревшие,
Давно брошенные родственниками и навсегда забытые зна-
комыми,
За все эти годы измученные, задерганные и в конце концов
не просто перегоревшие, а выгоревшие от придуманной ими
же иллюзии ожидания своего скорого освобождения дотла,
До состояния полного, с прозрачными глазами, безразли-
чия,
И так за все это время и не пришедшие к раскаянию,
Они все еще пытались предпринять неказистые попытки
переиграть судебную машину.

Со стороны это выглядело даже забавно.

Подсудимый Гайдай задавал мне, как ему казалось, каверзные вопросы, ответы на которые никак не влияли, да и не могли в принципе повлиять ни на рассмотрение дела, ни на, тем более, скорый неминуемый приговор.

Я отвечал на них в стиле стеба, иногда позволяя себе откровенный, ничем не прикрытый цинизм.

И, наверное, все эти три часа моего допроса в конечном итоге можно было бы даже назвать сносным времяпрепровождением.

Если бы не одно «но».

Это понятное каждому из присутствующих в зале судебного заседания странное чувство прикосновения даже не к возмездью —

А именно к наказанию,

К неожиданной дрожи от произвольного касания к висящей в воздухе страшной каре для так и не пожелавших покаяться душегубов,

Что еще при жизни,

В течение последних девяти лет,

Каждую секунду, каждый миг своего пребывания в следственном изоляторе,

Как когда-то их жертвы в свою последнюю ночь,
Вздрагивая от каждого вздоха или скрипа,
Были обречены на никогда не прекращающуюся муку постоянного ожидания своей скорой свободы, что вместо положенного каждому грешнику, порой единственного шанса на раскаяние они восприняли как какую-то там иллюзорную возможность. Которая, в конце концов, была поглощена и в конечном итоге канула в страх их непроглядной многолетней черной ночи.

Ночи длиною почти в целое десятилетие.
А потом был приговор.

6 февраля 2012 года председатель судебного заседания Вячеслав Дзюбин положил на стол последний прочитанный им лист приговора банде Гончарова¹.

В отношении главаря суд вынес специальное определение: его вина полностью доказана, и оснований для реабилитации нет.

Два участника банды, Василий Гайдай и Валерий Мельников, были приговорены к пожизненным срокам заключения.

Владимир Лысенко, Олег Свердлов и Павел Кеппель получили по пятнадцать лет.

Кисилевич — десять лет лишения свободы.

Навродский, Мочарный, Рожнятовский, Гаркушин были признаны виновными.

Им были назначены сроки до шести лет лишения свободы, и они были освобождены от наказания в связи с окончанием сроков давности.

Дубовой получил восемь лет лишения свободы.

По состоянию на день провозглашения приговора, с учетом срока содержания под стражей — с 13 августа 2002 года до 13 августа 2010 года включительно — наказание ему было полностью засчитано.

Юрию Нестерову роль дрессированной обезьянки с Ялтинской набережной, что совсем еще недавно для большей натуральности так любили показывать в кино- и фотокадре «бескомпромиссные борцы» за свое великое «я», обошлась в десять лет лишения свободы.

Его продолжительное интервью из клетки в здании судебного заседания, в которой он предсказуемо из подсудимого превратился в осужденного, затем целый вечер крутили в телевизионных новостях.

¹ См. приложение «Приговор от 25 января 2012 года». Стр. 723-747.

Хотя в моей памяти оно отложилось только несколькими его ответами:

– Ты не жалеешь, что пошел на сотрудничество со следствием и, по сути, изобличил банду?

– Скажем так, особых сожалений нет, все равно я когда-нибудь выйду из тюрьмы, я надеюсь. Что сделано, то сделано, зато теперь все могут оценить, что такое гарантии государства, суда, прокуроров, МВД. Мне же государство давало гарантии: не прокурор, не следователь – государство.

– А кто давал конкретно?

– Это было во времена Потебенько и Пискуна.

Вот и снова – здравствуй,

Постоянно дремлющий в своем теплом домике Панксатонский сурок по имени Фил!

А затем,

13 февраля 2012 года, на телевизионном канале ТВi была посвященная этому событию программа «Знак оклику», совершенно неожиданные персонажи которой вернули меня в детство.

В одном из первых советских многосерийных телевизионных сериалов, фильме с эпическим названием «Вечный зов»¹, в качестве антигероя на суд телезрителей, что тогда были прибиты идеей наступающего завтра светлого будущего в образе коммунизма,

Патриотично настроенными авторами был представлен образ кулака-мироеда Михаила Лукича Кафтанова.

Вот он-то, «сволочь такая»,

Когда любимая тогда всеми Советская власть добралась и до его спрятанной где-то в Сибирской тайге деревни, где он был самым главным,

Собрав «группу однодумцев», сбегал к себе на заимку. Где в пьяном угаре произнес, наверное, самую главную в сериале фразу:

¹ Телесериал «Вечный зов» (1973-1983) – эпический телесериал по одноименному роману Анатолия Иванова. По своим масштабам, сюжету, времени действия к «Вечному зову» близок другой советский многосерийный фильм – «Тени исчезают в полдень», однако в отличие от него «Вечный Зов» является эпическим повествованием, отражающим историю становления СССР.

«Я свою жизнь прожил всласть. И водку пил, и баб любил. А теперь воюю за то, чтобы еще хоть немного такой жизнью пожить».

И откуда Михаилу Лукичу тогда было знать, что через столько лет в столице независимой Украины у него появится множество горячих последователей?

Была и еще одна новость, из разряда кулуарных.

Став неожиданным приложением к только что оглашенному приговору, она из телевизора была озвучена одним из участников многосерийного ремейка:

«...Гончаров, реальный, действующий полковник СБУ Украины. Ну, это есть в протоколах и во всех материалах».

И хотя «докладчик» из телевизора, как всегда, был верен себе,

Но все-таки:

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»¹.

День, в котором теперь есть свое, особое место странной болезни Гончарова и скоропостижной кремации его тела.

Фальшивому адвокату для Нестерова и общей прогрессирующей амнезии арестованных участников милицейской банды.

Предложению Нестерову «потеряться» с новым паспортом и деньгами и повальному мору народных заседателей сразу же по двум рассматриваемым делам милицейской банды в судах.

Недооцененному в судебном приговоре участию в преступной деятельности милицейской банды ее активному участнику Лысенко и фактически отделавшемуся легким испугом Навродскому.

А с каким вновь возникшим интересом можно прочитать теперь «письма Гончарова» с работником СБУ по фамилии Ва-

¹ Законами царя Иоанна Васильевича крестьянам был позволен переход от одного помещика к другому за неделю до осеннего Юрьева дня или спустя неделю, т.е. 26-го ноября, когда празднуется день св. великомученика Георгия, покровителя земледельцев. Сперва царь Феодор Иоаннович, а потом Василий Иоаннович Шуйский запретили этот переход: таким образом крестьяне были прикреплены к земле и должны были оставаться у прежнего помещика. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» - сказали тогда крестьяне.

сильченко о причастности Президента Кучмы к похищению журналиста Гонгадзе!

А еще можно, а возможно, и нужно пересмотреть всю историю о ликвидации банды Гончарова. Уместно вспомнив хороводы, что «старшие братья» водили вокруг оперативно-следственной группы.

И даже, наверное, уверенно и по праву назвать эти хороводы противостоянием.

С такой реальной перспективой еще одной, только точно не моей, толстой книжки о банде: «made in СБУ».

Но было ли это противостояние в действительности?

Поводом для которого стал оказавшийся на тюремной шконке тот самый полковник СБУ, разработчик преступной деятельности милицкого управления по организованной преступности, а еще коррупции в нем, с фамилией Гончаров. А именно в этом направлении Гончаров себя реализовывал в той, другой своей жизни.

А может быть, действия по взятию под оперативный контроль группы УБОП, что загнала Гончарова на нары, были всего-навсего защитной реакцией?

Когда раскрытие агентурной сети СБУ в милиции, о которой, без сомнения, был осведомлен «их законспирированный многолетний борец», оказалось реальностью.

Да, конечно.

Гончаров пользовался оперативными возможностями своей настоящей службы. И это стоило жизни Ярославу Малюте, Евгению Титову и, возможно, Виктору Ярошу.

Но чтобы его настоящие коллеги были по совместительству еще и убийцами?

Или Гончаров, перевербовывая их, сошел с ума?

Другое дело – продолжение их карьеры в системе службы безопасности.

Вот тут его начальникам и коллегам действительно не позавидуешь.

А еще не позавидуешь первым лицам службы,

Которым не только пришлось идти к первому руководителю МВД, Генеральной прокуратуры, а возможно, и к Президенту, «с повинной», но и раньше всех понять всю картину тогда произошедшего.

Страшную и не входящую ни в какие ворота реальность, в которой их работник и, не исключая такой возможности, что до не давнего времени и гордость, а поэтому полковник с фамилией Гончаров на поверку оказался главарем милицкой

банды, убийцей и маньяком. Который не просто пользовал по своему усмотрению и ради только ему понятного удовольствия всю правоохранительную систему Украины —

Он ее трахал как хотел.

И если его сексуальные утехи с милицией и, как несложно предположить, с прокуратурой были всего-навсего «супружеским долгом», то настоящее удовольствие он получал, цинично пользуясь именно их службу. За что, помимо регулярности в своих притязательных удовольствиях, еще и получал свою первую, хотя и совсем незначительную для него, заработную плату.

Только вот я до сих пор ума не приложу, зачем этот людоед снова был нужен на свободе?

Глава 19

*Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков
И камнями побивающий посланных к тебе!
Сколько раз хотел Я собрать детей твоих,
Как птица птенцов своих под крылья,
И вы не захотели!*

Иисус Христос
(Евангелие от Матфея. 23:37-39)

Какое это все-таки странное занятие — писать о недавно произошедших событиях,

Что не только переплетаются с историей целой страны, но и прошли совсем рядом, то окутывая тебя облаком загадочного аромата духов «Шанель», то выдыхая в лицо утренним затхлым алкогольным перегаром.

А что ты до, во время, а самое главное, после всего этого начинаешь чувствовать?

О чем начинаешь думать,

Выставляя на всеобщее обозрение выстраданные в складные и не очень слова и предложения факты своей биографии?

Когда пришла мягко ступающая, обязательно по сухому асфальту, такая рассудительная и спокойная зрелость, что спряталась за синдромом крейсера Авроры, которому, как известно, утром что-то там снится¹,

И ты совсем перестаешь верить в существование той твоей юношеской самонадеянности и молодецкого оптимизма.

Но зачем я снова пропустил через себя все то, о чем другой попытался бы поскорее забыть?

Да еще сделал это в вечной борьбе с искушением от сомнительного авторства очередной набившей всем оскомину жути о том, что в рядах правоохранителей, призванных следить за исполнением закона,

¹ «Что тебе снится, крейсер «Аврора»?» Муз. В.Шаинского, сл. М.Матусовского.

На прогяжении не месяца, и даже не года служили не те привычные в своей безупречности идиоты, «прущиеся» от себя во власти,

А хладнокровные циничные убийцы?

Они ходили на службу, отмечали профессиональные праздники, получали очередные звания, благодарности, нагрудные знаки.

А еще — похищали и убивали людей,

Причем, делали это безнаказанно и регулярно.

Хотя,

Если остановиться именно на таком изложении,

То я могу откровенно признаться, что меня до сих пор приводит в шок только один, истинно вопиющий факт.

Что убивали-то они под носом у целой правоохранительной машины!

Которой по роду деятельности положено, как минимум, выстроить заслон для того, чтобы убийцы и бандиты никогда не попали на милицейскую службу. А если все-таки так случится, то чтобы их преступная деятельность была недолгой.

Тогда зачем мне эта перспектива бесполезно сотрясать воздух давно никому не интересными, моментально переходящими в перечень риторических вопросов из серии:

«Так что же все-таки случилось с органами внутренних дел на пути от коммунистического тоталитаризма к развитому капитализму?»

«Куда пропали из правоохранительной системы Знаменские и Томины?»

«Почему их «выдавили» из милиции Иудушки Головлевы, Маниловы и Оноприенко?»

А еще эта смешная и никчемная представившаяся мне возможность пролить крокодиловы слезы о своих давних разбившихся идеалах,

И о том, что сейчас, увы, милиция и «ЗнаТоКи» — это два несовместимых организма.

Ведь посудите сами, что им делать в милиции, когда теперь сама правоохранительная система их не хочет?

И все это для того,

Чтобы, сделав вот такой совсем не утешительный вывод, после всего этого еще и громко и тяжело вздохнуть о том, что ей, системе, стали безразличны сотрудники, профессионально выполняющие свою работу.

И она, система, превратив в фетиш звания и знаки отличия, избавив себя от банального здорового карьеризма, стала не просто другой —

Она просто исчезла.

Оставив вместо себя многосерийные мыльные милицейские телесериалы.

Ну и в самом конце, вдобавок ко всему погоревать о том, что милиции уже перестали быть нужны даже мужчины с их мужскими поступками.

Она их заменила на «дуже поважных людей» и «хороших хлопців».

Которым, чтобы ею, системой, управлять, не нужно денно и ночью «работать ментовскую работу».

Достаточно только денно, и не обязательно ментовскую.

А потом еще перейти к неутешительному результату всего произошедшего:

«Неспособность системы охраны правопорядка противостоять безнаказанности милиционеров-убийц, собравшихся в банду,

Противостоять тому, что уже давно стало ее частью,

Где, как в лихие девяностые, форма работника милиции приравнивается к черной кожаной куртке, а генеральский мундир стал малиновым пиджаком».

Нет!

Я не хочу, не хочу, не хочу!

Чтобы моя повесть, на которую я потратил столько сил и времени, стала очередной взрослой страшилкой на ночь.

Ведь тогда мне не избежать никому не нужной полемики о том, что действительно необходимо для того, чтобы милиция по-настоящему стала именно тем правоохранительным органом, который хотя бы издалека, хоть немного, выглядел бы европейским.

Можно, конечно, «побла-бла-блакать» на нестареющую тему о начале реформы, создании НБР, следственного комитета, еще чего-нибудь с красивым названием.

Но что это изменит, по своей сути?

Так же рядовой состав, разговаривая на непонятном для горожан диалекте, «будет шелкать семечки», а офицерский — смотреть «либо налево, либо, как волки, в лес».

А ведь, по сути, нужна всего-навсего настоящая, а не фасадная милицейская реорганизация. Что не будет напоминать этот двадцатилетний, утомительный и неспешный бег по кругу, от которого хотя и не кружится голова, но все равно тошнит.

Настоящая реорганизация!

После которой всего-то навсего должна быть создана эффективная и независимая система контроля за милицией. С максимально беспристрастной, независимой и прозрачной конкурсной системой замещения руководящих должностей.

И, разумеется, принята подтвержденная законом система социальных гарантий для ее работников.

Нужна ли такая милиция европейского образца народу в государстве с названием Украина?

А вы спросите это у него.

Нужна ли она теперешним «исполнителям народной воли», спрятавшимся за высокими заборами, личной охраной и карманными, подобными любительскому театру марионеток, органами власти,

Что давно считают Украину если не своей вотчиной, то уж точно удачно расположенной, случайно доставшейся даром территорией с электоратом.

Когда-то присланный Богом-отцом как предложение, как единственный шанс царствия небесного на земле — его сын,

Был распят по причине того, что у власти предрежащих было стабильно все очень и очень хорошо.

С «бабками», «телками», с жизнью в целом.

А тут этот непонятный и опасный парень,

Что одним только своим приходом такую вот комфортную «житуху» превращает во вчера.

И, что самое невыносимое, так это то, что с самого начала он,

Замахнулся на такую маленькую-маленькую, но от этого не менее любимую торговую точку на территории культового сооружения, где менее удачливые соплеменники исполняли религиозные обряды.

Смогут ли теперешние «вожди» отказаться от карманной милиции, а генералы — от материальных предпочтений?

Я знаю точно, что мой вопрос без какого-либо ответа повисит немного в воздухе.

А затем,

Легко растворится дымкой, что должна быть непременно прозрачно-голубой.

Причем, не где-нибудь, а там, за горизонтом.

А ведь самое смешное, что для «сбычи мечт» нужно желание всего-то нескольких человек.

Желание и воля.

Что я сейчас знаю точно,
Так это то,
Что той моей милиции,
С ее работающими сутками на ветру, под проливным дождем, в холоде, а еще в прокуренных обшарпанных кабинетах, Хмурыми, но, несмотря ни на что, обожающими свою работу операми,
Не стало 27 сентября 2010 года.
Не стало с последним ударом сердца ее последнего, далеко не однозначного и на все сто процентов настоящего, милицейского генерала Петра Никитовича Опанасенко.

А еще,
Сейчас,
Я могу позволить себе признаться, что я наверняка знаю.
Кто были эти не выдуманные газетчиками, а настоящие «оборотни» в сегодняшней милиции.
«Оборотни» без квалифицирующей приставки «банда».
«Оборотни», что вопреки всей теперешней, бездарной имитации служения закону все-таки делали свою неблагодарную оперскую работу.
Я знаю их, каждого.
Знаю по имени.
Знаю по отчеству.

Глава 20

— Я тут пока лежал, знаете ли,
очень многое понял.
— А вот это хорошо, это хорошо.
— Вы о нем продолжение напишите!
Иванушкины глаза вспыхнули.
— А вы сами не будете разве?
Тут он поник головой и задумчиво добавил:
— Ах, да... Что же это я спрашиваю...
М.А.Булгаков. «Мастер и Маргарита»

А вот теперь, окончательно — все.

Одним днем пролетело десять лет страстей, нервов, скотских упражнений по «закаливанию» моего характера.

Ну, и, конечно же, вездесущей, хотя и где-то там очень глубоко спрятанной, вечной любви.

Десять лет.

Миг в истории человечества,

Что в моей жизни носит название «молодость».

Жалею ли я о том, что мне пришлось пережить?

Хотел бы для себя чего-то другого?

Когда тебе за сорок, ты пенсионер, а кризис среднего возраста насаждает бессонницей и все чаще и чаще требует не привычного продолжения банкета, а подведения итогов,

Выбор у тебя, в принципе, невелик.

Можно, конечно, предпринять попытку стать философом, растворившись в размышлениях и воспоминаниях.

Хотя, в моем случае, алкоголиком стать намного быстрее и проще.

А самое главное, безопаснее.

Но не ожидание всего при таком вот небогатом выборе предложений из меню русской рулетки попасть в полосу сразу двух, не зависящих друг от друга необходимостей.

В необходимость, что родом из стоящего на очередном физиологическом пороге стареющего организма.

И одновременно,

В возникшую ниоткуда необходимость, заставляющую сесть за письменный стол.

Причем, необходимость под номером два своими приступами не требует, а просто разрывает тебя на части.

Вот так, наверное, и именно тогда рождаются документальные повести.

Начиная писать о событиях ликвидации милицейской банды, я знал наверняка, что в ней будут истории о людях и не людях, о человеческих отношениях, поступках, жизни и, разумеется, смерти.

Вам теперь известно, как это все было.

Я был честен с вами.

Ничего не приукрасил и нигде не приврал.

Но, пожалуй, главное, о чем я хотел написать,

На какой еще вопрос хотел ответить, прежде всего, самому себе —

«А кто в действительности прекратил кровавый путь банды? Кто остановил конвейер смертей?

Кто схватил за руку обнаглевших садистов?»

Я вновь восстанавливал в памяти прошедшие события, перечитывал документы.

И ответ пришел как-то сам собой.

Ведь, по сути своей, все мы дети Господа.

И жизнь нам дана, чтобы исполнить все, что он для нас в этой жизни задумал.

А еще,

Если, конечно, очень повезет.

Господь обратит на кого-нибудь из нас, живущих, свой взор.

И тогда, только по одной ему известной причине он может наградить талантом.

Может дать вечную память, а значит, вечную жизнь.

Или избрать для того, чтобы свершить свой суд над зверями в обличье человеческом еще на земле.

И я теперь твердо убежден,

Что на всех без исключения моих сослуживцев,

Что волей, а скорее, как я теперь понимаю, неволей принимали участие в заслуженной земной каре банды душегубов,

На них на всех,
Поступивших тогда так, или поступивших иначе,
Хотя бы на миг, но упал взгляд Спасителя.
И когда настанет время всем нам предстать перед самым
главным судом и ответить за грехи наши,
Ведь профессия судить неизбежно предполагает быть судимым,
Я очень надеюсь на то,
Что Спаситель зачтет всем нам, грешным,
То, что еще здесь, на земле,
Мы были его перстом Божиим...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поставив заключительное многоточие и дождавшись, когда поднадоевший мне за все это время компьютерный монитор издаст привычный «ох» и наконец погаснет, я, не без удовольствия, по-звуч-но повторил за ним только что услышанную звуковую гамму.

Накопившееся чувство усталости, помноженное на количество месяцев, проведенных за экраном ноутбука, давало о себе знать, и я безразлично потянулся к телевизионному пульту.

Мелькающие перед глазами каналы, никак меня не задевая, привычно скакали от рекламы к рекламе, пока я неожиданно для себя не остановился на старом французском кино.

Полицейский комиссар, в существование которого я больше не верю, сначала привычно бил злодеев в лицо, затем ловко надевал наручники и только потом проверял документы.

И именно тогда у меня возникло это странное чувство неловкости.

Неловкости от того, что, увлекшись описанием своих «жизненных баталий» и всех этих правоохранительных перипетий,

В моем искреннем желании не шадить прежде всего себя самого,

Получилось так,

Что как-то незаметно и помимо своей воли,

Я позволил себе быть неблагодарным.

Неблагодарным всем тем настоящим людям, что были все это время со мною рядом.

И без помощи которых я бы не просто не смог,

У меня не было бы никаких шансов пережить все то, что на меня свалилось за все эти годы.

Я не хочу фарисействовать.

Я знаю точно,

Что без поддержки этих людей у меня вряд ли бы хватило стойкости и, как теперь ни высокопарно это звучит, мужества.

Они все это время были рядом и своим присутствием давали мне силы не превратиться в амебу, считающей месяцы или дни до вожделенной в правоохранительных органах выслуги лет.

И именно они сделали меня теперешним.

Немного циником.

Немного неврастеником.

Но все-таки пока еще отпетым, как ни странно, романтиком. Все еще верящим, что в «стане барыг» все-таки остались люди, умеющие не только считать, но и думать.

А еще —

Они помогли сберечь мне веру в то, что когда-нибудь на киевские холмы, на землю, которую когда-то выбрал Бог, вначале придет мир, а за ним поселится любовь.

Огромное спасибо моему оперскому учителю Косенко Ивану Митрофановичу за то, что он был и есть в моей жизни.

Спасибо Сергею Владимировичу Хамуле, который, несмотря ни на что, в том числе на бурлящий в его жилах «коктейль Мόлотова», из-за которого жить и работать, прежде всего, ему самому очень нелегко, стал для меня примером стойкости.

Моему единственному за всю милицейскую службу настоящему оперскому напарнику Игорю Анатольевичу Прикладовскому, который, несмотря на непонятные для него самого и неприемлемые для его образа жизни правила, в течение трех, пожалуй, самых отчаянных моих милицейских лет в начале третьего тысячелетия нашел в себе силы и мужество подставить мне плечо.

Спасибо его жене Наташе за выдержку и терпение, которые есть только у ментовских жен.

Отдельное спасибо Алексею Савченко.

И низкий поклон Спасителю,

За то, что он дал мне друзей детства Виктора Пеннера, Геннадия Мирошникова, Николая Папирного и Юрия Петренко, рядом с которыми я и преодолел все свои испытания.

Искреннее спасибо вам всем, кто помогал, поддерживал и терпел меня все эти годы.

И пусть всех вас хранит и ведет по жизни Господь, как он хранит и ведет по жизни меня.

Павел Воля
«Маме!» (отрывок)

*Ненавижу поезда,
Если сразу зашел, уснул, то да,
А если не хочется, и что-то типа одиночества,
И вроде много лавэ, купил себе СВ.
Ну сигарета, тамбур и мысли в твоей голове,
В твоей голове...
В твоей голове...
И неважно, кто я сам, неважно, кто вы сами,
Главное, что эта песня нравится моей маме,
Нравится моей маме...
Неважно, кто я сам, неважно, кто вы сами,
Главное, что эта песня нравится моей маме,
Эта песня нравится моей маме...*

Нравится моей маме...

*К сожалению, в ответе родители за то, что произносят дети.
К счастью, в ответе родители за то, что произносят дети.
Попробую объяснить другими словами —
Главное, чтобы эта песня нравилась моей маме!
Главное, чтобы эта песня нравилась моей маме!
Главное, чтобы эта песня нравилась моей маме!*

*Эта песня...
Нравится моей маме...*

*Маме...
Нравится моей маме...
Эта песня нравится моей маме...*

*Ненавижу поезда,
Если сразу зашел, уснул, то да,
А если не хочется, и что-то типа одиночества,
И вроде много лавэ, купил себе СВ,
Ну сигарета, тамбур и мысли в твоей голове,
В твоей голове...
В твоей го-ло-ве...*

ПРИЛОЖЕНИЕ

УТВЕРЖДАЮ

Начальник ГУ МВД Украины в г.Киеве
генерал-лейтенант милиции

С. Леонидович Н.О.Поддубный

" XX " марта 199X г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по результатам служебной проверки в отношении
оперуполномоченного по особо важным делам
20-го отдела УБОП ГУ МВД Украины в г.Киеве
Герасимова В.П.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам Управления
ГУ МВД Украины в г.Киеве майор милиции Выхух А.Д., рассмотрев
материалы служебной проверки в отношении оперуполномоченного по
особо важным делам 20-го отдела УБОП Главка капитана милиции
Герасимова В.П., -

УСТАНОВИЛ:

XX августа 199X года в доме №5-х по ул. Хохщевской г.Киева в
результате полученных телесных повреждений скончался гр-н Ххххххх Х.Т.

Проверкой по данному факту занимался старший оперуполномоченный
УР Печерского райуправления

Герасимов Виктор Петрович, 1966 г.
рождения, образование высшее, в
органах внутренних дел с марта
1987 г., с октября 1995 г. состоит
в должности оперуполномоченного
по ОВД 20-го отдела УБОП ГУ МВД
Украины в г.Киеве,

который в составе следственно-оперативной группы выехал на место
рождения и приступил к сбору материалов и изучению обстоятельств
преступления, установлению очевидцев и лиц, совершивших преступление.

Сожительница потерпевшего Ххххник В.А. показала, что в указанный день, примерно в 16⁰⁰ час. во дворе по ул. Хххшевской, 5-х появились Ххххен С.В., его сын Ххххен В.С. с неустановленным мужчиной и, выражаясь нецензурной бранью, стали стучать в двери, намеревались проникнуть в жилое помещение, оборвали ручку двери, разбили окно, высказывали угрозы в адрес Ххххюка П.Т. и требовать, чтобы он вышел из дома, а когда тот подошел к ним, его избili и в результате чего он скончался. Она также в категоричной форме заявила Герасимову В.П., что в избииении гр-на Ххххюка П.Т. принимали участие трое мужчин, среди которых был Ххххен В.С., на которого она прямо указала ему.

Спрошенная Ххххххва И.И. пояснила, что накануне конфликта Ххххен В.С. со своей матерью уточняли место проживания гр-ки Ххххник В.А., при этом он высказывал намерение разобраться с ней и ее сожителем Ххххюк П.Т. по поводу продажи ими недоброкачественного кофе, от употребления которого получила отравление его мать.

Однако, Герасимов В.П. эти сведения проигнорировал, мёр к установлению третьего подозреваемого не принял, ограничившись лишь изъятием кроссовок Ххххен В.С., как вещественное доказательство, которых так и не приобрil к материалам, допустив грубое нарушение требований норм УПК Украины, возвратил их, а протокол изъятия уничтожил. Вместе с этим без составления документов забрал у Ххххна С.В. и его сына Ххххна В.С. национальные паспорта.

Кроме этого, проявляя халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, Герасимов В.П. не осуществил проверку всех сведений, касающихся происшедшего конфликта. В процессе дознания, материалы в полном объеме не собрал, всех свидетелей не опросил, имеющиеся противоречия в их показаниях не устранил, а формально собрал материалы, которые не отражают в полной мере роль и место участников в случившемся.

Профессиональная неграмотность Герасимова В.П. позволила виновным, в действиях которых имели место признаки преступления, уйти от уголовной ответственности и перейти на нелегальное положение Ххххххым, в настоящее время разыскиваемыми ОУР Печерского райуправления.

Со слов судемаэксперта Бюро СМЭ Киевской области Ххххка Ю.В. стало известно, что беседовавший с ним Герасимов В.П., получив сведения о том, что телесные повреждения потерпевший мог получить

и в результате падения, тут же попросил подготовить ответ, якобы на запрос начальника Печерского райуправления, с предварительными выводами, ссылаясь на истечение сроков рассмотрения материалов.

Наряду с этим, Герасимов В.П. проявил нечестность в том, что для придания видимости обоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела и согласовании данного вопроса с прокурором района, сфальсифицировал об этом справку, чем ввел в заблуждение руководство райуправления иХХ.08.9Х г. вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст.6 п.2 УК Украины, которое ХХ.11.9Х г. прокурором Печерского района отменено и по факту нанесения тяжких телесных повреждений гр-ну Хххххху П.Т., повлекших его смерть, возбуждено уголовное дело по признакам ст.101 ч.3 УК Украины.

Факт злоупотребления служебным положением Герасимова В.П. установлен и в ходе изучения материалов уголовного дела №10-Х92Х ст.140 ч.2 УК Украины /кража автомобиля БМВ-318 у гр-на Германии Ххххца Р/ и уголовного дела №19-Х61Х ст.194 ч.3, 87 УК Украины /подделка документов на похищенный автотранспорт/.

Так, проходивший по уголовному делу в качестве свидетеля гр-н Ххххенко Д.С. показал, что некий Ххххленко С.В., причастный к подделке документов на похищенный автомобиль гр-на Германии Ххххца Р., пытался через него передать взятку /10 тыс. долларов США/ сотруднику Печерского райуправления, в производстве которого находилось уголовное дело по краже указанной иномарки с целью его прекращения.

Получив отказ, Ххххленко С.В. через своих знакомых, обратился к Герасимову В.П., работавшему в указанный период времени в ОУР Печерского РУ, который преследуя корыстную заинтересованность, в марте 1996 года, неоднократно обращался к сотрудникам отдела дознания с предложением извлечь материалы, касающиеся Ххххленко С.В. из уголовного дела, ссылаясь на заверения последнего, передать им денежное вознаграждение в валюте.

На достигнув желаемого результата, Ххххленко С.В., также скрылся от следствия и с XXмая 199Х года разыскивается ОУР Кагарлыкского РО ГУ МВД Украины по Киевской области.

В ходе служебной проверки Герасимов В.П. проявил неискренность, отрицал объективно установленные факты, допущенные нарушения объяснял профессиональной неопытностью, намереваясь уйти от ответственности.

На основании изложенного, -

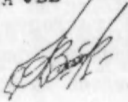
ПО Л А Г А Л В Н :

1. За безответственное отношение к исполнению служебных обязанностей и грубые нарушения норм УПК Украины при проверке факта о причинении тяжких телесных повреждений, повлекших смерть гр-на Хххххх П.Т., а также злоупотребление служебным положением, выразившимся в уничтожении процессуальных документов, и необоснованном вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, попытке вывести из уголовного дела лицо, совершившее преступление, оперуполномоченного по особо важным делам 20 отдела УБОП ГУ МВД Украины в г.Киеве капитана милиции Герасимова Виктора Петровича от занимаемой должности освободить и рекомендовать использовать вне оперативных служб органов внутренних дел.

2. Материалы служебной проверки в отношении Герасимова В.П. направить в прокуратуру Печерского района для принятия решения согласно Закону.

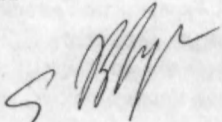
3. Вопрос о пребывании оперуполномоченного по особо важным делам 20 отдела УБОП ГУ МВД Украины в г.Киеве капитана милиции Герасимова В.П. в органах внутренних дел, рассмотреть в зависимости от принятого решения прокуратурой.

Старший оперуполномоченный по
особо важным делам Управления УВВ
МВД Украины в г.Киеве
майор милиции
" XX " марта 199X г.

А.Д.Вхххук

СОГЛАСЕН

Начальник Управления УВВ
МВД Украины в г.Киеве
полковник милиции
" XX " марта 199X г.

В.Р.Ххххххук

НАКАЗ

XX березня 199X р.

м. Київ

№ 120

Про притягнення до дисциплінарної відповідальності капітана міліції Герасимов В.П.

Службовою перевіркою встановлено, що X вересня 199X року під час сварки між сім'єю Ххххххх та гр-ном Ххххххх П.Т., останньому були завдані тяжкі тілесні ушкодження від яких він на місці помер.

Перевіркою обставин скоєного злочину займався Герасимов В.П., працювавший на той час на посаді старшого оперуповноваженого НКР Печерського райуправління, який виїздив на місце пригоди з метою виявлення злочину та осіб його скоювших, опитував свідків та учасників пригоди.

Незважаючи на те, що свідчення очевидців та зібрані матеріали вказували, що до злочину причетні гр-н Ххххххх С.В. та його син Ххххххх В.С., Герасимов В.П. це проігнорував, в порушення вимог норм КПК України, матеріали в повному обсязі не зібрав, протиріччя між свідками не усунув.

Відьм того, проявляючи халатне ставлення до виконання службових обов'язків, речові докази повернув підозреваним, а процесуальні документи знищив, після чого, звівши в оману керівництво райуправління про отриману згоду від прокурора Печерського району, XX.08.9Xр. виніс постанову про відмову в порушенні кримінальної справи, що дозволило злочинцям зникнути від слідства.

XX.11.9X р. дана постанова була скасована прокурором району та порушена кримінальна справа за ознаками ст.101 ч.3 КК України.

Особиста зацікавленість з боку Герасимова В.П. встановлена також при вивченні кримінальних справ, порушених по факту крадіжки автомобіля у гр-на Німецького Ххххца Р. та підробці документів на нього.

Свідок по справі Ххххххх В.С. показав, що причетний до злочину гр-н Ххххххх С.В. просив його передати хабара /10 тис. доларів США/ співробітнику Печерського райуправління в провадженні

1001-10000.

якого знаходилась справа, з метов її припинення, але не отримав згоди на це, звернувся через своїх знайомих до Герасимова В.П. Останній, переслідуючи корисливу зацікавленість, в березні 199Х ку неодноразово звертався до співробітників відділу дізнання Печерського райуправління з пропозицією вилучити зі справи матеріали стосовно підозрюваного Ххххленко С.В., посилаючись на обіця остернього передати за це винагороду в валюті.

Через деякий час Ххххленко С.В. також перейшов на нелегальне положення і по теперішній час розшукується СВС.

Під час службової перевірки Герасимов В.П. проявив нещирість намагався уникнути від об'єктивно встановлених обставин, факти грубих порушень та зловживань пояснював професійною недосвідчен

НАКАЗУД:

1. За безвідповідальне відношення до виконання службових обов'язків при перевірці факту про причинення тяжких тілесних ушкоджень що спричинило смерть гр-на Ххххххка П.Т., а також грубе порушення норм КПК України, що виявилось в знищенні процесуальних документів та необгрунтоване винесення постанови про відмову в порушенні кримінальної справи істоту вилучити з кримінальної справи матеріали стосовно особи, яка скоїла злочин, оперуповноваженого в особливих важливих справах Радяньського районного відділу УВОЗ ГУ МВС України в м.Києві капітана міліції Герасимова Віктора Петровича понизити в посаді з використанням поза оперативними службами органів внутрішніх справ, пов'язаних з проведенням оперативно-розшуковою діяльністю.

2. Матеріали службової перевірки відносно Герасимова В.П. направити до прокуратури Печерського району м.Києва для прийняття рішення згідно Закону.

3. Питання про подальше перебування в органах внутрішніх справ оперуповноваженого в особливо важливих справах Радяньського районного відділу УВОЗ ГУ МВС України в м.Києві капітана міліції Герасимова В.П. розглянути залежно від прийнятого рішення прокуратури.

Наказ оголосити всьому особовому складу органів і підрозділі Головного управління.

Начальник Головного управління
генерал-лейтенант міліції *М.О. Піддубний* - М.О. Піддубний

24 03 96р

Михайло Михайлович Піддубний *Піддубний* *М.О.*

ПРОКУРАТУРА УКРАЇНИ

ПРОКУРАТУРА
ПЕЧЕРСЬКОГО РАЙОНУ
м. Києва

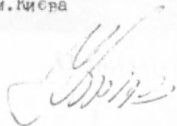
« XX » 06 19XXр.
№ 10X/п/XX
ВР010, Київ, вул. Московська, 90

Начальнику УВОЗ ГУ МВС України
в Київській області
полковнику міліції
Х.І. Ххххому

Повідомляю, що прокуратурою Печерського району м.Києва за результатами перевірки, проведеної по матеріалах УВБ ГУ МВС відносно Герасимова В.П. встановлено у порушенні проти нього кримінальної справи на підставі ст.6 п.2 КПК України.

В.о. прокурора Печерського району м.Києва
радник юстиції

Колос Л.В.

Кисилевич С.

Мочарный А.

Рожнятовский Р.

Гаркушин А.

Навроцкий Ю. (задержан в 2003 году)

Убитые в июле 1998 года участники банды
Евтушенко А. и Пелюшок В.

Награждение оперативной группы, май 2005 года.

*М и н и с т р
внутренних дел
Ю.Луценко вру-
чает полковнику
милиции в от-
ставке С.Хамуле
медаль «За труд
і звитягу».*

*Министр внутренних дел Ю.Луценко вручает майору милиции
И.Прикладовскому медаль «За бездоганну службу III ступеня».*

«Обмывание наград».

Праздничный фуршет. Слева направо: В.Герасимов, В.Ярема, Ю.Луценко.

*С.Хамула, В.Герасимов.
Фото на стене: «Служебные собаки в парадном милицейском строю».*

Праздничный фуршет.

И.Прикладовский, В. Герасимов.

Общее фото после награждения. Слева направо: первый – В.Гелетей; второй – И.Прикладовский; третий – В.Ярема, шестой – В.Герасимов.

Та самая фотография.

Общее фото после награждения. Слева направо: третий – С.Хамула, четвертый – Ю.Луценко, шестой – И.Прикладовский, седьмой – В.Герасимов.

ПОКУШЕНИЕ

«...28 февраля 2005-го года мы с опером УБОПа капитаном Какмяковым (он охранял меня) приехали к моим родителям за вещами. У нас сломалась машина, взяли другую, о которой никто не знал. объехали вокруг дома, ничего подозрительного. Заехали во двор. Какмяков* был вооружен лишь пистолетом с резиновыми пулями. (Потом, после покушения, пересмотрели это, сейчас постоянно со мной два охранника, вооруженные огнестрельным оружием).*

Зашли, я впереди, Какмяков сзади. Вдруг он толкает меня и падает сверху, после чего раздается взрыв. Оказалось, Какмяков* увидел, что человек притаился за углом и кинул гранату. Она упала Какмякову* под ноги, он успел меня толкнуть и сам упасть за угол. Потом вышел киллер и стал в нас стрелять — добивать. Но не попал, потому что Какмяков* стал стрелять по нему из «резинки». Киллер сбежал. Какмяков* кинулся за ним, а я наверх, в квартиру, звонить в скорую (нас слегка все же зацепило). Приехали эксперты, все осмотрели, началось расследование. Тянется по сей день... Следователь из Днепровской прокуратуры почему-то спрашивает у тех «свидетелей», кто ничего не видел. У тех, кто видел (а такие есть, готовы говорить) — ничего. Мы с адвокатом склоняемся к версии, что в покушении замешаны милиционеры-«оборотни» из тех, кто остался на свободе».*

Фрагмент интервью с Ю.Нестеровым. Интернет-сайт: «Объективная газета» <http://www.og.com.ua> На скамье подсудимых — сотрудники милиции «Эскадрон смерти». Рассказ члена банды «оборотней в погонах». Александр Корчинский. Газета «Сегодня». 25 июля 2007 года.

«Сегодня» узнала сенсационные подробности того, как в Украине защищают «помощников правосудия».

ПОКУШЕНИЕ

«В тот вечер, 28 февраля 2005-го, мы приехали к дому моего отца случайно: сломалась одна машина и я заехал около полуночи взять документы от другой. Это не было спланировано, так что нас просто поджидали, возможно, не один день. Там напротив есть старенький частный заброшенный домик. Те, кто нас ждал, лежали на чердаке. (Но обнаружила это не следственная группа, выезжавшая на место покушения, а мы с Какмяковым, когда вышли из госпиталя).*

События развивались так. объехали мы вокруг дома — ничего подозрительного. Решили заходить — я впереди, Какмяков сза-*

ди. Идем, разговариваем. Вдруг он толкает и падает на меня, после чего раздается взрыв. Оказалось, Какмяков увидел, что человек притаился за углом и кинул гранату. Она упала Какмякову* под ноги, он успел меня толкнуть и сам упасть за угол. Потом вышел киллер и стал нас добивать из нагана. Но промахнулся, потому что Какмяков* стал стрелять по нему из «резинки». Попал Какмяков* или нет, но киллер сбежал. Какмяков* — за ним, а я наверх, в квартиру, звонить в скорую (нас слегка зацепило). Приехали эксперты, все осмотрели, началось расследование. Но никого не нашли по сей день. Я же уверен, что за покушением стоят «оборотни в погонах», все еще работающие в МВД и боящиеся разоблачения».*

Фрагмент интервью с Ю.Нестеровым. Газета «Сегодня». «Свидетелям по убийству Щербаня изменили ФИО, а по убийству Сенчука — надели маски и военную форму». Александр Корчинский. Четверг, 21 Февраля, 2008 г. 09:05.

«...Да и само по себе рисковое это дело — ловить осколки в бронежилет. Мы с Ю. Нестеровым потом больше месяца провели в госпитале. Кстати, до настоящего момента, по прошествии трех лет, следствие не смогло провести объективной экспертизы по установлению степени тяжести полученных нами телесных повреждений».

Интернет-газета «Красный коммунар», 2008 год.

«...После выписки из БСМП меня отказались освидетельствовать на инвалидность, практически не лечили в медчасти СИЗО, несмотря на мои жалобы на усиливающиеся боли в животе и частые потери сознания. Думаю, что это делается с ведома и по наущению Хамулы. Попытки разоблачить лиц, руководивших и организовавших преступления, возможно, будут стоить мне жизни. Но я иду на это ради истины и справедливости.

24.02.03. Написано собственноручно. Подпись».

Фрагмент так называемого «Письма Гончарова», 2003 год.

Иллюстрации.

Иллюстрация №3 (февраль 2005 года).

Иллюстрация №4 (февраль 2005 года).

Иллюстрация №5 (январь 2012 года). «За угол»

*Иллюстрация №6
(январь 2012 года)
«Тот самый угол»*

Черновецкий поднял тарифы на похоронный макияж

Лена ГУТОВА
«ВЕДОМОСТИ»

Н а фоне своего отпуска спальный мир Леонид успел подписать очередной проект распоряжения о платных услугах в лечебно-профилактических государственных и коммунальных учреждениях сферы здоровья.

На сей раз выбор пал на кожно-венерологический диспансер №3 и поликлинику №2 Святошинского района. Централь-

но побиелову МВД. Главное бюро судебно-медицинской экспертизы МОЗ Украины, а также Александровскую клиническую больницу.

Помимо длинного списка с расценками на анализы, массажи, операции и т.д. Александровской больницы поручено заниматься «немедицинскими услугами» — бальзамированием и гримированием усопших. Расценки поданы на официальном веб-портале Киевской городской власти.

стр. 2

КИЕВСКИЕ ВЕДОМОСТИ

НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ!

5 АВГУСТА 2009
СРЕДА
№139 (4629)

ПРОФИЛЬ ДНЯ стр. 9

Георгий ДЕЛИЕВ,

Актёр, комики-группы «Маски-шоу»: «В Мелодию для шарманки» Кира Муратовой у меня маленькая роль: городского сумасшедшего, который читает Евангелие. И по персональному замыслу его избивали дети, а он продолжал проповедовать. В сцене избитые делали много дублей. Дети меня били по-настоящему, потому что просто не могут понарошку. И хотя у них кулочки маленькие, но было довольно больно и у меня появились синяки. Хороший материал получился. Я обрадовался: «У, какая роль!» А Кира Георгиевна взяла и выбросила эту сцену. Конечно, очень жаль».

ГОРОД стр. 10

Ограда храма — дорога в тюрьму?

За участие в акции против застройщика активистам угрожают лишением свободы.

Почтовый ящик — 467-34-46
Реклама — 337-35-30
E-mail: info@kv.com.ua
Internet: www.kv.com.ua

ПУКАЧ или все же ГОНЧАРОВ?

Близкий друг главаря «банды оборотней» работал под непосредственным руководством генерала, обвиненного по «делу Гонгадзе». Старший оперуполномоченный ГУБОП МВД по особо важным делам В***** КОВ рассказал «ВЕДОМОСТЯМ» о связи «дела оборотней» с убийством Георгия Гонгадзе. И не потому ли Гончаров мертв, а Пукач жив?

Несколько лет назад В***** Ков***** вместе с коллегами из УБОПа наградили за результативность борьбы против бригады «оборотней» Гончарова.

стр. 8-9

Размещение рекламы и публикаций на коммерческой основе
в газете «Киевские ведомости», т. 537-35-30, reklama@kv.com.ua

Первая полоса газеты «Киевские Ведомости», 5 августа 2009 года.

No comments...

Гете И. Ф.

«Страдания юного Вертера» (роман)

Предисловие Гете

«Я бережно собрал все, что удалось мне разузнать об истории бедного Вертера, предлагаю вашему вниманию и думаю, что вы будете мне за это признательны. Вы проникнетесь любовью и уважением к его уму и сердцу и прольете слезы над его участью.

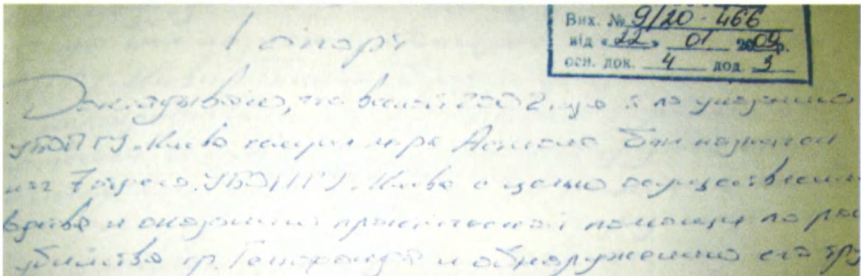
А ты, бедняга, подпавший тому же искушению, почерпни силы в его страданиях, и пусть эта книжка будет тебе другом, если по воле судьбы или по собственной вине ты не найдешь себе друга более близкого».

О романе

«Именно этот жанр, характерный для литературы XVIII века, выбирает Гете для своего произведения. Действие происходит в одном из небольших немецких городков в конце XVIII века.

Роман состоит из двух частей — это письма самого Вертера и дополнения к ним под заголовком «От издателя к читателю». Письма Вертера адресованы его другу Вильгельму, в них автор стремится описать события жизни и передать свои чувства, которые вызывает у него окружающий мир».

Материал из Википедии — свободной энциклопедии.

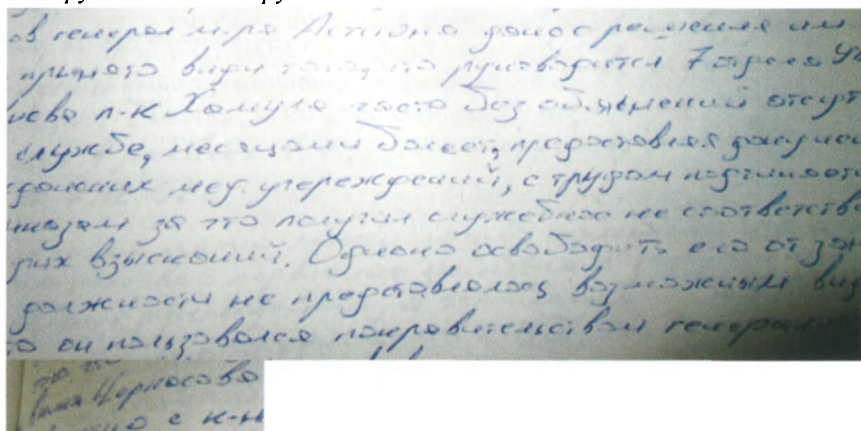

Вих. № 9/20-466
від «22» 01 2009р
осн. док. 4 дод. 3

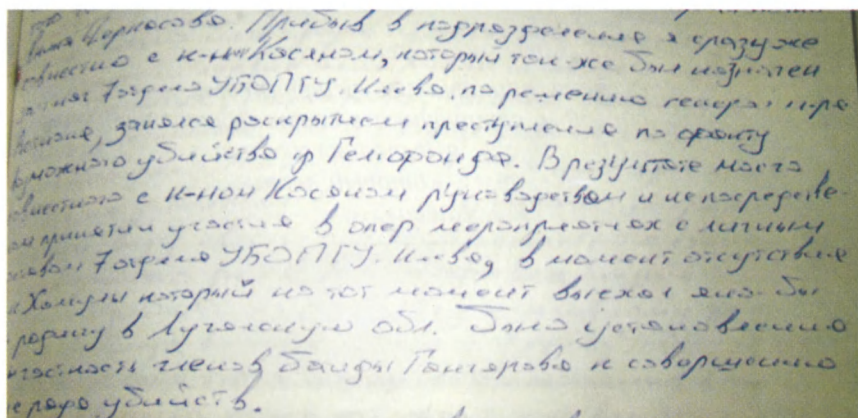
Рапорт

«Докладываю, что весной 2002 года я по указанию нач. ГУБОП ГУ г. Киева генерал-майора Актиона был назначен нач. 7 отдела*

УБОП ГУ г. Киева с целью осуществления действия по оказанию практической помощи по раскрытию убийства гр. Гельфонда и обнаружению его трупа».

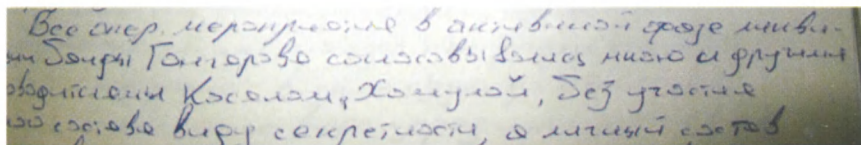

«Генерал-майором Актионом* данное решение было принято ввиду того, что руководитель 7 отдела УБОП г. Киева полковник Хамула часто без объяснений отсутствует на службе, месяцами болеет, предоставляя документы из разных мед. учреждений, с трудом подчиняется приказам, за что получил служебное несоответствие и много других взысканий. Однако освободить его от занимаемой должности не представлялось возможным ввиду того, что он пользовался покровительством генерал-полковника Черкасова».

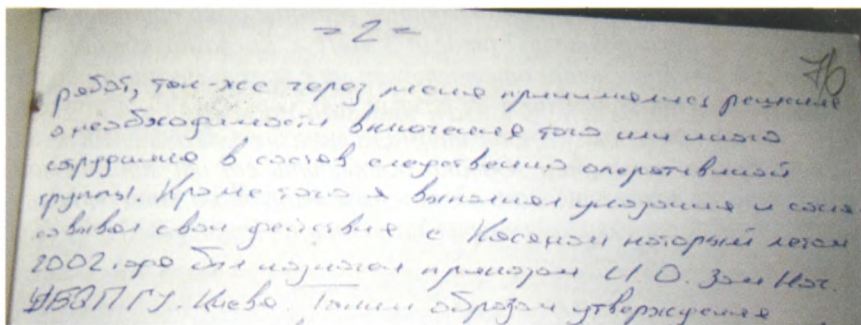

«Прибыв в подразделение, я сразу же совместно с к-ном Какьяном*, который тоже был назначен зам. нач. 7 отдела УБОП ГУ г.

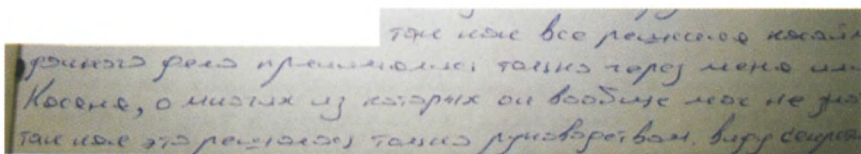
Киева, по решению генерал-майора Актиона* занялся раскрытием преступления по факту возможного убийства гр. Гельфонда. В результате моего совместного с к-ном (капитаном) Какьяном* руководством и непосредственным принятии участия в опер. мероприятиях с личным составом 7 отдела УБОП ГУ Киева, в момент отсутствия полковника Хамулы, который на тот момент выехал якобы на родину в Луганскую обл., была установлена причастность членов банды Гончарова к совершению ряда убийств».

«Все опер. мероприятия в активной фазе ликвидации банды Гончарова согласовывались мною и другими руководителями Какьяном*, Хамулой без участия личного состава ввиду секретности».

«...также через меня принимались решения о необходимости включения того или иного сотрудника в состав следственно-оперативной группы. Кроме того, я выполнял указания и согласовывал свои действия с Какьяном*, который летом 2002 был назначен и.о. зам. нач. УБОП ГУ г. Киева».

«...так как все решения касательно данного дела принимались только через меня или Какьяна*, о многих из которых он вообще мог не знать, так как это решалось только руководством ввиду секретности».

= 3 =

Тот же наш руководитель и неоднократно давал указания по ведению ОРД «Снегири», которые крайне плохо выполнялись Герасимовым, отнимая сведения сами материалы ОРД. На мое участие выставлен ряд Ф4 в ИЦ ГУ Киева по раскрытию преступлений, в том числе по ст. 69 УК Украины. Сам за себя также говорит тот факт, что я единственный в результате работы по этому делу получил телесные повреждения и потерял здоровье, о чем свидетельствует Выписок № 3/15-237, а также мед. документация в ЦП МВД.

«...Также как руководитель я неоднократно давал указания по ведению ОРД «Снегири», которые крайне плохо выполнялись Герасимовым, о чем свидетельствуют сами материалы ОРД. На мое участие выставлен ряд Ф4 в ИЦ ГУ Киева по раскрытию преступлений, в том числе по ст. 69 УК Украины. Сам за себя также говорит тот факт, что я единственный в результате работы по этому делу получил телесные повреждения и потерял здоровье, о чем свидетельствует Выписок №3/15-237, а также мед. документация в ЦП МВД».

исключен; тот же и единственный сотрудник, который оставался в курсе всех событий по этому

«...так как я единственный сотрудник, который оставался в курсе всех событий...»

указание № 62-2722, тогда же Герасимов вообще не участвовал в ряде следственных оперативно-розыскных действий ввиду своего особого секретного статуса в рамках данного дела. А впоследствии по боязни и нежеланию работать по данному уголовному делу осенью 2002 года вообще ушел из 7 отдела УБОП.

«...тогда как Герасимов вообще не участвовал в ряде следственно-оперативных действий ввиду своего особого секретного статуса в рамках данного дела. А впоследствии по боязни и нежеланию работать по данному уголовному делу осенью 2002 года вообще ушел из 7 отдела УБОП».

Приговор по убийству семьи Шевченко в с.Счастливое.
Май 2010 года.

Май 2010 года.

Слева направо: подсудимые Михайленко Л., Мельников В.,
Онушко А., Кеппель П.

Май 2010 года.

Май 2010 года. Подсудимый Нестеров Ю.

УКРАЇНА

АПЕЛЯЦІЙНИЙ СУД МІСТА КИЄВА

В И Р О К

ІМЕНЕМ УКРАЇНИ

21 травня 2010 року Апеляційний суд м. Києва у складі:

головуючого-судді

Ковальської В.В.,

судді

Еленіної Ж.М.,

народних засідателів

Дегтярьової А.В., Процько В.І.,

Чернавиної І.М.,

при секретарях

Журавель В.В., Коняєва Д.М.,

Нестерук Т.М., Нижник О.П.,

Озерянській Т.О.,

за участю прокурорів

Касеко М.Д., Сьоми Н.Б.,

Чепурної О.В.,

захисників

Балюка О.О., Богунової С.П.,

Камендровського П.Г.,

Манацького А.М., Самбур М.М.,

Самолук В.А., Скрипки В. В.,

підсудних

Михайленка Л.А., Мельнікова В.С.,

Нестерова Ю.П., Кеппеля П.А.,

Онушка О.Ю., Голеницького Г.В.

Розглянувши у відкритому судовому засіданні в м. Києві кримінальну справу про обвинувачення

Михайленка Леоніда Анатолійовича,
14.09.1950 року народження, уродженця с. Лисича Балка, Катеринопільського району, Черкаської області, українця, громадянина України, освіта середня-спеціальна, не одруженого, не працюючого, пенсіонера МВС України, прож. в м. Києві, вул. Липська 15 кв. 10, раніше не судимого,

за п.п. «а», «г» ст. 93 КК України (1960 року), ч. 3 ст. 142 КК України (1960 року), ч. 3 ст. 166 КК України (1960 року),

Мельнікова Валерія Станіславовича, 3.03.1967 року народження, уродженця м. Києва, українця, громадянина України, освіта середня-спеціальна, не одруженого, не працюючого, проживаючого за адресою: м. Київ, вул. Хорольська, № 8/4, кв. 92, раніше не судимого,

за п.п. «а», «г» ст. 93 КК України (1960 року), ч. 3 ст. 142 КК України (1960 року), ч. 2 ст. 141 КК України 1960 року, ч. 1 ст. 123 КК України (1960 року), ч. 1 ст. 263 КК України (2001 року), ст. 353 КК України (2001 року),

Нестерова Юрія Петровича, 15.07.1970 року народження, уродженця м. Києва, українця, громадянина України, освіта середня-технічна, не одруженого, працюючого старшим менеджером ТОВ «Автопромсервіс», проживаючого за адресою: м. Київ, вул. Хорольська, № 10, кв. 115, раніше не судимого на території України,

за ч. 3 ст. 142 КК України (1960 року), ч. 2 ст. 141 КК України (1960 року), ч. 1 ст. 123 КК України (1960 року), ст. 353 КК України (2001 року),

Кеппеля Павла Анатолійовича, 18.07.1969 року народження, уродженця м. Києва, українця, громадянина України, освіта середня, одруженого, не працюючого, проживаючого за адресою: м. Київ, вул. Жукова, № 51, кв. 73, раніше судимого:

2.04.1986 року вироком Дніпровського районного суду м. Києва за ч. 3 ст. 81, ст. 17, ч. 3 ст. 140, ч. 2 ст. 140, 42 КК України на п'ять років позбавлення волі з конфіскацією всього належного йому майна, 18.02.1989 року за ухвалою Бережанського районного суду Тернопільської області звільнений від відбування покарання умовно-достроково на один рік дев'ять місяців 21 день на підставі ст. 53 КК України (1960 року);

17.07.1990 року вироком Броварського районного суду Київської області за ч. 2 ст. 141, 43 КК України на п'ять років дев'ять місяців позбавлення волі з конфіскацією всього належного йому майна. Звільнився з місць позбавлення волі 5.05.1995 року після відбуття строку покарання,

за ч. 1 ст. 123 КК України (1960 року), ст. 353 КК України (2001 року),

Онушка Олександра Юрійовича,
20.09.1972 року народження, уродженця м. Києва, українця, громадянина України, освіта неповна середня, не одруженого, не працюючого, не судимого в силу ст. 89 КК України,

за ч. 3 ст. 142 КК України (1960 року), ч. 2 ст. 141 КК України (1960 року), ст. 353 КК України (2001 року),

Голеницького Геннадія Валерійовича,
20.03.1971 року народження, уродженця м. Києва, українця, громадянина України, освіта середня технічна, не одруженого, працюючого комерційним директором ПП «КАВ ІМПОРТ», проживаючого за адресою: м. Київ, вул. Лохвицька, № 60/1, раніше не судимого,

за ч. 2 ст. 141 КК України (1960 року), ст. 353 КК України (2001 року), -

На підставі викладеного та керуючись ст. ст. 323, 324 КПК України суд,

з а с у д и в :

Визнати винним **Мельнікова Валерія Станіславовича** у вчиненні злочинів, передбачених п. п. «а», «г» ст. 93 КК України (в редакції від 6.03.1992 року), ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року), ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року), ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року), ч. 1 ст. 263 КК України (2001 року), за ч. ч. 3, 4, 5 ст. 27, ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) і призначити йому покарання:

по п. п. «а», «г» ст. 93 КК України (в редакції від 6.03.1992 року) – 15 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) – 1 рік виправних робіт в місцях, що визначаються органами, які видають застосуванням виправних робіт, але в районі проживання засудженого, з утриманням 20% заробітку засудженого в дохід держави;

за ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року) – 4 роки позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року) – 10 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ч. 1 ст. 263 КК України (2001 року) – три роки позбавлення волі;

за ч. ч. 3, 4, 5 ст. 27, ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) – арешт строком на 6 місяців.

На підставі ст. 49 та ч. 5 ст. 74 КК України (2001 року) звільнити Мельнікова В.С. від покарання за ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року), за ч. 1 ст. 263 КК України, за ч. ч. 3, 4, 5 ст. 27, ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) у зв'язку із закінченням строків давності.

На підставі ст. 42 КК України (1960 року) призначити Мельнікову В.С. остаточне покарання за сукупністю злочинів шляхом поглинення менш суворого покарання більш суворим у виді 15 (п'ятнадцяти) років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого.

Строк відбуття покарання Мельнікову В.С. рахувати з 21 травня 2010 року.

До вступу вироку у законну силу обрати Мельнікову В.С. запобіжний захід у виді тримання під вартою в Київському СІЗО № 13 УДДУ з ПВП в м. Києві та Київській області.

Визнати винним **Михайленка Леоніда Анатолійовича** у вчиненні злочинів, передбачених ч. ч. 4, 6 ст. 19, п. п. «а», «г» ст. 93 КК України (в редакції від 6.03.1992 року) за ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року) та за ч. 3 ст. 166 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) і призначити йому покарання:

за ч. ч. 4, 6 ст. 19, п. п. «а», «г» ст. 93 КК України (в редакції від 6.03.1992 року) – 8 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого.

за ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року) – 6 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ч. 3 ст. 166 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) – п'ять років позбавлення волі з позбавленням права займати посади в правоохоронних органах строком на три роки.

На підставі ст. 49 та ч. 4 ст. 74 КК України (2001 року) звільнити Михайленка Л.А. від покарання за ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року) та за ч. 3 ст. 166 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) у зв'язку із закінченням строків давності.

Призначити Михайленку Л.А. до відбування покарання – 8 (вісім) позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого.

На підставі ст. 54 КК України позбавити Михайленку Л.А. спеціального звання старший лейтенант міліції.

Строк відбуття покарання Михайленку Л.А. рахувати з 24 березня 2006 року, зарахувавши до строку покарання попереднє ув'язнення.

Запобіжний захід Михайленку Л.А. – тримання під вартою в Київському СІЗО № 13 УДДУ з ПВП в м. Києві та Київській області залишити без змін.

Визнати винним **Нестерова Юрія Петровича** у вчиненні злочинів, передбачених ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року), ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року), ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року) та ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) і призначити йому покарання:

за ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) – 2 роки виправних робіт за місцем роботи, з утриманням 20% заробітку засудженого в дохід держави;

за ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року) – 4 роки позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року) – 6 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) – один рік обмеження волі.

На підставі ст. 49 та ч. 5 ст. 74 КК України (2001 року) звільнити Нестерова Ю.П. від покарання за ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) у зв'язку із закінченням строків давності.

На підставі ст. 42 КК України (1960 року) призначити Нестерову Ю.П. остаточне покарання за сукупністю злочинів шляхом поглинення менш суворого покарання більш суворим у виді 6 (шести) років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого.

Строк відбуття покарання Нестерову Ю.П. рахувати з 21 травня 2010 року.

Запобіжний захід підсудному Нестерову Ю.П. – підписку про невиїзд змінити на утримання під вартою у ВЗДС Служби Безпеки України.

Визнати винним **Онушка Олександра Юрійовича** у вчиненні злочинів, передбачених ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року), ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року), ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) і призначити йому покарання:

за ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року) – 5 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ч. 3 ст. 142 КК України (в редакції від 17.06.1992 року – 6 років 6 місяців позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) – один рік обмеження волі.

На підставі ст. 49 та ч. 5 ст. 74 КК України (2001 року) звільнити **Онушка Ю.П.** від покарання за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) у зв'язку із закінченням строків давності.

На підставі ст. 42 КК України (1960 року) призначити **Онушку О.Ю.** остаточне покарання за сукупністю злочинів шляхом поглинення менш суворого покарання більш суворим у виді 6 років 6 місяців (шести років шести місяців) позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого.

Строк відбуття покарання **Онушку О.Ю.** рахувати з 17 травня 2005 року, зарахувавши до строку покарання попереднє ув'язнення.

Запобіжний захід **Онушку О.Ю.** – тримання під вартою в Київському СІЗО № 13 УДДУ з ПВП в м. Києві та Київській області залишити без змін.

Визнати винним **Кеппеля Павла Анатолійовича** у вчиненні злочинів, передбачених ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року), ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) і призначити йому за цими статтями покарання:

за ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) – 2 роки виправних робіт в місцях, що визначаються органами, які видають застосуванням виправних робіт, але в районі проживання засудженого, з утриманням 20% заробітку засудженого в дохід держави;

за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) – 1 рік обмеження волі.

На підставі ст. 49 та ч. 5 ст. 74 КК України (2001 року) звільнити **Кеппеля П.А.** від покарання за ч. 1 ст. 123 КК України

(в редакції від 12.01.1983 року) та ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) у зв'язку із закінченням строків давності.

Визнати винним Голеницького Геннадія Валерійовича у вчиненні злочинів, передбачених ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року), ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) і призначити йому покарання:

за ч. 2 ст. 141 КК України (в редакції від 26.01.1993 року) – 5 років позбавлення волі з конфіскацією всього майна, яке є особистою власністю засудженого;

за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) – один рік обмеження волі.

На підставі ст. 49 та ч. 5 ст. 74 КК України (2001 року) звільнити Голеницького Г.В. від покарання за ч. 1 ст. 123 КК України (в редакції від 12.01.1983 року) та за ст. 353 КК України (в редакції від 11.07.2003 року) у зв'язку із закінченням строків давності.

Запобіжний захід Голеницькому Г.В. - підписку про невиїзд залишити без змін.

Цивільний позов потерпілого Цапенка М.І. на суму 150 гривень залишити без розгляду.

Майно, описане для забезпечення цивільного позову і можливої конфіскації майна: 63 долари 59 центів США, ланцюжок і сережка з білого металу, годинник «Seiko», які належать Михайленку Л.А., (т. 4, а.с. 417-420) звернути на користь держави в рахунок конфіскації майна; мобільний телефон «Nokia 6100» (т. 10, а.с. 137) - повернути Голеницькому Г.В.

Речові докази: радіостанцію «Махон» моделі 27-LP(т. 3, а.с. 155-156, 175-176) залишити у камері схову речових доказів Генеральної прокуратури України;

автомобіль «Ford Sierra», державний номер 926-54 KB (т. 4, а.с. 144-146) залишити Климчику В.О.;

музичний центр «Sony HST-D 107» № 3302799 і дві акустичні системи до нього «SS-A-107» №№ 5142507, 5142508 (т. 5, а.с. 187-188) та документи на телефон-факс «Panasonic» моделей КХ-Ф 65, КХ-Ф 50, КХ-Ф 50В і лазерний принтер «Hewlett Packard C2007A» (т. 13, а.с. 33-34) передати потерпілій Кривохижі В.В.;

автомобіль «АЗЛК-2141» державний реєстраційний номер М0384 КІ (т. 7, а.с.119-123) залишити Нестерову П.В.;

сліди пальців рук (т. 12, а.с. 410) і квитанції автостоянки (т. 19, а.с. 18-21) залишити в матеріалах кримінальної справи;

кулі і гільзи, вилучені з місця пригоди в с. Шасливному і з колеса автомобіля Цапенка М.І. (т. 12, а.с.410, т. 19. а.с.80) залишити в кулегільзотехні ДНДЕКЦ МВС України.

Стягнути з Мельникова В.С., Михайленка Л.А., Нестерова Ю.П. і Онушка О.Ю. судові витрати за проведення експертиз:

1) в сумі по 22 гривні 64 копійки з кожного на користь КНДІСЕ р/р 31255272210579 ГУ ДКУ м. Києва МФО 820019 код ЗКПО 02883096 «За проведення експертизи»;

2) в сумі по 108 гривень 92 копійки на користь НДЕКЦ при ГУМВС України в м. Києві р/р 35221100105031 в УДК у Київській області, МФО 821018 код 25575285, примітка «За проведення експертизи та дослідження».

Вирок Апеляційного суду м. Києва може бути оскаржений в касаційному порядку до Верховного Суду України протягом одного місяця з моменту проголошення вироку, а засуджені, які перебувають під вартою в той же строк з моменту вручення їм копії вироку.

Головуючий
Суддя
Народні засідателі

Начало суда над бандой. Сентябрь 2005 года.

Сентябрь 2005 года.

Сентябрь 2005 года.

Слева направо: подсудимые Гаркушин А., Рожнятовский Р., далее родители убитого Селиверстова Е.

Фото Селиверстова Е. в руках у отца.

Приговор банде. Февраль 2012 года.

Встать! Суд идет. Февраль 2012 года.

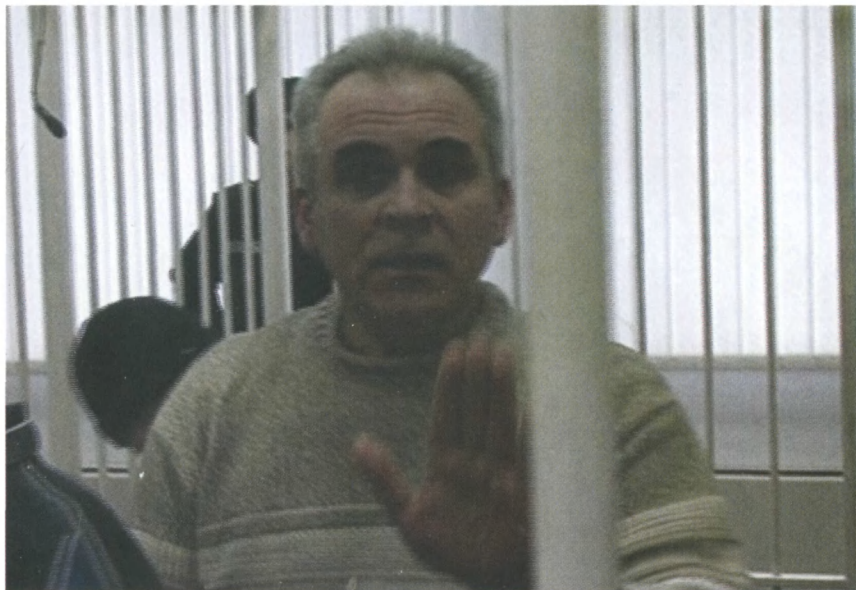
Февраль 2012 года.

Февраль 2012 года.

Февраль 2012 года.

Осужденный Гайдай В.

Осужденный Лысенко В.

Осужденный Мельников В.

Осужденный Кеппель П.

Осужденные Рожнятовский Р., Гаркушин А.

Осужденный Мочарный А.

Февраль 2012 года.

Осужденный Нестеров Ю.

АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ СУД ГОРОДА КИЕВА

Дело № 1-1/12

П Р И Г О В О Р **И М Е Н Е М У К Р А И Н Ы**

25 января 2012 года коллегия судей Судебной палаты по уголовным делам Апелляционного суда города Киева в составе:

- председательствующего судьи — Д з ю б и н а В. В.
- судьи — Б а р т а щ у к Л. В.
- народных заседателей — Р ы н д ы ч Л. В.,
В о л о ш и н о й Н. А.,
Д а ц е н к о В. А.
- при секретаре — Д о в г а н ю к е А. В.
- участием прокуроров — Ф е д ю к а Ю. П.,
К р а в ц а В. А.,
Е л ф и м о в а И. П.,
Л у б и н а А. А.
- защитников — Б о я р о в а В. И., Серги С. Ф.,
Н е с т е р е н к о А. С.,
Г а л и ч а А. Н., Д а н ю к а А. Н.,
Х о п т и н ц а А. Б.,
Г о р щ а р у к а В. В.,
Д о в ж и к а Д. В., Б о ж о к А. А.,
М у з ы к и С. Н.,
К а л е н ю к а Д. А.,
В о л о ш и н а В. Н., П у к а л о Р. Б.,
П и к у л ы к а А. Ф.,
Р о с л и к а Н. А., Д я д ю к а Е. Н.,
М у р з ы А. О., П а н а Н. Н.,

Малыша С. М.,
Комаровской О. В.,
Барашкова К. И., Бойко Е. А.,
Корсуна В. И.,
Желудкова В. В.,
Грицюка В. В.,
Балацкого В. В.,
Балахнова А. В., Самбур М. М.,
Грищенко С. Н.,
Нестеровой Т. И.,
Хамлова В. В.,
Коваленко В. А.,
Маловичко И. В., —

рассмотрев в закрытом судебном заседании в городе Киеве уголовное дело по обвинению:

Гончарова Игоря Игоревича, 27 мая 1959 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, с высшим образованием, бывшего сотрудника органов внутренних дел Украины, имевшего специальное звание подполковник милиции, приказом № 66 л/с ГУ МВД Украины в Киевской области от 27.05.1998 г., уволенного из органов внутренних дел на основании ст. 64 п. «б» Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Украины (по болезни), не работавшего, несудимого, проживавшего по адресу: город Киев, улица Жмаченко, 8, квартира № 77, умершего 1.08.2003 г., —

в совершении преступлений, предусмотренных статьями 69; пунктами «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93; частью 4 статьи 19, частью 2 статьи 123; частью 2 статьи 140; частью 4 статьи 19, частью 2 статьи 142; частью 2 статьи 142; частью 4 статьи 19, частью 3 статьи 166; частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, а также — частью 3 статьи 185; частью 4 статьи 189; статьей 257; частью 1 статьи 263; статьей 353; частью 3 статьи 27, частью 2 статьи 29, статьей 353; частью 3 статьи 27, частью 2 статьи 29, частью 2 статьи 365 УК Украины 2001 года (посмертно);

Гайдая Василия Петровича, 24 ноября 1962 г. рождения, уроженца города Андрушевка, Житомирской области, украинца, гражданина Украины, с высшим образованием, бывшего сотрудника органов внутренних дел Украины, имеющего специальное звание подполковник милиции, приказом № 277 ГУ

МВД Украины в городе Киеве от 14.05.2002 г., уволенного из органов внутренних дел на основании ст. 64 п. «е» Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Украины (за нарушение дисциплины), несудимого, проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, улица Бережанская, 12, квартира № 113, –

в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69; пунктами «г», «ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142, частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, а также – частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257, частью 1 статьи 364, частью 2 статьи 365 УК Украины 2001 года;

Свердлова Олега Александровича, 28 марта 1962 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, со средним образованием, не работавшего, в силу ст. 55 УК Украины 1960 г. несудимого, зарегистрированного в городе Киеве по улице Новодарницкой, 28/9, квартира № 7, проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, бульвар Шевченко, 38, квартира №121, –

в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69; пунктами «г», «ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, а также – частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257, статьей 353 УК Украины 2001 года;

Мельникова Валерия Станиславовича, 3 марта 1967 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, со средним специальным образованием, не работавшего, судимого: 21.05.2010 г. Апелляционным судом города Киева с учетом изменений, внесенных определением Судебной палаты по уголовным делам Верховного Суда Украины от 19.04.2011 г., по ст. ст. 93 п. п. «а», «г»; 141 ч. 2, 142 ч. 3, 42 УК Украины 1960 г. на пятнадцать лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его личной собственностью; проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, улица Хорольская, 8/4, квартира № 92, –

в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69; пунктами «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, а также – частью 4 статьи 189, статьей 257, частью 1 статьи 263, статьей 353 УК Украины 2001 года;

Нестерова Юрия Петровича, 15 июля 1970 г. рождения, уроженца города Киева, русского, гражданина Украины, со средним специальным образованием, работавшего менеджером в ООО «Автопромсервис», судимого: 21.05.2010 г. Апелляционным судом города Киева с учетом изменений, внесенных определением Судебной палаты по уголовным делам Верховного Суда Украины от 19.04.2011 г., по ст. ст. 141 ч. 2, 142 ч. 3, 69, 42 УК Украины 1960 г. на четыре года лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его личной собственностью; проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, улица Хорольская, 10, квартира № 115, — **в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69; пунктами «г», «е», ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 140; частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, а также — частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257, частью 1 статьи 263 УК Украины 2001 года;**

Кеппеля Павла Анатольевича, 18 июля 1969 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, со средним образованием, не работавшего, судимого: 1/. 4.04.1986 г. Днепропетровским районным судом города Киева по ст. ст. 81 ч. 3, 140 ч. 2, 17 ч. 2, 140 ч. 3, 42 УК Украины 1960 г. на пять лет лишения свободы с конфискацией имущества, по определению Бережанского районного суда Тернопольской области на основании ст. 53 УК Украины 1960 г. освобожденного 18.02.1989 г. из мест лишения свободы условно-досрочно на 1 год 9 месяцев 21 день; 2/. 17.07.1990 г. Броварским районным судом Киевской области по ст. ст. 141 ч. 2, 43 УК Украины 1960 г. на пять лет девять месяцев лишения свободы с конфискацией имущества, освобожденного из мест лишения свободы 5.05.1995 г. по отбытии срока наказания, проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, улица Жукова, 51, квартира № 73, —

в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 142, статьей 69; пунктами «г», «ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, а также — частью 4 статьи 189, статьей 257, частью 1 статьи 263, частью 1 статьи 309, статьей 353 УК Украины 2001 года;

Лысенко Владимира Васильевича, 5 августа 1956 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, с высшим образованием, бывшего сотрудника органов внутренних дел Украины, специальное звание подполковник милиции, приказом № 0012 л/с МВД Украины от 25.04.2002 г.,

уволенного из органов внутренних дел на основании ст. 65 п. «б» Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Украины (по болезни), несудимого, проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, улица Днепровская Набережная, 5-б, квартира № 133, —

в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69; пунктами «е», «ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 142, частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, а также — частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257 УК Украины 2001 года;

Кисилевича Сергея Васильевича, 4 июня 1971 г. рождения, уроженца села Старые Прилуки, Липовецкого района, Винницкой области, украинца, гражданина Украины, со средним специальным образованием, бывшего сотрудника органов внутренних дел Украины, специальное звание старший лейтенант милиции, приказом № 0042 л/с ГУ МВД Украины в Киевской области от 24.07.2002 г., уволенного из органов внутренних дел на основании ст. 64 п. «ж» Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Украины (по собственному желанию), несудимого, проживавшего до заключения под стражу по адресу: город Киев, проспект 50-летия Октября, 9-б, квартира № 58, —

в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69; пунктами «ж», «з», «і» статьи 93; частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142, частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, а также — частью 4 статьи 189, статьей 257 УК Украины 2001 года;

Дубового Владислава Ивановича, 25 августа 1967 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, с неполным высшим образованием, не работавшего, несудимого, зарегистрированного в городе Киеве по улице Жолудева, 1-а, квартира № 54, проживающего по адресу: город Киев, улица Жукова, 35/24, квартира № 114, —

в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 142 УК Украины 1960 года, а также — частью 1 статьи 309 УК Украины 2001 года;

Навроцкого Юрия Станиславовича, 14 ноября 1970 г. рождения, уроженца в\ч Шурузякский, Ворошиловского района, Сырдарьинской области, украинца, гражданина Украины, с неполным высшим образованием, бывшего сотрудника органов внутренних дел Украины, специальное звание капитан ми-

лиции, приказом № 482 л/с МВД Украины от 8.12.2000 г., уволенного из органов внутренних дел на основании ст. 64 п. «ж» Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел Украины (по собственному желанию), работающего представителем Киевского филиала ООО ВЦ «Золотой скиф» города Одессы, несудимого, зарегистрированного Киевская область, пгт Иванков, улица Шевченко, 5, проживающего по адресу: Киевская область, пгт Ворзель, улица Коминтерна, 1-а, квартира № 1, —

в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 166 УК Украины 1960 года, а также — частью 3 статьи 185, частью 1 статьи 364, частью 1 статьи 396 УК Украины 2001 года;

Гаркушина Александра Анатольевича, 6 октября 1975 г. рождения, уроженца пгт Макаров, Киевской области, украинца, гражданина Украины, со средним образованием, бывшего сотрудника внутренних дел Украины, специальное звание сержант милиции, приказом № 19 л/с ГУ МВД Украины в Киевской области от 21.02.1997 г., уволенного из органов внутренних дел на основании ст. 63 п. «е» Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел (за нарушение дисциплины), работающего неофициально, несудимого, проживающего по адресу: Киевская область, пгт Макаров, переулок Почтовый, 7, —

в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 123, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года;

Рожнятовского Руслана Брониславовича, 15 апреля 1976 г. рождения, уроженца пгт Макаров, Киевской области, украинца, гражданина Украины, со средним образованием, работающего неофициально, инвалида III группы, несудимого, проживающего по адресу: Киевская область, пгт Макаров, улица Заводская, 20, —

в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 123, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года;

Мочарного Анатолия Васильевича, 15 апреля 1956 г. рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина Украины, со средним специальным образованием, не работающего, несудимого, проживавшего по адресу: город Киев, улица Машинистовская, 2, —

в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 189 УК Украины 2001 года, —

У С Т А Н О В И Л А :

В период времени с сентября 1997 года по май 2002 года подсудимые Гончаров И. И., Гайдай В. П., Свердлов О. А., Мельников В. С., Нестеров Ю. П., Кеппель П. А., Лысенко В. В., Кисилевич С. В., Дубовой В. И., Навроцкий Ю. С., Гаркушин А. А., Рожнятовский Р. Б. и Мочарный А. В., находясь на территории города Киева и Киевской области, совершили ряд умышленных преступлений различной степени тяжести, а именно: организацию вооруженной банды, участие в ней и совершение в составе таковой нападений на отдельных лиц, умышленных убийств лиц, подвергшихся нападениям, при отягчающих обстоятельствах, а также разбои, кражи и вымогательства чужого имущества, превышение власти и злоупотребление служебным положением, самовольное присвоение властных полномочий и звания служебного лица, укрывательство преступления, незаконное приобретение оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, незаконное приобретение и хранение наркотических средств без цели сбыта.

Таким образом, вина Гончарова И. И., подсудимых Гайдая В. П., Свердлова О. А., Мельникова В. С., Нестерова Ю. П., Кеппеля П. А., Лысенко В. В., Кисилевича С. В., Дубового В. И., Навроцкого Ю. С., Гаркушина А. А., Рожнятовского Р. Б. и Мочарного А. В. в совершении преступлений при обстоятельствах, установленных судом и изложенных в настоящем приговоре, — доказана полностью.

Таких нарушений, которые бы существенно повлияли на полноту, правильность и объективность проведения досудебного следствия по данному уголовному делу, в стадии судебного его рассмотрения — не установлено.

При этом доказательства, которые положены судом в основу настоящего приговора, коллегия судей считает относимыми, допустимыми и достаточными для установления объективной истины по делу, принятия по нему законного и обоснованного решения.

Давая юридическую оценку всем преступным действиям подсудимых, учитывая комплекс приведенных доказательств, в соответствии с правилами квалификации преступлений, коллегия судей приходит к таким выводам.

Таким образом, умерший Гончаров Игорь Игоревич:

- своими умышленными действиями, выразившимися в организации вооруженной банды с целью нападения на отдель-

ных лиц, а так же участия в такой банде, в период со середины сентября 1997 года по 31 августа 2001 года, и совершенных ею нападениях, совершил бандитизм, **то есть преступление, предусмотренное статьей 69 УК Украины 1960 года;**

своими умышленными действиями, выразившимися в приобретении огнестрельного оружия, боевых припасов к нему и взрывного устройства без предусмотренного законом разрешения, **совершил преступления, предусмотренные частью 1 статьи 263 УК Украины 2001 года;**

своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в превышениях власти и служебных полномочий, то есть умышленном совершении должностным лицом действий, которые явно выходили за пределы предоставленных ему законом прав и полномочий, причинивших существенный вред государственным и общественным интересам, охраняемым законом правам и интересам отдельных физических лиц, которые сопровождалась насилием, применением оружия и мучительными для потерпевших действиями, и повлекли тяжкие последствия, **совершил преступления, предусмотренные частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года;**

- своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в тайных похищениях индивидуального имущества граждан (кражах), которые причинили значительный вред потерпевшим, совершенных по предварительному сговору группой лиц, повторно, **совершил преступления, предусмотренные частью 2 статьи 140 УК Украины 1960 года;**

своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в требованиях передачи чужого имущества под угрозой насилия над потерпевшими (вымогательствах), совершенных повторно, под угрозой убийства, организованной группой, причинивших имущественный вред в крупных размерах, **совершил преступления, предусмотренные частью 4 статьи 189 УК Украины 2001 года;**

своими умышленными действиями, выразившимися в организации нападения с целью завладения индивидуальным имуществом граждан, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергшегося нападению (разбоя), совершенного по предварительному сговору группой лиц, лицом, которое ранее совершило бандитизм, **совершил преступление, предусмотренное частью 4 статьи 19 и частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года;**

- своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в самовольных присвоениях властных полномочий

и звания служебного лица, соединенных с совершением указанных общественно опасных деяний, **совершил преступления, предусмотренные статьей 353 УК Украины 2001 года;**

своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в нападениях с целью завладения индивидуальным имуществом граждан, соединенных с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья лиц, подвергшихся нападениям (разбоях), совершенных по предварительному сговору группой лиц, лицом, которое ранее совершило разбой с целью завладения индивидуальным имуществом граждан и бандитизм, **совершил преступления, предусмотренные частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года;**

- своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в тайных похищениях чужого имущества (кражах), совершенных повторно, по предварительному сговору группой лиц, соединенных с проникновением в жилище, причинивших значительный вред потерпевшим, **совершил преступления, предусмотренные частью 3 статьи 185 УК Украины 2001 года;**

- своими умышленными действиями в составе банды, выразившимися в умышленных убийствах двух лиц, совершенных с особой жестокостью, с целью скрыть другие преступления, лицом, которое ранее совершило умышленные убийства, по предварительному сговору группой лиц, **совершил преступления, предусмотренные пунктами «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины 1960 года;**

- своими умышленными действиями, выразившимися в участии в вооруженной банде, организованной им с целью нападения на отдельных лиц, в период с 1 сентября 2001 года по май – июнь 2002 года, совершил бандитизм, **то есть преступление, предусмотренное статьей 257 УК Украины 2001 года.**

При этом из обвинения Гончарова И. И. по части 1 статьи 263 УК Украины 2001 года подлежат **исключению** такие квалифицирующие признаки, как **хранение** и **ношение** огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывных устройств, поскольку таковые являются составными элементами бандитизма и дополнительной квалификации по указанному уголовному закону – не требуют.

Как усматривается из уведомления Киевского следственного изолятора за № 20332, датированного 4.08.2003 года, 1 августа 2003 года в больнице скорой медицинской помощи умер заключенный Гончаров Игорь Игоревич.

/т. 54 л. д. 327/

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 323, 324 УПК Украины, коллегия судей, —

П Р И Г О В О Р И Л А :

Гайдаю Василия Петровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69, пунктами «г», «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142, частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189 и статьей 257 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по статье 69 УК Украины 1960 года — в виде пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по части 2 статьи 140 УК Украины 1960 года — в виде пяти лет лишения свободы;

по части 2 статьи 142 УК Украины 1960 года — в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 3 статьи 166 УК Украины 1960 года — в виде десяти лет лишения свободы с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года, и с лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по пунктам «г», «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины — в виде пожизненного лишения свободы с лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по части 3 статьи 185 УК Украины 2001 года — в виде шести лет лишения свободы;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года — в виде двенадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по статье 257 УК Украины 2001 года — в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и лишением его специального звания «подполковник милиции».

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить **Гайдаю Василию Петровичу** окончательное наказание по совокупности преступлений путем поглощения менее строгих наказаний более строгим — в виде пожизненного лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, с

лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года, и с лишением его специального звания «подполковник милиции».

Срок отбытия наказания Гайдаю В. П. исчислять с 21 мая 2002 года.

Свердлова Олега Александровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69, пунктами «г», «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257, статьей 353 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по статье 69 УК Украины 1960 года – в виде четырнадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 2 статьи 140 УК Украины 1960 года – в виде пяти лет лишения свободы;

по части 2 статьи 142 УК Украины 1960 – в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по пунктам «г», «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины 1960 года – в виде пятнадцати лет лишения свободы;

по части 3 статьи 185 УК Украины 2001 года – в виде шести лет лишения свободы;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года – в виде двенадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по статье 353 УК Украины 2001 года – в виде трех лет ограничения свободы;

по статье 257 УК Украины 2001 года – в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Свердлова О. А. от наказания по ст. 353 УК Украины 2001 года, в связи с окончанием сроков давности.

На основании статьи 42 УК Украины 1960 года, назначить Свердлову Олегу Александровичу окончательное наказание по совокупности преступлений путем поглощения менее строгих наказаний более строгим – в виде пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

Срок отбытия наказания Свердлову О. А. осчислять с 27 апреля 2002 года, момента его фактического задержания.

Мельникова Валерия Станиславовича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьёй 69, пунктами «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, частью 4 статьи 189, статьёй 257, частью 1 статьи 263, статьёй 353 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по статье 69 УК Украины 1960 года – в виде пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 2 статьи 140 УК Украины 1960 года – в виде пяти лет лишения свободы;

по части 2 статьи 142 УК Украины 1960 года – в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по пунктам «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины 1960 года – в виде пожизненного лишения свободы;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года – в виде двенадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 1 статьи 263 УК Украины 2001 года – в виде пяти лет лишения свободы;

по ст. 353 УК Украины 2001 года – в виде трех лет ограничения свободы;

по ст. 257 УК Украины 2001 года – в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Мельникова В. С. от наказания по ч. 1 ст. 263, ст. 353 УК Украины 2001 года, в связи с окончанием сроков давности.

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить Мельникову В. С. наказание по совокупности преступлений путем поглощения менее строгих наказаний более строгим – в виде пожизненного лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 71 УК Украины 2001 года, назначить Мельникову Валерию Станиславовичу окончательное наказание по совокупности приговоров путем поглощения менее строгого наказания более строгим – в виде пожизненного лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

Срок отбытия наказания Мельникову В. С. исчислять с 26 июня 2002 года.

Нестерова Юрия Петровича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69, пунктами «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по статье 69 УК Украины 1960 года – в виде девяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 2 статьи 140 УК Украины 1960 года – в виде трех лет лишения свободы;

по части 2 статьи 142 УК Украины 1960 года – в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по пунктам «г», «е», «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины 1960 года – в виде десяти лет лишения свободы;

по части 3 статьи 185 УК Украины 2001 года – в виде четырех лет лишения свободы;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года – в виде восьми лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по статье 257 УК Украины 2001 года – в виде пяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить Нестерову Ю. П. наказание по совокупности преступлений путем поглощения менее строгих наказаний более строгим – в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 71 УК Украины 2001 года, назначить Нестерову Юрию Петровичу окончательное наказание по совокупности приговоров путем частичного сложения наказаний – в виде десяти лет шести месяцев лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

Срок отбытия наказания Нестерову Ю. П. исчислять с 19 августа 2009 года.

Кеппеля Павла Анатольевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 142, статьей 69, пунктами «г», «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года, частью 4 статьи 189, статьей 257, частью 1 статьи 263, частью 1 статьи 309, статьей 353 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по части 3 статьи 142 УК Украины 1960 года — в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по статье 69 УК Украины 1960 года — в виде тринадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 2 статьи 140 УК Украины 1960 года — в виде четырех лет лишения свободы;

по части 2 статьи 142 УК Украины 1960 года — в виде восьми лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по пунктам «Г», «Ж», «З», «І» статьи 93 УК Украины 1960 года — в виде четырнадцати лет лишения свободы;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года — в виде одиннадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 1 статьи 263 УК Украины 2001 года — в виде пяти лет лишения свободы;

по статье 353 УК Украины 2001 года — в виде трех лет ограничения свободы;

по части 1 статьи 309 УК Украины 2001 года — в виде трех лет лишения свободы;

по статье 257 УК Украины 2001 года — в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Кеппеля П. А. от наказания по ч. 1 ст. 263, ч. 1 ст. 309, ст. 353 УК Украины 2001 года, в связи с окончанием сроков давности.

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить Кеппелю Павлу Анатольевичу окончательное наказание по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний — в виде пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

Срок отбытия наказания Кеппелю П. А. исчислять с 16 мая 2002 года.

Лысенко Владимира Васильевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69, пунктами «е», «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 142, частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, частью 3 статьи 185, частью 4 статьи 189, статьей 257 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по статье 69 УК Украины 1960 года – в виде тринадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по части 2 статьи 142 УК Укарины 1960 года – в виде девяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 3 статьи 166 УК Украины 1960 года – в виде десяти лет лишения свободы с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года, и с лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по пунктам «е», «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины 1960 года – в виде четырнадцати лет лишения свободы с лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по части 3 статьи 185 УК Украины 2001 года – в виде пяти лет лишения свободы;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года – в виде двенадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и с лишением его специального звания «подполковник милиции»;

по статье 257 УК Украины 2001 года – в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и лишением его специального звания «подполковник милиции».

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить Лысенко Владимиру Васильевичу окончательное наказание по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний – в виде пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года, и с лишением его специального звания «подполковник милиции».

Срок отбытия наказания Лысенко В. В. исчислять с 28 мая 2002 года, момента фактического его задержания.

Кисилевича Сергея Васильевича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьей 69, пунктами «ж», «з», «і» статьи 93, частью 2 статьи 140, частью 2 статьи 142, частью 3 статьи 166 УК Украины 1960 года, частью 4 статьи 189, статьей 257 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по статье 69 УК Украины 1960 года – в виде девяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являюще-

гося его собственностью, с лишением его специального звания «старший лейтенант милиции»;

по пунктам «ж», «з», «і» статьи 93 УК Украины 1960 года – в виде десяти лет лишения свободы с лишением его специального звания «старший лейтенант милиции»;

по части 2 статьи 140 УК Украины 1960 года в виде пяти лет лишения свободы;

по части 2 статьи 142 УК Украины 1960 года – в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 3 статьи 166 УК Украины 1960 года – в виде восьми лет лишения свободы с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года, и с лишением его специального звания «старший лейтенант милиции»;

по части 4 статьи 189 УК Украины 2001 года в виде восьми лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и с лишением его специального звания «старший лейтенант милиции»;

по статье 257 УК Украины 2001 года – в виде семи лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, и с лишением его специального звания «старший лейтенант милиции».

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить Кисилевичу Сергею Васильевичу окончательное наказание по совокупности преступлений путем поглощения менее строгих наказаний более строгим – в виде десяти лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью, с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года, и с лишением его специального звания «старший лейтенант милиции».

Срок отбытия наказания Кисилевичу С. В. исчислять с 29 июля 2002 года.

Дубового Владислава Ивановича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 142 УК Украины 1960 года, частью 1 статьи 309 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по части 3 статьи 142 УК Украины 1960 года – в виде восьми лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью;

по части 1 статьи 309 УК Украины 2001 года – в виде трех лет лишения свободы.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Дубового В. И. от наказания по ч. 1 ст. 309 УК Украины 2001 года, в связи с окончанием сроков давности.

Срок отбытия Дубовым В. И. наказания по части 3 статьи 142 УК Украины 1960 года исчислять с 13 августа 2002 года, момента фактического его задержания.

По состоянию на день провозглашения приговора, с учетом срока содержания под стражей: с 13 августа 2002 года до 13 августа 2010 года включительно, считать Дубового Владислава Ивановича полностью отбывшим назначенное ему основное наказание в виде восьми лет лишения свободы.

Навроцкого Юрия Станиславовича признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 166 УК Украины 1960 года, частью 3 статьи 185, частью 1 статьи 364, частью 1 статьи 396 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание:

по части 1 статьи 166 УК Украины 1960 года – в виде трех лет лишения свободы с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года;

по части 3 статьи 185 УК Украины 2001 года – в виде четырех лет лишения свободы;

по части 1 статьи 364 УК Украины 2001 года – в виде двух лет ограничения свободы с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года;

по части 1 статьи 396 УК Украины 2001 года – в виде трех лет лишения свободы.

На основании ст. 42 УК Украины 1960 года, назначить Навроцкому Юрию Станиславовичу окончательное наказание по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний – в виде пяти лет лишения свободы с лишением его права занимать должности, связанные с выполнением полномочий представителя власти, сроком на три года.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Навроцкого Юрия Станиславовича от наказания, назначенного ему по ч. 1 ст. 166 УК Украины 1960 года, ч. 3 ст. 185, ч. 1 ст. 364 и ч. 1 ст. 396 УК Украины 2001 года, в том числе по совокупности данных преступлений, в связи с окончанием сроков давности.

Гаркушина Александра Анатольевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи

142 УК Украины 1960 года и назначить ему наказание — в виде шести лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Гаркушина Александра Анатольевича от наказания по ч. 2 ст. 142 УК Украины 1960 года, в связи с окончанием сроков давности.

Рожнятовского Руслана Брониславовича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 142 УК Украины 1960 года и назначить ему наказание — в виде шести лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, являющегося его собственностью.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Рожнятовского Руслана Брониславовича от наказания по ч. 2 ст. 142 УК Украины 1960 года, в связи с окончанием сроков давности.

Мочарного Анатолия Васильевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 189 УК Украины 2001 года и назначить ему наказание — в виде шести лет лишения свободы.

На основании ст. 49, ч. 5 ст. 74 УК Украины 2001 года, освободить Мочарного Анатолия Васильевича от наказания по ч. 2 ст. 189 УК Украины 2001 года, в связи с окончанием сроков давности.

В порядке разрешения гражданских исков в настоящем уголовном деле:

Взыскать солидарно с Гаркушина Александра Анатольевича и Рожнятовского Руслана Брониславовича в пользу Рамзы Штефана Яновича в возмещение причиненного преступлением материального вреда — 7 000 (семь тысяч) гривен.

Взыскать солидарно с Гаркушина Александра Анатольевича и Рожнятовского Руслана Брониславовича в пользу Пукало Андреаса Збигневича в возмещение причиненного преступлением материального вреда 256 120 (двести пятьдесят шесть тысяч сто двадцать) гривен.

Взыскать солидарно с Гайдая Василия Петровича, Свердлова Олега Александровича, Нестерова Юрия Петровича, Кеппеля Павла Анатольевича и Кисилевича Сергея Васильевича в пользу Виттмайер (Мосийчук) Светланы Алексеевны в возмещение причиненного преступлением морального вреда — 100 000 (сто тысяч) гривен.

Взыскать солидарно с Гайдая Василия Петровича, Свердлова Олега Александровича, Мельникова Валерия Станиславовича

ча, Нестерова Юрия Петровича, Кеппеля Павла Анатольевича и Лысенко Владимира Васильевича в пользу Селеверстова Валентина Дмитриевича в возмещение причиненного преступлением морального вреда – 50 000 (пятьдесят тысяч) гривен.

Взыскать солидарно с Гайдая Василия Петровича, Свердлова Олега Александровича, Мельникова Валерия Станиславовича, Нестерова Юрия Петровича, Кеппеля Павла Анатольевича и Лысенко Владимира Васильевича в пользу Селеверстовой Ольги Георгиевны в возмещение причиненного преступлением морального вреда – 50 000 (пятьдесят тысяч) гривен.

Взыскать солидарно с Кеппеля Павла Анатольевича и Дубового Владислава Ивановича в пользу Коваленко Александра Николаевича в возмещение причиненного преступлением материального вреда – 47 875 (сорок семь тысяч восемьсот семьдесят пять) гривен 01 копейку.

Иск Титовой Елены Анатольевны в интересах Титовой Екатерины Евгеньевны о возмещении причиненного преступлением материального и морального вреда на общую сумму 250 000 долларов США – оставить без рассмотрения.

Меру пресечения Гайдаю В. П., Свердлову О. А., Мельникову В. С., Нестерову Ю. П., Кеппелю П. А., Лысенко В. В. и Кисилевичу С. В. до вступления приговора в законную силу оставить без изменений – содержание под стражей.

Меру пресечения Дубовому В. И., Навроцкому Ю. С., Гаркушину А. А., Рожнятовскому Р. Б. и Мочарному А. В. до вступления приговора в законную силу оставить без изменений – подписку о невыезде с постоянного места жительства.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в коллегия судей Судебной палаты по уголовным делам Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел в течение одного месяца с момента его провозглашения, а осужденными Гайдаем В. П., Свердловым О. А., Мельниковым В. С., Нестеровым Ю. П., Кеппелем П. А., Лысенко В. В. и Кисилевичем С. В. – в тот же срок с момента вручения им копии приговора.

С У Д Ь И :

В. Д з ю б и н

Л. Б а р т а щ у к

Л. Р ы н д ы ч

Н. В о л о ш и н а

В. Д а ц е н к о

Оглавление

Предисловие. 3

Часть 1. Тетрогоа Времена

Глава 1.	11
Глава 2.	15
Глава 3.	22
Глава 4.	29
Глава 5.	38
Глава 6.	41
Глава 7.	44
Глава 8.	51
Глава 9.	62
Глава 10.	65
Глава 11.	70
Глава 12.	73
Глава 13.	79
Глава 14.	82
Глава 15.	85
Глава 16.	97
Глава 17.	104
Глава 18.	109
Глава 19.	113
Глава 20.	117
Глава 21.	120
Глава 22.	126
Глава 23.	131
Глава 24.	136
Глава 25.	140
Глава 26.	144
Глава 27.	152
Глава 28.	154

Глава 29.....	159
Глава 30.....	163
Глава 31.....	169
Глава 32.....	170
Глава 33.....	172
Глава 34.....	179
Глава 35.....	188
Глава 36.....	199
Глава 37.....	208
Глава 38.....	218
Глава 39.....	226
Глава 40.....	233
Глава 41.....	235
Глава 42.....	238
Глава 43.....	242
Глава 44.....	250
Глава 45.....	254
Глава 46.....	257
Глава 47.....	263
Глава 48.....	267
Глава 49.....	277
Глава 50.....	282
Глава 51.....	285
Глава 52.....	290
Глава 53.....	301
Глава 54.....	310

Часть 2. Могес Нравы

Глава 1.....	319
Глава 2.....	322
Глава 3.....	330
Глава 4.....	339
Глава 5.....	346
Глава 6.....	348

Глава 7.....	351
Глава 8.....	355
Глава 9.....	357
Глава 10.....	366
Глава 11.....	369
Глава 12.....	374
Глава 13.....	394
Глава 14.....	399
Глава 15.....	489
Глава 16.....	495
Глава 17.....	501
Глава 18.....	504

Часть 3. О Tempora, О Mores! О Времена, О Нравы!

Глава 1.....	511
Глава 2.....	519
Глава 3.....	523
Глава 4.....	529
Глава 5.....	533
Глава 6.....	536
Глава 7.....	547
Глава 8.....	555
Глава 9.....	566
Глава 10.....	571
Глава 11.....	613
Глава 12.....	618
Глава 13.....	621
Глава 14.....	625
Глава 15.....	631
Глава 16.....	637
Глава 17.....	645
Глава 18.....	657

Глава 19.....	666
Глава 20.....	671
Послесловие.....	677
Приложение.....	683

Літературно-художнє видання

ГЕРАСИМОВ Віктор Петрович

«...МЫ БЫЛИ ПЕРСТОМ БОЖЬИМ»

Вся правда о ликвидации киевской милицейской
банды, названной журналистами «банда Обратной»

Документальная повесть

(Російською мовою)

Дизайн: А. Билоконь

Обложка: А. Мустофаев

Лит. редактор: Е. Соколова

Домен: gerasimov-viktor.com

Підп. до друку 16.08.2012. Формат 60x84/16

Папір офсет. Гарн. 1251 Times. Друк офсет.

Ум. друк. арк. 47. Обл.-вид. арк. 47. Тираж 3000 пр.

Зам. № 150812

ПП «Золоті ворота»,
м. Київ, Повітрофлотський пр-кт, 94а.
Свідоцтво серія ДК №3313 від 12.11.2008

О повести, все по порядку.

Ну, во-первых, написал ее, не как это традиционно бывает, бывший прокурорский или милицкий следователь, а совсем еще недавний опер Управления по борьбе с организованной преступностью, который к тому же принимал непосредственное активное участие в ликвидации милицйской банды, что без всякого преувеличения делает эту повесть именно документальной. А это уже не только во-вторых, а еще и в-третьих. В-четвертых, сама эта ликвидация, а если быть до конца точным, следствие по делу банды, переплелось еще с одним, пожалуй, самым резонансным уголовным делом Украины - похищением журналиста Георгия Гонгадзе. И у автора есть не просто не совпадающая с официальной версия случившегося, автор предлагает своему читателю совершенно неожиданную интерпретацию всех произошедших тогда событий. Есть еще в этой документальной повести и в-пятых, и в-шестых, и в-седьмых...

В общем, без всякого преувеличения можно смело утверждать: скучно не будет.

«...МЫ БЫЛИ ПЕРСТОМ БОЖЬИМ»

Виктор Герасимов